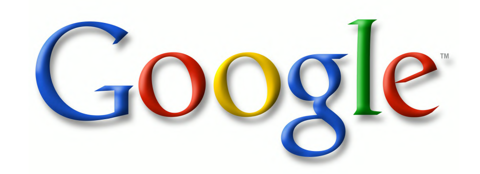

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ

УЧРЕЖДЕННЫХЪ

П. Н. ДЕМИДОВЫМЪ

НАГРАДЪ.

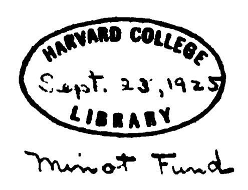
26 Мая 1856 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1856.

Издано по опредѣленію Академіи Наукъ.

4 Октября 1856 года.

За Непремѣннаго Секретаря

Академикъ *Веселовскій*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ОБЩІЙ ОТЧЕТЪ

О

ДВАДЦАТЬ ПЯТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ

ДЕМИДОВСКИХЪ НАГРАДЪ,

ЧИТАННЫЙ

ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

академикомъ **К. С. Веселовскимъ**,

26 мая 1856 года.

Въ нынѣшнемъ году исполнилось 25 лѣтъ тому учрежденію, которое, по щедрости благороднаго ревнителя наукъ, открыло новый источникъ поощренія на пространномъ поприщѣ народнаго образованія. Что это учрежденіе имѣло благотворное вліяніе на оживленіе полезныхъ трудовъ и на усовершенствованіе отечественной словесности, доставленіемъ пособія тѣмъ, которые посвящаютъ себя постояннымъ усиліямъ и скромной славѣ учености — въ этомъ кажется не можетъ быть сомнѣнія.

Со времени основанія многочисленныхъ и разнообразныхъ учебныхъ заведеній, преимущественно же университетовъ и другихъ высшихъ разсадниковъ воспитанія, образованность сдѣлала въ Россіи большіе успѣхи и очевидно пробудились любовь и стремленіе къ просвѣщенію; но самостоятельная обработка наукъ, откровенно сознаемся въ томъ, была у насъ вообще еще въ слабомъ развитіи. Какъ растеніе, перенесенное къ намъ съ чужой почвы, наука еще не успѣла пустить сильныхъ корней; воздѣлываніе ея оставалось удѣломъ лишь немногихъ воодушевленныхъ ея послѣдователей или избранныхъ ея жрецовъ, или же обращалось на тѣ ея отрасли, которыя непосред-

*

ственно могли доставлять удовлетвореніе самыхъ настоятельныхъ житейскихъ потребностей.

Порою, правда, въ числѣ произведеній умственной нашей дѣятельности являлись, какъ блестящіе метеоры, прекрасныя ученыя творенія; но большую часть такихъ произведеній все-таки составляли учебники и тому подобныя пособія, да и то, говоря вообще, весьма посредственные. Многія изъ отраслей наукъ были еще очень мало обработываемы, другія же и вовсе не обработывались. Въ особенности замѣтенъ былъ недостатокъ съ одной стороны въ надежныхъ руководствахъ, а съ другой въ основательныхъ и самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ по разнымъ отраслямъ наукъ. Къ подъятію такихъ трудовъ, неразлучныхъ съ отрѣченіемъ отъ многихъ земныхъ благъ, недоставало, вообще говоря, поощренія нравственнаго и пособія вещественнаго.

Надобно отдать справедливость, что со времени учрежденія Демидовскихъ наградъ замѣтно усилилось у насъ занятіе наукою: нашлись дѣлатели по всѣмъ отраслямъ ея, стали чаще появляться дѣльные самостоятельные труды, надежныя руководства и основательныя спеціальныя монографіи; а притомъ уже самое обстоятельство, что въ Положеніи о наградахъ ближе были опредѣлены тѣ отрасли знанія, которыя именно желалъ преимущественно поощрить учредитель, могло подстрекнуть инаго къ предпринятію того или другаго общеполезнаго труда, за который онъ, можетъ быть, и не взялся бы иначе; другихъ же однажды оказанное поощреніе ободряло съ усугубленными усиліями продолжать избранныя изслѣдованія; наконецъ присоединилась и новая пружина: благородное соревнованіе, — и все это не могло не обратиться въ пользу отечественной науки: Демидовское учрежденіе, какъ живительная роса, освѣжила жаждавшую ниву Русской ученой литературы и вызвало изъ нѣдръ ея вожделѣнные плоды.

Но если оно дало новый порывъ, новое благодѣтельное направленіе умственной дѣятельности нашего отечества, то съ

другой стороны можетъ, если не въ полной мѣрѣ, то отчасти, служить и ея мѣриломъ. Въ силу Положенія о наградахъ, на судъ Академіи должны были стекаться, за исключеніемъ нѣкоторыхъ изъятыхъ отъ права на состязаніе, почти всѣ лучшія произведенія нашей ученой литературы. И подлинно, просматривая рядъ отчетовъ ея за минувшее двадцатипятилѣтіе, находимъ, что въ нихъ собранъ почти весь цвѣтъ умственныхъ произведеній нашего отечества. Тутъ съ самаго почти учрежденія красуются творенія самостоятельныя, запечатлѣнныя истинною любовью къ наукѣ, являются имена, пріобрѣвшія съ тѣхъ поръ всеобщую извѣстность. Естественно, что въ этомъ ряду явленій особенно преобладаетъ все отечественное, какъ ближайшая цѣль, которую имѣлъ въ виду учредитель наградъ; а именно отечественная исторія съ ея сопредѣльными вѣтвями, теорія отечественнаго слова, отечественная лингвистика, путешествія по разнымъ странамъ Россіи, Русская флора и фауна; но рядомъ съ этими явленіями мы видимъ также и по другимъ отраслямъ знанія такія произведенія, которыя сдѣлали бы честь и всякой другой литературѣ.

Укажемъ еще на одну, хотя постороннюю, но тѣмъ не менѣе также существенную заслугу, оказанную Демидовскимъ учрежденіемъ. Необходимость — давать ежегодно публичный отчетъ о всѣхъ присужденіяхъ — породила сама собою много весьма дѣльныхъ и вполнѣ отчетливыхъ критикъ. Перебирая лѣтопись учрежденія, мы найдемъ въ числѣ ихъ иныя, которыя по истинѣ могутъ почесться въ своемъ родѣ образцовыми. Демидовское учрежденіе, вмѣстѣ съ развитіемъ у насъ научной литературы, послужило также къ развитію ученой критики.

Итакъ воздадимъ подобающую дань признательности памяти того доблестнаго вельможи-патріота, который возъимѣлъ благую мысль принять подъ свой призоръ юное древо отечественной науки, столько нуждавшееся въ подпорѣ. Академія же съ своей стороны съ истиннымъ удовольствіемъ воспоминаетъ,

что имѣла также свою долю участія въ этомъ общеполезномъ дѣлѣ.

Обращаемся къ отчету о присужденіи наградъ за нынѣшній годъ.

Къ сроку закрытія XXV конкурса, 1 ноября 1855 года, поступило въ Академію 29 соискательныхъ сочиненій. За исключеніемъ изъ нихъ тѣхъ, которыя взяты обратно сочинителями, и тѣхъ, которыя по разнымъ причинамъ отложены до слѣдующаго года, въ состязаніе по нынѣшнему конкурсу вошли 25 сочиненій; въ томъ числѣ

по Исторіи, Хронологіи и Археологіи	8
— Статистикѣ	3
— Юридическимъ наукамъ	2
— Географіи	1
— Математикѣ и Физикѣ	2
— Естествознанію	1
— Сельскому Хозяйству	2
— Медицинскимъ наукамъ	2
— Языкознанію и Филологіи	4
	25

Изъ нихъ печатныхъ книгъ 22, рукописей 3, — всѣ на русскомъ языкѣ.

Въ самой Академіи разсмотрѣно 16 сочиненій; остальныя 9—посторонними учеными, по выбору и приглашенію Академіи.

Къ присужденію полныхъ премій Академія на этотъ разъ не нашла побудительныхъ причинъ; второстепенными же преміями награждено 9 сочиненій, о содержаніи и достоинствѣ которыхъ, мы, по примѣру прежнихъ лѣтъ, представимъ въ настоящемъ отчетѣ краткій обзоръ, на основаніи подлинныхъ рецензій.

Сочиненія, удостоенныя премій, принадлежатъ къ разнымъ отраслямъ наукъ; но, весьма естественно, большая часть ихъ относится къ познанію Россіи съ тѣхъ различныхъ точекъ зрѣнія, которыя составляютъ удѣлъ раз-

породныхъ наукъ. Такимъ образомъ Академія можетъ считать себя счастливою, что предоставленныя въ ея распоряженіе средства поощренія даютъ ей возможность увѣнчать на нынѣшній разъ преимущественно сочиненія, содѣйствующія къ ближайшему познанію дорогаго для всѣхъ насъ отечества, какъ въ его настоящемъ, такъ и въ историческихъ его судьбахъ.

Изъ удостоенныхъ преміями трудовъ, три относятся болѣе или менѣе къ отечественной исторіи.

I.

О времени происхожденія Славянскихъ письменъ. Сочиненіе О. Бодянскаго.

Въ числѣ замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ отечественной науки, профессоръ О. М. Бодянскій, корреспондентъ нашей Академіи, извѣстенъ всякому, слѣдящему за ходомъ литературы, столько же обширными знаніями, сколько и любовію къ дѣлу и ревностію къ пользѣ общей. Довольно вспомнить Чтенія Московскаго Общества Древностей, имъ изданныя. Эта обширная библіотека, необходимая для всякаго, изучающаго Россію и Славянство, запечатлѣна вся его мыслію и трудомъ. Такія изданія рѣдки въ самыхъ богатыхъ литературахъ; тѣмъ болѣе дорожить ими должны мы, будучи богаты болѣе надеждами и предположеніями, чѣмъ ихъ исполненіемъ. — Новый трудъ г. Бодянскаго есть новое свидѣтельство его начитанности и трудолюбія.

Академикъ Срезневскій, которому было поручаемо разсмотрѣніе этого сочиненія, изложивъ въ подробности ученыя его достоинства, между прочимъ говоритъ: «Въ началѣ второй половины IX столѣтія, какъ извѣстно, Константинъ Философъ, уроженецъ Солуни, что въ Македоніи, въ монашествѣ принявшій имя Кирилла, избравъ для себя поприще проповѣдыванія вѣры Христовой у Славянъ, на ихъ родномъ языкѣ, и принявъ поэтому на себя обязанность перевести и написать по Славянски всѣ необходимыя церковныя книги, напалъ

на счастливую мысль примѣнить къ Славянскому языку азбуку Греческую, увеличивъ ее нѣсколькими особенными знаками и, сколько можемъ судить по оставшимся древнѣйшимъ даннымъ, умѣлъ примѣнить эту мысль къ дѣлу очень успѣшно. Не тогда въ первый разъ явилась грамотность у Славянъ; не одной Кирилловской грамотой пользовались Славяне и ранѣе и позже IX вѣка; тѣмъ не менѣе изобрѣтеніе Константина Философа осталось важнѣйшимъ изъ фактовъ этого рода въ исторіи первоначальнаго просвѣщенія Славянскихъ народовъ; вотъ почему г. Бодянскій на этомъ изобрѣтеніи сосредоточилъ всѣ свои соображенія при разборѣ вопроса «о времени изобрѣтенія Славянскихъ письменъ». Есть указаніе, очень важное по древности, что Константинъ Философъ изобрѣлъ свою Славянскую азбуку въ 855 году. Это указаніе навело мысль ученыхъ на возможность праздновать тысячелѣтіе Славянской азбуки въ одинъ годъ со столѣтіемъ Московскаго Университета, — и придала на-время особенную важность вопросу, и безъ того любопытному. Отвѣчать на этотъ вопросъ въ Москвѣ и для Москвы было всего ближе г. Бодянскому, какъ профессору Славянской филологіи въ Московскомъ Университетѣ, — и онъ не отказался воспользоваться этимъ случайнымъ поводомъ приняться за трудъ общеполезный. Разработка данныхъ привела г. Бодянскаго не къ такому выводу, который былъ бы кстати на ту пору, не позволила ему пріурочить изобрѣтеніе Константина Философа къ 855 году; такимъ образомъ возможность отпраздновать въ прошедшемъ году въ Москвѣ двойной юбилей была утрачена. Но въ этомъ, конечно, можетъ всякій утѣшиться, взглянувъ потомъ на совѣстливый и обширный трудъ нашего ученаго и принявъ въ расчетъ его важность среди явленій нашей современной литературы. Разсматривая книгу г. Бодянскаго легко можно убѣдиться, что авторъ сводилъ свои соображенія не съ желаніемъ угодить временной прихоти, не жалѣлъ труда и времени, и, можетъ быть, не безъ внутренней скорби самъ разставшись

съ мыслію соединить въ одно два торжества, равно дорогія сердцу Русскаго, искалъ себѣ успокоенія въ совѣстливомъ пересмотрѣ всего, что и его самого и другихъ могло убѣдить въ томъ, что ему представлялось какъ истина.

Такъ случайный поводъ далъ Русской историко-критической литературѣ сочиненіе, вовсе не случайно замѣчательное и въ своемъ родѣ принадлежащее въ ней къ числу очень немногихъ.

Что касается самого вопроса, который предложилъ себѣ авторъ, то рецензентъ, сообщивъ, какъ разысканія г. Бодянскаго привели его къ тому выводу, что изобрѣтеніе Кирилла должно быть отнесено не къ 855, а къ 862 году, замѣчаетъ: «Точно ли при такомъ выводѣ и должна остаться исторія Славянской письменности, это мы можемъ оставить пока въ сторонѣ; но изслѣдованія г. Бодянскаго тѣмъ не менѣе должны были быть очень обширны, разнообразны и, по самому положенію автора, вполнѣ самостоятельны».

Эти разысканія, какъ видно изъ рецензіи г. Срезневскаго, представляли не мало трудностей: надлежало не только сличить между собою извѣстія многоразличныхъ источникокъ о жизни и дѣятельности Константина Философа и его брата Меѳодія, но еще принять въ разсчетъ множество стороннихъ показаній, взвѣсить и ихъ достовѣрность, войти въ разборъ сказаній о многихъ событіяхъ, по видимому вовсе не относящихся къ дѣлу;—и все это было тѣмъ необходимѣе, чѣмъ болѣе въ настоящемъ случаѣ требовалось пріурочить тотъ или другой фактъ жизни Константина Философа или Меѳодія къ опредѣленному году. Такимъ образомъ г. Бодянскій долженъ былъ большую половину своей книги посвятить обозрѣнію и критическому разбору всѣхъ показаній, прямо или стороною относящихся къ дѣлу. Очень естественно, что такое направленіе разработки дѣла не могло не дать книгѣ автора обширность, можно сказать неожиданную, а вмѣстѣ съ тѣмъ и значеніе не только частное, по отношенію къ году изобрѣтенія азбуки, но и болѣе

общее, по отношенію ко многимъ другимъ предметамъ древностей Славянскихъ. И это значеніе книги г. **Боданскаго**, даже совершенно независимо отъ успѣха рѣшенія главной задачи, ставитъ ее въ рядъ произведеній, необходимыхъ для всякаго, кто занимается древними судьбами Славянской образованности. Она есть плодъ труда самостоятельнаго, совершеннаго ученымъ нетолько близко знакомымъ со всѣми источниками и пособіями, но и старавшимся обогатить науку открытіемъ и разъясненіемъ новыхъ, неизвѣстныхъ источниковъ.

II.

Другой трудъ, увѣнчанный преміею и имѣющій отношеніе къ Русской Исторіи, есть историко-критическое изысканіе г. **Ундольскаго**:

О временникѣ Георгія Амартола въ отношеніи къ Несторовой Лѣтописи. (Рукопись).

Разсматривавшій это сочиненіе Академикъ **Куникъ**, въ своемъ разборѣ слѣдующимъ образомъ указываетъ на важность предположенной авторомъ задачи:

«Происхожденіе и развитіе исторіографіи у разныхъ европейскихъ народовъ принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ предметовъ исторической науки; но этотъ предметъ донынѣ почти вездѣ обработанъ еще неудовлетворительно. Причина тому, въ сущности, состоитъ въ томъ, что историческою критикою слишкомъ поздо стали заниматься, какъ отдѣльною, самостоятельною наукой, и вслѣдствіе того мало приготовлено сочиненій, предварительно необходимыхъ и составляющихъ самое прочное основаніе исторической критики, т. е. обстоятельныхъ монографій о важнѣйшихъ источникахъ. Въ нашей исторической литературѣ плодотворные труды для объясненія русскаго лѣтописанія вызваны были, какъ извѣстно, скептицизмомъ, и первое въ этомъ родѣ изслѣдованіе, извѣстное сочиненіе М. П. **Погодина** о Несторѣ, справедливо было увѣнчано въ 1840 году полною преміей. Съ тѣхъ поръ крити-

ческія изысканія объ источникахъ у насъ уже не рѣдкость, хотя полная исторія русскаго лѣтописанія до Петра Великаго, можетъ быть, еще долго будетъ лишь предметомъ желаній. Разборъ и оцѣнка источниковъ порознь донынѣ остаются самою настоятельною потребностью, потому что безъ этого русская исторія никогда не достигнетъ истиннаго значенія науки.

Въ числѣ спеціальныхъ критическихъ трудовъ, необходимыхъ для исторіи русскаго лѣтописанія, первое мѣсто естественно занимаетъ вопросъ о вліяніи византійскихъ историковъ на русскихъ лѣтописцевъ. Россія получила изъ Византіи, вмѣстѣ съ христіанствомъ, и первыя стихіи литературнаго образованія. Могло быть, и даже очень вѣроятно, что первые начатки нашего лѣтописанія возникли въ Кіевѣ еще въ IX вѣкѣ, вслѣдъ за первымъ крещеніемъ Руссовъ, — въ видѣ краткихъ замѣтокъ о туземныхъ событіяхъ; но та литературная форма, въ которой дошла до насъ первая русская лѣтопись, безъ сомнѣнія составилась подъ вліяніемъ образца византійскаго. Въ чемъ же именно состояло это вліяніе? Еще до возстановленія въ 1803 году историко-филологическаго отдѣленія въ нашей Академіи, иностранные ученые замѣтили, что въ Несторовой лѣтописи есть нѣкоторое сходство съ неизданною византійскою лѣтописью Георгія Амартола. Въ самой Россіи этотъ взглядъ впервые высказанъ былъ покойнымъ Академикомъ Кругомъ въ 1806 году. Но тогда думали, что Георгій Амартолъ, и именно мѣста, внесенныя изъ него въ русскую лѣтопись, переведены были самимъ Несторомъ. Вскорѣ однакожъ этотъ взглядъ оказался ошибочнымъ. По разысканію П. М. Строева, обнаружилось, что Несторъ имѣлъ подъ рукою церковно-славянскій (или болгарскій) переводъ Георгія Амартола, а впослѣдствіи открылось еще, что Несторъ пользовался переводомъ не только самаго Амартола, но и его неизвѣстнаго продолжателя.

Между тѣмъ оказалось, что прежде нежели приступлено будетъ къ изданію Георгія Амартола полезно и даже почти необходимо рѣшить нѣкоторые историко-литературные

вопросы о личности Георгія Амартола и объ отношеніи его хронографіи, вмѣстѣ съ славянскимъ ея переводомъ, къ другимъ подобнымъ хроникамъ. Въ послѣдніе годы считали почти за достовѣрное, что хронографъ Георгій, о которомъ говорится здѣсь, является въ литературѣ подъ разными наименованіями, именно 1) подъ именемъ Γεώργιος μοναχὸς, по церковно-славянскому переводу «Георгій мнихъ», 2) Γεώργιος ἁμαρτωλὸς (peccator), въ церковно-славянскомъ переводѣ «Георгій грѣшный». Нетолько византисты слили этого Георгія монаха съ Георгіемъ Амартоломъ, но и между славянскими учеными считалось чуть ли не навсегда рѣшеннымъ дѣломъ, что церковно-славянскій переводъ такъ называемаго Георгія мниха или грѣшнаго дошелъ до насъ въ двухъ редакціяхъ, именно въ болгарской и въ сербской. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, эта догадка не можетъ выдержать критики и если она преобладала до сихъ поръ, то только потому, что не нашлось еще никого, кто принялъ бы на себя трудъ доказать, на основаніи положительныхъ свидѣтельствъ, какимъ образомъ возникла въ ученомъ мірѣ эта догадка и какъ необходимо, не только для славянской, но и для византійской исторіи, ближе прояснить такія темныя и безотчетныя мнѣнія. За этотъ-то трудъ взялся г. Ундольскій, бывшій питомецъ Московской Духовной Академіи, который своими отдѣльными трудами пріобрѣлъ въ послѣднія 12 лѣтъ славу страстнаго любителя и основательнаго знатока церковно-славянской литературы. Въ своихъ поискахъ для пріобрѣтенія церковно-славянскихъ рукописей и для удовлетворенія своей любознательности, онъ обращалъ особенное вниманіе на церковно-славянскіе хронографы, или переведенные съ греческаго, или выбранные изъ греческихъ источниковъ по отрывкамъ, — родъ исторической литературы, которому долго не знали настоящей цѣны.

Въ первомъ томѣ своихъ изслѣдованій о церковно-славянскихъ хронографахъ г. Ундольскій предпринялъ изслѣдовать Временникъ Георгія Амартола въ отношеніи къ лѣтописи Нестора, при чемъ возникло нѣсколько частныхъ историко-литератур-

ныхъ вопросовъ. Важнѣйшіе пункты въ ходѣ этого специальнаго изслѣдованія г. Куникъ выставляетъ въ слѣдующемъ видѣ:

Доселѣ считалось несомнѣннымъ, что на греческомъ языкѣ и въ славянскихъ переводахъ, существуютъ двѣ редакціи хроники Георгія Амартола. Между тѣмъ, обращаясь къ разсмотрѣнію церковно-славянскихъ переводовъ, нельзя не убѣдиться, что обѣ редакціи переведены на два разныя нарѣчія, — на болгарско-церковно-славянскій и на сербско-церковно-славянскій языкъ. Вопреки этимъ и другимъ отличіямъ, не переставали приписывать обѣ редакціи одному и тому же Георгію Амартолу; но именно эти отличія такъ называемыхъ славянскихъ редакцій Амартоловой хроники въ сербскомъ и болгарскомъ переводахъ заставили г. Ундольскаго внимательнѣе изслѣдовать составъ этихъ редакцій и рѣшить положительнѣе, дѣйствительно ли на греческомъ и въ переводахъ церковно-славянскихъ были двѣ разныя редакціи одной и той же Амартоловой хроники, или же, на перекоръ общему мнѣнію, было два разныхъ писателя, одинаковыхъ только по имени? — На сей конецъ г. Ундольскій съ свойственною ему энергіею принялся собирать: а) мнѣнія ученыхъ разныхъ странъ и временъ объ Амартолѣ и его хроникѣ, б) описанія греческихъ кодексовъ Амартола и в) самыя извлеченія изъ Амартола, напечатанныя разными учеными при сочиненіяхъ и изданіяхъ, и наконецъ г) мѣста греческаго текста Георгія Амартола, еще неизданныя у московскихъ и петербургскихъ ученыхъ, имѣвшихъ возможность пріобрѣсть болѣе или менѣе значительныя выписки изъ подлинника Амартола.

По тщательномъ сличеніи между собою всѣхъ этихъ матеріаловъ, г. Ундольскій удостовѣрился въ томъ, что не одинъ, а *двое* было разныхъ лѣтописателей греческихъ подъ именемъ Георгія, которыхъ хроники встрѣчаются и отдѣльно безъ продолжателей. Въ славянскихъ переводахъ, болгарскомъ и сербскомъ, содержится не одна и та же Амартолова хроника, но только въ первомъ, т. е. въ болгарскомъ; въ сербскомъ же со-

держится лѣтовникъ такъ называемаго Георгія инока. Сербскій лѣтовникъ Георгіевъ во многомъ несходенъ съ московскимъ синодальнымъ греческимъ кодексомъ, особенно во второй половинѣ; цѣлыя царствованія въ немъ иногда подробнѣе греческаго, а иногда на оборотъ. И такъ значитъ, вмѣсто двухъ редакцій подлинника Амартоловой хроники, у насъ имѣются два отдѣльные хрониста греческіе, продолженные по 948 годъ, но встрѣчающіеся въ подлинникѣ и отдѣльно.

Переходя къ оцѣнкѣ труда г. Ундольскаго, Академикъ Куникъ говоритъ между прочимъ, что сочиненіе это не есть какой нибудь сборникъ библіографическихъ свѣдѣній, а трудъ критическій. Правда, предметъ изслѣдованія разсматривается здѣсь преимущественно съ историко-литературной стороны; но съ этого именно и надобно было начать. То, чего хотѣлъ достигнуть авторъ, онъ выполнилъ совершенно удовлетворительно. Личность Георгія Амартола и его сочиненіе — такъ называемый Временникъ Георгія Грѣшнаго, послужившій первообразомъ Нестору, — нынѣ поставлены внѣ всѣхъ недоумѣній, такъ что отнынѣ уже нельзя болѣе смѣшивать хронику этого писателя съ подобными греческими и церковно-славянскими текстами, потому что сходство между ними отнюдь не простирается до тождества. Не такъ рѣшителенъ выводъ автора о лѣтовникѣ Георгія монаха и объ отношеніи его къ Временнику Георгія Амартола. Но, по самому свойству этого вопроса, окончательнаго его разрѣшенія и нельзя ожидать прежде обнародованія всѣхъ относящихся до сего текстовъ, какъ греческихъ, такъ и славянскихъ. Изъ разысканій автора мы достовѣрно узнаёмъ покуда, что въ Лѣтовникѣ и Временникѣ Георгіевъ намъ предлежатъ двѣ особенныя, хотя во многомъ сходныя, но въ цѣломъ самостоятельныя редакціи хронографіи отъ С. М. въ одномъ по 839, а въ другомъ по 867 годъ, и что обѣ редакціи, начиная отъ показанныхъ годовъ, были продолжаемы двумя разными лицами до 948 года, изъ коихъ одинъ на греческомъ языкѣ донынѣ еще не изданъ. Этимъ для

критики византійскихъ источниковъ открывается обширное поле, и нѣтъ сомнѣнія, что весь этотъ вопросъ прольётъ новый свѣтъ и на другіе византійскіе и славянскіе хронографы, состоящіе болѣе или менѣе въ связи съ Временникомъ Георгія Амартола, именно на важный вопросъ о Симеонѣ Логоѳетѣ.

«Послѣ всего сказаннаго, по мнѣнію Академика Куника, не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ сочиненіи г. Ундольскаго мы имѣемъ самостоятельное изслѣдованіе, выполненное вообще съ тщательностію на основаніяхъ ученой критики. Встрѣтить такой трудъ тѣмъ пріятнѣе, что въ немъ византійскія лѣтописи не только въ русской, но и во всей ученой литературѣ *впервые* подвергаются ученому разбору совокупно съ славянскими ихъ переводами и компиляціями. Академія давно признала важность и необходимость такихъ критическихъ сравненій и не разъ публично вызывала на подобные труды. И такъ мы поступимъ совершенно въ духѣ Демидовскаго учрежденія, если увѣнчаемъ сочиненіе, которое съ успѣхомъ прокладываетъ новый путь въ нашей ученой литературѣ».

Академія вполнѣ соглашаясь съ заключеніями Академика Куника, и въ надеждѣ поощрить автора къ дальнѣйшимъ трудамъ на избранномъ имъ поприщѣ, присудила г. Ундольскому половинную премію и вмѣстѣ съ тѣмъ назначила 400 руб. сер. на изданіе его рукописи.

III.

Третье сочиненіе, хотя не прямо историческое, но все основанное на историческихъ изслѣдованіяхъ, принадлежитъ г. Лакіеру:

Русская Геральдика, два тома.

Въ исторической литературѣ Западной Европы принято за доказанное, что геральдика была плодомъ, возникшимъ и созрѣвшимъ на почвѣ среднихъ вѣковъ, когда личная храбрость

и воодушевленіе двигали сердцами рыцарей и воспламеняя ихъ къ геройскимъ подвигамъ, искали себѣ проявленія извнѣ въ разныхъ эмблемахъ и символахъ.

Крестовые походы, сблизивъ рыцарство съ символическимъ востокомъ, а потомъ установленіе рыцарскихъ орденовъ и турнировъ, послужили къ развитію геральдики. Сначала гербы были, можетъ быть, только внѣшними знаками, принятыми для того, чтобы удобнѣе собирать подвижниковъ около рыцаря-крестоносца, и особенно необходимыми въ многочисленныхъ войскахъ, составленныхъ изъ самыхъ разнородныхъ стихій.

Въ послѣдствіи совершенный рыцаремъ *подвигъ* придавалъ гербамъ особый вѣсъ, а славолюбіе, столько свойственное рыцарству, заставляло сохранять ихъ.

Ученый геральдикъ XVI вѣка, Менетріе (Menestrier) въ своихъ сочиненіяхъ убѣдительно доказалъ, что объясненія начала и значенія гербовъ должно искать вовсе не въ печатяхъ, завѣщанныхъ древностью, и не въ знакахъ, изображавшихся на шлемахъ и щитахъ Грековъ и Римлянъ, а въ *подвигахъ* рыцарей среднихъ вѣковъ и въ обрядахъ, соблюдавшихся при турнирахъ. Исторія подвига находила себѣ вѣрнаго, хотя и не всегда и не для всѣхъ яснаго истолкователя въ гербѣ, котораго обстановка — шлемъ, наметъ, корона, щитъ, и т. д. — была сколкомъ съ рыцарскаго вооруженія во всей его полнотѣ. Плодотворная мысль, брошенная Менетріе, была разработана въ сочиненіяхъ геральдиковъ XVII и XVIII столѣтій, и съ тѣхъ поръ становится неумѣстнымъ всякій трудъ о гербахъ, неосвѣщенный историческою разработкою подвиговъ, стяжавшихъ лицу и его потомству право на извѣстныя отличія въ гербѣ.

Многія изъ основаній западной геральдики перешли и въ геральдику русскую: внѣшняя форма герба, его обстановка, аттрибуты остались тѣже самые. Но за всѣмъ тѣмъ не могли не присоединиться и нѣкоторыя самостоятельныя отличія, уже

потому, что и самое начало и образованіе русскаго дворянства было во всѣхъ отношеніяхъ отлично отъ дворянства Западной Европы, дворянства рыцарскаго.

Всѣ, прежде изданныя въ Россіи, сочиненія о геральдикѣ, коихъ число впрочемъ весьма ограниченно, крайне неполны, несовершенны и, не отличаясь самостоятельностью разработки, по видимому, даже не подозрѣвали возможности русской геральдики. Г-ну Лакіеру принадлежитъ честь перваго опыта систематическаго изложенія предмета.

Авторъ раздѣлилъ свой трудъ на двѣ части. Въ первой, бросивъ взглядъ на исторію гербовъ Западной Европы, онъ излагаетъ общія основанія русской геральдики, а также исторію герба государственнаго и городскихъ гербовъ; вторая же исключительно посвящена исторіи гербовъ частныхъ дворянскихъ фамилій.

Изъ донесенія рецензента, разбиравшаго эту книгу, Академика Устрялова, видно, что г. Лакіеръ не только употребилъ на обработку своего предмета большое тщаніе, но и умѣлъ придать ему много занимательности. Особенно любопытны и поучительны изслѣдованія его о происхожденіи гербовъ съ одной стороны изъ печатей, преимущественно княжескихъ, а съ другой изъ денегъ Великихъ и Удѣльныхъ Князей. Такимъ образомъ онъ доказываетъ, что исторіи Кіевскаго герба нельзя разъяснить безъ надлежащаго изученія печатей Кіевскихъ Великихъ Князей, носившихъ съ XII вѣка изображеніе Архистратига Михаила, или Московскаго всадника, не прошедши по монетамъ и печатямъ разныхъ видоизмѣненій того же самого первообраза, — портрета Великого Князя и Царя, поражающаго и наконецъ преодолѣвшаго враговъ своихъ въ видѣ дракона. Исторія печатей, какъ то подробнѣе развилъ авторъ, служитъ введеніемъ въ исторію гербовъ и равно необходима какъ для государственной, такъ и для частной дворянской геральдики.

Далѣе занимательны разысканія о Государственномъ гер-

бѣ, потому что въ видоизмѣненіяхъ, которымъ въ разныя времена подвергался символъ Русскаго царства — орелъ, и въ постепенномъ пріумноженіи разныхъ его аттрибутовъ наглядно отразилась вся исторія Россіи. Много любопытнаго представляетъ также исторія городскихъ гербовъ: она служитъ къ объясненію съ одной стороны эмблемъ въ нынѣ существующихъ гербахъ губерній, а съ другой—значенія гербовъ Княжескихъ фамилій Рюрикова потомства. Городскіе гербы получили окончательное свое образованіе при Петрѣ Великомъ, когда Государь, размѣстивъ сформированное имъ постоянное войско по губерніямъ, повелѣлъ дать каждому полку особое названіе и изобразить на знамени гербъ той провинціи, въ которой онъ былъ расположенъ.

Во второмъ томѣ, т. е. въ частной Геральдикѣ, авторъ сначала доказываетъ, что коренное Русское дворянство ни относительно къ древности, ни относительно къ благородству, ни сколько не уступаетъ дворянству Запада. Прибывшіе къ Славянамъ Варяго-Руссы были одного и того же происхожденія съ Норманами, отъ которыхъ ведутъ свое начало древнѣйшіе дворянскіе роды Западной Европы; но различіе состоитъ въ томъ, что они не поглотили собою туземныхъ родовъ, коихъ потомки несомнѣнно продолжаются и понынѣ. Съ образованіемъ Великокняжескаго двора произошла перемѣна: входившія въ составъ его лица—дворяне—раздѣлились на разряды разныхъ наименованій, смотря по мѣсту, занимаемому ими въ службѣ придворной, военной и гражданской. Въ меньшихъ размѣрахъ такой же дворъ, какъ у Великаго Князя Московскаго, былъ также у Удѣльныхъ Князей, у *меньшей братьи*, а въ послѣдствіи времени, когда удѣлы слились съ Москвою и сами Удѣльные Князья стали *служебными* князьями, служба естественно стала различаться *по Москвѣ* и *по городу*. Съ покореніемъ Казани, Астрахани, Сибири и пр., къ Московскому дворянству примкнули Цари, Царевичи и дворяне разнаго происхожденія. Кромѣ того къ благородному сословію причислены были выѣз-

жіе изъ разныхъ странъ Европы и Азіи дворяне, и какъ всѣ такіе роды были надѣлены своими правами и преимуществами, то уже изъ этого одного само собою объясняется, что должны были возникнуть разные споры о мѣстничествѣ. Уничтоженіемъ его положено первое основаніе Русскаго дворянства, какъ сословія: вмѣсто прежнихъ частныхъ разрядовъ заведена была въ Государственномъ Разрядѣ оффиціальная родословная книга, куда можно было вносить родъ не прежде, какъ по представленіи имъ надлежащихъ о его происхожденіи доказательствъ, въ числѣ каковыхъ находились и гербы.

Дальнѣйшій шагъ къ упроченію Русской Геральдики сдѣланъ былъ при Петрѣ Великомъ. Табелью о рангахъ 1722 года постановлено было, чтобы у каждаго дворянина былъ гербъ, и для повѣрки прежнихъ гербовъ, равно какъ и для дарованія новыхъ учреждена была Герольдія; ея исторіею оканчивается введеніе въ частную дворянскую Геральдику.

Кромѣ того во второмъ томѣ изложены правила для составленія гербовъ, объяснено значеніе городскихъ знаменъ, которыя въ разныхъ сочетаніяхъ составляютъ коренныя эмблемы для древнѣйшихъ Русскихъ гербовъ, гербовъ Княжескихъ фамилій Рюрикова потомства, и наконецъ помѣщено подробное исчисленіе дворянскихъ гербовъ, а въ поясненіе текста приданы 25 таблицъ съ изображеніемъ печатей и гербовъ.

IV.

Рядомъ съ исторіею, имѣющею дѣло съ временами давно прошедшими, является статистика, обращающаяся преимущественно къ современному быту государства. На нынѣшнемъ конкурсѣ она имѣла двухъ увѣнчанныхъ представителей: П. И. Небольсина и Я. А. Соловьева.

Никогда, можетъ быть, живѣе не была ощущаема важность истины, что торговля составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ рычаговъ благосостоянія государства, какъ въ наше время, когда торговля стремится принять болѣе и болѣе всемірное направленіе.

Всѣ, сколько нибудь значительныя, державы соревнуютъ между собою на этомъ поприщѣ, облегчая по возможности взаимныя свои сношенія, заводя новыя связи съ отдаленнѣйшими странами, прокладывая себѣ, иногда не безъ большихъ пожертвованій и усилій, новые пути для расширенія своей торговли. При такомъ направленіи экономическихъ идей въ Европѣ, Россія не можетъ оставаться чуждою этому общему стремленію, и потому все, что относится къ расширенію ея торговыхъ связей, заслуживаетъ особенное вниманіе.

Къ замѣчательнымъ предпріятіямъ этого рода принадлежитъ совершенное П. И. Небольсинымъ въ 1850 году, при содѣйствіи Географическаго Общества и одного ревностнаго Русскаго патріота, путешествіе на Оренбургскую линію съ цѣлію изучить на мѣстѣ торговыя отношенія Россіи къ пограничнымъ ей съ этой стороны народамъ. Плодомъ этой поѣздки были появившіеся въ X книжкѣ Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и представленные авторомъ къ нынѣшнему конкурсу:

Очерки торговли Россіи съ Средней Азіей. П. И. Небольсина.

Разборъ этого сочиненія былъ поручаемъ Академіею двумъ лицамъ: корреспонденту ея В. В. Григорьеву и члену Географическаго Общества Н. С. Щукину.

Первый изъ нихъ, проживающій уже четыре года въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ г. Небольсинъ производилъ свои разысканія, и хорошо знакомый съ тамошнимъ краемъ, составилъ весьма подробный и основательный разборъ, въ которомъ сначала указываетъ на недостаточность познаній о Средней Азіи вообще и въ особенности о ея торговлѣ, господствовавшую у насъ до самыхъ новѣйшихъ временъ. Еще за четверть вѣка назадъ русскій политико-экономистъ могъ почерпать свои свѣдѣнія объ этомъ предметѣ только изъ плохихъ статистическихъ учебниковъ о Россіи, фантастическихъ картъ Средней Азіи и «Россійскаго унтеръ-офицера Ефремова десятилѣтнихъ странствованій и приключеній въ Бухарѣ, Хивѣ» и т. д. Даже и въ За-

падной Европѣ о современномъ состояніи Центральной Азіи знали такъ немного, что знаменитый географъ, Мальтбренъ, говоря о Туранѣ, долженъ былъ ограничиться преимущественно извѣстіями Ибн-Хаукала изъ X-го и Марко-Поло изъ XIII-го столѣтія. — Въ послѣдніе годы однако этотъ мракъ, облекавшій собою Среднюю Азію, начинаетъ разсѣваться. Западно-Европейскія литературы, особенно Англійская, обогатились многими очень замѣчательными сочиненіями, какъ то: Эльфингстона, Фрезера, Коноллн, Борнса, Вуда, Муркрофта, Аббота, Гюгеля, Гюка и Гумбольдта, а Русская литература Сибирскимъ вѣстникомъ, сочиненіями Назарова, Муравьева, Тимковскаго, О. Іакинѳа, Левшина, Даля, Генса, Ханыкова, Базинера, Данилевскаго, Лемана и другихъ. — Такимъ образомъ, особенно въ послѣднее пятнадцатилѣтіе, мы довольно основательно ознакомились съ хозяйственнымъ положеніемъ и географіей сосѣднихъ съ нами частей Внутренней Азіи. Все это конечно не мало содѣйствовало также къ расширенію нашихъ свѣдѣній о торговлѣ Средней Азіи; но за всѣмъ тѣмъ подробности о дѣйствительномъ состояніи этой торговли, самыя основныя условія ея и причины этихъ условій, — безъ познанія которыхъ нельзя не только сдѣлать шага впередъ, но и произнести какое либо основательное сужденіе о предметѣ, — оставались, за исключеніемъ немногаго, мимоходомъ объясненнаго Мейендорфомъ, Борнсомъ, Генсомъ, Ханыковымъ, Данилевскимъ, Мельниковымъ, Г. П. Небольсинымъ, почти столь же неизвѣстными публикѣ, какъ и около 1820 годовъ. Сущность дѣла знали только самые его производители, торговцы Оренбургскіе, Троицкіе и Петропавловскіе, да прикащики Ростовскихъ и другихъ Великороссійскихъ купцовъ, принимавшихъ участіе въ торговлѣ. Чтобы воспользоваться этимъ капиталомъ, надлежало собрать его по-мелочи, на самомъ мѣстѣ производства торговыхъ оборотовъ, отъ множества разныхъ лицъ, не сообщительныхъ и по разсчету, и по натурѣ; провѣрить разсказы однихъ допросомъ другихъ и добы-

тый такимъ способомъ съ большими трудами, при помощи ухищреній и издержекъ, сырой матеріалъ съумѣть разсортировать и обработать приличнымъ образомъ. За этотъ трудъ взялся П. И. Небольсинъ. Въ 1850 году онъ объѣхалъ съ этою цѣлью всю Оренбургскую линію, пробылъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ Оренбургѣ и Троицкѣ, заглядывалъ въ Киргизскую степь, переспросилъ до 200 лицъ изъ Русскихъ, Татаръ, Киргизовъ, Хивинцевъ, Бухарцевъ, Коканцевъ, Афганцевъ и въ заключеніе посѣтилъ Астрахань. Плодомъ этой поѣздки явились, между прочимъ, «Очерки торговли Россіи съ Средней Азіей».

Объяснивъ всю трудность задачи, предположенной себѣ г. Небольсинымъ, рецензентъ разсматриваетъ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ и какимъ образомъ разрѣшена задача.

Г. Небольсинъ обнялъ въ своей книгѣ торговлю Россіи не со всею Среднею Азіею, а только съ тремя ея владѣніями: Бухарою, Коканомъ и Хивою; торговля же съ Китаемъ, не только Кяхтинская, но даже черезъ Чугучакъ и Кульджу, равно какъ и торговля съ Персіею, исключены изъ предѣловъ его изслѣдованія. Въ особомъ введеніи поставивъ читателя на ту точку зрѣнія, съ которой собственно слѣдуетъ смотрѣть на эти страны, и давши понятіе о средствахъ и отношеніяхъ тамошнихъ торговцевъ и о производителяхъ азіятской торговли съ нашей стороны, а равно указавъ причины нынѣшняго ея состоянія и будущія ея надежды, авторъ въ 1-мъ и 2-мъ отдѣлахъ своей книги разбираетъ обстоятельства, обусловливающія ходъ каравановъ изъ Бухары, Ташкента и Хивы на Оренбургскую линію и обратно. Оба эти отдѣла, по отзыву г. Григорьева, обработаны превосходно и на каждомъ шагу обогащаютъ читателя совершенно новыми, самимъ авторомъ собранными свѣдѣніями о предметахъ, существованія которыхъ люди, небывалые въ степи, даже и подозрѣвать не могутъ и которые между тѣмъ имѣютъ первостепенную важность въ описываемомъ дѣлѣ. Это, по мнѣнію рецензента, одна изъ лучшихъ ча-

стей труда г. Небольсина, въ которой онъ является совершеннымъ Колумбомъ караваннаго быта.

Дополнивъ свѣдѣнія автора нѣкоторыми дальнѣйшими подробностями, которыя не могли быть извѣстны ему, потому что возникли или были обнародованы уже по напечатаніи его книги, рецензентъ переходитъ къ прочимъ ея отдѣламъ, въ которыхъ излагаются караванные маршруты, порядокъ очищенія товаровъ пошлиною, пути и способы доставленія ихъ съ Линіи на Нижегородскую ярмарку, торговыя связи Средне-Азіятскихъ владѣній между собою и караванныя между ними сообщенія. Наибольшую важность рецензентъ придаетъ послѣднимъ двумъ отдѣламъ Очерковъ, т. е. осьмому и девятому, гдѣ разсматриваются статьи отпускной и привозной торговли Россіи съ Внутреннею Азіей. Каждая изъ этихъ статей объяснена во всѣхъ потребныхъ для дѣла подробностяхъ, какихъ видовъ и сортовъ отпускается и привозится товаръ, почемъ онъ продается въ Азіи и Россіи, гдѣ и какъ производится, въ какихъ мѣстахъ пріобрѣтается и въ какихъ расходится, почему именно тѣ или другіе сорты его обращаются въ торговлѣ, какими обстоятельствами опредѣляются тѣ или другія на него цѣны, наконецъ какое количество и на какую сумму получено и отпущено было каждаго рода товаровъ ежегодно въ теченіе десятилѣтія съ 1840 по 1850 годъ.

«Еслибы Очерки г. Небольсина, замѣчаетъ рецензентъ, не представляли ничего, кромѣ этихъ двухъ отдѣловъ, то и тогда это былъ бы трудъ превосходный, за который каждый статистикъ въ Европѣ и всякій, до кого тѣмъ или другимъ образомъ касаются дѣла Азіятской торговли, былъ бы обязанъ ему полною благодарностію. Такому основательному, отчетливому и въ особенности подробному изученію не была подвергнута у насъ ни одна изъ отраслей нашей торговой промышлености, а по той ея отрасли, которую предположилъ себѣ разъяснить г. Небольсинъ, не имѣлъ онъ, въ добавокъ къ прочимъ достоинствамъ его труда, ни одного предшественника.

По другимъ отдѣламъ «Очерковъ» большимъ пособіемъ служили ему рукописныя замѣтки покойнаго Генса: въ этихъ же двухъ является онъ изыскателемъ, собирателемъ и объяснителемъ совершенно самостоятельнымъ».

Съ другой стороны рецензентъ дѣлаетъ упрекъ г. Небольсину за то, что онъ, изучивъ свой предметъ столь основательно и изложивъ его съ такою полнотою и подробностью, упустилъ сдѣлать надлежащій общій выводъ изъ собранныхъ имъ данныхъ. Во второй половинѣ введенія онъ правда представилъ нѣсколько общихъ взглядовъ; но они не удовлетворительны, и какъ бы не довѣряя въ этомъ самому себѣ, онъ въ дополненіи сообщаетъ замѣчанія одного неизвѣстнаго автора о торговлѣ съ Бухарою, замѣчанія весьма дѣльныя, но уже устарѣвшія.

Въ заключеніе своей рецензіи г. Григорьевъ исчисляетъ важнѣйшіе результаты труда г. Небольсина. Изъ нихъ видно между прочимъ, что собственно не Россія ведетъ торгъ съ Внутреннею Азіею, а Внутренняя Азія съ Россіей, такъ какъ закупка и продажа товаровъ производятся почти исключительно Азіятскими торговцами; что это происходитъ не отъ недостатка капиталовъ и предпріимчивости у нашего купечества, а отъ препятствій, противополагаемыхъ торговлѣ Русскихъ и вообще христіанъ, въ Азіи общественнымъ неустройствомъ и еще болѣе правительствами Средне-Азіятскихъ владѣній; что относительно торговля Россіи съ Хивою и Коканомъ выгоднѣе, чѣмъ съ Бухарою; что въ Среднюю Азію отправляются издѣлія низкаго достоинства не потому, чтобы не могли или не хотѣли посылать лучшихъ, а потому, что только такаго разбора товары и требуются тамъ, по причинѣ бѣдности края и отсутствія въ немъ общественной безопасности. Бухара, Хива и Коканъ вывозятъ изъ Россіи главнѣйше такіе товары, которыхъ, по цѣнамъ ихъ, не могли бы получать ни откуда въ мірѣ, какъ-то металлы, кожа и пр., а на оборотъ посылаютъ въ Россію такія произведенія, которыя мы можемъ получать и получаемъ и изъ другихъ странъ или безъ которыхъ можемъ обойтись, тогда

какъ они этихъ произведеній никуда кромѣ Россіи съ выгодою сбывать не могутъ. По всѣмъ этимъ причинамъ соперничество Англичанъ во Внутренней Азіи, со стороны Персіи и Индіи, не опасно для России, а въ отношеніи къ Средне-Азіятскимъ правительствамъ мы имѣемъ всю возможность стать въ несравненно выгоднѣйшія торговыя отношенія, чѣмъ донынѣ, и торговля съ Внутреннею Азіею очень можетъ быть расширена даже и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ.

Второй рецензентъ, разбиравшій ту же книгу, Н. С. Щукинъ, также отдаетъ полную справедливость трудолюбію автора Очерковъ и умѣнію его пользоваться имѣвшимися у него подъ рукою богатыми источниками, замѣчая между прочимъ, что у насъ еще не имѣлось описанія торговли Оренбургской линіи столь подробнаго и полнаго, какъ то, которое составилъ г. Небольсинъ.

V.

Другое сочиненіе по предмету отечественной статистики, увѣнчанное преміею, есть:

Сельско-хозяйственная Статистика Смоленской Губерніи Я. А. Соловьева.

Это сочиненіе за 2 года выступило на состязаніе въ рукописи и признано достойнымъ половинной преміи; но тогдашнія обстоятельства не дозволили увѣнчать его, при чемъ однако объявлено было, что оно можетъ вторично быть представлено на конкурсъ по отпечатаніи его. Это и было исполнено авторомъ.

Сельско-хозяйственная Статистика Россіи, какъ и другія отрасли отечественной статистики, считаетъ въ нашей литературѣ еще весьма мало произведеній несомнѣннаго достоинства. Причиною этого должно признать съ одной стороны недостаточность основныхъ данныхъ, а съ другой неимѣніе подробныхъ и обстоятельныхъ описаній положенія хозяйства, въ обширномъ его смыслѣ, въ разныхъ отдѣльныхъ мѣстно-

стяхъ Россіи. Изъ этого слѣдуетъ, что критическая разработка числовыхъ показаній о такъ называемыхъ основныхъ силахъ государства, хотя бы она ограничивалась сравнительно небольшимъ по пространству своему краемъ, и вѣрное изображеніе современнаго положенія хозяйства во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ, существенно обогащаютъ запасъ матеріаловъ, изъ которыхъ можно будетъ со временемъ возвести стройное зданіе Хозяйственной Статистики Россіи. По обширности нашего отечества и разнообразію частей, его составляющихъ, монографіи отдѣльныхъ губерній или полосъ имѣютъ особенную важность, и при нынѣшнемъ положеніи у насъ статистическихъ свѣдѣній мы даже должны, во многихъ отношеніяхъ, отдать преимущество такимъ монографіямъ предъ трудами, имѣющими предметомъ цѣлую Россію, ибо прежде чѣмъ описывать цѣлое, нужно хорошо изучить части.

Г. Соловьевъ, избравъ себѣ задачею такое специальное описаніе, исполнилъ ее съ совершеннымъ знаніемъ дѣла. Проведя въ Смоленской губерніи три года въ качествѣ начальника отряда для уравненія государственныхъ крестьянъ въ денежныхъ сборахъ, онъ управлялъ всею операціею тамъ кадастраціи, при которой по необходимости долженъ былъ вникать во всѣ подробности хозяйственнаго быта губерніи, и имѣя въ рукахъ всѣ оффиціальныя статистическія свѣдѣнія, воспользовался многократными своими разъѣздами по губерніи для пополненія ихъ и повѣрки. Будучи такимъ образомъ поставленъ въ возможность хорошо ознакомиться съ краемъ, и изъ личныхъ обозрѣній и изъ письменныхъ документовъ, мало доступныхъ для писателя не должностнаго, г. Соловьевъ предпринялъ изложить плодъ своихъ наблюденій и разысканій въ видѣ полнаго и систематическаго описанія губерніи въ хозяйственномъ отношеніи.

Касательно обработки самого сочиненія, Академики Кеппенъ и Веселовскій, разбиравшіе его, свидѣтельствуютъ, что оно въ отношеніи полноты не оставляетъ болѣе ничего желать,

объемля собою всѣ стороны хозяйственнаго быта страны и представляя ихъ въ живой и отчетливой картинѣ. Въ особенности же они указываютъ на то, что авторъ умѣлъ осторожно и критически пользоваться имѣвшимися у него подъ рукою обильными статистическими данными и изложилъ ихъ въ сжатомъ прагматическомъ видѣ, съ избѣжаніемъ излишняго многословія, но за всѣмъ тѣмъ и безъ опущенія чего либо важнаго, могущаго послужить къ объясненію хозяйственнаго быта описываемаго имъ края, а притомъ сообщилъ объ немъ много новыхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ имъ изъ собственныхъ наблюденій и изъ разысканій подвѣдомственнаго ему кадастроваго отряда или собранныхъ изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ. Къ числу такихъ приращеній науки принадлежатъ: вѣрный и весьма удовлетворительный геогностическій обзоръ Смоленской губерніи, описаніе ея почвы и климатическихъ условій, изслѣдованіе о движеніи ея народонаселенія, сличеніе данныхъ 8-й и 9-й ревизіи съ метрическими книгами и почти вся вторая часть книги, посвященная сельскому хозяйству и другимъ отраслямъ промышлености.

По всѣмъ этимъ уваженіямъ рецензенты признали трудъ г. Соловьева существеннымъ приращеніемъ отечественной статистики, могущимъ служить образцомъ при производствѣ сельско-хозяйственныхъ изслѣдованій и при составленіи и изданіи сочиненій этого рода.

VI.

Къ разряду же сочиненій, имѣющихъ предметомъ изученіе Россіи, но съ совершенно иной точки зрѣнія, а именно со стороны естествознанія, принадлежитъ замѣчательное произведеніе г. Сѣверцова, изданное подъ заглавіемъ:

Періодическія явленія въ жизни звѣрей, птицъ и гадовъ въ Воронежской губерніи.

Академикъ Миддендорфъ, которому былъ порученъ разборъ этого труда, выразилъ мнѣніе, что это сочиненіе, напи-

санное на степень магистра и слѣдовательно трудъ-первенецъ молодаго автора, представляетъ въ Русской естественно-исторической литературѣ явленіе совершенно новое. Содержаніе его имѣетъ основаніе самостоятельное, оно почерпнуто изъ наблюденій, сдѣланныхъ надъ самою природою въ теченіе 9 лѣтъ сряду. «Приступая къ разсмотрѣнію столь замѣчательной книги, говоритъ г. Миддендорфъ, мы ожидали *чего-то необыкновеннаго* и на этотъ разъ надежды наши не были обмануты. Чтеніе труда г. Сѣверцова вполнѣ удовлетворило наши ожиданія и мы нашли въ немъ не мало для насъ самихъ поучительнаго».

Какъ не радоваться при видѣ побѣды, какую надъ самимъ собою одержалъ авторъ, рѣшившись въ обстоятельствахъ, обыкновенно увлекающихъ молодость въ неизвѣстную даль, посвятить свою ученую дѣятельность исключительному изслѣдованію жизненныхъ проявленій въ непосредственно окружающей его мѣстности, — особенно если подвигъ его выполненъ съ такою твердостью воли и добросовѣстностью и наблюдатель не преминулъ вникать съ такою высокою степенью точности и основательности даже въ малѣйшія подробности.

Важность труда г. Сѣверцова преимущественно заключается въ томъ, что онъ съумѣлъ спеціальныя и совершенно новыя, добытыя имъ самимъ, данныя примѣнить къ хорошо обдуманному плану, и притомъ въ такомъ краю, гдѣ со временъ Гмелина не трудился ни одинъ зоологъ.

Между тѣмъ фауна этого края не представляла собою ничего особенно отличительнаго и могла обѣщать важныя послѣдствія только по той стезѣ, которой слѣдовалъ г. Сѣверцовъ, — стезѣ именно, проложенной лишь въ новѣйшее время.

Не довольно было того, чтобы сравнить фауну Воронежской губерніи, какъ представительницу континентальнаго климата, съ фауною Западной Европы; не довольно и того счастливаго обстоятельства, что авторъ производилъ свои наблюденія на рубежѣ двухъ такихъ противоположностей, каковы степь

и лѣса; — для того, чтобы ознаменовать себя необыкновенною заслугою на избранномъ полѣ изслѣдованія, автору нужно было покинуть обычный путь и искать главной цѣли зоологической географіи не въ подробномъ, хотя и сравнительномъ исчисленіи животныхъ породъ, а напротивъ того въ рѣшеніи гораздо труднѣйшей задачи, — въ опредѣленіи законовъ той тѣсной связи, которая существуетъ между отличительными свойствами изслѣдуемой фауны и особенностями мѣстонахожденія и климата. Что такая связь существуетъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; вся трудность состоитъ въ томъ, чтобы изыскать для каждаго отдѣльнаго случая, въ какой мѣрѣ въ немъ проявляется самый *законъ*, т. е. *типическая сила* извѣстной породы или извѣстнаго недѣлимаго, или же только *случайность*, т. е. измѣненіе этой силы отъ вліянія какихъ либо внѣшнихъ обстоятельствъ. Успѣхъ въ рѣшеніи столь трудной задачи зависитъ отъ того, достаточно ли приготовленъ наблюдатель, принявшійся за ея исполненіе, и умѣлъ ли онъ искусно воспользоваться представлявшимся ему міромъ явленій. Хотя и не вполнѣ соглашаясь съ нѣкоторыми взглядами автора, — что и неудивительно по новизнѣ предмета и недостатку надлежащаго запаса матеріаловъ, — однако г. Миддендорфъ положительно признаетъ, что авторъ разрѣшилъ свою задачу осмотрительно и добросовѣстно.

Уже то заслуживаетъ похвалы, что г. Сѣверцовъ, не довольствуясь кругомъ собственныхъ наблюденій, старался освоиться и съ тѣмъ, что было сдѣлано по этой части другими изыскателями, какъ въ самой Россіи, такъ и въ чужихъ краяхъ, и что онъ между прочимъ отдаетъ полную дань уваженія заслугамъ нашего незабвеннаго Палласа.

Г. Сѣверцовъ поставилъ себѣ задачею точнѣйшее изслѣдованіе образа и проявленія жизни тѣхъ животныхъ своей отчизны, которые дышутъ воздухомъ. И такъ, исходя отъ предположенія тѣснѣйшей связи между явленіями жизни и внѣшними вліяніями, онъ пытался раскрыть ту непрерывную цѣпь, которою

особенности наблюденныхъ имъ данныхъ связаны съ климатомъ его отчизны. На основаніи географическаго положенія Воронежской губерніи, авторъ сперва опредѣляетъ физико-географическій характеръ этой черноземной страны, лежащей на границѣ между лѣсомъ и степью, и съ большимъ искусствомъ объясняетъ глубокую связь между жизнью животныхъ и геогностическимъ свойствомъ земляныхъ слоевъ въ разныхъ мѣстностяхъ изслѣдованной имъ области. Начиная отъ русла рѣки, чрезъ долину ея, вверхъ по склонамъ береговъ до высокой степи, онъ вводитъ насъ въ особенности страны, никогда не упуская изъ виду главной своей идеи, и обращая особенное вниманіе на объясненіе немаловажнаго значенія подпочвы. Нигдѣ столько не важно, какъ въ этихъ степныхъ странахъ, знать — удерживаетъ ли подпочва воду или даетъ ей просачиваться, достигается ли какое либо мѣсто вешними разливами или нѣтъ. Съ различною степенью влажности почвы въ сухихъ странахъ тѣсно связано также свойство растительности, и особенно изобиліе или недостатокъ въ лѣсѣ, и это естественно приводитъ автора къ двумъ главнымъ разрядамъ животныхъ, лѣснымъ и степнымъ.

Во всѣхъ этихъ разысканіяхъ, авторъ, по свидѣтельству рецензента, дѣйствуетъ совершенно самостоятельно и нерѣдко съ большимъ, неожиданнымъ успѣхомъ.

Указавъ наконецъ на нѣкоторые недостатки и слабыя стороны разбираемаго сочиненія, — недостатки, по большей части неразлучные съ первымъ опытомъ, особенно на столь трудномъ полѣ литературы, рецензентъ заключаетъ свой отзывъ слѣдующими словами:

«Трудъ г. Сѣверцова доказываетъ необыкновенную способность къ наблюденіямъ, съ одной стороны обусловляемую рѣдкимъ усердіемъ, а съ другой умѣряемую терпѣніемъ и добросовѣстностью и руководимую основательною начитанностью даже по частямъ сопредѣльныхъ съ зоологіею наукъ. Сочиненіе его богато драгоцѣнными для науки матеріала-

ми, плодомъ многолѣтнихъ самостоятельныхъ наблюденій, и всѣ эти матеріалы подведены подъ одну господствующую мысль, проистекшую изъ того плодотворнаго направленія, какое было сообщено естественнымъ наукамъ въ послѣднее время.

«Съ сочиненія г. Сѣверцова начинается новый отдѣлъ въ исторіи зоологической у насъ обработки, и когда книга эта сдѣлается доступною Западу, то можно ожидать, что она не только будетъ принята самою лестною встрѣчею, по причинѣ новизны ея содержанія, но еще вѣроятно окажетъ благотворное вліяніе на ходъ зоологической журналистики.

«Если же я за всѣмъ тѣмъ предлагаю присудить этому труду не полную, а половинную премію, то къ этому побуждаюсь личнымъ моимъ взглядомъ на значеніе полной награды и соображеніемъ нѣкоторыхъ недостатковъ, впрочемъ неизбѣжныхъ въ трудѣ-первенцѣ молодаго писателя».

VII.

Изъ сочиненій, относящихся къ кругу юридическихъ наукъ, удостоено преміи:

Теорія уликъ, сочиненіе исправляющаго должность ординарнаго профессора Дерптскаго Университета, магистра А. Жиряева.

По приглашенію Академіи, разборомъ этого сочиненія занимался профессоръ здѣшняго Университета, г. Баршевъ.

Вопросъ объ уликахъ имѣетъ интересное значеніе какъ въ современной наукѣ уголовнаго права, такъ и въ уголовной практикѣ и уголовномъ законодательствѣ. Въ наукѣ происходитъ жаркій споръ въ особенности о силѣ и вліяніи ихъ на уголовные приговоры. Практика, находя въ уликахъ средство открыть настоящую истину при слѣдствіи и судѣ надъ преступленіемъ, нуждается въ точномъ и вѣрномъ опредѣленіи свойствъ и въ особенности значенія ихъ, какъ доказательствъ въ уголовныхъ дѣлахъ. Поэтому и для законодательства во-

просъ о принятіи или непринятіи уликъ въ систему уголовно-судебныхъ доказательствъ и о силѣ и условіяхъ дѣйствія ихъ составляетъ одну изъ числа важныхъ законодательныхъ проблемъ.

Изложивъ существенное содержаніе труда г. Жиряева и съ особенною похвалою отозвавшись о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его частяхъ, рецензентъ опредѣляетъ достоинство его, говоря, что вообще въ этомъ сочиненіи улики разсмотрѣны съ главныхъ сторонъ ихъ и представленъ любопытный сводъ многоразличныхъ взглядовъ на нихъ, юристовъ, въ особенности германскихъ, и что высказанный авторомъ взглядъ на доказательство ими соотвѣтствуетъ дѣйствительному значенію ихъ въ практикѣ. Сверхъ того разсужденіе написано отчетливымъ языкомъ и со строгою логическою послѣдовательностію. Авторъ его заслуживаетъ полнаго одобренія за искусное изложеніе матеріала и отчетливую передачу его Русской юридической литературѣ.

VIII.

Облегченіе страданій человѣческихъ есть безъ сомнѣнія одна изъ величайшихъ заслугъ, какія можетъ человѣкъ оказать своему ближнему, и всякое относящееся къ сему важное изобрѣтеніе или открытіе заслуживаетъ живѣйшаго нашего вниманія и искренней благодарности.

Такое открытіе сдѣлано г. Круселемъ авторомъ представленныхъ въ рукописи сочиненій:

Внутреннія средства противъ рака и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней, и

Пирокаустика, или хирургическое употребленіе огня противъ рака и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней.

Одинъ изъ искуснѣйшихъ врачей и хирурговъ нашихъ, профессоръ здѣшней Медико-Хирургической Академіи, г. Неммертъ, который по приглашенію Академіи принялъ на себя трудъ разсмотрѣнія этихъ двухъ рукописей, представилъ намъ

подробное донесеніе, изъ котораго видно, что оба эти сочиненія г. доктора **Круселя** составляютъ одно цѣлое, потому что цѣль обоихъ доказать, что есть средства, излечивающія болѣе или менѣе надежнымъ способомъ ракъ и другія упорныя наружныя болѣзни.

Извѣстно, что уже съ самыхъ древнихъ временъ раковидныя пораженія (cancer) составляли настоящій камень преткновенія для врачей по своей неуступчивости, какъ наружнымъ, такъ и внутреннимъ средствамъ, а если уступали дѣйствію средствъ, то упорно возвращались или на прежнемъ мѣстѣ, или же избирали новое и губили больнаго. Поэтому уже съ давнихъ поръ старались отыскать средство, непреложно исцѣляющее ракъ, и, казалось, находили то наружное, то внутреннее средство, которое всегда сначала хранилось секретнымъ и, казалось, дѣйствительно исцѣляло раны, вслѣдствіе чего прославлялось и наконецъ дѣлалось общимъ достояніемъ. Но прославленное подобное секретное средство, съ расширеніемъ круга дѣйствія, обыкновенно теряло свою славу, потому что дѣйствія его обсуживались уже не одними не-врачами, и тогда обнаруживалось, что оно или оказывалось дѣйствительнымъ только въ доброкачественныхъ (т. е. не раковыхъ, а только сходныхъ по наружности съ ракомъ) пораженіяхъ, или же уничтожало ракъ только на время;—даже замѣчено, что въ нѣкоторыхъ видахъ раковыхъ язвъ, а именно въ накожномъ (cancer cutaneus epithelialis) состояніе язвы ухудшалось, что и доставило этому виду рака названіе «noli me tangere», видъ, который при средствахъ индиферентныхъ, невинныхъ, увеличивался медленно, между тѣмъ какъ при средствахъ, такъ называемыхъ специфическихъ, быстро ухудшался и велъ больнаго, при сильнѣйшихъ мученіяхъ, ко гробу.

Стоитъ взглянуть въ любую фармакологію, чтобы увидѣть, какое множество средствъ было предложено противъ рака. Число ихъ можетъ только сравниться съ числомъ средствъ, предложенныхъ противъ водобоязни и падучей болѣзни, бо-

3

лѣзней, къ несчастію, столько же неизлечимыхъ, какъ и ракъ.

Врачамъ послѣ всего этого оставалось одно: останавливать, хотя на время, разрушительный ходъ рака, и тѣмъ избавлять больнаго временно отъ жестокихъ мученій, и этого достигали разстройствомъ и удаленіемъ рака помощію наружныхъ средствъ. Но ракъ не всегда доступенъ этимъ средствамъ; не говоря уже о ракѣ внутренностей, скрытыхъ въ полостяхъ, должно замѣтить, что помянутыя средства неудобопримѣнимы даже при ракѣ однѣхъ наружныхъ частей или потому, что онъ очень глубоко проникъ, или же находится вблизи важнаго для жизни органа, поврежденія котораго, при удаленіи рака, нельзя избѣгнуть, или наконецъ если его поверхность слишкомъ обширна.

Бросивъ краткій взглядъ на недостаточность нашихъ познаній о сущности раковаго худосочія, а слѣдовательно и на недостаточность вѣрныхъ средствъ противъ этого жестокаго недуга, рецензентъ замѣчаетъ, что съ радостью и благодарностью должно принять всякое новое открытіе, даже всякую болѣе удачную попытку, къ побѣжденію этого врага, и потому факты, представленные г. Круселемъ, должны обратить на себя вниманіе каждаго благонамѣреннаго человѣка, тѣмъ болѣе врача, котораго прямая обязанность излечить, а если это не возможно, то облегчить страданіе больнаго.

Подвергнувъ подробному разсмотрѣнію оба сочиненія г. доктора Круселя и оцѣнивъ предлагаемыя имъ средства, рецензентъ выводитъ итогъ своихъ объ нихъ сужденій, признавая несомнѣнными ихъ достоинствами: отчетливость въ изложеніи исторій болѣзней, правдивость которыхъ засвидѣтельствована извѣстными врачами и подтверждена вѣрными фотографо-стереоскопическими рисунками, откровенность и послѣдовательность въ разсказѣ о постепенномъ открытіи средствъ противъ рака, внутреннихъ и наружныхъ, для усовершенствованія которыхъ г. Крусель не щадилъ ни времени, ни труда, ни значительныхъ денежныхъ издержекъ въ теченіе нѣсколь-

кихъ лѣтъ. Открытіемъ внутренняго средства терапія пріобрѣла новое, хотя не совершенно вѣрное, однако дѣйствительное средство противъ рака и другихъ худосочій. Но важно въ особенности изобрѣтеніе пирокаустики. Это наружное средство дѣйствительно обогатило хирургію новымъ, сильнымъ, безопаснымъ агентомъ. Открытіе его уже въ короткое время принесло значительную пользу; но, безъ сомнѣнія, эта польза будетъ въ послѣдствіи огромною для страждущаго человѣчества, удобно, скоро и безопасно устраняя страданія, нынѣ считающіяся или трудно или вовсе не удалимыми. Раковыя пораженія пріобрѣли въ этихъ открытіяхъ сильныхъ противодѣятелей, а страждущее человѣчество новыхъ поборниковъ.

Таковъ въ сущности отзывъ г. профессора Неммерта о изобрѣтеніяхъ доктора Круселя. Въ чужихъ краяхъ также отдаютъ ему полную справедливость и еще недавно авторъ отличнаго сочиненія: Die Galvanocaustik, ein Beitrag zur operativen Medicin (Breslau 1854), Бреславскій профессоръ д-ръ Миддельдорпфъ открыто объявилъ, что честь изобрѣтенія гальванокаустики принадлежитъ доктору Круселю.

Наконецъ нашъ знаменитый хирургъ, докторъ Пироговъ, посѣтивъ изобрѣтателя и осмотрѣвъ всѣ его орудія и образъ примѣненія пирокаустики, въ письмѣ на имя непремѣннаго секретаря Академіи отъ 10 Апрѣля сего года отозвался, что, по его мнѣнію, д-ръ Крусель безусловно заслуживаетъ награды, какъ первый, который примѣнилъ галванолизу къ исцѣленію разныхъ болѣзней, и въ возмездіе за то постоянство, съ которымъ онъ продолжалъ шествовать по впервые имъ самимъ проложенной тропѣ, пока его усилія не увѣнчались счастливымъ успѣхомъ.

Опираясь на эти свидѣтельства, Академія исполнила лишь свой долгъ, присудивъ г. Круселю премію и назначивъ 250 рублей для изданія его рукописи.

—

IX.

Наконецъ послѣдній конкурсный трудъ, о которомъ намъ еще остается донести здѣсь, касается также изобрѣтенія, но изобрѣтенія, относящагося къ иной сферѣ, а именно къ практической геометріи.

Планиметръ-самокатъ и трансформаторъ Г-на Зарубина. (Съ рукописнымъ описаніемъ этихъ инструментовъ).

Разсматривавшіе это изобрѣтеніе Академики Буняковскій, Якоби и Чебышевъ, представили о немъ отзывъ, содержаніе котораго главнѣйше заключается въ слѣдующемъ:

Уже за два года присуждена была г-ну Зарубину второстепенная премія за изобрѣтеніе различныхъ инструментовъ, которыми облегчается составленіе плановъ и въ особенности ихъ измѣреніе. Нынѣ г-нъ Зарубинъ представилъ на конкурсъ еще два инструмента для измѣренія площадей: *планиметръ-самокатъ* и *трансформаторъ*. Первый изъ нихъ весьма важенъ въ практическомъ отношеніи: особенность его заключается въ томъ, что *поле* его дѣйствій несравненно болѣе чѣмъ другихъ планиметровъ. Прежніе инструменты этого рода служили непосредственно для измѣренія небольшихъ плановъ, въ которыхъ ни длина, ни ширина не превосходятъ извѣстныхъ предѣловъ, и эти предѣлы, зависящіе отъ размѣра самаго инструмента, слишкомъ тѣсны для большей части случаевъ практическихъ. Новый инструментъ г. Зарубина даетъ площадь плана, какъ бы она ни была длинна; ограниченіе остается только въ ширинѣ плана.

Устройство такого планиметра, котораго бы поле дѣйствія было безконечно въ одномъ направленіи, представляло особенную трудность: надлежало, чтобы указатель, которымъ обводится планъ, и стрѣлки циферблата, на которомъ обозначается величина измѣряемой площади, были соединены какими либо органами передачи движенія; величина этихъ органовъ по необходимости полагаетъ предѣлъ удаленія указателя отъ

циферблата, а потому указатель планиметра можетъ двигаться безпредѣльно по какому либо направленію только въ томъ случаѣ, когда циферблатъ вмѣстѣ со всѣмъ планиметромъ способенъ перемѣщаться. Но съ другой стороны ясно, что планиметръ долженъ имѣть только извѣстныя и опредѣленныя движенія; иначе онъ не могъ бы дать никакого надежнаго результата.

Для побѣжденія этихъ трудностей г. Зарубинъ напалъ на остроумную мысль принять за основаніе планиметра-самоката уже извѣстную Академіи линейку-планиметръ, которая, катаясь на двухъ цилиндрикахъ, прикрѣпленныхъ къ одной оси, свободно двигается параллельно себѣ и представляетъ значительное сопротивленіе другимъ перемѣщеніямъ. По движенію поступательному линейки и движенію указателя вдоль ея, площадь имѣряемой фигуры опредѣляется безъ затрудненія. Употребленный г. Зарубинымъ механизмъ вполнѣ достигаетъ своей цѣли; величина измѣряемой площади показывается стрѣлками на циферблатѣ также, какъ въ другихъ планиметрахъ. Но нельзя ожидать вѣрныхъ результатовъ отъ этого инструмента, если, при употребленіи его, не будетъ принято особой предосторожности отъ ненормальнаго движенія инструмента, чего вполнѣ, разумѣется, нѣтъ возможности достигнуть.

Во всякомъ случаѣ планиметръ-самокатъ имѣетъ превосходства передъ другими инструментами этого рода относительно обширности поля его дѣйствія. А такъ какъ въ планиметрѣ главное достоинство — вѣрность его показаній при удобствѣ и скорости его употребленія, для чего требуется особый навыкъ, то Академія поручала своему Корреспонденту Н. Д. Брашману, въ Москвѣ, подвергнуть испытанію инструментъ г. Зарубина относительно той степени точности, до которой можно достигнуть продолжительнымъ его употребленіемъ. На этотъ конецъ г. Брашманъ произвелъ, вмѣстѣ съ изобрѣтателемъ, 14 рядовъ опытовъ измѣренія различныхъ фигуръ какъ

прямолинейныхъ, такъ и криволинейныхъ. Эти опыты показали, что, при значительномъ навыкѣ къ употребленію планиметра-самоката, можно получать помощью его очень скоро результаты довольно точные.

Новоизобрѣтенный инструментъ уже около двухъ лѣтъ употребляется въ Межевой Канцеляріи, гдѣ съ помощью его ежедневно повѣряется около 100 плановъ, заключающихъ въ себѣ не меньше 5000 квадр. дюймовъ. Это доказываетъ прочность снаряда и подтверждаетъ годность его на самомъ дѣлѣ.

Другой инструментъ — трансформаторъ, г. Зарубинъ придумалъ для облегченія извѣстнаго въ Геометріи построенія, которымъ всякая многоугольная фигура превращается въ треугольникъ. Этотъ инструментъ можетъ замѣнить собою также планиметръ для опредѣленія плана, ограниченнаго прямыми линіями. Передъ линейкою-планиметромъ онъ имѣетъ то преимущество, что въ немъ собственно двѣ линейки, которыхъ взаимное наклоненіе можно измѣнять согласно съ требованіемъ самаго превращенія многоугольника въ треугольникъ, чѣмъ значительно ускоряется измѣреніе площади.

Основываясь на отзывѣ рецензентовъ и на опытахъ профессора Брашмана, Академія, принимая въ соображеніе практическую пользу остроумнаго изобрѣтенія г. Зарубина, опредѣлила наградить его половинною преміей и выдать ему сверхъ того 150 руб. сер. на изданіе въ свѣтъ описанія его изобрѣтенія.

Кромѣ вышеприведенныхъ изобрѣтеній и сочиненій, признаны были Академіею со стороны тѣхъ лицъ, которымъ порученъ былъ разборъ ихъ, заслуживающими поощрительныхъ премій еще слѣдующія:

С. Ешевскаго, Аполлинарій Сидоній, эпизодъ изъ литературной и политической исторіи Галліи V вѣка. Москва 1855 8, — по рецензіи г. Профессора Дёллена въ Кіевѣ.

П. Безсонова, Болгарскія пѣсни изъ сборниковъ Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и другихъ Болгаръ. 2 выпуска. Москва 1855. 8, — по рецензіи г. Академика Дубровскаго.

Д. Каченовскаго, О каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ въ отношеніи къ нейтральной торговлѣ. Москва 1855. 8, — по рецензіи г. Профессора Ивановскаго.

И. Павловскаго, Полный Нѣмецко-Русскій Словарь. 2 части. Рига 1856. 8, — по рецензіи г. Академика Востокова.

Но, этимъ сочиненіямъ, по ограниченности бывшихъ въ распоряженіи Академіи суммъ, не могли быть присуждены преміи, и въ замѣнъ того они удостоены почетныхъ отзывовъ.

Въ заключеніе настоящаго отчета о XXV присужденіи Демидовскихъ наградъ, Академія долгомъ сочла изъявить свою признательность стороннимъ ученымъ, содѣйствовавшимъ ей въ разсмотрѣніи соискательныхъ сочиненій, и вмѣстѣ съ тѣмъ признала справедливымъ назначить установленныя для рецензентовъ золотыя медали: перваго достоинства своему Корреспонденту дѣйств. ст. сов. В. В. Григорьеву и Протоіерею Ѳ. Ѳ. Сидонскому, и таковыя же втораго достоинства Профессору Московскаго Университета дѣйств. ст. сов. Н. Д. Брашману и Профессору Университета Св. Владиміра ст. сов. А. К. Деллену.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ

ПЕРВАГО ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЯ

УЧРЕЖДЕНІЯ

ДЕМИДОВСКИХЪ ПРЕМІЙ.

А. Вѣдомость

О числѣ соискательныхъ сочиненій по годамъ.

Годы.	Прислано отъ авторовъ.	Принято безъ просьбы авторовъ.	И того.	Въ томъ числѣ.				Разсмотрѣно.		Возвращено до приговора.
				Печатныхъ.	Рукописныхъ.	На Русскомъ языкѣ.	На иностр. языкахъ.	Въ Академіи.	Внѣ Академіи.	
1831	13	4	17	15	2	14	3	12	3	2
1832	14	3	17	13	4	15	2	12	4	1
1833	16	—	16	13	3	13	3	11	5	—
1834	11	2	13	12	1	13	—	8	5	—
1835	23	4	27	21	6	24	3	16	9	2
1836	26	3	29	28	1	26	3	14	13	2
1837	20	4	24	24	—	18	6	20	4	—
1838	24	1	25	24	1	21	4	14	11	—
1839	27	2	29	23	6	28	1	21	7	1
1840	30	—	30	27	3	27	3	23	7	—
1841	33	3	36	35	1	35	1	13	18	5
1842	27	—	27	22	4	22	4	18	8	1
1843	20	6	26	22	3	18	7	16	9	1
1844	19	4	23	13	9	17	5	15	7	1
1845	26	1	27	19	8	22	5	16	11	—
1846	33	1	34	28	6	29	5	24	8	2
1847	32	4	36	21	12	29	4	23	10	3
1848	25	3	28	24	2	21	5	20	6	2
1849	22	5	27	16	5	17	4	14	7	6
1850	20	—	20	16	4	17	3	20	—	—
1851	23	2	25	23	2	22	3	16	9	—
1852	14	3	17	14	3	13	4	15	3	—
1853	24	3	27	25	2	24	3	19	8	—
1854	27	—	27	21	6	22	5	23	4	—
1855	27	1	28	26	2	26	2	18	10	—
И того..	576	59	635	525	96	533	88	421	186	29

Б. Вѣдомость

О ЧИСЛѢ ПРИСУЖДЕННЫХЪ НАГРАДЪ И КОЛИЧЕСТВѢ ВЫДАННЫХЪ НА ТО ДЕНЕГЪ, РАВНО О КОЛИЧЕСТВѢ И ДОСТОИНСТВѢ ВЫДАННЫХЪ ПОСТОРОННИМЪ РЕЦЕНЗЕНТАМЪ ЗОЛОТЫХЪ МЕДАЛЕЙ.

Годы.	Полныхъ наградъ.		Второстепенныхъ наградъ.		На изданіе рукописи.		Итого на	Постороннымъ рецензентамъ медалей	
	Число нагр.	На сумму.	Число нагр.	На сумму.	Число.	На сумму.		въ 12 черв.	въ 8 черв.
1831	2	2,856	2	1,428	1	1,428	5,712	—	—
1832	2	2,856	6	4,284	1	1,428	8,568	—	—
1833	—	—	7	4,998	—	—	4,998	3	2
1834	3	4,284	2	1,428	—	—	5,712	3	1
1835	3	4,284	8	5,712	—	—	9,996	2	—
1836	3	4,284	8	5,712	—	—	9,996	2	6
1837	1	1,428	10	7,140	—	—	8,568	—	—
1838	2	2,856	6	4,284	—	—	7,140	1	4
1839	3	4,284	7	4,998	—	—	9,282	—	1
1840	1	1,428	6	4,284	2	1,287	7,999	4	—
1841	1	1,428	7	4,998	1	429	6,855	3	—
1842	—	—	9	6,426	2	1,428	7,854	1	2
1843	2	2,856	4	2,856	1	285	5,997	—	—
1844	1	1,428	8	5,712	1	571	7,711	2	1
1845	3	4,284	3	2,142	2	1,428	7,854	2	1
1846	3	4,284	2	1,428	1	1,000	6,712	1	2
1847	—	—	8	5,712	1	1,428	7,140	2	2
1848	—	—	9	6,426	1	1,000	7,426	1	1
1849	1	1,428	8	5,712	2	1,000	8,140	2	2
1850	2	2,856	8	5,712	—	—	8,568	3	—
1851	2	2,856	4	2,856	1	1,000	6,712	1	—
1852	1	1,428	6	4,284	1	600	6,312	—	1
1853	3	4,284	5	3,570	—	—	7,854	1	—
1854	1	1,428	6	4,284	2	1,428	7,140	2	2
1855	—	—	9	6,426	3	800	7,226	2	2
И того...	40	57,120	158	112,812	23	16,540	186,472	38	30

В. Вѣдомость

ОБЪ УДОСТОЕННЫХЪ СОЧИНЕНІЯХЪ ПО ПРЕДМЕТАМЪ И ГОДАМЪ съ 1831 по 1856 г.

Примѣчаніе: Звѣздочка при имени означаетъ полную премію.

Науки.	Годы.	Заглавіе книгъ.	На изданіе.
Богословіе.	1853	***Макарія:** Православно-догматическое Богословіе. V томовъ.	
	1836	**Эристова:** Словарь историческій о Святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви.	
		Почетнаго отзыва:	
	1837	**Досиѳея:** Описаніе Соловецкаго монастыря.	
	1838	**Зонтагъ:** Священная исторія для дѣтей, выбранная изъ Ветхаго и Новаго Завѣта.	
	1840	**Дебольскаго:** Дни Богослуженія Православной Церкви.	
Философія.	1834	***Сидонскаго:** Введеніе въ науку философіи.	
	1834	**Галича:** Картина человѣка.	
		Почетнаго отзыва:	
	1841	**Зедергольма:** Исторія древней философіи.	
Математика.	1835	***Брашмана:** Курсъ Аналитической Геометріи (рукопись).	
	1832	**Севастьянова:** Приложеніе начертательной Геометріи къ воздушной перспективѣ.	
	1835	**Петрушевскаго:** Эвклидовыхъ началъ. 3 книги.	
	1837	**Брашмана:** Статика твердыхъ и жидкихъ тѣлъ.	
	1837	**Сомова:** Теорія опредѣленныхъ алгебраическихъ уравненій высшихъ степеней.	
	1837	**Бурачка и С. Зеленаго:** Лекціи алгебраическаго анализа	
	1838	**Ястржембовскаго:** Курсъ практической механики.	
	1842	**Татаринова:** Начальныя основанія Геометріи	
	1843	**Зернова:** Дифференціальное вычисленіе съ приложеніемъ къ Геометріи.	
	1844	**Слонимскаго:** Ариѳметическая машина.	
	1844	**А. Зеленаго:** Краткое Руководство къ начертательной Геометріи.	
	1845	**Бруна:** Руководство къ политической Ариѳметикѣ.	

Науки.	Годы.	Заглавіе книгъ.	На изданіе.
Математика.	1847	**Сомова**: Аналитическая Теорія волнообразнаго движенія эѳира.	
	1847	**Давидова**: Теорія равновѣсія тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость (рукопись).	500 р. с.
	1848	**Чебышева**: Теорія сравненій.	
	1849	**Давидова**: Теорія капиллярныхъ явленій (рукоп.).	
	1849	**Вожерянова**: Теорія паровыхъ машинъ.	
	1850	**Сомова**: Основанія Теоріи эллиптическихъ функцій.	
		Почетнаго отзыва:	
	1838	**Яниша**: О началахъ равновѣсія и движенія.	
	1838	**Бруна**: Собраніе задачъ и предложеній, относящихся къ линіямъ второй степени.	
	1852	**Рахманинова**: Теорія вертикальныхъ водяныхъ колесъ.	
Метрологія.	1831	***Шаукера**: Metrologie Russlands (M. S.)	1428 р. с.*
	1846	**Петрушевскаго**: Общая метрологія (рукопись).	1000 р. с.
Астрономія и Геодезія.	1836	***Аргеландера**: DLX stellarum fixarum positiones mediae ineunte anno 1830.	
	1845	***Савича**: Приложеніе практической Астрономіи къ географическому опредѣленію мѣстъ.	
	1831	**Перевощикова**: Руководство къ Астрономіи.	
	1·37	**Болотова**: Руководство къ Геодезіи.	
	1841	**Зеленаго**: Астрономическія средства кораблевожденія.	
	1842	**Перевощикова**: Основанія Астрономіи.	
	1853	**Зарубина**: Вновь изобрѣтенные инструменты, относящіеся до межеванія, съ приложеніемъ руководства къ практическому ихъ употребленію (рукопись).	
	1854	**Ковальскаго**: Теорія движенія Нептуна.	
	1855	**Зарубина**: Планиметръ-Самокатъ, съ рукописнымъ описаніемъ инструмента.	150 р. с.
		Почетнаго отзыва:	
	1842	**Болотова**: Руководство къ производству хозяйственной съемки, межеванія и нивеллированія.	
	1848	**Ермакова**: Ручной планиметръ.	
Военныя и морскія науки.	1838	***Барона Медема**: Руководство къ тактикѣ.	
	1849	***Горемыкина**: Руководство къ изученію тактики.	
	1851	***Барона Зедделера**: Военно-Энциклопедическій Лексиконъ.	

* Возвращено въ Демидовскій капиталъ за неизданіемъ.

Науки.	Годы.	Заглавіе книгъ.	На изданіе.
Военныя и морскія науки.	1833	**Шелещова:** Полевая фортификація.	
	1836	**Барона Медема:** Обозрѣніе извѣстнѣйшихъ правилъ и системъ Стратегіи.	
	1836	**Бобинскаго:** Краткая иппологія и курсъ верховой ѣзды.	
	1839	**Теляковскаго:** Фортификація, съ атласомъ.	
	1842	**Языкова:** Опытъ Теоріи Стратегіи.	
	1844	**Барона Зедделера:** Обозрѣніе Исторіи военнаго искусства.	
	1846	**Скаловскаго:** Руководство для служащихъ на военныхъ морскихъ пароходахъ. Ч. III.	
	1850	**К. Посьета:** О вооруженіи военныхъ судовъ, съ атласомъ.	
		Почетнаго отзыва:	
	1842	**М. Ильина:** Практическая морская Артиллерія.	
	1845	**Скаловскаго:** Руководство для служащихъ на военныхъ морскихъ пароходахъ. Ч. I. и II.	
	1847	**Богдановича:** Записки Стратегіи.	
	1853	**Шульца:** Словарь морскихъ словъ и рѣченій парусн аго и пароходнаго флота.	
Химія и Физика.	1845	***Клауса:** Химическое изслѣдованіе остатковъ платиновой руды и металла рутенія.	
	1847	**Нервандера:** Observations faites à l'observatoire magnétique et météorologique de Helsingfors (M. S.).	1428 р. с.
	1854	**Савельева:** О гальванической проводимости жидкостей.	
	1854	**Иванова:** Начальныя основанія Аналитич. Химіи.	
Геогнозія и Минералогія	1832	**Соколова:** Руководство къ Минералогіи.	
	1837	**Фишера-фонъ-Вальдгейма:** Ориктографія Московской губерніи.	
	1839	**Соколова:** Курсъ Геогнозіи.	
	1841	**Гельмерсена:** Генеральная карта горныхъ формацій Европейской Россіи, съ пояснительными примѣчаніями.	
	1843	**Узатиса:** Курсъ горнаго искусства, съ атласомъ.	
	1850	**Гревингка:** Beitrag zur Kenntniss der orographischen und geognostischen Beschaffenheit der Nordwestküste Amerika's.	
	1852	**С. Куторги:** Геогностическая Карта С. Петербургской Губерніи.	
	1853	**Кокшарова:** Матеріалы для минералогіи Россіи.	

Науки.	Годы.	Заглавіе книгъ.	На изданіе.
		Почтнаго отзыва:	
Геогнозія и Минералогія.	1842	**Соколова**: Руководство къ Геогнозіи, съ атласомъ.	
Естественныя науки.	1840	***Постельса и Рупрехта**: Описаніе морскихъ растеній, собранныхъ въ Сѣверномъ Тихомъ Океанѣ, у береговъ Россійскихъ владѣній, въ путешествіе вокругъ свѣта, совершенное по повелѣнію Государя Императора Николая I., въ военномъ Шлюпѣ «Сенявинъ» въ 1826, 1827, 1828 и 1829 годахъ подъ командою Флота-Капитана Ѳ. Литке.	
	1833	**Эйхвальда**: Plantae Caspico-Caucasicae.	
	1835	**Геблера**: Uebersicht des Katunischen Gebirges (M S.).	
	1836	**Фальдерманна**: Fauna entomologica transcaucasica. T. I.	
	1838	**Его же**: Fauna entomologica transcaucasica. T. II. et III.	
	1844	**Рупрехта**: Symbolae ad historiam et geographiam plantarum Rossiarum (M. S.).	
	1844	**Эверсманна**: Fauna lepidopterologica Volgo-Uralensis.	
	1848	**Менетріе**: Catalogue des Insectes recueillis par feu M. Lehmann.	
	1849	**Клауса**: О растительности приволжскихъ странъ.	
	1852	**Кесслера**: Животныя Губерній Кіевскаго Учебнаго Округа.	
	1854	**Мерклина**: Palaeodendrologicon Rossicum.	
	1855	**Сѣверцова**: Періодическія явленія въ жизни звѣрей, птицъ и гадовъ въ Воронежской губерніи.	
		Почтнаго отзыва:	
	1843	**Эртеля**: Dictionnaire complet de zoologie et de botanique en langue française, russe et latine.	
	1844	**Вредена**: Антропофизіологія.	
	1854	**Видеманна и Вебера**: Beschreibung der phanerogamischen Gewächse Ehst-, Liv- und Curlands.	
Медицина.	1843	***Пирогова**: Полный курсъ прикладной Анатоміи человѣческаго тѣла.	714 р. с.
	1850	***Его же**: Патологическая Анатомія Азіатской холеры, съ атласомъ.	
	1832	**Громова**: Изложеніе Судебной Медицины	

Науки.	Годы.	Заглавія книгъ.	На изданіе.
Медицина.	1835	**Всеволодова:** Зоо-хирургія.	
	1838	**Груна:** Монографія о радикальномъ леченіи пахо-мошоночныхъ грыжъ.	
	1838	**Чаруковскаго:** Военно-походная медицина.	
	1840	**Пирогова:** Anatomia chirurgica.	
	1840	**Филомафитскаго:** Физіологія, изданная для руководства своихъ злушателей. Двѣ части.	
	1841	**Соломона:** Руководство къ оперативной хирургіи.	
	1848	**П. Заблоцкаго:** Ученіе о болѣзняхъ яичка, сѣменнаго канатика и мошонки, съ атласомъ.	
	1855	**Круселя:** Внутреннія средства противъ рака и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней.	250 р. с.
		Почетнаго отзыва:	
	1840	**Кикина:** Зоотомія или руководство къ познанію строенія тѣла домашнихъ животныхъ.	
	1841	**Всеволодова:** Опытъ ученія о повальныхъ болѣзняхъ между домашними животными.	
	1841	**Груна:** Руководство для прививанія предохранительной оспы.	
	1841	**Гефта:** Руководство къ повивальному искусству.	
	1845	**Лея, Тарасова и Стрѣлковскаго:** Энциклопедическій Медицинскій Лексиконъ.	
	1848	**Пушкарева:** О душевныхъ болѣзняхъ въ судебно-медицинскомъ отношеніи.	
	1852	**Горянинова:** Фармакодинамика или ученіе о дѣйствіи и употребленіи врачебныхъ средствъ.	
Промышленость.	1839	***Якоби:** Гальванопластика	
	1833	**Барона Боде:** Руководство къ виногр. садоводству.	
	1837	**Дихта:** Усовершенствованіе Русской печи.	
	1838	**Усова:** Курсъ земледѣлія.	
	1841	**Бергштрессера:** Руководство къ разведенію, улучшенію, кормленію и откормкѣ домашнихъ животныхъ.	
	1851	**Ильенкова:** Курсъ Химической Технологіи.	
	1853	***Іохима:** Новоизобрѣтенный типографскій шрифтъ съ мѣднымъ очкомъ.	
		Почетнаго отзыва:	
	1832	**Кеппена:** О винодѣліи и винной торговлѣ въ Россіи.	
	1841	**Аносова:** О булатахъ, въ двухъ книгахъ.	
	1841	**Диго:** Руководство для устройства усовершенствованныхъ веревчатыхъ приводовъ (Système funiculaire).	

Науки.	Годы.	Заглавія книгъ.	На изданіе.
Промышленность.	1843	**Брауншвейга:** Der Flachsbau in Russland.	
	1854	**Витта:** Руководство къ сахарному производству.	
Теорія и Исторія Словесности.	1843	***Востокова:** Остромірово Евангеліе 1056–57 года, съ приложеніемъ Греческаго текста Евангелія и съ грамматическими объясненіями.	
	1832	**Глаголева:** Начертаніе теоріи Словесности (ркп.).	
	1836	**Шевырева:** Исторія поэзіи.	
	1839	**Строева:** Описаніе памятниковъ Славяно-Русской литературы.	
	1844	**Дубенскаго:** Слово о полку Игоревѣ, объясненное по древнимъ письменнымъ памятникамъ.	
	1847	**Вилярскаго:** Судьбы Церковно-Славянскаго языка.	
	1855	**Водянскаго:** О происхожденіи Славянскихъ письменъ.	
		Почетнаго отзыва:	
	1840	**Греча:** Чтенія о Русскомъ языкѣ.	
	1847	**Чистякова:** Курсъ Теоріи Словесности.	
	1855	**Бессонова:** Болгарскія пѣсни изъ сборниковъ Веселина, Катранова и другихъ Болгаръ.	
Классическая Филологія и Археологія.	1839	**Ивашковскаго:** Λεξικον Ελληνο-Ρωσσικον.	
	1842	**Евлампіоса:** Амарантосъ или розы возрожденной Эллады (рукопись).	285 р. с.
	1844	**Ильенкова:** Краткая Синонимика, изложенная по Дедерлейну.	
	1845	**Ивашковскаго:** Полный Россійско-Латинскій Словарь.	
	1847	**Вессовича:** Греческо-Русскій Словарь.	
	1850	**Леонтьева:** О поклоненіи Зевсу въ Древней Греціи.	
		Почетнаго отзыва:	
	1840	**Зедергольма:** Xenophontis Anabasis.	
	1848	**Ашика:** Воспорское Царство съ его палеографическими и подгробными памятниками.	
	1851	**Беккера:** Берегъ Понта Эвксинскаго отъ Истра до Борисѳена въ отношеніи къ древнимъ его колоніямъ.	
Восточные языки.	1838	***О. Іакинфа:** Китайская Грамматика.	
	1839	***Чубинова:** Грузино-Русско-Французскій Словарь.	
	1845	***Ковалевскаго:** Монголо-Русско-Франц. Словарь.	
	1846	***Чубинова:** Русско-Грузинскій Словарь.	
	1837	**Ковалевскаго:** Монгольская Хрестоматія.	

Науки.	Годы.	Заглавія книгъ.	На изданіе.
Восточные языки.	1840	**Казембека**: Грамматика Турецко-Татарскаго языка.	
	1848	**Попова**: Грамматика Калмыцкаго языка.	
	1850	**Бобровникова**: Грамматика Монгольско-Калмыцкаго языка.	
	1850	**Бероева**: Начальныя основанія Гайканскаго языка, или практическая метода для удобнѣйшаго изученія его.	
	1854	**Казембека**: Учебныя пособія для временнаго курса Турецкаго языка	
		Почетнаго отзыва:	
	1845	**Гейтлина**: Principia Grammatices Neo-Persicae cum metrorum doctrina et dialogis persicis.	
	1851	**Казембека**: Дербендъ-Намэ, или Исторія Дербенда.	
	1853	**Березина**: Recherches sur les Dialectes Persans.	
Лингвистика, Лексикографія.	1832	***Востокова**: Русская Грамматика.	
	1832	***Рейфа**: Dictionnaire russe-français (M. S.).	1428 р. с.
	1834	***Соколова**: Церковно-Славяно-Россійскій Словарь.	
	1843	***Павскаго**: Филологическія наблюденія надъ составомъ Русскаго языка.	
	1835	**Веньяминова**: Грамматическія правила Алеутско-Лисьевскаго языка (рукопись).	
	1841	**Шимкевича**: Корнесловъ Русскаго языка (рукоп).	428 р. с.
	1843	**Кастрена**: Elementa Grammatices Syrjanicae (M. S.).	285 р. с.
	1845	**Видемана**: Versuch einer Grammatik der Tscheremissischen Sprache (M. S).	428 р. с.
	1849	**Савваитова**: Грамматика Зырянскаго языка и Зырянско-Русскій и Русско-Зырянскій словари.	
	1849	**Видемана**: Grammatik der Wotjakischen Sprache (M. S.).	500 р. с.
		Почетнаго отзыва:	
	1840	**Гинкулова**: Валлахо-Молдавская Грамматика.	
	1844	**Эртеля**: Нѣмецко-Русскій Словарь (рукопись).	
	1848	**Перевлѣсскаго**: Начертаніе Русскаго Синтаксиса.	
	1850	**Рейфа**: Четыре новые параллельные словаря языковъ Русскаго, Французскаго, Нѣмецкаго и Англійскаго.	
	1851	**Нейса**: Esthnische Volkslieder.	
	1853	**Аренса**: Grammatik der Esthnischen Sprache Revalschen Dialektes, и Sprachfehler der Esthnischen Bibel.	

*

Науки.	Годы.	Заглавія книгъ.	На изданіе.
Лингвистика, Лексикографія	1854	**Берга:** Пѣсни разныхъ народовъ	
	1855	**Павловскаго:** Нѣмецко-Русскій Словарь. 2 части.	
Географія и Статистика	1833	**Левшина:** Описаніе Киргизъ-Казачьихъ ордъ и степей.	
	1833	**Григорьева:** Описаніе Нахичеванской провинціи.	
	1835	**Степанова:** Енисейская губернія.	
	1837	**Крузенштерна:** Précis du système, des progrès et de l'état de l'instruction publique en Russie.	
	1839	**Ободовскаго:** Теорія Статистики.	
	1840	**Шопена:** Описаніе Армянской области (рукопись).	428 р. с.
	1842	**Іакинфа:** Статистическое описаніе Китайской Имперіи, съ прил. геогр. картъ.	
	1847	**Горлова:** Обозрѣніе Экономической Статистики Россіи (рукопись).	
	1848	**Скальковскаго:** Опытъ Статистическаго описанія Новороссійскаго края.	
	1849	**Милютина:** Первые опыты военной Статистики.	
	1852	**Ратлефа:** Skizze der orographischen und hydrographischen Verhältnisse von Liv-, Esth- und Curland. Ein geographischer Versuch.	
	1853	***Неволина:** О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ.	
	1855	**Соловьева:** Сельско-Хозяйственная Статистика Смоленской губерніи.	
	1855	**П. Небольсина:** Очерки торговли Россіи съ Среднею Азіею.	
		Почетнаго отзыва:	
	1837	**Черткова:** Воспоминанія о Сициліи	
	1838	**Бергштрессера:** Опытъ описанія Олонецкой губерніи.	
	1840	**Веньяминова:** Записки объ островахъ Уналашскаго отдѣла.	
	1842	**Ольдекопа:** Geographie des Russischen Reiches.	
	1842	**Бруна:** Руководство къ сравнительной Статистикѣ Европейскихъ Государствъ.	
	1843	**Павловскаго:** Географія Россійской Имперіи, въ 2 частяхъ.	
	1843	**Завелѣйскаго:** Статистика Царства Польскаго.	
	1845	**Г. Небольсина:** Коммерческая Статистика.	
	1847	**Іакинфа:** Китай въ гражданскомъ и нравственномъ состояніи.	
	1850	**Шторха:** Der Bauernstand in Russland.	

Науки.	Годы.	Заглавія книгъ.	На изданіе.
Географія и Статистика.	1854	**Кузнецова:** Учебный курсъ Географіи Россійской Имперіи.	
	1854	**Воронова:** Историческо-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С Петербургскаго Учебнаго Округа съ 1829 по 1853 годъ.	
Гидрографія.	1836	***Крузенштерна:** Дополненіе къ изданнымъ въ 1826 и 1827 годахъ объясненіямъ, послужившимъ для составленія атласа южнаго моря.	
	1840	**Штукенберга:** Historisch-statistisch-technische Beschreibung aller im Russischen Reiche gegrabenen schiff- und flossbaren Kanäle.	857 р. с.
	1842	**Его же:** Hydrographie des Russischen Reichs oder topographisch-statistische Beschreibung seiner schiff- und flossbaren Flüsse und See'n, nebst einigen Nachrichten über die umgebenden Meere, deren Häfen und Anfahrten und über einige Gewässer Mittel-Asiens.	1142 р. с.
	1850	***Рейнеке:** Гидрографическое описаніе сѣвернаго берега Россіи.	
	1853	**Тебенькова:** Атласъ сѣверо-западныхъ береговъ Америки отъ Берингова пролива до мыса Корріентесъ и острововъ Алеутскихъ.	
Этнографія.	1835	**Снегирева:** Русскіе въ своихъ пословицахъ.	
	1839	**Его же:** Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды.	
	1851	**Руссвурма:** Die Schweden an den Küsten Esthlands und auf Runö. Eine historisch-ethnographische Untersuchung.	1000 р. с.
Государственное Хозяйство.	1831	***Гагемейстера:** О финансахъ древней Россіи (рукопись).	
	1841	**Горлова:** Теорія Финансовъ.	
		Почетнаго отзыва:	
	1844	**Михайлова:** Политическая Экономія (рукопись).	
		М. Заблоцкаго: О цѣнностяхъ въ древней Руси.	
Исторія.	1834	***Іакинфа:** Историческое обозрѣніе Ойратовъ или Калмыковъ.	
	1835	***Михайловскаго-Данилевскаго:** Записки о походѣ 1813 года.	
	1836	***Ушакова:** Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи въ 1828 и 1829 годахъ.	

Науки.	Годы.	Заглавіе книгъ.	На изданіе.
Исторія.	1839	***Погодина**: Несторъ, историческо-критическое разсужденіе о началѣ Русскихъ лѣтописей.	-
	1846	***Гр. Толстаго**: Исторія финансовыхъ учрежденій въ Россіи (рукопись).	
	1852	***Милютина**: Исторія войны Россіи съ Франціею въ царствованіе Императора Павла I., въ 1799 году. Составлена по высочайшему повелѣнію Императора Николая I. 5 томовъ.	
	1831	**Устрялова**: Сказанія современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ.	
	1833	**Его же**: Сказанія Князя Курбскаго.	
	1836	**Михайловскаго-Данилевскаго**: Описаніе похода во Францію въ 1814.	
	1836	**Семенова**: Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи.	
	1838	**Шульгина**: Изображеніе характера и содержанія Новой Исторіи	
	1841	**Смарагдова**: Руководство къ познанію Древней и Средней Исторіи.	
	1842	**Лоренца**: Руководство къ всеобщей Исторіи.	
	1842	**Висковатова**: Историческое описаніе одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ, съ рисунками	
	1842	**Крузе**: Necrolivonica, т. е древности Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, до введенія Христіанской вѣры въ при-Балтійскихъ губерніяхъ.	
	1848	**Іакинөа**: Собраніе свѣдeній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена (рукопись).	1000 р. с.
	1848	**Хавскаго**: Хронологическія таблицы.	
	1849	**М. Куторги**: Исторія Аөинской республики	
	1851	**Кудрявцева**: Судьбы Италіи отъ паденія Западной Римской Имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ	
	1851	**Иванова**: Описаніе Государственнаго Архива старыхъ дѣлъ.	
	1852	**Веселаго**: Очеркъ исторіи Морскаго Кадетскаго Корпуса.	
	1852	**Гиппинга**: Нева и Ніэншанцъ или Введеніе въ Исторію С. Петербурга (рукопись).	отъ 600—800 р. с.
	1852	**Поссельта**: Tagebuch des Generals Patrick Gordon, während seiner Kriegsdienste unter den Schweden und Polen vom Jahre 1655 bis 1661 und seines Ausfenthaltes in Russland vom	

Науки.	Годы.	Заглавіе книгъ.	На изданіе.
Исторія.		Jahre 1661 bis 1669; zum ersten Male vollständig veröffentlicht durch Dr. M. C. Posselt. 3 тома.	
	1853	**Э. Муральта:** Essai de chronographie Byzantine de 395 à 1057.	
	1854	**Головацкаго:** Хронологическая машина для Юліанскаго времячисленія Гражданскаго и Церковнаго Православнаго Исповѣданія.	
	1854	**Бунге:** Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch, т. е. собраніе Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Курляндскихъ грамотъ съ хронологическимъ перечнемъ событій.	
	1855	**Ундольскаго:** Временникъ Георгія Амартола въ отношеніи къ Несторовой лѣтописи.	400 р. с.
		Почтнаго отзыва:	
	1837	**Терещенко:** Обозрѣніе жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи.	
	1840	**Смарагдова:** Руководство къ познанію Древней Исторія.	
	1844	**Его же:** Руководство къ познанію Новой Исторіи.	
	1846	**Скальковскаго:** Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго Коша Запорожскаго.	
	1846	**Макарія:** Исторія Христіанства въ Россіи до Равноапостольнаго Князя Владиміра.	
	1846	**Петрова:** Два пасхальныхъ указателя.	
	1855	**Ешевскаго:** Аполлинарій Сидоній. Эпизодъ изъ литературной и политической Исторіи Галліи V вѣка.	
Нумисматика.	1834	**Черткова:** Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ.	
	1837	***Шодуара:** Обозрѣніе Русскихъ денегъ.	
	1847	**Савельева:** Мухамеданская Нумисматика въ отношеніи къ Русской Исторіи.	
		Почтнаго отзыва:	
	1845	**Кн. Баратаева:** Нумисматическіе факты Грузинскаго Царства.	
Геральдика.	1855	**Лакіера:** Русская Геральдика. 2 части.	
Правовѣденіе.	1832	**Р. Гельмерсена:** Abhandlungen aus dem Gebiet des Livländischen Adelsrechtes.	
	1832	**Строева:** Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія (рукопись).	

Науки.	Годы.	Заглавіе книгъ.	На изданіе.
Правовѣдѣніе.	1835	**Р. Гельмерсена:** Geschichte des Livländischen Adelsrechtes.	
	1839	**Рейца:** Verfassung und Rechtszustand der dalmatischen Küstenstädte und Inseln im Mittelalter, aus deren Municipalstatuten entwickelt. Ein Beitrag zur Geschichte Slavischer Rechte. (M. S.).	
	1840	**Неволина:** Энциклопедія законовѣдѣнія. 2 части.	
	1844	**Вольфельдта:** Mittheilungen aus dem Strafrecht und dem Strafprocess in Livland, Esthland und Curland.	
	1850	**Торнау:** Изложеніе началъ Мусульманскаго законовѣдѣнія.	
	1851	***Неволина:** Исторія Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ 3 тома.	
	1855	**Жирнова:** Теорія уликъ.	
		Почтнаго отзыва:	
	1838	**Бунге:** Das Liv- und Esthländische Privatrecht.	
	1840	**Варшова:** О мѣрѣ наказаній.	
	1844	**Рихтера:** Лифляндское уголовное судопроизводство (рукопись).	
	1845	**Рихтера:** Der Livländische Strafprocess.	
	1847	**Линовскаго:** Изслѣдованіе началъ Уголовнаго права.	
	1851	**Шахмана:** О судебныхъ доказательствахъ по древнему Русскому праву, преимущественно гражданскому, въ историческомъ ихъ развитіи.	
	1854	**Вольфельдта:** Mittheilungen aus dem Strafrecht und dem Strafprocess in Livland, Esthland und Kurland.	
	1855	**Каченовскаго:** О каперахъ и призовомъ Судопроизводствѣ въ отношеніи къ нейтральной торговлѣ.	
Путешествія.	1835	***Литке:** Путешествіе вокругъ свѣта, совершенное по военномъ шлюпѣ «Сенявинъ». Съ атласомъ.	
	1837	**Гебеля:** Reise in die Steppen des südlichen Russlands.	
	1841	***Врангеля:** Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому морю.	
	1844	***Аделунга:** Kritisch-literärische Uebersicht aller Reisen der Ausländer in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind.	571 р. с.

Науки.	Годы.	Заглавіе книгъ.	На изданіе.
Путешествія.	1846	***Гр. Кейзерлинга и Крузенштерна**: Wissenschaftliche Beobachtungen auf einer Reise in das Petschorlaland im Jahre 1843.	
	1846	***Демидова**: Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, exécuté en 1837. 4 vols.	
	1847	**Базинера**: Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe im Jahre 1842 (M. S.).	
	1848	**Загоскина**: Пѣшеходная опись части Русскихъ владѣній въ Америкѣ.	
	1848	**Гофмана**: Reise nach den Goldwäschen Ostsibiriens.	
	1849	**Шренка**: Reise nach dem Nordosten des Europäischen Russlands.	
	1853	**Ковальскій**: Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-хой. Томъ I-й, съ 2-мя картами и 2-мя чертежами.	
		Почетнаго отзыва:	
	1853	**Влангали**: Геогностическія поѣздки въ восточную часть Киргизской степи.	
Архитектура и Искусства.	1850	**Мартынова**: Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго Зодчества. Текстъ Н. М. Снегирева.	
	1854	***Журавскаго**: Результатъ изслѣдованій системы Гау, примѣненной къ мостамъ С. Петербургско-Московской желѣзной дороги.	571 р. с.
		Почетнаго отзыва:	
	1842	**Свіязева**: Учебное руководство къ Архитектурѣ.	
	1844	**Гиппіуса**: Очерки теоріи рисованія, какъ общаго учебнаго предмета.	
Педагогика.	1833	**Ястребцова**: О системѣ наукъ, приличныхъ въ наше время дѣтямъ.	
	1835	**Флёри**: Глухо-нѣмые.	
	1836	**Ярцовой**: Полезное чтеніе для дѣтей.	
	1837	**Ишимовой**: Исторія Россіи въ разсказахъ для дѣтей.	
		Почетнаго отзыва:	
	1840	**Ишимовой**: Исторія Россіи въ разсказахъ для дѣтей.	

Г. Алфавитный списокъ

АВТОРОВЪ СОЧИНЕНІЙ, УВѢНЧАННЫХЪ ПРЕМІЯМИ И УДОСТОЕННЫХЪ ПОЧЕТНАГО ОТЗЫВА, РАВНО И РЕЦЕНЗЕНТОВЪ, ПОЛУЧИВШИХЪ ОТЪ АКАДЕМІИ МЕДАЛИ.

Примѣчаніе: Звѣздочка при имени означаетъ полную премію.
Имя, напечатанное толстымъ шрифтомъ, означаетъ, что сверхъ преміи выдана еще сумма на вознагражденіе издержекъ печатанія.
П. О. почетный отзывъ безъ преміи.
М. большая, м. малая медаль за доставленныя рецензіи.

А.

Аделунгъ * 1844.
Аносовъ 1841.
Аргеландеръ * 1836.
Аренсъ 1854 П. О.
Ашикъ 1848 П. О.

Б.

Базинеръ 1847.
Баратаевъ, Кн., 1845 П. О.
Баршевъ 1840 П. О.
Безсоновъ 1855 П. О.
Беккеръ 1851 П. О.
Бергштрессеръ 1838 П. О., 1841.
Бергъ 1854 П. О.
Бередниковъ 1834 м.
Бернарди 1844 М.
Бероевъ 1850.
Бессеръ 1847 м.
Биларскій 1847.
Блумъ 1842 м., 1849 м.
Бобинскій 1836.
Бобровниковъ 1850.
Боде, Баронъ, 1833.
Бодянскій 1855.
Божеряновъ 1849.
Болотовъ 1837, 1842 П. О.
Брашманъ * 1835, 1837, 1855 м.
Браунщвейгъ 1843 П. О.
Бредовъ 1844 П. О.
Брунъ 1888 П. О., 1842 П. О., 1845.
Бунге 1835 М., 1838 П. О.
Бурачекъ и Зеленый 1837.

В.

Вальтеръ 1849 М.
Варвинскій 1845 М.
Веньяминовъ 1835, 1840 П. О.
Веселаго 1852.
Веселовскій 1850 М.
Видеманъ 1845, 1849.
Висковатовъ 1842.
Витте 1854 П. О.
Влангали 1853 П. О.
Вольфельдтъ 1844, 1854 П. О.
Вороновъ 1854 П. О.
Востоковъ * 1832, 1833 М., 1834 М., * 1843.
Врангель, Баронъ, Е. В., 1838 м.
Врангель, Баронъ Ф. П., 1836 м., 1840 М., * 1841, 1853 М.
Всеволодовъ 1835, 1841 П. О.

Г.

Гагемейстеръ * 1831.
Галичъ 1834.
Гебель 1837.
Геблеръ 1835.
Гельмерсенъ, Р., 1832, 1835.
Гельмерсенъ, Г. П., 1841.
Гефтъ 1841 П. О.
Гейтлинъ 1845 П. О.
Гикуловъ 1840 П. О.
Гиппингъ 1852.
Гиппіусъ 1844 П. О.
Глаголевъ 1832.
Глазенапъ 1846 М., 1850 М.
Головацкій 1854.

[1]) Премія не взята авторомъ, и присоединена обратно къ Демидовскому капиталу.

Моденъ, Баронъ, 1836, * 1838, 1851 М.
Менетріе 1848.
Мерклинъ 1854.
Милютинъ 1849, * 1852.
Михайловскій-Данилевскій * 1835, 1836.
Михайловъ 1844 П. О.
Муральтъ 1848 м , 1853.

Н.

Напьерскій 1842 М.
Небольсинъ, Г. П., 1845 П. О.
Небольсинъ, П. И., 1855.
Неволинъ 1840, 1846 м., 1847 М., * 1851, * 1853.
Нейманъ 1833 М.
Нейсъ 1851 П. О.
Нормандеръ 1847.
Новицкій 1841 М.

О.

Ободовскій 1836 м , 1839.

П.

Павловскій 1843 П. О., 1855 П. О.
Павскій * 1843.
Паукеръ * 1831.
Перовлѣсскій * 1843.
Петровъ 1848 П. О.
Петрушевскій 1835, 1846.
Пироговъ 1836 м., 1840, * 1843, * 1850.
Погодинъ * 1839.
Половцевъ 1833.
Поповъ 1848.
Порошинъ 1846 м.
Поссельтъ 1852.
Пестельсъ и Рупрехтъ * 1840.
Посьетъ 1850.
Пушкаревъ 1848 П. О.

Р.

Ратлефъ 1852.
Рахманиновъ 1852 П. О.
Рейнеке * 1850.
Рейнъ 1839.
Рейфъ * 1832, 1850 П. О.
Рихтеръ 1844, 1845 П. О.
Рупрехтъ 1840, 1844.
Руссенбургъ 1851.

С.

Савваитовъ 1849.
Савельевъ 1847, 1854.
Савичъ 1842 м , * 1845.
Самсонъ фонъ Гиммельштернъ 1833 М., 1844 М., 1850 М.
Свіязевъ 1842 П. О.
Севастьяновъ 1832.
Семеновъ 1836.
Сидонскій * 1834, 1855 М.
Скаловскій 1845 П. О., 1848.
Слонимскій 1844.
Смарагдовъ 1840 П. О , 1841, 1844 П. О.
Смиттъ 1840 М.
Снегиревъ 1835, 1839
Соколовъ, Д. И., 1832, 1839.
Соколовъ, П. И., * 1834.
Соловьевъ 1855.
Соновъ 1837, 1847, 1850.
Степановъ 1835.
Строевъ, В. М., 1832.
Строевъ, С. М , 1839.
Стрѣлковскій, Лей и Тарасовъ, 1845 П. О.
Сѣверцовъ 1855.

Т.

Тарасовъ, Лей и Стрѣлковскій, 1845 П. О.
Татариновъ 1842.
Тебѣньковъ 1853.
Теляковскій 1839.
Терещенко 1837 П. О.
Толстой, Гр., * 1846.
Толь 1836 М.
Торнау 1850.

У.

Узатисъ 1843.
Ундольскій 1855.
Усовъ 1838.
Устряловъ 1831, 1833.
Ушаковъ * 1836.

Ф.

Фальдерманъ 1836, 1838.
Филомафитскій 1840.
Фишеръ, А. А., 1834 М.
Фишеръ, Г И., 1837.
Флери 1835.

Х.

Хавскій 1848.

Ц.

Циглеръ 1854 м.

Ч.

Чаруковскій 1838.
Чебышевъ 1848, 1852 м.
Чертковъ 1834, 1837 П. О.
Чистяковъ 1847 П. О.
Чубиновъ * 1839, * 1846.

Ш.

Шевыревъ 1836.
Шимкевичъ 1841.
Шмальцъ 1838 м.
Шодуаръ * 1837.
Шопенъ 1840.
Шренкъ 1849.
Штекгардтъ 1839 м.
Штукенбергъ 1840, 1842.
Шульгинъ 1838.
Шульцъ 1853 П. О.

Э.

Эверсманъ 1844.
Эйхвальдъ 1833.
Эрдманъ 1836 м.
Эристовъ 1836.
Эртель 1843, 1844 П. О.

Я.

Языковъ 1842.
Якоби * 1839.
Янишъ 1838 П. О.
Ярцова 1836.
Ястребцовъ 1833.
Ястржембовскій 1838.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

І. М. БОДЯНСКАГО

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

О ВРЕМЕНИ ПРОИСХОЖДЕНІЯ СЛАВЯНСКИХЪ ПИСЬМЕНЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

Академикомъ И. И. Срезневскимъ.

Въ числѣ замѣчательныхъ дѣлателей на поприщѣ отечественной науки профессоръ О. М. Бодянскій, корреспондентъ нашей Академіи, извѣстенъ всякому, слѣдящему за ходомъ литературы, столько же обширными знаніями, сколько и любовію къ дѣлу и ревностію къ пользѣ общей. Довольно вспомнить «Чтенія Московскаго Общества Древностей», имъ изданныя: эта обширная библіотека, необходимая для всякаго, изучающаго Россію и Славянство, запечатлѣна вся его мыслію и трудомъ, и убѣдительно свидѣтельствуетъ какъ объ отчетливости мысли его, такъ и о тщательности труда. Такія изданія рѣдки въ самыхъ богатыхъ литературахъ; тѣмъ болѣе дорожить ими должны мы, будучи богаты болѣе надеждами и предположеніями, чѣмъ ихъ исполненіемъ, особенно въ томъ, гдѣ легче судить, чѣмъ трудиться. Новый трудъ г. Бодянскаго есть новое свидѣтельство его начитанности и трудолюбія.

Въ началѣ второй половины IX столѣтія, какъ всѣмъ извѣстно, Константинъ Философъ, уроженецъ Солуни, что въ Македоніи, въ монашествѣ принявшій имя Кирилла, избравъ для себя святое поприще проповѣдыванія вѣры Христовой у Славянъ на ихъ родномъ языкѣ, и принявъ поэтому на себя обязанность перевести и написать по-славянски всѣ необходимыя церковныя книги, напалъ на счастливую мысль примѣнить къ славянскому языку азбуку греческую, увеличивши ее нѣсколь-

кими особенными знаками, и, насколько можемъ судить по оставшимся древнѣйшимъ даннымъ, умѣлъ примѣнить эту мысль къ дѣлу очень успѣшно. Не тогда въ первый разъ явилась грамотность у Славянъ; не одною Кирилловской грамотой пользовались Славяне и ранѣе и позже IX вѣка; тѣмъ не менѣе изобрѣтеніе Константина Философа осталось важнѣйшимъ изъ фактовъ этого рода въ исторіи первоначальнаго просвѣщенія Славянскихъ народовъ: вотъ почему г. Бодянскій на этомъ изобрѣтеніи Константина Философа сосредоточилъ всѣ свои соображенія при разборѣ вопроса «о времени изобрѣтенія славянскихъ письменъ». Есть указаніе, очень важное по древности, что Константинъ Философъ изобрѣлъ свою славянскую азбкуку въ 855 году. Это указаніе навело мысль нѣкоторыхъ ученыхъ на возможность праздновать тысячелѣтіе славянской азбуки въ одинъ годъ со столѣтіемъ Московскаго Университета, и придало на время особенную важность вопросу, и безъ того любопытному. Отвѣчать на этотъ вопросъ въ Москвѣ и для Москвы было всего ближе г. Бодянскому, какъ профессору славянской филологіи въ Московскомъ Университетѣ, и онъ не отказался воспользоваться этимъ случайнымъ поводомъ приняться за трудъ общеполезный. Разработка данныхъ привела г. Бодянскаго не къ тому выводу, который былъ бы кстати на ту пору, не позволила ему пріурочить изобрѣтеніе Константина Философа къ 855 году; такимъ образомъ возможность отпраздновать въ прошедшемъ году въ Москвѣ двойной юбилей было утрачена. Но въ этомъ, конечно, могъ всякій утѣшиться — взглянувъ потомъ на совѣстливый и обширный трудъ нашего ученаго, и принявъ въ расчетъ его важность среди явленій нашей современной литературы. Разсматривая книгу г. Бодянскаго, легко убѣдиться, что авторъ сводилъ свои соображенія не съ желаніемъ угодить временной прихоти, не жалѣя труда и времени, что могъ быть не безъ внутренней скорби самъ разставшись съ мыслію соединить въ одно два торжества, равно дорогія сердцу Русскаго, искалъ себѣ

успокоенія въ совѣстливомъ пересмотрѣ всего, что и его самого и другихъ могло убѣдить въ томъ, что ему представлялось какъ истина.

Такъ случайный поводъ далъ Русской историко-критической литературѣ сочиненіе, вовсе не случайно замѣчательное, и въ своемъ родѣ принадлежащее въ ней къ числу очень немногихъ.

Изобрѣтеніе Кирилла должно быть отнесено не къ 855, а къ 862-му году: вотъ къ чему привели г. Бодянскаго его обширныя изслѣдованія. Точно ли при такомъ выводѣ и должна остаться исторія славянской письменности, это мы можемъ оставить пока въ сторонѣ; но изслѣдованія г. Бодянскаго, тѣмъ не менѣе, должны были быть очень обширны, разнообразны, и, по самому положенію автора, вполнѣ самостоятельны.

Объ обстоятельствахъ жизни и дѣятельности Константина Философа и брата его, Меѳодія, есть довольно много показаній разнаго рода: ихъ находимъ въ лѣтописяхъ и грамотахъ, въ житіяхъ и въ воспоминаніяхъ очень разнаго происхожденія и времени. Эти показанія, будучи всѣ любопытны сами по себѣ, когда ихъ разсматриваемъ отдѣльно, представляются въ иномъ свѣтѣ и значеніи, когда ихъ сличаемъ взаимно одни съ другими. Довѣрять всѣмъ не остается никакой возможности; довѣряя однимъ, изслѣдователь принужденъ отвергнуть другія; а чтобъ довѣрить однимъ и отвергнуть другія, надобно принять въ расчетъ множество стороннихъ показаній, взвѣсить и ихъ достовѣрность, войти въ разборъ сказаній о многихъ событіяхъ, по видимому вовсе не относящихся къ дѣлу: все это тѣмъ необходимѣе, чѣмъ болѣе нужды пріурочить тотъ или другой фактъ жизни Константина Философа или Меѳодія къ опредѣленному году, и едвали не всего труднѣе въ изслѣдованіи о годѣ изобрѣтенія славянской азбуки. Изобрѣтши азбуку, Константинъ Философъ сталъ переводить на Славянскій языкъ прежде всего Евангельскія чтенія и спустя нѣкоторое время явил-

ся, какъ проповѣдникъ слова Божія, въ Моравіи: это фактъ несомнѣнный, не отвергаемый никѣмъ и ничѣмъ. Но пусть и совершилъ Константинъ Философъ свой трудъ перевода Евангельскихъ чтеній въ теченіе того или другаго, достовѣрно опредѣленнаго года, примѣрно скажемъ въ теченіе 862 года; изъ этого же еще нельзя заключать, что въ этомъ же году онъ и началъ свой трудъ въ первый разъ, никогда прежде не пытаясь браться за него, для какой бы то ни было цѣли; или что въ этомъ году примѣнивши славянскую азбуку, имъ изобрѣтенную, къ переводу Евангельскихъ чтеній, онъ никогда прежде и не думалъ объ азбукѣ, годной для славянскаго языка, и слѣдовательно не могъ изобрѣсти ее ранѣе, даже гораздо ранѣе, этого срока. Естественнѣе напротивъ заключать, что если въ 862 году у Константина Философа былъ уже готовъ переводъ Евангельскихъ чтеній на славянскій языкъ, то слѣдовательно первая попытка славянскаго перевода какихъ бы то ни было церковно важныхъ книгъ и первыя попытки примѣненія особенной азбуки къ славянскому языку, если не должны, по крайней мѣрѣ могли быть ранѣе 862 года; и во всякомъ случаѣ, чтобы дать историческую достовѣрность заключенію, что именно въ 862 году все дѣло не только было окончено, но и первоначально начато, надобно положительно доказать, что ранѣе 862 года Константину Философу не было ни малѣйшей возможности и думать о славянской азбукѣ и объ ея примѣненіи къ славянскому переводу Евангельскихъ чтеній или чего нибудь другаго. Понимая невозможность миновать этого рода доказательства, легко понять необходимость изслѣдованій очень обширныхъ и разнородныхъ. Г. Бодянскій не хотѣлъ ихъ миновать, и большую половину книги своей посвятилъ обозрѣнію и критическому разбору всѣхъ показаній, прямо или стороною относящихся къ дѣлу, не только не отстраняя, но даже нарочно вводя въ кругъ своихъ изслѣдованій другіе вопросы, связанные почему нибудь съ главнымъ вопросомъ. Очень естественно, что такое направленіе разработки дѣла не могло не

дать книгѣ г. Бодянскаго обширность, можно сказать, неожиданную, а вмѣстѣ и значеніе не только частное, по отношенію къ году изобрѣтенія азбуки, но и болѣе общее, по отношенію ко многимъ другимъ предметамъ древностей славянскихъ. И это значеніе книги г. Бодянскаго, даже совершенно независимо отъ успѣха рѣшенія главной задачи, ставитъ ее въ рядъ произведеній, необходимыхъ для всякаго, кто занимается древними судьбами славянской образованности. Она есть плодъ труда самостоятельнаго, твореніе ученаго не только близко знакомаго со всѣми источниками и пособіями, но и старавшагося обогатить науку открытіемъ и разъясненіемъ новыхъ, неизвѣстныхъ источниковъ. Что касается до главной задачи книги, то хотя и можно остаться неудовлетвореннымъ результатомъ изслѣдованій г. Бодянскаго, хотя можно и даже должно будетъ ранѣе или позже подвергнуть вопросъ новой разработкѣ, тѣмъ не менѣе въ этомъ отношеніи книга г. Бодянскаго на долго сохранитъ цѣнность важнаго пособія, достойнаго полнаго уваженія по многообразію соображеній.

Глядя такъ на новое произведеніе ученой дѣятельности профессора Бодянскаго, не могу не считать его вполнѣ достойнымъ вниманія Академіи и поощрительной Демидовской награды.

РАЗБОРЪ

рукописнаго сочиненія

Г. УНДОЛЬСКАГО

подъ заглавіемъ:

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКИХЪ ХРОНОГРАФАХЪ.

Томъ I.

О ВРЕМЕННИКѢ ГЕОРГІЯ АМАРТОЛА

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ НЕСТОРОВОЙ ЛѢТОПИСИ,

составленный

Академикомъ А. А. Куникомъ.

Исторія происхожденія и развитія исторіографіи у разныхъ европейскихъ народовъ принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ предметовъ исторической науки; но этотъ предметъ почти вездѣ до-нынѣ обработанъ, говоря вообще, еще неудовлетворительно. Причина тому, въ сущности, состоитъ въ томъ, что историческою критикою слишкомъ поздно стали заниматься, какъ отдѣльною, самостоятельною наукою, и вслѣдствіе того мало приготовлено сочиненій, составляющихъ самое прочное основаніе исторической критики: я разумѣю обстоятельныя монографіи о важнѣйшихъ источникахъ по одиначкѣ. Въ нашей исторической литературѣ плодотворные труды для объясненія начала русскаго лѣтописанія вызваны были, какъ извѣстно, дикимъ скептицизмомъ, и первое въ этомъ родѣ изслѣдованіе, извѣстное сочиненіе М. П. Погодина о Несторѣ, справедливо было увѣнчано въ 1840 году Академіею полной преміей. Съ тѣхъ поръ у насъ критическія изысканія объ источникахъ уже не рѣдкость, хотя сколько нибудь полная исторія русскаго лѣтописанія до Петра Великаго долго еще будетъ только желаніемъ, такъ какъ до сихъ поръ этому дѣлу положены, судя относительно, лишь немногія основанія. Разборъ и оцѣнка источниковъ по одиначкѣ до-нынѣ остаются самою настоятельною потребностью, потому что безъ этого русская исторія никогда не достигнетъ истиннаго значенія науки.

Въ числѣ специальныхъ критическихъ трудовъ, необходимыхъ для исторіи русскаго лѣтописанія, первое мѣсто естественно занимаетъ вопросъ о вліяніи византійскихъ историковъ на русскихъ лѣтописцевъ. Россія получила изъ Византіи, вмѣстѣ съ Христіанствомъ, и первыя стихіи литературнаго образованія. Могло быть, и даже очень вѣроятно, что первые начатки нашего лѣтописанія возникли въ Кіевѣ еще въ IX-мъ вѣкѣ, вслѣдъ за первымъ крещеніемъ Руссовъ,—въ видѣ краткихъ замѣтокъ о туземныхъ событіяхъ; но та литературная форма, въ которой дошла до насъ первая русская лѣтопись, безъ сомнѣнія, составилась по образцу византійскому. Редакторомъ этой первой лѣтописи, или вѣрнѣе перваго лѣтописнаго сборника, справедливо признается преподобный Несторъ, который въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка, подъ вліяніемъ византійскихъ источниковъ, совокупилъ во-едино прежнія лѣтописныя замѣтки или записки и продолжалъ ихъ до своего времени.

Въ чемъ же именно состояло это вліяніе? Еще до возстановленія въ 1803 году историко-филологическаго отдѣленія въ нашей Академіи, иностранные ученые замѣтили, что въ Несторовой лѣтописи есть нѣкоторое сходство съ неизданною византійскою лѣтописью Георгія Амартола. Въ самой Россіи этотъ взглядъ въ первые высказанъ былъ покойнымъ Академикомъ Кругомъ, въ 1806 году, въ Академіи. Но тогда думали, что Георгій Амартолъ, именно мѣста, внесенныя изъ него въ русскую лѣтопись, переведены были самимъ Несторомъ. Вскорѣ однакожъ этотъ взглядъ оказался ошибочнымъ: по указанію П. М. Строева и др., обнаружилось, что Несторъ имѣлъ подъ рукою церковно-славянскій (или болгарскій) переводъ Георгія Амартола, и въ тоже время оказалось еще, что Несторъ пользовался переводомъ не только самого Амартола, но и его неизвѣстнаго продолжателя.

Заботамъ гр. Румянцова и Круга удалось было склонить, просьбами и деньгами, Парижскаго Академика Газе къ изданію греческаго текста Амартола; но, по недоброхотству

этого ученаго, предпріятіе не состоялось. Переговоры объ этомъ предметѣ, возобновленные съ парижскимъ эллинистомъ въ 1845 году и продолжавшіеся до 1854, не повели къ чему: вслѣдствіе того III Отдѣленіе Академіи поручило изданіе греческаго оригинала одному нѣмецкому ученому, а II Отдѣленіе изданіе подобнаго же московскаго кодекса одному здѣшнему ученому. Оба эти предпріятія могли бы состояться, не только не мѣшая другъ другу, но и съ общею пользою, а между тѣмъ оказалось, что, до обнародованія этихъ двухъ изданій, полезно бы было и даже почти необходимо рѣшить напередъ нѣкоторые историко-литературные вопросы о личности Георгія Амартола и объ отношеніи его хронографіи, вмѣстѣ съ славянскимъ ея переводомъ, къ другимъ подобнымъ хроникамъ. Коротко сказать: въ послѣдніе годы считали почти за достовѣрное, что хронографъ Георгій, о которомъ здѣсь говорится, является въ литературѣ подъ разными наименованіями, именно 1) подъ именемъ Γεώργιος μοναχός, по церковно-славянскому переводу Георгій *мнихъ*, 2) Γεώργιος ἁμαρτωλός (peccator), въ церковно-славянскомъ переводѣ Георгій *грѣшный*. Не только византинисты слили этого Георгія Монаха съ Георгіемъ Амартоломъ, но между славянскими учеными считалось чуть ли не на-всегда рѣшеннымъ, что церковно-славянскій переводъ такъ называемаго Георгія Мниха или Грѣшнаго дошелъ до насъ въ двухъ редакціяхъ, именно въ болгарской и сербской. Дѣло казалось такъ просто и ясно, что нѣкоторые поборники этого догмата не захотѣли бы и выслушать какое-нибудь предостереженіе, еслибъ оно было голословно.

Между тѣмъ оказывается, что этотъ догматъ до сихъ поръ держался лишь потому, что никто не принималъ труда показать, на основаніи положительныхъ свидѣтельствъ, какъ возникъ этотъ догматъ въ ученомъ мірѣ и сколь необходимо прояснять такія темныя и безотчетныя мнѣнія какъ для славянской, такъ и для византійской исторической литературы. Такой необходимый трудъ предлагаетъ намъ г. Ундольскій въ разсматриваемомъ сочиненіи.

Г. Ундольскій, бывшій воспитанникъ Московской Духовной Академіи, своими отдѣльными трудами, пріобрѣлъ въ послѣднія 12 лѣтъ славу страстнаго любителя и основательнаго знатока церковно-славянской литературы. Случай къ умноженію его литературныхъ познаній доставляютъ ему, между прочимъ, занимаемыя имъ почетныя должности: Начальника Отдѣленія Архива Министерства Юстиціи въ Москвѣ, Библіотекаря въ Московскомъ Историческомъ Обществѣ и Члена Комитета для изданія Разрядныхъ и Записныхъ Книгъ, учрежденнаго при II Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Въ своихъ поискахъ для пріобрѣтенія церковно-славянскихъ рукописей и для удовлетворенія своей любознательности, онъ обращалъ особенное вниманіе на церковно-славянскіе хронографы, или переведенные съ греческаго или выбранные изъ нихъ по отрывкамъ, родъ исторической литературы, которому долго не знали настоящей цѣны. Въ I томѣ своихъ «Изслѣдованій о Церковно-Славянскихъ Хронографахъ», г. Ундольскій предпринялъ изслѣдовать Временникъ Георгія Амартола въ отношеніи къ лѣтописи Нестора, при чемъ возникло нѣсколько частныхъ историко-литературныхъ вопросовъ. Постараюсь выставить важнѣйшіе пункты въ ходѣ этого спеціальнаго изслѣдованія.

Доселѣ, какъ сказано выше, считалось несомнѣннымъ, что на греческомъ, а слѣдовательно и въ славянскихъ переводахъ существуютъ двѣ редакціи или фамиліи хроники Георгія Амартола. Между тѣмъ, обращаясь къ разсмотрѣнію церковно-славянскихъ переводовъ, нельзя сомнѣваться, что обѣ редакціи переведены на два разныя нарѣчія, — на болгарско-церковнославянскій и на сербско-церковнославянскій языкъ. Не смотря на это и на другія отличія, не переставали приписывать обѣ редакціи одному и тому же Георгію Амартолу. Но именно эти отличія такъ называемыхъ Славянскихъ *редакцій* Амартоловой Хроники въ сербскомъ и болгарскомъ переводахъ, заставили г. Ундольскаго внимательнѣе изслѣдовать *составъ*

этихъ *редакцій* и рѣшить положительнѣе: дѣйствительно ли на греческомъ и въ переводахъ церковнославянскихъ было двѣ разныхъ редакціи одной и той же Амартоловой Хроники, или же, вопреки общему мнѣнію, было два разныхъ писателя, одинаковыхъ только по имени — Георгіевъ? Но какъ было рѣшить этотъ сколько сложный, столько и любопытный вопросъ, когда не было еще изданій ни греческихъ кодексовъ, ни церковно-славянскихъ списковъ такъ называемой Амартоловой лѣтописи? Недостатокъ такихъ изданій могъ остановить инаго ученаго, но не г. Ундольскаго. Онъ, съ свойственною ему энергіею, принялся за собраніе а) *мнѣній* всѣхъ ученыхъ разныхъ странъ и временъ объ Амартолѣ и его хроникѣ; б) *Описаній греческихъ кодексовъ* Амартола и с) самыхъ *извлеченій* изъ Амартола, напечатанныхъ разными учеными при сочиненіяхъ и изданіяхъ; и наконецъ за собраніе мѣстъ греческаго текста Георгія Амартола, еще неизданныхъ у московскихъ и петербургскихъ ученыхъ, имѣвшихъ возможность пріобрѣсть болѣе или менѣе значительныя выписки изъ подлинника Амартола. Очевидно, такая работа не могла идти скоро, и только особливой настойчивости автора въ ученомъ трудѣ должно приписать, что ему удалось собрать болѣе двадцати мѣстъ изъ греческаго подлинника Амартоловой Хроники,—почти всѣ мѣста, гдѣ историки византійской литературы имѣли случай говорить о немъ, и библіографическія описанія самыхъ кодексовъ. Сколько тутъ книгъ пересмотрѣно, кромѣ приведенныхъ, въ надеждѣ отыскать что нибудь! Съ такими средствами г. Ундольскій рѣшился переслѣдовать это темное и запутанное дѣло, расположивъ свой трудъ въ слѣдующихъ пяти отдѣлахъ:

1) Кто былъ, когда жилъ и что написалъ Георгій Амартолъ?

2) Съ одной ли греческой хроники сдѣлано два церковнославянскихъ перевода, сербскій и болгарскій, или въ самомъ греческомъ подлинникѣ было двѣ редакціи этой хроники? или же было два совершенно разныхъ греческихъ писателя раз-

личныхъ хроникъ, переведенныхъ на болгарско и сербско-церковнославянскій языкъ?

3) Кто изъ двухъ греческихъ хронистовъ Георгіевъ (въ болгарскомъ и сербскомъ переводахъ) есть собственно Амартолъ и которая изъ двухъ хроникъ должна принадлежать Амартолу?

4) Греческій кодексъ Московской Синодальной Библіотеки № 251 содержитъ ли хронику Георгія Амартола, и сербскій переводъ лѣтовника Георгіева до-словно ли съ нимъ сходенъ? и наконецъ

5) Которою изъ двухъ Георгіевыхъ хроникъ пользовался преподобный Несторъ при составленіи начала своей лѣтописи — въ церковно-болгарскомъ переводѣ или въ церковно-сербскомъ?

Въ *первомъ* отдѣлѣ трудолюбивый и близко знакомый съ библіографическими пособіями авторъ, говоря о хроникѣ Амартола, писанной отъ Сотворенія Міра, съ продолженіемъ *неизвѣстнаго* по 948 годъ, приводитъ въ подлинникѣ описаніе а) греческихъ и б) славянскихъ рукописей. Это, по нашему понятію, полезно и даже необходимо въ разныхъ отношеніяхъ.

Ознакомившись съ Георгіемъ Амартоломъ и списками его лѣтописи на греческомъ и въ славянскихъ переводахъ, авторъ приступаетъ къ рѣшенію *втораго* вопроса: «съ одной ли греческой хроники сдѣланы болгарскій и сербскій переводы или съ двухъ греческихъ редакцій?» Безспорно, что съ разныхъ греческихъ списковъ, потому что и въ нихъ, какъ и въ переводахъ славянскихъ, въ однихъ есть довольно обстоятельный Πίναξ— криница (т. е. Tabulae, Оглавленіе) и предисловіе, равно и соотвѣтствующее криницѣ (оглавленію) дѣленіе хроники на книги и главы; въ другихъ ни криницы ни предисловія и пр. въ лѣтописи не находится; и продолжатели у лѣтописей въ греческихъ и славянскихъ переводахъ разные, а главное, что, по самому составу, въ нихъ находятся значительныя разности и несходства; и въ болгарскомъ время окончанія труда Георгіева обозначается царствованіемъ Михаила, сына Θеофилова.

Съ другой стороны подъ 839 годомъ замѣчается въ трехъ древнихъ греческихъ рукописяхъ, что здѣсь окончилось твореніе Георгіево, а потомъ слѣдуетъ Логоѳетово. Изъ всего этого заключаетъ г. Ундольскій, что былъ не одинъ, а двое греческихъ писателей Георгіевъ.

Послѣ разбора этого вопроса, необходимо представляется другой: который же собственно изъ этихъ двухъ Георгіевъ Амартолъ и которая изъ двухъ лѣтописей должна принадлежать ему? Настоящій *третій* отдѣлъ можно и должно, по справедливости, назвать капитальнымъ во всемъ настоящемъ изслѣдованіи, потому что въ немъ приведены въ подлинникахъ а) *извѣстія* объ Амартолѣ писателей, критиковъ и издателей, пользовавшихся его лѣтописью, и в) *мѣста* изъ нея въ сличеніи съ болгарскимъ переводомъ. Изъ этого сличенія несомнѣнно заключаетъ г. Ундольскій, что Амартолу безспорно должна принадлежать лѣтопись отъ Сотворенія Міра по 867, продолженная по 948 годъ неизвѣстнымъ. Эта лѣтопись находится въ болгарскомъ переводѣ. Въ заключеніе сего отдѣла г. Ундольскій обращается къ разсмотрѣнію продолжателя Амартоловой лѣтописи и доказываетъ между прочимъ, что въ болгарскомъ переводѣ, вопреки его показанію, слитъ вовсе не неизвѣстный Ѳеоѳановъ продолжатель (изд. Комбефисомъ in Scriptoribus post Theophanem). При этомъ г. Ундольскій дѣлаетъ справедливый упрекъ Беккеру (Emmanuel Bekker) за Бонское изданіе Scriptorum post Theophanem (*). Настоящій отдѣлъ заключенъ выводомъ, что въ изданныхъ доселѣ византійцахъ мы не имѣемъ ни одного совершенно сходнаго съ продолжателемъ Амартоловой хроники по 948 годъ.

Для полнаго и совершеннаго доказательства, что не одинъ, а двое было Грековъ хронистовъ Георгіевъ, г. Ундольскимъ въ IV отдѣлѣ приведены изъ лѣтописи Георгіевой всѣ тѣ же мѣ-

---

(*) Именно въ томъ, что онъ измѣнилъ прежнее заглавіе и въ надписаніяхъ и счетѣ книгъ слилъ въ одно нѣсколько разныхъ писателей.

ста, какія въ предъидущемъ III отдѣлѣ сообщены изъ Амартоловой хроники. Изъ сличенія открылось, что оба лѣтописателя Амартолъ и (такъ называемый) Георгъ инокъ, содержащійся въ московскомъ кодексѣ, хотя во многомъ между собою сходятся, тѣмъ не менѣе однакожъ суть два совершенно отдѣльные хрониста, что московскій синодальный кодексъ нельзя считать хроникою настоящаго Амартола, и что въ немъ, какъ заключаетъ г. Ундольскій, содержится хроника Георгія инока, писавшаго отъ Сотворенія Міра по 839 годъ, окончаніе коей напечатано Комбефисомъ въ числѣ продолжателей Ѳеоѳана, гдѣ подъ 839 годомъ сказано, что здѣсь окончено твореніе Георгіево — а далѣе идетъ Логоѳетово. Эта самая замѣтка находится и въ томъ же самомъ мѣстѣ и въ московскомъ Синодальномъ Греческомъ кодексѣ, и въ концѣ онаго: «окончилось и твореніе Логоѳетово».

Рѣшивъ это, авторъ обращается къ разсмотрѣнію того, дѣйствительно ли «лѣтовникъ Георгія инока» въ сербскомъ переводѣ до-словно сходенъ съ синодальнымъ греческимъ кодексомъ? На это авторъ отвѣчаетъ отрицательно. Хотя окончательнаго рѣшенія вопроса объ отношеніи лѣтовника Георгія къ московскому синодальному кодексу и нѣтъ въ изслѣдованіи г. Ундольскаго; но мы и не въ правѣ отъ него требовать, ибо главная его задача — разсмотрѣть одинъ Временникъ Георгія Амартола и то отношеніе, какое имѣлъ онъ къ Несторовой лѣтописи. Этотъ пунктъ составляетъ V и послѣдній отдѣлъ его труда, въ коемъ рѣшается: «которою изъ двухъ Георгіевыхъ хроникъ пользовался преподобный Несторъ при составленіи своей лѣтописи, въ такъ называемой болгарской ли или въ сербской редакціи? Настоящій вопросъ рѣшенъ кратко, но удовлетворительно: Несторъ пользовался именно болгарской редакціей.

Въ VI отдѣлѣ содержатся выводы настоящаго изысканія съ показаніемъ прежнихъ, доселѣ принятыхъ положеній. До сихъ поръ нѣкоторые ученые полагали, что на греческомъ было двѣ разныя

редакціи Амартоловой хроники, переведенные на болгарское и сербское нарѣчіе. Г. Ундольскій старался доказать, что не одинъ, а *двое* было разныхъ лѣтописателей греческихъ Георгіевъ, которыхъ хроники встрѣчаются и отдѣльно безъ продолжателей. Въ славянскихъ переводахъ, болгарскомъ и сербскомъ, содержится не одна Амартолова хроника, но только въ первомъ, т. е. въ болгарскомъ; а въ сербскомъ — «лѣтовникъ» такъ называемаго «Георгія инока». Сербскій лѣтовникъ Георгіевъ во многомъ несходенъ съ московскимъ синодальнымъ греческимъ кодексомъ, особенно во второй его половинѣ: цѣлыя царствованія иногда въ немъ подробнѣе греческаго, иногда на оборотъ.

И такъ, по мнѣнію г. Ундольскаго, теперь вмѣсто двухъ мнимыхъ редакцій подлинника Амартоловой хроники мы имѣемъ двухъ отдѣльныхъ хронистовъ греческихъ, продолженныхъ по 948 годъ, но встрѣчающихся въ подлинникѣ и отдѣльно.

Доселѣ мы имѣли случай говорить о текстѣ изысканій г. Ундольскаго о Временникѣ Георгія Амартола въ отношеніи къ Несторовой лѣтописи. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о приложеніяхъ, и прямо обратимъ вниманіе на второе приложеніе о *Кесаріѣ*, томъ самомъ, на котораго Амартолъ, а за нимъ и преподобный Несторъ ссылаются въ своихъ лѣтописяхъ. Сего Кесарія, брата Григорія Богослова, кажется, въ первый разъ, удалось г. Ундольскому открыть въ славянскомъ переводѣ. Если такъ, то весьма любопытно знать, что еще въ IV вѣкѣ писалъ Касарій о Славянахъ, «какоже въ иной суще мрацѣ Словене и Фисоняне еще же и Дуневіане нарицаются». Въ слѣдующемъ за тѣмъ III приложеніи содержится извлеченіе Анкѵрота св. Епифанія Кипрскаго, писателя почти современнаго Кесарію († 403), — извлеченіе, которое можетъ пояснить этнографическую таблицу Нестора и отыскано г. Ундольскимъ также въ славянскомъ переводѣ.

Принимая въ соображеніе весь ходъ изслѣдованія и главные его результаты, нельзя дать мѣста ни малѣйшему сомнѣ-

нію въ томъ, что 1) предметъ изслѣдованій г. Ундольскаго есть современный и настоятельный вопросъ исторической критики, и что основательный разборъ этого вопроса весьма кстати является, прежде нежели состоялось изданіе обѣихъ греческихъ лѣтописей, предпринимаемое распоряженіемъ II и III Отдѣленій Академіи; что 2) сочиненіе г. Ундольскаго не есть какой нибудь сборникъ библіографическихъ свѣдѣній, а представляетъ въ себѣ трудъ критическій. Правда, предметъ изслѣдованія разсматривается здѣсь преимущественно съ историко-литературной стороны; но съ этого именно и надобно было начать. Было бы совершенно несправедливо винить г. Ундольскаго за то, что онъ не сдѣлалъ больше, чѣмъ слѣдовало по плану его сочиненія. Въ настоящее время онъ не могъ предпринять полнаго сравненія текста разсматриваемыхъ греческихъ и церковно-славянскихъ хронографовъ, не могъ уже потому, что они еще не изданы, а нѣкоторые изъ нихъ г. Ундольскому не были довольно доступны. При томъ, сравненіе, которое должно составить другую сторону критическаго разбора этого разряда хронографовъ, представляется особенною задачею, которой надобность стала ощутительна только теперь, послѣ историко-литературнаго разбора, сдѣланнаго г. Ундольскимъ. Чего хотѣлъ достигнуть г. Ундольскій и что дѣйствительно прежде всего надобно было разъяснить, то онъ выполнилъ совершенно удовлетворительно: личность Георгія Амартола и его сочиненія — такъ называемый «Временникъ Георгія грѣшнаго», послужившій первообразомъ Нестору, теперь поставлены выше всѣхъ недоразумѣній, такъ что отнынѣ этого писателя нельзя уже смѣшивать съ подобными греческими и церковно-славянскими текстами, потому что сходство между ними отнюдь не простирается до тождества. Не такъ рѣшительно можно отозваться о результатѣ г. Ундольскаго касательно лѣтописи «Георгія монаха или инока» и объ отношеніи его къ временнику Георгія Амартола или грѣшнаго. Но это не значитъ, чтобы приведенныя имъ доказательства были слабы.

По самому свойству этого вопроса, окончательное рѣшеніе его надобно отложить до обнародованія всѣхъ относящихся сюда текстовъ, какъ греческихъ, такъ и церковно-славянскихъ; потому что только тогда можно будетъ положительно сказать, былъ ли почти въ одно время съ Георгіемъ Амартоломъ другой Георгій, по прозванію монахъ или инокъ, и чье сочиненіе вошло въ составъ другаго — Лѣтописникъ ли такъ называемаго Георгія монаха въ Временникъ Георгія Амартола, какъ полагаетъ г. Ундольскій, или на-оборотъ? Изъ его разысканій мы достовѣрно узнаемъ покуда, что въ «Лѣтописникѣ» и «Временникѣ» Георгіевыхъ, какъ на греческомъ, такъ и на церковно-славянскомъ языкѣ, мы имѣемъ двѣ особенныя, хотя въ многомъ сходныя, но въ цѣломъ самостоятельныя редакціи хронографіи отъ Сотворенія Міра въ одномъ до 839, въ другомъ до 867 года, и что обѣ редакціи имѣютъ отъ показанныхъ годовъ двухъ разныхъ продолжателей до 948 года, изъ которыхъ одинъ на греческомъ языкѣ доныне еще неизданъ. Для критика византійскихъ источниковъ чрезъ это открывается широкое поле, и нѣтъ сомнѣнія, что весь этотъ вопросъ прольётъ новый свѣтъ и на другіе византійскіе и церковно-славянскіе хронографы, состоящіе болѣе или менѣе въ связи съ Временникомъ Георгія Амартола, именно на важный вопросъ о Симеонѣ Логоѳетѣ.

Послѣ всего сказаннаго не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что въ сочиненіи г. Ундольскаго мы имѣемъ самостоятельное изслѣдованіе, выполненное вообще съ тщательностью, на основаніяхъ ученой критики. Встрѣтить такой трудъ тѣмъ пріятнѣе, что въ немъ византійскія лѣтописи не только въ русской, но и во всей ученой литературѣ, *въ первый разъ* подвергаются ученому разбору совокупно съ славянскими ихъ переводами и компиляціями. Академія давно признала важность и необходимость такихъ критическихъ сравненій и не разъ публично вызывала на такіе труды. Что же касается собственно вопроса, разсматриваемаго г. Ундольскимъ, то въ послѣдніе

годы, II и III Отдѣленія совершенно самостоятельно, безъ всякаго соревнованія другъ къ другу, высказывали заботливое убѣжденіе въ настоятельной необходимости повести этотъ вопросъ къ положительному рѣшенію посредствомъ изданія относящихся къ нему источниковъ. Эти убѣжденія и заботы самой Академіи о предметѣ сочиненія г. Ундольскаго, кажется, могутъ служить для насъ вполнѣ достаточнымъ побужденіемъ поощрить его къ дальнѣйшимъ трудамъ на этомъ трудномъ поприщѣ, въ примѣръ другимъ для подражанія. И мы поступимъ совершенно въ духѣ основателя наградъ, если увѣнчаемъ сочиненіе, которое съ успѣхомъ прокладываетъ новый путь въ нашей ученой литературѣ. Прибавимъ къ тому, что г. Ундольскій, какъ видно изъ разныхъ мѣстъ его сочиненія, занимался подобнымъ же образомъ Палеями, хроникою Малалы, и другими церковно-славянскими хронографами.

Сочиненіе г. Ундольскаго принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которымъ суждено покуда имѣть весьма малый кругъ читателей. Вслѣдствіе того я предлагаю присудить сочинителю и сумму на покрытіе издержекъ печатанія.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Г. ЛАКІЕРА:

РУССКАЯ ГЕРАЛЬДИКА,

составленный

Академикомъ Н. Г. Устряловымъ.

Ученая литература Западной Европы можетъ указать десятки сочиненій, посвященныхъ спорамъ о томъ, существовали-ли гербы въ древней Греціи и Римѣ. Нѣкоторыя, по большей части темныя и неопредѣленныя выраженія, встрѣчающіяся у поэтовъ и историковъ древности о знакахъ, изображавшихся на шлемахъ и щитахъ, подавали поводъ спорамъ, пока наконецъ ученый геральдикъ XVI столѣтія Менетріе (Menestrier), извѣстными своими сочиненіями: «Nouvelle méthode raisonnée du blason ou de l'art héraldique» и другимъ: «L'origine ou vraie pratique de l'art du blason», — не доказалъ, что объясненія начала и значенія гербовъ должна искать Западная Европа совсѣмъ не въ печатяхъ, завѣщанныхъ древностью, и не въ знакахъ, бывавшихъ на шлемахъ, а въ подвигахъ рыцарей среднихъ вѣковъ и въ обрядахъ, соблюдавшихся при турнирахъ. Исторія подвига находила себѣ вѣрнаго, хотя не всегда и не для всѣхъ яснаго истолкователя въ гербѣ, котораго обстановка — шлемъ, намётъ, корона и т. д. — была сколкомъ съ рыцарскаго вооруженія во всей его полнотѣ (образцы такихъ гербовъ представлены на 1ᵃ таблицѣ сочиненія «Русская Геральдика»). Плодотворная мысль, брошенная Менетріе, принесла богатые плоды въ сочиненіяхъ геральдиковъ XVII и XVIII столѣтій: Петра-Санкта, Спенера, Коломбьера, и въ новѣйшее время Натали-де-Вальи (Natalis de Wailly) — Éléments de Paléographie — два боль-

шіе тома in-4°, 1838 г., и Эйзенбаха (Eysenbach) — Histoire du blason et science des armoiries 1848 г. Послѣ такихъ сочиненій, отличающихся новостью и правильностью взгляда на богатые матеріалы, бывшіе до тѣхъ поръ неизвѣстными, становится неумѣстнымъ всякій трудъ о гербахъ, неосвященный историческою разработкою подвиговъ, стяжавшихъ лицу и его потомству право на извѣстныя отличія въ гербѣ.

Результаты, добытые Западными учеными, не могутъ быть оставлены безъ вниманія Русскими геральдиками, потому что внѣшняя форма герба, его обстановка, аттрибуты, у насъ тѣже, какія у дворянъ Западной Европы, и безъ историческаго объясненія значенія составныхъ частей герба осталось бы непонятнымъ, почему у насъ столько именно, не болѣе, геральдическихъ цвѣтовъ, мѣховъ; для чего употребляются наметъ, корона и т. д.

Вслѣдствіе того исторіи гербовъ Западной Европы посвящена первая часть «Русской Геральдики», въ которой въ краткомъ очеркѣ объяснено вліяніе рыцарства и турнировъ на образованіе и развитіе гербовъ, показаны значеніе и формы дѣленій щита, и на основаніи лучшихъ пособій, которыя представляетъ иностранная литература, изложены правила, необходимыя для всякаго, кто, получивъ право на гербъ, захотѣлъ-бы его употреблять. Исторія же рыцарства и близкое знакомство съ происхожденіемъ иностранныхъ названій для означенія разныхъ дѣленій щита и частей герба, такими дѣленіями образуемыхъ, дали возможность, во избѣжаніе описательныхъ выраженій, ввести названія, которыя могутъ сдѣлаться техническими. Если выраженія: *разсѣченный* для означенія герба, раздѣленнаго поперекъ, parti; — *разбитый* вмѣсто раздѣленнаго вдоль, coupé; *скошенный*—tranché, taillé и т. д., могутъ казаться теперь нововведеніями, то не должно забывать, что и общеупотребительные нынѣ французскіе термины, извѣстные всякому, когда-то были такими же нововведеніями, получили однако право гражданства въ наукѣ, потому что значительно об-

легчаютъ описаніе гербовъ и соотвѣтствуютъ той исторической причинѣ, на которой основаны эти дѣленія, какъ остатки сабельныхъ по щиту ударовъ. Названія, для введенія которыхъ сдѣлана попытка въ «Русской Геральдикѣ», заимствованы изъ прежнихъ описаній нашихъ гербовъ и отчасти дополнены новыми.

Но если внѣшняя форма Русскаго герба перешла къ намъ изъ Западной Европы, то это еще не значитъ, что гербы наши не имѣютъ никакого самостоятельнаго значенія, что у насъ не можетъ быть своей геральдики, какъ науки съ своимъ основаніемъ и съ своимъ образомъ воззрѣнія на эмблемы. Совершенно противуположный взглядъ на отечественные гербы лежитъ въ основаніи сочиненія «Русская Геральдика», и правильность его сама собою вытекаетъ изъ исторіи отечественнаго дворянства, котораго начало и образованіе во всѣхъ отношеніяхъ отлично отъ дворянства Западной Европы, дворянства рыцарскаго. Тѣмъ не менѣе изданныя у насъ до сихъ поръ о геральдикѣ сочиненія не только не высказываютъ этой мысли, но, кажется, и не подозрѣвали возможности Русской геральдики.

Первое о гербахъ сочиненіе, въ Россіи изданное, принадлежитъ Академіи Наукъ, напечатавшей въ 1731 году на Нѣмецкомъ языкѣ—«Введеніе въ Геральдику» (Einleitung zur Wappenkunde); но это не болѣе, какъ учебникъ (неконченный), заключающій въ себѣ подробное изложеніе правилъ о дѣленіи щита, изображеніи эмблемъ и пр.; но о Руссихъ гербахъ и ихъ значеніи даже не упомянуто. Тѣмъ же направленіемъ отличаются: изданное въ 1805 году *Глѣбомъ Мальгинымъ* «Начертаніе Гербовѣдѣнія», переводъ руководства Гаттера, и книга *Нестора Максимовича Амбодика* (1788 и 1811 г.): «Избранныя эмблеммы и символы, на Россійскомъ, Латинскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ и Англійскомъ языкахъ объясненныя». При всей неполнотѣ и при несовершенствѣ этихъ двухъ сочиненій, хотя даже и рыцарская геральдика необъяснена въ нихъ надлежащимъ образомъ и далеко не такъ, какъ бы того требовало

современное состояніе науки, книги эти остаются до сихъ поръ единственными пособіями для того, кто захотѣлъ бы сочинить для себя гербъ.

Не смотря однако на такой образъ воззрѣнія прежнихъ писателей на гербы въ Россіи, существованіе у насъ самостоятельныхъ эмблемъ не можетъ подлежать сомнѣнію, а начало ихъ восходитъ до XV и XVI столѣтій. Самая же неизмѣнность изображеній убѣждаетъ, что съ ними было соединяемо постоянно одно и тоже значеніе. Между тѣмъ, такъ какъ первые слѣды ихъ сохранились на печатяхъ, то разрѣшенія вопроса о происхожденіи гербовъ должно искать въ исторіи печатей и преимущественно печатей Княжескихъ. Далѣе, на деньгахъ Великихъ и Удѣльныхъ Князей часто встрѣчаются различныя изображенія людей, звѣрей и т. п. съ надписью: *печать*, и такъ какъ монеты чеканились подъ надзоромъ правительства особыми денежниками, и слѣдовательно нельзя предположить въ этомъ дѣлѣ никакого произвола, то на исторію денежныхъ чекановъ обращено особенное вниманіе. Съ денегъ изображенія перешли на печати Княжествъ и наконецъ въ гербы Княжескихъ фамилій, происшедшихъ отъ Рюрика, — родовъ, предки которыхъ обладали отдѣльными княжествами на правахъ самостоятельныхъ владѣльцевъ. Основная мысль сочиненія ясна изъ слѣдующихъ примѣровъ. Можно ли объяснить исторію Кіевскаго герба безъ подробнаго изученія печатей Кіевскихъ Великихъ Князей, носящихъ съ XII вѣка изображеніе Архангела Михаила, или Московскаго всадника, не прошедши по монетамъ и печатамъ видоизмѣненій того-же типа — портрета Великаго Князя и Царя, побѣждающаго и наконецъ побѣдившаго враговъ въ видѣ дракона? Далѣе гербъ Новгорода остается непонятнымъ безъ объясненія вѣчевой печати, на которой были изображены степени вѣча и положенный на нихъ архіепископскій посохъ. Вообще исторія печатей служитъ введеніемъ въ исторію гербовъ и равно необходима для государственной и частной дворянской геральдики. Вслѣдствіе того во второй книгѣ сочиненія, кро-

мѣ правилъ, которыми руководствовались въ древней Россіи при приложеніи печатей, подробно изложены и объяснены рисунками: 1) печати князей, причемъ особенное вниманіе обращено на вопросъ о значеніи Московскаго всадника, поражающаго дракона; 2) печати городовъ; 3) печати духовенства; 4) должностныхъ лицъ и приказовъ, и 5) печати частныхъ лицъ. Послѣднія состояли обыкновенно изъ геммъ и антиковъ, вставленныхъ въ именные ободочки, и древность завѣщала намъ прелестные образцы подобныхъ печатей (табл. XI и XII).

Государственная Геральдика, т. е. о гербахъ Государственномъ и городскихъ, имѣетъ также свою исторію, въ высшей степени занимательную, потому что въ видоизмѣненіяхъ, которымъ подвергался Государственный орелъ, въ постепенномъ умноженіи его аттрибутовъ, выразилась наглядно вся исторія Россіи. Извѣстно, съ какою точностью Московскій Царь и его приказные люди смотрѣли за тѣмъ, чтобы грамоты къ извѣстному двору запечатавались опредѣленнымъ именно видомъ печати на *извѣстномъ* воску, подъ такою именно, а не другою кустодіею. Примѣры, заимствованные изъ подлинныхъ, хранящихся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ рукописныхъ титулярниковъ XVI и XVII столѣтій, дали полную возможность прослѣдить, въ какихъ случаяхъ употреблялся каждый видъ печатей, и объяснить значеніе т. н. *кормленой* печати; первоначально употреблялась она исключительно для утвержденія грамотъ, которыя давались чиновникамъ на кормъ (отъ того произошло и названіе ея), впослѣдствіи же времени ее стали прикладывать и къ другимъ документамъ разнаго рода. На ней изображенъ одинъ всадникъ на конѣ.

Бракъ Іоанна III съ царевною Софіею Палеологъ далъ Россіи право на двуглаваго орла, гербъ Кесарей. Первоначально орелъ употреблялся нашими Великими Князьями совершенно въ такомъ же видѣ, какъ его заимствовали изъ Царя-града, и лишь на оборотѣ помѣщался Московскій гербъ. Впослѣдствіи, съ расширеніемъ предѣловъ Москвы и Россіи, стали находить

себѣ мѣсто на груди и крыльяхъ орла иные аттрибуты. По этому, кромѣ видоизмѣненій фигуры орла въ разныя царствованія, необходимо было въ подробности изслѣдовать 1) съ какого времени стали помѣщать на пѐрсяхъ двуглаваго орла Московскаго всадника, 2) что значили областные гербы на крыльяхъ орла, 3) какими и сколькими вѣнчался онъ коронами, что знаменовала каждая изъ нихъ и что означалъ крестъ на средней коронѣ, скипетръ и держава въ лапахъ орла и 4) какъ видоизмѣнялись надписи вокругъ печати. Практическая польза отъ такого всесторонняго изученія Русскаго Государственнаго герба заключается главнымъ образомъ въ томъ, что аттрибуты его даютъ нерѣдко возможность опредѣлять время, къ которому относятся памятники нашей старины, такъ какъ орелъ былъ любимымъ ихъ украшеніемъ.

Не смотря на то, что художники, для изображенія побѣды нашихъ войскъ подъ знаменемъ орла, покровительства ему свыше и т. п., придумывали символическіе аттрибуты, которыми и окружали двуглаваго орла, оффиціальное его изображеніе оставалось неизмѣннымъ, и охраненіе его было ввѣрено печатникамъ, печатному приказу и наконецъ оберегателю Государственной печати. Исторія этихъ лицъ показываетъ, какое довѣріе питали къ нимъ наши Цари и какія обязанности лежали на нихъ. Книгу о Государственномъ гербѣ оканчиваетъ обзоръ частныхъ печатей Царя и членовъ его семейства.

Не менѣе важна и необходима для Русской геральдики исторія городскихъ гербовъ: ею объясняются съ одной стороны эмблемы, видимыя въ нынѣ существующихъ гербахъ губерній, и съ другой опредѣляется значеніе гербовъ княжескихъ фамилій Рюрикова потомства. Такъ какъ въ послѣднихъ, т. е. княжескихъ гербахъ, повторяются гербы Кіевскій, Черниговскій, Новгородскій, Смоленскій, Ярославскій, Стародубскій и Литовскій, то въ подробности изложена исторія этихъ знаменъ и видоизмѣненій, которымъ они подвергались. Окончательное же ихъ образованіе, въ главныхъ чертахъ оставшееся безъ из-

мѣненія до сихъ поръ, относится къ царствованію Петра Великаго, когда Государь, размѣстивъ сформированное имъ постоянное войско по губерніямъ, повелѣлъ дать каждому полку названіе и на знамени изобразить гербъ той провинціи, въ которой онъ расположится. Труды на этомъ поприщѣ графовъ де-Санти и Миниха подробно изложены по рукописи, бывшей до сихъ поръ неизвѣстною и хранившейся въ Архивѣ Военной Коллегіи. Описаніе гербовъ, утвержденныхъ въ 1729 году для полковыхъ знаменъ, перешедшихъ потомъ на воеводскія печати, помѣщено вполнѣ. Затѣмъ изложены позднѣйшія измѣненія, которымъ подвергались городскіе гербы, и исчислены лица, особенно отличавшіяся ихъ сочиненіемъ.

Такимъ образомъ первый томъ «Русской Геральдики» приготовилъ матеріалы для втораго, исключительно посвященнаго исторіи частныхъ дворянскихъ гербовъ: съ одной стороны изложены правила для составленія гербовъ, съ другой объяснено значеніе городскихъ знаменъ, которыя въ разныхъ сочетаніяхъ составляютъ коренныя эмблемы для древнѣйшихъ Русскихъ гербовъ, для гербовъ княжескихъ фамилій Рюрикова потомства. Но предварительно изложенія ихъ, въ подробности доказано историческими довóдами, что коренное дворянство наше нисколько не уступаетъ ни въ древности, ни въ благородствѣ дворянству Западной Европы, и вмѣстѣ съ тѣмъ разсмотрѣно, изъ какихъ слоевъ образовалось у насъ это сословіе. Изъ исторіи его выведены съ одной стороны система изложенія предмета, и съ другой объясненіе, почему гербъ частныхъ дворянскихъ фамилій, какъ установленіе, является у насъ не ранѣе послѣдней четверти XVII столѣтія. Основная въ этомъ отношеніи мысль состоитъ въ томъ, что Варяго-Руссы, прибывшіе къ Славянамъ, одного происхожденія съ Норманами, отъ которыхъ ведутъ себя древнѣйшія фамиліи Западной Европы, но у насъ они не поглотили туземныхъ родовъ, которыхъ потомки несомнѣнно продолжаются до настоящаго времени. Затѣмъ съ образованіемъ великокняжескаго двора вхо-

дившія въ составъ его лица — *дворяне* — дѣлились на разряды разныхъ наименованій, смотря по мѣсту, занимаемому ими въ службѣ придворной, военной и гражданской. Такой же дворъ, хотя менѣе блестящій и не столь многочисленный, какъ Московскій, былъ у удѣльныхъ князей, у *меньшей братьи*, и по слитіи удѣловъ съ Москвою, когда и сами удѣльные князья стали *служебными* князьями, служба, по необходимости, стала различаться *по Москвѣ* и *по городу*. Въ тоже время, съ покореніемъ Казани, Астрахани, Сибири и др. странъ, къ Московскому дворянству примкнули Цари, Царевичи и дворяне разныхъ происхожденій. Если ко всѣмъ этимъ составнымъ частямъ нашего благороднаго сословія, изъ которыхъ каждая имѣла свои права и преимущества, прибавить еще выѣзжавшихъ къ намъ изъ разныхъ странъ Европы и Азіи дворянъ, то станетъ яснымъ, отъ чего, не смотря на всѣ запрещенія и наказанія, были возможны у насъ многочисленныя мѣстническія дѣла. Безспорно, что уничтоженіе мѣстничества положило первое основаніе образованію отечественнаго дворянства, какъ сословія, и однимъ изъ главныхъ къ тому поводовъ было повелѣніе Царя Ѳеодора Алексѣевича вмѣсто прежнихъ частныхъ разрядовъ завести въ государственномъ разрядѣ оффиціальную родословную книгу, въ которую можно было вносить родъ не прежде, какъ по представленіи имъ надлежащихъ о его происхожденіи доказательствъ. Очевидно, что наибольшая трудность въ этомъ отношеніи предстояла для дворянъ выѣзжихъ, и Родословная Палата, которой было поручено составленіе и веденіе родословной книги, сносилась неоднократно съ Посольскимъ Приказомъ, завѣдывавшимъ иностранцами, дѣйствительно-ли та или другая фамилія могла быть причислена къ благороднымъ; а такъ какъ въ числѣ доказательствъ были представляемы и гербы, то Посольскому Приказу предстояла обязанность разъяснять по имѣвшимся у него документамъ, что значилъ извѣстный гербъ, кѣмъ онъ употреблялся, какъ перешелъ къ тому роду, котораго касался запросъ Родословной

Палаты, и доставлять ей свои справки. Большая часть свѣдѣній, сообщенныхъ Посольскимъ Приказомъ, была заимствована изъ Польскаго геральдика Окольскаго, котораго книга — Orbis Polonicus — была въ приказѣ и пользовалась особымъ почетомъ. Въ концѣ XVII столѣтія была даже заведена особая въ Посольскомъ Приказѣ книга для записки такихъ справокъ, и она значится въ описи Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, но къ сожалѣнію утратилась. Напечатанные по подлиннымъ дѣламъ отрывки не оставляютъ сомнѣнія, что гербы существовали у насъ за долго до Петра Великаго и что источники, изъ которыхъ почерпались о нихъ первоначально свѣдѣнія, были Польскіе; вслѣдствіе того т. н. Польская геральдическая школа, по силѣ которой гербъ принадлежитъ безъ всякихъ измѣненій цѣлымъ десяткамъ и сотнямъ фамилій и новое лицо можетъ быть приписано къ тому же знамени не иначе, какъ съ согласія прежнихъ гербовладѣльцевъ, имѣла на образованіе Русскихъ гербовъ больше вліянія, чѣмъ Французская, чисто-рыцарская школа, допускающая въ гербѣ отмѣтки (brisures), въ память каждаго важнаго подвига, каждаго достопамятнаго событія.

Табель о рангахъ, установленная указомъ Петра Великаго 1722 года, стала требовать, чтобы у каждаго дворянина былъ гербъ и для повѣрки прежде существовавшихъ гербовъ, равно какъ для дарованія новыхъ тѣмъ, кто пріобрѣтетъ на нихъ право пожалованіемъ въ дворяне, была учреждена Герольдія, исторіею которой, равно какъ лицъ, стоявшихъ въ главѣ ея — Герольдмейстеровъ — оканчивается введеніе въ частную дворянскую геральдику.

Сообразно тому, что въ составъ Русскаго дворянства вошли: 1) княжескіе и дворянскіе роды, происшедшіе отъ Рюрика и В. Кн. Владиміра Мономаха; 2) фамиліи, выѣхавшія къ намъ изъ разныхъ странъ, и 3) возведенныя въ дворянство за службу, — разсмотрѣны и гербы ихъ въ томъ же порядкѣ. Различіе гербовъ, принадлежащихъ каждому изъ исчисленныхъ

разрядовъ дворянъ, заключается въ томъ, что князья Рюрикова потомства сохранили въ гербахъ знамена, означавшія владѣнія ихъ предковъ, выѣзжіе роды — свидѣтельство о странѣ, изъ которой они переселились въ Россію, и наконецъ лица, возведенныя въ дворянство за службу, — свидѣтельство о томъ родѣ и видѣ заслугъ, который далъ имъ право на такое отличіе.

Что касается до перваго разряда гербовъ, т. е. гербовъ княжескихъ фамилій, то сравненіе ихъ между собою доводитъ до убѣжденія, что старшія поколѣнія имѣютъ въ гербѣ одну только родовую эмблему, которая у послѣдующихъ степеней, смотря по старшинству рода, бываетъ въ сердцѣ гербоваго щита въ первой, второй и т. д. четверти. Съ цѣлью доказать справедливость этой мысли, приложена къ книгѣ родословная фамилій Великокняжескаго Рюрикова дома; смотря на нее, всякій можетъ безъ ошибки опредѣлить какая эмблема существенна въ гербѣ той или другой фамиліи и безъ ошибки указать мѣсто ея въ щитѣ.

Гораздо болѣе затрудненій представляли гербы выѣзжихъ въ Россію изъ разныхъ странъ Европы, Азіи и Африки родовъ: ихъ надобно было раздѣлить на группы и найдти для каждой характеристическія отличія. Бархатная книга и другіе источники для генеалогіи, разсмотрѣнные критически, представляли богатый, хотя мало разработанный матеріалъ, которымъ повѣрялись свидѣтельства нашего гербовника.

Раньше другихъ стали выѣзжать въ Россію Поляки и Литовцы. Поэтому объ отличительныхъ примѣтахъ гербовъ этихъ родовъ говорится прежде иныхъ; вліяніе же Польской геральдики на гербы дворянъ Русскихъ областей, бывшихъ нѣкогда подъ властью Польши и получившихъ Польскіе гербы, т. е. Литвы, Малороссіи, Бѣлорусіи, сдѣлало необходимымъ показать, какое значеніе имѣли Польскія эмблемы въ Русской геральдикѣ вообще, объяснить ихъ смыслъ, какъ народныхъ символовъ, изложить исторію важнѣйшихъ изъ нихъ и показать какіе дворянскіе роды пользуются у насъ тѣмъ или дру-

гимъ гербомъ. Семь таблицъ рисунковъ объясняютъ эту главу, составленную на основаніи лучшихъ Польскихъ источниковъ, о предметѣ, въ нашей ученой литературѣ со-всѣмъ еще нетронутомъ и занимательномъ въ томъ отношеніи, что Польскія знамена, или вовсе безъ перемѣнъ или съ нѣкоторыми измѣненіями, перестановками, послужили образцомъ, если не всегда основаніемъ для нашихъ гербовъ.

Тотъ же образъ изслѣдованія принятъ въ руководство при изложеніи гербовъ фамилій, выѣхавшихъ къ намъ изъ другихъ странъ. Сначала опредѣляется значеніе извѣстной эмблемы (на-пр. почему роды выѣзжіе изъ Пруссіи употребляютъ орла, Грузинскіе цари и князья — хитóнъ Господень и т. д.); затѣмъ, на основаніи родословныхъ, исчисляются фамиліи, выѣхавшія къ намъ изъ каждой страны въ отдѣльности, и наконецъ по гербовнику излагается, какъ одна и таже эмблема, помѣщаясь въ разныхъ поляхъ и подвергаясь нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ, составляетъ достояніе различныхъ фамилій того же корня. Достаточно указать въ объясненіе этой мысли на гербы потомства Камбилы. По сказанію нашихъ родословныхъ, лице это выѣхало изъ Пруссіи, гдѣ оно владѣло городами Данцигомъ, Эльбингомъ и др., и стоитъ взглянуть на древнія Данцигскія монеты (Таб. XXV рис. 25), чтобы удостовѣриться въ тождествѣ герба города Данцига съ гербомъ Шереметевыхъ, Яковлевыхъ и иныхъ. На оборотѣ тойже монеты видѣнъ древній Прусскій гербъ — орелъ съ короною на шеѣ и выходящимъ изъ за нея мечемъ — это гербъ Салтыковыхъ и многихъ другихъ фамилій, выѣзжихъ изъ Пруссіи. Такое изложеніе, находя для каждаго герба внутреннее историческое основаніе, приноситъ пользу въ томъ отношеніи, что открываетъ невѣрность взгляда на гербъ, какъ будтó установленіе произвольное и не имѣющее значенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ полезно въ практическомъ отношеніи: по гербу можно узнать происхожденіе лица, его употребляющаго, и если бы какой нибудь новый родъ выѣхалъ къ намъ изъ другаго государства и заслугами пріо-

брѣлъ право на гербъ, ему окажетъ при выборѣ себѣ герба большое пособіе то обстоятельство, какія примѣты отличаютъ гербы родовъ, прежде выѣхавшихъ изъ одной съ нимъ страны.

Такимъ образомъ подробно разсмотрѣна генеалогія и изложены гербы родовъ выѣзжихъ: 1) изъ Пруссіи и земель Славянскихъ, 2) изъ Германіи, Италіи, Франціи, Англіи, Шотландіи, Швеціи, Даніи и т. д., 3) изъ Грузіи, 4) изъ земель Татарскихъ, 5) изъ Арменіи и другихъ областей Азіи и 6) изъ Африки.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Р. Г. исчислены не всѣ роды, имѣющіе гербы; но это отъ того, что гербъ у насъ можетъ существовать и эмблемѣ можетъ быть присвоено это названіе не прежде, какъ по утвержденіи его правительствомъ. Поэтому помѣщены тѣ только роды, которые внесены въ гербовникъ.

За выѣзжими родами слѣдуютъ фамиліи, получившія дворянство и гербы за заслуги; такое мѣсто предоставлено имъ не произвольно, а вслѣдствіе того, что этотъ слой отечественнаго дворянства образовался позднѣе другихъ. Въ этой главѣ нашли себѣ мѣсто гербы родовъ, пожалованныхъ графскимъ и княжескимъ достоинствами, объяснены, по существующимъ въ гербовникѣ примѣрамъ, какія отличія принадлежатъ гербамъ графовъ и князей и какія эмблемы свойственны каждому роду и виду заслугъ, чрезъ которыя пріобрѣтаются благородство и право на гербъ. Хотя, по неполнотѣ гербовника въ этомъ случаѣ, не могли быть исчислены всѣ роды, пользующіеся уже гербами; однако и тѣ данныя, которыя заключаются въ Р. Г., могутъ принести практическую пользу для того, кто, бывъ возведенъ въ дворянство за заслуги на извѣстномъ поприщѣ дѣятельности въ службѣ придворной, военной или гражданской, захочетъ увѣковѣчить свою службу на память позднягo потомства. Гербъ, какъ неизмѣнный спутникъ рода, долженъ быть лучшимъ и самымъ краснорѣчивымъ истолкователемъ заслугъ и посему изложены характеристическія эмблемы, соотвѣтствующія заслугамъ разнаго рода. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ подробности объяснена исторія такъ называемыхъ Лейбъ-

кампанскихъ гербовъ и исчислены признаки, повторяющіеся въ гербахъ, пожалованныхъ въ извѣстныя царствованія. Такія свѣдѣнія полезны потому, что по гербу, при первомъ на него взглядѣ, можно безъ ошибки опредѣлить, къ какому времени относится пожалованіе извѣстной фамиліи гербомъ.

Наконецъ отдѣленъ особый разрядъ гербовъ, въ которыхъ помѣщены тѣ или другія эмблемы въ соотвѣтствіе съ прозваніемъ лица. Это наши armes parlantes.

Текстъ объясненъ двадцатью пятью таблицами рисунковъ печатей и гербовъ и родословною какъ нынѣ существующихъ, такъ и угасшихъ поколѣній потомства Рюрика и Великаго Князя Владиміра Мономаха.

Сообразивъ все вышесказанное, я полагаю, что *Русская Геральдика* А. Лакіера, по новости и основательности изложенія, и какъ единственное въ своемъ родѣ сочиненіе, заслуживаетъ полной Демидовской преміи.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

Академика **М. И. Броссе**

на книгу

Г. ЛАКІЕРА:

РУССКАЯ ГЕРАЛЬДИКА.

Обычай употребленія гербовъ въ Европѣ вообще считается азіятскаго происхожденія и относящимся ко времени Крестовыхъ Походовъ. Вѣрно то, что монеты Сельджукидовъ въ XIII столѣтіи нерѣдко являютъ эмблему солнца, восходящаго поверхъ льва, а монеты Мамелюка Бибарса также отличаются изображеніемъ барса, гіероглифа его имени. Часто также на монетахъ Монгольскихъ, Тимура и Крымскихъ, а въ новѣйшія времена на мѣдныхъ монетахъ городовъ Персіи встрѣчаются изображенія животныхъ или тамги, которыя были, по-видимому, родомъ гербовъ: все обычаи, причины которыхъ до-нынѣ еще не объяснены въ полной мѣрѣ.

Что касается до Грузинцевъ, то ни одно мѣсто извѣстныхъ авторовъ, ни одинъ старинный нумизматическій или другой памятникъ не заставляетъ полагать, чтобы ихъ цари или дворяне приняли въ древности какой бы то ни было знакъ, который могъ бы быть почитаемъ за народный, династическій или даже за личный символъ. Еслибы царь Вахтангъ-Гургасланъ имѣлъ печать съ гербомъ, то онъ могъ бы изобразить на ней волчью голову, или волка и льва, которые красовались на его шлемѣ и образуютъ собою историческое его прозвище. Вотъ нѣкоторые намеки, которые могутъ послужить къ объясненію предмета.

Что Грузинцы имѣли одно или нѣсколько знаменъ, это для древнѣйшихъ временъ подтверждаютъ Исторія Орбеліановъ и

Вахухтово описаніе Грузіи; а отъ знаменъ до особыхъ отличительныхъ цвѣтовъ и знаковъ уже не далеко; авангардъ, оба фланга и собственно такъ называвшаяся «царская армія», а равно войска католикоса вѣроятно имѣли свои эмблемы и свои цвѣта, по которымъ они распознавали другъ друга, подобно какъ въ Англіи значки особаго цвѣта служатъ къ различенію разныхъ эскадръ, бѣлой, голубой и т. д.

Недавно найденная г. полковникомъ Бартоломеи надпись еще научаетъ насъ, что въ Вольной Суанетіи, въ невѣдомую эпоху, общины Латаль, Угаръ и Сетъ имѣли общую хоругвь, изображавшую того святаго, который покровительствовалъ этимъ мѣстностямъ; и такъ, нельзя не предполагать, что Грузинскія знамена обыкновенно были снабжены подобнаго рода изображеніями; но доселѣ не имѣется тому доказательства. Отъ такихъ изображеній до печатей и собственно такъ называемыхъ гербовъ былъ бы только одинъ шагъ, но грузинскіе памятники не дозволяютъ намъ сдѣлать его.

Я не знаю, откуда г. Лакіеръ узналъ, что у Грузинъ одно и тоже слово означаетъ печать и гербъ; но нельзя не быть поражену сходствомъ этого грузинскаго слова Bédchédi ბეჭედი, которое весьма древне, съ русскимъ *печать*, котораго оно имѣетъ значеніе. Тотъ же авторъ говоритъ намъ еще, что изстари печати и знамена съ изображеніемъ святыхъ были употребительны въ Грузіи, и что въ исходѣ XII вѣка Св. Георгій на конѣ считался эмблемою этой страны. Такія утвержденія кажутся мнѣ слишкомъ рѣшительными и нѣсколько отважными. Я не полагаю также, чтобы авторъ былъ въ правѣ настаивать на странномъ мнѣніи, къ сожалѣнію распространенномъ «Энциклопедическимъ Лексикономъ», будто европейское имя Грузіи, — Георгія, — происходитъ отъ какого либо Георгія, или отъ Св. Георгія, или отъ мнимаго Георгія-Льва, т. е. Гургаслана, или отъ какого либо послѣдующаго царя. Это странное производство не оправдывается ни какимъ другимъ фактомъ, кромѣ

небольшаго сходства персидскаго Гурджи, первообраза русскаго Грузи, съ именемъ Георга и Георгія.

Святой Георгій, поражающій змѣя, былъ еще за долго до конца XVII столѣтія символомъ Москвы, какъ то видно на большой печати Русскаго Царства. За всѣмъ тѣмъ печать царя Арчила и сына его, Александра, жившихъ въ Москвѣ съ 1698 по 1710 годъ, являетъ въ срединѣ своей только простой крестъ съ обыкновенными титлами; также отъ Дадіановъ, водворившихся въ Россіи лѣтъ за двадцать прежде нихъ, не дошло до насъ никакой гербовой печати. Эти Дадіаны, какъ говорятъ, происходили отъ боковой отрасли древнихъ властителей Мингреліи, разнствуя отъ нынѣшнихъ Дадіановъ. Г. Лакіеръ говоритъ, что они считались въ Россіи боярами: желательно было бы найти въ его книгѣ положительное указаніе эпохи, къ которой относятся гербы ихъ, упоминаемые нашимъ авторомъ, на основаніи Гербовника VI, 2. Сравнивая указанія послѣдняго сочиненія съ указаніями въ бумагахъ Московскаго Архива, я нахожу теперь возможнымъ доказать, что Дадіаны Русскаго Гербовника дѣйствительно происходятъ отъ побочнаго сына послѣдняго потомка древнихъ Дадіановъ, тогда какъ другая отрасль ведетъ свой родъ отъ Георгія, Черноморскаго князя, сына Дадіана Иесея, двоюроднаго брата Дадіана, прибывшаго въ Россію вмѣстѣ съ царемъ Вахтангомъ VI; этотъ послѣдній кажется былъ изъ рода Чикуановъ.

Итакъ видно, что употребленіе у Грузинъ гербовъ едва ли восходитъ далѣе водворенія въ Россіи послѣдняго царя Карталинскаго послѣ 1729 года. Въ 1832 году я получилъ отъ потомка этой царской фамиліи въ женскомъ колѣнѣ, г-на Виконта Алексиса де Сень-При (St.-Priest), прекрасный образчикъ герба, время котораго неизвѣстно. На этомъ гербѣ, который описанъ мною въ Journal Asiatique, посреди царственныхъ знаковъ, изображены всѣ предметы, освященные историческими преданіями грузинскаго народа: лютня и праща Давида, хитонъ Господень, Св. Георгій, низлагающій змѣя. Въ числѣ

и въ расположеніи частей щита князей Багратидовъ встрѣчаются многочисленныя разности, которыя не ускользнули отъ вниманія г. Лакіера, некоторыя, по моему мнѣнію, весьма заслуживали бы изслѣдованія и изображенія въ гравюрѣ; потому что эти разности служатъ къ различенію между собою родовъ и ихъ развѣтвленій, а притомъ онѣ всѣ грузинскаго происхожденія, безъ всякой примѣси европейскихъ стихій. На гробницахъ, хранящихся въ церквахъ и на разныхъ кладбищахъ Невскаго Монастыря, можно было бы найти подлинные ихъ образцы.

Что касается до десяти или двѣнадцати гербовъ, принадлежащихъ грузинскимъ фамиліямъ и помѣщенныхъ въ Русскомъ Гербовникѣ, то въ нихъ преобладаетъ элементъ европейскій и они не представляютъ собою никакой другой занимательности, кромѣ той, которая связана съ общественнымъ порядкомъ и съ простымъ любопытствомъ.

Въ концѣ послѣдняго столѣтія, и еще положительнѣе въ 1790 году, когда была вычеканена медаль въ честь царя Ираклія II, въ Грузіи еще не было гербовъ; ибо когда предполагалось изобразить гербъ на щитѣ, который долженъ былъ красоваться, въ числѣ прочихъ царственныхъ знаковъ, въ первоначальномъ рисункѣ этой медали, то не нашлось таковаго, и нужно было замѣнить его придуманною эмблемою, начертанною на овалѣ, не имѣющемъ ничего геральдическаго. Но за всѣмъ тѣмъ это фантастическое изображеніе,—волканъ посреди моря, пронзенный двумя стрѣлами, — было счастливо придумано и входитъ въ составъ герба, дарованнаго съ тѣхъ поръ Тифлисской губерніи.

Вообще любители историческихъ разысканій будутъ благодарны г. Лакіеру за то, что онъ первый внесъ въ свой трудъ о Русской Геральдикѣ мало извѣстные гербы немногихъ грузинскихъ фамилій, начиная отъ герба Вице-Президента Академіи Наукъ (боковой отрасли Кахетинской династіи) до герба фамиліи Лашкаревыхъ-Бибилауровыхъ, и сообщилъ по этому поводу легкій очеркъ сношеній Грузіи съ Россіею. Три

армянскія фамиліи: Аргутинскіе, Давидовы и Лазаревы, также упоминаются авторомъ; но во всякомъ случаѣ онъ, кажется, преувеличилъ ихъ значеніе, выдавая ихъ за владѣтелей; эти фамиліи не были ни удѣльными, ни независимыми князьями, а просто имѣли въ Арменіи свои помѣстія, подъ властію монарховъ. Еще я долженъ указать автору на довольно важную типографическую погрѣшность: въ томѣ II на стр. 536 онъ говоритъ, что родъ Аргутинскихъ ведетъ свое начало отъ нѣкоего *Аргуна;* у меня есть подъ рукою доказательства, что вмѣсто этого имени слѣдуетъ читать Аргутинъ, какъ то видно изъ Санагинской надписи (Bull. scient. т. X № 20, прим. 46).

Вообще нельзя не отдать справедливости г. Лакіеру, что онъ почерпалъ свои свѣдѣнія изъ хорошихъ источниковъ, не опустилъ ничего существеннаго и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ неточностей, показанія его могутъ быть принимаемы за достовѣрныя.

РАЗБОРЪ

сочиненія

П. И. НЕБОЛЬСИНА:

ОЧЕРКИ ТОРГОВЛИ РОССІИ СЪ СРЕДНЕЮ АЗІЕЮ,

составленный

Корреспондентомъ Академіи **В. В. Григорьевымъ.**

Достаточно одного взгляда на карту Россіи, чтобы придти къ заключенію о важномъ значеніи для нея Средне-Азійской торговли. Отъ стараго русла Аму въ Каспійское до впаденія Амура въ Охотское-Море тянется сухая и рѣчная грань наша съ Азіей; относя Манжурію и Монголію къ восточной части Азійскаго-Материка, оказывается, что даже собственно съ Центральною-Азіею соприкасаемся мы непосредственно, Сибирскою и Оренбургскою границами, на протяженіи 3000 верстъ. Подъ благодатными широтами своими сосѣднія намъ части Центральной-Азіи — Джунгарія, Коканъ, Бухара, Хива — должны изобиловать множествомъ полезныхъ и нужныхъ Россіи естественныхъ произведеній, которыя можемъ мы пріобрѣтать за наши мануфактурныя издѣлія; Бухара съ Коканомъ по одну, и Хивою по другую сторону — это, вѣдь, древняя Трансоксіана, Мавераннагръ среднихъ вѣковъ, край — въ преданіяхъ Персовъ и разсказахъ Арабовъ — являющійся «садомъ земли»; отсюда, еще на зарѣ нашей исторіи, приходили на Волгу караваны съ сокровищами Востока, засѣявшія всю Среднюю и Сѣверную Русь несчетнымъ числомъ донынѣ во множествѣ отрываемыхъ монетныхъ кладовъ; позднѣе, здѣсь былъ центръ монархіи Тимуровой, куда стекались несмѣтныя добычи съ цѣлой Азіи, тогда какъ изъ великолѣпной столицы его, Самарканда, лился на туже Азію потокъ учености и образованія. А тамъ, за Коканомъ и Бухарою, примыкаютъ къ нимъ вплоть Китайскій-

Туркестанъ и Тибетъ, Кашмиръ и Афганистанъ, окаймляемые Индіею — этимъ родникомъ всякихъ драгоцѣнностей, искони обогащавшихъ всѣ народы, входившіе съ нею въ торговыя связи. Завести бы ихъ нашему купечеству хотя черезъ Афганистанъ,—и то, что̀ теперь привозится къ намъ кругомъ свѣта и обходится такъ дорого, пошло-бы кратчайшею дорогою, не только въ Россію, но черезъ нея и въ Западную Европу: однимъ транзитомъ индѣйскихъ товаровъ пріобрѣли бы мы несмѣтныя выгоды, въ средніе вѣка достававшіяся на долю Италіянскихъ республикъ, а со временъ Васко-де-Гамы принадлежавшія преемственно народамъ Пиренейскаго-Полуострова, Голландцамъ и Англичанамъ.

Такъ именно, или въ такомъ родѣ, издавна уже разсуждаетъ у насъ бо̀льшая часть образованныхъ и благомыслящихъ людей; не разъ разсужденія эти являлись и въ печати; особенно-же въ ходъ пошли онѣ съ развитіемъ фабричнаго и заводскаго производства въ Московской и около-московныхъ губерніяхъ. Если-же итоги дѣйствительныхъ торговыхъ оборотовъ нашихъ съ Внутреннею-Азіей, извѣстные изъ таблицъ, издаваемыхъ ежегодно Министерствомъ Финансовъ, не соотвѣтствовали теоретической важности этой торговли, причиною тому поставляли отсутствіе предпріимчивости въ нашемъ купечествѣ, неохоту его рисковать чѣмъ-либо для разширенія своихъ оборотовъ, а фабрикантовъ винили въ небрежности къ дѣлу и даже недобросовѣстности; утверждали, что издѣлія нашихъ фабрикъ не могутъ находить себѣ сбыта въ Азіи, именно по дурному ихъ качеству; что непрочностію своею преимущественно подрываютъ онѣ тамъ кредитъ нашего купечества, и отбивая всякую охоту имѣть съ нимъ дѣло, естественно заставляютъ Азіятцевъ за нужными имъ заводскими и мануфактурными произведеніями обращаться въ другую сторону — къ Англичанамъ; Англичане-же, будто-бы, воспользовались уже этимъ со свойственною имъ ловкостію, съумѣли принаровить издѣлія свои ко вкусу и потребностямъ Востока, и вслѣдствіе того съ каж-

дымъ годомъ болѣе и болѣе выживаютъ торговцевъ нашихъ съ Среднеазiйскихъ рынковъ.

Основательны или нѣтъ эти упреки, равно-какъ и требованiя относительно усиленiя и распространенiя торговли нашей съ Среднею-Азiею, увидимъ ниже; во всякомъ случаѣ лѣтъ двадцать—тридцать тому, русскому политико-экономисту нельзя было и разсуждать иначе, почерпая свѣдѣнiя свои о предметѣ изъ плохихъ статистическихъ учебниковъ о Россiи, фантастическихъ картъ Средней-Азiи, и «Россiйскаго унтеръ-офицера Ефремова, нынѣ Коллежскаго Ассессора, десятилѣтнихъ странствованiй и приключенiй въ Бухарѣ, Хивѣ» и т. д. Лучшихъ источниковъ печатная Русская литература до 1820 годовъ не представляла. Да и въ Западной Европѣ о современномъ состоянiи Центральной-Азiи знали такъ немного, что знаменитѣйшiй географъ того времени, Малтбрёнъ, долженъ былъ довольствоваться, говоря о Туранѣ, преимущественно извѣстiями Ибнъ-Хаукала изъ X^го^, и Марко-Поло изъ XIII^го^ столѣтiя. Какъ мало соотвѣтствовали блестящiя описанiя Арабскаго и Венецiянскаго путешественниковъ дѣйствительному положенiю Средне-Азiятскихъ владѣнiй въ XIX вѣкѣ, стало раскрываться, для русскихъ и европейскихъ читателей, и то не совсѣмъ ясно, лишь съ двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтiя.

Западно-Европейскiя литературы, преимущественно Англiйская, обогатились съ тѣхъ поръ Эльфинстоновымъ описанiемъ Кабула и окрестныхъ странъ (Лондонъ, 1815); свѣдѣнiями, собранными Фрэзеромъ въ путешествiе его по сѣверному Хорасану (Лондонъ, 1835); сочиненiями о Бухарѣ и Киргизской-Степи Эверсманна (Берлинъ, 1823) и Мейендорфа (Парижъ, 1826), сопровождавшихъ русское посольство въ Бухару 1820 года; переводомъ Записокъ Императора Бабера, съ превосходнымъ изъ XVI вѣка описанiемъ Кокана и Афганистана (Лондонъ, 1826), и путевыхъ замѣтокъ Иззетъ-ул-Лаха, веденныхъ имъ въ 1812 году проѣздомъ черезъ Кашмиръ, Ти-

бетъ, Китайскій-Туркестанъ, Коканъ, Бухарскія владѣнія, Кабулъ и Баміанъ (Magasin Asiatique, 1826); описаніями путешествій: Коноллы — черезъ Афганистанъ въ Туркменію (Лондонъ, 1834); Борнса — въ Бухару, которую онъ, можно сказать, открылъ для Англичанъ, и въ Кабулъ (Лондонъ, 1834 и 1839); Вуда — къ истокамъ Аму-Дарьи черезъ Кундузъ, Бедахшанъ и Ваханъ (Лондонъ, 1841), Муркрофта, въ 1819—1825 годахъ посѣщавшаго Ладакъ и столь-же мало извѣстныя сосѣднія страны (Лондонъ, 1841); Аббота — въ Хиву и Туркменію (Лондонъ, 1843); Гюгеля (Hügel) по Кашмиру (Штутгартъ, 1840—1848); Гюка (Huc) — по Тибету (Парижъ, 1850); наконецъ А. Гумбольдтъ, сверхъ собственныхъ розысканій о географіи Внутренней-Азіи, разъяснилъ ее въ своей Asie Centrale (Парижъ, 1843) значительнымъ числомъ свѣдѣній, собранныхъ другими лицами.—У насъ, съ появленіемъ журнала «*Сибирскій Вѣстникъ*», напечатаны были въ этомъ изданіи: въ 1818 году — Записки о поѣздкѣ изъ Сибири въ Бухару Т. Бурнашова, веденныя въ 1794—5 годахъ; въ 1819 — Записки о поѣздкѣ въ Кульджу, въ 1811 году, Путимцева; въ 1820 — О Киргизъ-Кайсакахъ Большой, Средней и Малой Орды, Андреева, Фролова и Спасскаго, и нѣкоторыя другія, менѣе важныя статьи. Въ 1821 году вышли Записки Ф. Назарова о Коканѣ; въ слѣдующемъ явилось путешествіе въ Туркменію и Хиву Муравьева; въ 1824 издалъ путешествіе свое въ Китай, съ первыми основательными извѣстіями о Китайскомъ Туркестанѣ, Е. Тимковскій; съ тѣмъ-же Туркестаномъ, а также и съ Тибетомъ, еще болѣе познакомилъ Россію, по китайскимъ источникамъ, О. Іакинѳъ Бичуринъ, описаніями этихъ странъ, вышедшими въ 1828 и 1829 годахъ; тогда же, и тѣмъ же почтеннымъ китаистомъ нашимъ, изданы были Записки его о Монголіи, много послужившія, вмѣстѣ съ отпечатаннымъ въ 1832 году превосходнымъ описаніемъ Киргизъ-Кайсацкихъ Ордъ и Степей А. И. Левшина, къ разъясненію степнаго быта и кочевыхъ отношеній, крайне важныхъ

въ дѣлѣ Средне-Азійской торговли. Къ концу 1830-хъ годовъ сталъ печатать В. И. Даль разсказы Русскихъ плѣнныхъ, иные изъ коихъ проведя въ разныхъ краяхъ Турана по 20 и 30 лѣтъ, имѣли возможность узнать ихъ вдоль и поперегъ; и тогда же (въ 1839 году) издана Г. П. Гельмерсеномъ часть разспросныхъ свѣдѣній о Хивѣ, Бухарѣ, Коканѣ и сѣверо-западной части Китайскихъ владѣній, собираніемъ которыхъ постоянно съ 1818 года занимался предсѣдатель Оренбургской Пограничной Коммиссіи Генсъ. Въ 1841 и 1842 годахъ отправились изъ Оренбурга миссіи наши въ Бухару и Хиву; плодомъ пребыванія ихъ тамъ явились: Описаніе Бухарскаго Ханства Н. Ханыкова (въ 1843), книга Базинера о Хивѣ и Киргизской Степи (1848), Описаніе Хивинскаго Ханства Г. Данилевскаго (1851), и Замѣтки Лемана о Бухарѣ и Самаркандѣ, обработанныя Г. П. Гельмерсеномъ (1852). Сверхъ этого, въ запискахъ И. Р. Географическаго Общества нашли мѣсто съ 1847 года: Замѣтки о Туркменахъ племени Ямудъ и Гокланъ, барона К. Боде; о полуостровѣ Мангышлакѣ М. Иванина; Обозрѣніе Коканскаго ханства, составленное въ Генеральномъ Штабѣ Отдѣльнаго Сибирскаго Корпуса; Топографическое и статистическое описаніе южной части Восточнаго берега Каспійскаго моря И. Бларамберга; О торговыхъ путяхъ по Китаю и подвластнымъ ему владѣніямъ, П. Каѳарова; Описаніе Аральскаго-моря, по изслѣдованіямъ Бутакова составленное Макшѣевымъ; Свѣдѣнія о Дикокаменныхъ Киргизахъ, доставленныя изъ Западной Сибири; Статистическое обозрѣніе Персіи, составленное въ 1841 году И. Бларамбергомъ, и нѣкоторые другіе труды.

Такимъ образомъ, въ послѣднее пятнадцатилѣтіе особенно, ознакомились мы съ современнымъ политическимъ и хозяйственнымъ положеніемъ сосѣднихъ съ нами частей Внутренней-Азіи довольно основательно; разъяснилась также, въ значительной степени, и географія этихъ странъ. Все это, конечно, не мало содѣйствовало къ представленію вопроса о рас-

ширенія торговли нашей съ ними въ иномъ, чѣмъ прежде, свѣтѣ; но подробности о дѣйствительномъ состояніи этой торговли, самыя основныя условія ея и причины этихъ условій,— безъ познанія коихъ нельзя нетолько сдѣлать шага впередъ, но и произнести какое-либо основательное сужденіе о предметѣ,—оставались, между тѣмъ, за исключеніемъ немногаго, мимоходомъ объясненнаго Мейендорфомъ, Борнсомъ, Генсомъ, Ханыковымъ, Данилевскимъ, Мельниковымъ, Г. И. Небольсинымъ, почти столь же неизвѣстны публикѣ, какъ и около 1820-хъ годовъ. Изъ «Видовъ Внѣшней Торговли» знали мы, по-прежнему, только предметы торговыхъ оборотовъ нашихъ съ Внутреннею-Азіею, количество, въ какомъ проходили они черезъ таможенную линію при ввозѣ и отпускѣ, и стоимость ихъ по объявленнымъ цѣнамъ; оффиціальные отчеты о ходѣ торговли на Нижегородской-ярмаркѣ, печатаемые въ «Журналѣ М. В. Д.» прибавляли къ этому извѣстія о количествѣ среднеазійскихъ товаровъ, привозившихся на эту ярмарку, и о цѣнахъ, по которымъ были они тамъ распродаваемы; еще двѣ—три статейки объ Азіятской торговлѣ, напечатанныя въ «Журналѣ Мануфактуръ» и «Коммерческой Газетѣ»,—тѣмъ и ограничивались всѣ наши пособія къ ознакомленію съ предметомъ. Кабинетнымъ трудомъ нельзя было выработать изъ нихъ никакого удовлетворительнаго результата. Сущность дѣла знали только самые его производители, торговцы Оренбургскіе, Троицкіе и Петропавловскіе, да прикащики Ростовскихъ и другихъ Великороссійскихъ купцовъ, принимавшихъ въ немъ участіе. Чтобы капиталъ свѣдѣній ихъ обратить въ общественное достояніе, надлежало собрать его помелочи на самомъ мѣстѣ производства торговыхъ оборотовъ, отъ множества разнородныхъ лицъ, несообщительныхъ и по разсчету, и по натурѣ; провѣрить разсказы однихъ допросомъ другихъ; и добытый такимъ способомъ, съ большими трудами, при помощи ухищреній и издержекъ, сырой матеріалъ съумѣть разсортировать и обработать приличнымъ образомъ.

За подвигъ этотъ, ученый и вмѣстѣ патріотическій, взялся П. И. Небольсинъ. Въ 1850 году объѣхалъ онъ съ этою цѣлію всю Оренбургскую-Линію, пробылъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ Оренбургѣ и Троицкѣ, заглядывалъ въ Киргизскую-Степь, переспросилъ до 200 лицъ изъ Русскихъ, Татаръ, Киргизовъ, Хивинцевъ, Бухарцевъ, Коканцевъ, Афганцевъ и т. д., и, въ заключеніе, посѣтилъ Астрахань. Плодомъ этой поѣздки явились, между прочимъ, напечатанные въ X книжкѣ «Записокъ» Имп. Русскаго Географическаго Общества, содѣйствовавшаго ему къ осуществленію предпріятія, составляющіе предметъ настоящей рецензіи «Очерки Торговли Россіи съ Средней Азіей.»

Четыре уже года живу я въ томъ краю, гдѣ производилъ изслѣдованія свои г. Небольсинъ, — имѣлъ въ это время сношенія и съ Азіятцами, и съ мѣстными русскими торговцами, знакомъ съ Азіею по прежнимъ занятіямъ моимъ языками и исторіею Мусульманскаго Востока, — но, незанимавшись спеціально дѣломъ, за которое взялся г. Небольсинъ первый въ Россіи, признаюсь, съ крайнею въ довлительность (compétence) свою недовѣрчивостію, и одобряемый единственно довѣренностію Академіи, принимаю смѣлость представить оцѣнку порученнаго разбору моему труда.

«Средняя-Азія» — названіе неопредѣлительное; иные включаютъ въ Среднюю-Азію и Китай, и Сѣверную Персію. Какія же именно страны Средней-Азіи имѣлъ въ виду г. Небольсинъ, говоря о торговлѣ нашей съ нею? Въ рамкѣ, имъ очерченной, обнялъ-ли онъ предметъ со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ существенныхъ его условіяхъ и подробностяхъ? Разсматриваетъ ли его только въ нынѣшнемъ состояніи или, вмѣстѣ, и въ историческомъ развитіи? Въ какой степени достовѣрны сообщаемые имъ факты и данныя, и ограничился-ли онъ однимъ изложеніемъ фактовъ или входитъ въ оцѣнку ихъ, разбираетъ причины, выводитъ заключенія: въ такомъ случаѣ,

основательна-ли дѣлаемая имъ оцѣнка, правильны ли выводы его и заключенія?

Постараемся, по-возможности, дать отвѣтъ на эти вопросы.

Въ «Очеркахъ» своихъ г. Небольсинъ поставилъ себѣ задачею описать только внѣшнюю торговлю Россіи, производимую черезъ Оренбургскую-Линію съ тремя владѣніями Средней-Азіи: Бухарою, Коканомъ и Хивою,—почему не допускаетъ въ рамки своего изслѣдованія даже торговыхъ оборотовъ Линіи съ Киргизскою-Степью, какъ составляющихъ предметъ внутренней нашей торговли. Но, сверхъ обѣщаннаго, на-самомъ-дѣлѣ сообщаетъ онъ весьма многое о торговлѣ нашей съ Коканомъ, производящейся изъ Петропавловска на Сибирской-Линіи, и кое-что о торговлѣ съ Хивою черезъ Астрахань. Значитъ, торговые обороты наши съ Бухарою, Коканомъ и Хивою разсматриваются имъ во всемъ ихъ объемѣ, торговля же съ Китаемъ, не только Кяхтинская, но даже черезъ Чугучакъ и Кульджу, равно-какъ и торговля съ Персіею, въ предѣлы изслѣдованій его не входятъ.

Очертивъ такимъ образомъ контуры труда своего, г. Небольсинъ въ «Введеніи», на 36 страницахъ, старается прежде всего разочаровать читателя на счетъ общеходящихъ представленій о роскоши и образованности Азіятцевъ, и выставить ему въ настоящемъ свѣтѣ жалкое общественное, экономическое и нравственное состояніе Бухарскаго, Хивинскаго и Кокайскаго владѣній въ наше время; даетъ понятіе о средствахъ и отношеніяхъ тамошнихъ торговцевъ, и о производителяхъ Азіятской торговли съ нашей стороны; разсматриваетъ почему Внутренне-Азіятская торговля наша находится именно въ такомъ, а не другомъ положеніи, и наконецъ — возможно-ли, и при какихъ условіяхъ, обширнѣйшее ея развитіе. Эта часть «Очерковъ», составляя необходимое предисловіе къ изслѣдованіямъ г. Небольсина, вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ въ себѣ и общій ихъ результатъ. По этой послѣдней причинѣ, къ содержанію «Вве-

денія» обращусь я въ-послѣдствіи, отдавъ прежде отчетъ о другихъ отдѣлахъ «Очерковъ.»

Въ первомъ и второмъ отдѣлѣ авторъ описываетъ обстоятельства, обусловливающія ходъ каравановъ изъ Бухары, Ташкента и Хивы на Оренбургскую-Линію, и обратное ихъ изъ Россіи слѣдованіе. Тутъ говорится о направленіи караванныхъ дорогъ въ Киргизской-Степи, о перевозкѣ товаровъ на верблюдахъ, вьючкѣ этого рода животныхъ, преимуществахъ ихъ передъ другими, разведеніи ихъ и воспитаніи; о возможности иныхъ перевозочныхъ средствъ; о процессѣ подряда верблюдовъ у Киргизовъ, о подрядчикахъ, возчикахъ, прислугѣ, вожакахъ и караванбашахъ; о разныхъ условіяхъ провозной платы, снаряженіи каравановъ въ путь, и обстоятельствахъ слѣдованія ихъ степью, со взглядомъ на предметъ этотъ въ прошломъ; о переправахъ черезъ Сыръ-Дарью, и о сборѣ Хивинцами и Коканцами транзитной пошлины съ Бухарскихъ каравановъ; наконецъ — о времени выхода и прибытія къ мѣсту назначенія каравановъ первой, второй и третьей въ теченіе года отправки изъ Ташкента, Бухары, Хивы, Троицка, Орска и Оренбурга, съ изложеніемъ особенностей, характеризующихъ движеніе этихъ каравановъ смотря по направленію пути и порѣ года. Оба эти отдѣла (2 и 3), занимающіе 63 страницы, обработаны превосходно, и на каждомъ шагу обогащаютъ читателя совершенно новыми, самимъ авторомъ собранными свѣдѣніями о предметахъ и обстоятельствахъ, существованія которыхъ люди небывалые въ степи даже и подозрѣвать не могутъ, и которые, между-тѣмъ, имѣютъ первостепенную важность въ описываемомъ дѣлѣ. Это, по моему мнѣнію, одна изъ лучшихъ частей труда г. Небольсина, въ которой является онъ совершеннымъ Колумбомъ караваннаго быта. Самъ впервые о многомъ узнавши изъ этихъ страницъ, я въ состояніи дополнить ихъ лишь слѣдующими подробностями, которыя, бо́льшею частію, не могли даже быть извѣстны автору, какъ получившія существованіе или обнародованныя послѣ 1850 года:

Стр. 38—39. По обычаю, нельзя вьючить на верблюда болѣе 16 пудовъ клади, и Бухарцы, кромѣ экстренныхъ случаевъ, соблюдаютъ это всегда; Хивинцы, напротивъ, вьючатъ до 18 и до 20 пудовъ. Но если бы верблюдъ палъ, и по перевѣскѣ оказалось въ тюкахъ болѣе 16 пудовъ, то хозяинъ товара, въ противность утверждаемому авторомъ, непремѣнно обязанъ уплатить возчику за палаго верблюда. Киргизы вовсе не такіе простаки, какими показались г. Небольсину, и выгоды своей, гдѣ можно, не упустятъ.

Стр. 40. Вслѣдствіе каждогоднаго нынѣ, по извѣстнымъ маршрутамъ, прохода казенныхъ транспортовъ на телѣгахъ и роспускахъ изъ Оренбурга и Орска, а также изъ Илецкой-Защиты и Троицка, на Сыръ-Дарью, въ тамошнія наши укрѣпленія, дороги отъ означенныхъ пунктовъ Оренбургской Линіи до укрѣпленій Уральскаго и Оренбургскаго, и оттуда до самой Сыръ-Дарьи и вдоль праваго ея берега, тамъ гдѣ проходятъ онѣ не песками, а глинистымъ грунтомъ, представляются въ видѣ непрерывныхъ, въ нѣсколько рядовъ, глубокихъ колей, по которымъ слѣпой можетъ итти не сбиваясь съ пути. По колеямъ этимъ, разъ пробитымъ, и двигаются транспорты: вожаки при сихъ послѣднихъ имѣютъ теперь назначеніемъ не указаніе дороги, а отысканіе удобныхъ кормовыхъ мѣстъ для ночныхъ и дневныхъ приваловъ. — Впрочемъ, на бóльшее или мѐньшее растояніе вглубь степи, почти отъ всѣхъ прилинейныхъ станицъ тянутся такія же колеи, набитыя телѣгами мелочныхъ торговцевъ, пробирающихся къ Киргизамъ для закупки у нихъ барановъ и проч. — Шинами колесныя ободья у телѣгъ не обтягиваются потому, что это дорого, и потому, что въ пескахъ необтянутое колесо меньше врѣзывается въ грунтъ и легче вытягивается изъ него упряжнымъ скотомъ.

Стр. 40—43. Относительно возможности доставки товаровъ изъ Бухары и Хивы водянымъ путемъ, можно замѣтить, что послѣ описи Аральскаго Моря, произведенной г. Бутаковымъ (результаты которой извѣстны, между прочимъ, изъ статьи г.

Макшеева, помѣщенной въ V томѣ «Записокъ И. Р. Географическаго Общества»), нельзя сомнѣваться, ни въ удобности Аральскаго Моря для торговаго судоходства, ни въ существованіи, на сѣверномъ берегу его, безопасныхъ гаваней: такова, на-примѣръ, *Чубаръ-Тараузъ*, въ заливѣ Перовскаго, около которой, въ добавокъ, имѣется и вода прѣсная, и топливо (l. c. стр. 43). Здѣсь товары, привезенные изъ Россіи сухопутьемъ, могли бы нагружаться на суда, а товары, доставленные изъ Азіи водою, вьючиться на тѣхъ же верблюдовъ, которые привезли сюда русскіе товары. Это было бы выгодно и для большаго числа Киргизовъ, зимующихъ въ Барсукахъ. На южномъ берегу Арала лучшею гаванью представляется заливъ *Туще-Басъ*, а въ заливъ этотъ впадаетъ самое глубокое изъ руслъ Аму-Дарьи — Джанъ (или Яны) — Дарья (Ibid. p. 58). — Что Джанъ-Дарья есть протокъ Аму, а не Сыра, несомнѣнно, потому что истокъ изъ Сыра бывшей Яны-Дарьи, находящійся нынѣ въ русскихъ владѣніяхъ, запруженъ, и русло Яны-Дарьи давно пересохло. — Здѣсь, въ Туще-Басъ, доставленные черезъ Аральское Море товары русскіе перегружались бы съ морскихъ пароходовъ на рѣчныя суда, и шли на нихъ вверхъ по Аму до мѣстъ назначенія, а спустившіеся по Аму на рѣчныхъ судахъ товары азіятскіе грузились бы, для перевоза въ Чубаръ-Тараузъ, на морскіе пароходы, доставившіе оттуда русскіе товары. Говорю: морскіе пароходы, потому что за отмелостію устій Аму рѣчные плоскодонные пароходы, которые могли бы быть заведены на этой рѣкѣ, не годились бы для плаванія по бурному Аралу. Что касается до топлива для пароходовъ, то, если бы каменнаго угля и не отыскалось въ окрестностяхъ Арала, его могъ бы замѣнить саксаулъ, которымъ обильно снабжены Царскіе Острова (Ibid. стр. 52), ибо годность саксаула, какъ топлива для пароходовъ, доказана употребленіемъ его на это въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пароходами нашими на Сыръ-Дарьѣ. Лѣсъ для постройки пароходовъ могъ бы гнаться къ Аралу изъ коканскихъ владѣній съ верховьевъ р. Сыра, какъ

теперь извѣстно, весьма имъ изобилующихъ. — Отсутствіе естественныхъ препятствій къ судоходству по Аму отъ самаго Бедахшана также не подвержено сомнѣнію, судя по единогласнымъ о томъ отзывамъ туземцевъ, а изъ Европейцевъ, бывшихъ на мѣстахъ, — Борнса, Данилевскаго и другихъ. Такимъ образомъ, физической невозможности къ доставкѣ товаровъ изъ внутренней Азіи по Аму и Аральскому Морю — не существуетъ; остается разсчитать только, обойдется ли она выгоднѣе нынѣшней сухопутной, и сообразить возможно ли это по политическому положенію Хивинскаго и Бухарскаго Ханствъ. На послѣднее всякій, практически знакомый съ внутреннею Азіею, не задумается отвѣчать отрицательно: пока берега Аму будутъ находиться во власти такихъ невѣжественныхъ и вѣроломныхъ правительствъ, каковы Бухарское и, еще болѣе, Хивинское, всякая попытка къ подобному нововведенію навѣрное останется безуспѣшною.

Теперь, когда основательное изслѣдованіе Сыръ-Дарьи верстъ на 500 вверхъ отъ ея устья (результаты этого изслѣдованія напечатаны г. Ивашинцевымъ въ «Морскомъ Сборникѣ» за 1854 годъ № 2) показало, что на означенномъ протяженіи рѣка эта, если не всегда, то въ извѣстныя времена года, доступна судоходству, а по распроснымъ свѣдѣніямъ несомнѣнно, что выше, по крайней мѣрѣ до самаго Кокана, судоходна она всегда, кромѣ зимы, можно положительно сказать, что водянымъ же путемъ, если бы это оказалось выгоднѣе нынѣшней транспортировки на верблюдахъ, могли бы доставляться до Аральскаго Моря и товары изъ Коканскаго Ханства.

Наконецъ, не фантазіей представляется многимъ, близко знакомымъ съ мѣстностями Арало-Каспійскаго Бассейна, не только возможность обратить теченіе Аму-Дарьи, хотя однимъ рукавомъ, по прежнему, въ Каспійское Море, но и сдѣлать этотъ рукавъ судоходнымъ, направивъ въ Аму массу водъ Сыра, вливающихся теперь въ Аральское Море. Представлять доказательства этому было бы здѣсь неумѣстно; мнѣніе же

настоящаго направленія Аму и Сыра повело бы, ясно для всякаго, къ соотвѣтственному въ пользу нашу перевороту во всѣхъ нынѣшнихъ торговыхъ сношеніяхъ, не только съ внутреннею Азіею, но и съ Индіею.

Стр. 43. Торговцы съ внутреннею Азіею изъ Русскихъ и Татаръ, за исключеніемъ однихъ купцовъ Дѣевыхъ въ Оренбургѣ, собственныхъ верблюдовъ не имѣютъ, или, если и держатъ ихъ, то въ незначительномъ числѣ, совершенно недостаточномъ для отправки какой-либо значительной партіи товаровъ. Да и Дѣевы, имѣя отъ 120 до 200 верблюдовъ, употребляютъ ихъ только для развоза товаровъ въ предѣлахъ нашей Зауральской Степи. На своихъ верблюдахъ возятъ товары въ Азію одни торговцы наши изъ Киргизовъ.

Стр. 44. Подрядчиками верблюдовъ бываютъ обыкновенно богатые Киргизы, имѣющіе значительное число собственныхъ верблюдовъ. Съ подрядчикомъ-голышемъ, не имѣя къ нему довѣрія, никто въ дѣло вступить не захочетъ. Большею частію эти подрядчики и сами ведутъ торговлю, на свой капиталъ или по коммисіи.

Стр. 45. Дѣйствительно, поставкою верблюдовъ подъ караваны промышляютъ далеко не всѣ Киргизы; наиболѣе развитъ этотъ промыселъ въ восточной части Зауральской Степи, западная совершенно его не знаетъ, а въ средней промышляютъ этимъ только нѣкоторые роды, или отдѣленія. Въ Троицкѣ нанимаются возчиками Джаппасцы и, частію, Кипчаки; въ Орскѣ — Джагалбайлинцы и, частію, Чумекѣевцы и Дюрткаринцы, а изъ Чиклинцевъ — Тлявовцы; въ Оренбургѣ — Чуреневцы, Кабаковцы и, частію, Тлявовцы и Назаровцы, т. е. все Чиклинцы разныхъ отдѣленій, затѣмъ прилинейные Таминцы, и небольшою частію Чумичли-Табынцы. Послѣдніе ходятъ только въ Хиву.

Стр. 46. Любопытныя подробности о разграбленіи Хивинцами торговаго каравана, отправленнаго въ 1824 году изъ Оренбурга въ Бухару, подъ сильнымъ военнымъ прикрытіемъ,

можно видѣть въ «Караванъ-Запискахъ», изданныхъ въ 1827 году въ Москвѣ, купеческимъ начальникомъ этого каравана, Е. Кайдаловымъ. Впрочемъ, по разсказамъ лицъ, въ караванѣ этомъ находившихся, онъ могъ бы благополучно добраться до Бухары и ускользнуть отъ Хивинцевъ, если бы не помѣшало тому одно обстоятельство, о которомъ неудобно распространяться.—Послѣдній значительный грабежъ торговцевъ въ нашей степи имѣлъ мѣсто въ 1849 году, когда преданный Хивѣ султанъ киргизскій Илекей Касымовъ разбилъ около Аральскаго Моря шедшій въ Аральское Укрѣпленіе караванъ купца Дѣева.

Стр. 47. Нынѣ съ конвоемъ ходятъ по степи только казенные транспорты; но если возчиками въ транспортѣ прилинейные казаки (сильно въ послѣдніе годы ставшіе промышлять этимъ), то конвоя не полагается вовсе, или дается самый незначительный. Безопасность въ степи, вообще говоря (временно бываютъ исключенія), такова, что съ линіи на Сыръ-Дарью и обратно, равно-какъ и по другимъ частямъ степи Оренбургскаго вѣдомства, прикащики русскихъ купцовъ ѣздятъ иногда самъ-другъ съ весьма значительными суммами. Осенью 1853 года, когда степь была не совсѣмъ покойна, генералъ-губернаторъ Оренбургскаго Края Графъ В. А. Перовскій проѣхалъ съ р. Иргиза до Орской крѣпости, не взявъ съ собою ни одного конвойнаго казака.

Стр. 48. Не то-что съ 15, а и съ 10 верблюдами одному работнику въ зимнее время управиться весьма трудно.

Стр. 49. «Полынь» авторъ считаетъ чѣмъ-то особымъ отъ джусана, въ которомъ находитъ сходство съ терескеномъ и буюргуномъ; между-тѣмъ *джусанъ*, по башкирскому произношенію *юшанъ*, и есть полынь, а терескенъ и буюргунъ никакого ни сродства, ни сходства съ джусаномъ не имѣютъ. Травы и другія степныя растенія Киргизы, въ продовольственномъ отношеніи, раздѣляютъ на лѣтнія и зимнія, то-есть на такія, которыя скотъ можетъ употреблять въ пищу лѣтомъ, и на такія,

которыми онъ питается только зимою, когда ихъ проняло морозомъ. Зимою лошади и другой скотъ ѣдятъ множество травъ, къ которымъ лѣтомъ, по жесткости ихъ или другимъ свойствамъ, не прикасаются.

Стр. 48—50. Преимущества верблюда въ степи передъ лошадью, для перевозки тяжестей, изложены авторомъ превосходно; но должно замѣтить, что случаи падежа верблюдовъ въ степныхъ походахъ весьма не рѣдки; лошади-же въ транспортныхъ башкирскихъ командахъ гибли прежде въ большомъ числѣ не столько отъ природнаго слабосилія, сколько отъ небрежнаго ухода и изнуренія ихъ, вслѣдствіе неумѣнья распоряжаться ходомъ транспортовъ въ степи. Въ экспедицію къ Акъ-Мечети 1853 года, въ эшелонѣ, гдѣ находился самъ корпусный командиръ, на пути отъ Оренбурга до Аральскаго-Укрѣпленія пала всего одна транспортная лошадь, хотя эшелонъ дѣлалъ часто двойные переходы, а иногда двигался даже рысью. Когда такимъ-образомъ на практикѣ было доказано, что хорошимъ уходомъ и толковымъ распредѣленіемъ привaловъ и ночлеговъ лошади непремѣнно сберегаются, ихъ стало падать въ транспортахъ вообще несравненно менѣе прежняго. Въ прошломъ 1855 году прилинейные Киргизы Восточной части сами взялись доставить казенный провіантъ изъ Троицка въ Оренбургское-укрѣпленіе, *на своихъ лошадяхъ и телѣгахъ*, въ числѣ 2900 подводъ, и исполнили подрядъ безъ потери въ скотѣ. Въ объясненіе этого подряда не излишне сказать, что на лошадяхъ и телѣгахъ своихъ эти Киргизы издавна уже отправляются ежегодно за солью на озера Эбелей и Уркачъ, передній путь дѣлая порожнякомъ: явная выгода была для нихъ продлить этотъ передній путь до Оренбургскаго-укрѣпленія, взявъ за то по 4 р. 40 к. сер. съ подводы. Ниже (стр. 57, въ выноскѣ) приводитъ авторъ замѣчаніе одного купца, что верблюды вѣроятно скоро переведутся, и караваны будутъ ходить на волахъ, запряженныхъ въ арбы. Дѣйствительно, верблюдовъ употребляется теперь въ извозъ несравненно болѣе преж-

нягo—одна казна нанимаетъ ихъ въ степи для своихъ надобностей ежегодно до 6000 и болѣе, вслѣдствіе чего увеличивается и ежегодная ихъ убыль; но эта убыль не такъ значительна, чтобы надлежало уже опасаться за совершенную гибель породы. Доказательство тому видимъ въ нисколько неподнимающейся цѣнѣ на верблюдовъ: какъ десять лѣтъ тому, такъ и теперь, верблюды, смотря по достоинству, продаются отъ 20 до 35 р. сер. за голову. Притомъ Зауральскую степь снабжаетъ верблюдами Внутренняя-Орда, гдѣ не употребляются они ни на что, кромѣ перекочевокъ и домашней перевозки, а между тѣмъ разводятся въ большомъ числѣ. Нѣсколько сотъ верблюдовъ пригоняется оттуда ежегодно на одинъ Оренбургскій мѣновой дворъ. Къ той порѣ, когда переведутся верблюды въ степи, — если только они когда-либо переведутся, — степь будетъ покрыта уже линіями желѣзныхъ дорогъ, и Аму будетъ течь въ Каспій, а Сыръ впадать въ Аму. Ранѣе — ожидать этого нельзя, тѣмъ болѣе, что верблюдъ встрѣтилъ себѣ въ послѣдніе годы достойнаго соперника — въ волѣ; «корабль Новороссійскихъ степей» плаваетъ теперь на всѣхъ парусахъ и по Зауральскимъ; «цобъ, цобъ» слышится теперь здѣсь почти столь-же часто, какъ «чокъ, чокъ»; чумачество развилось въ Зауральской степи съ быстротою, какъ на почвѣ совершенно родственной. Первый опытъ перевозки казеннаго провіанта съ Линіи въ Уральское-укрѣпленіе на воловьихъ подводахъ сдѣланъ былъ, по вызову г. командира отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, Оренбургскими купцами Дѣевымъ и Путоловымъ, въ 1852 году. Подводы, въ числѣ 1030, наняты были послѣдними у казаковъ Оренбургскаго-Войска, между коими есть много изъ Малороссіянъ; возчиками нанялись сами-же казаки, хозяева воловъ. Съ пуда за доставку заплачено было казною, смотря по качеству тяжестей, отъ 35 до 45 коп. сер. Въ слѣдующемъ году тѣми же купцами отправленъ былъ первый воловій казенный транспортъ, на 740 подводахъ, въ Аральское-укрѣпленіе, съ платою отъ казны по 80 коп. сер. съ пуда. Промыселъ понравился

казакамъ, и съ 1854 года они сами, обществами, начали заключать съ казною подряды, не только на провозъ всякаго рода тяжестей изъ Оренбурга до Уральскаго-укрѣпленія, но и на Сыръ-Дарью; а казаки, поселенные при бывшемъ Аральскомъ-укрѣпленіи, стали промышлять извозомъ на волахъ своихъ между укрѣпленіями Сыръ-Дарьинской Линіи. Въ 1855 году изъ Оренбурга до Уральскаго-укрѣпленія платилось казакамъ съ пуда $28^3/_4$ коп., а до Аральскаго — по 65 коп. сер. На парную воловью подводу клади полагается: до Уральскаго-укрѣпленія — отъ 40 до 50, на Сыръ — отъ 30 до 35 пудовъ. Верблюдъ — животное нѣжное, подверженное отъ разныхъ причинъ многимъ болѣзнямъ, въ числѣ коихъ первое мѣсто занимаетъ «сарпъ» (пухнутъ ноги и грудь, трескается кожа на подошвахъ и колѣняхъ, и течетъ гной изъ трещинъ). На Сыръ-Дарьѣ, сверхъ того, съ іюня по сентябрь, бываетъ постоянный падежъ на верблюдовъ, вслѣдствіе употребленія ими въ пищу растенія «кэндыръ-шюпъ», или покрывающихъ его маленькихъ червячковъ «ала-кулюкъ»; воламъ же, если только не бываетъ на нихъ эпидемическаго падежа, ни что не вредитъ.

Стр. 53. Кочуютъ зимою, переходя съ мѣста на мѣсто черезъ 15—20 дней, не какіе-либо извѣстные роды и отдѣленія Киргизовъ, у которыхъ нѣтъ сѣнокосовъ, а всѣ тѣ, которые зимуютъ въ южныхъ частяхъ степи, гдѣ снѣга не глубоки. — Отдѣленіе Телеу (или вѣрнѣе Тляу) авторъ причисляетъ здѣсь къ роду Алимъ, а выше (на стр. 45) относитъ его къ Семиродцамъ. По этому случаю замѣтимъ вообще, что упоминая въ книгѣ своей о томъ или другомъ отдѣленіи Киргизовъ, онъ вездѣ съ увѣренностію называетъ родъ или племя, къ которому они принадлежатъ; между-тѣмъ это предметъ весьма темный и спорный между самыми Киргизами — темный и сбивчивый до того, что самъ покойный Генсъ, усердно старавшійся прояснить дѣло, запуталъ его еще болѣе, авторитетомъ своимъ сбивъ съ толку и другихъ. Здѣсь не мѣсто пускаться въ подробности этого дѣла, и потому скажу лишь, что Тляу точно

Алимовцы, но не по роду, а по племени; къ роду-же причисляются Чиклинскому. Затѣмъ, Чиклинцы никогда не зимуютъ близъ линіи: обыкновенныя зимовки ихъ—на Эмбѣ и въ Барсукахъ; изъ Джаппасовцевъ и Кипчакцевъ остаются зимовать близъ линіи весьма немногіе, большинство-же уходитъ за этимъ на Сыръ-Дарью; а скотъ свой отгоняютъ на Сыръ и въ Каракумы, сами оставаясь близъ лѣтнихъ кочевокъ своихъ — преимущественно Аргынцы.

Стр. 56. Причина, по которой Оренбургскіе возчики Бухарскихъ каравановъ не сопровождаются на Сыръ и за Сыръ своими семействами, подобно Троицкимъ, заключается вовсе не въ томъ, чтобы дорога отъ Троицка въ Бухару была обильнѣе пастбищными мѣстами, чѣмъ дорога туда же изъ Оренбурга, а въ томъ, что Джаппасцы, изъ коихъ бываютъ преимущественно Троицкіе возчики, имѣютъ зимовки свои на Сырѣ, тогда-какъ Джагалбайлинцы и другіе роды, поставляющіе верблюдовъ и возчиковъ для каравановъ изъ Оренбурга и Орска, зимуютъ при линіи или въ глубинѣ степи.

Стр. 56. (Выноска). Лѣса въ Степи Оренбургскаго вѣдомства находятся только на пространствѣ восточной ея части, и то сѣвернѣе 51° широты. Далѣе на югъ ихъ нѣтъ вовсе, за исключеніемъ поемной береговой поросли по р. Илеку и нѣкоторымъ ея притокамъ, да небольшихъ лѣсковъ по ущельямъ Мугоджарскихъ-Горъ. Саксауловыхъ (Anabasis Ammodendron C. A. Meyer) лѣсовъ нигдѣ въ этой степи не имѣется: саксаулъ по сю сторону Сыръ-Дарьи большой высоты не достигаетъ. На правомъ ея берегу, равно-какъ въ Кара-Кумахъ и Барсукахъ, встрѣчаются еще изрѣдка, по иловато-глинистымъ пространствамъ, рощицы изъ гребенщика (Tamarix gallica). — Нѣкоторыя изъ Киргизскихъ названій степнымъ травамъ, удобнымъ для топлива, напечатаны ошибочно: не самзъ, а сагызъ, и т. д.

Стр. 57. Подъ караваны изъ Бухары въ Россію нанимаютъ тамъ, говоритъ г. Небольсинъ, тѣхъ же самыхъ Киргизовъ

и верблюдовъ, которые приходятъ съ товарами изъ Россіи. Такъ; но къ этому необходимо прибавить, что караваны изъ Бухары на линію и обратно подымаются не исключительно Киргизами и верблюдами нашей степи. Есть Киргизы, постоянно кочующіе около Бухары; они въ весьма значительной долѣ ставятъ отъ себя верблюдовъ (до 2,000 и болѣе) и возчиковъ подъ эти караваны. Прибывъ съ караванами изъ Бухары на линію, возчики эти остаются здѣсь до обратнаго отправленія осенью каравановъ въ Бухару, пася верблюдовъ въ степи около линіи. Эти промышляющіе извозомъ Киргизы Бухарскіе извѣстны у насъ подъ названіемъ *Джайдаровъ*. Джайдарами же называются, одинаково, и Киргизы, промышляющіе поставкою верблюдовъ подъ караваны Ташкентскіе и Хивинскіе, въ Россію и обратно, изъ числа тамъ, въ Коканскихъ и Хивинскихъ владѣніяхъ, постоянно кочующихъ Киргизскихъ родовъ. Караваны изъ Ташкента въ Троицкъ и обратно ходятъ почти исключительно на джайдарскихъ верблюдахъ. Объ участіи Джайдаровъ изъ Хивинскихъ Киргизовъ въ подъемѣ каравановъ въ Оренбургъ и обратно въ Хиву, г. Небольсинъ упоминаетъ ниже, на стр. 107; но ошибается, полагая, что «Джайдари» (какъ пишетъ онъ) есть собственное имя этихъ Киргизовъ. Ни въ Хивинскихъ, ни въ Бухарскихъ, ни въ Коканскихъ владѣніяхъ, нѣтъ никакого Киргизскаго рода, отдѣленія или подотдѣленія, которые носили бы имя Джайдари, какъ носятъ они имена Чикли, Табынъ и т. д. «Джайдаръ», повторяемъ, есть имя нарицательное, въ родѣ нашего «чумакъ», общее всѣмъ промышляющимъ извозомъ въ караванахъ Бухарскимъ, Коканскимъ и Хивинскимъ Киргизамъ, къ какимъ бы родамъ ни принадлежали они. Въ 1854 году, Бухарскимъ и Хивинскимъ джайдарамъ, пришедшимъ подъ караванами въ Оренбургъ, предложено было принять участіе въ доставкѣ казеннаго провіанта изъ Оренбурга въ Фортъ-Перовскій, и они взялись за это весьма охотно, поставивъ 955 верблюдовъ, съ платою впередъ (Киргизы всегда требуютъ плату впередъ, но за

то честно и безотговорочно исполняютъ принятыя на себя обязательства) по 15 р. 25 к. сер. съ верблюда.

Стр. 59. Лучшіе вожаки въ степи бываютъ изъ барантовщиковъ, — изъ людей, которые въ молодости своей укрываясь отъ преслѣдованія или предпринимая внезапные угоны, по-необходимости изучили степь вдоль и поперегъ.

Стр. 60. Плата за верблюда изъ Оренбурга или Троицка до Бухары, при обыкновенномъ ходѣ вещей, необходимо должна быть дешевле таковой же изъ Бухары до Троицка или Оренбурга, по той весьма простой причинѣ, что отпускъ товаровъ изъ Бухары на линію болѣе отпуска туда съ линіи, вслѣдствіе чего и вьючныхъ верблюдовъ приходитъ на линію изъ Бухары гораздо болѣе, чѣмъ уходитъ туда съ линіи. Такъ на-примѣръ, верблюдовъ съ товаромъ:

	1853	1854	1855
Пришло на линію	16,774.	16,651.	20,580.
Отошло съ линіи	6,143.	7,487.	5,983.

Зная о такомъ ходѣ торговли и о необходимости по этой причинѣ половинѣ, или и болѣе, возчиковъ и верблюдовъ, прибывшихъ съ караванами изъ Бухары, возвращаться туда, для новой наемки, порожнякомъ, верблюдохозяева, чтобы только избѣжать этого, естественно входятъ въ соперничество между собою, и предложеніемъ большимъ запроса понижаютъ провозную плату съ линіи.

Стр. 61. По общему отзыву всѣхъ издавна знакомыхъ съ Зауральскою-степью, Киргизы Оренбургскаго вѣдомства не только не обѣднѣли противу прежняго, но, вслѣдствіе прекращенія баранты и грабежей, еще значительно разбогатѣли. По этому, постепенный упадокъ провозной платы за верблюдовъ не можетъ быть приписанъ ничему иному, какъ постепенному же водворенію въ степи порядка и безопасности.

Стр. 62 и далѣе 83—84, 103, 105. Въ Оренбургъ, говоритъ авторъ, приходятъ ежегодно изъ Бухары два каравана, въ Троицкъ — три; изъ Ташкента въ Троицкъ — три или четы-

ре; изъ Хивы въ Оренбургъ — два или три. Сколько я понимаю дѣло, такой образъ выраженія не точенъ. Какъ изъ Бухары, такъ изъ Хивинскихъ и Коканскихъ владѣній, товары въ Россію отправляются въ болѣе или менѣе опредѣленное время года, но отдѣльными, независимыми партіями; отдѣльно другъ отъ друга идутъ эти партіи степью, нагоняя одна другую, перегоняя, сходясь на нѣсколько времени, опять разлучаясь, и отдѣльно же вступаютъ на мѣновые прилинейные дворы. Смотря по обстоятельствамъ, партіи эти могутъ быть болѣе или менѣе многочисленны, но каждая, какъ-бы мала она ни была, имѣетъ полное право на названіе каравана. А если такъ, то число карамановъ, приходящихъ изъ Внутренней-Азіи на Оренбургскую-Линію и отходящихъ съ оной опредѣлено быть не можетъ, ибо зависитъ отъ обстоятельствъ; да нѣтъ въ томъ и нужды: довольно знать въ какое время года отправляются караваны отъ насъ и къ намъ. Въ подтвержденіе сказаннаго приводимъ слѣдующія свѣдѣнія о приходѣ Азіятскихъ карамановъ на Оренбургскую-Линію въ 1851 и 1852 годахъ:

Когда пришли караваны.	Изъ какихъ мѣстъ.	На какіе пункты Оренбургской-Линіи.	На скольких верблюдахъ съ товаромъ.	верблюдахъ съ порталомъ.	подводахъ съ товаромъ.
въ 1851 году.					
Мая 22	изъ Хивы.......	въ Оренбургъ.............	121	2	—
Іюня 8	» Ташкента...	» Троицкъ..............	1553	58	—
—	» Бухары.....	» —	541	28	—
11	» Чугучака...	» —	84	7	—
12	» Ташкента...	» —	2162	1	—
—	» Бухары.....	» —	442	24	—
14	» —	» —	25	—	—
—	» Ташкента...	» —	283	3	—
15	» Бухары.....	» Оренбургъ (черезъ Орскъ)	240	3	—
16	» Ташкента...	» Троицкъ..............	68	1	—
25	» Бухары.....	» Оренбургъ (черезъ Орскъ)	299	3	—
30	» Чугучака...	» Троицкъ..............	62	3	—
Іюля 2	» Ташкента...	» —	76	—	—
—	» Бухары.....	» —	6	—	—
3	» —	» Оренбургъ..............	625	47	—
4	» Ташкента...	» Троицкъ..............	42	2	—
6	» — ...	» —	2	—	—
—	» Бухары.....	» —	34	2	—
7	» Ташкента...	» —	52	—	—
—	» Бухары.....	» Оренбургъ (черезъ Орскъ)	469	19	—
9	» Ташкента...	» Троицкъ..............	5	—	—
12	» Бухары.....	» Оренбургъ (черезъ Орскъ)	—	—	27
13	» Хивы.......	» —	1301	43	—
14	» Бухары.....	» Троицкъ..............	82	—	—
—	» Чугучака...	» —	60	5	—
16	» Бухары.....	» —	258	1	—
17	» —	» —	127	—	—
18	» —	» —	8	—	—
20	» —	» —	112	72	—
21	» Хивы.......	» Оренбургъ..............	596	38	—
23	» Бухары.....	» Троицкъ..............	71	—	—
24	» —	» —	98	2	—
26	» —	» —	10	—	—
28	» —	» —	3	—	—
31	» —	» Оренбуръ..............	917	75	—
Августа 9	» Хивы.......	» —	57	5	—
13	» Бухары.....	» Троицкъ..............	154	26	—
16	» —	» —	76	—	—
17	» Чугучака...	» —	64	8	—
24	» Хивы.......	» Оренбургъ..............	129	11	—
Октября 4	» Чугучака...	» Троицкъ..............	77	12	—
Ноября 27	» — ...	» —	173	9	—
		Итого въ 1851 году...	11,564	510	27

въ 1852 году.					
Мая					
24	изъ Хивы......	въ Оренбургъ.............	50	—	—
28	» Ташкента...	» Троицкъ...............	88	1	—
Іюня					
2	» — ...	» —	55	—	—
5	» Бухары.....	» Оренбургъ (черезъ Орскъ)	1221	10	—
6	» Ташкента...	» Троицкъ...............	1583	57	—
—	» Бухары.....	» —	378	83	—
9 и 10	» Ташкента...	» —	1258	—	—
— —	» Бухары.....	» —	932	25	—
12	» Хивы.......	» Оренбургъ.............	201	5	—
—	» Бухары.....	» Троицкъ...............	686	—	—
—	» Ташкента...	» —	423	3	—
19	» Бухары.....	» —	—	—	6
23	» —	» Оренбургъ.............	280	3	—
24	» —	» Троицкъ...............	75	—	—
26	» Ташкента...	« —	2	—	—
27	» Бухары.....	» —	—	2	—
—	» Хивы.......	» Оренбургъ.............	2790	166	—
Іюля					
3	» Бухары.....	» — (черезъ Орскъ)	33	1	125
—	» —	» Троицкъ...............	—	—	1
7	» Ташкента...	» —	94	—	—
8	» Бухары.....	» Оренбургъ.............	1560	138	—
9	» Хивы.......	» —	186	8	—
10	» —	» —	12	—	—
—	» Чугучака....	» Троицкъ...............	105	10	—
12	» Бухары.....	» Оренбургъ.............	6	—	—
14	» —	» Троицкъ...............	203	65	—
17	» —	» —	408	2	—
19	» —	» —	9	—	4
28	» Ташкента...	» —	89	4	—
31	» Бухары.....	» —	37	—	—
Августа					
2	» —	» Оренбургъ.............	107	32	—
—	» —	» Троицкъ...............	4	—	—
7	» —	» —	10	—	—
10	» —	» Оренбургъ.............	721	23	—
12	» —	» Троицкъ...............	3	—	—
13	» Чугучака...	» —	123	1	—
14	» — ...	» —	194	22	—
16	» Бухары.....	» —	—	—	1
18	» Хивы.......	» Оренбургъ.............	14	2	—
21	» Чугучака...	» Троицкъ...............	99	8	—
25	» Ташкента...	» —	1	—	—
Октября					
2	» — ...	» —	10	2	—
Ноября					
7	» Хивы.......	» Оренбургъ.............	25	1	—
10	» Чугучака...	» Троицкъ...............	—	—	11
Декабря					
13	» Бухары.....	» Оренбургъ (черезъ Орскъ)	—	—	5
22	» Ташкента...	» Троицкъ...............	28	—	—
26	» Хивы.......	» Оренбургъ.............	19	—	—
30	» Ташкента...	» Троицкъ...............	—	—	43
		Итого въ 1852 году...	14,122	674	191

Стр. 63. Первый караванъ изъ Бухары въ Оренбургъ выходитъ, по словамъ автора, партіями съ половины февраля, иногда съ половины апрѣля, и движется медленно; тѣмъ-неменѣе партіи эти стараются перейти Сыръ еще по льду. — Отъ Бухары до Сыра надо пройти около 700—730 верстъ; полагая по 25 верстъ на сутки, переходъ этого пространства требуетъ около 28 дней; значитъ, на Сыръ самыя первыя изъ Бухары партіи не могутъ прибыть ранѣе половины марта, — а объ эту пору Сыръ если и бываетъ еще покрытъ льдомъ, то не стоячимъ, а пловучимъ, ибо рѣка вскрывается обыкновенно еще въ февралѣ. Такимъ образомъ, чтобы успѣть перейти Сыръ «за-зиму», раннія партіи изъ Бухары, при медленномъ ходѣ каравановъ, должны выходить ранѣе половины февраля.

Стр. 64. Нынѣшній фортъ № 1, замѣнившій упраздненное уже Аральское или Раимское укрѣпленіе, устраивается на урочищѣ Казалы, верстахъ въ 15 ниже Учь-Урги. — Владычество надъ лѣвымъ берегомъ Сыра обезпечивается Хивинцамъ укрѣпленіемъ Ходжа-Ніязъ, на Куванъ-Дарьѣ, которое возведено ими лѣтъ 8 или 10 тому. Отсюда и высылаются теперь партіи сборщиковъ транзитной пошлины съ мимопроходящихъ въ Бухару и оттуда каравановъ.

Стр. 65. Девятокъ составляетъ употребительную единицу счета не у однихъ Киргизовъ; это число священное у всѣхъ Средне-Азійскихъ народовъ. Чтитель старины, Крымскій Ханъ Гази-Гирей, властвовавшій въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, умертвилъ вслѣдствіе этого у соперника своего Фетхъ-Гирея не болѣе и не менѣе какъ девятерыхъ дѣтей.

Стр. 66 — 67. Въ 1853 году, съ каравана, шедшаго изъ Троицка въ Бухару на 2000 верблюдахъ, взыскано было Хивинцами, при проходѣ его около Ходжа-Ніяза, по 5 р. асс. съ верблюда. Въ 1854 году, одному такому каравану удалось пройти незамѣченнымъ и избавиться отъ уплаты пошлины; другой, шедшій вслѣдъ и состоявшій изъ 3000 верблюдовъ и 7000 барановъ, которыхъ Киргизы наши гнали на продажу въ Бу-

хару, предположено было разграбить за это, по повелѣнію самаго Хана Хивинскаго; но благоразуміемъ караванъ-баша бѣда была отвращена, и взыскано было: кромѣ подарковъ, только 2000 червонцевъ съ торговцевъ и 800 барановъ съ Киргизовъ.

Стр. 73 — 74. Въ торговыхъ караванахъ всегда бываютъ запасные верблюды въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ.

Стр. 74. Вообще всякій торговецъ изъ Внутренней Азіи, проходя на линію степью, готовъ сбыть Киргизамъ сколь можно болѣе товаровъ своихъ, не очищенныхъ еще пошлиною. Такихъ товаровъ, въ-особенности халатовъ, расходится въ степи на огромныя суммы. Кромѣ того, изъ Хивы и Бухары пробирается въ нашу степь множество мелкихъ торговцевъ, которые распродаютъ свой товаръ за деньги или барановъ, и никогда на линію не приходятъ. Оборотъ этой торговли неизвѣстенъ, но долженъ быть довольно значителенъ. Принимая торговлю Киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства съ линіею за торговлю внутреннюю, на эту торговлю Бухарскихъ и Хивинскихъ мелочниковъ въ нашей степи г. Небольсинъ долженъ былъ смотрѣть, какъ на внѣшнюю, и упомянуть о ней; но объ этомъ предметѣ никакихъ свѣдѣній имъ не собрано. Сверхъ этого, торговля съ Бухарою и отчасти съ Коканскими и Хивинскими купцами ведется еще на Сыръ-Дарьѣ. Торговля эта началась собственно съ утвержденія за нами праваго берега Сыра въ 1853 году и учрежденія Сыръ-Дарьинской Линіи въ 1854 году, почему г. Небольсинъ и знать о ней не могъ. Главный пунктъ ея — бывшее Коканское укрѣпленіе Акъ-Мечеть, нынѣ Фортъ-Перовскій. Здѣсь, преимущественно Бухарскіе торговцы снабжаютъ товарами своими, какъ воинскихъ чиновъ Сыръ-Дарьинскихъ гарнизоновъ, такъ мѣстныхъ и приходящихъ туда съ казенными транспортами Киргизовъ. Торговля эта развивается быстро.

Стр. 75. Въ порталѣ никогда не пропускается безпошлинно болѣе одного ковра и 2 или 3 халатовъ; не дозволяется также провозить матерій кусками, слѣдовательно и англійскихъ

ситцевъ, которые, при томъ, по дороговизнѣ своей, и въ самыхъ Бухарскихъ владѣніяхъ составляютъ рѣдкость. — Причиною выхода нѣкоторыхъ карвановъ изъ Бухары не ранѣе конца марта или началѣ апрѣля — вовсе не ожиданіе распродажи русскихъ издѣлій; въ Россію, какъ справедливо говоритъ г. Небольсинъ (стр. 5), ходятъ одни прикащики, и товары тамъ пріобрѣтаются въ кредитъ, слѣдовательно русскіе товары могутъ распродаваться въ Бухарѣ хозяевами въ отсутствіе прикащиковъ; о количествѣ-же остающихся нераспроданными товаровъ Бухарскіе торговцы получаютъ извѣстія изъ отечества, находясь не только на линіи, но и на Нижегородской-ярмаркѣ. Причина позднаго выхода заключается въ томъ собственно, что только въ половинѣ марта или началѣ апрѣля можетъ быть изготовлена къ отправкѣ мерлушка и закуплены бумажныя издѣлія.

Стр. 77. На Нижегородскую-ярмарку ѣздятъ обыкновенно только самые зажиточные изъ Азіятскихъ торговцевъ; они, частію, закупаютъ тамъ товаръ и для тѣхъ, которые остаются въ Оренбургѣ и Троицкѣ для продажи товаровъ въ-раздробь. Изъ Хивинцевъ отправляется на ярмарку одинъ ихъ караванбашъ.

Стр. 78. Въ послѣднее время провозная плата изъ Орска въ Оренбургъ не была менѣе 18—20 коп. сер. съ пуда; осенью-же, при отходѣ каравановъ, въ-особенности если начиналъ уже выпадать снѣгъ, цѣна съ пуда отъ Оренбурга въ Орскъ доходила даже до 30 и 40 коп. сер.

Стр. 79. Вслѣдъ за окончаніемъ разсчетовъ по барантѣ между Киргизами Сибирскими и Восточной части Оренбургскаго вѣдомства, такимъ-же мировымъ разбирательствомъ взаимныхъ по барантамъ претензій окончены были онѣ въ 1851 году между Киргизами Адаевскаго и бывшихъ враждебными имъ другихъ степныхъ родовъ Средней и Западной частей Зауральской-Орды.

Стр. 80—83. Любопытныя подробности, сообщаемыя г. Небольсинымъ, о притѣсненіяхъ, которымъ подвергались Бухарскіе караваны на пути въ Троицкъ и обратно, проходя черезъ Коканскія владѣнія, — не имѣютъ уже мѣста съ тѣхъ поръ, какъ Акъ-Мечеть и ниже ея по Сыру находившіяся Коканскія укрѣпленія или разрушены или заняты Русскими войсками въ 1853 году. — Теперь только Коканскіе Киргизы грабятъ иногда малочисленные караваны.

Стр. 88. Нельзя положительно говорить, что плата за провозъ цѣнныхъ товаровъ не бываетъ въ Троицкѣ болѣе 10 руб. сер. съ верблюда: въ 1854 году платили здѣсь за провозъ въ Бухару не только мануфактурныхъ товаровъ, но даже желѣза при послѣднихъ отправкахъ, отъ 20 до 25 руб. сер. съ верблюда, да и то не было возможности найти возчиковъ, такъ что часть громоздкихъ товаровъ, чугуна, мѣди, желѣза, сундуковъ, Азіятцы должны были оставить въ Троицкѣ, въ количествѣ болѣе 1000 тюковъ, не вывезенными; вслѣдствіе чего цѣны на эти товары поднялись въ 1855 году на Средне-Азіятскихъ рынкахъ болѣе чѣмъ на треть противу обыкновеннаго.

Стр. 93. Случаевъ, подобныхъ произшедшему въ 1850 году съ караваномъ купца Баранова, въ послѣдніе годы не бывало.

Стр. 94. Караванъ-баши бываютъ трехъ родовъ: 1) оффиціальные, такъ сказать аккредитуемые Бухарскимъ и Хивинскимъ правительствомъ: о такихъ караванъ-башахъ и говоритъ здѣсь г. Небольсинъ; 2) избираемые азіятскими торговцами изъ среды своей для завѣдыванія дѣлами каждаго большаго каравана: такихъ бываетъ иногда въ Оренбургѣ по нѣскольку человѣкъ; и 3) караванъ-баши изъ Киргизовъ, завѣдующіе всѣми въ караванѣ возчиками: такимъ караванъ-башемъ избирается въ караванѣ одинъ изъ поставщиковъ верблюдовъ; онъ же служитъ вмѣстѣ и вожакомъ.

Стр. 96. Въ послѣдніе годы купцы русскіе, и даже ихъ прикащики, ни въ Бухару, ни въ Хиву не ходили.

Стр. 97. Товарами за путевые расходы разсчитываются съ караванъ-башами азіятскіе торговцы можетъ быть у себя, въ Бухарѣ или въ Хивѣ; за приходящіе-же въ Россію караваны расплата эта дѣлается монетою, при чемъ съ верблюда никогда не сходитъ менѣе 70 коп. сер., а иногда сходитъ и до 1 руб. 20 коп. Два верблюда съ хлопчатою бумагою принимаются въ этомъ разсчетѣ за 1 верблюда съ разнымъ товаромъ.

Стр. 98. *Тургай-Калà* называется по-киргизски Оренбургское, а не Уральское-укрѣпленіе; послѣднее зовется *Иргизъ-Калà*.

Стр. 99—100. Изъ Троицка въ Бухару караваны ходятъ нынѣ тремя дорогами: двумя зимними и одною лѣтней. Вообще, вышедши изъ раіона Новой-Линіи, направляются они на озера *Уркàчь* и *Чубты*, гдѣ-нибудь по р. *Кабыргъ* дѣлаютъ роздыхъ, и переходятъ р. *Тургай* около Оренбургскаго-укрѣпленія; потомъ черезъ р. *Джиланчикъ* идутъ на колодезь *Саганбай;* оттуда черезъ р. *Кайдагулъ* и рѣчки, впадающія съ востока въ озеро *Чубаръ*, на р. *Калмакъ-Кырганъ;* далѣе направляются на родникъ *Калданы*, на востокъ отъ котораго лежатъ пески *Арысъ*, и на колодезь *Биль-Кудукъ;* останавливаются нѣсколько времени на урочищѣ *Бабаса*, и перейдя въ бродъ канаву *Арна*, приходятъ въ *Фортъ-Перовскій.* Здѣсь черезъ *Сыръ-Дарью* переправляются по льду, если-же рѣка еще не стала — на лодкахъ и плотахъ, изготовляемыхъ мѣстными Киргизами. Въ 1854 году Киргизы устроили для этого даже мостъ черезъ Сыръ изъ камышевыхъ фашинъ, крестообразно положенныхъ одна на другую и связанныхъ камышевыми же канатами, концы коихъ на обоихъ берегахъ, за невозможностію имѣть бревна для свай, укрѣпили они, глубоко и искусно зарывъ въ землю. Изъ Форта-Перовскій кратчайшая зимняя дорога въ Бухару идетъ на кол. *Баркусъ*, черезъ пески *Кызылъ* къ горѣ *Балкачты;* здѣсь въ колодцахъ поятъ верблюдовъ и лошадей, и запасшись водою для людей, проходятъ въ-теченіе дня пески *Ямакъ-Кызылъ* до колодца *Чинъ-Кильды;* тутъ опять поятъ скотъ, запасаются

водою и черезъ горы *Арсланъ* приходятъ на кол. *Мана-Маджакъ* и родникъ *Агатмâ;* отсюда слѣдуютъ къ колодцамъ *Назарбай,* ночуютъ въ деревнѣ *Кагатамъ* и населенными уже мѣстами достигаютъ Бухары. Ходятъ сюда и другимъ путемъ, такъ-называемою «Дорогою о Четырехъ-Колодцахъ», пролегающею выше Форта-Перовскій; но имѣющіяся о ней свѣдѣнія неопредѣлительны. Обѣими дорогами можно прибыть изъ Троицка въ Бухару черезъ 55 и даже 45 дней; но онѣ проходимы только зимою, лѣтомъ-же не достаточно по нимъ воды и кормовъ. Въ лѣтнее время караваны изъ Троицка идутъ третьею дорогою, а именно отъ озера *Уркачъ* направляются къ вершинѣ рѣки *Улькаякъ*, оттуда на рѣчку *Тилькара*, и перещедши р. *Иргизъ* верстахъ 50 отъ Уральскаго-укрѣпленія входятъ потомъ въ *Каракумы*, которыми и слѣдуютъ до урочища *Казалы*, куда переведено нынѣ бывшее на урочищѣ Раимъ Аральское-укрѣпленіе. Переправившись здѣсь чрезъ *Сыръ-Дарью* на судахъ укрѣпленія, направляются на озеро *Утябасъ*, переходятъ р. *Куванъ*, и по колодцамъ *Айрытау* и *Гумуръ* доходятъ до киргизской могилы *Сыры*, гдѣ имѣются четыре колодца. Здѣсь напоивъ скотъ и запасшись водою на двое съ половиною сутокъ, пускаются въ *Кызылъ-Кумы*, и на третьи сутки достигаютъ *Буканскихъ-Горъ*. Отсюда слѣдуютъ на колодцы *Югъ-Кудукъ* и родникъ *Капканташъ*, въ которомъ запасаются водою для перехода черезъ пески *Яманъ-Кызылъ*, миновавъ которые, колодцами *Туманбай* и *Чувакбай* выходятъ на родникъ *Агатмâ*, откуда до Бухары добираются описанною уже дорогою.

Изъ Ташкента въ Троицкѣ караваны ходятъ обыкновенно по слѣдующему маршруту:

г. Ташкентъ.		
р. Келесъ	12	верстъ
ур. Сарыжильзакъ	20	»
» Сарыагачь	12	»
» Баканъ	20	»
кол. Кемширъ	13	»

р. Арысъ..................40 верстъ
кол. Караджантакъ..........12 »
ур. Бузукъ.................18 »
дер. и оз. Шиликъ..........10 »
ур. Аякъ-Куль..............18 »
» Чійтюбе.................. 7 »
р. Карамыкъ................13 »
р. Сыртъ...................14 »
ур. Шолылганъ-Аня..........15 »
р. Шамратъ.................15 »
ур. Каскиръ-Асканъ.........15 »
ур. Тохтамысъ.............. 8 »
р. Кулдумъ-Булакъ..........20 »
кол. Донгулюкъ-Соръ........10 »
р. Джангиль-Дыкакъ.........20 »
кол. Мынъ-Булакъ...........30 »
кол. Кузъ-Кудукъ........... 8 »
ур. Даутъ-Ходжа............35 »
оз. Теле-Куль..............35 »
около Теле-Куля............25 »
оз. Арысъ..................35 »
кол. Танры-Биргенъ.........15 »
кол. Локулдакъ (?).........10 »
ур. Умакъ-Булакъ...........12 »
ур. Сары-Булакъ............20 »
ур. Котанъ-Булакъ..........25 »
кол. Испэ..................25 »
ур. Сандыкъ-Нура...........25 »
р. Калмакъ-Кырганъ.........30 »
р. Тусчи-Мююръ.............15 »
р. Мултуръ.................30 »
р. Билеуты.................35 »
ур. Балакты................15 »
р. Каргала.................30 »

ур. Кайдагулъ	35	верстъ
оз. Бозчи-Куль	30	»
кол. Сазанбай	25	»
кол. того же имени	20	»
р. Джиланчикъ	25	»
ур. Бадпакъ	35	»
оз. Шукуръ	30	»
укр. Оренбургское	15	»
Итого	982	версты

Отъ Оренбургскаго-укрѣпленія до города Троицка считается $516\frac{1}{2}$ верстъ. Такимъ образомъ, всего по прописанному маршруту отъ Ташкента до Троицка будетъ около 1500 верстъ.

Стр. 105. Изъ таможенной вѣдомости о приходѣ карavановъ на Оренбургскую-Линію, напечатанной въ Оренбургскомъ календарѣ на 1852 годъ, не видно, чтобы въ декабрѣ того года приходилъ изъ Хивы въ Оренбургъ караванъ въ 400 верблюдовъ.

Стр. 106. Относительно хода каравановъ изъ Хивы въ Астрахань авторъ выразился неопредѣлительно, такъ-что изъ словъ его можно было-бы заключить, будто караваны эти идутъ до Астрахани сухопутьемъ, тогда-какъ Хивинскій караванъ съ товаромъ для Астрахани доходитъ только до Новопетровскаго-укрѣпленія на полуостровѣ Мангышлакѣ, откуда товаръ отправляется въ Астрахань черезъ Каспійское-море. Такимъ же образомъ доставляются и русскіе товары изъ Астрахани въ Новопетровское-укрѣпленіе. Встарину-же, дѣйствительно, караваны изъ Хивы въ Астрахань ходили сухопутьемъ черезъ Сарайчикъ на Уралѣ.

Стр. 108. Осенью 1855 года Хивинскіе купцы, прибывшіе въ Оренбургъ съ весенними караванами, желая узнать основательно о положеніи дѣлъ на родинѣ, гдѣ, по слухамъ, со смертію Мухаммедъ-Эминъ-Хана началась сумятица и рѣзня, подрядили съѣздить туда двухъ Киргизовъ, съ тѣмъ, чтобы на

путь до Хивы и обратно употребили они не болѣе 20 дней. Киргизы взялись, и черезъ 20 дней были уже съ новостями въ Оренбургѣ.

Стр. 109. Дѣйствительно, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, караваны отъ насъ въ Хиву или обратно черезъ Сыръ-Дарью не ходятъ; но въ 1855 году, Хивинскіе караваны изъ Оренбурга пошли на Хиву не только черезъ Сыръ-Дарью, но даже черезъ Бухару. Причиною тому внутреннія въ Хивѣ смятенія. Опасаясь, что ихъ разграбитъ и перерѣжетъ не та, такъ другая изъ враждующихъ тамъ партій, Туркменская, Узбекская или Каракалпакская, торговцы Хивинскіе нашли безопаснѣйшимъ отправиться въ Бухару и тамъ ожидать возможности возвращенія на родину.

Стр. 109—111. Подробное описаніе одного изъ караванныхъ путей отъ Оренбурга до Хивы можно было-бы заимствовать изъ Базинерова: Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe nach Chiwa. St. Petersburg. 1848. стр. 42—118.

Стр. 111. Дѣйствительно у Киргизовъ, «Ногай» равносильно нашему «Чудь», но съ тою разницею, что о Чуди мы ничего не знаемъ, а Ногаи существуютъ до сихъ поръ, и мы знаемъ исторически когда занимали они равнины, гдѣ кочуютъ теперь Киргизы.

Отъ замѣчаній на два первые отдѣла «Очерковъ», переходимъ къ третьему, въ которомъ г. Небольсинъ на 30 страницахъ напечаталъ одиннадцать караванныхъ маршрутовъ: изъ Оренбурга, Орска и Троицка въ Хиву, Бухару и Ташкентъ; изъ Петропавловска въ Коканъ; изъ Троицка и Омска въ Чугучакъ; и изъ Омска же въ Кульджу. Три послѣдніе маршрута по плану труда излишни, такъ-какъ торговля наша съ Чугучакомъ и Кульджею въ рамки изслѣдованій автора не входитъ. Нѣкоторые изъ этихъ маршрутовъ заимствованы имъ изъ печатныхъ или рукописныхъ источниковъ, остальные составлены по личнымъ его разспросамъ. Цѣль этого отдѣла конечно та, чтобы познакомить читателя съ различною мѣрою

караванныхъ переходовъ, и дать ему понятіе о состояніи кормовъ и водопоевъ въ степи. Цѣли этой, маршруты его удовлетворяютъ; но практическаго значенія, кромѣ перваго, отъ Бухары до Оренбурга, они, по краткости своей, не имѣютъ; по той же причинѣ нѣтъ тутъ новаго матеріала и для науки.

Въ четвертомъ отдѣлѣ «Очерковъ» излагается на 15 страницахъ порядокъ очищенія товаровъ пошлиной на Оренбургской-Линіи и въ предѣлахъ Внутренне-Азіятскихъ владѣній, съ побочными обстоятельствами, относящимися къ этому процессу здѣсь и тамъ, какъ при полученіи, такъ и при отпускѣ товаровъ. По этой части г. Небольсинъ умѣлъ собрать много совершенно новыхъ и весьма-дѣльныхъ свѣдѣній. Съ своей стороны, считаю не лишнимъ сдѣлать слѣдующія замѣтки:

Стр. 150. Подарочныя вещи, привозимыя изъ Россіи зажиточнѣйшими изъ азіятскихъ торговцовъ.для Эмира въ Бухарѣ, и для Хана въ Хивѣ, состоятъ обыкновенно изъ парчи, лучшаго качества суконъ, ковровъ, часовъ, гармоникъ, а иногда везется и мебель, которая казалось-бы совершенно не пригодна для Азіятцевъ. Такъ въ 1853 году одинъ изъ Бухарцевъ купилъ въ Москвѣ для Эмира кровать орѣховаго дерева, а въ 1854—два покойныхъ кресла за 56 руб. сер. и два зеркала длиною въ 3 и 4 аршина съ рамою.

Стр. 151. «Количество пошлины, взимаемой съ иноземныхъ купцовъ, посѣщающихъ рынки Бухары, Хивы или Ташкента и Кокана опредѣляется кораномъ» — говоритъ г. Небольсинъ. Это мнѣніе совершенно ошибочно. Въ коранѣ нѣтъ объ этомъ ни полуслова. *Закятъ*, о которомъ тамъупоминается, обязателенъ исключительно для Мусульманъ. Пóдать за право жизни съ не-мусульманъ, называется въ Магометанскомъ законодательствѣ *джезіэ*, пóдать за право пользоваться имуществомъ— *харáджъ*. Послѣднее слово значитъ въ переводѣ «выходъ», и есть тотъ самый «выходъ», о которомъ, вмѣстѣ съ «данью», упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ, какъ о податяхъ, которыя платила Россія Татарамъ. Что во Внутренней-Азіи называютъ

закятомъ пошлину съ товаровъ, принадлежащихъ какъ Мусульманамъ, такъ и иновѣрцамъ — это несомнѣнно; но столь же несомнѣнно и то, что это ошибочно.

Стр. 152. Въ Ташкентѣ дѣйствительно со всѣхъ ввезенныхъ купцомъ товаровъ, которые въ теченіе полугода не успѣлъ онъ распродать, пошлина взыскивается вторично.

Стр. 156—159. При впускѣ каравана въ ворота мѣноваго двора, производится оному присутствіемъ таможни подробная опись, т. е. обозначается число верблюдовъ, число тюковъ, и съ какимъ товаромъ тюки, т. е. сколько ихъ съ хлопчатою бумагою, сколько съ мареною и т. д., что̀ можно видѣть по самой формѣ тюковъ. Когда, такимъ образомъ, будетъ приведена въ извѣстность партія одного хозяина, ему дается записка, заключающая въ себѣ всѣ означенныя подробности. По этой именно запискѣ и принимается товаръ въ пакгаузъ; товарохозяевамъ же чиновникомъ, встрѣчающимъ товаръ на Бердянкѣ, никакихъ записокъ не выдается; равнымъ образомъ никакой записки при пріемѣ товаровъ въ пакгаузъ не выдается и пакгаузнымъ надзирателемъ: къ партіи каждаго хозяина прикладывается при этомъ одна вышеобъясненная подробная опись. — Затѣмъ, когда Азіятецъ отыскалъ деньги для уплаты пошлины, онъ беретъ у пакгаузнаго надзирателя записку, что на его имя въ такомъ-то караванѣ пришло столько-то тюковъ съ такимъ-то товаромъ; по этой запискѣ дозволяется торговцу разобрать и сосчитать товаръ, но присутствіе таможни наблюдаетъ при семъ, чтобы не было разобрано болѣе того количества тюковъ, какое въ одинъ день можетъ быть досмотрѣно и заклеймено. Когда партія торговцемъ разобрана и товаръ сосчитанъ, онъ объявляетъ о количествѣ онаго присутствію; присутствіе дѣлаетъ вслѣдствіе сего предварительный досмотръ для назначенія цѣнъ товарамъ цѣновымъ; потомъ пишется объявленіе на гербовой 15-ти-копѣечнаго достоинства бумагѣ съ особымъ стемпелемъ, установленной для сихъ объявленій. По написаніи объявленія производится присутстіемъ таможни, пак-

гаузнымъ надзирателемъ и вагстемпельмейстеромъ подробный досмотръ, клейменіе и повѣрка количества товаровъ, показаннаго хозяиномъ въ объявленіи, и уплачивается пошлина; вѣсовой-же товаръ взвѣшивается и досматривается вагстемпельмейстеромъ при одномъ изъ членовъ.—Отъ произвола хозяина товара зависитъ взять весь свой товаръ разомъ или брать его по частямъ; послѣднее почти никогда не случается. — Объявленія на занятіе лавокъ въ мѣновомъ-дворѣ пишутся на обыкновенной гербовой бумагѣ 15 коп. достоинства, а не на той, которая установлена для товарныхъ объявленій. Плата за лавки различная. Почти всѣ торговцы, приходящіе изъ Внутренней-Азіи, нанимаютъ лавки, даже и тѣ, которые отправляютъ свой товаръ въ Нижній; но часто бываетъ, что въ одной лавкѣ помѣщается товаръ трехъ, четырехъ хозяевъ. По очищеніи товаровъ пошлиною, хозяева хранить его въ пакгаузѣ не могутъ, да не имѣютъ и цѣли, ибо упаковывать тамъ товаръ для отправки имъ не дозволено. Въ Троицкѣ таможеннаго гостинаго двора, какъ въ Оренбургѣ, нѣтъ: тамъ торговцы нанимаютъ лавки лишь на мѣновомъ-дворѣ.

Пятый отдѣлъ «Очерковъ», заключающій въ себѣ всего 6 страницъ, посвященъ объясненію путей и способовъ, коими азіятскіе товары доставляются съ линіи на Нижегородскую-ярмарку, и во что это, смотря по обстоятельствамъ, обходится; говорится также, вкратцѣ, о значеніи ярмарокъ Мензелинской и Бугульминской. Предметъ этого отдѣла совершенно незнакомъ рецензенту, и потому никакого сужденія о немъ онъ себѣ не позволяетъ. Впрочемъ, не излишне, кажется, было-бы упомянуть, хотя въ этомъ, если не въ другомъ отдѣлѣ, о цѣнахъ за наемъ лавокъ на Нижегородской и Ирбитской ярмаркахъ, объ особенностяхъ торговыхъ здѣсь сношеній азіятскихъ купцовъ съ русскими купцами и фабрикантами, о срокахъ этихъ ярмарокъ въ-отношеніи къ удобству или неудобству доставки на нихъ товаровъ изъ Внутренней-Азіи и преимущественно о важномъ значеніи Нижегородской-ярмарки въ

Средне-Азіятской торговлѣ, о чемъ авторъ нигдѣ въ книгѣ своей обстоятельно не говоритъ. Вотъ данныя за десятилѣтіе съ 1844 по 1853 годъ, которыя въ пополненіе этого пробѣла извлекли мы изъ отчетовъ о торговлѣ на Нижегородской-ярмаркѣ, печатаемыхъ въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ».

Важнѣйшую статью постояннаго привоза на Нижегородскую-ярмарку изъ Внутренней-Азіи составляетъ невыдѣланный пушной товаръ. Привезено его было туда:

	мерлушки	лисицы	куницы	волчьихъ шкуръ	
въ 1844 году	19,800	11,750	»	4,250	штукъ
» 1845 »	22,300	21,000	»	8,220	»
» 1846 »	77,000	60,000	»	5,000	»
» 1847 »	70,000	70,000	9,000	6,000	»
» 1848 »	100,000	60,000	»	15,000	»
» 1849 »	171,000	78,000	»	4,200	»
» 1850 »	185,000	70,000	»	1,000	»
» 1851 »	185,000	156,000	»	»	»
» 1852 »	395,000	50,000	4,000	7,400	»
» 1853 »	480,000	65,000	8,960	4,000	»

Цѣны на мерлушку, смотря по достоинству, были отъ 15 и 30 коп. до 2 руб. 30 и 2 руб. 80 коп. за штуку; не смотря на постоянное увеличеніе привоза, возвысившагося съ 1844 по 1853 г. въ 24 раза, онѣ нисколько не упали. — Лисица продавалась обыкновенно отъ 60 и 85 коп. до 1 руб. и 1 руб. 65 коп. за штуку; но въ 1845 году цѣна доходила даже до 4 р. 50 к. — Куница шла отъ 2 р. до 5 р. 15 коп. — Волчьи шкуры сбывались по цѣнѣ отъ 90 к. и 1 р. до 2 р. 30 и 2 р. 60 к.

Стольже постоянною статьею привоза является хлопчатая бумага: сырецъ и пряжа. Этого товара доставлено было на ярмарку:

	сырца:	пряжи:	
въ 1844 году	2,720	1,200	пудовъ
» 1845 »	1,940	2,960	»

	сырца:	пряжи:	
въ 1846 году	7,000	3,500	пудовъ
» 1847 »	10,000	16,000	»
» 1848 »	4,000	5,400	»
» 1849 »	1,000	11,200	»
» 1850 »	»	2,400	»
« 1851 »	1,000	8,000	»
» 1852 »	15,000	10,000	»
» 1853 »	25,000	11,000	»

Цѣны на сырецъ, не смотря на колебанія въ количествѣ привоза, стояли одинаковыя, отъ 4 р. 60 к. до 5 р. 50 к. сер. за пудъ; только въ 1847 году доходили онѣ до 6 р. 57 к. — Пряжа, также, стояла въ одной цѣнѣ, отъ 7 р. 50 к. и 10 р. до 13 р. 43 к. (въ 1850) и 15 р. 71 к. (въ 1844) за пудъ.

Шелкъ изъ Бухары доставленъ былъ на ярмарку лишь въ 1849 году — въ количествѣ 520 пудовъ на 47,500 р. сер., и въ 1850 году — въ количествѣ 230 пудовъ, на 18,345 р. сер.

Марену изъ Внутренней-Азіи стали привозить на ярмарку только съ 1849 года; доставлено ея было:

въ 1849 году	7,000	пудовъ
» 1850 »	10,000	»
» 1851 »	7,000	»
» 1852 »	13,000	»
» 1853 »	15,000	»

Марена продавалась отъ 3 р. до 3 р. 50 к. за пудъ.

Привозъ бирюзы, на-противъ, съ 1848 г. почти прекратился; въ предшествовавшіе года доставлено было ея:

въ 1844 году на	3,000	руб.	сер.
» 1845 » »	14,000	»	»
» 1846 » »	22,857	»	»
» 1847 » »	14,000	»	»

Лазурикъ въ значительныхъ массахъ появился только съ 1850 годовъ; его привезено было:

въ 1850 году	170 пудовъ		
» 1852	»	160	»
» 1853	»	40	»

Продавался отъ 70 и 92 до 200 и 250 р. сер. за пудъ.

По части издѣлій, изъ Внутренней-Азіи постоянно шли на ярмарку въ разсматриваемый періодъ только: бумажная ткань, извѣстная подъ названіемъ бахты, и шелковыя халатныя матеріи въ кускахъ или готовыхъ халатахъ. Бахты привезено было:

въ 1844 году	»	»	на	165,815	р.	сер.
» 1845 »	»	»	»	147;950	»	»
» 1846 »	75,000	концевъ	»	91,500	»	»
» 1847 »	80,000	»	»	86,400	»	»
» 1848 »	74,000	»	»	75,500	»	»
» 1849 »	45,000	»	»	46,000	»	»
» 1850 »	30,000	»	»	34,300	»	»
» 1851 »	50,000	»	»	53,000	»	»
» 1852 »	200,000	»	»	220,000	»	»
» 1853 »	70,000	»	»	75,900	»	»

Бурметь, бязь, чалмы и проч. бумажныя издѣлія показаны въ привозѣ, по ярмарочнымъ отчетамъ, только въ теченіе первыхъ семи лѣтъ разсматриваемаго періода; при томъ привозъ ихъ показанъ вмѣстѣ съ готовыми бумажными же и шелковыми халатами и шелковыми халатными матеріями. Всего этого доставлено было:

въ 1844 году	на	18,405	р.	сер.
» 1845 »	»	28,950	»	»
» 1846 »	»	31,571	»	»
» 1847 »	»	40,000	»	»
» 1848 »	»	32,620	»	»
» 1849 »	»	34,300	»	»
» 1850 »	»	22,800	»	»

За 1851 годъ показано въ доставкѣ: халатовъ бумажныхъ, отъ 1 р. 70 к. до 2 р. сер. за штуку, 15,000 штукъ, на 27,660

р. сер.; а шелковыхъ халатныхъ матерій—на 32,000 р. сер.— За 1852 и 1853 годы, кромѣ бахты, другихъ бумажныхъ издѣлій въ привозѣ не значится, а халатовъ шелковыхъ и шелковыхъ же халатныхъ матерій въ кускахъ, доставлено было: въ 1852 — на 34,600, а въ 1853 — на 16,600 р. сер.

Шали кашемирскія значатся въ привозѣ лишь за три года; именно доставлено было ихъ:

въ	1850 году	на	55,428	р.	сер.
»	1851 »	»	19,320	»	»
»	1852 »	»	27,900	»	»

Иныхъ, кромѣ перечисленныхъ, товаровъ (на-примѣръ сухихъ фруктовъ, въ значительномъ количествѣ доставляемыхъ на Оренбургскую-Линію), въ привозѣ на ярмарку изъ Внутренней-Азіи по отчетамъ ѐя не показано, да не привозится ихъ и въ-дѣйствительности. Что-же касается до общихъ годовыхъ итоговъ привоза въ означенный періодъ, то онъ исчисленъ слѣдующими суммами:

въ	1844 году	на	388,275	р.	сер.
»	1845 »	»	589,120	»	»
»	1846 »	»	477,328	»	»
»	1847 »	»	496,900	»	»
»	1848 »	»	357,348	»	»
»	1849 »	»	450,600	»	»
»	1850 »	»	551,179	»	»
»	1851 »	»	558,560	»	»
»	1852 »	»	866,300	»	»
»	1853 »	»	843,200	»	»
	Итого	на	5,578,810	р.	сер.

А какъ весь итогъ привоза изъ Внутренней-Азіи на Оренбургскую-Линію въ періодъ съ 1840 по 1850 годъ простирался на 8,971,675 р. сер., то безошибочно можно сказать, что *болѣе половины* товаровъ, доставленныхъ къ намъ изъ Внутренней-Азіи, расходится по Россіи чрезъ посредство Нижегород-

ской-ярмарки, ибо, кромѣ бумажныхъ и шелковыхъ тканей, все остальное количество Бухарскихъ, Коканскихъ и Хивинскихъ товаровъ, привозимое на ярмарку, распродается на ней почти безъ всякаго остатка.

Въ шестомъ отдѣлѣ «Очерковъ» разсматриваются, на 26 страницахъ, торговыя связи Средне-Азіятскихъ владѣній между собою, и караванныя между ними сообщенія. Тутъ прежде всего идетъ рѣчь о торговлѣ, которую наши Киргизы ведутъ съ Бухарою и Хивою, сбывая туда барановъ, кошмы и другія произведенія степнаго хозяйства, и вымѣнивая это на хлѣбъ, халаты и другіе необходимые имъ предметы. Замѣтимъ, съ своей стороны, что торговля эта, по значительности своей, заслуживала-бы подробнѣйшаго описанія; но нисколько не винимъ автора за его краткость, зная, что точныя объ этомъ свѣдѣнія можно было-бы собрать только при долговременномъ пребываніи въ Бухарскихъ и Хивинскихъ владѣніяхъ. Прибавимъ къ сказанному имъ, что на Бухарскіе рынки гонятъ барановъ своихъ преимущественно Киргизы, зимующіе около Сыра и Кувана, а въ Хиву—Адаевцы, Чумичли-Табынцы и Чиклинцы. Изъ Адаевцевъ, тысячъ до 15 кибитокъ, навѣрное, всѣмъ нужнымъ для нихъ запасаются изъ Хивинскихъ владѣній, а не съ нашей линіи. Въ Ташкентъ наши Киргизы произведеній хозяйства своего не сбываютъ, потому что въ Коканскихъ владѣніяхъ много своихъ кочевниковъ, въ Туркестанъ-же отправляются они за хлѣбомъ, когда бываетъ на него неурожай дома, на низовьяхъ Сыра.

Относительно Хивинской торговли съ Бухарой (стр. 169), отъ Н. Ханыкова знаемъ, что Хива сбываетъ въ Бухару между прочимъ яблоки и бычачьи шкуры, посылая туда ежегодно отъ 1000 до 1500 верблюдовъ съ своимъ и русскимъ товаромъ; а Данилевскій, въ числѣ товаровъ, получаемыхъ Хивою изъ Бухары, упоминаетъ о китайскомъ фарфорѣ и шелковыхъ матеріяхъ. У Ханыкова же находимъ нѣсколько хорошихъ свѣдѣній о торговлѣ Бухары съ Мешгедомъ и Кабуломъ, которыя

могъ бы заимствовать у него г. Небольсинъ. Не излишне было бы, равнымъ образомъ, обратить болѣе вниманія и на то, что говоритъ объ этомъ предметѣ Борнсъ. Не воспользовавшись вполнѣ по разсматриваемому отдѣлу свѣдѣніями, заключающимися въ печатныхъ источникахъ, г. Небольсинъ собралъ, впрочемъ, такой запасъ новыхъ, что опять нельзя не подивиться тутъ искусству его въ дѣлѣ разспросовъ. За безусловную вѣрность этихъ свѣдѣній онъ не ручается, да нельзя этого и требовать; во всякомъ случаѣ можно сказать, что достовѣрны они не менѣе сообщаемыхъ въ другихъ трудахъ о Внутренней-Азіи.

Дополненіемъ къ шестому отдѣлу служитъ седьмой, заключающій въ себѣ двѣнадцать маршрутовъ между важнѣйшими городами Внутренней-Азіи: Бухарою, Самаркандомъ, Ходжендомъ, Ташкентомъ, Коканомъ, Гисаромъ, Андху, Кабуломъ, Гератомъ, Мервомъ и Хивою. Семь изъ нихъ составлены по разспросамъ автора въ Оренбургѣ и Троицкѣ, а пять, заимствованные изъ рукописныхъ источниковъ, провѣрены по показаніямъ Средне-Азійскихъ торговцевъ. Объ этихъ маршрутахъ должно сказать тоже, что и о первыхъ 11-ти, съ Оренбургской-Линіи въ разные пункты Внутренней-Азіи. Сверхъ этого, въ «Приложеніяхъ» къ своему труду г. Небольсинъ счелъ не лишнимъ напечатать три показанія: 1) о пути изъ Семипалатинска въ Кашгаръ, Коканъ и Ташкентъ — Татарина *Муртазы Фейзуллина*, изъ 1810-хъ годовъ; 2) о пути изъ Амберсера въ Кашмиръ, Кашгаръ, Коканъ и Кабулъ — Муллы *Абдрахманъ-Ишана*, изъ 1830-хъ годовъ; и 3) о странствованіяхъ по Индіи Татарина *Обейдуллы Амирова* въ концѣ прошедшаго и началѣ настоящаго вѣка. Всѣ три показанія сняты были покойнымъ Генсомъ, и заимствованы изъ его бумагъ, пріобрѣтенныхъ авторомъ. Въ показаніяхъ этихъ весьма много дѣльнаго и любопытнаго.

Все впрочемъ, о чемъ говорится у г. Небольсина въ разсмотрѣнныхъ семи отдѣлахъ, все это, по объему и содержанію

его труда, не болѣе какъ обстановка существенной части предмета, о которой трактуетъ онъ въ осьмомъ и девятомъ отдѣлахъ, на 136-ти страницахъ. Первый изъ этихъ отдѣловъ заключаетъ въ себѣ перечисленіе отпускныхъ статей нашего торга съ Внутренней-Азіей, а послѣдній — привозныхъ. Каждая изъ статей объясняется во всѣхъ потребныхъ для дѣла подробностяхъ: какихъ видовъ и сортовъ отпускается или привозится товаръ, почемъ онъ продается въ Азіи и Россіи, гдѣ и какъ производится, въ какихъ мѣстахъ пріобрѣтается, въ какихъ расходится, почему именно тѣ или другіе сорты его обращаются въ торговлѣ, какими обстоятельствами опредѣляются тѣ или другія на него цѣны, наконецъ — какое количество и на какую сумму получено и отпущено было каждаго рода товаровъ ежегодно въ теченіе десятилѣтія съ 1840 по 1850 годъ. Если-бы «Очерки» г. Небольсина не представляли ничего кромѣ этихъ двухъ отдѣловъ, и тогда былъ-бы это трудъ превосходный, за который каждый статистикъ въ Европѣ, и всякій до кого тѣмъ или другимъ образомъ касается дѣло Азіятской торговли, былъ бы обязанъ ему полною благодарностію. Такому основательному, отчетливому и, въ-особенности, подробному изученію не была подвергнута у насъ, сколько извѣстно рецензенту, ни одна изъ отраслей нашей торговой промышлености; а по той ея отрасли, которую предположилъ себѣ разъяснить и съ полнымъ успѣхомъ исполнилъ это г. Небольсинъ, не имѣлъ онъ, въ-прибавокъ къ прочимъ достоинствамъ его труда, ни одного предшественника. По другимъ отдѣламъ «Очерковъ» большимъ пособіемъ служили ему рукописныя замѣтки покойнаго Генса: въ этихъ двухъ является авторъ изыскателемъ, собирателемъ и объяснителемъ совершенно самостоятельнымъ.

Не будучи ни производителемъ торговли со Внутреннею-Азіею, ни спеціально знакомымъ съ предметомъ этимъ по службѣ или по вкусу, входить въ подробное разсмотрѣніе двухъ означенныхъ отдѣловъ рецензентъ считаетъ для себя не позво-

лительнымъ. Все, чѣмъ можетъ онъ служить Академіи къ оцѣнкѣ этой части труда г. Небольсина, и представленію предмета изслѣдованій его въ современномъ видѣ — это засвидѣтельствованіемъ, что всѣ знатоки дѣла изъ торговцевъ съ Азіею, къ которымъ обращался рецензентъ съ вопросомъ о достоинствѣ свѣдѣній, заключающихся въ помянутыхъ отдѣлахъ, единогласно отдавали справедливость образцовому исполненію г. Небольсинымъ предположенной имъ себѣ задачи, — и сообщеніемъ слѣдующихъ числовыхъ данныхъ о количествѣ отпуска и привоза за послѣднія пять лѣтъ тѣхъ товаровъ, коими торгуетъ съ нами Внутренняя-Азія:

Стр. 195. Мѣди вывезено было:

въ Бухару:

	изъ Оренбурга			изъ Троицка		
		на сумму			на сумму	
	пуды	р.	к.	пуды	р.	к.
въ 1850 г.	$95^{26}/_{40}$	709	40	630	5,040	—
» 1851 »	$209^{1}/_{4}$	2,069	50	$2,497^{1}/_{2}$	21,346	—
» 1852 »	$77^{2}/_{40}$	793	30	$1,638^{1}/_{4}$	14,412	—
» 1853 »	36	412	—	$824^{1}/_{2}$	7,463	50
» 1854 »	$124^{1}/_{2}$	1,177	—	—	—	—
въ 5 лѣтъ	542 п. 18 ф.	5,161	20	5,590 п. 10 ф.	48,261	50

	въ Хиву:			въ Ташкентъ:		
		на сумму			на сумму	
	пуды	р.	к.	пуды	р.	к.
въ 1850 г.	55	476		$8^{1}/_{2}$	117	50
» 1851 »	40	259		113	926	—
» 1852 »	$35^{1}/_{4}$	375		106	959	50
» 1853 »	$45^{1}/_{4}$	486		334	3,008	—
» 1854 »	$28^{1}/_{4}$	297		—	—	—
въ 5 лѣтъ	203 п. 30 ф.	1,893		561 п. 20 ф.	5,011	—

Значитъ, въ означенное пятилѣтіе, сравнительно съ предшествовавшимъ десятилѣтіемъ, мѣди вывезено было менѣе: въ Бухару и Хиву — втрое, а въ Ташкентъ — на $^{1}/_{3}$.

Стр. 198. Желѣза, въ разныхъ видахъ, вывезено было:

въ Бухару:

	изъ Троицка			изъ Оренбурга		
		на сумму			на сумму	
	пуды	р.	к.	пуды	р.	к.
въ 1850 г.	26,200	30,490	40	14	44	—
» 1851 «	24,622	29,189	10	$1364^{35}/_{40}$	790	—
» 1852 »	22,900	26,844	90	$294^{3}/_{4}$	648	—
» 1853 »	$16,761^{4}/_{40}$	18,930	70	176	682	—
» 1854 »	$21,094^{33}/_{40}$	23,263	25	2443	2973	60
въ 5 лѣтъ	111,777 п. 39 ф.	128,718	35	4292 п. 25 ф.	5137	60

	въ Ташкентъ:			въ Хиву:	
		на сумму			на сумму
	пуды	р.	к.	пуды	р.
въ 1850 г.	$8,337^{35}/_{40}$	9,967	53	44	46
» 1851 «	7,537	8,944	80	12	6
» 1852 »	$22,103^{1}/_{2}$	25,802	24	$30^{1}/_{2}$	82
» 1853 »	16,416	20,085	40	31	216
» 1854 »	$19,955^{5}/_{40}$	23,916	90	27	23
въ 5 лѣтъ	74,349 п. 20 ф.	88,716	87	144 п. 20 ф.	373

Слѣдовательно, по сравненію съ предшествовавшимъ десятилѣтіемъ, отпускъ желѣза въ послѣднія 5 лѣтъ: въ Бухару—уменьшился на $^{1}/_{7}$ долю; въ Хиву—почти совсѣмъ прекратился, въ Коканскія владѣнія—увеличился болѣе чѣмъ втрое.

Стр. 200. Литья чугуннаго вывезено было въ 1850—1854 годахъ:

въ Бухару:

через Троицкъ 19,890 п. на 23,647 р. 95 к.
» Оренбургъ 1,062 » » 1,410 » — »

Итого 20,952 п. на 25,057 р. 95 к.

въ Ташкентъ:

черезъ Троицкъ 35,747 п. на 43,465 р. 5 к.

въ Хиву:

черезъ Оренбургъ 573 п. на 570 р. 20 к.

Значитъ, отпускъ чугуна въ Ташкентъ увеличился въ последнемъ пятилѣтіи вчетверо противу прежняго, а въ Хиву — уменьшился въ 12 разъ.

Стали вывезено было въ тотъ-же пятилѣтній періодъ:

въ Бухару:

черезъ Троицкъ	5850 п.	на	8,898 р.
» Оренбургъ	871 п. 10 ф.	на	1,497 р.
Итого	6721 п. 10 ф.	на	10,395 р.

въ Ташкентъ:

черезъ Троицкъ 3005 п. на 4359 р.

въ Хиву:

черезъ Оренбургъ 235 п. 30 ф. на 230 р.

Слѣдовательно, и отпускъ стали въ Ташкентъ увеличился вдвое, а въ Хиву — уменьшился въ 12 разъ. Впрочемъ, сталь въ Хиву только разъ и была вывезена, именно въ 1855 году.

Стр. 203. Иголъ разныхъ вывезено было:

въ Бухару:

	изъ Троицка		изъ Оренбурга	
	пачекъ	на сумму	пачекъ	на сумму
въ 1850 г.	375	762 р.	1,016	3,764 р.
« 1851 »	403	1114 »	3,303	12,724 »
» 1852 »	846	1632 »	2,666	9,250 »
» 1853 »	148	296 »	4,840	17,010 »
» 1854 »	100	150 »	1,038	4,310 »
въ 5 лѣтъ	1872 пач.	6954 р.	12,863 пач.	47.058 р.

Въ Ташкентъ отправки иголъ не было, а въ Хиву вывезено было изъ Оренбурга:

въ 1850 г.	556 пачекъ	на	1,754 р.
» 1851 »	445 »	»	1,595 »
» 1852 »	307 »	»	921 »
» 1853 »	555 »	»	1,625 »
» 1854 »	199 »	»	737 »
въ 5 лѣтъ	2062 пач.	на	15,632 р.

Въ таблицѣ вывоза иголъ изъ Оренбурга въ Бухару и Хиву товаръ этотъ показанъ у г. Небольсина, по ошибкѣ, на пуды, вмѣсто пачекъ.

Стр. 204. Олова вывезено было съ 1850 по 1854 годъ:

въ Бухару	черезъ	Оренбургъ	230 п. 30 ф.	на 1818 р.
» »	»	Троицкъ	133 п. 20 ф.	на 1262 р.
» Ташкентъ	»	»	115 п. 30 ф.	на 1244 р. 75 к.
» Хиву	»	Оренбургъ	41 п. — »	на 390 р.
		Итого	521 п. — »	на 4714 р. 75 к.

Сравнительно съ 1840—1849 г. вывозъ уменьшился вшестеро.

Шпіаутера отпущено было въ тотъ же періодъ черезъ Троицкъ:

въ Бухару	500 п.	на 1933 р. 50 к.
» Ташкентъ	24 п.	на 72 р. —
Итого	524 п.	на 2005 р. 50 к.

Изъ Оренбурга металлъ этотъ не вывозился, а ртути также какъ позументовъ и парчей, не было въ отпускѣ по всей Оренбургской-Линіи.

Стр. 207. Коканская тилля по величинѣ и по вѣсу меньше Бухарской и Хивинской, и на наши деньги стоитъ 3 р. 66¼ к. сер.

Стр. 209. Монеты звонкой вывезено было въ Бухару:

черезъ Троицкъ	черезъ Оренбургъ
въ 1850 г. на 72,101 р. 40 к.	на 30,550 р. —
» 1851 » » 117,007 » — »	» 39,499 » 75 к.
» 1852 » » 103,330 » 10 »	» 68,128 » — »
» 1853 » » 49,982 » 25 »	» 28,211 » — »
» 1854 » » 3,090 » — »	« 31,260 » — »
въ 5 лѣтъ на 345,510 р. 75 к.	на 197,648 р. 75 к.

Всего въ Бухару 543,158 р. 50 к.

Въ Ташкентъ въ-теченіе всего пятилѣтія вывезено на 2575 р. въ 1850, а въ Хиву — на 2935 р. въ 1853 году. Средній годовой вывозъ звонкой монеты по всей Оренбургской Ли-

нія равнялся, значитъ, въ это пятилѣтіе 109,733 р. 70 к., тогда какъ въ предшествовавшее десятилѣтіе вывозилось ея среднимъ числомъ на 153,036 р. 3½ к. сер. въ годъ.

Стр. 224. Бумажныхъ и полотняныхъ издѣлій отпущено было:

въ Бухару:

через Троицкъ						через Оренбургъ			
въ	1850 г. на	101,230	р.	45	к.	на	82,469 р.	91	к.
»	1851 » »	73,754	»	13	»	»	84,989 »	14	»
»	1852 » »	56,162	»	14	»	»	71,973 »	50	»
»	1853 » »	66,135	»	58	»	»	68,150 »	50	»
»	1854 » »	97,199	»	84	»	»	126,922 »	55	»
въ 5	лѣтъ на	394,482	р.	14	к.	на	434,505 р.	60	к.

въ Ташкентъ:						въ Хиву:			
въ	1850 г. на	5,796	р.	92	к.	на	44,143 р.	59	к.
»	1851 » »	40,695	»	76	»	»	9,850 »	89	»
»	1852 » »	12,047	»	99	»	»	12,146 »	99	»
»	1853 » »	22,169	»	37	»	»	21,114 »	70	«
»	1854 » »	40,311	»	85	»	»	31,030 »	50	»
въ 5	лѣтъ на	121,021	р.	89	к.	на	118,286 р.	67	к.

Слѣдовательно, въ послѣднія пять лѣтъ вывозъ бумажныхъ издѣлій русскихъ, сравнительно съ предшествовавшимъ десятилѣтіемъ: въ Бухару—увеличился на 60%, въ Ташкентъ—увеличился въ 5 разъ, въ Хиву — уменьшился на ⅜.

Стр. 227. Шелковыхъ и полушелковыхъ товаровъ вывезено было:

въ Бухару:

через Троицкъ				через Оренбургъ			
въ	1850 г. на	1,158	р.	на	3,747 р.	75	к.
»	1851 » »	—	»	»	9,747 »	50	»
»	1852 » »	76	»	»	4,027 »	35	»
»	1853 » »	92	»	»	770 »	50	»
»	1854 » »	279	»	»	1,675 »	20	»
въ 5	лѣтъ на	1,605	р.	на	19,968 р.	30	к.

въ Хиву:

въ 1850 г. на	4,368	р.	80	к.
» 1851 » »	90	»	—	»
» 1852 » »	692	»	—	»
» 1853 » »	—	»	—	»
» 1854 » »	590	»	—	»
въ 5 лѣтъ на	5,740	р.	80	к.

Въ Ташкентъ товары эти шли только въ 1853 и 1854 годахъ: въ оба года вывезено ихъ туда на 453 р. 40 к. сер. Такимъ образомъ вывозъ ихъ уменьшился въ 1850—1854 годахъ, сравнительно съ предшестовавшимъ десятилѣтіемъ: въ Бухару — на $^3/_7$, въ Хиву — на $^2/_3$.

Стр. 230—231. Суконъ Русскихъ изъ овечьей шерсти вывезено было:

въ Бухару:

	через Троицкъ арш.		р.	к.	через Оренбургъ арш.		р.	к.
въ 1850 г.	6,540	на	6,125	65	16,044	на	8,250	—
» 1851 »	1,809	»	1,817	—	13,498	»	10,350	50
» 1852 »	2,596	»	2,616	—	6,989	»	4,921	40
» 1853 »	1,419	»	1,640	40	9,416	»	5,104	—
» 1854 »	7,249	»	7,540	40	19,582	»	11,602	10
въ 5 лѣтъ	19,613	на	19,539	45	65,529	на	40,238	—

	въ Ташкентъ: арш.		р.	к.	въ Хиву: арш.		р.	к.
въ 1850 г.	610	на	610	—	9,357½	на	5,558	80
» 1851 »	1,347	»	1,176	40	2,384	»	1,239	50
» 1852 »	484	»	580	80	6,234	»	2,025	—
» 1853 »	105	»	130	—	7,898	»	6,040	—
» 1854 »	1,952	»	1,912	60	5,511	»	4,285	—
въ 5 лѣтъ	4,498	на	4,409	80	31,384¼	на	19,148	30

Значитъ, отпускъ сукна въ 1850—1854 годахъ, сравнительно съ отпускомъ 1840—1849 годахъ, уменьшился: въ Бу-

хару — слишкомъ вдвое; въ Ташкентъ — на третью долю; въ Хиву — вчетверо.

Стр. 233. Верблюжьяго сукна и прочаго шерстянаго товара отпущено было въ теченіе 1850—1854 годовъ:

въ Бухару	черезъ Троицкъ	на 12,718 р.	10 к.
» »	» Оренбургъ	» 10,792 »	85 »
» Хиву	» »	» 1,030 »	50 »
» Ташкентъ	» Троицкъ	» 955 »	— »

Отпускъ этого товара въ Хиву въ 1840—1849 годахъ показанъ у г. Небольсина ошибочно въ 14,433 р. 30 к. сер.; онъ простирался всего на 11,017 р. 30 к. сер.

Стр. 238—239. Кожевеннаго товара отправлено было:

въ Бухару:

	черезъ Троицкъ			черезъ Оренбургъ		
		на сумму			на сумму	
	штукъ	р.	к.	пудовъ	р.	к.
въ 1850 г.	13,923	22,499	—	802	5,425	—
» 1851 »	12,929	30,306	50	426 3/4	5,775	50
» 1852 »	21,551	48,868	—	1,266 38/40	7,873	—
» 1853 »	18,414	42,472	90	580	4,203	—
» 1854 »	20,572	48,068	75	699 1/2	5,131	—
въ 5 лѣтъ	87,389	199,215	15	3,775 п. 8 ф.	28,407	50

	въ Ташкентъ:			въ Хиву:		
		на сумму			на сумму	
	штукъ	р.	к.	пудовъ	р.	к.
въ 1850 г.	1,370	2,984	50	2,529 1/4	17,330	75
» 1851 »	3,523	8,472	75	597	3,608	—
» 1852 »	2,611	4,777	—	898	5,886	—
» 1853 »	3,744	6,569	60	1,712	14,686	—
» 1854 »	7,580	17,308	—	827	5,997	—
въ 5 лѣтъ	18,828	40,111	85	6,563 п. 10 ф.	47,507	75

Сравнительно съ 1840—1849 годами, въ 1850—1854 отпускъ кожъ: въ Бухару — уменьшился на 1/5 долю; въ Хиву — почти втрое; за то въ Ташкентъ увеличился тоже втрое.

Стр. 244—246. Въ 1850—1854 годахъ отправлено было:

чая:

изъ Троицка и Оренбурга въ Бухару — 6 пуд 9 фунт., на 204 р. 50 к,

изъ Оренбурга въ Хиву — 17 пуд. 15 фунт., на 695 р.

Сахара и леденца:

въ Бухару:

	через Троицкъ				через Оренбургъ			
	пуд.	ф.	р.	к.	пуд.	ф.	р.	к.
въ 1850 г.	503	—	5,534	—	2,071	—	17,636	—
» 1851 »	553	—	5,688	—	2,295	30	18,862	25
» 1852 »	316	10	3,101	50	1,323	3	10,801	10
» 1853 »	397	—	3,598	—	1,850	—	14,580	50
» 1854 »	205	38	2,264	28	832	20	10,466	—
въ 5 лѣтъ	1,975	8	20,185	78	8,372	13	72,345	85

	въ Ташкентъ				въ Хиву			
	пуд.	ф.	р.	к.	пуд.	ф.	р.	к.
въ 1850 г.	119	—	1,370	—	784	20	6,461	90
» 1851 »	57	20	602	—	238	20	2,038	—
» 1852 »	68	—	669	—	198	—	1,594	—
» 1853 »	91	—	848	—	454	—	3,790	—
» 1854 »	48	—	520	—	128	—	1,280	—
въ 5 лѣтъ	383	20	4,009	—	1,803	—	15,163	90

Значитъ, сахаръ и леденецъ продолжали идти въ Бухару въ прежнемъ размѣрѣ; въ Хиву сбытъ ихъ уменьшился вдвое сравнительно съ 1840—1849 годами, а въ Ташкентъ увеличился вдвое. — Меда и воска вовсе въ 1850-хъ годахъ не вывозилось.

Стр. 249. Сундуковъ вывезено было въ 1850—1854 годахъ:

		штукъ	на сумму			
въ Бухару	черезъ Троицкъ	14,568	11,467	р.	30	к.
» »	» Оренбургъ	—	1,911	»	90	»
въ Хиву	» »	—	1,822	»	50	»
» Ташкентъ	» Троицкъ	7,200	6,657	»	25	»

Слѣдовательно, въ Бухару вывезено слишкомъ наполовину менѣе сравнительно съ предшествовавшимъ десятилѣтіемъ, а въ Ташкентъ болѣе чѣмъ вдвое.

Стр. 251. Пушнаго товара вывезено въ 1850—1854 годахъ:

въ Бухару	черезъ Троицкъ	на	1,690 р.
» »	» Оренбургъ	»	3,084 »
» Хиву	» »	»	817 »
въ Ташкентъ .	» Троицкъ	»	51 »

Значитъ, во всѣ стороны менѣе сравнительно съ предшествовавшимъ десятилѣтіемъ.

Стр. 253. Зеркалъ, посуды стеклянной и стекляруса вывезено было, въ пятилѣтіе съ 1850 по 1854 годъ включительно, въ Бухару изъ Троицка и Оренбурга на 2,289 р., да въ Хиву на 114 р.

Стр. 254. Посуды глиняной и фарфоровой въ 1850—1854 годахъ изъ Троицка вывозимо не было, а черезъ Оренбургъ отправлено ея: въ Бухару — на 5,996 р., да въ Хиву — на 1676 р. 10 к. Товаръ этотъ вывозился ежегодно въ количествѣ вдвое бо̀льшемъ сравнительно съ 1840 — 1849 годами.

Стр. 255—256. Красильныхъ матеріаловъ разнаго рода вывезено было въ 1850 — 1854 годахъ:

				на сумму	
		пуд.	ф.	р.	к.
въ Бухару	черезъ Троицкъ	1,414	12	30,382	25
» »	» Оренбургъ	976	34½	45,066	75
» Хиву	» »	671	20	36,432	50
» Ташкентъ	» Троицкъ	1,133	8	5,636	45

Въ Бухару сбытъ этого товара сильно и постоянно уменьшается, а въ Ташкентъ — увеличивается; но сюда идутъ дешевые матеріалы, тогда какъ въ Бухару вывозилась преимущественно кошениль.

Стр. 258. Сассапарили въ 1850 — 1854 годахъ вывезено было изъ Троицка: въ Бухару — 64 п. 5 ф. на 1,906 р. 75 к., да въ Ташкентъ — 6¼ пуд. на 150 р. с.

11

Стр. 260. Бумаги писчей и оберточной вывезено было въ 1850 — 1854 годахъ:

въ Бухару	изъ Троицка	8,402 стопы	на 7,846 р.	60 к.
» »	» Оренбурга	3,918 »	» 1,934 »	30 »
» Хиву	» »	136 »	» 184 »	— »
» Ташкентъ	» Троицка	532 »	» 512 »	80 »

Стр. 261. Табаку листоваго вывезено было изъ Оренбурга въ 1850 — 1854 годахъ: въ Бухару — 27 пуд. на 78 р. 40 к., да въ Хиву — 33 пуда на 45 р.

Стр. 262. Съ 1840 по 1849 годъ и съ 1850 по 1854 годъ разныхъ мелочей и товаровъ, не вошедшихъ въ извѣстныя рубрики таможенныхъ вѣдомостей, вывезено было черезъ Оренбургскую-Линію:

	1840 — 1849 г.		1850 — 1854 г.	
въ Бухару	на 195,057 р.	83 к.	120,650 р.	65 к.
» Ташкентъ	» 6,422 »	8 »	8,809 »	60 »
» Хиву	» 95,772 »	42 »	11,175 »	15 »

Стр. 267. Хлопки ввезено было къ намъ:

изъ Бухары:

	черезъ Троицкъ			черезъ Оренбургъ		
		на сумму			на сумму	
	пуд.	р.	к.	пуд.	р.	к.
въ 1850 г.	—	—	—	—	—	—
» 1851 »	1,570½	7,852	50	9,857	38,310	—
» 1852 »	6,783½	33,817	50	16,616 13/40	83,636	25
» 1853 »	13,929	69,079	50	25,521¼	101,936	—
» 1854 »	26,858¼	88,893	75	41,626	213,020	—
въ 5 лѣтъ	49,141¼	194,643	25	93,020 23/40	436,902	25

	изъ Ташкента			изъ Хивы		
		на сумму			на сумму	
	пуд.	р	к.	пуд.	р.	к.
въ 1850 г.	—	—	—	4,825 27/40	25,657	74
» 1851 »	2,848	14,240	—	10,189	42,584	—
» 1852 »	3,749	18,770	—	25,235 2/40	125,259	75
» 1853 »	5,028¼	25,102	25	29,234½	118,971	—
» 1854 »	2,348½	7,201	50	42,979¼	213,601	75
въ 5 лѣтъ	13,973¾	65,313	75	112,463 19/40	526,074	24

Привозъ хлопки возрастаетъ постоянно и быстро: въ послѣднее пятилѣтіе доставлено ея было, сравнительно съ предшествовавшимъ десятилѣтіемъ: изъ Бухары и Хивы — вдвое болѣе, а изъ Ташкента — почти въ двадцать разъ болѣе!

Стр. 269 — 270. Пряжи хлопчато-бумажной доставлено было:

изъ Бухары:

	черезъ Троицкъ	на сумму		черезъ Оренбургъ	на сумму	
	пуд.	р.	к.	пуд.	р.	к.
въ 1850 г.	1,780$\frac{1}{2}$	17,805	—	1,055	10,550	—
» 1851 »	2,750$\frac{28}{40}$	27,507	—	4,610$\frac{3}{4}$	27,450	50
» 1852 »	5,995$\frac{1}{2}$	47,955	—	8,707	87,075	—
» 1853 »	4,025$\frac{1}{2}$	32,201	—	9,683$\frac{1}{4}$	77,298	—
» 1854 »	8,654$\frac{32}{40}$	62,008	85	15,086$\frac{1}{2}$	150,676	50
въ 5 лѣтъ	23,207	187,476	85	39,142$\frac{1}{2}$	353,050	—

	изъ Ташкента	на сумму		изъ Хивы	на сумму	
	пуд.	р.	к.	пуд.	р.	к.
въ 1850 г.	—	—	—	—	—	—
» 1851 »	77	770	—	—	—	—
» 1852 »	301$\frac{1}{2}$	2,412	—	8$\frac{1}{2}$	85	—
» 1853 »	317$\frac{1}{2}$	2,540	—	—	—	—
» 1854 »	420$\frac{1}{4}$	2,941	75	1,976$\frac{21}{40}$	19,765	25
въ 5 лѣтъ	1,116$\frac{1}{4}$	8,663	75	1,985$\frac{1}{40}$	19,850	25

Изъ Бухары пряжи доставлялось нѣсколько менѣе чѣмъ въ 1840 — 1849 годахъ; изъ Хивы — вчетверо менѣе; изъ Ташкента — почти втрое болѣе. Впрочемъ, цѣны на пряжу до того низки у насъ, что, при значительности провозной платы, почти не покрываютъ стоимости товара на-мѣстѣ и расходовъ на его доставку, почему вывозъ этой статьи долженъ постоянно уменьшаться.

Стр. 276 — 278. Бязей бѣлыхъ и крашеныхъ доставлено было:

изъ Бухары:

	через Троицкъ			через Оренбургъ		
		на сумму			на сумму	
	концевъ	р.	к.	концевъ	р.	к.
въ 1850 г.	78,830	38,067	70	51,954	19,602	84
» 1851 »	99,392	40,635	65	36,185	14,582	75
» 1852 »	134,600	54,821	45	67,806	23,711	25
» 1853 »	133,904	54,074	10	47,419	18,231	85
» 1854 »	119,994	48,981	90	6,850	1,143	20
въ 5 лѣтъ	566,720	236,580	80	210,214	77,271	89

	изъ Ташкента			изъ Хивы		
		на сумму			на сумму	
	концевъ	р.	к.	концевъ	р.	к.
въ 1850 г.	22,869	10,012	80	62,496	23,072	36
» 1851 »	21,930	9,449	45	46,074	17,988	5
» 1852 »	14,684	5,896	85	64,201	22,535	85
» 1853 »	30,764	12,274	50	50,289	18,908	85
» 1854 »	12,517	5,251	15	16,435	5,849	50
въ 5 лѣтъ	102,745	42,884	75	239,495	88,354	61

Сравнительно съ 1840 — 1849 годами, въ послѣдующее пятилѣтіе бязей вывозилось: изъ Бухары — четвертою долею менѣе; изъ Хивы — $^2/_7$ менѣе; изъ Коканскихъ владѣній — вчетверо болѣе.

Стр. 282 — 283. Выбойка среднеазіятская, или бахта, ткется изъ лучшей, чѣмъ бязи, пряжи. Этой ткани разныхъ сортовъ вывезено было:

изъ Бухары:

	через Троицкъ			через Оренбургъ		
		на сумму			на сумму	
	концевъ	р.	к.	концевъ	р.	к.
въ 1850 г.	146,056	112,722	30	96,717	60,593	10
» 1851 »	127,997	91,272	75	105,451	62,981	55
» 1852 »	140,247	95,815	5	128,125	83,679	—
» 1853 »	141,341	95,084	—	130,511	69,166	60
» 1854 »	170,293	121,591	45	185,587	99,265	70
въ 5 лѣтъ	725,934	516,485	55	646,391	375,685	95

	изъ Ташкента			изъ Хивы		
		на сумму			на сумму	
	концевъ	р.	к.	концевъ	р.	к.
въ 1850 г.	14,385	9,380	75	4,868	1,714	10
» 1851 »	19,457	12,639	—	2,270	1,194	50
» 1852 »	8,733	4,854	10	3,855	2,453	50
» 1853 »	20,405	13,142	—	1,077	376	95
» 1854 »	10,318	6,808	50	4,978	2,325	70
въ 5 лѣтъ	73,298	46,824	35	17,048	8,064	75

Привозъ выбоекъ, сравнительно съ 1840 — 1849 годами, въ послѣдующее пятилѣтіе увеличился: изъ Бухары — на $1/_{10}$ долю; изъ Ташкента — вдвое; а изъ Хивы уменьшился въ 6 разъ.

Стр. 284. Сусъ и аладжей привезено было въ 1850 — 1854 годахъ:

			концевъ	на сумму р.	к.
изъ Бухары	черезъ	Троицкъ	45,324	20,609	—
»	»	» Оренбургъ	9,987	2,659	20
» Хивы	»	»	5,053	1,491	90
» Ташкента	»	Троицкъ	21,260	9,677	10

Значитъ, въ сравненіи съ предшествовавшимъ десятилѣтіемъ, привозъ этихъ тканей изъ Бухары уменьшился втрое, изъ Хивы остался почти въ прежнемъ положеніи, а изъ Ташкента увеличился въ 6 разъ.

Въ «введеніи», на стр. 26, авторъ говоритъ, что суса и алачà качествомъ похожи на наши серпянки. Это не справедливо: серпянка — ткань самая рѣдкая, а суса и алачà — самыя плотныя изъ Бухарскихъ бумажныхъ тканей. Пряжа для нихъ, въ-особенности для сусы, употребляется самая лучшая; можно сказать, что высшіе сорты сусы ткутся даже не изъ мѣстной, а изъ вывозимой отъ насъ пряжи, преимущественно №№ 38 и 40, которую въ послѣдніе годы Азіятцы начали вывозить отъ насъ въ значительномъ количествѣ. Съ серпянкою же можетъ быть сравнена привозимая Бухарцами, и

въ-особенности Хивинцами, довольно тонкая бязь, идущая на покрывала для покойниковъ-Магометанъ.

Стр. 285. Занавѣсокъ привезено было въ 1850—1854 годахъ:

		штукъ	на сумму р.	к.
изъ Бухары	черезъ Троицкъ	4,393	3,265	50
» »	» Оренбургъ	29,957	11,348	45
» Хивы	» »	4,927	2,119	20
» Ташкента	» Троицкъ	1,034	801	20
	всего	40,311	17,534	35

Одѣялъ въ томъ же періодѣ доставлено:

		штукъ	на сумму р.	к.
изъ Бухары	черезъ Троицкъ	12,986	18,699	75
» »	» Оренбургъ	14,261	18,792	75
» Хивы	» »	10,409	13,349	35
» Ташкента	» Троицкъ	2,421	3,568	40
	всего	40,077	54,410	25

Стр. 286. Кушаковъ бумажныхъ привезено въ 1850 — 1854 годахъ:

		штукъ	на сумму р.	к.
изъ Бухары	черезъ Троицкъ	6,175	1,365	—
» »	» Оренбургъ	3,083	768	15
» Хивы	» »	301	76	75
» Ташкента	» Троицкъ	2,152	555	15
	всего	11,711	2,765	5

Тюбетеекъ бумажныхъ ввезено въ тотъ же періодъ изъ Бухары и Ташкента, по таможеннымъ свѣдѣніямъ, всего 260 штукъ, на 18 р. 50 к.

Стр. 288 — 289. Халатовъ бумажныхъ доставлено было въ 1850 — 1854 годахъ:

					штукъ	на сумму р.	к.
изъ	Бухары	черезъ	Троицкъ		48,178	42,971	20
»	»	»	Оренбургъ		13,975	17,041	77
»	Хивы	»	»		52,148	59,616	90
»	Ташкента	»	Троицкъ		12,400	11,662	5
				всего	126,701	131,291	92

Стало быть, сравнительно съ предшествовавшимъ десятилѣтіемъ, вывозъ халатовъ изъ Бухары уменьшился на третью долю; изъ Хивы — остался въ прежнемъ видѣ, а изъ Ташкента — удвоился.

Разсмотрѣніе привоза хлопчатой бумаги и хлопчатобумажныхъ издѣлій г. Небольсинъ заключаетъ замѣчаніемъ, что въ десять лѣтъ, съ 1840 по 1850 годъ, Внутренняя-Азія доставила къ намъ черезъ Оренбургскую-Линію одного этого товара, на сколько въ этотъ же періодъ времени мы сами выслали туда всѣхъ своихъ цѣнностей, въ томъ числѣ и звонкой монеты. По цифрамъ таможенныхъ вѣдомостей, оно дѣйствительно такъ; но развѣ могло это быть на самомъ дѣлѣ? Если изъ Внутренней-Азіи съ 1840 по 1850 годъ доставлено было къ намъ товаровъ черезъ Оренбургскую-Линію на 8,971,675 р., а вывезено отъ насъ, въ тотъ же періодъ, вмѣстѣ съ монетою, только на 6,763,635 р. — какъ значится это по таможеннымъ вѣдомостямъ, — то выходитъ, что разность между двумя этими итогами, 2,208,040 р. въ десять лѣтъ, или 220,804 р. с. ежегодно, Азіятскіе торговцы подарили намъ; ибо изъ сихъ послѣднихъ не знаемъ мы такихъ, которые съ вырученными за товары свои капиталами остались-бы жить въ Россіи, или пріобрѣли въ ней значительныя недвижимыя собственности. И мало того, что отпускъ нашъ въ Среднюю-Азію, если въ итоги его входитъ вывозимая монета, долженъ быть, по цѣнности, не менѣе привоза оттуда; онъ, при почти исключительномъ производствѣ торговли Азіятскими купцами, долженъ превышать итоги привоза на всю сумму купеческаго ба-

рыша, получаемаго Азіятцами при распродажѣ товаровъ своихъ въ Россіи; такъ что, если барышъ этотъ положимъ только въ 10%, то, при среднемъ ежегодномъ ввозѣ товаровъ изъ Внутренней-Азіи въ Россію на 897,167 р., какъ было это въ 1840—1849 годахъ, среднiй ежегодный отпускъ долженъ простираться не менѣе, какъ на 986,883 р. с., а не на 676,363 р., какъ, согласно съ таможенными вѣдомостями, принимаетъ г. Небольсинъ. Куда-же дѣвалась эта разность между привозомъ и отпускомъ, ежегодно среднимъ числомъ простиравшаяся до 310,565 р. с., а въ десять лѣтъ составившая сумму въ 3,105,650 р. с.? Всматриваясь въ дѣло, находимъ: 1) что въ итогъ ввоза по таможеннымъ вѣдомостямъ входитъ и провозная плата за товаръ, платимая Киргизамъ при отправленіи его изъ Азіи, по обычаю впередъ, тогда-какъ плата эта, которая при отправленіи товара изъ Россіи также должна быть выдана Киргизамъ впередъ, въ итогъ отпуска не входитъ. Принявъ, что Азіятскіе караваны съ Оренбургской-Линіи отходятъ ежегодно на 5,000—7,000 верблюдахъ, и полагая среднюю цѣну платы за верблюда въ 12 р. с., получаемъ ежегодно, въ пополненіе означенной разности, отъ 60,000 до 85,000 р., платимыхъ до выхода съ Линіи, но расходящихся въ Степи между Киргизами. 2) Отпускные изъ Россіи товары дозволено торговцамъ оцѣнивать, при провозѣ черезъ таможни, по совѣсти. Пользуясь этимъ, цѣны на отпускныя статьи объявляютъ они по возможности гораздо ниже тѣхъ, за какія пріобрѣли товаръ въ дѣйствительности. Зная это, на объявленныя цѣны отпускныхъ изъ Россіи товаровъ смѣло должно накинуть отъ 180,000 до 200,000 р. въ годъ. Наконецъ 3) можно положить, что, сверхъ дозволеннаго вывоза отъ насъ золотой монеты въ количествѣ, значущемся по вѣдомостямъ, вывозится ея еще тысячъ на двадцать, на двадцать пять руб. сер. въ годъ контрабандою — именно черезъ Киргизовъ, и въ серебряной монетѣ, отпускъ которой за границу не дозволенъ. Соединивъ всѣ эти итоги, получимъ не только тѣ 220,800 р. с. въ годъ,

или 2,208,000 въ десять лѣтъ, которыхъ не досчитываетъ въ отпускѣ г. Небольсинъ, но даже съ 10% на нихъ купеческаго барыша; и выдетъ, что одними хлопкою и хлопчато-бумажными издѣліями Внутренней-Азіи далеко не окупается весь отпускъ вывозимыхъ туда Русскихъ товаровъ. Объясненіемъ этимъ, какъ и многими другими замѣтками о разбираемомъ трудѣ, рецензентъ обязанъ Управляющему Оренбургскою Таможнею, *А. О. Лашкевичу*.

Стр. 293 — 294. Шелкъ сырецъ привозился съ 1850 по 1855 годъ только изъ Бухары, откуда доставлено его было:

черезъ Троицкъ	8 пуд.	31½ ф.	на 223 р.	30 к.
» Оренбургъ	208 »	—	» 10,240 »	— »
всего	216 пуд.	31½ ф.	на 10,463 р.	30 к.

или втрое менѣе, сравнительно съ предшествовавшимъ десятилѣтіемъ.

Шелковыхъ-же и полушелковыхъ издѣлій разнаго рода ввезено было въ 1850—1854 годахъ:

изъ Бухары:

черезъ Троицкъ:

сусъ полушелковыхъ	5,159 кусковъ	на	7,542 р.	90 к.
кутней »	910 »	»	439 »	60 »
халатовъ »	730 штукъ	»	2,005 »	60 »
одѣялъ »	35 »	»	103 »	—
тюбетеекъ шелковыхъ	1,564 »	»	294 »	5 »
платковъ »	53 »	»	15 »	75

черезъ Оренбургъ:

сусъ.	24,039 кусковъ	на	35,685 р.	35 к.
халатовъ.	8,980 штукъ	»	19,749 »	50 »
кушаковъ	234 »	»	365 »	50 »
канауса	201 кусковъ	»	709 »	—

из Ташкента:

сусъ	1,242 кусковъ	на	1,561 р.	45 к.
кутней	2,320 »	»	1,017 »	80 »
халатовъ	705 штукъ	»	1,686 »	70 »
одѣялъ	17 »	»	51 »	50 »
тюбетеекъ	190 »	»	60 »	—
платковъ	104 »	»	30 »	90

изъ Хивы:

сусъ	1,603 кусковъ	на	2,801 р.	20 к.
халатовъ	6,227 штукъ	»	13,576 »	5 »
кушаковъ	1,051 »	»	2,230 »	50 »

Стр. 295. Верблюжьей шерсти Азіятскими торговцами въ 1850 — 1854 годахъ не было привозимо на Оренбургскую-Линію.

Стр. 296. Пуха козьяго ввезено было съ 1850 по 1855 годъ черезъ Оренбургскую-Линію:

Бухарцами	40 пуд.	36 ф.	на	81 р.	60 к.
Ташкентцами	137 »	10 »	»	359 »	—

Роговъ сайгачьихъ доставлено было черезъ Оренбургскую-Линію въ 1850 — 1854 годахъ:

Бухарцами	37,900 паръ	на	2,054 р.	50 к.
Ташкентцами	19,500 »	»	983 »	—
Хивинцами	6,150 »	»	440 »	—

Стр. 297. Сырыхъ кожъ разнаго рода ввезено съ 1850 по 1855 годъ:

Ташкентцами	580 штукъ	на	58 р.
Хивинцами	2,073 »	»	1,918 »

Стр. 298. Кожи выдѣланныя доставлены были въ Оренбургъ Бухарцами только въ 1854 году въ количествѣ 1,104 шт., на 111 р. с.

Стр. 301. Мягкой рухляди (кромѣ мерлушекъ) доставлено было:

изъ Бухары:

	черезъ Троицкъ на сумму р.	к.	черезъ Оренбургъ на сумму р.	к.
въ 1850 г.	6,173	30	21,509	59
» 1851 »	30,708	65	20,536	85
» 1852 »	8,031	70	14,937	10
» 1853 »	9,266	95	46,177	25
» 1854 »	5,012	20	16,223	90
въ 5 лѣтъ	59,192	80	119,384	69

	изъ Ташкента на сумму р.	к.	изъ Хивы на сумму р	к.
въ 1850 г.	489	—	3,328	5
» 1851 »	4,594	—	1,057	75
» 1852 »	1,337	95	1,968	50
» 1853 »	1,668	60	2,825	—
» 1854 »	288	—	3,667	25
въ 5 лѣтъ	8,373	55	12,846	55

Стало-быть, сравнительно съ 1840 — 1849 годами, привозъ пушнаго товара изъ Бухары удвоился, изъ Хивы уменьшился на $^1/_5$, а изъ Ташкента увеличился въ 6 разъ.

Стр. 302. Мерлушки бухарской и ширазской, вмѣстѣ съ выпоротками, доставлено было изъ Бухары:

	черезъ Троицкъ штукъ	на сумму р.	к.	черезъ Оренбургъ штукъ	на сумму р.	к.
въ 1850 г.	1,108	1,433	—	29,917	27,451	20
» 1851 »	31	49	—	29,970	23,639	—
» 1852 »	3,330	4,995	—	36,285	30,505	—
» 1853 »	2,470	3,645	—	65,300	60,817	50
» 1854 »	7,746	11,919	—	43,991	49,437	50
въ 5 лѣтъ	14,685	22,041	—	205,436	191,850	20

Значитъ, изъ Бухары привозъ этого товара оставался въ прежнемъ положеніи. Изъ Хивы между-тѣмъ доставлено было 1,425 штукъ, на 1,157 р., а изъ Ташкента — 870 шт., на

1,305 р. с.; при чемъ такихъ отборныхъ шкурокъ каракульской мерлушки, которыя бы продавались въ Оренбургѣ по 5 р. с. за штуку, не было; да едва ли бывало это и прежде.

Стр. 303. Киргизскихъ мерлушекъ Средне-Азіятскими торговцами ввезено было:

изъ Бухары:

	через Троицкъ			через Оренбургъ		
		на сумму			на сумму	
	штукъ	р.	к.	штукъ	р.	к.
въ 1850 г.	87,230	8,723	—	116,647	11,664	50
» 1851 »	11,407	1,444	30	374,869	38,477	90
» 1852 »	65,473	6,569	30	320,067	34,404	50
» 1853 »	141,144	15,204	40	358,045	35,779	50
» 1854 »	46,573	4,657	90	136,344	14,209	40
въ 5 лѣтъ	351,827	36,579	90	1,305,972	134,535	80

	изъ Ташкента			изъ Хивы		
		на сумму			на сумму	
	штукъ	р.	к.	штукъ	р.	к.
въ 1850 г.	20,620	2,062	—	1,248	124	80
» 1851 »	22,494	2,249	40	4,630	463	—
» 1852 »	—	—	—	12,200	1,220	—
» 1853 »	42,670	4,267	—	—	—	—
» 1854 »	3,500	350	—	600	60	—
въ 5 лѣтъ	89,284	8,928	40	18,678	1,867	80

Сравнительно съ привозомъ этого товара въ 1840—1849 годахъ, въ послѣдующее пятилѣтіе доставлялся онъ изъ Бухары въ прежнемъ размѣрѣ, изъ Хивы — въ количествѣ вдвое меньшемъ, а изъ Ташкента — въ $2\frac{1}{2}$ раза большемъ.

Стр. 306. Ковровъ и паласовъ доставлено было въ 1850—1854 годахъ:

		штукъ	на сумму
Бухарцами	въ Оренбургъ	1,439	2,632 р. 15 к.
»	» Троицкъ	853	1,984 » 80 »
Ташкентцами	» »	169	347 » 10 «
Хивинцами	» Оренбургъ	254	383 « 20 »

Шерстянаго товара прочихъ наименованій, какъ-то: армячины, кушаковъ и кошемъ:

Бухарцами	на	304	р.	75	к.
Ташкентцами	»	465	»	20	»
Хивинцами	»	19	»	20	»

Стр. 307. Шали и платки Кашемирскіе въ 1850—1854 годахъ доставляемы были только изъ Бухары; всего привезено ихъ было 271 штука на 35,673 р. сер.

Стр. 310. Марены привезено было въ 1850—1854 годахъ:

изъ Бухары:

	через Троицкъ			через Оренбургъ		
		на сумму			на сумму	
	пудовъ	р.	к.	пудовъ	р.	к.
въ 1850 г.	869	1230	50	2,599$^{1}/_{4}$	6,382	50
» 1851 »	—	—	—	290$^{1}/_{2}$	831	50
» 1852 »	282	430	25	475$^{3}/_{4}$	237	—
» 1853 »	23$^{1}/_{2}$	47	—	—	—	—
» 1854 »	228$^{1}/_{2}$	457	—	1,226$^{35}/_{40}$	3,954	62
въ 5 лѣтъ	1403	2164	75	4,593 п. 13 ф.	14,843	62

	изъ Ташкента:			изъ Хивы:		
		на сумму			на сумму	
	пудовъ	р.	к.	пудовъ	р.	к.
въ 1850 г.	22	30	—	20,525$^{38}/_{40}$	61,541	90
» 1851 »	1234$^{1}/_{2}$	1244	50	17,847	53,541	—
» 1852 »	1533$^{1}/_{2}$	2539	50	17,301$^{15}/_{40}$	54,239	58
» 1853 »	2298	3461	50	21,926	65,842	—
» 1854 »	1140$^{3}/_{4}$	2281	50	18,487	55,461	—
въ 5 лѣтъ	6228 п. 30 ф.	9527	—	100,812 п. 13 ф.	290,625	48

Изъ Бухары, слѣдовательно, привозъ марены, сравнительно съ привозомъ 1840—1849 годовъ,—остался въ прежнемъ видѣ, а изъ Хивы — увеличился втрое; при чемъ въ такомъ же количествѣ, какъ изъ Бухары, стала привозиться къ намъ еще и марена Ташкентская.

Стр. 314. Индиго привезено было изъ Хивы только въ 1853 году, въ количествѣ 4 п., на 160 р. с.

Стр. 315. Лазурика доставлено было изъ Бухары, въ теченіе 1850—1854 годовъ, 424 пуда 5 ф., на 30,623 р. 75 к.

Стр. 318. Сѣмени цитварнаго привезено было въ 1850—1854 годахъ:

Бухарцами	1,785 п.	на	1,785 р. с.
Ташкентцами	22,844 »	»	23,074 » »

Стр. 321. Фруктовъ сухихъ доставлено было:

изъ Бухары:

	через Троицкъ			через Оренбургъ	
въ 1850 г.	12,558 п. 20 ф.	на 54,982 р. 47 к.		9,680 п. 10 ф.	на 65,477 р. 49 к.
» 1851 »	5,910 » 25 »			2,773 » 5 »	
» 1852 »	3,256 » 10 »			5,928 » 37 »	
» 1853 »	3,953 » 30 »			2,702 » 10 »	
» 1854 »	7,514 » — »			3,134 » 10 »	

въ 5 лѣт 57,411 пудовъ
на 120,459 руб. 96 коп.

	изъ Ташкента:		изъ Хивы:	
въ 1850 г.	43,470 п 20 ф.	на 331,881 р. 7 к.	2,127 п. 5 ф.	на 8,741 р.
» 1851 »	40,223 » 30 »		194 » — »	
» 1852 »	34,253 » — »		309 » — »	
» 1853 »	46,778 » 20 »		248 » — »	
» 1854 »	40,811 » 32 »		214 » 20 »	
въ 5 лѣтъ	205,537 п. 22 ф.		3,092 п. 25 ф.	

Сравнительно съ 1840—1849 годами, привозъ фруктовъ въ послѣдующее пятилѣтіе: изъ Бухары — увеличился на $^7/_8$, изъ Ташкента — въ 7 разъ, а изъ Хивы — остался въ прежнихъ размѣрахъ.

Стр. 323. Пшена сарацинскаго ввезено было въ-теченіе 1850—1854 годовъ:

въ Оренбургъ Хивинцами	190 п.		на	268 р.	
» » Бухарцами	276 »	20 ф.	»	447 »	50 к.
» Троицкъ »	486 »	36 »	»	535 «	95 »
» » Хивинцами	2,582 »	30 »	»	6,296 »	14 »

Стр. 323. Чая привезено было въ 1850—1854 годахъ:

изъ Бухары черезъ Оренбургъ	8 п.	23 ф.	на	244 р.	5 к.
» » » Троицкъ	52 »	28 »	»	949 »	38 »
» Ташкента » »	1,317 »	34 »	»	21,300 »	27 »

Стр. 325. Бирюзы и жемчуга привезено было въ 1850—1854 годахъ:

въ Оренбургъ изъ Бухары на 4,717 р.
» » » Хивы » 217 » 50 к.

Стр. 327—328. Въ-теченіе 1850—1854 годовъ изъ Бухары привезено было на Оренбургскую-Линію между прочимъ:

корня самбулеваго 892 п 30 ф. на 1833 р. 25 к.
табаку.......... 26 » 20 » » 94 »

Затѣмъ, разныхъ мелочей и товаровъ, непоказанныхъ въ таможенныхъ вѣдомостяхъ особыми рубриками, въ означенное пятилѣтіе доставлено было:

изъ Бухары на 16,079 р. 11 к.
» Хивы » 1,140 » 4 »
» Ташкента » 6,926 » 57 »

По вѣдомостямъ, коими пользовался рецензентъ, мелочей этихъ и товаровъ, не вошедшихъ въ таможенныя вѣдомости особыми рубриками, въ періодъ 1840 по 1850 годъ доставлено было:

по торговлѣ съ Бухарою на 13,905 р. 20 к.
» Хивою » 3,585 » 31 »
» Коканомъ » 3,366 » 20 »

Заключаются «Очерки» г. Небольсина «Общею сравнительною вѣдомостію о русской торговлѣ со странами Средней-Азіи со стороны Оренбургской-Линіи, за десятилѣтіе 1840—1849 г.»

Изъ вѣдомости этой видно, что въ означенный періодъ отпускъ нашъ простирался на 6,763,635 р. 85$^6/_7$ к., а привозъ къ намъ—на 8,971,675 р. 61$^5/_7$ к.; при чемъ отдѣльно по странамъ отпускъ и привозъ представлялись въ такомъ видѣ:

отпущено	на сумму	привезено	на сумму
въ Бухару	5,225,287 р.	изъ Бухары	7,309,248 р.
» Хиву	1,334,198 »	» Хивы	1,396,189 »
» Коканъ	204,150 »	» Кокана	266,237 »

Главными статьями отпуска были: 1) въ Бухару—золото и серебро въ монетѣ, затѣмъ бумажный товаръ, металлы и кожи; 2) въ Хиву — бумажный и шерстяной товаръ, затѣмъ краски и металлы; 3) въ Коканъ—металлы, потомъ бумажный и кожевенный товаръ. Главными статьями ввоза были: 1) изъ Бухары — бумажныя издѣлія и бумага хлопчатая (сырецъ и пряжа), затѣмъ мерлушки; 2) изъ Хивы—тѣ же самые предметы; 3) изъ Кокана — сухіе фрукты, затѣмъ бумажныя издѣлія.

Отдавъ отчетъ обо всѣхъ отдѣлахъ «Очерковъ», обратимся опять ко «Введенію».

Характеристика Бухарскаго и Хивинскаго быта, которой посвящено авторомъ 17 страницъ, не только вѣрна, но накидана съ живостію очевидца, хотя г. Небольсинъ и не выѣзжалъ изъ предѣловъ Россіи. Относительно Хивы могъ-бы онъ взять еще нѣсколько рѣзкихъ чертъ и яркихъ красокъ изъ разсказовъ бывшихъ тамъ въ плѣну Русскихъ, въ особенности

Өедора Грушина. — Что касается, затѣмъ, до лицъ, ведущихъ торговлю съ Среднею-Азіею съ нашей стороны, то, какъ замѣчено уже выше, нынѣ, не только купцы Русскіе, но даже и прикащики ихъ изъ Русскихъ, вовсе на средне-азіятскіе базары не заглядываютъ, такъ-какъ, не говоря уже объ опасностяхъ пребыванія тамъ для Христіанъ, съ послѣднихъ взимается пошлинъ въ два (въ Хивѣ и Ташкентѣ) и въ четыре (въ Бухарѣ) раза болѣе, чѣмъ съ Магометанъ. Прикащики, какіе посылаются еще иногда Русскими торговцами во Внутреннюю-Азію, всѣ безъ исключенія Магометане, преимущественно изъ Казанскихъ Татаръ. Послѣдній Русакъ, въ послѣдніе годы посѣщавшій базары Ташкента и Кокана, былъ прикащикъ частной, не существующей уже теперь компаніи для торговли съ Азіею купцовъ Баранова, Зубова и Пичугина, — ростовскій мѣщанинъ, а нынѣ почетный гражданинъ С. Ключаревъ. Это такая умная, смѣтливая и бойкая голова, которая широкимъ пониманіемъ дѣла и предпріимчивостію удивила-бы самаго образованнаго и ловкаго иностраннаго негоціанта. Упоминаемъ объ этомъ по поводу отзыва г. Небольсина о прикащикахъ русскихъ торговцевъ съ Азіею, на стр. 19.

Шелкъ едва-ли можно считать въ числѣ естественныхъ богатствъ Бухары (стр. 22). Къ намъ не привозится его теперь и 50 пудовъ въ годъ; при томъ, по недоброкачественности бухарскаго шелка, цѣны на него весьма низки, такъ-что въ Россіи приходится иногда продавать его въ убытокъ. Кромѣ того бываетъ, что и сама Бухара послѣ холодной зимы терпитъ недостатокъ въ этомъ товарѣ.

Индиго бухарское (стр. 24 и 35) — чрезвычайно низкаго качества. Нѣсколько разъ привозили его къ намъ, для опыта, въ незначительныхъ количествахъ, но никогда не находилось покупщиковъ на этотъ товаръ. Въ 1855 году одинъ изъ Бухарцевъ опять привезъ на пробу до 15 пудовъ, но, по недоброкачественности, не могъ сбыть съ рукъ.

Отъ автора, который, какъ г. Небольсинъ, изучилъ предметъ свой столь совѣстливо, столь основательно, во всей его полнотѣ и во всѣхъ подробностяхъ, естественно было ожидать, что онъ, въ заключеніе труда своего, захочетъ дать положительный отвѣтъ на главные объ этомъ предметѣ вопросы, занимавшіе и занимающіе его соотечественниковъ, захочетъ соображенія свои надъ собранными имъ въ обиліи данными, разсѣянныя по всей книгѣ, совокупить во-едино и представить читателю въ сжатомъ, но сочномъ извлеченіи. Это и дѣлаетъ г. Небольсинъ во второй половинѣ своего «введенія», но съ воздержностію, какъ кажется намъ, не совсѣмъ умѣстною, и, въ дополненіе къ собственнымъ выводамъ, скромно представляетъ, на цѣлыхъ десяти страницахъ, замѣчанія одного неизвѣстнаго составителя записки о торговлѣ Россіи съ Бухарою, весьма дѣльныя вообще, но нѣсколько уже устарѣвшія. Такая скромность встрѣчается весьма рѣдко; но зная сколько полезнаго могъ-бы сказать авторъ, если-бы позволилъ себѣ распространиться въ «введеніи» нѣсколько болѣе, не слѣдуетъ, кажется, благодарить его за эту добродѣтель. Мы, съ своей стороны, въ заключеніе нашей рецензіи, считаемъ обязанностію перечислить важнѣйшіе результаты предпринятаго и совершеннаго г. Небольсинымъ труда. «Очерки» его доказываютъ несомнѣнно:

1) Что не Россія ведетъ торгъ съ Внутреннею-Азіею, а Внутренняя-Азія съ Россіею, такъ-какъ закупъ и продажа обращающихся въ торговлѣ этой товаровъ, какъ въ Азіи, такъ и въ Россіи, производится почти исключительно азіятскими торговцами; почему имъ почти безъ раздѣла достаются и купеческіе барыши этой торговли.

2) Такое положеніе дѣла происходитъ не отъ недостатка предпріимчивости и капиталовъ у нашего купечества, а отъ препятствій, противупоставляемыхъ торговлѣ Русскихъ (и вообще христіанскихъ) купцовъ въ Азіи общественнымъ неустройствомъ и еще болѣе правительствами Средне-Азіятскихъ владѣній,

тогда-какъ наши установленія покровительствуютъ торгу Азіятцевъ въ Россіи.—По первой причинѣ, англійскіе негоціанты не ѣздятъ во Внутреннюю-Азію точно такъ же, какъ перестали туда ѣздить русскіе.

3) Изъ трехъ азіятскихъ владѣній, съ которыми ведется торгъ черезъ Оренбургскую-Линію, торгъ съ Хивою и Коканомъ представляется, относительно, выгоднѣе для насъ, чѣмъ торгъ съ Бухарою: два первыя владѣнія на сколько привозятъ своихъ произведеній, почти на столько же берутъ и нашихъ, тогда-какъ Бухарцы взамѣнъ своихъ товаровъ берутъ нашими только $^5/_7$, а $^2/_7$ увозятъ звонкою монетою — которая, конечно, тоже товаръ, но имѣющій огромныя преимущества передъ всѣми другими цѣнностями въ свѣтѣ.

4) Фабричныя издѣлія наши низкаго качества сбываемъ мы въ Среднюю-Азію не потому, чтобы не могли или не хотѣли посылать лучшихъ, а потому, что только такого низкаго сорта издѣлія и требуются этою частію Азіи, — по бѣдности своей, грубости и отсутствію общественной безопасности, — не имѣющей средствъ и не желающей потреблять что-либо лучшее и потому болѣе цѣнное. Можно сказать даже, что не требуй Внутренняя-Азія такихъ дрянныхъ издѣлій, мы-бы и не производили ихъ, такъ-какъ, кромѣ ея рынковъ, нигдѣ въ мірѣ не нашли-бы они сбыта. Съ другой стороны, приготовленіе этого рода издѣлій въ Россіи свидѣтельствуетъ о томъ, что фабриканты наши весьма хорошо знаютъ потребности и вкусы Среднеазіятцевъ.

5) И Бухара и Хива съ Коканомъ вывозятъ отъ насъ преимущественно такого рода товары, которыхъ, по цѣнамъ, за какія пріобрѣтаются эти товары въ Россіи, не могутъ они получать ни откуда въ мірѣ, и которые притомъ составляютъ насущную потребность Внутренней-Азіи, — каковы: металлы, кожи и издѣлія изъ нихъ.

6) На-оборотъ, Внутренняя-Азія шлетъ намъ такія произведенія, которыя можемъ мы получать и получаемъ изъ другихъ странъ, или безъ коихъ можемъ весьма легко обойтись,

тогда-какъ она произведеній этихъ никуда, кромѣ Россіи, съ выгодою сбывать не можетъ. Бумажныя, шерстяныя и шелковыя ея издѣлія, равно-какъ и сухіе фрукты, въ Южную-Азію не требуются, въ Россіи-же потребляются однимъ населеніемъ Оренбургскаго-Края, да приволжскими Магометанами. Мерлушки составляютъ для насъ предметъ преимущественно транзитнаго торга. Остаются хлопка и марена; но хлопка, вывозимая изъ Внутренней-Азіи, составляетъ лишь $^1/_{20}$ долю того количества хлопчатой бумаги, которое идетъ къ намъ изъ Америки и Остиндіи; а марена, и притомъ гораздо лучшаго средне-азіятской качества, разводится съ возрастающимъ успѣхомъ въ нашемъ Закавказьѣ.

7) По всѣмъ этимъ причинамъ, соперничество Англичанъ во Внутренней-Азіи, со стороны Персіи и Индіи, не можетъ быть опасно для насъ, а въ отношеніи къ Средне-Азіятскимъ правительствамъ имѣемъ мы всю возможность стать въ несравненно выгоднѣйшія теперешнихъ торговыя отношенія.

8) Торговые обороты наши съ Внутреннею-Азіею въ нѣкоторой степени могутъ расширяться и при настоящемъ политическомъ и общественномъ ея положеніи: это доказывается какъ постоянно увеличивающимися итогами этихъ оборотовъ, такъ и нѣкоторыми вновь являющимися статьями ихъ, какова, на-примѣръ, марена. Появись надобность въ кунжутномъ маслѣ,—и Хива могла-бы доставлять его въ значительномъ количествѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣло можно сказать, что пока надъ Внутреннею-Азіею будутъ тяготѣть теперешніе тамъ безпорядокъ и варварская дикость, естественно порождающіе бѣдность и апатію,—значительное развитіе торговли съ нею положительно не возможно. Чтобы покупать и потреблять, надо имѣть чѣмъ платить за покупаемое, а для этого надо производить; и Внутренняя-Азія могла-бы, по климату своему и другимъ естественнымъ условіямъ, производить весьма много; но кто-же станетъ заботиться объ усиленіи производства, о разработкѣ естественныхъ источниковъ богатства, объ улучшеніи

путей и средствъ сообщенія, когда не только богатство, но — даже достатокъ, влекутъ за собою для обладателя ихъ притѣсненія и насильственную смерть, а бѣдность представляется единственнымъ условіемъ къ сохраненію жизни гражданина въ нѣкоторой безопасности. Давно уже Среднеазіятецъ работаетъ на столько и для того только, чтобы прокормиться и удовлетворить прочимъ насущнымъ потребностямъ; онъ отдаетъ намъ и другимъ безъ остатка все, что производитъ съ этою цѣлію,— и едва, едва можетъ вымѣнять на это предметы первой необходимости самаго дурнаго качества; чѣмъ-же заплатитъ онъ тому, кто-бы сталъ предлагать ему лучшіе товары и въ большемъ количествѣ? Не можетъ онъ, равнымъ образомъ, вести и транзитной торговли произведеніями сосѣдей — за неудобствомъ не только пріобрѣсти потребные для того значительные капиталы, но даже обнаружить ихъ, если бы и имѣлъ. Для Внутренней-Азіи — говоримъ о Хивѣ, Коканѣ и Бухарѣ — представляется, такимъ образомъ, при обусловливаемой Магометанствомъ невозможности перeродиться собственными усиліями, одинъ исходъ изъ настоящаго жалкаго ея положенія, одна утѣшительная будущность — перейти подъ владычество какой-либо христіанской державы, которая-бы, водворивъ тамъ порядокъ и безопасность, внушила обитателямъ Аму и Сыра желаніе воспользоваться ихъ естественными средствами къ улучшенію собственнаго и сосѣдей своихъ благосостоянія. — Тогда можетъ пойти рѣчь и о торговлѣ Россіи съ странами къ юго-востоку отъ Внутренней-Азіи; до тѣхъ-же поръ, то-есть пока эта-послѣдняя будетъ оставаться тѣмъ же, чѣмъ она есть, — всякое разсужденіе объ этомъ будетъ праздною, совершенно безплодною болтовнею.

Смѣю думать, что изложенные результаты, добытые г. Небольсинымъ съ немалою тратою времени и средствъ, съ любовью къ предмету и главнѣйше, благодаря рѣдкому умѣнью его взяться за дѣло и трудную задачу свою выполнить до конца — достаточно важны и въ практическомъ, и въ научномъ отно-

шеніи, чтобы Академія сочла возможнымъ выразить вниманіе свое къ достоинствамъ и пользѣ «Очерковъ», присужденіемъ автору ихъ полной Демидовской преміи. Это было-бы тѣмъ справедливѣе, что кромѣ замѣчательныхъ трудовъ о Сибири, г. Небольсинъ, вслѣдствіе поѣздки своей въ Оренбургскій и Астраханскій края съ главною цѣлію изучить торговлю Россіи съ Средней-Азіей, обогатилъ отечественную литературу, сверхъ разсмотрѣнныхъ «Очерковъ», еще тремя, полными любопытныхъ фактовъ и мѣткой наблюдательности сочиненіями: говоримъ объ «Очеркахъ Волжскаго-Низовья» (Спб. 1852), «Очеркахъ быта Калмыковъ Хошоутовскаго Улуса» (Спб. 1852) и «Разсказахъ Проѣзжаго» (Спб. 1854), не-въ-счетъ многихъ прекрасныхъ статей его о Восточной Россіи, появившихся въ послѣдніе четыре года въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Я. А. СОЛОВЬЕВА

подъ заглавіемъ:

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СТАТИСТИКА

СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ,

составленный

Академ. П. И. Кеппеномъ и К. С. Веселовскимъ.

Сельско-хозяйственная Статистика Россіи, какъ и другія отрасли отечественной статистики, считаетъ въ нашей литературѣ еще весьма мало произведеній несомнѣннаго достоинства. Причиною этого должно признать съ одной стороны недостаточность основныхъ данныхъ, а съ другой неимѣніе подробныхъ и обстоятельныхъ описаній положенія хозяйства, въ обширномъ его смыслѣ, въ разныхъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ столь обширнаго государства. Поэтому критическая разработка числовыхъ показаній о такъ называемыхъ основныхъ силахъ государства, хотя бы они ограничивались сравнительно небольшимъ по пространству своему краемъ, и вѣрное изображеніе современнаго положенія хозяйства во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ, существенно обогощаютъ запасъ матеріаловъ, изъ которыхъ можно будетъ со-временемъ возвести стройное зданіе Хозяйственной Статистики Россіи. По обширности Россіи и разнообразію частей, ее составляющихъ, монографіи отдѣльныхъ губерній или полосъ имѣютъ особенную важность, и, при нынѣшнемъ положеніи у насъ статистическихъ свѣдѣній, мы даже должны, во многихъ отношеніяхъ, отдать преимущество такимъ монографіямъ предъ трудами, имѣющими предметомъ цѣлую Россію; ибо прежде чѣмъ описывать цѣлое, нужно хорошо изучить части.

Г. Соловьевъ, избравъ себѣ задачею такое специальное описаніе, исполнилъ ее съ знаніемъ дѣла. Проведя въ Смоленской губерніи три года въ качествѣ Начальника Отряда для

уравненія государственныхъ крестьянъ въ денежныхъ сборахъ, онъ вникалъ во всѣ подробности хозяйственнаго быта губерніи, и имѣя въ рукахъ большой запасъ оффиціальныхъ статистическихъ свѣдѣній, воспользовался многократными своими разъѣздами по губерніи, для пополненія ихъ и повѣрки. Будучи такимъ образомъ поставленъ въ возможность хорошо ознакомиться съ краемъ, и изъ личныхъ обозрѣній, и изъ письменныхъ документовъ, мало доступныхъ для писателя не должностнаго, г. Соловьевъ предпринялъ изложить плодъ своихъ наблюденій и разысканій, въ видѣ полнаго и систематическаго описанія губерніи въ хозяйственномъ отношеніи.

Все сочиненіе раздѣлено на шесть главъ, въ которыхъ изложено:

Въ главѣ 1-й: *Физическія свойства страны:* а) Географическое положеніе и общій характеръ мѣстности, б) Краткое геогностическое обозрѣніе, в) Почвы и подпочвы, г) Воды, д) Климатъ.

Въ главѣ 2-й: *Жители*: а) Общее число ихъ, б) Раздѣленіе ихъ по племенамъ, в) Распредѣленіе ихъ по пространству, г) Раздѣленіе жителей по занятіямъ, д) Сельскіе жители, е) Физическое и нравственное состояніе рабочаго класса.

Въ главѣ 3-й: *Хозяйственный бытъ жителей:* а) Хозяйственное распредѣленіе земель, б) Округлость и чрезполосность дачъ, в) Движеніе поземельной собственности, г) Наемныя цѣны на землю, д) Величина и расположеніе селеній, е) Способы управленія крестьянами государственными и помѣщичьими, ж) Способы пользованія землями, з) Повинности, лежащія на крестьянахъ, и) Обработка земли наемными работниками, і) Содержаніе крестьянскаго семейства, к) Запасы продовольствія, л) Недоимки, м) Способы займовъ.

Въ главѣ 4-й: *Земледѣліе*: а) Системы хозяйства, б) Земледѣльческія орудія и земледѣльческія работы, в) Количество воздѣлываемыхъ земель, г) Сѣнокосы, д) Урожай и доходъ отъ пахатныхъ земель, е) Количество всего собираемаго хлѣба, ж) Способы сбыта и среднія цѣны на хлѣбъ.

Въ главѣ 5-й: *Второстепенныя отрасли сельскаго хозяйства*: а) Огородничество и садоводство, б) Разведеніе конопли, в) Пчеловодство, г) Лѣсоводство, д) Скотоводство.

Въ главѣ 6-й: *Сельскіе промыслы и торговля:* а) Фабрики и заводы, б) Торговля: движеніе и способы производства торговли; пристани, города и ярмарки; пути торговыхъ сообщеній, в) Сельскіе промыслы.

Къ сочиненію приложены двѣ, весьма хорошо составленныя карты Смоленской губерніи, на которыхъ показаны: *на одной*— разнаго рода почвы, покрывающія поверхность губерніи, лѣса— съ означеніемъ древесныхъ породъ, ихъ составляющихъ, а также различные промыслы, существующіе въ разныхъ мѣстностяхъ; *на другой* — направленіе внѣшняго и внутренняго сбыта разныхъ земледѣльческихъ произведеній.

Сочиненіе г. Соловьева въ отношеніи полноты не оставляетъ желать ничего болѣе; оно обнимаетъ всѣ стороны хозяйственнаго быта страны и представляетъ ихъ въ живой и отчетливой картинѣ.

Должно къ этому прибавить, что о Смоленской губерніи у насъ не было не только столь полнаго, но и никакого отдѣльнаго сочиненія, которое бы удовлетворяло современнымъ требованіямъ науки, тогда какъ по нѣкоторымъ другимъ губерніямъ уже есть нѣсколько довольно хорошихъ монографій; а теперь Смоленской губерніи посчастливилось пріобрѣсть, въ трудѣ г. Соловьева, такое обстоятельное описаніе, какимъ не могутъ похвалиться, можетъ быть, ни одна изъ нашихъ губерній.

Главныя достоинства, которыми отличается разсматриваемое сочиненіе, состоятъ въ слѣдующемъ:

1) *Правильное употребленіе статистическихъ данныхъ.* Имѣя подъ руками разнаго рода статистическія данныя, авторъ воспользовался ими разумно, по предварительной критической оцѣнкѣ ихъ, повѣряя выводы числовыхъ показаній своими личными наблюденіями. Поэтому и выводимые окончательные результаты вполнѣ заслуживаютъ довѣрія и могутъ быть съ основа-

тельностью употреблены для дальнѣйшихъ заключеній о хозяйственномъ положеніи края.

2) *Изложеніе, сжатое и немногорѣчивое, почти вездѣ имѣетъ характеръ прагматическій.* Какъ въ самой жизни народа всѣ явленія физическаго и хозяйственнаго быта всегда подчинены извѣстнымъ законамъ, то и въ сочиненіи г. Соловьева различныя явленія сего быта представлены въ ихъ взаимной связи и зависимости. Физическія условія мѣстности, племенныя различія народа и его историческая судьба — вотъ три главныя обстоятельства, имѣющія неотразимое вліяніе на образъ и степень физическаго развитія и вещественнаго благосостоянія края. Смотря на предметъ съ такой точки зрѣнія, авторъ подчиняетъ ей все свое изложеніе, и потому собственно статистикѣ губерніи онъ предпослалъ историческій очеркъ оной, въ которомъ событіями прошедшаго времени весьма удачно объясняетъ современное положеніе страны; въ слѣдующемъ за тѣмъ изображеніи физическихъ свойствъ края онъ точно также располагаетъ изложеніе такъ, что читатель самъ въ состояніи судить въ какой степени характеръ мѣстности, геогностическое строеніе, свойства почвы, распредѣленіе водъ и климатъ, имѣютъ вліяніе на жителей и ихъ хозяйственный бытъ.

3) *Полнота изложенія.* Не смотря на то, что сочиненіе о Смоленской губерніи есть монографія, оно не вдается въ множество подробностей, ненужныхъ для общей картины, но вмѣстѣ съ тѣмъ излагаетъ съ большою полнотою все то, что имѣетъ отношеніе къ хозяйственному положенію края. Наибольшею полнотою, какъ и слѣдовало ожидать, отличаются главы 4, 5 и 6.

4) При всѣхъ этихъ достоинствахъ, сочиненіе содержитъ въ себѣ *много свѣдѣній новыхъ*, которыя нигдѣ не были напечатаны, и составляютъ плодъ или собственныхъ наблюденій автора, или розысканій ввѣреннаго ему кадастроваго отряда, или же наконецъ собраны на мѣстѣ изъ разныхъ присутствен-

ныхъ мѣстъ. Изъ числа такихъ новыхъ пріобрѣтеній для науки можно указать слѣдующія:

а) Геогностическое обозрѣніе губерніи (стр. 36—46), составленное на основаніи изслѣдованій одного изъ дѣятелей Смоленскаго кадастроваго отряда (агронома Фельдмана). Это обозрѣніе, по отзыву г. сочлена нашего, генералъ-маіора Гельмерсена, вполнѣ удовлетворительно.

б) Описаніе почвъ, покрывающихъ поверхность губерніи, и изображеніе климатическихъ условій края (стр. 46—86). Выводы о климатѣ сдѣланы на основаніи метеорологическихъ наблюденій еще неизданныхъ, а также на основаніи собранныхъ на мѣстѣ замѣтокъ старожиловъ. Съ сожалѣніемъ должно лишь замѣтить, что вычисленія среднихъ температуръ сдѣланы на старый стиль, неупотребительный въ метеорологіи.

в) Въ главѣ о жителяхъ (стр. 86—152), одной изъ интереснѣйшихъ во всемъ сочиненіи, весьма замѣчательны изслѣдованія автора о движеніи народонаселенія въ Смоленской губерніи; при чемъ какъ въ этой главѣ, такъ и въ слѣдующей, находятся неизвѣстныя еще въ печати данныя о народонаселеніи по 9 ревизіи.

Пріобрѣтеніемъ для науки должно считать и сличеніе данныхъ 8 и 9 ревизій съ метрическими книгами и стараніе изъяснить несогласія этихъ двухъ важныхъ для статистики источниковъ.

г) Послѣднія три главы, посвященныя сельскому хозяйству и разнымъ его отраслямъ, а также изображенію промысловъ и торговли, основаны большею частью на изслѣдованіяхъ, неразлучныхъ съ кадастровою операціею, которою завѣдывалъ г. Соловьевъ, и потому здѣсь много новаго. Весьма важное приращеніе получаетъ наука въ свѣдѣніяхъ, относящихся до количества, распредѣленія и свойства лѣсовъ въ губерніи (стр. 342—360), на основаніи данныхъ, собранныхъ въ новѣйшее время. По этому между прочимъ оказывается возможнымъ съ большою точностью опредѣлить мѣру уменьшенія лѣснаго про-

странства губерніи со времени генеральнаго межеванія, тогда какъ для опредѣленія такого уменьшенія по другимъ губерніямъ нѣтъ положительныхъ данныхъ. Въ Смоленской губерніи подъ лѣсомъ было, во время генеральнаго межеванія (1776 — 78), 51,4% всего пространства (стр. 343); а нынѣ имѣется лишь 31,7% (стр. 345). Если такъ, то въ теченіе послѣднихъ 75 лѣтъ пространство лѣсовъ уменьшилось на 38,3%. Въ донесеніи, представленномъ Императорской Академіи Наукъ, 14 января 1841 г., слѣдственно за 14 лѣтъ предъ симъ, одинъ изъ насъ полагалъ, на основаніи приблизительныхъ соображеній, что въ губерніяхъ, находящихся при Верхней и Средней Волгѣ, количество лѣсовъ со времени генеральнаго межеванія уменьшилось на 30%. Положительныя данныя, представляемыя нынѣ г. Соловьевымъ, оправдываютъ тогдашнія предположенія *).

Цѣну новости имѣютъ также весьма подробныя и основательныя изслѣдованія автора о мѣстныхъ промыслахъ и о торговлѣ разными произведеніями въ Смоленской губерніи.

д) Приложенныя къ сочиненію карты, столь же новы по сочиненію своему, сколь интересны по предметамъ, на нихъ изображеннымъ, и служатъ важнымъ пособіемъ при чтеніи сочиненія.

Соображая все сказанное нами о сочиненіи г. Соловьева, мы полагаемъ, что оно, по полнотѣ и стройности изложенія, по основательности выводовъ и заключеній и по богатству новыхъ данныхъ, составляетъ существенное приращеніе для статистики и потому признаемъ его вполнѣ достойнымъ половинной Демидовской преміи.

---

*) См. Köppen, *Ueber den Wald- und Wasser-Vorrath im Gebiete der obern und mittlern Wolga*, (въ издаваемыхъ гг. Бэромъ и Гельмерсеномъ «*Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs*», ч. IV).

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

Г. СѢВЕРЦОВА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ЯВЛЕНІЯ ВЪ ЖИЗНИ ЗВѢРЕЙ, ПТИЦЪ И ГАДОВЪ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНІИ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

Академикомъ **А. Ѳ. Миддендорфомъ.**

Сочиненіе г. Сѣверцова написано на степень магистра, и слѣдовательно оно есть трудъ-первенецъ молодаго автора; но со всѣмъ тѣмъ оно довольно объемисто, состоя изъ 430 страницъ, и представляетъ собою совершенно новое явленіе въ Русской литературѣ. Содержаніе его имѣетъ основаніе самостоятельное: оно почерпнуто изъ наблюденій, сдѣланныхъ надъ самою природою въ теченіе девяти лѣтъ сряду.

Поэтому, приступая къ разсмотрѣнію столь замѣчательной книги, мы ожидали отъ нея чего-то необыкновеннаго, и на этотъ разъ не ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. Чтеніе ея не только вполнѣ удовлетворило наше любопытство, но и доставило намъ самимъ не мало поученія и удовольствія.

И дѣйствительно, какъ не радоваться побѣдѣ, какую надъ самимъ собою одержалъ авторъ, рѣшившись, при обстоятельствахъ, обыкновенно увлекающихъ молодость въ неизвѣстную даль, посвятить себя исключительно изслѣдованію жизненныхъ проявленій непосредственныхъ окрестностей его родины, — особенно если предпринятый имъ трудъ выполненъ съ такою добросовѣстностью и высокою степенью точности даже въ малѣйшихъ подробностяхъ, какъ въ настоящемъ случаѣ.

Важность труда г. Сѣверцова, въ нашихъ глазахъ, особенно заключается въ томъ, что онъ съумѣлъ употребить на сознательно обдуманное предпріятіе специальныя и совершенно новыя данныя, которыми обогатилъ свое сочиненіе, почерпнувъ

ихъ въ такомъ краѣ, гдѣ со временъ Гмелина не трудился ни одинъ зоологъ.

Между тѣмъ фауна этого края не представляла собою ничего особенно отличительнаго, и могла обѣщать важныя послѣдствія только по той научной стезѣ, которую избралъ себѣ авторъ,— стезѣ именно, проложенной лишь въ новѣйшее время. Для того, чтобы пріобрѣсть заслугу и прославить себя на этомъ полѣ изслѣдованія, не довольно было сравнить фауну Воронежской губерніи, какъ представительницу континентальнаго климата, съ фауною западной Европы; не довольно было воспользоваться тѣмъ обстоятельствомъ, что эта область наблюденія находится на межѣ двухъ столь знаменательныхъ противоположностей, каковы — степь и лѣса; надобно было вовсе покинуть избитую, обыкновенную тропу и искать главнѣйшихъ цѣлей зоологической географіи не въ подробномъ, хотя и сравнительномъ, исчисленіи животныхъ породъ изслѣдуемой страны, а на-противъ того, въ разрѣшеніи несравненно труднѣйшей задачи, т. е. въ опредѣленіи той тѣсной связи, которая существуетъ между отличительными свойствами данной фауны и особенностями какъ той почвы, на которой она живетъ, такъ и того климата, въ которомъ она дышетъ и развивается. Что такая связь должна существовать и существуетъ въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; вся трудность состоитъ въ томъ, чтобы показать, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, въ какой мѣрѣ мы имѣемъ предъ собою самый *законъ*, т. е. проявленіе типической силы предлежащего вида животныхъ или даже предлежащаго недѣлимаго, и въ какой мѣрѣ только одну *случайность*, т. е. измѣненіе въ образѣ выраженія этой силы отъ вліянія какихъ либо внѣшнихъ обстоятельствъ. Успѣхъ въ этомъ трудномъ предпріятіи зависитъ отъ того, достаточно ли приготовленъ наблюдатель и умѣетъ ли онъ сохранить необходимый при такихъ мелочныхъ наблюденіяхъ общій обзоръ.

Хотя я и не вездѣ соглашаюсь съ видами автора, — что и весьма естественно, отчасти по новизнѣ предмета, а отчасти по-

тому, что во многихъ случаяхъ еще не имѣется достаточнаго запаса наблюденій для произнесенія конечнаго приговора; однако могу объявить, не обинуясь, что авторъ разрѣшилъ свою задачу съ большою осмотрительностью и весьма добросовѣстно. Къ сожалѣнію, самое свойство сочиненія, составленнаго изъ безчисленныхъ спеціальныхъ наблюденій, не дозволяетъ намъ, для подтвержденія нашего приговора, слѣдовать за авторомъ во всѣ мелочныя подробности, изъ которыхъ онъ извлекаетъ общіе свои выводы. Цѣль наша: представить здѣсь только такой разборъ сочиненія, который далъ бы возможность членамъ коммиссіи Демидовскаго конкурса, созванной изъ представителей самыхъ разнородныхъ наукъ, образовать себѣ объ немъ сравнительное сужденіе.

Изъ предисловія (стр. I—XXXV) мы видимъ, что авторъ обозрѣваетъ свой предметъ съ высшей исторической точки и не преминулъ ознакомиться съ ходомъ туземной и иностранной литературы по своей части. Онъ старается развить мысль, что нынѣ, когда физическая географія и климатологія достигли такой высокой степени совершенства, и по миновавіи періодовъ систематики, анатоміи и исторіи развитія животныхъ, настало время обратить главное свое вниманіе на жизненныя явленія животнаго міра.

Истинно академическіе труды рѣдко признаются современниками и обыкновенно оцѣниваются, по своему достоинству, только потомками. Отрадно видѣть, что юное наше поколѣніе туземныхъ ученыхъ въ такой мѣрѣ проникнуто сознаніемъ заслугъ великаго Палласа, какъ г. Сѣверцовъ *); и если на ряду съ положительными трудами Глогера, служив-

*) Мы охотно прощаемъ автора, что онъ, на 2-й страницѣ предисловія, немного самовластно, какъ бы отъ своего имени, придаетъ незабвенному изслѣдователю природы прозваніе «неизбѣжнаго». Въ изданной за пять лѣтъ тому назадъ статьѣ моей: Ueber die als Bastarde angesprochenen Mittelformen zwischen Lep. europ. Pall. und Lep. variabilis (Bulletin Phys.-mathém., t. IX, № 14) сказано было: «Pallas, dem die Zoographie Russlands den Beinamen des Unvermeidlichen geben müsste».

шими нашему автору исходною точкою, также выставлены на показъ грубые промахи умозрительнаго конкурснаго сочиненія Серра (Serres), которое въ 1828 году было увѣнчано такими учеными, каковы Темминкъ и Шлегель, то этимъ самымъ не только указано на успѣхи, какіе въ послѣднюю четверть вѣка сдѣлала та отрасль зоологіи, которой посвятилъ себя авторъ, но и мы сами для предстоящаго случая можемъ извлечь намекъ, что присудители премій только тогда идутъ вѣрнымъ путемъ, когда требуютъ, чтобы выводимые состязателемъ новые общіе законы были основаны на обильномъ запасѣ спеціальныхъ и самостоятельныхъ наблюденій. Образъ такихъ обобщеній можетъ устарѣть и быть уничтоженъ ходомъ новыхъ успѣховъ; но добросовѣстныя наблюденія останутся въ своей цѣнѣ и всегда будутъ надежною основою для послѣдующихъ созиданій; а во всякомъ случаѣ за ними останется заслуга, что они въ такомъ или другомъ сочетаніи имѣли возбудительное вліяніе на ходъ науки.

Нашъ авторъ поставилъ себѣ задачею прежде всего точнѣйше наблюдать бытъ и явленія жизни воздуходышущихъ животныхъ своей родины; но вмѣстѣ съ тѣмъ, убѣжденный въ тѣсной связи данныхъ явленій съ внѣшними вліяніями, онъ пытался раскрыть то непрерывное сцѣпленіе, которымъ свойственныя его наблюденіямъ данныя связаны съ климатомъ его родины, въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова, т. е. обусловливаются имъ.

Исходя отъ географическаго положенія Воронежской губерніи, г. Сѣверцовъ сначала установляетъ физико-географическій характеръ этой, расположенной на знаменитомъ черноземѣ, пограничной области между лѣсомъ и степью; а затѣмъ, съ достохвальнымъ искусствомъ и съ большою самостоятельностью, развиваетъ глубокую связь между жизнью животныхъ и геогностическимъ свойствомъ земныхъ слоевъ въ разныхъ мѣстностяхъ изслѣдуемаго имъ края. На этомъ едва еще затронутомъ полѣ связи между геологіею и зоологіею авторъ указалъ на та-

кія отношенія, изображеніе которыхъ едва ли кому удавалось въ такой степени. Если и нельзя не принять въ расчетъ, что благопріятныя мѣстныя отношенія болѣе обыкновеннаго содѣйствовали автору, — какъ между прочимъ болѣе замѣтное въ Воронежской губерніи, чѣмъ гдѣ либо, совпаденіе естественныхъ различій физическихъ очертаній страны съ соотвѣтственными разностями геогностическаго свойства почвы, — то все же остается довольно простора для признанія того, чѣмъ мы обязаны здравой его наблюдательности. Начиная отъ русла рѣки вдоль по ея долинѣ и вверхъ по ея склонамъ до высокой степи, тамъ гдѣ она въ качествѣ плоско-возвышеннаго водораздѣла всего болѣе носитъ характеръ сухой степи, авторъ вводитъ насъ въ особенности страны, нигдѣ не теряя изъ виду главной своей руководящей идеи (см. примѣч. 1-е въ концѣ статьи).

Отъ разсмотрѣнія геогностическаго напластованія страны онъ переходитъ къ изслѣдованію значенія подпочвы. Здѣсь задача его становится уже гораздо легче. Нигдѣ не можетъ быть важнѣе, какъ въ этихъ сухихъ странахъ, знать, удерживаетъ ли подпочва воду или даетъ ли она ей просачиваться; достигается ли какая либо мѣстность вешними разливами или нѣтъ? А посему и то обстоятельство, о которомъ столько было писано, что одинъ берегъ Россійскихъ рѣкъ — нагорный — высокъ, въ противоположность другому, низменному, пріобрѣтаетъ особенную важность. И въ этомъ отношеніи авторъ самостоятельно развиваетъ свой собственный, основательный взглядъ (стр. 3 и 417).

Съ степенью влажности и съ другими побочными состояніями почвы въ этихъ сухихъ странахъ природа растительности тѣснѣе связана, чѣмъ гдѣ либо, а особенно лѣсистость или безлѣсіе; и такимъ образомъ авторъ естественно переходитъ къ разсмотрѣнію двухъ главныхъ отдѣловъ животной жизни, къ лѣснымъ и степнымъ животнымъ. И здѣсь также онъ основательно различаетъ первобытное состояніе степи отъ тѣхъ перемѣнъ, которыя произведены въ немъ вліяніемъ человѣка; и здѣсь намъ открываются существенно но-

выя точки зрѣнія для исторіи животныхъ, этой важной отрасли знанія, которая понынѣ еще почти вовсе неразработана (см. примѣч. 2-е въ концѣ статьи).

Не довольствуясь полнымъ исчисленіемъ всѣхъ дышущихъ легкими позвоночныхъ животныхъ своей области, авторъ, по установленіи тѣхъ породъ, которыя тамъ водятся, — а именно: 212 птицъ, 32 млекопитающихъ, 12 земноводныхъ (стр. 35), — разсматриваетъ ихъ, начиная отъ времени ихъ весенняго пробужденія или прибытія изъ дальнихъ странъ, чрезъ всѣ житейскія ихъ отношенія, и особенно фазы развитія ихъ приплода, по возможности, до самаго исчезанія ихъ осенью. Только немногія животныя (между прочимъ 27 осѣдлыхъ птицъ) остаются тамъ круглый годъ, и слѣдовательно могли быть наблюдаемы въ теченіе всего года. Еще рѣже зимніе гости. Нѣсколько легкихъ намековъ достаточны, чтобы показать, въ какую обильную, но вмѣстѣ трудную область наблюденія углубился авторъ.

Уже самое первое начало — прибытіе перелетныхъ птицъ, есть, какъ извѣстно, весьма многосложная и едва только початая задача; но нашъ наблюдатель слѣдитъ своихъ пришельцевъ до самыхъ разнообразнѣйшихъ убѣжищъ, которыя они избираютъ себѣ каждый, смотря по своей природѣ, по своимъ особеннымъ прихотямъ, или, вѣрнѣе сказать, потребностямъ, которыя нерѣдко являются весьма странными, но всегда существенно обусловливаются особенностію ихъ организаціи. Такимъ образомъ, онъ, по слѣдамъ своихъ путеводителей, вдается во всѣ частности топографической зоологіи, проникаетъ во всѣ тайники чадорожденія, которое наитѣснѣйше связано съ топографіею. Но въ органической природѣ нѣтъ застоя. Изъ своихъ импровизированныхъ жительствъ, родители ежедневно, часто въ опредѣленное время и даже въ извѣстный часъ (какъ то на-пр. aquila imperialis, стр. 170; circ. cyaneus, стр. 173), нерѣдко точно опредѣленными путями предпринимаютъ свои полеты для добыванія себѣ пищи. Вскорѣ и птенцы

способны слѣдовать за ними. То семейства вовсе не возвращаются къ мѣстамъ прежнихъ своихъ гнѣздъ, то вмѣстѣ съ подвигающимся временемъ года идутъ все далѣе и далѣе впередъ; избираютъ себѣ мѣстности совсѣмъ другаго рода, чѣмъ первоначальныя; переселяются или предаются бродячей жизни и т. д. Все это — вообще извѣстные факты; но они еще никогда не были въ Россіи развиваемы съ такою послѣдовательностію, а между тѣмъ нигдѣ въ Европѣ не было такъ нужно прослѣдить эти отношенія, какъ именно въ восточной части Россіи. Явленія континентальнаго климата: эти крутыя противоположности, эти крайнія колебанія температуры во время весны, это внезапное наступленіе лѣта, эта неслыханная лѣтняя засуха, превращающая страны въ пустыни, гдѣ еще весною все кипѣло органическою жизнью, — все это такіе скачки въ нормальныхъ жизненныхъ условіяхъ животныхъ, которые на западѣ встрѣчаются только намеками и которыя можно прослѣдить тамъ только на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ породахъ, между тѣмъ какъ онѣ въ сказанной полосѣ Россія выразились съ такою рѣшительною общностью, которая даетъ возможность проглядывать существенное сцѣпленіе явленій въ гораздо болѣе явственномъ видѣ, чѣмъ гдѣ либо. Г. Сѣверцовъ весьма ловко и рачительно воспользовался этими благопріятными обстоятельствами, и исходя вездѣ отъ климатическихъ условій, раскрылъ въ этомъ направленіи, рѣзче чѣмъ до него было сдѣлано, происходящія во время лѣта многоразличныя приготовленія или собственно предварительныя упражненія къ осеннимъ странствованіямъ животныхъ (см. примѣч. 4-е въ концѣ статьи).

Если мы поставили здѣсь на видъ заслуги нашего автора на одномъ только вышесказанномъ полѣ зоологіи, то считаемъ тѣмъ болѣе долгомъ своимъ показать, что главную заслугу онъ пріобрѣлъ себѣ въ отношеніи къ линянію, оперенію и сопряженнымъ съ этими вопросами разысканіямъ о «видахъ», «видоизмѣненіяхъ», и т. д., тѣмъ болѣе, что онъ и здѣсь исходною

своею точкою вездѣ принялъ вліяніе климатическихъ особенностей. Со временъ первыхъ усилій Глогера, дѣлающихъ эпоху въ исторіи зоологіи, этотъ предметъ въ Россіи еще никѣмъ не былъ обработанъ такъ послѣдовательно и такъ многосторонно. Если я сказалъ: въ Россіи, то это именно потому, чтобы очистить себя отъ всякаго подозрѣнія въ преувеличиваніи; но мы смѣло можемъ включить сюда и чужіе краи, гдѣ, правда, со временъ Глогера, въ сотняхъ диссертацій явились весьма уважительные намеки для сказаннаго предмета, однако не вышло ни одной попытки топографической зоологіи такого рода, какъ предлежащая.

Мы далеки отъ того, чтобы ставить трудъ отдѣльнаго молодаго естествоиспытателя, результатъ только девятилѣтнихъ, да и то нерѣдко прерывавшихся наблюденій, относительно полноты въ одинъ рядъ съ такими, на-примѣръ, какъ труды Науманновъ. Имъ предшествовалъ цѣлый сонмъ пытливыхъ наблюдателей и они сами трудились на основаніи наслѣдственно, чрезъ многія поколѣнія къ нимъ перешедшихъ, преданій, на одномъ и томъ же самомъ полѣ наблюденія. Это впрочемъ вполнѣ сознаетъ и самъ авторъ. Но за всѣмъ тѣмъ мы, по справедливости, можемъ желать естествовѣдцамъ Германіи, чтобы вскорѣ вышелъ въ свѣтъ Нѣмецкій переводъ сочиненія г. Сѣверцова, потому что чрезвычайно много зависитъ отъ той методы, по которой производятся наблюденія: она какъ бы открываетъ собою новую колею, по которой можно дойти до важныхъ открытій; и я съ своей стороны сознаюсь, что въ послѣднее время тщетно искалъ такого труда, который бы хотя приблизительно столь пристально удерживалъ въ виду одну изъ конечныхъ цѣлей зоологической географіи, какъ разбираемое здѣсь сочиненіе.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ тотъ отдѣлъ сочиненія, который относится къ линянію и къ сопряженнымъ съ нимъ измѣненіямъ цвѣта. Въ немъ собрано обильное сокровище дѣльныхъ наблюденій. Но мы не можемъ войти здѣсь

въ его разсмотрѣніе, потому что это завлекло бы насъ въ такія частности, которыя были бы неумѣстны въ нашемъ разборѣ. Достаточно будетъ намекнуть, что и въ этой трудной главѣ авторъ не уклонился отъ путеводной мысли всего сочиненія,— внутренней связи явленій животной жизни съ климатическими отношеніями страны. Конечно, по самому существу дѣла здѣсь должно встрѣчаться болѣе проблематическаго, чѣмъ въ началѣ сочиненія. Тѣмъ болѣе затронутые г. Сѣверцовымъ любопытные вопросы должны подстрекать къ конечному ихъ разрѣшенію, и нельзя не признать въ этомъ отношеніи заслуги автора.

Найденныя Глогеромъ основныя идеи не только подтверждены наблюденіями г. Сѣверцова, какъ на-пр. вліяніе континентальнаго климата на развитіе рыжеватаго пигмента (стр. 336, 341), неизмѣняемость сѣраго цвѣта (стр. 321); но отчасти повѣрены ими (стр. 356); какъ на-пр. такъ называемая южная окраска, и во многихъ отношеніяхъ значительно расширены, не говоря уже о распространеніи на голенастыхъ и водяныхъ, которыя у Глогера остались, какъ извѣстно, вовсе нетронутыми.

Еще мы могли бы привести множество отдѣльныхъ любопытныхъ наблюденій, относительно разныхъ важныхъ явленій животнаго міра; но мы считаемъ нами сказаннаго достаточнымъ для того, чтобы объяснить значеніе предлежащей книги по части научной зоологіи.

Затѣмъ, чтобы не умолчать также о слабыхъ сторонахъ сочиненія, скажемъ нѣсколько словъ о выставленномъ г. Сѣверцовымъ на заглавномъ листѣ эпиграфѣ. Основная мысль этого мотто безъ сомнѣнія побудила автора къ его избранію — въ этомъ свидѣтельствуетъ безприкрасный характеръ всей его книги; но выраженіе этой мысли нѣсколько отзывается тѣмъ стремленіемъ къ эффекту, которымъ заражено новѣйшее время, и хотя мы, къ счастію, не имѣемъ ни малѣйшаго повода уличить самого автора въ этомъ недостаткѣ, противномъ истинной наукѣ, однако

должны замѣтить, что этотъ эпиграфъ, на вывѣскѣ чисто ученаго изслѣдованія, а притомъ какъ возгласъ къ высшему ученому сословію, нѣсколько неумѣстенъ. «Три вершка ближайшаго болота»! Что сталось бы изъ всего труда г. Сѣверцова и какая была бы его цѣнность, еслибы онъ не былъ основанъ на результатахъ обширнѣйшихъ изслѣдованій, противоположности континентальнаго климата съ приморскимъ? Даже и самая ограниченная въ своихъ желаніяхъ лягушка не можетъ довольствоваться тремя вершками болота! — а подавно ученый.

Еще опаснѣе было предубѣжденіе въ слѣпомъ «jurare in verba magistri», которое возбуждало во мнѣ противъ книги автора это неумѣстно взятое изъ лекцій учителя изрѣченіе. Но и это опасеніе вполнѣ опровергнуто самостоятельностью содержанія всего труда, и сказанное мотто является уже столь рѣдкимъ нынѣ выраженіемъ благодарности къ наставнику, который умѣлъ возбудить въ своемъ слушателѣ дѣятельную любовь къ преподаваемому имъ предмету.

Главный недостатокъ всего сочиненія мы находимъ въ впечатлѣніи нѣкоторой запутанности, которое оно оставляетъ даже въ читателѣ — знатокѣ предмета. Конечно это есть отчасти послѣдствіе преизбытка въ отдѣльныхъ фактахъ, которые непрерывно слѣдуютъ одинъ за другимъ на каждой страницѣ; но за всѣмъ тѣмъ нельзя не признать, что авторъ не вполнѣ совладалъ съ своимъ матеріаломъ и какъ непривычный къ книжному дѣлу былъ, такъ сказать, побѣжденъ техническими его трудностями. Отъ этого произошли частыя повторенія, помѣщеніе инаго уже всѣмъ извѣстнаго, и вообще недостатокъ надлежащей сжатости, что весьма затрудняетъ читателя обозрѣть содержаніе цѣлаго сочиненія или отыскивать отдѣльныя его частности. Не смотря на большой трудъ, приложенный, по видимому, авторомъ на расположеніе своего матеріала съ точки естественной связи и единства, онъ не совсѣмъ успѣлъ въ этомъ дѣлѣ. Иныя главы скорѣе представляютъ намъ на-

боръ скопленныхъ, правда не безъ дальновидныхъ цѣлей, матеріаловъ, чѣмъ искусно обработанное цѣлое. Но мы должны повторить здѣсь, что это почти нельзя вмѣнить автору въ упрекъ, потому что область, за которую онъ взялся, еще слишкомъ нова и разработка ея представляетъ такія трудности, что и большая часть прежнихъ подобныхъ попытокъ были одержимы тѣмъ же самымъ недостаткомъ, такъ сказать неразлучнымъ съ самымъ предметомъ.

Младенческому состоянію избраннаго авторомъ зоологическаго направленія должно приписать также то, что включенныя имъ, не безъ основанія, наблюденія температуры являются еще собственно только роскошью, или умѣреннѣе сказать, матеріаломъ, приготовленнымъ для будущихъ, менѣе свѣдущихъ въ источникахъ, изыскателей.

Какъ ни высоко ставимъ мы усиліе автора выводить всѣ періодическія явленія въ животномъ мірѣ изъ климатическихъ причинъ, однако онъ въ этомъ дѣлѣ идетъ иногда уже слишкомъ далеко, рѣшительно дальше, чѣмъ дозволяютъ положительныя наши познанія. Подтвердимъ это сужденіе наше примѣромъ. Обстоятельное и весьма необходимое изслѣдованіе перелетовъ, переселеній, сходбищъ и т. д. разныхъ животныхъ ведетъ автора къ совершенному отрицанію «инстинкта переселенія» (стр. 193—228). Не скрывая нашего удовольствія о томъ, что автору удалось доказать, какъ самыя рѣшительныя странствія животныхъ пріуготовляются предшествующими имъ, малозамѣтными низшими степенями того же самаго явленія, мы однако должны замѣтить, что для насъ не трудно было бы привести изъ чужихъ и собственныхъ нашихъ опытовъ множество обстоятельствъ, свидѣтельствующихъ, что перелетъ птицъ въ высшей его степени не можетъ быть исключительно объясняемъ ни ближайше, ни отдаленно предшествовавшими внѣшними вліяніями.

Также точно, какъ мы ничего не знаемъ о побудительномъ движущемъ началѣ (principium movens), которое заставляетъ

развиваться изъ даннаго зародыша именно ту или другую форму животныхъ, а изъ другаго, даже микроскопически въ точности ему соотвѣтствующаго, другую опредѣленную форму животныхъ, и какъ мы по справедливости это неизвѣстное нѣчто представляемъ себѣ подъ опредѣленнымъ именемъ, на пр. «типической силы», такъ мы въ правѣ говорить о врожденныхъ наклонностяхъ звѣрей, т. е. о врожденныхъ образахъ дѣйствія мозговаго органа, которые основаны на самомъ его строеніи, но о способѣ происхожденія которыхъ мы едва имѣемъ предчувствіе. Конечно слово «наклонность» или «инстинктъ» никогда не должно быть усыпительнымъ, какъ оно долго было для старинной школы; но и молодая школа должна съ своей стороны остерегаться слишкомъ дальнихъ отступленій отъ старины, потому что это могло бы завести ее въ такую глушь, изъ которой она не нашла бы себѣ и выхода. Отъ чего же произошла древняя классическая поговорка «naturam furca expellas, tamen usque recurrit», какъ не отъ того, что всякій безпристрастный наблюдатель сознаетъ въ животномъ тѣлѣ какое то непреодолимое внутреннее стремленіе, которое, на перекоръ всѣмъ внѣшнимъ явленіямъ, противится имъ и не рѣдко даже превозмогаетъ ихъ. Присоединимъ къ тому еще весь сонмъ привычекъ, о которыхъ извѣстно, что онѣ если будутъ правильно продолжаемы или упражняемы изъ рода въ родъ, обращаются во вторую природу, въ врожденную природную наклонность, которая уже не требуетъ болѣе упражненія. Противники возразять намъ, что это именно и служитъ разительнымъ доказательствомъ всесильнаго вліянія внѣшнихъ дѣйствій на организмъ. Это справедливо; но только въ томъ предположеніи, что эти внѣшнія вліянія регулярно и продолжительно возобновляются все точно тѣмъ же образомъ. Измѣнчивыя же и неправильныя вліянія, обыкновенно попадающіяся въ природѣ и свойственныя непостоянному климату, встрѣчаютъ со стороны самоохранительной дѣятельности каждаго организма самое рѣшительное сопротивленіе и по большей части побѣждаются

ею. Посему юная школа, вступившая въ союзъ съ климатомъ, да остерегается могучаго врага — врожденной природы; — а не то она будетъ нерѣдко хвалиться побѣдами, тамъ, гдѣ собственно говоря, претерпѣла только пораженія.

Въ заключеніе я полагаю, что общее впечатлѣніе, которое я имѣлъ въ виду произвесть симъ разборомъ на моихъ читателей, можетъ быть выражено въ слѣдующихъ словахъ. Предлежащій трудъ свидѣтельствуетъ о необыкновенной способности къ наблюденіямъ, усердіи и добросовѣстности автора. Сочиненіе его заключаетъ въ себѣ богатый запасъ драгоцѣнныхъ для науки матеріаловъ, плодъ многолѣтнихъ, самостоятельныхъ наблюденій, и всѣ они подведены подъ одну господствующую мысль, развившуюся изъ того обильнаго надеждами направленія, какое въ послѣднее время сообщено зоологіи.

Съ сочиненія г. Сѣверцова начинается новый отдѣлъ исторіи зоологической литературы въ Россіи; когда же оно сдѣлается доступнымъ западу, то можно ожидать, встрѣтитъ, по новизнѣ своей, самый лестный пріемъ и, скажу даже болѣе, произведетъ благодѣтельное вліяніе на ходъ современной орнитологической журналистики.

Если я, за всѣмъ тѣмъ, предлагаю присудить этому труду не полную, а половинную премію, то побуждаюсь къ тому съ одной стороны строгостью личнаго моего взгляда на значеніе первостепенной награды, а съ другой соображеніемъ нѣкоторыхъ недостатковъ, изобличающихъ въ этомъ сочиненіи трудъ первенецъ. Съ какимъ впрочемъ убѣжденіемъ я произношу похвальный мой отзывъ, въ этомъ всякій можетъ удостовѣриться изъ того, что, выступая изъ тѣсныхъ предѣловъ, предписываемыхъ положеніемъ о Демидовскихъ наградахъ, я выражаю предъ лицомъ Академіи мое сожалѣніе о томъ, что ей не присвоено право признать автора подобнаго произведенія непосредственно докторомъ. Этого мало, я считаю долгомъ своимъ выразить мое мнѣніе, что, во вниманіе такого образчика трудовъ г. Сѣверцова, для Академіи было бы непростительно не пріискать мѣръ и

средствъ къ тому, чтобы столь способный, трудолюбивый и добросовѣстный сподвижникъ могъ перенести свои дарованія на одно изъ богатѣйшихъ и благопріятнѣйшихъ полей, какія столь обильно представляетъ наша обширная имперія дѣятельности наблюдателя. Съ своей стороны я предлагаю неизслѣдованныя еще страны къ востоку отъ Аральскаго моря и вверхъ по главному его притоку, доколѣ онъ окажется доступнымъ, какъ тотъ именно край, гдѣ наисильнѣйше долженъ проявляться характеръ континентальности.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Сличи на стр. 6 наблюденіе, что *кривокъ*, Haematopus ostralegus, бываетъ тамъ постояннымъ спутникомъ зеленаго песчаника; далѣе на стр. 9 указавіе, что многіе звѣри на-пр. сурки избѣгаютъ мѣла тамъ, гдѣ онъ выступаетъ наружу непосредственно подъ ковромъ растительности (стр. 94): также замѣчаніе, что Athene noctua, за недостаткомъ мѣловыхъ обрывовъ, становится домашнимъ животнымъ (стр. 110) и пр.

2) Ближайшіе по сродству виды раздѣляются, на основаніи наблюденій автора, на такія, которыя не оставляютъ лѣсныхъ странъ, какъ то сорока (стр. 179), Limosa melanura (стр. 101); и на такія, которыя безъ всякаго опасенія выходятъ въ степь (Corv. frugilegus, cornix). Другія, напротивъ того, свойственны окраинамъ лѣсовъ, какъ извѣстно Pic. canus; стр. 73. Изъ 13 млекопитающихъ степи, 11 живутъ въ норахъ и тѣмъ самымъ уклоняются отъ крайнихъ климатическихъ колебаній внутренней степи (стр. 391). По той же самой причинѣ, согласно наблюденію автора, по ту сторону Волги степные грызуны водятся чаще (стр. 191). Далѣе стр. 93 авторъ различаетъ коренную или первоначальную степь отъ измѣненной земледѣліемъ, коснувшись уже прежде того вліянія, какое расчистка лѣсовъ производитъ на обстановку края животными (стр. 50). Онъ приводитъ намъ такихъ животныхъ,

которыя умѣютъ принаравливаться къ измѣненіямъ, производимымъ воздѣлкою почвы, или которымъ эти измѣненія полезны (на-пр. стр. 96 Perd coturnix); а съ другой стороны и такихъ, которыя вытѣсняются воздѣлываніемъ (стр. 109, 110, 181), при чемъ разные способы земледѣлія оказываютъ разное вліяніе. Особенно любопытны замѣчанія (стр. 167), что Corv. frugilegus въ естественномъ состояніи бываетъ болѣе насѣкомоѣдомъ, и только по введеніи земледѣлія дѣлается почти исключительно зерноѣдомъ; (стр. 110), что Athene noctua становится домашнимъ животнымъ тамъ, гдѣ нѣтъ мѣловыхъ обрывовъ, гдѣ бы она могла гнѣздиться; (стр. 21), что Col. oenas съ немногими исключеніями попадается почти только какъ домашнее животное, а Col. livia даже только какъ таковое; (стр. 68 и 111), что отдѣльная сосна еще понынѣ свидѣтельствуетъ о переходномъ состояніи, будучи, такъ сказать, облѣплена тысячами гнѣздъ Hir. Lagopoda, которыя тамъ, за исключеніемъ этой единственной сосны, гнѣздятся только у домовъ, а съ 1848 года вслѣдствіе того, что Hir. domestica была постигнута холерою, Hir. Lagopoda начинаетъ занимать ея гнѣзда у домовъ.

Наконецъ, мы должны упомянуть о показаніи (стр. 16, 17), что медвѣди, Antil. Saiga, Corv. pygargus, Sus scrofa, Cart. fiber мало по малу совершенно вывелись, какъ то можно доказать разными свидѣтельствами.

3) Это такой отдѣлъ, который съ разу даетъ знатоку мѣрило образа воззрѣнія г. Сѣверцова. Здѣсь приведены только 3 новыхъ вида, изъ которыхъ однаго, имъ самимъ установленнаго, Pod. palustris, авторъ уже готовъ покинуть, какъ разность Pod. cornutus (стр. 35), между тѣмъ какъ онъ еще придерживается второй, т. е. своего Astur brevipes, съ привязанностью родителя къ своему чаду, потому что это есть болѣе рѣшительное видоизмѣненіе. Третій новый видъ есть Ficedula prasina Rouill., который ближе всего подходитъ къ T. sibilatrix. Sitta uralensis и europaea сливаются въ одну породу (стр. 419, 421); Lan. phoenicurus исчезаетъ въ породѣ Lan. collurio (стр. 325);

Circus cineraceus и pallidus одно и тоже, какъ уже доказалъ Шлегель, и авторъ даже отваживается еще болѣе въ область опаснаго, утверждая, что и Circ. cyaneus слѣдуетъ подвести подъ одну и туже породу съ двумя вышепоименованными, подъ именемъ C. pygargus. F. islandicus, sacer, candicans и gyrfalco сливаются вмѣстѣ (стр. 349, 350). Такимъ же образомъ онъ и изъ земноводныхъ причисляетъ Lac. stirpium къ Lac. viridis (стр. 88, 384) и считаетъ R. cachinnans за очень старыхъ R. esculenta (стр. 385).

Сюда же принадлежатъ также нѣкоторыя наблюденія относительно измѣненій въ ростѣ разныхъ птицъ (слич. стр. 73 и 370).

4) Касательно времени прибытія перелетныхъ птицъ авторъ весьма прилично и естественно различаетъ (стр. 41): 1) время таянія снѣговъ, 2) время разлитія рѣкъ, 3) время вырастанія травъ и 4) время появленія листьевъ. Такъ равно и осенью — три главные момента отлета птицъ (стр. 203): 1) время листопада, 2) время выпаданія перваго снѣга и 3) время замерзанія озеръ, изъ которыхъ каждое обозначаетъ собою наступленіе соотвѣтственнаго скачка температуры.

Съ большимъ раченіемъ авторъ прослѣдилъ связь между странствованіемъ птицъ и перемѣнами температуры, измѣненіями влажности воздуха, стоянія воды и т. д. (стр. 214 и др.)

Основываясь на запасѣ собственныхъ наблюденій, мы не можемъ не считать довольно важнымъ замѣчаніе, что одинъ и тот-же видъ птицъ, смотря по обстоятельствамъ, то едва оказываетъ слѣды умѣреннаго странствованія, то съ перемѣною побудительныхъ причинъ, становится рѣшительно перелетною птицею. Въ сочиненіи г. Сѣверцова мы встрѣчаемъ тому многочисленныя подтвержденія. Авторъ по справедливости видитъ въ самыхъ ежедневныхъ наблюденіяхъ относительно теченія иныхъ птицъ послѣ вывода птенцовъ, первые слѣды этого инстинкта, такъ на-пр. (стр. 145) въ удаленіи водяныхъ птицъ изъ высыхающихъ озеръ, при одновременномъ появленіи цаплей,

которыя гонятся за обнаруживающимися вслѣдствіе этого обстоятельства рыбами; постепенное появленіе выводковъ птицъ въ побочныхъ рѣкахъ и конечное ихъ совокупное выплываніе въ главную рѣку (стр. 146, 152); странствованіе къ сѣверу разныхъ болотныхъ птицъ по окончательномъ выводѣ птенцовъ (стр. 150); появленіе Pic. canens въ деревняхъ, Lan. minor на песчаныхъ пространствахъ (стр. 78). И мы съ этой точки зрѣнія вполнѣ соглашаемся съ г. Сѣверцовымъ, если онъ придаетъ особенную важность тому, что наблюденіе прибытія и времени прилета птицъ даетъ менѣе поясненій, чѣмъ наблюденіе улета птицъ, которое постепенно развивается передъ нашими глазами.

Важныя возраженія, которыя намъ конечно бросаются въ глаза, мы охотно перейдемъ молчаніемъ при видѣ той основательности, съ какою авторъ старался слѣдить за главнѣйшими моментами улета. Укажемъ еще разъ на многоразличныя любопытныя данныя (стр. 203 до 214) и на важное наблюденіе, сколь разнообразны приготовленія къ течкѣ у разныхъ видовъ птицъ (стр. 215), а въ особенности, что улетъ каждой отдѣльной породы сопряженъ съ болѣе или менѣе существеннымъ измѣненіемъ въ бытѣ остающихся еще пока на мѣстѣ перелетныхъ птицъ (стр. 217). Одинъ довольно извѣстный фактъ мы находимъ у г. Сѣверцова, если не ошибаемся, въ первый разъ научно выраженнымъ въ слѣдующемъ положеніи: ни одна перелетная птица не странствуетъ во время наибольшей температуры дня, (стр. 236). Очень дѣльно авторъ развиваетъ изъ самаго образа питанія птицъ необходимость одинокихъ или совокупныхъ странствованій (стр. 228).

Мы довольствуемся здѣсь этими урывками, не вдаваясь въ любопытныя подробности, которыми такъ изобилуетъ сочиненіе, какъ то на-пр. (стр. 180) едва вѣроятное количество Otis tetrax, которыя въ одно время показались стаями по нѣскольку тысячъ вдругъ и т. д.

5) Сколько мы ни охотно соглашаемся съ нѣкоторыми изъ положеній г. Сѣверцова, однако должны признать другія слишкомъ отважными и едва ли стойкими. Сличите на-пр. утвержденія, будто обильная зимняя шерсть млекопитающихъ именно должна быть приписываема болѣе обильному лѣтнему питанію волосныхъ корешковъ (стр. 377); будто разности въ цвѣтахъ птицъ и земноводныхъ могутъ быть непосредственно объяснены изъ бо̀лѣе или мѐнѣе непосредственнаго освѣщенія солнцемъ изъ жаркихъ и сухихъ, или на оборотъ дождливыхъ временъ года, въ продолженіе которыхъ развивается перната ихъ одежда (стр. 321, 323, 88, 89, 91 384); даже такъ, что чѣмъ знойнѣе лѣто, тѣмъ ярче бываетъ рыжеватость на брюшкѣ взрослыхъ самокъ F. rufipes, и тѣ Str. noctua тѣмъ краснѣе, которыя обыкновенно раньше днемъ вылетаютъ изъ своихъ убѣжицъ (стр. 323), чѣмъ прочія; будто напр. молодые Aq. imperialis разной окраски выходятъ изъ разныхъ гнѣздъ, смотря потому были ли они выведены въ тѣни или на солнцѣ; будто быстрота и болѣзненность линянія соразмѣряются плодородіемъ животнаго (стр. 297). Далѣе укажемъ на слишкомъ отважныя утвержденія, будто бо̀льшая осторожность птицъ во время линянія можетъ быть объяснена усиленною ихъ нервозностью (стр. 298); отчего же тогда драхва столь крѣпко лежитъ въ бурьянахъ во время линянья? (стр. 305); объясненіе, будто разность въ перьяхъ домашней и дикой утки происходитъ отъ болѣзненнаго состоянія послѣдней (стр. 308); будто одежда C. cineraceus состоитъ въ непосредственной зависимости отъ степени влажности воздуха въ мѣстѣ пребыванія этой птицы (стр. 76); будто считать можно климатическимъ различіемъ то, что Milv. ater близъ Москвы линяетъ уже въ іюнѣ мѣсяцѣ, между тѣмъ, какъ онъ еще въ августѣ улетаетъ съ Дона неполинявши (стр. 343).

Слишкомъ далеко повело бы насъ, еслибъ мы вдались также въ разборъ измѣненія одежды подъ старость, особенно у хищныхъ птицъ, надъ чѣмъ г. Сѣверцовъ производилъ весьма

точныя наблюденія (сличи на-пр. стр. 330, 331, 339 Aq. imperialis, и особенно Aq. clanga).

6) Мы однако не можемъ воздержатся, чтобы не указать въ этомъ примѣчаніи на нѣкоторыя данныя, о которыхъ желали бы дальнѣйшихъ подробностей, какъ на-пр. о томъ, что годовалый Circ. rufus водится именно въ сухой степи, вопреки привычкамъ старыхъ птицъ этого рода и гнѣздившихся (стр. 99, 154, 166); о союзѣ между Sterna leucoptera и Falco vespertinus; о невысиживающихъ Char. minor и Sterna minuta и т. д.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Магистра А. ЖИРЯЕВА,

подъ заглавіемъ:

ТЕОРІЯ УЛИКЪ,

составленный

Орд. проф. С. Петерб. унив. Я. И. Баршевымъ.

Вопросъ объ уликахъ имѣетъ интересное значеніе какъ въ современной наукѣ уголовнаго права, такъ и въ уголовной практикѣ и уголовномъ законодательствѣ. Въ наукѣ происходитъ жаркій споръ въ особенности о силѣ и вліяніи ихъ на уголовные приговоры. Практика, находя въ уликахъ средство открыть настоящую истину при слѣдствіи и судѣ надъ преступленіемъ, нуждается въ точномъ и вѣрномъ опредѣленіи свойствъ и въ особенности значенія ихъ, какъ доказательствъ въ уголовныхъ дѣлахъ. Поэтому и для законодательства вопросъ о принятіи или непринятіи уликъ въ систему уголовносудебныхъ доказательствъ и о числѣ и условіяхъ дѣйствія ихъ, составляетъ одну изъ важныхъ законодательныхъ проблемъ.

Разсужденіе о нихъ г. профессора **Жиряева** состоитъ изъ введенія и четырехъ главъ.

Въ введеніи авторъ: 1) излагаетъ главныя обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ теорія уликъ получила важное значеніе въ наукѣ уголовнаго судопроизводства. Приведенныя имъ причины достаточно объясняютъ то, какъ, при дѣйствіи ихъ, могла быть возбуждена ученая дѣятельность надъ этимъ вопросомъ, который съ перваго взгляда представляется нѣсколько мелочнымъ и незанимательнымъ. — За этимъ 2) сочинитель перечисляетъ сочиненія объ уликахъ различныхъ правоученыхъ, въ особенности Германскихъ, и 3) показываетъ настоящее состояніе ученія о нихъ. Изъ изложенія его видно, что

теорія уликъ составляетъ, въ настоящее время, вопросъ крайне запутанный, а съ другой стороны весьма интересный, и что работы ученыхъ надъ нею и попытки ихъ разрѣшить этотъ вопросъ еще не собраны въ одно цѣлое, отъ чего предметъ, на который онѣ обращены, до сихъ поръ остается какъ бы въ полумракѣ. Въ этомъ авторъ находитъ доказательство необходимости новаго изслѣдованія этого предмета и выводитъ отсюда планъ для своего разсужденія о немъ. На этомъ основаніи онъ предполагаетъ: 1) сдѣлать сводъ многоразличныхъ взглядовъ правоученыхъ на улики и 2) составить свой собственный взглядъ на нихъ. Свой успѣхъ въ первомъ выражаетъ онъ въ слѣдующихъ словахъ: «если *въ первомъ* отношеніи будущіе изслѣдователи статьи объ уликахъ и не найдутъ здѣсь всѣхъ, нужныхъ для нихъ, литературныхъ матеріаловъ, то, по крайней мѣрѣ, встрѣтятъ многія указанія къ легчайшему отысканію ихъ» (стр. 25). Что касается до его собственнаго взгляда на улики, то за образецъ своей теоріи онъ принимаетъ примѣняемость ея къ практикѣ и сообразность съ жизнію и дѣйствительностію.

Послѣ введенія авторъ раскрываетъ, въ *первой* главѣ, *понятіе объ уликахъ.* Для этого 1) указываются имъ способы нашего убѣжденія въ дѣйствительности того или другаго предмета *вообще;* 2) способы убѣжденія и поясненія истины при уголовномъ судопроизводствѣ; при этомъ опредѣляется свойство и достоинство каждаго изъ нихъ; 3) отсюда выводится понятіе объ уликахъ, и наконецъ 4) авторъ разбираетъ главные признаки и черты уликъ. Въ мысляхъ и сужденіяхъ его объ этомъ предметѣ видна должная послѣдовательность. Начавъ съ *общаго*—со способовъ нашего убѣжденія въ дѣйствительности того или другаго предмета вообще, авторъ переходитъ *къ тѣмъ между ними*, посредствомъ которыхъ получается убѣжденіе въ дѣлахъ уголовныхъ, и между этими послѣдними отдѣляетъ т. н. *улики*, выводитъ значеніе ихъ и дробитъ это понятіе на отдѣльныя, существенныя части его. — По содержа-

нію эта статья заключаетъ въ себѣ довольно тонкіе выводы и соображенія; однакожъ они не производятъ полнаго убѣжденія въ читателѣ. На-пр. разсужденіе автора о трехъ способахъ познанія при уголовномъ судопроизводствѣ не совсѣмъ ясно и нѣсколько сбивчиво; это, между прочимъ, видно изъ того, что самъ онъ признаетъ эти способы во многомъ сходными между собою.

Во *второй* главѣ сочинитель предлагаетъ подробную классификацію уликъ. Здѣсь онъ излагаетъ извѣстные классы ихъ и понятія, которыя даются имъ правоучеными, судитъ о справедливости и достоинствѣ этихъ понятій и показываетъ практическое значеніе различныхъ родовъ уликъ. Многія, переданныя имъ, мысли правоученыхъ объ этой сторонѣ уликъ и нѣкоторыя собственныя сужденія его о нихъ—замѣчательны и важны какъ для науки, такъ и для уголовно-судебной практики.

Предметъ, изслѣдованію котораго посвящена *третья* глава сочиненія, составляетъ самый главный и вмѣстѣ самый спорный пунктъ въ ученіи объ уликахъ. Въ ней рѣшается вопросъ о томъ: *могутъ ли улики быть признаны способами достиженія юридической достовѣрности*, или, что тоже, *за полное доказательство въ уголовныхъ дѣлахъ*. Авторъ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ выставилъ положеніе: признаніе уликъ за способы достиженія юридической *достовѣрности* или за способы доказательства въ уголовномъ правѣ вообще *не противорѣчитъ* разумнымъ *началамъ познанія* (ст. 83); но, къ сожалѣнію, на это не представлено имъ никакого доказательства. Все, что говоритъ онъ въ подтвержденіе этого положенія, заключается въ слѣдующемъ заключеніи: «нѣтъ ни разумнаго, ни заимствованнаго изъ опыта основанія отвергать возможность случаевъ, когда совокупность собранныхъ противъ подсудимаго уликъ составляетъ развѣ одну только *логическую мыслимость* его невинности (стр. 83). Но 1) само собою видно, что это ни мало не есть доказательство выставленнаго авторомъ положенія, а одно только повтореніе въ *отрицательной формѣ* темы, которую слѣдовало ему

доказать. Авторъ, имѣя тему — доказать, что улики могутъ быть признаны за доказательство въ уголовныхъ дѣлахъ, вмѣсто отвѣта на нее, замѣняетъ только ее другою, отрицательною темою, именно тою, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ никакъ нельзя доказать того, что онѣ не могутъ быть непризнаны за доказательство. 2) Не раскрывъ въ настоящей главѣ, самъ авторъ въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія дѣлаетъ намекъ на другую причину принятія уликъ за средства доказательства въ уголовномъ судопроизводствѣ, объявляя эту послѣднюю за *настоящую и раціональную*. Такъ на стр. 50 говорится: «это раздѣленіе уликъ (т. е. на основаніи трехъ категорій — причинности, условности и соподчиненности дѣйствій) едва ли не самое важное изъ всѣхъ, по крайней мѣрѣ потому, что въ немъ усматривается *раціональное основаніе* принятія уликъ за средства доказательства въ уголовномъ судопроизводствѣ.» Далѣе на той же 50 стр. сказано: «въ томъ-то и заключается *метафизическое основаніе* доказательства уликами, что мы постоянную совмѣстность явленій обыкновенно объясняемъ себѣ не случайнымъ столкновеніемъ въ пространствѣ или времени, но лишь принятіемъ внутренней связи между ними».... Еще яснѣе высказано это на стр. 51: «замѣчательно, что немногіе изъ криминалистовъ обращаютъ должное вниманіе на различеніе уликъ по этимъ тремъ (вышеозначеннымъ) категоріямъ, хотя въ немъ скрывается, если можно такъ выразиться, *весь секретъ сего рода доказательствъ*. Къ сожалѣнію, этотъ секретъ остался для читателей неразгаданнымъ. — Правда, авторъ, сдѣлавъ вышеозначенное, отрицательное положеніе, и разсмотрѣвъ вслѣдъ за тѣмъ съ большою подробностію и искусствомъ возраженія, которыя дѣлаютъ противъ доказательства уликами противники ихъ, и сравнивъ съ недостатками уликъ недостатки другихъ уголовныхъ доказательствъ, въ началѣ слѣдующей четвертой главы дѣлаетъ такое заключеніе: «послѣ подробнаго обозрѣнія въ предъидущей главѣ всѣхъ дѣлаемыхъ противъ доказательства уликами возраженій, мы можемъ уже съ большею отчет-

ливостію и рѣшимостію повторить прежде высказанную нами мысль, именно, что *изъ рациональныхъ причинъ*, *безусловно отвергать* этотъ способъ обнаруженія истины въ дѣлахъ уголовныхъ (стр. 144); но ограничившись этимъ выводомъ, какъ самъ онъ справедливо замѣчаетъ на стр. 97, мы, между прочимъ, не избѣгли бы упрека со стороны Карминьяни, который говоритъ, что для защиты доказательства уликами, обыкновенно прибѣгаютъ къ порицанію и обезсиливанію прочихъ способовъ обнаруженія истины, какъ будто этимъ страннымъ средствомъ можно придать ему вѣсъ и значеніе», тѣмъ болѣе, прибавлю къ этому, что возраженія противъ уликъ противниковъ ихъ относятся не къ основанію ихъ, а къ различнымъ недостаткамъ, которыя они усматриваютъ въ нихъ.—Послѣ этихъ замѣчаній относительно содержанія третьей главы должно, однакожъ, сказать, что заключающаяся въ ней длинная полемика автора съ противниками доказательства уликами сильна и поучительна. «Въ ихъ выраженіяхъ, какъ справедливо говоритъ самъ онъ, послѣ разныхъ преувеличеній, содержится много такого, что можетъ служить спасительнымъ предостереженіемъ противъ несвоевременнаго, или же вообще несоотвѣтствующаго главной, достигаемой уголовнымъ судопроизводствомъ цѣли, введенія уликъ въ систему доказательствъ (стр. 145).» Это наводитъ сочинителя на новый, ближайшій предметъ изслѣдованія, которому посвящается слѣдущая четвертая глава.

Въ *четвертой* главѣ сочинитель занимается изслѣдованіемъ того, подъ *какими* именно *условіями* и при *какихъ* благопріятствующихъ *обстоятельствахъ* доказательство уликами можетъ быть вообще допущено, какъ средство обвиненія. Эти условія находитъ онъ, по слѣдамъ другихъ: 1) въ предметѣ уликъ, т. е. въ томъ, что можно именно дозволить доказывать ими; 2) въ количествѣ, качествѣ, взаимномъ отношеніи и психологическомъ дѣйствіи самихъ уликъ, и 3) въ разныхъ мѣрахъ предосторожности, которыми обезпечивается участь обвиняемаго отъ несправедливыхъ осужденій на основаніи уликъ. Отсюда авторъ

выводитъ наконецъ заключеніе, что рѣшиться принять, или же, напротивъ, отвергнуть доказательство уликами можно только по зрѣломъ соображеніи *обстоятельствъ мѣста и времени* и, въ особенности, по тщательномъ изученіи *элементовъ* того *гражданскаго общества*, для котораго пишутся законы. Положеніе это не подлежитъ никакому сомнѣнію; оно составляетъ аксіому для всѣхъ законовъ, а не для одного только закона объ уликахъ.

Представивъ обзоръ сочиненія г. профессора Жиряева, должно *вообще* сказать, что въ немъ улики разсмотрѣны съ главныхъ сторонъ ихъ и представленъ любопытный сводъ многоразличныхъ взглядовъ правоученыхъ на нихъ, въ особенности Германскихъ, и что высказанный авторомъ взглядъ на доказательство ими соотвѣтствуетъ дѣйствительному значенію ихъ въ практикѣ и жизни. Сверхъ этого разсужденіе написано отчетливымъ языкомъ и со строгою логическою послѣдовательностію.

Подводя наконецъ сочиненіе это подъ условія Демидовскихъ премій, къ соисканію которыхъ представлено оно въ Академію Наукъ, и принимая въ соображеніе, что положеніемъ о нихъ принимаются къ состязанію *оригинальныя творенія*, а *небольшія разсужденія не исключаются отъ состязанія* подъ тѣмъ условіемъ, *если только онѣ обогащаютъ науку какимъ либо новымъ, важнымъ открытіемъ*, я тѣмъ не менѣе считаю долгомъ рекомендовать разсужденіе г. профессора Жиряева благосклонному вниманію Академіи. Сочинитель, конечно, не создалъ новой теоріи уликъ и сочиненіе его, заключая въ себѣ главнымъ образомъ сводъ многоразличныхъ мнѣній правоученыхъ объ уликахъ, не можетъ быть названо оригинальнымъ; но оно заслуживаетъ полнаго одобренія за искусное изложеніе матеріала и отчетливую передачу его нашей Русской юридической литературѣ.

РАЗБОРЪ

сочиненій

Г. ДОКТОРА КРУСЕЛЯ:

1) ВНУТРЕННІЯ СРЕДСТВА ПРОТИВЪ РАКА И НѢКОТОРЫХЪ ДРУГИХЪ БОЛѢЗНЕ ;

2) ПИРОКАУСТИКА, ИЛИ ХИРУРГИЧЕСКОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ ОГНЯ ПРОТИВЪ РАКА И НѢКОТОРЫХЪ ДРУГИХЪ БОЛѢЗНЕЙ;

составленный

Профессоромъ Медико-Хирургич. Акад. **Неммертомъ.**

Оба эти сочиненія г. Круселя составляютъ одно цѣлое, потому что цѣль обоихъ — доказать, что есть средства, излечивающія ракъ и другія упорныя наружныя болѣзни болѣе или менѣе надежнымъ способомъ.

Извѣстно, что уже съ самыхъ древнихъ временъ раковидныя пораженія (cancer) составляли настоящій камень преткновенія врачей (crux medicorum), по своей неуступчивости какъ наружнымъ, такъ и внутреннимъ средствамъ; а если и уступали дѣйствію средствъ, то упорно возвращалися или на прежнемъ мѣстѣ, или же избирали новое и губили больнаго. Поэтому уже съ давнихъ поръ старались отыскать средство, непреложно исцѣляющее ракъ; и, казалось, находили то наружное, то внутреннее средство, которое всегда бывало въ началѣ секретнымъ и казалось дѣйствительно исцѣляло ракъ, вслѣдствіе чего прославлялось и наконецъ дѣлалось общимъ достояніемъ; но прославленное подобное секретное средство, съ расширеніемъ круга дѣйствія, обыкновенно теряло свою славу, потому что дѣйствія его обсуживались уже не одними неврачами, и тогда обнаруживалось, что оно или оказывалось дѣйствительнымъ только въ доброкачественныхъ (т. е. не раковыхъ, но только сходныхъ по наружности съ ракомъ) пораженіяхъ, или же уничтожало ракъ только на время; даже замѣчено, что въ нѣкоторыхъ видахъ раковыхъ язвъ, а именно въ накожномъ (cancer cutaneus s. epithelialis), состояніе язвы ухудшалось, что

и доставило этому виду рака названіе «noli me tangere» — видъ, который при средствахъ индифферентныхъ, невинныхъ, увеличивался медленно, между тѣмъ какъ при средствахъ такъ называемыхъ специфическихъ быстро ухудшался и велъ больнаго, при сильнѣйшихъ мученіяхъ, ко гробу.

Стоитъ взглянуть въ любую фармакологію, чтобы увидѣть, какое множество средствъ было предложено противъ рака. Число ихъ можетъ сравниться только съ числомъ средствъ, предложенныхъ противъ водобоязни и падучей болѣзни,—болѣзней, къ несчастію, столько же неизлечимыхъ, какъ и самый ракъ.

Оставалось, послѣ всего этого, врачамъ одно: остановить, хотя на время, разрушающій ходъ рака, и тѣмъ избавить больнаго временно отъ жестокихъ мученій; и этого достигали разстройствомъ и удаленіемъ рака помощію наружныхъ средствъ; сюда принадлежали: 1) ѣдкія, химически разрушающія органическую ткань, между которыми въ особенности славился мышьякъ и хлористый цинкъ; 2) удаленіе помощію ножа, и наконецъ 3) огонь, въ видѣ каленаго желѣза. Но ракъ не всегда доступенъ этимъ средствамъ; я не говорю уже о ракѣ внутренностей, скрытыхъ въ полостяхъ, но однѣхъ наружныхъ частей, или потому, что онъ очень глубоко проникъ, или находится вблизи важнаго для жизни органа, поврежденія котораго, при удаленіи рака, нельзя избѣгнуть, или уже его поверхность черезъ чуръ обширна.

Мнѣ однако могутъ возразить, что были же случаи, гдѣ ракъ излечивался употребленіемъ наружныхъ и внутреннихъ, такъ называемыхъ специфическихъ средствъ, засвидѣтельствованные не только профанами, но корифеями науки; и не даромъ же прославился въ прежнія времена мышьякъ, а въ новѣйшее хлористый бромъ. Я на это долженъ отвѣтить, основываясь на опытѣ другихъ нелицепріятныхъ наблюдателей и на своемъ собственномъ, слѣдующее:

1) Что уничтоженное раковое пораженіе не всегда было таковымъ, а только съ нимъ сходное, раковидное, потому что

до приложенія микроскопа къ изслѣдованію болѣзненныхъ продуктовъ, ракъ отличали только по злокачественному его виду, по наклонности распространяться, по особеннымъ болямъ и по неуступчивости его обыкновеннымъ заживляющимъ средствамъ, и поэтому нерѣдко принимали за ракъ — изъязвленія глубоколежащихъ, отвердѣвшихъ железъ, изъязвленныя фиброзныя, хондроматозныя и стеатоматозныя отложенія; изъязвленія, длящіяся довольно долго и не заживающія дотолѣ, пока не разстроится или не будетъ удалено окончательно отложеніе, но затѣмъ заживающія удобно при всякомъ леченіи. Разумѣется, теперь, при микроскопическомъ наблюденіи, мы ихъ уже не считаемъ злокачественными.

2) Самый ракъ уступаетъ иногда дѣйствію приличныхъ наружныхъ средствъ и не появляется вновь въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени; но обыкновенно, спустя извѣстный срокъ, появляется вновь или на прежнемъ мѣстѣ, или же поражаетъ новый органъ; въ особенности это замѣчено у женщинъ, у которыхъ ракъ, уничтоженный на груди, появляется въ послѣдствіи въ маткѣ, на что въ теченіе годовъ не обращаютъ вниманія ни больная, ни тѣмъ менѣе врачъ; или же поражаетъ внутренніе органы, на-примѣръ печень, желудокъ и другіе, гдѣ онъ можетъ еще болѣе скрываться неузнаннымъ. Разумѣется, подобные случаи считаются обыкновенно излеченными, въ особенности, если больные, спустя извѣстный срокъ (полгода и болѣе), были упущены врачемъ изъ виду, или же обращались къ другому врачу, считая нужнымъ лечиться отъ внутренней болѣзни у терапевта, а не у хирурга, и больной умиралъ уже не отъ рака, а отъ водяной, отъ затвердѣнія печени и проч.

3) Бываютъ рѣдкіе случаи, въ которыхъ раковая язва дѣлается окончательнымъ отложеніемъ раковаго худосочія больнаго; худосочіе какъ бы изолируется въ одномъ мѣстѣ, и если это мѣстоотложеніе удалить, то организмъ совершенно освобождается отъ худосочія. Эти случаи, правда, чрезвычайно рѣдки, однако могутъ встрѣчаться, какъ они встрѣчаются въ бугорчатомъ

худосочія (tuberculosis), гдѣ также, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, происходитъ отложеніе въ какомъ либо органѣ и тамъ концентрируется, и если этотъ органъ можетъ быть удаленъ, то исчезаетъ худосочіе. Этотъ фактъ подтвердитъ всякій опытный хирургъ.

Бросивъ этотъ краткій взглядъ на недостаточность знанія сущности раковаго худосочія, а слѣдовательно и недостаточность *вѣрныхъ* средствъ противъ этого жестокаго недуга, мы должны принять съ радостію и благодарностію всякое новое открытіе, даже всякую попытку болѣе удачную къ побѣжденію этого врага, и поэтому открытіе и факты, представленные теперь г. Круселемъ, должны обратить на себя вниманіе всякаго благонамѣреннаго человѣка, тѣмъ болѣе врача, котораго прямая обязанность — излечить, а если это невозможно, то облегчить страданіе больнаго.

Въ первомъ отдѣлѣ своего сочиненія «Внутреннія средства противъ рака и проч.», г. Крусель, во вступленіи, добросовѣстно обращаетъ вниманіе на то, что врачъ, изобрѣтшій какой либо новый способъ врачеванія, или испытавшій новое средство, не можетъ быть самъ своимъ судьею, и поэтому представленіе одной исторіи болѣзни излеченнаго больнаго недостаточно, точно такъ, какъ и рисунковъ или гипсовыхъ слѣпковъ, потому, что все это можно болѣе или менѣе удачно поддѣлать; но необходимо, чтобы состояніе болѣзни и ея исходъ были засвидѣтельствованы неучаствовавшими въ леченіи, посторонними, достовѣрными врачами, а изображенія страданія были сняты свѣтописью съ *портретомъ* больнаго; тутъ ужъ не можетъ быть подлога (§ 1, 2, 3). Такъ и поступаетъ постоянно г. Крусель.

Затѣмъ упоминаетъ онъ о неизлечимости рака одними усиліями природы и неуспѣхѣ излеченія рака однимъ его

удаленіемъ помощію ножа. Здѣсь (§ 6) онъ дѣлаетъ замѣчаніе: «Самые трудные примѣры рака, которые лечить мнѣ приходилось, были, безъ сомнѣнія, тѣ, гдѣ предъ началомъ моего леченія предприняты были кровавыя операціи». Онъ дѣлаетъ здѣсь какъ бы упрекъ оперативной хирургіи; но развѣ она была причиною упорности болѣзни?—нѣтъ, это были уже сами по себѣ очень злокачественные случаи, что и доказывалось уже ихъ быстрымъ возвратомъ.

Авторъ предлагаетъ себѣ четыре задачи при леченіи рака (§ 10, 11, 12, 13). Первая задача состоитъ въ томъ, чтобы укрѣплять больнаго питательною, животною пищею, и возбужденіемъ пищеварительныхъ органовъ ежедневнымъ пребываніемъ на свѣжемъ воздухѣ, обращая при томъ вниманіе на отдѣленіе мочи и избѣгая кровопусканій и другихъ ослабляющихъ средствъ, ибо авторъ замѣчалъ, что больные, одержимые ракомъ, погибали всегда отъ изнуренія и водянки. Вторая задача — въ произведеніи, помощію внутреннихъ средствъ, искусственной атрофіи въ страждущей части и поддержаніи доброкачественнаго нагноенія въ пораженныхъ ракомъ частяхъ. Третья — въ превращеніи раковаго пораженія въ омертвѣніе, и наконецъ четвертая — по уничтоженіи раковаго пораженія, способствовать заживленію (цикатризаціи).

Изложивъ такимъ образомъ задачи, или показанія, которыя авторъ всегда выполнялъ при леченіи рака, онъ приступаетъ къ самому способу леченія и къ исчисленію внутреннихъ, имъ употребленныхъ средствъ, и случаевъ, гдѣ они были употребляемы.

Уже въ 1844 году г. Крусель сдѣлалъ открытіе, что при внутреннемъ употребленіи іодистаго потассія, боли въ раковыхъ язвахъ исчезали или значительно уменьшались (что было впрочемъ также замѣчено и Французскими врачами, между прочимъ Видалемъ (Vidal de Cassis), но вмѣстѣ съ тѣмъ въ язвѣ отдѣлялось больше вонючей матеріи и развивались фунгозные наросты; противъ этого неблагопріятнаго явленія

авторъ употреблялъ совмѣстно и снаружи чистый іодъ и тѣмъ излечилъ ракъ груди у женщины, пользованной безуспѣшно многими врачами до него. Слѣдуетъ исторія болѣзни этой больной (г-жи А***), принимавшей внутрь четыре раза въ день по столовой ложкѣ раствора іодистаго потассія въ 32-хъ частяхъ воды, и смазывавшей грудь іодистою настойкою. Выздоровленіе совершенное.

Исторія болѣзни втораго случая (**Ефимъ Семеновъ**). Ракъ губы былъ совершенно излеченъ при употребленіи іодистаго потассія внутрь; выздоровѣвшій больной былъ представленъ Гг. Членамъ Медицинскаго Совѣта (имѣется фотографо-стереоскопическій рисунокъ); но черезъ два года появляется вновь скирръ подъ нижнею челюстію на верхней части шеи. Этотъ возвратъ былъ лечимъ опять іодистымъ потассіемъ, но перешелъ все таки въ изъязвленія и фунгозныя нарощенія; здѣсь уже было употреблено, снаружи, выжиганіе помощію раскаленнаго платиноваго цилиндра и совершенно разстроены фунгозныя нарощенія; по отпаденіи струпьевъ, осталась чистая язва, наклонная къ заживленію. (Въ этомъ состояніи видѣли больнаго нѣкоторые члены Медицинскаго Совѣта). Но у Семенова (больнаго) послѣ простуды и катарральнаго состоянія горла появилась лихорадка, значительно ослабившая его, и вслѣдъ затѣмъ два обильныя кровотеченія. Докторъ **Круcель** присоединилъ тогда къ употребленному внутрь іодистому потассію еще и растворъ квасцовъ, и небольшое кровотеченіе повторилось только на слѣдующій день; больной началъ значительно поправляться, а язва значительно поджила. Но вслѣдствіе употребленія малопитательной растительной пищи во время поста (по мнѣнію автора) и новой простуды, появилась флегмонозная рожа, гнойные подтеки и смерть отъ артеріальнаго кровотеченія изъ сонной артеріи.

Этотъ случай замѣчателенъ, во-первыхъ, потому, что послужилъ автору къ открытію микстуры, названной *противоскиррозною* (mixtura antiscirrhosa), слѣдующимъ образомъ: про-

писавъ больному Семенову растворъ квасцовъ противъ кровотеченій и продолжая давать растворъ іодистаго потассія, авторъ замѣтилъ улучшеніе въ состояніи больнаго; поэтому онъ слилъ оба раствора (4 части квасцовъ, 30 частей іодистаго потассія и 960 частей воды) и продолжалъ давать больному четыре раза въ день по столовой ложкѣ; но въ послѣдствіи, предполагая, что дѣйствительность смѣси зависитъ отъ іодистаго алюминія, онъ уменьшилъ количество іодистаго потассія и давалъ ее послѣ уже въ слѣдующей пропорціи: 31 часть іодистаго потассія, 30 частей квасцовъ и 7200 частей перегнанной воды, четыре раза въ день по столовой ложкѣ. Во-вторыхъ, означенный случай замѣчателенъ тѣмъ, что послѣ выжиганія, до смерти больнаго, т. е. въ теченіе 7 мѣсяцевъ, ракъ не появлялся вновь.

За этою исторіею слѣдуетъ описаніе излеченія рака верхней губы помощію повтореннаго выжиганія и противоскиррозной микстуры у 75-лѣтней старухи (Панкратьевой) безъ возврата (§ 32). Больную видѣлъ до и послѣ операціи докторъ Розенбергеръ.

Въ слѣдующихъ §§ 33 — 45 изложена исторія болѣзни г-жи Бабиной, 52-хъ лѣтъ, страдавшей кровянисто-губчатымъ ракомъ груди (fungus haematodes), и излеченной также совершенно прижиганіями (pyrocaustica) и внутреннимъ употребленіемъ противоскиррозной микстуры, — случай, видѣнный многими врачами до и послѣ леченія и засвидѣтельствованный многими изъ нихъ. Приложенные фотографо-стереоскопическіе рисунки поясняютъ еще болѣе этотъ случай исцѣленія fungi haematodis безъ возврата въ теченіе почти трехъ лѣтъ, съ сохраненіемъ даже пораженной груди.

Въ §§ 47 — 51 изложена исторія болѣзни г-жи Наставиной, одержимой кровяною губкою (fungus haematodes) груди. Болѣзнь уничтожена выжиганіемъ и внутреннимъ употребленіемъ противоскиррозной микстуры въ 52 дня, — случай, видѣнный и засвидѣтельствованный многими врачами.

Въ § 52 описанъ случай скирра груди, остановленнаго въ дальнѣйшемъ развитіи и даже уменьшившагося при одномъ внутреннемъ употребленіи противоскиррозной микстуры.

Наконецъ авторъ приводитъ еще одну исторію значительной припухлости, затвердѣнія и обширнаго изъязвденія голеней, не уступавшихъ прежнимъ леченіямъ, но уничтожившихся отъ употребленія внутрь, въ теченіе впрочемъ болѣе чѣмъ двухъ лѣтъ, противоскиррозной микстуры. Авторъ самъ удивляется терпѣнію больной, хотя леченіе и увѣнчалось надлежащимъ успѣхомъ. (Приложенъ фотографо-стереоскопическій рисунокъ). При этомъ случаѣ г. Крусель убѣдился окончательно въ безвредности противоскиррозной микстуры, которую больная принимала почти безостановочно въ теченіе двухъ лѣтъ.

Замѣчено имъ однако во многихъ случаяхъ, что при употребленіи этой микстуры появляется лихорадка съ рожею кожи, окружающею пораженную часть, такъ что въ началѣ авторъ полагалъ, что это есть общая, благодѣтельная реакція организма, вызванная дѣйствіемъ микстуры и уничтожающая раковое худосочіе, потому въ особенности, что послѣ подобной рожи язвы улучшались; но въ послѣдствіи опытъ убѣдилъ его, что и на улучшившейся язвѣ возвращались раковые наросты. При подобномъ остромъ страданіи г. Крусель пріостанавливалъ на время микстуру и давалъ чистый растворъ іодистаго потассія*), но никогда не прибѣгалъ къ средствамъ ослабляющимъ.

Изъ всѣхъ данныхъ случаевъ мы можемъ вывести, согласно съ авторомъ, о дѣйствіи и пользѣ *противоскиррозной* микстуры слѣдующія заключенія:

1) Что достоинство микстуры нельзя еще оцѣнить съ достовѣрностію, потому что этихъ случаевъ еще недостаточно; но то вѣрно, что она оказываетъ дѣйствіе не быстро.

*) Замѣчено впрочемъ нами, что и іодистый потассій нерѣдко вызываетъ лихорадку и воспаленіе лимфатическихъ сосудовъ съ рожистою краснотою.

2) Микстура не производитъ особенно вредныхъ дѣйствій на организмъ.

3) Употребленіе ея препятствуетъ, по-видимому, возрожденію совершенно уже выжженныхъ раковыхъ отложеній.

4) Кажется, она препятствуетъ перехожденію скирра въ открытый ракъ и даже останавливаетъ его развитіе.

Этихъ выводовъ достаточно, чтобы г. Крусель заслужилъ благодарность человѣчества за открытіе и введеніе въ практику такого благодѣтельнаго средства, хотя его и нельзя причислить къ настоящимъ специфическимъ средствамъ. Жаль только, что авторъ не представилъ намъ статистическаго, числительнаго обзора всѣхъ случаевъ рака, ему встрѣчавшихся, гдѣ средства его, по какимъ бы то ни было причинамъ, со стороны ли самого больнаго или случайныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, не имѣли успѣха; это принесло бы наукѣ еще бо́льшую пользу, потому что мы бы могли статистически сравнить дѣйствіе его средствъ съ другими средствами, и вѣроятно перевѣсъ остался бы на сторонѣ г. Круселя.

Второй отдѣлъ сочиненія г. Круселя составляетъ «Пирокаустика». Въ этомъ отдѣлѣ авторъ излагаетъ сперва послѣдовательное усовершенствованіе пирокаустическаго аппарата, до котораго онъ наконецъ достигъ, переходя отъ одного усовершенствованія къ другому. Такъ въ началѣ (19 апрѣля 1850 г.) выжегъ онъ первичную сифилитическую язву пламенемъ маленькой восковой свѣчи и превратилъ (въ полминуты) язву въ простую ожогу; но тутъ же замѣтилъ, что ожога занимала гораздо значительнѣйшую поверхность, нежели сама язва. Затѣмъ прибѣгнулъ онъ къ паяльной трубкѣ, превращая ею вертикальное положеніе пламени свѣчи въ горизонтальное, и которое уже можно было болѣе концентрировать на извѣстное мѣсто. Этимъ способомъ авторъ чрезвычайно удобно превращалъ сифилитическія язвы въ ожоги, не увеличивая значительно ихъ

поверхности; но когда онъ направилъ пламя на губчатый ракъ, то замѣтилъ только весьма поверхностное обугливаніе язвы и наконецъ значительное кровотеченіе; послѣднее неблагопріятное обстоятельство устранилъ онъ приложеніемъ къ изъязвленной поверхности платиновыхъ пластинокъ, на которыя направлялъ пламя свѣчи подъ дѣйствіемъ паяльной трубки. Эти раскаляющіяся платиновыя пластинки, кромѣ превращенія губчатаго изъязвленія въ сухой струпъ, заставляли проникать жаръ глубже, и если онѣ остывали, то прилипали плотно къ обожженнымъ частямъ.

Дѣйствіемъ же паяльной трубки на пламя свѣчи, онъ накаливалъ платиновыя иглы, проведенныя чрезъ кусокъ мяса, и замѣтилъ, что и онѣ способствуютъ распространенію жара въ глубину органической ткани. Основываясь на этомъ, онъ проткнулъ основаніе губчатаго нароста пятью иглами, на которыя дѣйствовалъ сначала пламенемъ свѣчи подъ вліяніемъ паяльной трубки, и затѣмъ (для ускоренія операціи) употребилъ болѣе жаркое газовое пламя, и опухоль отвалилась, оставивъ на своемъ мѣстѣ только углубленный струпъ; и поэтому авторъ считаетъ этотъ способъ однимъ изъ лучшихъ къ удаленію губчатыхъ наростовъ (§ 8).

Въ слѣдующихъ параграфахъ (§§ 9—10) авторъ обстоятельно описываетъ платиновый, имъ изобрѣтенный наперстокъ, какъ онъ долженъ быть устроенъ и соединенъ съ паяльною трубкою и пламенемъ свѣчи, чтобы его раскаливаніе происходило скоро и продолжительно, и какъ осторожно и равносильно нужно дуть, чтобы пламя свѣчи не потухло, и наконецъ какихъ опытовъ ему стоило найдти надлежащее разстояніе пламени отъ полости наперстка, чтобы оно не выбрасывалось изъ полости платиноваго полаго конуса и чтобы оно надлежащимъ образомъ накаляло его. Но наконецъ достигнувъ надлежащаго результата, онъ приступилъ къ испытанію дѣйствія накаленнаго наперстка на животныя ткани, а именно на мясо, и нашелъ, что онъ легко проникаетъ въ толщу ткани, доколѣ

онъ раскаленъ; но какъ скоро онъ остынетъ, то плотно пристаетъ; но тотъ-часъ же отдѣляется, если его снова накалить. Дѣйствіе жара въ глубину ткани значительно: въ полторы минуты проникнута животная ткань на центиметръ. (Это открытіе сдѣлано авторомъ уже въ 1851 году).

Разумѣется, сравнивъ дѣйствіе платиноваго наперстка съ обыкновеннымъ каленымъ желѣзомъ, бросается чрезвычайно явственно въ глаза огромная выгода перваго предъ послѣднимъ:

1) Удобство владѣнія первымъ: онъ легокъ и поворотливъ.

2) Онъ остается постоянно раскаленнымъ въ продолженіе всего времени, которое нужно для произведенія операціи, между тѣмъ какъ желѣзо остываетъ скоро и поэтому можетъ приставать плотно къ прижигаемой части, а отрываніе его причиняетъ кровотеченіе.

3) Каленое желѣзо не можетъ быть употреблено въ видѣ тонкой проволоки, потому что быстро остываетъ; а въ той массѣ, какъ его обыкновенно употребляютъ, оно дѣйствуетъ слишкомъ глубоко и широко; такъ, на-примѣръ, его нельзя употребить для прижиганія вѣка, не повредивъ глазнаго яблока. Всѣхъ этихъ неудобствъ избѣгаемъ мы при употребленіи пирокаустическаго наперстка.

4) Еще важная выгода пирокаустическаго наперстка та, что онъ можетъ быть приведенъ въ соприкосновеніе съ больною частью въ холодномъ состояніи (и слѣдовательно удобно приложенъ) и затѣмъ уже раскаленъ.

5) Такъ какъ наперстокъ состоитъ изъ тонкаго металла, то во власти врача сдѣлать поверхностное прижиганіе, или, если ему нужно, проникнуть на значительную глубину; чего нельзя произвести каленымъ желѣзомъ, потому что оно не можетъ постоянно накаливаться *).

---

*) Слѣдовательно этому раскаливанію металла должно быть дано новое названіе, и это названіе — *пирокаустика*.

Такимъ образомъ накаливаемымъ наперсткомъ авторъ скоро и удобно выжигалъ бородавки, венерическія отложенія на кожѣ (condylomata), и прижигалъ сифилитическія язвы, превращая ихъ въ простыя ожоги и прикладывая затѣмъ, до совершеннаго заживленія, простую корпію.

Этимъ наперсткомъ авторъ выжигалъ небольшіе раковые бугорки и грибовидные раковые наросты, продыравливая пирокаустическимъ наперсткомъ наростъ во всю его глубину и въ нѣсколькихъ мѣстахъ, такъ что послѣ этого онъ представлялъ видъ пчелинныхъ сотовъ, стѣнки которыхъ состояли изъ сухой безчувственной коры, которую можно было срѣзать ножницами безъ кровотеченія, а остальной струпъ скоро отваливался, въ особенности если онъ былъ присыпаемъ квасцами. Но раздувать пламя свѣчи чрезъ паяльную трубку ртомъ, при продолжительныхъ операціяхъ, невозможно, — легкія человѣка этого не вынесутъ; поэтому авторъ производилъ это раздуваніе уже токомъ воздуха, собраннаго въ эластической подушкѣ, на которую производилось постоянное и умѣренное давленіе. Устройство аппарата описано обстоятельно въ § 18, и кромѣ того приложенъ фотографическій рисунокъ аппарата.

Помощію пирокаустическаго наперстка и иголъ съ присыпками изъ электролитическаго цинка съ золотомъ, автору удалось совершенно уничтожить мозговидный ракъ яичка, такъ что больной, выздоровѣвъ, поступилъ въ ратники государственнаго ополченія. Случай этотъ былъ изслѣдованъ и засвидѣтельствованъ посторонними врачами. Исторія болѣзни разсказана обстоятельно въ §§ 19 — 33 и приложены два фотографо-стереоскопическіе рисунка, снятые одинъ до, а другой послѣ операціи.

Авторъ старался усилить жаръ свѣчнаго пламени, и для этой цѣли раздувалъ пламя заключеннымъ въ эластической подушкѣ кислородомъ; разумѣется, отъ дѣйствія этого пламени мясо быстро сгорало при яркомъ свѣтѣ, платиновый же наперстокъ раскалялся гораздо сильнѣе и проникалъ быстрѣе въ

органическую ткань; но такъ какъ кислородный газъ дѣйствуетъ вредно на легкія присутствующихъ, а яркое его пламя невыносимо для глазъ, то авторъ началъ смѣшивать его съ воздухомъ, и послѣ многихъ опытовъ нашелъ наилучшую пропорцію смѣси (1 часть по объему кислорода на 4 части атмосфернаго воздуха); но по надобности измѣнялась смѣсь, смотря по тому, нуженъ ли былъ бо̀льшій или мѐньшій жаръ.

Въ слѣдующихъ за этимъ §§ 38 — 41 описываетъ авторъ устройство пирокаустической печи (совмѣстность печи и дѣятельнаго каленаго металла), разогрѣваемой и раскаливаемой постоянно содержимыми и раздуваемыми помощію мѣховъ углями. Но авторъ сознается са̀мъ въ невыгодѣ этого аппарата (изображеннаго на таблицѣ 11), по причинѣ его значительнаго объема; вслѣдствіе чего онъ можетъ быть употребляемъ только при обширныхъ раковыхъ пораженіяхъ.

Авторъ не довольствовался этими опытами; онъ захотѣлъ испытать дѣйствіе пламени водороднаго газа, извѣстнаго по высокой температурѣ, производимой имъ при горѣніи. По этому въ § 43—46 описываетъ онъ и объясняетъ дѣйствія аппарата (съ объяснительными рисунками), изобрѣтеннаго имъ для добыванія водороднаго газа помощію гальванизма. Затѣмъ описываетъ первые свои пирокаустическіе опыты помощію пламени этого газа, пропущеннаго черезъ паяльную трубку и зажженнаго свѣчею; въ началѣ пламя было слишкомъ обширно, потому что давленіе на газъ было сильно; но, уменьшивъ давленіе на газъ, онъ получилъ тонкое пламя, которымъ онъ могъ дѣйствовать какъ кистью и которымъ онъ весьма удобно и скоро выжегъ (въ 1820 году) сифилитическую язву. Однако авторъ нашелъ и невыгоды въ пламени чистаго водороднаго газа, а именно, что при сильномъ пламени нельзя накалить наперстка: пламя отражается, а если давленіе слабо, то температура его мала. Поэтому авторъ началъ испытывать дѣйствія притока атмосфернаго воздуха на пламя водорода помощію паяльной трубки, и, постепенно совершенствуя снарядъ, до-

стигъ того, что наперстокъ накалялся быстро, сильно и постоянно, и гораздо лучше, нежели отъ дѣйствія пламени свѣчи.

Не смотря однако на эти удобства пламени водороднаго газа, раздуваемаго паяльною трубкою, авторъ желалъ бòльшаго удобства и упрощенія снаряда удаленіемъ паяльной трубки; чего онъ и достигъ *смѣшеніемъ водорода съ воздухомъ.* Авторъ не прибѣгалъ къ гремучему газу (смѣсь, водорода съ кислородомъ), потому что пламя было слишкомъ жарко, — оно плавило платину; но и смѣсь водорода съ атмосфернымъ воздухомъ оказывала также различныя дѣйствія, смотря по различію пропорціи смѣси; поэтому ему нужно было сдѣлать много опытовъ, чтобы пріобрѣсти надлежащую пропорцію смѣшенія, а главное, избѣгнуть опасности разрыва отъ воспламененія смѣси распространеніемъ пламени чрезъ проводную трубку. Въ §§ 55 — 68 описываетъ авторъ изобрѣтенный имъ весьма удобный аппаратъ, соединенный съ газометромъ, для смѣшенія газовъ, при равномѣрномъ и постоянномъ давленіи на эту смѣсь; а для совершенной безопасности отъ воспламененія, воспользовался онъ принципомъ Девіевой лампы, вкладывая въ газопроводную трубку металлическія проволоки и тѣмъ охлаждая пламя. Если же авторъ дѣлаетъ пирокаустическія операціи внѣ дома, и смѣсь заключена уже въ непроницаемыя для воздуха подушки, то смѣсь, проходя чрезъ эластическій газопроводъ, охлаждается еще тѣмъ, что послѣдній проводится чрезъ ведро, наполненное весьма холодною водою.

Наивыгоднѣйшею смѣсью, послѣ многихъ опытовъ, для пирокаустической цѣли, авторъ нашелъ смѣсь изъ равныхъ частей, по объему, воздуха и водорода. Эта смѣсь даетъ, по открытіи крана газопровода и проведеніи ея чрезъ паяльную трубку и зажиганіи пламенемъ свѣчи, маленькое пламя, которое съ тѣмъ же удобствомъ, какъ простую кисть, можно приложить ко всякой части тѣла. Это пламя отличается сильнымъ жаромъ и не отлагаетъ угля; но и оно, какъ и пламя стеари-

новой свѣчи (раздуваемое паяльною трубкою), направленное на губчатые наросты, вызываетъ кровотеченія; поэтому нужно было также, для избѣжанія этого непріятнаго явленія, прикладывать къ наростамъ платиновыя пластинки и на нихъ уже направлять пламя смѣси, которое раскаляетъ ихъ гораздо удобнѣе пламени стеариновой свѣчи. Такъ какъ между всегдашними желаніями хирурговъ было изобрѣтеніе тонкаго металлическаго, постоянно раскаленнаго тѣла, которымъ бы можно было отдѣлять органическія ткани, легко притомъ ихъ выжигая, то и авторъ хотѣлъ достигнуть этой цѣли, и послѣ многихъ опытовъ изобрѣлъ пирокаустическое колесо, которое состоитъ изъ платины, вертится помощію часоваго механизма и раскаляется равномѣрно пламенемъ смѣси (равныхъ по объему частей) водорода съ воздухомъ. Этимъ колесомъ удобно раздѣляются органическія ткани—какъ бы ножемъ, но безъ всякаго кровотеченія. Оно примѣняется авторомъ ко вскрытію свищевыхъ ходовъ и отдѣленію наростовъ. Затрудненія, которыя авторъ долженъ былъ преодолѣть для устройства подобнаго инструмента, постоянно и равномѣрно раскаляемаго, и самое устройство его, описаны обстоятельно въ §§ 70—78; разумѣется, тутъ же приложенъ и стереоскопическій рисунокъ.

Дѣлая опыты съ пламенемъ вышесказанной смѣси водорода съ воздухомъ, г. Крусель замѣтилъ, что это пламя не потухаетъ, если его вводить въ весьма узкія, лишь немного открытыя, пространства; открывъ это свойство, автору уже легко было воспользоваться имъ для устройства пирокаустическихъ снарядовъ любой формы; и самые важные снаряды суть: *накаленный прутъ* и *накаленное остроконечіе*.

Накаленный прутъ есть ничто иное, какъ полый платиновый цилиндръ, съ одного конца округленно заклепанный, или, чтобъ яснѣе выразиться, продолговатый наперстокъ, который накаливается помощію пламени газовой смѣси, исходящаго изъ 13-ти отверстій желѣзнаго тонкаго цилиндра, находящагося

въ непосредственной связи съ газопроводною трубкою смѣси. Этотъ полый, платиновый, раскаленный цилиндръ дѣйствуетъ на органическія ткани совершенно такъ, какъ и наперстокъ, раскаленный раздуваемымъ пламенемъ стеариновой свѣчи, но только въ сильнѣйшей степени. Для того, чтобы его раскалить, нужно прежде ввести въ его полость желѣзный наконечникъ (съ 13-ю отверстіями) газопровода и затѣмъ все это держать надъ пламенемъ свѣчи; газъ скоро загорается, но пламени свѣчи не должно отнимать прежде, пока не покраснѣетъ закругленный конецъ платиноваго цилиндра. Однако, при этомъ способѣ накаливанія нерѣдко пламя откидывалось назадъ изъ полости цилиндра. Впрочемъ это не трудно устранить: стоитъ только закрыть кранъ газопровода на время, и, разумѣется, пламя тухнетъ; но если открыть кранъ вновь, еще до совершеннаго остыванія платиноваго цилиндра, то газъ опять въ его полости воспламеняется и уже не выбрасывается назадъ.

Хотя этотъ инструментъ оказался незамѣнимымъ средствомъ для быстраго и глубокаго прожиганія злокачественныхъ наростовъ, однако ему недоставало еще одного удобства, т. е. приводить его въ соприкосновеніе съ больною частью въ холодномъ состояніи и затѣмъ уже раскаливать; но и этого достигъ авторъ укрѣпленіемъ на днѣ полости цилиндра платиновой губки; чрезъ это уже не нужно было для воспламененія газовой смѣси, пламени стеариновой свѣчи. Этимъ способомъ вводилъ г. Крусель (въ присутствіи другихъ врачей) платиновый цилиндръ съ газопроводнымъ оконечникомъ въ полость матки, открывалъ затѣмъ кранъ газопровода и цилиндръ быстро раскалялся. Этотъ раскаленный цилиндръ быстро и глубоко прожигаетъ органическія ткани; поэтому этотъ инструментъ и употребляется авторомъ преимущественно для уничтоженія различныхъ раковыхъ разстройствъ; онъ прожигаетъ, въ наростѣ ихъ, нѣсколько глубокихъ дыръ, вблизи одну отъ другой, и даетъ перегородкамъ, состоящимъ изъ перегорѣлой органической ткани, или самимъ отдѣлиться чрезъ нагноеніе, или

отдѣляетъ ножницами безъ потери крови. (Устройство и укрѣпленіе цилиндра описано подробно).

За этимъ слѣдуетъ исторія болѣзни г-жи Кетцлеръ, одержанной кровяно-губчатымъ ракомъ (fungus haematodes), гдѣ, при употребленіи mixturae antiscirrhosae, нѣсколькихъ прижиганій платиновымъ цилиндромъ и электролитическаго цинка съ золотомъ, былъ уничтоженъ этотъ злокачественный наростъ, въ половинѣ іюля 1855 года, и до сихъ поръ нѣтъ еще возврата. Въ этомъ случаѣ авторъ прибѣгалъ и къ пирокаустическому колесу для вскрытія и уничтоженія свищеваго хода. Къ этому приложено два фотографическихъ снимка *).

Вторая исторія болѣзни описываетъ случай небольшаго fungus haematodes нижней губы, разстроеннаго этимъ же цилиндромъ въ три минуты и весьма скоро зажившаго.

Раскаленное остроконечіе — это тотъ же платиновый цилиндръ, но гораздо меньшаго объема и съ заостреннымъ, заклёпаннымъ концомъ. Этотъ инструментъ предлагаетъ авторъ при прижиганіяхъ, дѣлаемыхъ на вѣкахъ глазъ, увѣряя, что имъ можно прижечь глубоко весьма ограниченное пространство, не повреждая сосѣднихъ тканей, и слѣдовательно, при операціи на вѣкахъ, глазъ остается въ совершенной безопасности.

Наконецъ въ § 107 авторъ описываетъ обстоятельно свой портативный аппаратъ для производства операцій внѣ дома.

*) Эту больную я самъ видѣлъ до начала леченія и по заживленіи язвы.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Изъ всего этого кратко изложеннаго обзора сочиненія всякій можетъ убѣдиться въ томъ, какъ добросовѣстно обработанъ предметъ г. Круселемъ. Отчетливость въ изложеніи исторій болѣзней, правдивость которыхъ засвидѣтельствована извѣстными врачами и подтверждена вѣрными фотографо-стереоскопическими рисунками, откровенность и послѣдовательность въ разсказѣ о постепенномъ открытіи средствъ противъ злѣйшаго врага здоровья человѣческаго, внутреннихъ и наружныхъ, для усовершенствованія и удобопримѣнимости которыхъ онъ не жалѣлъ ни времени, ни труда, ни огромныхъ денежныхъ издержекъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Открытіемъ внутренняго средства терапія пріобрѣла новое, хотя не совершенно вѣрное, но дѣйствительное средство противъ рака и другихъ худосочій. Но важно въ особенности изобрѣтеніе пирокаустики. Это наружное средство дѣйствительно обогатило хирургію новымъ, сильнымъ, безопаснымъ агентомъ. Подобное открытіе уже принесло въ короткое время значительную пользу; но, безъ всякаго сомнѣнія, эта польза будетъ въ послѣдствіи огромною для страждущаго человѣчества, устраняя удобно, скоро и безопасно страданія, считающіяся теперь или трудно удалимыми, или совершенно неудалимыми. Раковыя пораженія пріобрѣли въ этихъ открытіяхъ сильныхъ противодѣятелей, а страждущее человѣчество — новыхъ поборниковъ.

МНѢНІЕ

Академиковъ БУНЯКОВСКАГО, ЯКОБИ и ЧЕБЫШЕВА

о двухъ изобрѣтенныхъ г. Зарубинымъ инструментахъ

ПЛАНИМЕТРЪ-САМОКАТЪ И ТРАНСФОРМАТОРЪ,

(представленныхъ съ приложеніемъ описанія сихъ снарядовъ.)

16

На конкурсѣ 1854 года Академія присудила второстепенную премію г. Зарубину за изобрѣтеніе различныхъ инструментовъ, которыми облегчается составленіе плановъ и, въ особенности, ихъ измѣреніе. Нынѣ г. Зарубинъ представилъ на конкурсъ еще два инструмента для измѣренія площадей — *Планиметръ-самокатъ* и *Трансформаторъ*. Изъ этихъ инструментовъ особеннаго вниманія заслуживаетъ первый — *планиметръ-самокатъ*. — Особенность этого планиметра, весьма важная въ практическомъ отношеніи, состоитъ въ томъ, что *поле* его дѣйствія несравненно болѣе, чѣмъ въ другихъ планиметрахъ. Всѣ доселѣ извѣстные планиметры могутъ служить непосредственно для измѣренія небольшихъ плановъ, въ которыхъ ни длина, ни ширина не превосходятъ извѣстныхъ предѣловъ, и эти предѣлы, зависящіе отъ размѣра самаго инструмента, слишкомъ тѣсны для бо́льшей части случаевъ практики. — Новый планиметръ г. Зарубина даетъ площадь плана, какъ бы онъ ни былъ дли-ненъ; ограниченіе остается только въ ширинѣ плана.

Не трудно предвидѣть все затрудненіе въ устройствѣ планиметра, котораго бы *поле* дѣйствія было безконечно въ одномъ направленіи: указатель, которымъ обводится планъ, и стрѣлки циферблата, на которомъ обозначается величина измѣренной площади, должны быть соединены какими либо органами передачи движенія; — величина этихъ органовъ, по необходимости, полагаетъ предѣлъ удаленія указателя отъ цифер-

блата, а потому указатель планиметра можетъ двигаться безпредѣльно по какому либо направленію только въ томъ случаѣ, когда циферблатъ — вмѣстѣ со всѣмъ планиметромъ — можетъ перемѣщаться. Но, съ другой стороны, ясно, что планиметръ долженъ имѣть только извѣстныя, опредѣленныя движенія; иначе онъ не могъ бы дать никакого опредѣленнаго результата. — Какимъ-же образомъ достигнуть того, чтобы планиметръ самъ собою принималъ только такія движенія, которыя необходимы для вычисленія площадей?

Въ рѣшеніи этой задачи заключается трудность устройства планиметра, котораго бы *поле* дѣйствія было неограниченно въ извѣстномъ направленіи. Не имѣя упорныхъ, неподвижныхъ точекъ, разумѣется, нельзя воспрепятствовать совершенно какимъ либо перемѣщеніямъ планиметра; все чтò можно, это затруднить перемѣщенія, которыхъ планиметръ не долженъ дѣлать для вѣрности своихъ показаній. Г. Зарубинъ достигаетъ этого, принимая за основаніе *планиметра-самоката* извѣстную уже Академіи *линейку-планиметръ*, которая, катаясь на двухъ цилиндрахъ, прикрѣпленныхъ къ одной оси, свободно двигается параллельно себѣ, и представляетъ значительное сопротивленіе въ другихъ перемѣщеніяхъ. По движенію поступательному линейки и движенію указателя вдоль ея, площадь измѣряемой фигуры опредѣляется безъ затрудненія. Механизмъ, употребленный здѣсь г. Зарубинымъ, вполнѣ достигаетъ своей цѣли; величина измѣряемой площади показывается стрѣлками на циферблатѣ такъ же, какъ въ другихъ планиметрахъ. Но показанія эти будутъ вѣрны только въ томъ случаѣ, когда дѣйствительно, при обводѣ плана указателемъ, линейка ни мало не подвинется по длинѣ своей, и не выйдетъ изъ параллельности первоначальному своему положенію, а это все обезпечивается, какъ видѣли, только треніемъ цилиндриковъ, на которыхъ движется весь планиметръ, сопротивленіемъ весьма ограниченнымъ. Поэтому нельзя ожидать вѣрныхъ результатовъ отъ этого планиметра, если, при употребленіи его, не будетъ при-

нято особой предосторожности отъ ненормальнаго движенія инструментомъ, чего вполнѣ, разумѣется, нѣтъ возможности достигнуть: въ рукахъ нашихъ бываютъ сотрясенія, даже безсознательныя. Въ настоящемъ случаѣ это тѣмъ труднѣе, что для обвода указателемъ плана, ограниченнаго кривыми линіями, необходимо двигать въ одно время и линейку перпендикулярно ея направленію, и указатель вдоль линейки: при выполненіи этихъ двухъ движеній одновременно, сотрясенія въ рукахъ неизбѣжны. — Опредѣленіе площади дѣлается проще въ фигурахъ прямолинейныхъ: тамъ нѣтъ необходимости обводить указателемъ весь планъ; достаточно только обойти два раза всѣ углы, поддвигая послѣдовательно къ каждому изъ нихъ линейку, и потомъ по линейкѣ указателя. Но и въ этомъ случаѣ, безъ особой предосторожности, въ движеніи планиметромъ нельзя избѣгнуть чувствительныхъ погрѣшностей.

Такъ-какъ въ планиметрѣ главное достоинство заключается въ вѣрности его показаній, которыя не должны требовать значительной траты времени, то признавая превосходство *планиметра-самоката* г. Зарубина относительно обширности поля его дѣйствія и въ то-же время особыя затрудненія, при скорой работѣ имъ, получать результаты достаточно точные, мы должны были рѣшить, до какой степени эти затрудненія могутъ быть устранены навыкомъ. Пользуясь пріобрѣтеніемъ въ Москвѣ дѣятельнаго члена-корреспондента въ лицѣ извѣстнаго ученаго Н. Д. Брашмана, мы просили Академію поручить ему испытаніе *планиметра-самоката* относительно степени точности, до которой можно достигнуть продолжительнымъ употребленіемъ этого инструмента. Съ этою цѣлію нашъ членъ-корреспондентъ произвелъ 14 рядовъ опытовъ, въ которыхъ самъ изобрѣтатель измѣрялъ своимъ *планиметромъ-самокатомъ* различныя фигуры, какъ прямолинейныя, такъ и криволинейныя. Опыты эти, гдѣ измѣрялись площади отъ $\frac{1}{2}$ квадратнаго дюйма до 50 квадратныхъ дюймовъ, съ употребленіемъ на каждое измѣреніе менѣе *одной минуты* (за исключеніемъ одного, потре-

бовавшаго 1 минуту 15 секундъ), показали, что при значительномъ навыкѣ къ употребленію *планиметра-самоката* можно получать помощію его очень скоро результаты достаточно точные; за исключеніемъ 6го опыта, гдѣ измѣрялась очень маленькая фигура, и гдѣ погрѣшность доходила до $\frac{1}{12}$, вообще наибольшія погрѣшности не достигали до $\frac{2}{100}$ измѣряемой площади *). Вмѣстѣ съ описаніемъ этихъ опытовъ, г. **Брашманъ** представилъ Академіи донесеніе, гдѣ относительно достоинства *планиметра-самоката* и его испытанія онъ говоритъ слѣдующее:

«Сравненіе вычисленныхъ площадей фигуръ, тщательно награвированныхъ на металлическихъ пластинкахъ, не могло быть произведено по недостатку времени для приготовленія подобныхъ чертежей; но, по весьма хорошему масштабу, были начерчены съ возможною точностію фигуры, подвергнутыя опытамъ на бумагѣ, натянутой на столѣ. Площади этихъ фигуръ хотя и были исчислены съ возможною точностію, однако же не могутъ считаться столь вѣрными, чтобы показанныя въ опытахъ погрѣшности могли быть отнесены только на счетъ планиметра, и я предполагаю, что уже удовлетворительные для практики результаты опытовъ съ планиметромъ показали бы еще менѣе погрѣшности при испытаніи его надъ фигурами, начерченными на металлической пластинкѣ.

«Планиметръ, подверженный испытанію, находится уже въ употребленіи въ Межевой Канцеляріи годъ и десять мѣсяцевъ, гдѣ повѣряется этимъ снарядомъ ежедневно около 100 плановъ, заключающихъ въ себѣ не менѣе 5000 квадратныхъ дюймовъ. Это доказываетъ прочность снаряда и увеличиваетъ достоинство въ практическомъ его примѣненіи.

«Конечно для полученія весьма удовлетворительныхъ результатовъ посредствомъ планиметра г. **Зарубина**, требуется

*) Среднія же погрѣшности, за исключеніемъ вышеупомянутаго опыта, для каждой фигуры были менѣе $\frac{1}{100}$.

нѣкоторый навыкъ и осторожность, и я даже замѣтилъ, что самъ г. Зарубинъ, желая, вѣроятно, сократить время наблюденія, по окончаніи опыта сдѣлалъ быстрое движеніе головой для отсчитыванія дѣленій, показанныхъ стрѣлками, и тѣмъ перемѣнилъ рукою мѣсто указателя надъ чертежемъ; но при нѣкоторомъ вниманіи легко можно пріучиться въ теченіе недѣли къ употребленію этого снаряда для полученія достаточно точныхъ результатовъ въ практикѣ.

«Не желая, чтобы самъ г. Зарубинъ отсчитывалъ числа, показываемыя стрѣлками его планиметра при произведеніи опытовъ, я, для вѣрнѣйшаго наблюденія, пригласилъ г. Швейцера присутствовать при производствѣ опытовъ, который вмѣстѣ со мной отсчитывалъ числа, показанныя стрѣлками, и наблюдалъ время.

«Сравнивая планиметръ г. Зарубина съ однимъ изъ лучшихъ иностранныхъ планиметровъ, усовершенствованнымъ Ганзеномъ, я нахожу нѣкоторое преимущество перваго въ томъ: I) что онъ гораздо легче, меньше объемомъ, проще въ устройствѣ и потому удобнѣе къ переноскѣ съ одного мѣста на другое; II) хотя обведеніе чертежа посредствомъ центра кружка, начерченнаго на стеклѣ, можетъ показаться вѣрнѣе, нежели обведеніе остроконечнымъ указателемъ; однако въ практическомъ употребленіи, гдѣ требуется работа планиметромъ ежедневно въ продолженіи шести часовъ, наблюденіе съ лупою можетъ быть весьма утомительно для глаза, и даже можетъ повредить точной оцѣнкѣ мѣста центра кружка. Поэтому, мнѣ кажется, предпочтительнѣе употребить остроконечный указатель. При этомъ не излишнимъ считаю замѣтить, что для точныхъ наблюденій было бы выгоднѣе, если бы указатель состоялъ изъ остроконечной шпильки, утвержденной на концѣ прорѣзанной пластинки такъ, чтобы сквозь прорѣзъ остріе указателя было видно со всѣхъ сторонъ. III) Одну изъ весьма важныхъ практическихъ выгодъ планиметра г. Зарубина въ сравненіи съ планиметромъ Ганзена нахожу въ томъ, что пер-

вый снарядъ можетъ быть легко вывѣренъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, по различнымъ масштабамъ; между тѣмъ какъ въ планиметрѣ Ганзена весьма трудно съ точностію сдѣлать вертикальный кружокъ, отъ котораго зависитъ извѣстное показаніе планиметра; и притомъ нельзя ручаться за неизмѣнность его діаметра при долгомъ употребленіи снаряда. Планиметромъ г. Зарубина можно въ одинъ разъ исчислять площадь около 200 квадратныхъ дюймовъ, т. е. площадь въ 12 разъ больше той, которую можно въ одинъ разъ вычислить планиметромъ Ганзена.

«Въ заключеніе долгомъ считаю донести Академіи, что соображая несомнѣнную практическую пользу, принесенную остроумнымъ изобрѣтеніемъ г. Зарубина, при недостаткѣ его въ средствахъ и времени, нахожу, что оно достойно вниманія и поощренія.»

Изъ этого видно, что г. Зарубинъ устройствомъ своего *планиметра-самоката* рѣшилъ задачу объ измѣреніи плановъ неограниченной длины, — задачу, которая по свойству своему, какъ видѣли, представляетъ особыя затрудненія, вполнѣ не устранимыя. Но такъ-какъ опытъ показалъ, что навыкомъ въ употребленіи инструмента г. Зарубина эти затрудненія устраняются на столько, что результаты, имъ получаемые, имѣютъ точность достаточную для практики, то *планиметръ-самокатъ*, превосходя значительно другіе планиметры обширностію *поля* своего дѣйствія, представляетъ изобрѣтеніе, заслуживающее поощренія; а потому мы считаемъ его достойнымъ награды *второстепенною* Демидовскою *преміею*.

Другой инструментъ, представленный г. Зарубинымъ на нынѣшній конкурсъ, подъ названіемъ *трансформаторъ*, служитъ для облегченія извѣстнаго въ геометріи построенія, которымъ всякая многоугольная фигура превращается въ *трехъугольникъ*. За неимѣніемъ планиметра, этотъ инструментъ можетъ быть съ выгодою употребленъ для опредѣленія площади плана, ограниченнаго прямыми линіями. Передъ *линейкою-*

планиметромъ, служащей для той-же цѣли, *трансформаторъ* имѣетъ то преимущество, что въ немъ собственно двѣ линейки, которыхъ взаимное наклоненіе можно измѣнять согласно съ требованіемъ самого превращенія многоугольника въ трехъугольникъ, чѣмъ значительно ускоряется измѣреніе площади.

Описаніе устройства и употребленія этихъ инструментовъ сдѣлано г. Зарубинымъ вполнѣ отчетливо.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

Г. С. ЕШЕВСКАГО

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

К. С. АПОЛЛИНАРІЙ СИДОНІЙ,

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРІИ ГАЛЛІИ V ВѢКА,

СОСТАВЛЕННЫЙ

Проф. А. Делленомъ.

Сенека (Ер. С. 8), говоря о разговорахъ Ливія, которые къ сожалѣнію не дошли до насъ, относитъ ихъ столько-же къ исторіи, сколько и къ философіи. Точно также и сочиненіе, которымъ г. Ешевскій обогатилъ отечественную литературу, относится съ одной стороны къ филологіи, а съ другой къ политической исторіи. Самъ сочинитель высказываетъ это въ заглавіи книги, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ самому содержанію: «К. С. Аполлинарій Сидоній, эпизодъ изъ литературной и политической исторіи Галліи V вѣка«. Въ самомъ дѣлѣ, если едва замѣтное значеніе, которое Аполлинарій Сидоній пріобрѣлъ въ Римской словесности, какъ поэтъ, ораторъ и сочинитель писемъ, сравнить съ тѣмъ вліяніемъ, которое этотъ Галльскій вельможа имѣлъ въ свѣтскомъ и духовномъ кругу, какъ государственный человѣкъ и епископъ: то отъ основательной и полной біографіи Сидонія надо ожидать, что она будетъ болѣе относиться къ политической исторіи, нежели къ исторіи литературы, и такимъ образомъ можетъ болѣе занимать историка κατ' ἐξοχήν, нежели филолога. И такъ неудивительно, что сочиненіе г. Ешевскаго, достойное вниманія не только ученыхъ, но и всѣхъ образованныхъ людей, при самомъ своемъ появленіи въ свѣтъ принято было отечественными историками, какъ подарокъ, сдѣланный преимущественно исторіи. Кажется я не ошибаюсь, что безъименные сочинители обоихъ основательныхъ разборовъ, изъ которыхъ одинъ помѣщенъ въ «Отече-

ственныхъ Запискахъ» за сентябрь мѣсяцъ прошедшаго года, другой въ «Современникѣ» за сентябрь мѣсяцъ того-же года Е. Ѳ., сами историки, потому что они разсматривали сочиненіе г. Ешевскаго главнымъ образомъ съ исторической точки зрѣнія и притомъ съ такимъ знаніемъ дѣла и съ такою ученостію, что предположеніе мое дѣлается почти убѣжденіемъ. Не могу не сознаться, что ихъ усердный и, какъ кажется, съ истинною любовію къ дѣлу совершенный трудъ значительно сократилъ и облегчилъ мою рецензію. Въ самомъ дѣлѣ, если я рѣшился, послѣ такихъ дѣльныхъ разборовъ, изложить и свое мнѣніе о сочиненіи г. Ешевскаго, то сдѣлалъ это только, во-первыхъ, по лестному для меня со стороны Академіи порученію; во-вторыхъ, потому что относительно разбора этого сочиненія съ исторической точки зрѣнія могу сослаться на выше упомянутыя статьи, которыя, равно какъ и самое сочиненіе г. Ешевскаго, были мною обсужены еще до порученія, сдѣланнаго мнѣ Академіею; наконецъ я надѣялся, что, разсмотрѣвъ это сочиненіе съ филологической точки, я пополню оба эти разбора. И такъ, имѣя въ виду преимущественно филологическій разборъ сочиненія, не нахожу нужнымъ повторять то, что уже прежде и совершенно справедливо было высказано другими, а ограничусь только, въ случаѣ моего согласія съ мнѣніями обоихъ рецензентовъ и по мѣрѣ надобности, ссылкою на результаты ихъ доказательствъ. Такимъ образомъ я надѣюсь сберечь время и мѣсто для замѣчаній другаго рода, которыя по-видимому не такъ важны, но во всякомъ случаѣ необходимы для полной оцѣнки сочиненія г. Ешевскаго, какой оно само по своему достоинству заслуживаетъ и какой ожидаетъ Академія отъ тѣхъ, кому даетъ подобнаго рода порученія.

Г. Ешевскій, какъ самъ выражается въ предисловіи стр. XII, имѣлъ въ виду двоякую цѣль: «представить, по поводу біографіи Сидонія и на основаніи его сочиненій, сколько возможно полную картину современнаго ему положенія Галліи, и въ тоже время въ характерѣ и жизни этого блестящаго представителя

образованной аристократіи Галліи прослѣдить всю полноту нравственнаго и умственнаго паденія свѣтскаго общества». Достоинство всякаго ученаго труда большею частію зависитъ отъ слѣдующихъ 5[и] вопросовъ: 1) какъ важенъ самъ по себѣ предметъ сочиненія? 2) какъ великъ недостатокъ, который пополняется этимъ сочиненіемъ въ какой либо наукѣ? или другими словами: какъ велика надобность въ предпринимаемомъ сочиненіи? 3) какія затрудненія надлежало преодолѣть при составленіи его? 4) избралъ ли сочинитель самый лучшій путь для достиженія предположенной цѣли? 5) въ какой мѣрѣ эта цѣль имъ дѣйствительно достигнута или не достигнута? — Критикъ долженъ отвѣчать на всѣ эти вопросы, чтобы оцѣнка его, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи, была полна.

Для историка, который не довольствуется вѣрнымъ и связнымъ изложеніемъ событій, совершившихся на земномъ шарѣ въ теченіе тысячелѣтій, но поставляетъ себѣ задачею изслѣдовать также характеръ и духъ народовъ и лицъ, по времени появленія каждаго на историческомъ театрѣ, сличить одно съ другимъ постоянно измѣняющіяся явленія, привести ихъ въ взаимную связь, подвести подъ общую точку зрѣнія и изъ всего извлечь основные законы развитія человѣчества, — для такого историка, который стоитъ на той-же высотѣ, на какой стоитъ теперь его наука, едва-ли въ исторіи народовъ и государствъ найдется какой либо другой періодъ важнѣе того, въ который народъ, нѣкогда сильный и славный хотя и сходитъ самъ со сцены, но его благотворные труды проникаютъ въ жизнь народовъ, заступившихъ его мѣсто, свѣжихъ силами, — періодъ, въ который на развалинахъ распадающагося громаднаго государства возникаютъ и процвѣтаютъ новыя. Въ подобную эпоху тѣмъ вѣрнѣе можемъ мы изучить основныя черты характера вновь возникающаго народа, чѣмъ менѣе онѣ измѣнены и сглажены чуждымъ вліяніемъ; здѣсь болѣе всего можемъ распознать, что̀ этотъ народъ наслѣдовалъ отъ своихъ предшественниковъ и какъ онъ воспользовался этимъ наслѣдіемъ. Нельзя от-

вергать, что Римское государство, существовавшее 1229 лѣтъ, обладавшее цѣлымъ тогда извѣстнымъ міромъ и своею цивилизаціею давшее основу современной, стòитъ полнаго вниманія всѣхъ образованныхъ людей; что и исторія Франціи, какъ государства еще и теперь цвѣтущаго, могучаго и славнаго въ глазахъ цѣлаго свѣта, имѣетъ право на то, чтобы всякій историкъ, который для пріобрѣтенія многосторонности и бо́льшей вѣрности въ своихъ сужденіяхъ оставляетъ на время поле Отечественной Исторіи и посвящаетъ себя изученію исторіи какого-нибудь иноземнаго народа, предпочелъ изученіе ея изученію исторіи всѣхъ другихъ народовъ. Такъ важенъ и разносторонен предметъ, изслѣдованію котораго г. Ешевскій посвятилъ свои труды!

И дѣйствительно исторія Франціи, не говоря уже о французскихъ ученыхъ, которые ею занимались, находила всегда столько воздѣлывателей между учеными другихъ націй, что перечень самыхъ именъ можетъ утомить рецензента и читателя. Но съ особымъ усердіемъ и успѣхомъ обработана французскими историками преимущественно древняя исторія Франціи. Я назову здѣсь только Гизо (*Guizot:* Essai sur l'histoire de France n. éd. 1843. I. 12), Петиньи (*Pétigny:* Études sur l'histoire, les lois et les institutions de l'époque mérovingienne. Paris. 1843—1845. II. 8), Форіеля (*Fauriel:* Histoire de la Gaule méridionale sous la domination des conquérants germains. IV. 8), І. М. Легюерона (*Lehuëron:* Histoire des institutions carolingiennes et du gouvernement des Carolingiens. I. 8. — Histoire des institutions mérovingiennes et carolingiennes II. 8) и братьевъ Тьерри (*Amédée Thierry:* Histoire de la Gaule sous la domination romaine. Paris 1840. III. 8.—Histoire des Gaulois, depuis les temps les plus reculés jusqu'à l'entière soumission de la Gaule à la domination romaine 2-e édit. II. 8. — *Augustin Thierry:* Récits des temps mérovingiens, précédés de considérations sur l'histoire de France. Paris. 1846. II. 8. — Dix ans d'études historiques. 2-e édit. Paris. 1846. 8. — Lettres sur l'histoire de France pour servir d'introduction à l'étude de cette

histoire. 6-e édit. Paris. 1846. I. 8), потому что трудами ихъ часто пользовался и г. Ешевскій въ своемъ сочиненіи; но болѣе всего, какъ самъ онъ говоритъ въ своемъ предисловіи (стр. vii), и не безъ основанія слѣдовалъ онъ Петиньи. Такимъ образомъ г. Ешевскій предметомъ своихъ изслѣдованій избралъ періодъ французской исторіи, уже обработанный многими знатоками; и чѣмъ легче въ подобныхъ обстоятельствахъ подчиниться вліянію чужихъ мнѣній, тѣмъ смѣлѣе такое предпріятіе и тѣмъ выше заслуга, если сочинителю удалось разъяснить изслѣдованный предметъ съ новой стороны или по крайней мѣрѣ отчетливѣе. Правда, что общій характеръ этого періода довольно извѣстенъ; но ни одинъ изъ французскихъ изслѣдователей его, по крайней мѣрѣ ни одинъ изъ прежнихъ, не въ состояніи былъ совершенно освободиться отъ взгляда своей партіи; даже самые ученѣйшіе изъ этой націи, постоянно волнуемой партіями, обыкновенно болѣе или менѣе подчинены этому вліянію. Объ этомъ замѣчаетъ и рецензентъ Е. Ѳ. (Соврем. 1855 г. Сент. Критик. стр. 2). Г. Ешевскому должно отдать справедливость въ томъ, что онъ изобразилъ общественныя, литературныя, политическія и церковныя отношенія тогдашней Галліи съ безпристрастіемъ и проницательностію, а тѣмъ самымъ весьма много содѣйствовалъ къ правильному уразумѣнію исторіи этого государства. Кромѣ того, онъ напалъ на самую счастливую мысль, на которую можетъ быть навело его образцовое сочиненіе *Лебеля* (*I. W. Löbell:* Gregor von Tours und seine Zeit, vornehmlich aus seinen Werken geschildert. Ein Beitrag zur Geschichte der Entstehung und ersten Entwickelung romanisch-germanischer Verhältnisse. Leipzig. 1839. 8): связать свое изображеніе съ біографіею Аполлинарія Сидонія, который и самъ по себѣ, какъ общественный представитель и вѣрный живописецъ своего времени и народа, вполнѣ достоинъ подробнаго изученія. Это потому, что не только въ самомъ Аполлинаріѣ Сидоніѣ отражается его вѣкъ, которому онъ вполнѣ принадлежалъ по своимъ нравамъ, взглядамъ и по своей дѣятель-

ности, но и потому, что онъ оставилъ намъ еще свои сочиненія, въ которыхъ представляетъ свое время съ особенною болтливостію, разсказывая одинаково подробно какъ о маловажныхъ, такъ и о важныхъ событіяхъ. При томъ богатствѣ и разнообразіи матеріаловъ, какое представляется здѣсь историку, Аполлинарій Сидоній своими сочиненіями столько же интересуетъ послѣдняго, сколько по своей безпредѣльно тяжелой и запутанной прозѣ и по своимъ до невѣроятности надутымъ и и темнымъ стихамъ наскучаетъ всякому другому своему читателю, не имѣющему такой опредѣленной цѣли, съ какою читаетъ его историкъ. Оттого я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ г. Ешевскаго въ его предисловіи на стр. v: «Аполлинарій Сидоній даетъ возможность историку, не выходя почти изъ предѣловъ его біографіи, коснуться всѣхъ сторонъ современной ему дѣйствительности. Прославленный литераторъ, близкій свидѣтель почти всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ событій, участникъ во многихъ изъ нихъ, наконецъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ и уважаемыхъ епископовъ Галліи, Аполлинарій Сидоній своими сочиненіями представляетъ драгоцѣннѣйшій источникъ для политической и литературной исторіи своего времени. Говоря о его многосторонней дѣятельности, біографъ Сидонія почти противъ воли дѣлается историкомъ Галліи, а иногда и историкомъ всего западно-римскаго міра, и въ его же произведеніяхъ находитъ полнѣйшій матеріалъ для своего труда». Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ тѣхъ, которые писали о состояніи Галліи въ V вѣкѣ, не оставлялъ Аполлинарія совершенно безъ вниманія; но большая часть писателей занималась имъ слишкомъ мало, и даже тѣ, которые думали почтить его бо̀льшимъ вниманіемъ, поступали при этомъ односторонно. Такъ Амперъ въ своемъ обширномъ сочиненіи (Histoire littéraire de la France avant le XII siècle, par Ampère. Paris. 1839. II. 8) обозрѣлъ одну литературную дѣятельность Аполлинарія, и то въ такомъ видѣ, въ какомъ разсматривается она въ руководствахъ исторіи римской литературы; Петиньи (въ

своей вышеупомянутой исторіи) изобразилъ только политическую; но ни одинъ изъ нихъ не обсудилъ дѣятельности Сидонія какъ епископа. Филаретъ Шаль въ своихъ: Études sur les premiers temps du christianisme et sur le moyen âge, Paris. 1847, 8, посвятилъ на разсмотрѣніе Аполлинарія Сидонія 7 параграфовъ (§ VI — XII, стр. 108 — 144) и въ нихъ обсудилъ его со всѣхъ сторонъ; но очеркъ Шаля есть болѣе поверхностное умствованіе, нежели ученое разсужденіе, и многія ошибки, на которыя можно указать въ этомъ сочиненіи, какъ справедливо замѣтилъ г. Ешевскій (стр. 106, прим. 219), заставляютъ подозрѣвать, что Шаль не былъ коротко знакомъ съ главнымъ источникомъ для оцѣнки Сидонія, именно съ сочиненіями его. Равно недостаточны оба большія специальныя сочиненія о Сидоніи, которыя были подъ рукою у г. Ешевскаго и обсуждены весьма вѣрно въ его предисловіи стр. xiii и сл. Именно А. Жерменъ (A. C. Germain) въ своемъ: Essai littéraire et historique sur Apollinaris Sidonius. Montpellier, 1840, писалъ вовсе безъ критики и не понялъ характера Сидонія; а сочиненіе М. Фертига (M. Fertig: C. Soll. Apollinaris Sidonius und seine Zeit, nach seinen Werken dargestellt. III Abtheilungen. Passau. 1845 — 1848) кажется еще поверхностнѣе; авторъ не воспользовался даже тѣми пособіями, которыя необходимы для основательной обработки этого предмета. Книга г. Ешевскаго есть первое специальное сочиненіе о Сидоніи, которое представляетъ намъ полное и критически точное жизнеописаніе его, а вмѣстѣ съ тѣмъ живую картину общественнаго, литературнаго, политическаго и церковнаго состоянія Галліи въ V вѣкѣ. И такъ, она пополняетъ значительный пробѣлъ не только въ древней исторіи Галліи, но и въ исторіи римской литературы, и тѣмъ цѣннѣе, что сочинитель не только съ умѣньемъ воспользовался богатымъ матеріаломъ, который содержится въ самыхъ сочиненіяхъ Сидонія, и ловко разсортировалъ оный, но не оставилъ безъ вниманія даже ни одного замѣчательнаго по этому предмету сочиненія.

При этомъ надлежало преодолѣть немаловажныя трудности. Не говоря уже о томъ, что исторія Галліи V вѣка весьма запутана и что при множествѣ дѣльныхъ писателей объ этомъ важномъ періодѣ мало новому изслѣдователю остается надежды сказать что нибудь новое и цѣнное, — изученіе Сидонія представляетъ еще другія особаго рода трудности. Уже въ IV вѣкѣ изящность слога, къ которой стремилась галльская школа, превратилась въ пустую надутость и игривую изысканность, такъ что Іеронимъ мѣтко далъ надутому слогу Галловъ прозвище галльскаго котурна (cothurnus gallicanus). У Сидонія острота, ученый пуфъ, стремленіе къ изысканной звучной рѣчи, пристрастіе къ разительнымъ словамъ и оборотамъ собственнаго изобрѣтенія, несроднымъ языку и небывалымъ по употребленію, доходятъ до крайности. Для изученія его нѣтъ ни одного годнаго словаря и Казобонъ по правдѣ называетъ его «in re latinitatis improbum intestabilemque». Сверхъ того, по страсти его къ многорѣчивости въ изложеніи самыхъ маловажныхъ предметовъ, онъ теменъ и непонятенъ. Даже современники жаловались, что не вездѣ можно понимать его; то же самое находили Петрарка, Амперъ (т. I, стр. 251), Форіель (т. I, стр. 419), словомъ, всѣ, которые для своихъ цѣлей не могли обойтись безъ чтенія его сочиненій; и даже новѣйшіе переводчики Сидонія: И. Ф. Грегуаръ и Ф. Л. Колломбе (I. F. Grégoire et F. L. Collombet: Oeuvres de C. S. Apollinaris Sidonius, traduites en français avec le texte et des notes. Lyon. 1836. III) должны были многія мѣста этого писателя переводить окольными перифразами, а два мѣста оставили вовсе безъ перевода.

Г. Ешевскій, о чемъ оба его рецензента отзываются съ похвалою, изобразилъ запутанныя отношенія Галліи въ V вѣкѣ ясно и просто и тѣмъ доказалъ необыкновенный талантъ историческаго изложенія. Сочиненіе его, по крайней мѣрѣ относительно біографіи и характеристики Сидонія, за исключеніемъ немногихъ недостатковъ, о которыхъ сказано будетъ ниже, содержитъ нѣчто новое. Во всякомъ случаѣ оно — самое полное

изъ всѣхъ сочиненій объ этомъ писателѣ. Впрочемъ усердіе, съ которымъ г. Ешевскій изучалъ главный свой источникъ — дошедшія до насъ сочиненія Сидонія, заслуживаетъ особенную признательность. Самая большая часть его положеній основывается на свидѣтельствѣ Сидонія; къ тому же г. Ешевскій не довольствовался одними указаніями на надлежащія мѣста Сидонія, но гдѣ ему казалось нужнымъ, — что было довольно часто, — заставляетъ говорить самого Сидонія, не боясь опасности переводить его. При этомъ выборъ мѣстъ изъ сочиненій Сидонія всегда такъ мѣтокъ, что читатель книги г. Ешевскаго легко можетъ изъ этихъ мѣстъ составить себѣ вѣрное понятіе о достоинствѣ Сидонія, какъ писателя. Рецензентъ въ Отечеств. Зап. стр. 15 и слѣд. объ этихъ переводахъ говоритъ: «въ многочисленныхъ выпискахъ, приведенныхъ изъ Сидонія, галльскій риторъ V вѣка вездѣ выражается плавнымъ и общедоступнымъ языкомъ, — даже съ намѣреніемъ сохраненные слѣды его искусственной, фигуральной рѣчи не мѣшаютъ ясности его смысла. Сидоній переданъ (г. Ешевскимъ) на русскомъ языкѣ не только вполнѣ-вразумительными, но и *весьма вѣрными* чертами», и называетъ ихъ *вѣрнымъ воспроизведеніемъ* сочиненій Сидонія. Но мнѣ кажется, что тутъ сказано уже слишкомъ много. Впрочемъ этимъ замѣчаніемъ я не хочу уменьшать заслугъ г. Ешевскаго, который, подобно новѣйшимъ французскимъ переводчикамъ, выразилъ мысль Сидонія во многихъ мѣстахъ только приблизительно, но не представилъ точнаго перевода его. Конечно, этого нельзя ставить въ вину г. Ешевскому, потому что онъ вовсе не думалъ выдавать себя за переводчика Сидонія. Эти переводы онъ сдѣлалъ, кажется, à propos и вовсе не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы облегчить трудъ будущимъ переводчикамъ Сидонія. Мы уже знаемъ, что слогъ Сидонія шероховатъ и запутанъ и что авторъ часто выражается весьма темно; а между тѣмъ переводъ г. Ешевскаго, по лестному отзыву его рецензента, почти вездѣ плавенъ и всегда понятенъ. Уже это одно обстоятельство сильно гово-

ритъ противъ того, что переводы г. Ешевскаго «вѣрное воспроизведеніе» сочиненій Сидонія; и въ самомъ дѣлѣ, читатель этихъ переводовъ, безъ сличенія ихъ съ латинскимъ текстомъ, при всемъ своемъ желаніи узнать слогъ Сидонія, едва ли поймет надутость и запутанность онаго. Что г. Ешевскій старался передать болѣе смыслъ, нежели слова текста, и вовсе не думалъ касательно своихъ читателей о томъ впечатлѣніи, какое произведетъ на нихъ чтеніе латинскаго текста: это видно изъ того, что въ самыхъ высокопарныхъ мѣстахъ онъ пропускалъ лишнее для его цѣли. Впрочемъ въ переводахъ его есть много мѣстъ, которыя можно, безъ потери плавности и ясности, передать вѣрнѣе. Я приведу здѣсь для примѣра только тѣ, которыя прямо подтверждаютъ справедливость моего мнѣнія.

Сочинитель хочетъ доказать свидѣтельствами изъ самаго Сидонія, что послѣдній писалъ стихами и прозою весьма скоро и что вообще скорость въ сочиненіи ставили въ то время въ честь писателю. Онъ говоритъ (стр. 44): «рѣчь по поводу избранія епископа въ Буржѣ стоила ему (Сидонію) *двухъ лѣтнихъ ночей*». Но въ приведенномъ имъ письмѣ Сидонія (Epp. VII, 9) сказано: «Itaque paginam sume subditis voluminibus adjunctam: quam *duabus vigiliis unius noctis aestivae*, Christo teste, dictatam....» И такъ, Сидоній эту рѣчь, единственную, которая сохранилась, диктовалъ своему писцу *въ теченіе двухъ стражей одной лѣтней ночи*, т. е. *въ одну половину лѣтней ночи*, и правильный переводъ взятаго мѣста свидѣтельствуетъ, что Сидоній *въ четыре раза скорѣе* кончилъ свою рѣчь, нежели какъ говоритъ г. Ешевскій. Въ самомъ дѣлѣ, эта рѣчь слишкомъ коротка, и Сидоній не могъ бы похвалиться скоростію сочиненія, если бы на составленіе ея употребилъ цѣлыхъ двѣ ночи.

Стр. 77. Г. Ешевскій переводитъ стихи, помѣщенные въ Epp. IX, 13, слѣдующимъ образомъ: «у которыхъ пальцы поютъ *какъ* звонкій голосъ и *быстрыми движеніями смычка* потрясаютъ оживленныя струны». Но въ текстѣ читаемъ:

«Digiti quibus canentes,
Pariter sonante lingua,
Vive pectinis fatigent
Animata fila pulsu».

т. е.: «у которыхъ *подъ напѣвъ голоса* пальцы (поющіе) *вмѣсто смычка* потрясаютъ одушевленныя струны». Кориеескія арфянки, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, дѣйствуютъ пальцами, не употребляя смычка, какъ обыкновенно дѣлалось, и оттого поэтъ называетъ ихъ пальцы «поющими», canentes; ихъ онъ не могъ бы назвать такъ, если бы они не касались струнъ непосредственно. Разница въ смыслѣ, которая здѣсь происходитъ отъ точнаго перевода, сама по себѣ не важна; но при переводѣ писателя, который въ своихъ изображеніяхъ такъ подробенъ, какъ Сидоній, и котораго многословіе служитъ для того, чтобы изъ его разсказовъ составить картину нравовъ давно минувшаго времени, надо тѣмъ ближе придерживаться текста, чѣмъ болѣе въ противномъ случаѣ переводчикъ подвергается опасности потерять довѣріе касательно вѣрности своего повѣствованія. Нигдѣ такъ часто не принимаются въ соображеніе даже самыя мелочи, какъ при изображеніи нравовъ.

На стр. 92 изъ перевода письма (Epp. V, 17) читаемъ: «Кто могъ разсказать хорошо анекдотъ, стоющій вниманія, того слушали съ жадностію, *хотя веселость слушателей часто прерывала разсказъ*». Сидоній же пишетъ: «*Nec erat idcirco non distincta narratio, quia* laetitia permixta», т. е. «и разсказъ былъ *тѣмъ не менѣе прекрасенъ* (привлекателенъ), потому что былъ веселъ». На той же самой страницѣ г. Ешевскій заставляетъ Сидонія говорить: «Игру въ мячъ началъ я, потому что тебѣ извѣстно, *я люблю эту игру не меньше книгъ*». Въ текстѣ же стоитъ: «Sphaerae primus ego signifer fui, *quae mihi, ut nosti, non minus libro comes habetur*». т. е. я первый вынулъ мячъ, который, какъ ты знаешь, *наравнѣ съ книгой сопутствуетъ мнѣ (всегда у меня въ карманѣ)*.

На 93 стр. изъ того же письма г. Ешевскій переводитъ: «тяжело дыша *и съ* разгорѣвшимся *лицомъ*». Въ подлинникѣ стоитъ: «suspiriosus *extis* incalescentibus», т. е. «тяжело дыша, запыхавшись разгоряченными *легкими*». Далѣе: «Я хотѣлъ бы, чтобы ты продиктовалъ какое нибудь четырестишіе объ этихъ лоскутьяхъ, *которые оказали мнѣ услугу*». Сидоній пишетъ: «Vellem, inquit, *ad pannum similis officii*, aliquod tetrastichon mihi scribi juberes», т. е. «*объ этомъ платкѣ (тряпкѣ) для подобнаго употребленія*». Такихъ неточно переведенныхъ мѣстъ встрѣчается въ книгѣ г. Ешевскаго очень много и безъ всякой уважительной причины. Впрочемъ на это замѣчаніе вызвало меня мнѣніе рецензента Отечест. Записокъ, что переводы г. Ешевскаго суть «вѣрное воспроизведеніе» сочиненій Сидонія. Можно ли сказать это о переводѣ, въ которомъ подобныя неточности встрѣчаются почти на каждой страницѣ? Съ другой стороны не много нужно примѣровъ, чтобы освободить автора отличнаго сочиненія отъ неумѣстно излишней похвалы въ дѣлѣ вовсе, по моему мнѣнію, стороннемъ для него.

Сидоній исполнилъ желаніе Филимація и написалъ эпиграмму на выше упомянутый платокъ. Онъ самъ сообщаетъ ее, Epp. V, 17, своему другу Ерифію, зятю Филимація. Въ ней говорится:

Mane *novo*, seu cum ferventia balnea *poscunt*,
Seu cum venatu frons calefacta madet:
Hoc foveat pulcher faciem Philimatius udam,
Migret ut in bibulum vellus ab ore liquor.»

Г. Ешевскій на 94 стр. переводитъ это такъ: «Въ *другое* утро, *выходя* изъ горячей бани, или когда охота увлажитъ разгорѣвшееся чело, *пусть найдетъ* прекрасный Филимацій *снова эту шерстяную тряпку, чтобы въ нее перешла влага также быстро, какъ льется напитокъ въ горло пьяницы.*» Это небольшое стихотвореніе, наскоро написанное, принадлежитъ, по своей простотѣ, какъ мнѣ кажется, къ числу самыхъ лучшихъ стиховъ Сидонія, можетъ быть потому, что онъ его импровизиро-

валъ и не имѣлъ времени сообщить ему своей обыкновенной надутости. Тѣмъ пріятнѣе былъ бы здѣсь буквальный переводъ, для котораго не представляется ни малѣйшаго препятствія. Однако-же г. Ешевскій въ переводѣ этой эпиграммы не только не выразилъ немногихъ красотъ ея, но внесъ сюда то, чего въ ней вовсе нѣтъ. *Mane novum* не значитъ *другое утро*, но *юное*, *раннее* утро, какъ у Виргилія (Georg. III, 325), какъ у Жуковскаго: Громобой Т. I, стр. 115. Изд. 5. 1849 г. «Отъ сна вставая съ юнымъ днемъ.» Это любимое выраженіе поэтовъ древнихъ и новыхъ и довольно часто встрѣчается у нихъ. *Cum balnea poscunt* не значитъ *выходя изъ бани*, но: *«когда баня того требуетъ»*. Hoc foveat не значитъ *пусть найдетъ снова эту тряпку Филимацій*, но просто: *пусть Ф. этимъ платкомъ утрется*. Послѣдняго стиха г. Ешевскій вовсе не понялъ и напрасно вставилъ оскорбительное для хорошаго вкуса сравненіе. Въ текстѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на это. *Ut* съ сослагательнымъ наклоненіемъ никогда не принимается, какъ принялъ переводчикъ, за союзъ сравнительный «*какъ*», но за conjunctio finalis, за союзъ, указывающій на цѣль «*чтобы*, *дабы*». *Ut* указываетъ здѣсь на цѣль, съ которою Филимацій долженъ этимъ платкомъ вытирать свое лице. *Migrare* не значитъ *быстро перейти*, но болѣе выражаетъ медленное перехожденіе, какъ бываетъ съ жидкостями, которыя всасываются въ какую либо плотную матерію. Наконецъ *bibulus* здѣсь не есть существительное и не значитъ *пьяница*, но прилагательное, относящееся къ *vellus*, а *vellus bibulum* есть собственное и знаменательное выраженіе, вмѣсто шерстянаго утиральника (платка), всасывающаго жидкость, какъ еще Плиній младшій сказалъ (Epp. VIII, 15) *charta bibula*. Безъ всякаго также основанія перевелъ г. Ешевскій на стр. 189 *madida taberna* (Epp. VIII, 11) словами: *«гостинница, набитая пьяницами»*. Нѣсколько выше Сидоній назвалъ этотъ платокъ *linteum villis onustum*, мохнатое полотенце, а г. Ешевскій переводитъ: *«полотенце покрытое шерстью»*. Такимъ образомъ вѣрный переводъ этой эпиграммы былъ бы

почти слѣдующій: *Раннимъ* утромъ, *требуетъ* ли этого теплая ванна, или на охотѣ нагрѣтое чело увлажится, пусть прекрасный Филимацій *оботретъ* этимъ полотенцемъ мокрое лицё, *чтобы потъ съ-него перешелъ во всасывающую шерсть*». Едва можно понять, какъ г. Ешевскій дѣлалъ конструкцію послѣдняго стиха, что вывелъ изъ него такой невѣрный смыслъ. Приступая къ переводу этого длиннаго письма, онъ говоритъ на стр. 91: «Превосходный переводъ, сдѣланный Гизо въ его Исторіи французской цивилизаціи (Leçon troisième), поможетъ намъ *вѣрно и по возможности близко* передать разсказъ Сидонія,—что, какъ мы уже кажется замѣтили, дѣло не совсѣмъ легкое». Но въ цѣлой книгѣ г. Ешевскаго нѣтъ ни одной статьи Сидонія, которая была бы такъ невѣрно переведена, какъ это письмо: оттого оно болѣе другихъ подтверждаетъ мое мнѣніе о переводахъ г. Ешевскаго. Не облегчилъ ли себя сочинитель на этотъ разъ противъ обыкновенія и вмѣсто перевода латинскаго текста не представилъ ли намъ французскаго перевода Гизо? Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ рукою сочиненія Гизо и я не могу утверждать основательно или неосновательно мое подозрѣніе; но мнѣ кажется, что я на этотъ разъ не слишкомъ ошибаюсь. Французскіе переводы древнихъ греческихъ и римскихъ классиковъ, сколько я замѣтилъ, бо̀льшею частью можно упрекать въ неточности. И такъ я бы желалъ предостеречь каждаго, кому нуженъ вѣрный переводъ, не слишкомъ много довѣрять французскимъ переводамъ, не сравнивъ ихъ прежде внимательно съ подлинникомъ.

На стр. 163 слова Сидонія (Epp. I, 2, а не II, 2 какъ напечатано у г. Ешевскаго): «Igitur (Theodoricus) vir est *et illis dignus agnosci, qui eum minus familiariter intuentur*» переведены слѣдующимъ образомъ: «Уже *тѣмъ интереснѣе* узнать этого человѣка (Теодериха), *чѣмъ труднѣе взглянуть на него поближе*». Между тѣмъ надо перевести такъ: «И такъ Теодерихъ такой человѣкъ, *который стоитъ того, чтобы и тѣ знали его, которые не совсѣмъ близки къ нему*». Не много прежде *civilitas* Theodorici переведено

словомъ *образованность*, но *civilitas* значитъ *учтивость*, *вѣжливость*, *людскость*.

На стр. 164 читаемъ: «*На разсвѣтѣ* Теодерихъ съ малымъ числомъ спутниковъ посѣщаетъ собраніе своихъ священниковъ (аріанскихъ), *которымъ* онъ оказываетъ большое уваженіе.» Но текстъ: «Antelucanos sacerdotum suorum coetus minimo comitatu expetit, grandi sedulitate *veneratur*» надо перевести такъ: «Теодерихъ съ весьма малымъ числомъ спутниковъ посѣщаетъ собранія своихъ священниковъ, *бывающія до разсвѣта*, и *молится* весьма усердно.» Правда я не знаю ни одного случая, гдѣ бы римскій классикъ употребилъ слово *venerari* въ смыслѣ *молиться*, безъ прибавки *deos* или другаго слова въ винительномъ падежѣ, которое бы показывало кому молятся; но у Сидонія, который, по отношенію къ латинскому языку, позволяетъ себѣ гораздо бо́льшія вольности, это не должно казаться страннымъ. Кромѣ того естественно, что язычники, покланяясь многимъ богамъ, всегда прибавляли имя того бога, которому молились; чего не нужно христіанину, исповѣдующему только *одного* Бога. Если *veneratur* надо непремѣнно отнести къ какому нибудь винительному падежу, то слѣдуетъ отнести къ слову *coetus*, а не къ *sacerdotum*. По связи гораздо скорѣе надо сказать здѣсь, какъ Теодерихъ молился, нежели указывать на то, уважалъ ли онъ своихъ священниковъ или нѣтъ.

На стр. 166 читаемъ: «При счастливыхъ ударахъ онъ молчитъ, при несчастныхъ смѣется, *когда ничья*, *нѣсколько сердится*, но всегда умѣетъ владѣть собою». Сидоній (Epp. I, 2), изображая Теодериха, говоритъ также о его поведеніи при игрѣ въ кости: «In bonis jactibus tacet, in malis ridet, *in neutris irascitur*, in utrisque philosophatur.» Здѣсь говорится только о двухъ родахъ ударовъ, счастливыхъ и несчастныхъ, какъ видно изъ слѣдующаго *utrisque*. И такъ надо перевести: «При счастливыхъ ударахъ онъ молчитъ, при несчастныхъ смѣется, но *ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ* (т. е. ни въ какомъ случаѣ) *не сердится*, а ведетъ себя какъ философъ» т. е. остается рав-

нодушенъ. Правда, Сидоній могъ не говорить, что Теодерихъ не сердится при счастливыхъ ударахъ, потому что это рѣдко бываетъ съ игроками въ кости, но этотъ писатель, изъ страсти къ сравненіямъ и контрастамъ слишкомъ часто прибѣгаетъ къ такимъ выраженіямъ и фразамъ, которыя не совсѣмъ приходятся кстати. Можетъ быть даже и слово *irasci* здѣсь надо принимать въ смыслѣ страсти, какъ на-примѣръ бываетъ радость при выигрышѣ и досада при проигрышѣ. Примѣровъ, гдѣ слова принимаются совершенно въ новыхъ значеніяхъ, у Сидонія довольно, и это предположеніе сдѣлано мною безъ всякой натяжки. У него ничто не дѣлается обыкновеннымъ способомъ. Всѣ эти мѣста, относящіяся къ Теодериху, переведены г. Ешевскимъ, какъ я показалъ, невѣрно; между тѣмъ, какъ онъ обязанъ былъ тѣмъ менѣе отступать отъ текста, чѣмъ важнѣе бываютъ при изображеніи характеровъ часто даже малѣйшіе оттѣнки.

Въ томъ-же письмѣ (I, 2) Сидоній пишетъ: «Circa nonam recrudescit moles illa regnandi. Redeunt pulsantes, redeunt summoventes, ubique litigiosus fremit ambitus: qui tractus in vesperam, coena regia interpellante rarescit, et per aulicos deinceps pro patronorum varietate dispergitur, *usque ad tempus concubiae noctis excubaturus.*» Послѣднюю половину этого мѣста г. Ешевскій стр. 166 переводитъ слѣдующимъ образомъ: «Это продолжается до вечера и толпа рѣдѣетъ только, когда объявляютъ, что готовъ уже королевскій ужинъ; она расходится по дворцу къ различнымъ патронамъ до *тѣхъ поръ, пока не начнутъ разставлять ночную стражу*». Но тамъ нѣтъ ни слова о разставкѣ ночной стражи. *Excubaturus* относится къ *ambitus*, а *ambitus* поставлено вмѣсто *ambientes*, какъ часто отвлеченное вмѣсто конкретнаго, на-пр. *senectus* вмѣсто *senes*, *servitium* вмѣсто *servi*. Мнѣ кажется, это мѣсто надо понимать такъ: «Когда король садится за столъ, то люди, ожидавшіе аудіенціи у него и не представившіе ему своихъ дѣлъ, не смотря на вечеръ, разходятся каждый къ своему другу, какого кто имѣетъ между придворными, именно

между живущими въ дворцѣ, чтобы тамъ до самаго того времени, когда пойдутъ спать, караулить не удастся-ли еще увидѣть короля хотя поздно вечеромъ.

На стр. 182 г. Ешевскій пишетъ: «Оправился хитрый старикъ, и, все еще взволнованный досадой на то, что Пеоній перебилъ его, сказалъ.» Въ подлинникѣ читаемъ Epp. I, 11: «Colligit itaque sese trebacissimus senex (Athenius) et, ut semper intrinsecus aestu pudoris excoquebatur, cur sibi Paeonius *anteferretur*, — inquit» т. е. хитрый старикъ ободрился (отъ смѣха короля) и такъ какъ онъ всегда внутренно кипѣлъ отъ стыда, что Пеоній былъ ему предпочтенъ, сказалъ...» Именно и теперь предпочли Пеонія Атенію тѣмъ, что перваго посадили за императорскимъ столомъ выше послѣдняго. Нѣсколько прежде Сидоній называетъ Атенія «*hominem litium temporumque varietatibus exercitatum*» т. е. человѣкомъ навострившимся въ разныхъ спорахъ и обстоятельствахъ жизни, въ которыхъ онъ находился, — что г. Ешевскій на стр. 181 неточно переводитъ: «Атеній, испытанный *превратностями* времени и обстоятельствъ». Что слово *tempus* употребляется въ такомъ смыслѣ, въ какомъ я его здѣсь принимаю, доказательствомъ можетъ служить Плиній (Epp. I, 6, 9).

Въ томъ-же письмѣ (Epp. I, 11) Сидоній говоритъ: «Sed cum ille (Paeonius) cofusus reticuisset, *Princepsque consuleret erubescenti*, ait, annuo postulatis».... Г. Ешевскій переводитъ это такъ: «Но когда смущенный Пеоній молчалъ и *только румянецъ, покрывшій лицо, отвѣчалъ за него;* я согласенъ, сказалъ императоръ, если»... Но буквальный переводъ гласитъ: «Но когда пристыженный Пеоній молчалъ, *а императоръ хотѣлъ помочь краснѣющему*, то сказалъ... «Точный переводъ въ этомъ мѣстѣ потому важенъ, что здѣсь въ состраданіи Майоріана къ смущенному Пеонію высказывается сердечная доброта императора, а эта черта характера не выражена въ переводѣ г. Ешевскаго, не смотря на то, что послѣдній самъ желаетъ познакомить своихъ читателей съ превосходнымъ характеромъ Майо-

ріана. Это даже и побудило г. Ешевскаго сообщить самое письмо Сидонія. Именно г. Ешевскій говоритъ стр. 178: «Любопытное письмо Сидонія даетъ возможность составить полное понятіе, *какъ о характерѣ Майоріана*, такъ и объ отношеніяхъ къ нему Сидонія и....»

На какомъ основаніи г. Ешевскій на стр. 182 *comes* перевелъ словомъ *графъ*, я не смѣю рѣшить. Comes въ позднѣйшемъ латинскомъ языкѣ означаетъ вообще государственнаго чиновника и были comites primi, secundi, tertii ordinis. Одни классы изъ нихъ имѣли высшій санъ, на-пр. Consistorini. Упоминаются также comes domesticorum equitum et peditum, comes castrensis, comes dispositionum, comes scholarum, rei militaris, aerarii utriusque, commerciorum и другіе. Въ письмѣ I, 7 Флавій Азеллъ названъ comes sacrarum largitionum и это названіе г. Ешевскій стр. 217 переводитъ словомъ «министръ финансовъ». Ему соотвѣтствовалъ comes rerum privatarum seu praefectus fisci principis. Но были также comites honorarii, которые имѣли только титулъ, а не мѣсто; каковъ, кажется, былъ и Сидоній, потому что Майоріанъ въ разговорѣ называлъ Сидонія: Comes Sidoni! государственную же должность Сидоній получилъ позже отъ Антемія, который сдѣлалъ его предсѣдателемъ сената или начальникомъ города (praefectum senatus seu urbis).

Слова Сидонія, Epp. I, 11: «*nisi, quod dico, jactantia est,*» переданы г. Ешевскимъ стр. 183 такъ: «*могу сказать безъ хвастовства*». По правильному переводу «*если то, что я говорю, не есть хвастовство*»; Сидоній боится, чтобы не сказать слишкомъ много и по скромности прибавляетъ эти слова; между тѣмъ какъ г. Ешевскій, совершенно на оборотъ, заставляетъ Сидонія говорить съ большою самоувѣренностью.

Въ примѣръ не совсѣмъ вѣрнаго перевода можно здѣсь привести конецъ письма Epp. I, 11. Въ подлинникѣ стоитъ: Sed cum mihi sic satisfactum est, ut pectori meo, *pro reatu ejus,* tot potestatum dignitatumque culmina et jura summitterentur, fateor exordium contumeliae talis tanti fuisse, cui finis gloria fuit», a г.

Ешевскій на стр. 184 переводитъ: «Удовлетвореніе было впрочемъ слишкомъ достаточно; сильные и знатные вельможи *со слезами почти умоляли простить виновному* и, признаюсь, клевета была мнѣ полезна, потому что кончилась къ моей славѣ». О просьбѣ за виновнаго въ подлинникѣ вовсе нѣтъ рѣчи, но по буквальному переводу говорится здѣсь: «Но когда я удовлетворенъ былъ такъ, что за обвиненіе меня имъ (т. е. за обвиненіе, которое должно было мнѣ повредить) столько высокихъ и сильныхъ особъ прижалось къ моей груди, то признаюсь, что начало стыда, который кончился для меня со славою, было мнѣ весьма полезно».

Стр. 236 «Открыто и *со смѣхомъ* онъ толкуетъ о битвахъ съ мирными гражданами, о литературѣ съ варварами». Въ подлинникѣ (Epp. II, 1): «palam et *ridentibus convocatis* ructat (Seronatus) inter cives pugnas, inter barbaros literas». Сидоній слѣдовательно не говоритъ, что Серонатъ при своихъ неумѣстныхъ шуткахъ смѣется, какъ должно думать по переводу г. Ешевскаго, но что смѣются *созванные Серонатомъ слушатели.* Черта самаго смѣшнаго тщеславія, что онъ передъ созванною имъ самимъ публикою хочетъ играть роль человѣка богатаго свѣдѣніями, а между тѣмъ все дѣлаетъ на оборотъ. Это въ переводѣ г. Ешевскаго совершенно исчезаетъ.

На стр. 275 сочинитель говоритъ: «Папіанилла, которую Сидоній называетъ въ письмахъ доброй *женою* и *еще лучшей сестрою*, жила....» Г. Ешевскій сейчасъ говорилъ, что жены не разлучались съ мужьями, когда они дѣлались епископами, но жили при нихъ въ родѣ сестеръ. Представляя въ такой связи похвалу, воздаваемую Сидоніемъ собственной женѣ (Epp. V, 16), Г. Ешевскій ясно обнаруживаетъ свое желаніе воспользоваться этимъ мѣстомъ, какъ прямымъ указаніемъ на то, что Сидоній со времени своего епископства жилъ съ своею женою въ такихъ же отношеніяхъ, какъ братъ съ сестрою. Въ самомъ дѣлѣ Сидоній пишетъ въ вышеприведенномъ письмѣ: «Licet sis *uxor* bona, *soror quoque optima* es» т. е. хотя ты жена

добрая, а сестра самая добрая. Эти слова, по причинѣ не совсѣмъ вѣрнаго перевода г. Ешевскаго, получили другой нѣсколько оттѣнокъ. Изъ свидѣтельствъ другихъ писателей, приводимыхъ Сирмондомъ въ его изданіи Сидонія (Jacobi Sirmondi opera varia. Venetiis 1728. fol. Vol. I) стр. 567 примѣч. с, и повторенныхъ г. Ешевскимъ на стр. 273 и слѣд., кажется довольно видно, что женатый человѣкъ, получивъ званіе епископа, вступилъ въ такое отношеніе къ своей женѣ, какъ братъ къ сестрѣ. Однакожъ въ показанномъ мѣстѣ Сидонія Папіанилла называется сестрою вовсе не въ отношеніи къ Сидонію, ея мужу, но къ Экдицію, брату ея. Именно въ началѣ этого письма Сидоній извѣщаетъ свою жену Папіаниллу, что ея братъ Экдицій получилъ титулъ патриція. Затѣмъ онъ выражаетъ надежду, что это извѣстіе въ такія тяжелыя времена послужитъ ей большимъ утѣшеніемъ и вѣрно доставитъ радость. Послѣ того онъ говоритъ; «Novi enim probe, ne meo quidem te, quem ex lege participas, sic honore laetatam (quam laetata es honore fratris tui); quia licet sis uxor bona, soror quoque optima es». Если бы Сидоній оба слова *uxor* и *soror* хотѣлъ поставить въ отношеніи къ себѣ самому, то сказалъ бы непремѣнно: «quia licet *fueris* uxor bona, soror quoque optima es».

На стр. 286 у г. Ешевскаго читаемъ: «не назначаютъ новыхъ (епископовъ) на мѣсто умершихъ, *чтобы* черезъ нихъ не могло получать посвященія нисшее духовенство, и духовное разореніе такимъ образомъ далеко распространяется». А въ подлинникѣ (Epp. VII, 6) написано: «nec ullis deinceps episcopis in defunctorum officia suffectis, (per quos *utique* minorum ordinum ministeria subrogabantur) latum spiritualis ruinae limitem traxit». Переводъ хотя совершенно правиленъ, но только то, что Сидоній обозначалъ какъ естественное слѣдствіе того, что умершіе епископы не были замѣняемы другими, г. Ешевскій представилъ такъ, какъ будтобы противники православной церкви (Аріане) съ намѣреніемъ отмѣняли избраніе новыхъ епископовъ, дабы не могло получать посвященія нисшее духовенство, от-

чего естественно церковь должна была сильно страдать. *Utique* никогда не значитъ «чтобы не», но тоже что «*saltem*, *certe*, *конечно*», иногда тоже что «*duntaxat*, *исключительно*» (Ulp. Dig. XXVI, 10, 3, § 16.) Равнымъ образомъ г. Ешевскій то, что въ подлинникѣ изображается какъ естественное слѣдствіе событій, часто представляетъ въ переводѣ какъ нѣчто достигнутое съ намѣреніемъ, что конечно не всегда составляетъ большую разницу въ смыслѣ какого либо мѣста, однако же иногда, какъ именно здѣсь, даетъ факту совершенно другую важность. Никто не станетъ отвергать, что здѣсь, гдѣ г. Ешевскій говоритъ о мѣрахъ, какія принимали Аріане въ краяхъ, находившихся во власти Готовъ, противъ католическаго духовенства, которое было сильнѣе ихъ въ ученыхъ богословскихъ спорахъ, весьма важно, естественнымъ ли образомъ произошло то, что служило ко вреду католической церкви, или это причинено было ей съ умысломъ ея противниками. Если бы Сидоній думалъ, что Аріане оставляютъ епископскія мѣста у православныхъ вакантными дѣйствительно съ намѣреніемъ уменьшить также число и нисшаго ихъ духовенства: то, какъ отъявленый врагъ Аріанъ, онъ высказалъ бы это здѣсь прямо и выразился бы опредѣленнѣе, можетъ быть такъ: «*ne* per eos minorum ordinum ministeria *subrogari possent*.» По моему мнѣнію, переводчикъ менѣе всего можетъ отступать отъ подлинника тамъ, гдѣ онъ на словахъ своего писателя основываетъ какія либо важныя положенія.

Этихъ немногихъ примѣровъ достаточно для доказательства, что я не безъ основанія отвергаю мнѣніе рецензента Отеч. Записокъ. Такихъ примѣровъ я привелъ бы еще гораздо больше, если бы не боялся выйти изъ тѣсныхъ границъ разбора, имѣющаго цѣлію опредѣлить достоинство этого сочиненія вообще, а не во второстепенномъ отношеніи. Однакожъ, нельзя не замѣтить, что чѣмъ болѣе г. Ешевскій подвигался впередъ въ своемъ трудѣ, тѣмъ менѣе показывалъ неточностей; оттого ли, что больше познакомился съ языкомъ Сидонія, или отто-

го, что изданный Грегуаромъ и Колломбе французскій переводъ Сидонія, которымъ онъ могъ воспользоваться только подъ конецъ своего труда, существенно облегчилъ ему пониманіе Сидонія. Въ предисловіи, стр. XV, онъ самъ говоритъ: «Только подъ конецъ я получилъ текстъ и переводъ Сидонія, изданные ліонскими учеными Грегуаромъ и Колломбе. Это значительно облегчило мою работу и я могъ заимствовать изъ него нѣсколько примѣчаній для 1 и 2 главъ, и вполнѣ воспользоваться имъ для 3.» Изъ конца предисловія, стр. XVI, кажется можно заключить, что г. Ешевскій имѣлъ подъ рукою только лексиконъ Форчеллини. Но весьма полезенъ былъ бы ему лексиконъ: Car. du Fresne du Cange (Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis. Paris 1733. Basil. 1762. VI. fol.) съ дополненіями П. Карпентарія. (P. Carpentarii Glossarium novum ad scriptores medii aevi cum latinos tum gallicos, sive Supplementum ad auctiorem glossarii Cangiani editionem. Paris. 1766. IV. fol.) Впрочемъ я согласенъ, что переводчикъ Сидонія, по причинѣ особенности его языка и слога, долженъ бороться съ весьма большими трудностями и потому ему можно извинить небольшія неточности въ этомъ скучномъ трудѣ. Г. Ешевскій въ концѣ своего предисловія выражаетъ надежду, что не будутъ взыскательны къ его переводамъ: при трудности его предпріятія и при отличительномъ свойствѣ его труда, это желаніе весьма справедливо, и читатели его легко исполнятъ.

Прежде нежели стану отвѣчать на два послѣдніе вопроса, входящіе въ соображеніе при этомъ разборѣ, да будетъ мнѣ позволено исправить еще нѣсколько опечатокъ, которыя отчасти искажаютъ смыслъ, отчасти легко могутъ быть пропущены при второмъ изданіи книги самимъ сочинителемъ. Именно надо писать:

Стр. 16, примѣч. (35): Thrax *vates*, deus Arcus atque Phoebus
Omni carmine *post erant* et ipsas
Musas non ita musicas putares.

Стр. 23, примѣч. (49): Epist. l. IX. ep. 15.

Стр. 47, строчк. 12 снизу (bag*audae*).

Стр. 50, строчк. 2 снизу *porculi.*

Стр. 52, примѣч. (96): Sid. Epist. l. IV, 8.

Стр. 69, примѣч. (142): narratiunculae, *quarum* cognitu *hilararemur*,

Стр. 73, примѣч. (159): Sid. l. VIII, 11.

Стр. 76, примѣч. (164) строчк. 3 снизу: *Rhodantidas* per urbes.

Стр. 79, примѣч. (167): *Pannonius—Chunus—Burgundio—Alites—Ostrogethus.*

Стр. 105, примѣч. (219): Sid. Epist. l. VII, ep. 12.

Стр. 120. примѣч. (15): строчк. 9 снизу: *confragosorum.*

Стр. 163, примѣч. (57): Sid. Epist. l. I, 2.

Стр. 170, примѣч. (65): строчк. 5 снизу: *Jussisti.*

Стр. 187, примѣч. (82): *Auxerat* Augustus....

Стр. 188, примѣч. (85): Lauda*ndam* reor occupationem.

Стр. 278, примѣч. (54): *Cibyra*tarum

Стр. 286, примѣч. (66): Sid. l. VII, 6.

Стр. 304, примѣч. (100): vacua*tam.*

Стр. 307, примѣч. (108): non minus in unum *consilium.*

Стр. 310, примѣч. (113): inve*niris.*

Стр. 314, примѣч. (118): Igitur, *si quid* nostratium precatibus acquiescis, *actutum* in patriam....

Стр. 315, примѣч. (119): quae poscis, *quia.*

Стр. 316, строчк. 10 снизу: на *его* избалованные....

Стр. 318, примѣч. (125): *Tascius* Victorianus.

Стр. 329, примѣч. (141): En carmen, quod recen*seas*—destiterim vatici*nari* —

Стр. 334, примѣч. (150): Spoliis *onustum* —

Вообще въ книгѣ г. Ешевскаго столько опечатокъ, что полное исчисленіе ихъ заняло бы нѣсколько страницъ. Впрочемъ, исправная печать составляетъ внѣшнее украшеніе книги.

И такъ, хотя я относительно филологической части этого сочиненія не могъ согласиться съ лестнымъ для сочинителя мнѣніемъ Отечественныхъ Записокъ, однакожъ въ остальномъ, касательно великихъ достоинствъ и малыхъ недостатковъ со-

чиненія, я вполнѣ согласенъ съ обоими моими предшественниками, которые совершенно независимо другъ отъ друга разбирали это сочиненіе и пришли къ одинакимъ выводамъ. Впрочемъ, зная опасность, которой подвергается всякій, кто долженъ подавать свое мнѣніе послѣ такихъ важныхъ голосовъ, я принималъ вездѣ предосторожность, чтобы сужденіе этихъ ученыхъ не произвело на мое мнѣніе слишкомъ большаго вліянія. Хотя такимъ образомъ я поставленъ въ непріятное для рецензента положеніе повторять главнымъ образомъ то, что уже сказано другими: однако цѣль моего разбора требуетъ полноты и я подаю здѣсь свой голосъ не по собственному побужденію. И такъ я буду стараться, тамъ, гдѣ не могу сказать ничего новаго, по крайней мѣрѣ выражаться какъ можно короче.

Чтобы достигнуть двойной цѣли, которую, какъ мы уже сказали, г. Ешевскій имѣлъ въ виду, онъ избралъ себѣ слѣдующій, какъ мнѣ кажется, единственно прямой путь. Весьма разнообразный матеріалъ, который ему представляли, съ одной стороны, произшествія жизни человѣка, проведшаго вѣкъ свой въ такой дѣятельности, какъ Сидоній, съ другой стороны, изображеніе одной изъ важнѣйшихъ и поучительнѣйшихъ эпохъ всемірной исторіи (см. начало предисловія, стр. V), сочинитель очень благоразумно раздѣлилъ на три, какъ по объему, такъ и по содержанію почти равныя, группы. Жизнеописаніе Сидонія при этомъ служило для него главною темою и оно поставлено на первомъ планѣ; три возраста жизни человѣческой и три направленія, въ которыхъ дѣйствовалъ Сидоній, приняты за основаніе дѣленія. Первая глава его сочиненія, на 110 страницахъ, представляетъ намъ юность Сидонія и вмѣстѣ съ тѣмъ подробное извѣстіе о его литературныхъ трудахъ, потому что онъ прежде всего трудился на литературномъ поприщѣ. Затѣмъ весьма умѣстно представлено изображеніе не только литературныхъ занятій тогдашнихъ Галло-Римлянъ, но также всѣхъ ихъ общественныхъ учрежденій и обычаевъ. Вторая глава заключаетъ 136 страницъ (111—246) и представляетъ намъ Сидонія

въ возмужаломъ возрастѣ и на государственномъ поприщѣ, такъ что политическая дѣятельность относится къ періоду цвѣтущей возмужалости. На заднемъ планѣ этой картины поставлены политическія отношенія Галліи и римскаго государства около половины V столѣтія, вѣрное изображеніе которыхъ составляетъ какъ необходимую и естественную, такъ величественную, разнообразную и притомъ однакожъ не нарушающую единства часть цѣлой картины. Наконецъ въ 3-ей главѣ, самой краткой—она заключаетъ 99 страницъ (247—345),—мы видимъ Сидонія епископомъ. Онъ получилъ это высокое духовное званіе уже послѣ того, какъ сошелъ съ политическаго поприща, и сохранилъ его до конца своей жизни, хотя на нѣкоторое время разлученъ былъ съ своею паствою. Весьма естественно, сочинитель присоединилъ къ этой главѣ жизнь и дѣятельность тогдашняго христіанскаго духовенства, которое было уже раздѣлено на разныя, враждебныя между собой секты. Это сообщаетъ ясность и вмѣстѣ съ тѣмъ занимательность всему разсказу. Только при такомъ правильномъ и равномѣрномъ распредѣленіи матеріяловъ было возможно такъ искуено совладѣть съ ихъ массою и такъ много помѣстить въ трехъ столь тѣсныхъ рамахъ, безъ всякаго ущерба для ясности картины. Хотя часто вниманію читателя представляются самые разнообразные предметы, однако нигдѣ сочинитель не отводитъ его далеко отъ главнаго лица картины и не даетъ ему потерять его изъ виду. Почти вездѣ г. Ешевскій умѣлъ мастерски второстепенныя обстоятельства такъ тѣсно связать съ главными событіями, что они не только кажутся не лишними, но даже необходимыми, для того чтобы пролить свѣтъ на главное лице, Сидонія. Однимъ словомъ, относительно распредѣленія матеріяла, который надлежало разработать, сочинитель заслуживаетъ безусловную похвалу. Теперь посмотримъ, можно ли съ такою же похвалою отозваться о самомъ исполненіи, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ.

Первую главу своего сочиненія г. Ешевскій начинаетъ из-

вѣстіями о предкахъ, именно о дѣдѣ и отцѣ Сидонія. Читатель вводится въ семейство Сидонія, принадлежащее къ высокой гальской аристократіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомится съ часто перемѣнявшимися тогда сановниками Галліи, съ которыми дѣдъ и отецъ Сидонія были въ сношеніяхъ разнаго рода (стр. 1—8). Такъ какъ нѣтъ подробныхъ извѣстій о самой ранней юности Сидонія и вѣроятно его воспитаніе въ сущности не много отличалось отъ обыкновеннаго тогдашняго воспитанія всего аристократическаго юношества въ Галліи; то сочинитель старается этотъ пробѣлъ въ жизнеописаніи Сидонія весьма кстати дополнить тѣмъ, что очень подробно разсказываетъ о состояніи тогдашнихъ гальскихъ училищъ (стр. 9—34). Именно, сказавъ кое-что о множествѣ школъ (стр. 9) и о положеніи учащихъ въ нихъ (стр. 9 — 11), онъ изображаетъ училища V столѣтія и по крайней мѣрѣ во внѣшнемъ отношеніи немного находитъ въ нихъ различія съ училищами IV вѣка, времени самаго цвѣтущаго ихъ состоянія. Предметы преподаванія оставались тѣже: преподавались теперь, какъ и прежде, богословіе, римское право, греческій и латинскій языкъ, риторика и піитика (стр. 12). Всѣ эти предметы сочинитель разсматриваетъ порознь и по порядку (философію стр. 12—14, римское право стр. 14 и 15, греческій и латинскій языки стр. 16—19, риторику стр. 19—25 и поэзію стр. 25—34). При этомъ онъ не только подробно излагаетъ способъ преподаванія каждаго изъ нихъ и показываетъ, въ какой степени каждая изъ этихъ наукъ сравнительно пользовалась уваженіемъ у тогдашней образованной публики, но сверхъ того сообщаетъ краткія извѣстія о людяхъ, прославившихъ себя въ какомъ нибудь родѣ школьной учености. При этомъ случаѣ исчисляются (стр. 30 и 31) дошедшія до насъ стихотворенія Сидонія. Затѣмъ сочинитель изображаетъ упадокъ языческой литературы, которую Христіанство все болѣе и болѣе обезсиливало и, по непріязни къ ней, объявило вредною (стр. 34—37). Хотя въ V вѣкѣ, вмѣстѣ съ упадкомъ западной имперіи, угасла также и римская литература

и слѣдовательно не безъ основанія уже во время Сидонія со всѣхъ сторонъ слышны были жалобы на ея упадокъ; однакоже этотъ послѣдній вѣкъ умирающей римской словесности самодовольные современники, въ полной надеждѣ на возрожденіе наукъ, не только предпочитали предъидущему, но почти сравнивали его съ золотымъ, августовымъ вѣкомъ, — такъ что мы имѣемъ право принимать эти жалобы за однѣ риторическія фразы, посредствомъ которыхъ хотѣли въ большемъ блескѣ выказать Цицероновъ, Пиндаровъ и Платоновъ V вѣка (стр. 37 и 38). Послѣ этого отступленія сочинитель опять возвращается къ Сидонію. Онъ по именамъ называетъ намъ тѣхъ изъ его учителей, на которыхъ можно было указать съ вѣрностію, и нѣсколько обстоятельнѣе упоминаетъ о важныхъ знакомствахъ, которыя Сидоній завелъ въ бытность свою въ училищѣ (стр. 39 и 40). По выходѣ изъ училища, Сидоній велъ беззаботную жизнь богатаго свѣтскаго человѣка въ кругу Музъ. Однакожъ до 455 г. нѣтъ точныхъ свѣдѣній о немъ; первыя произведенія его пера въ стихахъ и прозѣ до насъ также не дошли, вѣроятно потому, что Сидоній свои письма и стихотворенія издалъ въ свѣтъ гораздо позже и по строгому выбору, слѣдовательно только то было имъ предназначено къ изданію, что онъ самъ считалъ достойнымъ сохранить для потомства, а всё остальное, писанное имъ въ юности, предано было забвенію. Судя по охотѣ писать, обнаруженной имъ въ уцѣлѣвшихъ сочиненіяхъ, вѣроятно онъ писалъ много. Потеря этихъ сочиненій сама по себѣ не важна, но можетъ быть замѣтна по извѣстіямъ, которыя съ ними для насъ исчезли. То, что дошло до насъ отъ Сидонія, достаточно для узнанія его характера и для правильной оцѣнки его, какъ писателя; отсюда легко можно понять, каковъ онъ былъ и какъ писалъ въ молодости. Хотя онъ самъ съ притворною скромностью говоритъ о себѣ, что ему писать легко, но что у него нѣтъ большаго дарованія; однакожъ это признаніе, которому ни онъ самъ, ни современники не вѣрили, весьма вѣрно (стр. 41—43). Скоро писать въ тѣ

времена, когда люди такъ быстро проживали жизнь, считалось чѣмъ-то великимъ. Къ серьезнымъ занятіямъ и серьезнымъ наукамъ не было ни времени, ни охоты; но легкій трудъ и развлеченія всякій любилъ и искалъ ихъ ужъ и для того, чтобы избавиться отъ мучительной мысли о печальной дѣйствительности, которая всѣхъ угнетала, и еще о болѣе ужасной будущности, которой близость многіе видѣли. Слѣдствіемъ этого было то, что смѣшнымъ образомъ высоко цѣнимы были самыя пустыя произведенія (стр. 44 и 45). Имѣя около 20 лѣтъ отъ роду, Сидоній женился на Папіаниллѣ, дочери Авита, одного изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ вельможъ Галліи. Эта женитьба придала еще болѣе блеска и безъ того знатной уже его фамиліи и значительно умножила его богатство (стр. 45 и 46). Здѣсь весьма кстати и сообразно съ планомъ своей книги сочинитель вводитъ самое подробное изображеніе жизни и занятій высшаго общества въ тогдашней Галліи, къ чему матеріялъ онъ заимствовалъ большею частію изъ Сидонія, и отчасти также изъ другихъ источниковъ, современныхъ этому писателю. Во-первыхъ, онъ изображаетъ намъ при видимомъ и всё болѣе и болѣе близкомъ паденіи римскаго государства сомнительное положеніе Галліи и показываетъ, какъ упадокъ римской имперіи способствовалъ умноженію матеріяльнаго благосостоянія высшаго сословія въ Галліи. Онъ сравниваетъ тогдашнихъ знатныхъ съ баронами среднихъ вѣковъ. У тѣхъ и другихъ онъ находитъ тѣже обширныя владѣнія, тоже презрѣніе къ нисшимъ сословіямъ, туже фактическую независимость отъ центральной власти, потерявшей свое значеніе, тотъ же недостатокъ патріотизма, тоже преслѣдованіе эгоистическихъ интересовъ (стр. 46—51). Затѣмъ онъ описываетъ виллы богатыхъ Галло-Римлянъ, мало по малу обратившіяся въ крѣпкіе замки (стр. 51—58), положеніе женщинъ въ домѣ и въ обществѣ (стр. 58—67), образъ времяпрепровожденія богатой знати (стр. 67—71) и праздничный пиръ у императора Майоріана, въ Арлѣ, преимущественно съ литературною бесѣ-

дою, причемъ онъ находитъ случай познакомить насъ не только съ тогдашнею роскошью въ украшеніи и освѣщеніи мѣстъ праздничныхъ собраній и стола, съ кушаньями и винами, но также съ особенностями поэтическаго состязанія тѣхъ временъ (стр. 71—77). Это пиршество вмѣстѣ съ тѣмъ должно дать читателю понятіе о непостижимой беззаботности, съ какою галльская аристократія жила среди окружавшей ее опасности. Ибо между тѣмъ какъ варвары со всѣхъ сторонъ угрожали Галліи и римской имперіи, тѣ, которые болѣе всего были обязаны защищать отечество, такъ спокойно и беззаботно пировали и веселились, какъ будто бы они были поражены слѣпотой и не видѣли приближавшейся катастрофы. Самые дѣятельнѣйшіе изъ нихъ занимались литературными игрушками, и въ то время, когда дѣло шло о существованіи римскаго государства и образованія, Сидоній не умѣлъ найти лучшаго занятія, какъ приготовленіе своихъ писемъ и стиховъ къ изданію въ свѣтъ (стр. 78—82). Чтобы дать своимъ читателямъ понятіе о мелочности и ничтожности стремленій большинства тогдашней знати, г. Ешевскій представляетъ изображенный Павлиномъ, въ его Евхаристиконѣ, идеалъ жизни зажиточнаго человѣка (стр. 83) и затѣмъ уже продолжаетъ картину тогдашнихъ нравовъ, обычаевъ и взглядовъ. Мы видимъ знатнаго Галло-Римлянина на охотѣ (стр. 84 и 85) и въ путешествіи, на морѣ и на сушѣ (стр. 86), гдѣ онъ любитъ то въ стихахъ то въ прозѣ выражать свои путевыя впечатлѣнія, чтобы они не погибли для потомства (стр. 87 и 88). Случайно мы узнаемъ о жестокомъ наказаніи, которому Сидоній, по возвращеніи изъ Ліона въ Овернь, подвергнулъ часть работниковъ, которые на старомъ кладбищѣ, давно поступившемъ на другое мірское употребленіе, раскопывали именно то мѣсто, гдѣ была могила его дѣда, съ какимъ презрѣніемъ галльскіе аристократы смотрѣли на низшій классъ и какъ съ нимъ обращались (стр. 88—90); и наконецъ сочинитель ведетъ насъ на церковный праздникъ, бывшій въ Ліонѣ (стр. 90—94). На томъ основаніи, что Си-

доній носитъ на себѣ столь вѣрный отпечатокъ своего времени, что для полнаго уразумѣнія этого времени нужно только точно и добросовѣстно съ нѣкоторыми подробностями изложить жизнь Сидонія, какъ человѣка, государственнаго чиновника, епископа и литератора (стр. 95 и 96); далѣе, что Сидоній въ томъ періодѣ жизни, который непосредственно предшествовалъ вступленію его на поприще государственной службы, главнымъ образомъ былъ преданъ литературѣ и своимъ друзьямъ и былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ знаменитѣйшими учеными своего вѣка (стр. 97); г. Ешевскій по справедливости считалъ полезнымъ, помѣстить здѣсь краткія извѣстія о всѣхъ тѣхъ лицахъ, которыя славились въ V вѣкѣ въ разныхъ городахъ Галліи или какъ учители, или вообще какъ ученые (стр. 97—106). Эти люди, близкіе другъ другу уже по роду своихъ занятій, были еще тѣснѣе соединены тою опасностію, которая угрожала усильно поддерживаемой ими греческо-римской образованности. Они охотно посылали другъ другу письма и новѣйшія свои произведенія. Какъ ни смѣшна была похвала, которою они надѣляли другъ друга, какъ ни тщетна была ихъ надежда на возрожденіе наукъ: однакоже усилія ихъ положить преграду вторгавшемуся варварству заслуживаютъ наше высокое уваженіе тѣмъ болѣе, что оно оказываемо имъ было даже при дворахъ варварскихъ вождей, которые овладѣли Галліею (стр. 107—109). Замѣчанія о легкомысліи, съ которымъ жили тогда въ самыхъ высшихъ кругахъ, заключаютъ эту поучительную и увлекательную главу (стр. 109 и 110).

Таково въ главныхъ очеркахъ содержаніе первой главы этого сочиненія. Здѣсь г. Ешевскій не находился на необработанной почвѣ, но умѣлъ пріятно изложить и значительно пополнить то, что уже сказано было объ этомъ предметѣ Форіелемъ, Гизо, Шалемъ и другими. Источниками своими, особенно Сидоніемъ, онъ пользовался добросовѣстно и искусно обработалъ извлеченный изъ нихъ матеріалъ. Изложеніе его

ясно, легко и пріятно, языкъ чистъ, благороденъ и сообразенъ съ важностію изображаемаго предмета. Не останавливаясь долго надъ тѣмъ, чтобы хвалить осторожность, съ какою авторъ на-пр. на стр. 39 не рѣшился признать на вѣрное Виктора учителемъ Сидонія, потому что въ томъ мѣстѣ, которое можетъ служить доказательствомъ (Carm. I, v. 25), чтеніе колеблется между Victore и Doctore, хотя первое безъ сомнѣнія заслуживаетъ преимущество; или на томъ, чтобы осуждать его за то, что онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не довольно точенъ въ выраженіяхъ, на-пр. когда онъ, на той же стр. прим. 78, Евлалію, жену Проба Магна. называетъ сестрою Сидонія, между тѣмъ какъ она въ самомъ дѣлѣ была только его soror patruelis, дочь брата отца Сидонія (двоюродная сестра); — не останавливаясь, говорю, надъ такими мелочами, я спѣшу высказать, какія изъ другихъ отдѣловъ этой главы, по моему мнѣнію, заслуживаютъ или не заслуживаютъ одобренія.

Взглядъ новыхъ историковъ, которые паденіе западной римской имперіи приписываютъ не однимъ частымъ нападеніямъ варваровъ, какъ это дѣлалось прежде, но думаютъ, что этотъ колоссъ такъ легко сдѣлался добычею варваровъ, потому что онъ уже давно носилъ въ себѣ зародышъ разрушенія; этотъ по истинѣ вполнѣ правильный взглядъ усвоилъ себѣ также и г. Ешевскій и небезуспѣшно старался защитить его, что надлежащимъ образомъ оцѣнено уже въ часто упоминаемыхъ рецензіяхъ. Прекрасно изображены литературныя занятія въ Галліи, и для того, чтобы рѣзче отдѣлить римское начало отъ галльскаго въ литературѣ этого вѣка, будемъ ли принимать съ г. Ешевскимъ, что все дѣтское въ ней было признакомъ старѣвшейся и мало по малу приближавшейся ко гробу римской словесности, или согласимся съ рецензентомъ Отеч. Зап. (стр. 21 — 28), что это было естественное явленіе, которое замѣчается во всякой юной словесности и слѣдовательно должно было повториться и въ галльской: тѣмъ не менѣе самое изображеніе остается вѣрнымъ и живымъ. Хотя авторъ, кажется, не

пользовался книгою Монара (*C. Monnard:* De Gallorum oratorio ingenio, rhetoribus et rhetoricae, Romanorum tempore, scholis. Bonn. 1848. 8), однако же онъ пришелъ къ такимъ выводамъ, какie находимъ въ этомъ отличномъ сочиненiи. Также удачно изображенie всего того, что относится къ частной жизни галло-римскихъ вельможъ V вѣка. И здѣсь рецензентъ Отеч. Зап. (стр. 32) думаетъ, что сочинитель слишкомъ занятъ процессомъ разрушенiя римской имперiи и потому вездѣ видитъ только слѣды упадка тамъ, гдѣ должно думать о водворенiи новаго порядка вещей и объ основанiи новыхъ народностей. Между тѣмъ если изъ описанiй г. Ешевскаго читатель убѣдится въ истинѣ и вѣрности ихъ,—что въ самомъ дѣлѣ и дѣйствительно бываетъ: то мы не станемъ много спорить о способѣ его взгляда, который здѣсь не столько важенъ, сколько опредѣленie самихъ фактовъ. Но тѣмъ менѣе можно умолчать о томъ, что мысли, высказанныя г. Ешевскимъ о положенiи женщины въ тогдашнемъ галльскомъ обществѣ, вовсе не могутъ быть приняты. По крайней мѣрѣ истина ихъ нисколько не оправдана приведенными сочинителемъ доказательствами. Дѣйствительно едва ли какое либо другое обстоятельство бросаетъ болѣе яркiй свѣтъ на состоянie общества, какъ положенie въ немъ женщины. Развратъ ея большею частiю есть вѣрный признакъ значительнаго упадка нравовъ въ цѣломъ обществѣ; почему г. Ешевскiй весьма былъ бы радъ найти здѣсь женщину униженною и испорченною, потому что это не только само по себѣ было-бы весьма кстати, но даже могло бы служить подкрѣпленiемъ истины въ остальномъ. Но г. Ешевскiй, заслуживающiй только похвалу за осторожность сужденiй во всѣхъ другихъ случаяхъ, именно здѣсь болѣе всего долженъ былъ остерегаться, чтобы въ рѣшенiи столь важнаго вопроса не подпасть въ зависимость отъ предварительно составленнаго мнѣнiя, чего на этотъ разъ, къ сожалѣнiю, кажется, онъ не избѣжалъ. Потому что читатель, какъ замѣчаетъ и рецензентъ въ Отеч. Зап. (стр. 32, 33), въ правѣ по ходу из-

ложенія подозрѣвать г. Ешевскаго въ томъ, что онъ имѣлъ уже готовое мнѣніе о женщинахъ прежде, чѣмъ развилъ его путемъ исторіи, почему весьма естественно было, что въ немногихъ свидѣтельствахъ объ этомъ предметѣ онъ именно нашелъ то, что думалъ найти. Онъ самъ говоритъ (стр. 59), что изъ Сидонія, въ сочиненіяхъ котораго о женщинахъ говорится рѣдко и только бѣгло, нельзя вывести никакого вѣрнаго заключенія; тѣмъ не менѣе ему кажется (на той же стр.), что именно молчаніе Сидонія ясно обнаруживаетъ, что женщина въ тогдашнемъ обществѣ играла второстепенную роль и что тамъ ее только терпѣли, но нимало не сожалѣли о ея отсутствіи. Оставленный такимъ образомъ здѣсь Сидоніемъ, сочинитель ищетъ другихъ свидѣтелей, и въ самомъ дѣлѣ находитъ у Сальвіана, Марія Виктора и Павлина вѣрныя доказательства, что женщины въ то время были въ большомъ презрѣніи по своему разврату. Однакоже, какъ мало эти свидѣтельства подтверждаютъ мнѣніе сочинителя, это оба рецензента изложили такъ вѣрно и основательно (см. Отеч. Зап. стр. 33 и Соврем. стр. 11, 12), что я считаю себя избавленнымъ отъ обязанности новыхъ доказательствъ. Сидоній въ своихъ сочиненіяхъ весьма рѣдко говоритъ о женщинахъ; но тѣ немногія изъ нихъ, о которыхъ онъ упоминаетъ, пользовались, кажется, вполнѣ его уваженіемъ. Если этотъ словоохотный писатель молчитъ о томъ, о чемъ сочинители писемъ разсуждаютъ охотно, то безъ сомнѣнія скорѣе всего должно думать, что онъ ничего не говоритъ о женщинахъ потому, что не имѣлъ ничего сказать о нихъ; изъ этого нельзя опять также заключать, что женщины были испорченной нравственности, но наоборотъ. Извѣстное изрѣченіе: «тѣ женщины самыя лучшія, о которыхъ меньше всего говорятъ», кажется, не разногласитъ съ истиною.

Вторую главу сочинитель начинаетъ смертію императора Валентиніана III, котораго преемникомъ былъ Петроній Максимъ (стр. 111, 112). Положеніе имперіи было безнадежно, и чтобы убѣдиться въ скоромъ паденіи ея, нужно только, по

словамъ сочинителя, взглянуть на Галлію, гдѣ еще больше было римскаго патріотизма, нежели въ самомъ Римѣ (стр. 113). Изложивъ на основаніи notitia dignitatum точно и подробро, какими путями разные варварскіе народы распространялись въ Галліи, Британіи и Испаніи, которыя составляли всѣ вмѣстѣ Галльскую префектуру, и какіе округи они тамъ заняли, отчего, естественно, должно было страдать не только образованіе вообще, но въ особенности Христіанство (стр. 113—133), г. Ешевскій доказываетъ, что со смертію Валентиніана III собственно уже перестала существовать западная имперія, и что хотя она еще оставалась нѣкоторое время, но потому только, что варвары не понимали своей собственной силы. То, что Сидоній говоритъ о Готахъ, а именно, что имъ не нужно было сражаться, а только итти впередъ и забирать области въ свою власть, то же самое сочинитель находитъ приличнымъ сказать и о всѣхъ варварскихъ народахъ (стр. 133, 134). Только признаваемый самими варварами нравственный и умственный перевѣсъ римской имперіи, при всемъ политическомъ ея безсиліи, продлилъ мнимую власть надъ ними, а Римъ сохранилъ свое вліяніе на нихъ искусною своею политикою, вооружая однихъ варваровъ противъ другихъ, чтобы сами себя истребляли и ослабляли (стр. 134—137). Однако же такое положеніе дѣлъ не могло долго существовать. Варвары перемѣнили свой образъ жизни и свои идеи, вожди ихъ стали самостоятельнѣе дѣйствовать и сознавать безсиліе Рима. Сначала варвары принимали цивилизацію римскую только наружно, но чѣмъ больше она проникала въ нихъ, тѣмъ больше они теряли уваженія къ имперіи. Изъ военныхъ поселеній, которыми варвары какъ бы сѣтью обняли цѣлыя области, произошли мало по малу независимыя государства и римская имперія рушилась безъ большихъ потрясеній, безъ трагической катастрофы, когда власть, средоточіемъ которой до сихъ поръ былъ Римъ, раздѣлилась между варварскими королями, изъ которыхъ каждый въ своемъ государствѣ заступилъ теперь мѣсто римскаго императора (стр.

137 — 139). Послѣ этого общаго обзора сочинитель опять возвращается къ исходной точкѣ этой главы, чтобы представить своимъ читателямъ особо и по порядку событія, предшествовавшія паденію римской имперіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, какое участіе принималъ въ нихъ Сидоній. Лишь только разошелся слухъ о смерти Валентиніана III, варвары въ Галліи, пользуясь замѣшательствомъ вслѣдствіе упраздненія римскаго престола, начали свои движенія впередъ. Максимъ спѣшилъ сдѣлать Авита предводителемъ войскъ въ Галліи; поэтому сочинитель помѣщаетъ здѣсь краткое жизнеописаніе и характеристику послѣдняго (стр. 139 — 141). Такъ какъ Авитъ былъ въ большой дружбѣ съ Теодерихомъ II, то Вестготы, услышавъ о приближеніи Авита, удержались отъ завоеваній и торжественно приняли римскаго вождя. Между тѣмъ, пока шли переговоры, пришло извѣстіе о погибели Максима и Авитъ провозглашенъ былъ императоромъ (стр. 142 — 148). Г. Ешевскій даетъ вѣрное сужденіе о панегирикѣ Сидонія тестю его, изложивъ содержаніе онаго (стр. 148 — 151). Этимъ стихотвореніемъ Сидоній упрочилъ свою славу, какъ поэтъ: его статуя поставлена была въ портикѣ Траяна и онъ теперь могъ надѣяться на свое возвышеніе (стр. 151). Но Рицимеръ, дерзкій Свевъ, вождь наемныхъ войскъ въ Италіи, соединился съ воинственнымъ Майоріаномъ, взялъ въ плѣнъ Авита и сдѣлалъ его епископомъ Піаченцы. Авитъ умеръ въ бѣгствѣ въ Галлію (стр. 152 — 154), а Рицимеръ послѣ краткаго управленія имперіею присвоилъ себѣ непомѣрную власть и сдѣлалъ императоромъ Майоріана. Сочинитель изображаетъ новаго императора какъ храбраго полководца и умнаго законодателя (стр. 154 — 156). Возстаніе въ Галліи, въ которомъ принимали участіе вмѣстѣ съ другими Сидоній, Пеоній и Марцелліанъ, скоро и легко было подавлено Майоріаномъ (стр. 157 — 160), и когда онъ самъ прибылъ въ Галлію, Теодерихъ II заключилъ миръ. Въ Галліи Майоріанъ такъ хорошо умѣлъ поставить себя и расположить къ себѣ сердца всѣхъ, что вскорѣ

начальники заговора, Марцелліанъ, Пеоній и Сидоній, предались ему; послѣдній даже, чтобы заставить забыть свое участіе въ возстаніи, принялъ на себя переговоры о мирѣ съ Теодерихомъ II, и для этого отправился въ Тулузу (стр. 161—163). Здѣсь г. Ешевскій помѣстилъ переводъ письма, въ которомъ Сидоній описываетъ короля вестготскаго съ малѣйшими подробностями, какъ по отношенію къ внѣшности, такъ и по отношенію къ характеру его. Къ этому присоединены замѣчанія объ успѣхахъ образованія у Готовъ, о простотѣ и невинности ихъ нравовъ и о несовершенномъ развитіи у нихъ королевской власти (стр. 163 — 169). Вслѣдствіе счастливаго исхода переговоровъ — потому что Теодерихъ призналъ опять первенство Рима — Сидоній сдѣлался другомъ Майоріана и написалъ панегирикъ въ честь этого соучастника въ смерти Авита (стр. 170). Изложивъ содержаніе этого стихотворенія, сочинитель замѣчаетъ, что похвала, воздаваемая здѣсь Сидоніемъ какому-то неизвѣстному, можетъ относиться только къ Рицимеру, убійцѣ Авита; далѣе онъ даетъ свое мнѣніе о достоинствѣ этой топорной работы, которая, какъ ему кажется, относительно плана и мыслей, принадлежитъ еще къ лучшимъ стихотвореніямъ Сидонія; наконецъ предполагая, что этотъ панегирикъ былъ отчасти вынужденъ и что въ немъ видны явные слѣды понятнаго замѣшательства поэта, обвиняетъ Сидонія въ легкомысліи и непостоянствѣ за то, что онъ, не доставляя ни малѣйшей пользы своему отечеству, разсыпается въ непомѣрной лести предъ тѣми, которыхъ долженъ былъ обвинять въ смерти своего тестя. Здѣсь Сидоній представляется г. Ешевскому декламаторомъ и пустымъ риторомъ, котораго заученныя и безъ всякаго убѣжденія высказанныя фразы тѣмъ болѣе должны оскорблять нравственное чувство читателя, что онѣ относятся къ Майоріану, единственному человѣку, трагическое положеніе котораго могло бы истинно воодушевить поэта (стр. 170 — 178). Затѣмъ разсказывается, какимъ образомъ Сидоній, во время пребыванія Майоріана въ Арлѣ, былъ заподозрѣнъ Пеоніемъ и

умѣлъ оправдаться блистательнымъ образомъ въ сочиненіи пасквиля, на который тогда обращено было большое вниманіе и который могъ угрожать сочинителю опасностію (стр. 178—184). О смерти Майоріана, преемникомъ котораго Рицимеръ сдѣлалъ Ливія Севера, Сидоній не выражаетъ ни малѣйшаго сожалѣнія; однакоже онъ совершенно оставилъ государственныя дѣла и посвятилъ себя опять литературѣ и сельскому хозяйству. Часто также онъ путешествовалъ, чтобы лично познакомиться съ тѣми, которыхъ зналъ прежде только по имени (стр. 184—191). Въ такихъ удовольствіяхъ сельской жизни и въ частой перепискѣ съ своими многочисленными друзьями онъ искалъ отдыха послѣ трудовъ своей политической жизни и утѣшенія послѣ горькихъ, испытанныхъ имъ обольщеній. Казалось, онъ не думалъ объ опасномъ положеніи своего отечества, въ томъ убѣжденіи, что нужно было только вступить на престолъ дѣятельному императору, чтобы поддержать разпадающееся римское государство: внутреннее повреждение онаго составляло для Сидонія тайну (стр. 192 и 193). По смерти Майоріана, въ Далмаціи сдѣлался независимымъ Марцелліанъ. Продолжительная борьба между Рицимеромъ и Эгидіемъ въ Галліи кончилась смертію послѣдняго и была гибельна для Галліи (стр. 194—199). Варвары опустошали ее подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы поддержать въ ней власть императора Севера. Северъ вскорѣ умеръ и Византійскій императоръ Левъ назначилъ Антемія императоромъ, а Рицимеръ женился на дочери новаго императора (стр. 200—202). Воцареніе Антемія произвело всеобщую радость, потому что надѣялись найти въ немъ сильнаго правителя имперіи и освободителя Галліи отъ варваровъ. Даже Сидоній оставилъ свою недѣятельность и по вступленіи Антемія на пристолъ явился въ томъ же году депутатомъ Оверни въ Римѣ, гдѣ онъ попалъ прямо на свадьбу Рицимера (стр. 202 и 203). Сидоній неблагопріятствовалъ Рицимеру и сильно досадовалъ, что Антемій унижалъ себя, заискивая благосклонность Рицимера, хотя сознавалъ, что это униженіе не-

вольное, вынужденное обстоятельствами (стр. 204 и 205). За тѣмъ г. Ешевскій помѣщаетъ письмо Сидонія, въ которомъ онъ описываетъ, какъ онъ представленъ былъ ко двору и какъ за панегирикъ Антемію произведенъ былъ въ префекты сената (стр. 205—208). Сочинителю кажется, что Сидоній въ этомъ письмѣ выказываетъ всю свою страсть къ почестямъ и особенно къ почестямъ въ Римѣ, можетъ быть въ той мысли, что только въ Римѣ онъ можетъ пріобрѣсть прочное значеніе (стр. 208 и 209). Путь къ этому будто бы открыла ему ода въ честь Антемія, которая написана наскоро и гораздо небрежнѣе прежнихъ, такъ что въ ней вездѣ явно выказывается цѣль, съ которою поэтъ сочинилъ ее. Сидоній самъ смѣется надъ этимъ своимъ стихотвореніемъ и вовсё не хочетъ скрывать настоящихъ своихъ чувствованій. Что онъ сдѣлалъ въ званіе депутата Оверни, объ этомъ онъ ничего не говоритъ, но кажется онъ былъ вполнѣ доволенъ самимъ собою, потому что съ сожалѣніемъ смотритъ на тѣхъ Галло-Римлянъ, которые жили въ бездѣйствіи по своимъ имѣніямъ, старается даже уговорить ихъ послѣдовать ему и обѣщаетъ имъ свою помощь (стр. 209—212). Шурину своему, Экдицію, онъ доставилъ званіе главнокомандующаго въ Галліи и обѣщаніе Антемія сдѣлать его патриціемъ, что однако исполнилось только при Непотѣ. Впрочемъ, при безнадежномъ положеніи государства, его собственное положеніе было небезопасное. Въ Галліи Теодериху II наслѣдовалъ Еирихъ, свирѣпый Аріанинъ, врагъ и католиковъ и римскаго государства (стр. 213—215). Римляне спѣшили заблаговременно противопоставить оплотъ противъ его напора, но отъ измѣны Арванда и остальная часть Римской Галліи едва не перешла въ руки Вестготовъ. Сочинитель представляетъ намъ въ переводѣ письмо Сидонія о процессѣ надъ Арвандомъ (стр. 216—221). Г. Ешевскій никакъ не можетъ согласить преданности къ престолу и любви къ отечеству Сидонія съ его непритворною дружбою къ измѣннику, ибо вездѣ онъ говоритъ только о глупости Арванда и нигдѣ не обличаетъ его въ из-

мѣнническихъ планахъ. Между тѣмъ очевидно, область Оверни пострадала бы больше всѣхъ, если бы удалось Арванду на дѣлѣ его предпріятіе. Г. Ешевскій приписываетъ это странное поведеніе Сидонія преимущественно отсутствію всякой политической нравственности, которое составляло характеръ того печальнаго времени. Именно, въ то время нельзя было имѣть никакого твердаго политическаго убѣжденія. Когда самые добросовѣстные дипломаты не имѣли никакихъ опоръ и когда даже Майоріанъ и Эгидій, которыхъ трагическая судьба не позволяетъ сомнѣваться въ искренности ихъ намѣреній, не могли дѣйствовать по своему прямому убѣжденію, что же оставалось дѣлать такимъ людямъ, которые, подобно Сидонію, не имѣли ни твердаго политическаго убѣжденія, ни стойкаго характера вообще? (стр. 221—223). При такихъ обстоятельствахъ историку трудно опредѣлить нравственное значеніе того или другаго дѣйствія. Потомъ сочинитель разбираетъ причины такого поведенія Арванда и показываетъ, что здѣсь навѣрно участвовалъ Рицимеръ (стр. 223—225); поведеніе же Сидонія объясняетъ его дружбою съ Арвандомъ и его кроткимъ, легкомысленнымъ и слабымъ характеромъ. Кажется, что Сидоній забылъ Галлію только на то время, пока занятъ былъ интригами въ Римѣ, и мы по этому вовсе не имѣемъ права упрекать его въ недостаткѣ патріотизма, тѣмъ болѣе, что вся его позднѣйшая дѣятельность явно показываетъ въ немъ истиннаго патріота. Именно, лишь только Сидоній замѣтилъ, что не можетъ держаться въ Римѣ, то возвратился опять въ Галлію, которая, какъ онъ теперь видѣлъ, вовсе не могла разсчитывать на помощь со стороны Рима и такимъ образомъ совершенно предоставлена была собственнымъ силамъ. Однакоже Сидоній не думалъ теперь быть врагомъ Рима и, живя въ Галліи, высказалъ больше римскаго патріотизма, нежели сколько, казалось, имѣлъ его въ Римѣ (стр. 225—227). Искусно изобразивъ Аквитанію I и храбрыхъ жителей этой земли (стр. 227—231) и объяснивъ причины непоколебимой ея вѣрности Риму (стр.

232), сочинитель показываетъ, сколько она въ особенности должна была страшиться Еириха (стр. 233—235). Опасность, угрожавшая отечеству, не скрылась отъ Сидонія, когда онъ возвратился въ Галлію. Онъ нашелъ тамъ сильную партію своекорыстныхъ Галло-Римлянъ, которая уже рѣшилась предать варварамъ всю Галлію. Предводителемъ этой партіи былъ Серонатъ, котораго Сидоній въ своемъ письмѣ, по переводу г. Ешевскаго, изображаетъ ничтожнымъ человѣкомъ (стр. 235—238). Серонатъ былъ казненъ. Вскорѣ потомъ вражда воспламенила междоусобную войну между Рицимеромъ и Антеміемъ. Послѣдній погибъ въ пылу сраженія и на его мѣсто провозглашенъ былъ императоромъ Аницій Олибрій (стр 239 и 240). Послѣ немногихъ общихъ замѣчаній о паденіи западной имперіи, о необходимости и благотворныхъ слѣдствіяхъ этого паденія, сочинитель опять возвращается къ Сидонію. Участіе, которое Сидоній принималъ въ обвиненіи Сероната, составляло послѣднюю его политическую дѣятельность и вскорѣ потомъ онъ сдѣлался епископомъ въ Оверни (стр. 240—242). Въ концѣ этой главы г. Ешевскій сообщаетъ намъ характеристику Сидонія изъ Петиньи: но такъ какъ она кажется ему слишкомъ снисходительною, то по этому поводу онъ представляетъ свою собственную, болѣе строгую. Онъ упрекаетъ Сидонія особенно въ легкомысліи, неосновательности, риторизмѣ, перемѣнчивости, непослѣдовательности и слабости характера (стр. 242—244). Но, какъ человѣкъ, особенно въ своемъ семействѣ и по отношенію къ друзьямъ, Сидоній, по мнѣнію сочинителя, представляется въ самомъ лучшемъ свѣтѣ; его нельзя не похвалить также за неутомимую дѣятельность. Горькій опытъ не перемѣнилъ его легкомыслія и съ тоюже самонадѣянностію, съ какою началъ свое политическое поприще, онъ принялъ теперь предложенный ему духовный санъ. Однакоже не личная заслуга его, но заслуга по самому званію была причиною, что дѣятельность его въ санѣ епископа оказалась важнѣе и благотворнѣе политической (стр. 245 и 246).

Глава, которой содержаніе мною сейчасъ изложено, относится къ политической исторіи отъ начала до конца и составляетъ ядро цѣлаго сочиненія. Сочинитель хотѣлъ здѣсь представить Сидонія въ его свѣтской дѣятельности, какъ гражданина и писателя, и для полноты въ рѣшеніи своей задачи, изложилъ даже современную исторію Римской Имперіи, въ особенности же Галліи и Оверни. Это выполнено имъ весьма удачно и кажется, что здѣсь онъ былъ точно въ своей сферѣ. Въ этой же главѣ, за исключеніемъ, какъ мнѣ кажется, не совсѣмъ вѣрно начертаннаго характера Сидонія, все такъ отчетливо, что трудно съ точностію опредѣлить, какое мѣсто удачнѣе другаго обрисовано. Болѣе всего мнѣ понравилось описаніе Оверни, ея обитателей и ея опаснаго положенія, затѣмъ изображеніе Майоріана; но едва ли менѣе удачно представлена и скромная жизнь, которую велъ Сидоній по смерти Майоріана до вступленія на престолъ Антемія. Во всемъ сочинитель основывается на Петиньи, но не безъ новыхъ вставокъ изъ источниковъ, тщательно имъ изученныхъ. Не довольствуясь, при изложеніи событій этого времени, историческою вѣрностію и хронологическимъ порядкомъ ихъ, онъ вездѣ вникаетъ въ причины событій и представляетъ свои сужденія о слѣдствіяхъ. Притомъ каждый разъ когда являются на сцену главныя лица, онъ представляетъ возможно точную характеристику ихъ, раскрываетъ довольно часто тайныя побужденія ихъ дѣйствій и, при случаѣ, бросаетъ мѣткій взглядъ на запутанныя колеса великой государственной машины. О недостаткѣ нравственности въ политикѣ этого печальнаго времени онъ судитъ строго, но вѣрно, и мы не можемъ не согласиться съ нимъ въ томъ, что онъ въ духѣ времени ищетъ должнаго объясненія многимъ дѣйствіямъ Сидонія и другихъ главныхъ фигуръ этой исторической картины, которыя при другой точки зрѣнія остаются довольно загадочными. Онъ весьма искусно соединилъ міровыя событія съ жизнеописаніемъ Сидонія и связалъ общее съ частнымъ, нигдѣ не нарушивъ закона соразмѣрности въ изложеніи

событій, такъ что никогда не дѣлается ни утомительнымъ, ни темнымъ. Однимъ словомъ, мы имѣемъ предъ собою округленное по внѣшности и гармоническое по частямъ цѣлое, котораго общее впечатлѣніе не нарушается даже и тѣмъ, что въ него включены, по крайней мѣрѣ по содержанію, панегирики Сидонія и въ плавномъ переводѣ занимательнѣйшія его письма. Притомъ изложеніе такъ живо, языкъ при всей простотѣ и неизысканной естественности такъ прекрасенъ, такъ соотвѣтствуетъ возбужденному каждый разъ настроенію духа, что разсказъ оттого получаетъ почти драматическую свѣжесть и, можно сказать, дѣлаетъ читателя сочувствующимъ зрителемъ. Эта похвала могла бы казаться преувеличенною, но къ счастію я говорю это не одинъ. Прежніе рецензенты г. Ешевскаго высказали столь же лестное мнѣніе объ этомъ сочиненіи. Не взирая однако на всѣ означенныя достоинства и при оцѣнкѣ этой главы приходитъ на мысль напомнить сочинителю: «memento te hominem esse»: именно, согласно съ обоими учеными, разборы которыхъ у меня передъ глазами, мнѣ кажется, г. Ешевскій представилъ въ слишкомъ ненавистномъ свѣтѣ слабости Сидонія, которыхъ впрочемъ нельзя совершенно отрицать. Конечно, похвально и служитъ вѣрнымъ признакомъ самостоятельности и зрѣлости въ сужденіяхъ, если писатель, долго занимаясь какимъ либо предметомъ, по собственному выбору, не увлекается естественнымъ пристрастіемъ къ нему и не дѣлаетъ послабленій или излишней снисходительности въ своемъ сужденіи объ немъ. Потому вполнѣ справедливое и совершенно sine ira et studio высказанное г. Ешевскимъ въ предисловіи мнѣніе о Сидоніи сначала даже располагаетъ читателя въ пользу сочинителя. По крайней мѣрѣ я долженъ признаться, что на этомъ именно основаніи я напередъ возъимѣлъ большое довѣріе къ сужденіямъ г. Ешевскаго. Но чѣмъ дальше я читалъ его сочиненіе, тѣмъ больше убѣждался въ равнодушіи его къ своему герою, которое кончилось несправедливостію къ нему. Можетъ быть г. Ешевскій впалъ въ эту крайность имен-

но потому, что слишкомъ смѣло избѣгалъ другой. Впрочемъ, что такъ строго порицаемое г. Ешевскимъ поведеніе Сидонія можно извинить обстоятельствами; что г. Ешевскій, однажды составивъ себѣ мнѣніе о Сидоніи, по видимому искалъ въ дѣйствіяхъ и словахъ Сидонія однихъ подтвержденій своему мнѣнію, а потому дѣйствіямъ и словамъ его часто даетъ такое значеніе, котораго при ближайшемъ изслѣдованіи нельзя допустить или которое по крайней мѣрѣ не кажется нужнымъ; однимъ словомъ, что болѣе снисходительное сужденіе Петиньи о Сидоніи должно быть правильнѣе, — все это весьма подробно и, какъ мнѣ кажется, весьма убѣдительно высказано обоими его рецензентами (см. Отеч. Зап. стр. 37 и слѣд., Соврем. стр. 14 и слѣд.), которые усердно защищаютъ Сидонія противъ обвиненій сочинителя. И такъ разсуждать здѣсь объ этомъ предметѣ больше того, сколько нужно для результата моихъ изслѣдованій, значитъ лить воду въ колодецъ, тѣмъ болѣе, что я не могу представить никакого новаго доказательства, котораго бы нельзя было найти въ этихъ разборахъ.

Для связи 3-ей главы съ предъидущею сочинитель въ началѣ главы изложилъ противуположности между обществомъ духовнымъ и свѣтскимъ. Тогда какъ въ политической жизни нигдѣ не замѣчаемъ ни единства, ни патріотизма, въ церкви повсюду видимъ единство, ревность, дѣятельность и силу. Духовенство Галліи находилось постоянно въ связи между собою и духовенствомъ другихъ частей христіанскаго міра. Оно обмѣнивалось мнѣніями насчетъ спорныхъ пунктовъ въ вѣроученіи письменно и изустно и всякое новое сочиненіе, всякое важное для христіанъ событіе скоро дѣлались извѣстными въ цѣломъ христіанствѣ (стр. 247—252). Такую же разницу находимъ между гражданскими и церковными учрежденіями этого времени, потому что христіанское духовенство пользовалось различными правами и привилегіями. Оно было свободно отъ повинностей и налоговъ, имѣло во многихъ случаяхъ свой собственный судъ, постоянное вліяніе на гражданскія и судебныя

дѣла и богатыя имѣнія. Впрочемъ могущество церкви состояло собственно въ ея устройствѣ, въ тѣсномъ союзѣ всѣхъ ея членовъ въ то время, когда политическій эгоизмъ и частные интересы разорвали всѣ узы свѣтскаго общества; въ самомъ дѣлѣ церковь въ это время составляла единственное живое учрежденіе среди устарѣлыхъ и мертвыхъ формъ государственнаго механизма (стр. 252 и 253). Каждый могъ быть священно-служителемъ, если былъ того достоинъ, а выборъ зависѣлъ отъ паствы (ст. 254). Епископы собирались часто, особенно въ Галліи, гдѣ не было собственно центральнаго управленія церковію. По мѣрѣ упадка свѣтской власти возрастала церковная и когда рушилась римская имперія, епископы были не только единственные представители римскаго образованія, но и единственные блюстители римскаго права (стр. 254—257). Не менѣе разительна противуположность между духовною и свѣтскою литературою. Тогда какъ эта послѣдняя страдала слабостію мыслей и пустотою или маловажностію содержанія, первая поражала силою мыслей и содержаніемъ, котораго важность поддерживалась постоянною борьбою со многими лжеученіями, волновавшими по мѣстамъ христіанскую церковь (стр. 257—261). Но духовные V вѣка занимались также и поэзіею и вообще принимали подъ свое покровительство даже тѣ науки, о которыхъ собственно болѣе должны были заботиться свѣтскіе ученые. Оттого между духовными находимъ самыхъ ученыхъ людей того времени и если большая часть епископовъ V вѣка отличалась ученостію, то всѣ безъ исключенія по возможности старались защищать римское образованіе противъ укоренявшагося варварства (стр. 261—265). Въ спорныхъ предметахъ удерживались отъ всякаго преслѣдованія иновѣрцевъ: споры шли только посредствомъ сочиненій, и православные, изъявляя истинно христіанское состраданіе къ заблудшимъ, только посредствомъ убѣжденія старались направлять ихъ на истинный путь (стр. 265—267). Наконецъ духовное общество различалось также и нравами отъ свѣтскаго,

потому что это послѣднее сохраняло еще много языческихъ обычаевъ; между тѣмъ какъ у тѣхъ, которые не по наружности одной приняли христіанство, являлось совершенное преобразованіе нравовъ. Были даже случаи, что люди, которые прежде проводили жизнь въ удовольствіяхъ и роскоши, дѣлались отшельниками, какъ скоро проникалъ въ нихъ духъ христіанскаго ученія (стр. 267). Сочинитель послѣ этого объясняетъ, почему избраніе Сидонія, свѣтскаго человѣка, въ епископы не могло никого удивить, не смотря на то, что въ этомъ отношеніи нерѣдко случались неправильности еще совсѣмъ другаго рода. Не взирая на свою свѣтскую жизнь, Сидоній славился семейными добродѣтелями и религіозностію; жителямъ же Оверни, при опасности, которая угрожала ихъ землѣ и вмѣстѣ православной церкви со стороны Аріанъ Вестготовъ, нуженъ былъ такой епископъ, который бы былъ богатъ, силенъ и въ почетѣ при дворѣ, чтобы могъ надежно ихъ защищать. При такихъ обстоятельствахъ, въ войнѣ, угрожавшей со стороны Вестготовъ, епископъ, показывавшій тогда вообще большую политическую силу, былъ естественнымъ ихъ руководителемъ (стр. 263—271). Жители провинцій всегда заботились о томъ, чтобы ихъ епископы были изъ среды богатой туземной аристократіи, потому что отъ такихъ только архипастырей могли ожидать защиты провинція, общество и просвѣщеніе. Тогдашнія обстоятельства требовали отъ епископа не однѣхъ христіанскихъ добродѣтелей, но и ученаго образованія и политическаго благоразумія, особенно въ Галліи, гдѣ по мѣрѣ внѣшней опасности возрастало также и политическое значеніе епископовъ. Сидоній удовлетворялъ всѣмъ этимъ условіямъ (стр. 272 и 373). Сочинитель, бросивъ взглядъ на особенность отношеній женатыхъ людей къ своимъ женамъ по избраніи въ епископы и на высокое нравственное значеніе брака въ христіанствѣ, сообщаетъ намъ нѣкоторыя извѣстія о Папіаниллѣ, женѣ Сидонія, и Росціѣ, его дочери (стр. 273—275). Сидоній избранъ былъ епископомъ Овернскимъ въ самое трудное время для этой обла-

сти. Аквитанія I видѣла себя совершенно беззащитною отъ фанатизма воинственныхъ Готовъ. Въ Италіи, по смерти Рицимера, Бургундецъ Гундобальдъ получилъ главное начальство надъ наемными войсками и по смерти Олибрія провозгласилъ Гликерія императоромъ. Однако въ Константинополѣ не признали Гликерія. Византійскій императоръ Левъ возложилъ порфиру на прежняго правителя Далмаціи — Юлія Непота. Послѣдній взялъ Гликерія въ плѣнъ, но даровалъ ему жизнь (онъ сдѣлалъ его епископомъ въ Салонѣ). При такихъ замѣшательствахъ въ Италіи, Аквитанія не могла оттуда ожидать никакой помощи. Съ другой стороны кровавая вражда между бургундскими тетрархами лишила Оверицевъ ихъ надежныхъ защитниковъ, а Оверпское дворянство — благосостоянія, слѣдовательно средствъ къ оборонѣ. Къ этому присоединилось еще и то, что многіе благородные Аквитанцы или дѣйствительно были замѣшаны въ ссоры между бургундскими князьями или впали въ подозрѣніе (стр. 275—279). До сихъ поръ Аріане не являлись въ Галліи фанатиками. Первый началъ поступать такъ Ейрихъ, который способностями превосходилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ (стр. 279—283). Онъ преслѣдовалъ православныхъ не потому, что былъ врагомъ римской цивилизаціи, но по чисто политическимъ разсчетамъ, хотя они не оправдались, и вмѣсто того, чтобы, какъ предполагалъ Ейрихъ, утвердить царство Вестготовъ, способствовали къ его паденію. Фанатизмъ Ейриха, заразивъ также и Бургундцевъ, возрасталъ по мѣрѣ расширенія его царства, такъ что Сидоній весьма много жалуется на печальное состояніе православной церкви въ готскихъ владѣніяхъ (стр. 283—286). Овернь въ предстоявшей борьбѣ могла разчитывать только на храбрость своихъ жителей, которые тѣмъ болѣе были готовы на храбрую защиту своего отечества, что съ этою защитою соединялась защита церкви и вѣры. Тѣ самые люди, въ которыхъ по-видимому до тихъ поръ не было ни малѣйшей искры римскаго патріотизма, выказали теперь такую храбрость и такое самоотверженіе, ка-

кими славились Римляне въ самый героической періодъ своей исторіи. Въ главѣ ихъ стоялъ епископъ Сидоній, котораго характеръ является какъ бы въ другомъ видѣ и котораго риторическое направленіе обнаруживается теперь въ однихъ письмахъ (стр. 287 и 288). Эти письма составляютъ единственный и притомъ весьма неполный источникъ, изъ котораго заимствуются извѣстія о геройской борьбѣ Оверніанъ съ Еирихомъ. Именно, такъ какъ Сидоній писалъ свои письма безъ всякихъ видовъ на обнародованіе ихъ, то и не сберегъ всѣхъ: многія изъ нихъ или затерялись или послѣ, когда онъ рѣшался издать свою переписку, изъ предосторожности при пересмотрѣ были имъ пропущены; потому что онъ пустилъ въ публику свои письма, когда Овернь была въ рукахъ Готовъ, а самъ онъ былъ въ изгнаніи, слѣдовательно когда аріанскіе правители внимательно смотрѣли за перепискою и сочиненіями православнаго духовенства и неосторожныя выраженія легко могли вредить писателямъ. И такъ г. Ешевскій по справедливости считаетъ правдоподобнымъ, что письма, относящіяся къ войнѣ Оверни, для насъ самыя любопытныя, были утаены самимъ сочинителемъ. Сверхъ того уцѣлѣвшія письма Сидонія дошли до насъ въ измѣненномъ видѣ, потому что Сидоній, какъ онъ самъ говоритъ, при изданіи передѣлалъ ихъ и при этомъ для литературной цѣли пожертвовалъ всѣми другими разсчетами, именно вычеркнулъ изъ писемъ все опасное. Однакоже онъ не распредѣлилъ ихъ ни хронологически, ни по содержанію, ни по лицамъ, къ которымъ писалъ, но нарочно перемѣшалъ, чтобы читатель не утомлялся однообразіемъ ихъ содержанія. Такимъ образомъ этотъ единственный источникъ для исторіи войны Оверни съ Еирихомъ, сколько неудовлетворителенъ, столько же и затруднителенъ для руководства (стр. 288—291). Эта война продолжалась нѣсколько лѣтъ: она началась, когда Сидоній былъ уже епископомъ и кончилась не потому, что Еирихъ побѣдилъ Оверніанъ, но потому что Римъ постыднымъ образомъ уступилъ эту область королю Вестготовъ. Продолжительность

этой войны объясняется тѣмъ, что съ одной стороны Овернянамъ благопріятствовали защищенная природою мѣстность страны и укрѣпленія ихъ осажденной столицы; съ другой стороны Ейрихъ, во что бы ни стало, хотѣлъ завоевать Овернь, чтобы округлить свое королевство и дать ему естественныя границы (стр. 291). Затѣмъ сочинитель весьма увлекательно описываетъ осаду Клермонта, энергическую дѣятельность и самоотверженіе Сидонія, который переродился какъ бы чудомъ и приносилъ все въ жертву своему отечеству; далѣе описывается помощь, оказанная Сидонію при защитѣ города воинственнымъ шуриномъ его Экдиціемъ. Г. Ешевскій изображаетъ прекрасный характеръ Экдиція, представляетъ коротко біографію его и даетъ ему въ этой кровавой драмѣ главную роль (стр. 291—300). Напрасно Сидоній просилъ помощи у римскаго императора, осада длилась и скоро въ бѣдствующемъ городѣ произвела голодъ, болѣзни и, что всего хуже, внутренніе раздоры, ибо одни хотѣли сдать городъ, а другіе желали защищать его до послѣдней крайности. Сосѣднія провинціи по возможности помогали страждущей области. Самъ Сидоній не щадилъ ни своихъ силъ, ни достоянія для облегченія общественнаго бѣдствія и съ помощію достопочтеннаго священника Констанція, который призванъ былъ изъ Ліона, ему удалось прекратить раздоры между жителями Клермонта (стр. 300—307). Даже Римъ сталъ подавать надежду на помощь; тогда Ейрихъ взялся за другія мѣры (стр. 307 и 308). Онъ показалъ видъ, будто бы хочетъ напасть на провинціи смежныя съ Италіей, и Римъ, не имѣя ни силы къ сопротивленію, ни надежды, что жители этихъ провинцій будутъ, подобно Оверніцамъ, защищаться храбро, затрепеталъ отъ страха. Онъ согласенъ былъ лучше уступить Ейриху отдаленную Овернь, нежели имѣть его опаснымъ сосѣдомъ Италіи, и вступилъ съ нимъ въ переговоры (стр. 308 и 309). Сидоній, узнавъ объ этомъ, все вниманіе обратилъ на религіозную сторону въ этомъ вопросѣ и особенно на фанатизмъ Ейриха. Онъ совѣтовалъ позаботиться по крайней мѣрѣ о томъ, да-

бы при сдачѣ Оверни обезпечена была вѣра и епископская власть; однакоже Овернь сдали безъ всякихъ условій, о чемъ Сидоній въ одномъ изъ приведенныхъ сочинителемъ писемъ съ благороднымъ негодованіемъ выражаетъ свое неудовольствіе (стр. 310—312). Экдицій бѣжалъ въ Бургундію; онъ не слѣдовалъ убѣжденіямъ ни Непота, ни Сидонія и его имя исчезаетъ изъ исторіи (стр. 313 и 314). Сидоній напротивъ сосланъ былъ въ крѣпость Ливію, лежавшую на испанской границѣ, откуда онъ возвратился уже по паденіи западной Римской имперіи, которое впрочемъ не замедлило совершиться. Именно Юлій Непотъ былъ низвергнутъ Орестомъ, который посадилъ своего малолѣтняго сына Ромула Августула на престолъ. Спустя годъ войска Одоакра взбунтовались, убили Ореста и объявили Римскій престолъ упраздненнымъ (стр. 314 и 315). Ейрихъ овладѣлъ всею южною Галліею и по ходатайству министра и любимца своего, Леона Нарбонскаго, позволилъ Сидонію, которому какъ образованному человѣку пребываніе между варварами было весьма тягостно, возвратиться изъ ссылки, (Сидоній для развлеченія себя перевелъ въ заточеніи жизнь Аполлонія Тіанскаго), но его задержали въ Бордо. На это Сидоній горько жалуется въ письмѣ, переведенномъ г. Ешевскимъ (стр. 316—324). Наконецъ, удостовѣрясь, что Ейрихъ не возвращаетъ ему прежней должности епископа изъ опасенія возстанія въ Оверни, Сидоній въ доказательство перемѣны своего образа мыслей рѣшился написать въ честь Ейриха панегирикъ, который онъ впрочемъ не прямо относитъ къ предмету своего ласкательства, но помѣщаетъ въ письмѣ къ Лампридію. Г. Ешевскій представляетъ переводъ этой оды и сильно порицаетъ Сидонія за такой низкій поступокъ, хотя самъ же говоритъ, что Сидоній сдѣлалъ это съ большимъ для себя насиліемъ (стр. 324—328). Въ награду за то Сидоній могъ опять возвратиться въ Овернь и тамъ управлять своимъ епископствомъ, однакожъ онъ отказался писать исторію Ейриха, какъ ни убѣждалъ его къ тому Леонъ Нарбонскій (стр. 328—330). Королевскимъ

намѣстникомъ въ Оверни Сидоній нашелъ Викторія, человѣка, котораго Григорій Турскій весьма порицаетъ, а Сидоній напротивъ хвалитъ, впрочемъ кажется за то только, что онъ защищалъ православную церковь и много для нея дѣлалъ (стр. 330—332). Теперь Сидоній совершенно посвятилъ себя своимъ духовнымъ обязанностямъ. Настало трудное время для православныхъ, потому что Еврихъ преслѣдовалъ ихъ духовенство, какъ на-пр. всѣми высоко уважаемаго Фавста; впрочемъ въ Оверни онъ удерживался отъ гоненій, вѣроятно изъ опасенія къ храброму духу Овернянъ, который они показали въ войнѣ съ нимъ (стр. 332—335). Замѣчательнѣйшій памятникъ дѣятельности Сидонія, какъ епископа, есть его переписка съ представителями Галльской церкви. Онъ не достаточно былъ приготовленъ къ духовному сану и хотя со времени поступленія въ епископы занимался изученіемъ Св. писанія, однакоже война съ Готами много отвлекала его отъ этихъ занятій. Онъ самъ не скрываетъ своего незнанія въ богословскихъ предметахъ, и богословскія погрѣшности въ его письмахъ не должны насъ удивлять. Дѣятельность его по церкви ограничивалась практикою и нравственнымъ вліяніемъ. Лишь только онъ сдѣлался епископомъ, какъ отказался отъ всѣхъ литературныхъ трудовъ и посвятилъ себя исключительно своей должности. Хотя его письма къ разнымъ духовнымъ лицамъ содержатъ въ себѣ много риторическаго, но они свидѣтельствуютъ намъ о важности епископа въ то время и знакомятъ насъ съ добросердечіемъ Сидонія. Самымъ откровеннымъ образомъ пишетъ онъ къ Лупѣ (стр. 335—340). Помѣстивъ изъ Григорія Турскаго извѣстіе о смерти Сидонія, г. Ешевскій (стр. 340—342) замѣчаетъ, что Оверняне, забывъ недостатки Сидонія, помнили его краснорѣчіе и защиту Оверни, но что потомство можетъ судить о немъ только по его сочиненіямъ (стр. 342 и 343). Въ концѣ своей книги г. Ешевскій сообщаетъ нѣкоторыя извѣстія о ближайшемъ потомствѣ Сидонія, именно о его сынѣ и внукѣ (стр. 343—345).

Вообще въ этой третьей и послѣдней главѣ заключаются, относительно расположенія, изложенія и языка, тѣже достоинства, какія выставлены мною при разборѣ двухъ первыхъ главъ. Г. Ешевскій отлично объяснилъ противоположность, выражавшуюся во всѣхъ отношеніяхъ между духовнымъ и свѣтскимъ обществомъ V вѣка. Хорошо также изобразилъ внутреннее устройство церкви, участіе христіанскаго духовенства въ литературѣ, войну Оверни съ Ейрихомъ, жизнь Сидонія въ изгнаніи, равно какъ и послѣ возвращенія его въ Овернь. Сочинитель здѣсь, какъ и въ первыхъ главахъ, подтвердилъ достаточными доводами тѣ главныя положенія, которыя требовали по-видимому точнѣйшаго опредѣленія (стр. 249, 250 и слѣд. 259 и слѣд., 265 и слѣд., 268 и слѣд., 274 и слѣд., 282, 337 и т. д.) и представилъ довольно подробныя извѣстія даже о второстепенныхъ лицахъ, какъ напр. объ Экдиціи (стр. 295 и слѣд.), о Ліонскомъ священникѣ Констанціи (стр. 305 и слѣд), о Леонѣ Нарбонскомъ (стр. 318 и слѣд.), о Викторіи (стр. 330 и слѣд.), о Фавстѣ (стр. 322 и слѣд.), о Лупѣ (стр. 339), о сынѣ и внукѣ Сидонія (стр. 343 и слѣд.) Если и въ этой главѣ г. Ешевскій заслуживаетъ большой похвалы за изложеніе историческихъ фактовъ, которыми обстановлена жизнь главнаго дѣйствующаго лица, то въ этой же главѣ находимъ новыя доказательства того, что у біографа былъ невѣрный взглядъ на характеръ Сидонія. Какъ всякая ошибка живописца въ очертаніи какой нибудь фигуры тогда выказывается явно, когда представимъ себѣ эту фигуру въ такомъ движеніи, которое бы давало возможность сличить надлежащее отношеніе отдѣльныхъ частей другъ къ другу и къ цѣлому; такъ точно и изображеніе характера какого либо лица тогда только оказывается дѣйствительно невѣрнымъ, когда видимъ, что это изображеніе не согласно съ поведеніемъ лица въ важнѣйшихъ случаяхъ его жизни; ибо характеръ человѣка вѣрнѣе всего познается вообще изъ его поведенія, особенно же изъ его дѣйствій въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ жизни. Мы видимъ, что Сидоній

никогда въ жизни не выказывалъ большей дѣятельности, а тѣмъ менѣе свой настоящій характеръ, какъ при защитѣ Оверни противъ Ейриха. Еслибы г. Ешевскій за основу сужденія своего о Сидоніи принялъ образъ его поведенія при этомъ случаѣ; еслибы онъ изъ полученнаго такимъ образомъ результата исключилъ только то, что должно было по ходу дѣлъ приписать вліянію самыхъ обстоятельствъ, то характеристика его героя вышла бы вѣрнѣе. Тогда поведеніе Сидонія, казавшееся ему въ иныхъ случаяхъ столь предосудительнымъ, представилось бы ему яснѣе, потому что онъ былъ бы внимательнѣе къ свидѣтельствамъ, бывшимъ у него подъ рукою и оправдывающимъ поведеніе Сидонія (см. реценз. въ Соврем.). Но г. Ешевскій въ первыхъ двухъ главахъ своего сочиненія изобразилъ Сидонія отчасти самолюбивымъ, отчасти честолюбивымъ, безъ всякой силы воли, безъ твердости и въ политическихъ убѣжденіяхъ и въ характерѣ, и предполагаетъ, что риторическое направленіе подавило въ немъ даже теплоту чувства и всю прямоту въ дѣйствіяхъ. И такъ, при изложеніи блистательнаго періода жизни Сидонія, именно его геройской защиты Оверни, естественно онъ приходитъ въ затрудненіе, какимъ образомъ объяснить самоотверженіе, силу воли и глубину чувства, выказанныя тогда Сидоніемъ и согласить съ прежнимъ мнѣніемъ о характерѣ этого человѣка. По мнѣнію біографа, характеръ Сидонія измѣненъ былъ силою тогдашнихъ обстоятельствъ, какъ бы чудомъ. Не желая вовсе оспаривать возможности такого преобразованія, я однакожъ думаю, что къ подобнымъ толкованіямъ можно прибѣгать только тогда, когда вовсе нельзя найти объясненія болѣе естественнаго, близкаго, а слѣдовательно лучшаго, и что по крайней мѣрѣ въ настоящемъ случаѣ совершенно не умѣстна такая насильственная попытка къ объясненію; потому что еслибы г. Ешевскій въ прежнихъ главахъ не такъ рѣзко выставилъ слабости Сидонія, если бы руководствовался болѣе снисходительнымъ мнѣніемъ Петиньи о его характерѣ и принялъ въ соображеніе то сильное впечатлѣ-

ніе, которое должны были произвесть на всякаго патріота опасное положеніе Оверни и страданія туземцевъ, пылавшихъ любовію къ отечеству и ревностію къ вѣрѣ, и тѣмъ болѣе на Сидонія, который, какъ епископъ Оверни, стоялъ во главѣ ея жителей; тогда само собою исчезло бы въ поведеніи Сидонія то рѣзкое противорѣчіе, которое г. Ешевскій силится объяснить. Онъ самъ чувствовалъ, что это противорѣчіе требуетъ объясненія; такимъ образомъ онъ старается сколько возможно уменьшить неоспоримую заслугу Сидонія въ защитѣ Оверни и приписываетъ ее главнымъ образомъ его шурину, Экдицію. Но Экдицій только тогда пробился въ Клермонтъ, когда этотъ городъ былъ уже осажденъ Вестготами, а Овернь подъ начальствомъ Сидонія, своего епископа, уже давно ратовала съ врагами. И такъ, во всякомъ случаѣ Сидоній безъ вліянія и содѣйствія Экдиція началъ защищать Овернь, хотя безъ сомнѣнія по положенію дѣлъ могъ предвидѣть, что борьба за эту область будетъ весьма упорна. Конечно, Экдицій, какъ храбрый воинъ и опытный полководецъ, много могъ содѣйствовать защитѣ Оверни и, какъ воинъ, могъ играть при этомъ первую роль; однакоже душою всего должно признать Сидонія, который, какъ епископъ, былъ прямой глава Оверни. Далѣе, вѣроятно необходимость—сдѣлать изъ Экдиція личность, превышающую всѣ другія, за то, что онъ нѣкогда былъ здѣсь главнымъ лицомъ, — увлекла сочинителя въ лишній и болѣе подробный разсказъ о немъ, нежели какой можно помѣстить на основаніи достовѣрныхъ свидѣтельствъ. Сказавъ о юности Экдиція въ общихъ чертахъ только то, что безъ сомнѣнія можно примѣнить ко всякому молодому аристократу того времени, онъ на стр. 296 говоритъ: «до насъ не дошли подробности о дальнѣйшей дѣятельности сына Авита до той поры, когда событія въ Оверни не вызвали его на сцену». И такъ, откуда г. Ешевскій съ такою точностію могъ изучить характеръ Экдиція? Если сочинителю, по словамъ самаго г. Ешевскаго, (иначе и быть не можетъ, при недостаткѣ точнѣйшихъ свѣдѣній), достаточно

было, для изображенія Экдиція, одного поведенія послѣдняго при защитѣ Клермонта; то почему же въ сужденіяхъ своихъ о Сидоніѣ онъ не основывался на дѣйствіяхъ его при томъ же самомъ событіи? Также произвольно высказано, стр. 314, предположеніе о послѣднемъ времени жизни Экдиція: «По всей вѣроятности, Экдицій кончилъ свою жизнь въ подвигахъ христіанскаго благочестія, которое составляло такую же неотъемлемую принадлежность его благороднаго характера, какъ и никогда не измѣнявшее ему мужество.» Но противорѣчія, въ которыхъ, по нашему мнѣнію, г. Ешевскій запутался по причинѣ невѣрнаго понятія о характерѣ Сидонія, къ сожалѣнію еще здѣсь не оканчиваются. Возбудивъ въ насъ удивленіе къ Сидонію изображеніемъ его мужества при оборонѣ Оверни, онъ всячески опять старается представить его еще въ большемъ униженіи. Именно Сидоній, въ письмѣ къ Лампридію (Epp. VIII, 9), помѣстилъ свое стихотвореніе, въ которомъ изображаетъ могущество Еириха иногда слишкомъ изысканными красками. Г. Ешевскій называетъ, на стр. 325, это стихотвореніе панегирикомъ Еириху и сравниваетъ его съ стихотвореніями Сидонія въ похвалу Авита, Майоріана и Антемія. Въ томъ, что Сидоній могъ сдѣлать это, онъ видитъ (стр. 324) нравственное униженіе Сидонія и принимаетъ это стихотвореніе за новое доказательство того, что Сидоній былъ неисправимый риторъ, человѣкъ безъ твердыхъ убѣжденій, безъ вѣрной опоры. Еще болѣе; онъ находитъ въ этомъ стихотвореніи самое сильное подтвержденіе для своего взгляда, что главнымъ дѣйствовавшимъ лицомъ при оборонѣ Клермонта былъ не Сидоній, а Экдицій, который своимъ присутствіемъ и личнымъ вліяніемъ составлялъ опору для слабой воли Сидонія. Но если ближе присмотримся къ указанному сочиненію, то увидимъ, что оно совершенно отлично отъ панегириковъ Авиту, Майоріану и Антемію и едва ли можетъ быть названо панегирикомъ, потому что въ немъ не воспѣвается самъ Еирихъ, а описывается одно впечатлѣніе, которое произведено было на Сидонія дѣй-

ствительно великимъ могуществомъ Еириха. Что Сидоній былъ весьма далекъ отъ желанія льстить Еириху, да и лесть не была бы кстати, ясно видимъ изъ того, что онъ напротивъ прямо отклонилъ отъ себя просьбу писать исторію Еириха, хотя король легко могъ оскорбиться этимъ отказомъ. Далѣе, принявъ въ соображеніе, что пребываніе въ Бордо было для Сидонія весьма тягостно; что онъ показывалъ сильное желаніе возвратиться въ свое любимое отечество и въ свою епископію; что могущество Еириха дѣйствительно ему внушало уваженіе; что онъ не могъ отказать въ благодарности королю за то, что послѣдній не только не притѣснялъ церкви въ Оверни, но даже сдѣлалъ нѣчто къ пользѣ ея; наконецъ, что ему стоило большаго принужденія написать это стихотвореніе — на все это соглашается самъ г. Ешевскій — и повторяю, принявъ все это въ соображеніе, едва-ли бы мы поняли, какимъ образомъ біографъ Сидонія въ этомъ поступкѣ его могъ найти что-нибудь унизительное и позорное, еслибы не имѣли права думать, что сочинитель всякое новое, хотя бы и мнимое доказательство охотно употреблялъ въ подтвержденіе своего личнаго взгляда, составленнаго прежде разбора событій. Между тѣмъ я, подобно другимъ двумъ рецензентамъ г. Ешевскаго, вижу въ разсматриваемомъ поведеніи Сидонія совершенно другое значеніе. Именно, мнѣ кажется, что сочиненіе этихъ стиховъ было не только извинительнымъ, но даже самымъ естественнымъ средствомъ для Сидонія къ улучшенію его собственнаго положенія и положенія его отечества, въ которое онъ не надѣялся безъ этого возвратиться. Точно, Сидоній задержанъ былъ въ Бордо изъ опасенія, чтобы появленіе его въ Оверни не произвело тамъ возстанія, а потому епископъ въ своемъ стихотвореніи выражаетъ свое высокое мнѣніе о силѣ Еириха, показывая тѣмъ, что онъ не смѣетъ и думать о возмущеніи Оверни противъ него. Онъ своимъ стихотвореніемъ старается только успокоить Еириха на счетъ возстанія въ Оверни, котораго тотъ опасался, и дѣйствительно, какъ мы знаемъ, Сидоній до-

стигъ своей цѣли. Я здѣсь не вижу никакого самоуниженія поэта, а только вижу благоразумно обдуманное дѣйствіе добродушнаго по природѣ, незлопамятнаго и опытнаго въ придворной политикѣ мужа, который охотно уступаетъ суровой силѣ и не робѣетъ въ приступѣ къ примиренію, если малымъ пожертвованіемъ надѣется достигнуть давно желанной великой цѣли. Но довольно объ этомъ предметѣ; хотя я не могу согласиться съ строгимъ приговоромъ біографа о характерѣ Сидонія, однакоже я обязанъ отдать должную справедливость сочинителю, что и въ этой главѣ содержится много прекраснаго.

Въ разборѣ моемъ я старался доказать, что г. **Ешевскій** въ своемъ сочиненіи основательно обработалъ предметъ самъ по себѣ весьма важный и занимательный; что онъ своимъ трудомъ пополнилъ пробѣлъ въ древнѣйшей исторіи Франціи и въ исторіи римской словесности; что онъ удачно преодолѣлъ значительныя затрудненія; наконецъ, что онъ не только избралъ лучшій путь для достиженія своей цѣли, но дѣйствительно достигъ ея съ честію для себя, потому что сочиненіе его много способствуетъ къ лучшему уразумѣнію одного изъ важнѣйшихъ отдѣловъ всемірной исторіи и притомъ можетъ быть разсматриваемо какъ первое основательное и полное, спеціальное сочиненіе объ Аполлинаріи Сидоніи.

Если еще разъ вкратцѣ исчислимъ достоинства этого сочиненія, то увидимъ, что они состоятъ: въ тщательномъ и добросовѣстномъ изученіи важнѣйшихъ источниковъ, въ осторожномъ, почти всегда безпристрастномъ и зрѣломъ сужденіи, въ правильномъ пониманіи историческихъ фактовъ, въ искусномъ распредѣленіи и группировкѣ матеріяловъ, что единственно даетъ возможность ясно представить самыя разнообразныя отношенія; въ увлекательномъ изображеніи, наконецъ въ правильномъ, простомъ, благородномъ языкѣ, всегда соотвѣтствующемъ разсказываемому предмету. Такимъ образомъ указанные мною недостатки, въ сравненіи съ такими важными достоинствами, въ сущности, могутъ быть почти вовсе непринимаемы въ разсчетъ. Не-

достатки эти состоятъ именно: въ невѣрности и неточности перевода мѣстъ, приведенныхъ изъ Сидонія; въ несовсѣмъ вѣрномъ изображеніи характера Сидонія, и наконецъ въ томъ, что сочинитель въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слишкомъ вѣрныя и смѣлыя предположенія основываетъ на неопредѣленныхъ и недостаточныхъ свидѣтельствахъ древнихъ писателей. Кромѣ того, принявъ въ соображеніе съ одной стороны, что удачныя спеціальныя сочиненія этого рода не только въ нашей литературѣ, но и вездѣ, теперь весьма рѣдки; что наука древности, долгое время остававшаяся у насъ безъ обработки и только недавно получившая нѣкоторое движеніе, требуетъ еще поощренія для того, чтобы она дѣятельно подвигалась впередъ, — и съ другой стороны, что сочиненіе г. Ешевскаго отчасти есть зрѣлый плодъ трудовъ по предмету древности; что сочинитель обнаружилъ истинно большую смѣлость и усердіе, рѣшившись на этотъ трудъ, не смотря на славныя имена ученыхъ, которые уже испытывали свои силы на томъ же поприщѣ, ни на весьма большія затрудненія, которыя ему здѣсь представлялись: я полагаю, что сочиненіе г. Ешевскаго можетъ быть удостоено по крайней мѣрѣ *половинной*, если не полной Демидовской преміи.

РАЗБОРЪ

изданной П. БЕЗСОНОВЫМЪ книги:

БОЛГАРСКІЯ ПѢСНИ,

составленный

Адъюнктомъ Академіи Дубровскимъ.

Записываніе и собираніе народныхъ пѣсенъ, какъ извѣстно, соединено съ чрезвычайными трудностями; оно требуетъ особеннаго приготовленія и, скажемъ болѣе, особеннаго таланта. Не многимъ удавалось достигнуть возможно-полнаго успѣха въ этомъ дѣлѣ, которое трудно уже потому, что народныя пѣсни созданы не для чтенія, а для пѣнія. Такимъ образомъ онѣ тѣсно соединяются съ музыкою, или напѣвомъ;—отъ нихъ то много зависитъ весь складъ пѣсни и размѣръ ея стиха, такъ, что не рѣдко, по требованію музыкальнаго такта, слова пѣсни должны то удлинняться, то сокращаться, то измѣнять самое удареніе. Сколько смѣтливости и искусства долженъ имѣть собиратель, чтобы схватить главные оттѣнки пѣсенъ и не исказить ихъ настоящаго характера! Наконецъ, чтобы имѣть доступъ къ народной поэзіи, нужно глубоко сочувствовать простому народу и изучить его бытъ во всѣхъ подробностяхъ; сверхъ того необходимо имѣть врожденное призваніе къ самой поэзіи вообще.

Выполненія всѣхъ этихъ требованій не льзя и ожидать отъ г. Безсонова, потому что самъ онъ не былъ личнымъ собирателемъ Болгарскихъ пѣсенъ и только пользовался посторонними сборниками Венелина, Катранова и другихъ Болгаръ.—Какъ увидимъ, г. Безсоновъ не всегда почерпалъ свои запасы изъ вѣрныхъ источниковъ. Во всякомъ случаѣ ему мы обязаны изда-

ніемъ обширнаго сборника Болгарскихъ пѣсенъ. До него онѣ являлись въ печати только въ небольшомъ числѣ, разбросанныя по разнымъ изданіямъ. Знаменитый собиратель Сербскихъ пѣсенъ Вукъ Стефановичь Караджичь, еще въ 1822 году, кажется, первый напечаталъ нѣсколько Болгарскихъ пѣсенъ въ своемъ «Додатак к Санктпетербургскимъ сравнителјним рјечницама (У Бечу, 1822). Уже въ позднѣйшее время явился небольшой сборникъ Богоева, потомъ нѣсколько пѣсенъ напечаталъ Босилинъ, въ своемъ букварѣ, изданномъ въ Москвѣ; помѣщены также нѣкоторыя Болгарскія пѣсни въ журналѣ *Kolo*, издан. въ Загребѣ, въ Цареградскомъ Вѣстникѣ, наконецъ въ Москвитянинѣ и въ Извѣстіяхъ 2-го Отдѣленія И. А. Н. — Большая часть всѣхъ этихъ пѣсенъ также вошла въ сборникъ г. Безсонова. Вотъ, кажется, всѣ печатныя изданія, которыя ему были извѣстны.

Взглянемъ же теперь на содержаніе этого сборника.—Онъ состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ 1-мъ разсмотрѣнъ эпосъ Сербскій и Болгарскій, въ историческомъ и топографическомъ отношеніяхъ; во 2-мъ изложены главные вопросы языка Новоболгарскаго, условливающіе собою его правописаніе, и въ 3-мъ заключаются самыя пѣсни, которыя г. Безсоновъ раздѣляетъ на *юнацкія* и *женскія*. Къ 1-му разряду онъ относитъ, такъ названныя имъ, пѣсни молодецкія, героическія или эпическія; ко 2-му: миѳологическія или баснословныя, колядки, кралицкія, сватовскія, свадебныя, пастушескія, подорожныя, хороводныя, любовныя, и проч. Сверхъ того присоединены пѣсни воинскія или воинственныя, стихи и переводы Болгаръ и Болгарская *здравица* (т. е. застольная пѣсня). Въ концѣ 2-го выпуска помѣщено оглавленіе пѣсенъ Новоболѓарскихъ съ показаніемъ источниковъ, откуда онѣ заимствованы и нарѣчія, на которомъ сложены. Присоединенъ также словарь-указатель отдѣльныхъ словъ и рѣченій, встрѣчающихся въ напечатанныхъ въ этомъ сборникѣ Болгарскихъ пѣсняхъ, и объясненныхъ примѣчаніями.

Представляя отчетъ объ этомъ замѣчательномъ трудѣ, какъ въ отношеніи къ языку Новоболгарскому, такъ и къ самымъ пѣснямъ, я буду пользоваться указаніями двухъ ученыхъ Болгаръ, основательныхъ знатоковъ Болгарской народности.

Въ обзорѣ эпоса Сербскаго и Болгарскаго, г. Безсоновъ, основываясь на народныхъ пѣсняхъ, представляетъ любопытныя свѣдѣнія объ исторіи и народной поэзіи Болгаръ и Сербовъ. — Главные вопросы языка Новоболгарскаго разсмотрѣны подробно, хотя, какъ увидимъ далѣе, они исполнены ошибокъ, безъ сомнѣнія потому, что собиратель не совершенно изучилъ Болгарское нарѣчіе и большею частію въ своихъ выводахъ основывался на искаженныхъ пѣсняхъ. Какъ бы то ни было, заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ первый на Русскомъ языкѣ, въ обширномъ объемѣ, разсмотрѣлъ грамматическія формы Болгарскаго языка. Что касается до самыхъ пѣсенъ, то въ сборникѣ г. Безсонова, заключается не малое число (именно 90) такихъ, которыя переданы хорошо и вѣрно. Считаю долгомъ здѣсь отмѣтить ихъ: №№ III, IV, V, VI, VIII, IX, XV, XVII, XVIII, XIX, XXII, XXV, XXVII, XVIII, XXIX, XXX, XXXII, XXXIII, XXXIV, XXXV, XXXVI, XXXVII, XXXVIII, XXXIX, XL, XLI, XLII, XLIII, XLIV, XLV, XLVI, XLVIII, XLIX, LIII, LIV, LXI, LXII, LXIII, LXIV, LXV, LXVI, LXVII, LXVIII, LXX, LXXI, LXXII, LXXIII, LXXIV, LXXV, LXXVI, LXXVII, LXXVIII, LXXIX, LXXX, LXXXI, LXXXII, LXXXIII, XC, XCI, XCIV, XCVII, XCVIII, XCIX, CII, CIII, CIX, CXI, CXIV, CXV, CXVIII, CXIX, CXX, CXXI, CXXII, CXXIII, CXXIV, CXXV, CXXVI, CXXVII, CXXVIII, CXXIX, CXXX, CXXXI, CXXXII, CXXXIII, CXXXIV, CXXXV, CXXXIX, CXL, CXLI.

Прочія пѣсни, болѣе или менѣе, неправильно записаны. Для доказательства нѣкоторыя изъ нихъ можно сравнить съ тѣми пѣснями, которыя напечатаны въ Извѣстіяхъ 2-го Отд. А. Н.— Замѣтимъ еще слѣдующія пѣсни: № XI. Во многихъ мѣстахъ этой пѣсни нѣкоторыя частицы или пропущены, или прибавлены, такъ, что стихи не вездѣ равны. Размѣръ стиховъ до

7-го, съ самаго начала, правиленъ, потомъ перемѣшанъ, что замѣтно и во многихъ другихъ пѣсняхъ. — Въ пѣсни подъ № XLVI, послѣ стиха 25-го, пропущенъ стихъ: «Той си харбіѧ прѣскокнѫ.» — Пѣсня подъ № LI приведена не вся; только начало. Пѣсня подъ № LII чуть ли не сочинена или передѣлана; а пѣсня подъ № LIX — цыганская, переведенная съ Турецкаго плохимъ языкомъ.

Теперь мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній, касательно вопросовъ Новоболгарскаго языка и объясненій пѣсенъ.

Въ вопросахъ языка Новоболгарскаго, на стр. 98-й, г. Безсоновъ утверждаетъ, что «правила членовъ соблюдаются въ точности *только на письмѣ.*» Напротивъ, они совершенно правильно употребляются въ говорѣ. Что же касается до письменнаго ихъ употребленія, то оно не точно и не одинаково. Почти всѣ Болгарскія книги переводились или съ Греческаго, или съ Русскаго, и даже съ Сербскаго, отъ того и члены употреблялись, или не употреблялись, смотря по тому, съ какого языка переводилась книга.

Стр. 103. «Чтобы напомнить склоненіе Ц. Славянскаго *сь* и *вьсь*, въ Н. Болгарскомъ существуетъ только *се*, и то въ смыслѣ нарѣчія.» Такъ несправедливо замѣчаетъ г. Безсоновъ; потому что въ Болгарскомъ существуетъ не только *се*, но и *все* (сред. р.) и *вся* (ж. р.), даже *весь*, хотя и рѣдко; также говорится *све*, какъ въ Сербскомъ.

Стр. 104 — 105. Авторъ замѣчаетъ: «*Кого* съ предлогами употребляется для всѣхъ косвенныхъ падежей, для именительнаго (въ сложномъ видѣ *нѣкто*) употребляется уже мѣстоименіе *кьй-то* или *кой-то*», и т. д. Это неправильно: употребляется просто *кой*, ибо *кой-то* значитъ *который*, какъ мѣстоименіе относительное.

На стр. 116-й сказано, что въ Новоболгарскомъ языкѣ потеряно 3-ье лицо множ. числа аориста (*шѫ*), замѣняющееся окончаніемъ прошедшаго несовершеннаго (хѫ). Здѣсь нужно за-

мѣтить, что 3-е лице на *шя* потеряно не во всѣхъ мѣстахъ; въ другихъ же употребительно *жж*, какъ-то: около Софіи, Врацы, Радомира, Брезника и др., также кое-гдѣ во Ѳракіи.

На 148-й стр. авторъ утверждаетъ, что вспомогательный глаголъ, находясь впереди главнаго, для перваго лица един. чис. имѣетъ *штж*, а для всѣхъ остальныхъ лицъ обоихъ чиселъ *ште;* — но это ошибка; ибо одни выговариваютъ *штж*, другіе *ште*, даже *жда*, *жде*, также *шда*, *шде*, для всѣхъ лицъ и обоихъ чиселъ. Оно составлено изъ вспомо́гательнаго *штж* и частицы *де*.

Многія слова и выраженія въ Болгарскихъ пѣсняхъ истолкованы также ошибочно и невѣрно. Укажу на нѣкоторыя изъ нихъ:

Выпускъ первый. Стр. 170, стихи 9 и 10.

«Акó мя сь̀рце бра̀те, болѝ,
За Мину̀шк мя пóбóлѣ».

Г. Безсоновъ эти стихи объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Если у меня сердце (животъ) болитъ, то за Минуша (отъ жалости по немъ) еще болѣ (болитъ; — замѣтьте въ эпич. языкѣ память о сродствѣ корней: *бол*-ѣ-ть и *бол*-ій, *бол*-ьшій)». Послѣднее слово 2-го стиха: *пóбóлѣ*, г. Безсоновъ употребилъ вмѣсто *пó боли* (больше болитъ), вѣроятно предполагая, что *по*, употребляемое передъ прилагательнымъ для показанія сравнительной степени, не употребляется и передъ глаголомъ въ смыслѣ *болѣе*.

Стр. 172 и 173, стихъ 9-й и 10-й:

«Отбѝло ся к, отбѝло
На хайду̀шко-то кла̀денче».

При словѣ перваго стиха: *отбилося*, г. Безсоновъ замѣчаетъ: «Техническое выраженіе о гайдукахъ = заворовался, отвернулся (корень одинъ), завернулъ». Это слово значитъ просто — своротило съ дороги, завернуло куда-нибудь по дорогѣ.—*Отбихся у васъ,* я завернулъ, зашелъ мимоходомъ къ вамъ.

Стр. 260, стихъ 12-й: «Отвѣчѣва Царъ Константѝнъ».

Слово *отвѣчѣва* г. Безсоновъ принимаетъ за старинную форму, между тѣмъ какъ въ немъ видно вліяніе Русское; по Болгарски слѣдуетъ сказать; *отвѣщава* (сравните: *пещь*—печь; *нощь* — ночь; *нощувать* — ночевать, и др.).

Выпускъ второй. Стр. 11-ая, стихи 3-й, 4-й, 5-й, 6-й и 7-й:

Дѐ штемъ Бо̀гу
Люлки вѐсить?
Вѣсй — штемъ ги
Отъ два слъбца
Калѝнкови.

Издатель объясняетъ: «Свѣсилъ колыбелки (ку) съ двухъ столбиковъ калиновыхъ, повѣсилъ на двухъ столбцахъ.» Слово *слъбецъ* истолковано неправильно, оно значитъ: *вѣтка*, *стебель*.

Стр. 14-ая, стихъ 2-й: «А одби ми се еде вотё от милнаго рода.»

Этотъ стихъ совершенно искаженъ. Его нужно исправить слѣдующимъ образомъ: «А одби ми се є девотё (т. е. дѣвушка) отъ милнаго рода.»

Такимъ образомъ г. Безсоновъ ошибочно объясняетъ, будто бы *отбило ся*, значитъ отбилось, оторвалось, тогда какъ слѣдовало бы сказать: разсталось, разлучилось. Онъ принялъ также є и *де* за одно слово, а вмѣсто *девотё* (дѣвушка) вышло *вотё*, т. е. плодъ, овощь.

На стр. 19-ой, употребленное въ 12-мъ стихѣ слово: *було*, г. Безсоновъ объясняетъ: «головной уборъ замужнихъ женщинъ»; но оно значитъ покрывало, которымъ невѣста покрывается, идя къ вѣнцу.

Стр. 33-я, стихъ 4-й:

«Застрѣлѣла чѐрни очи».

Издатель при словѣ *застрѣлѣла* замѣчаетъ, что въ Болгарскихъ пѣсняхъ очи постоянно пускаютъ стрѣлы, стрѣляютъ;

но *стрѣлямъ очи* значитъ бросаю взоры, повожу глазами; такъ точно какъ въ Польскомъ нарѣчіи: strzelać oczyma.

Стр. 47-ая, ст. 5-й и 6-й:

«Какъ ни бѣ дѣвôйка,
Кôня си бихъ прôдалъ.»

Первый стихъ г. Безсоновъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ; «Если бы намъ, на нашу долю была дѣвушка, если бы можно намъ достать ее, продалъ бы коня.... Издатель переводитъ: почему она не дѣвица?» — Но издатель перевелъ хорошо. Можетъ быть, г. Безсоновъ принялъ *ни* за мѣстоимѣніе *намъ*, тогда какъ оно здѣсь значитъ *не* и написано *ни* по произношенію, потому что, въ этомъ случаѣ, буква *е* безъ ударенія выговаривается какъ *и*. — Это видно по дальнѣйшему смыслу пѣсни.

Стр. 109, ст. 1-й и 2-й:

«Завйвай байрàкъ
Ти на лôшь войвода.»

Собственное имя предводителя гайдуковъ: *Налошь* или *Лалошь*, здѣсь измѣнено въ *на лошь*; отъ этого издатель сдѣлалъ произвольное объясненіе: *ты намъ плохъ воевода!*

Стр. 112-ая. При начальныхъ словахъ пѣсни: *И у дôлу*, г. Безсоновъ замѣчаетъ: «По низу, по низовью; *долу*, какъ нарѣчіе съ предлогомъ (въвъ), и какъ запѣвъ, довольно странно.» — Это объясненіе ошибочно. *И у долу* составляетъ одно слово: *отдолу*. Буква *т*, въ предлогѣ *отъ* передъ *д* произносится слабо; *о* безъ ударенія нѣкоторыми выговаривается, какъ *у*, а всѣ гласныя въ началѣ словъ іотируются. Такъ происходитъ: *юдолу*, записанное: *и у долу*.

Можно сдѣлать еще болѣе замѣчаній о неисправностяхъ и ошибкахъ, встрѣчающихся въ сборникѣ г. Безсонова; но они не отняли бы достоинства у его труда, какъ перваго опыта въ своемъ родѣ, предпринятаго въ ученой Русской литературѣ. Выше я указалъ на значительное число пѣсенъ вѣрно передан-

ныхъ; онѣ-то и придаютъ сборнику г. Безсонова немаловажную цѣнность для занимающихся Славянскою народною литературою. Замѣчательную часть этого труда составляетъ также обзоръ эпоса Болгарскаго и Сербскаго.

Не льзя не отдать справедливости трудолюбію г. Безсонова, можно даже сказать, его самоотверженію, съ какимъ онъ посвятилъ себя предпріятію, совершенно новому и не имѣющему у насъ хорошихъ пособій. — Онъ вполнѣ заслуживаетъ поощрительной Демидовской награды.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

Г. КАЧЕНОВСКАГО

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

О КАПЕРАХЪ И ПРИЗОВОМЪ СУДОПРОИЗВОДСТВѢ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ НЕЙТРАЛЬНОЙ ТОРГОВЛѢ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

Орд. Проф. С. Петерб. универс. **И. С. Ивановскимъ.**

Торговля нейтральныхъ державъ съ воюющими подвергалась и подвергается донынѣ извѣстнымъ ограниченіямъ относительно мѣста (право блокады), относительно предметовъ торговли (военная контрабанда) и относительно перевозки товаровъ, принадлежащихъ воюющимъ подъ нейтральнымъ флагомъ, равно какъ и товаровъ, принадлежащихъ нейтральнымъ подъ флагомъ воюющихъ державъ. Законными средствами для приведенія въ дѣйствіе сихъ ограниченій считались: осмотръ кораблей со стороны воюющихъ, раздача ими арматорскихъ патентовъ частнымъ каперамъ, наконецъ утвержденіе за каперами кораблей, захваченныхъ сообразно съ законами морской войны, по рѣшеніямъ призовыхъ судовъ.—Такъ какъ эти *пять* или *шесть* вопросовъ не рѣшены до сихъ поръ окончательно положительнымъ международнымъ правомъ и исполнены живаго интереса, то они занимали, въ настоящемъ и прошедшемъ столѣтіяхъ, умы весьма многихъ публицистовъ и разобраны ими въ мельчайшихъ подробностяхъ. Монографіи и систематическія сочиненія о морскомъ нейтралитетѣ столь многочисленны, что могли бы составить цѣлую библіотеку, и смѣло можно сказать, что, при настоящемъ состояніи практики международной, они почти исчерпаны съ догматической точки зрѣнія. Нѣтъ ни одного, сколько нибудь важнаго случая, относящагося къ нимъ, который бы не былъ разсмотрѣнъ, разрѣшенъ. Изысканія бóльшей части писателей приводятъ къ результатамъ почти одно-

образнымъ. Въ настоящее время едва ли можно придумать новую теорію морскаго нейтралитета.

Но если *догматическая* сторона вопросовъ о морскомъ нейтралитетѣ до такой степени разработана, что трудно высказать о немъ что-нибудь совершенно новое, оригинальное, то напротивъ *историческая* сторона этого предмета можетъ быть еще обработываема съ успѣхомъ. Не всѣ источники разсмотрѣны; въ исторіи прошедшаго можно найти много фактовъ, дополняющихъ и уясняющихъ постепенное развитіе понятій о нейтральной торговлѣ. Къ подобнымъ изслѣдованіямъ относится и трудъ г. Каченовскаго, незамѣчательный по окончательнымъ теоретическимъ результатамъ, но заслуживающій одобренія по полнотѣ и послѣдовательности изложенія, равно какъ по богатству матеріяловъ, которыми умѣлъ воспользоваться авторъ.

Предметомъ сочиненія г. Каченовскаго есть *каперство* въ его отношеніяхъ къ нейтральной торговлѣ, а такъ какъ этотъ обычай морской войны тѣсно связанъ съ устройствомъ призовыхъ судовъ, которые утверждаютъ за каперами собственность на призы, то авторъ разсматриваетъ и начала призоваго судопроизводства.

Г. Каченовскій дѣлитъ исторію каперства на 5 періодовъ. Въ первомъ періодѣ — до начала XVI столѣтія — каперство почти ничѣмъ не отличалось отъ корсарства. Мало по малу правительства стараются обуздать своеволіе морскихъ разбойниковъ и подчинить ихъ своимъ адмираламъ, учреждаютъ призовые суды. — Понятіе нейтралитета едва только начинаетъ вырабатываться въ сознаніи народовъ, не возбуждаетъ еще интереса и не вызываетъ споровъ международныхъ. Авторъ старается прояснить вопросъ: какимъ образомъ ни чьей власти надъ собою непризнающіе корсары превратились въ отвѣтственныхъ каперовъ; представляетъ очеркъ морскихъ разбоевъ и морскихъ войнъ этого періода, очеркъ — какъ онъ самъ сознается, еще весьма неполный, но не смотря на то занимательный, тѣмъ бо-

лѣе, что до сихъ поръ почти никто еще не коснулся этого вопроса.

Начиная съ XVI столѣтія, подъ вліяніемъ идей меркантильной системы, правительства издаютъ противъ нейтральной торговли стѣснительные декреты; каперство достигаетъ огромныхъ размѣровъ; въ призовыхъ судахъ вкореняются злоупотребленія; въ особенности Великобританія старается подавить нейтральную торговлю и сдѣлать свои призовые законы обязательными для Европы. — Нейтральные стараются смягчать посредствомъ трактатовъ суровость средневѣковаго призоваго законодательства и обезпечить, въ видѣ изъятія изъ общаго правила, въ видѣ привилегіи, свободу флага для своихъ кораблей. — Когда эта свобода нейтральнаго флага, появившаяся въ видѣ явленія случайнаго, произвольнаго, распространилась, принята была во множествѣ трактатовъ, континентальныя державы, въ оппозиціи съ Великобританіею во время Сѣверо-Американской войны, принимаютъ ее за безусловное начало, вытекающее изъ самой идеи нейтралитета, требуютъ ея соблюденія независимо отъ трактатовъ. Вооруженный нейтралитетъ 1780 г. наноситъ сильный ударъ каперству, даетъ начало благодѣтельнымъ реформамъ съ 1780 по 1793 годъ.

Вооруженный нейтралитетъ 1780 г. былъ столь рѣшительнымъ и многознаменательнымъ переворотомъ въ морскомъ международномъ правѣ, что безъ сомнѣнія *его* надо бы взять за исходную точку новаго порядка вещей. Все пространство времени отъ начала XVI столѣтія до 1793 г. слѣдовало бы раздѣлить на два періода: отъ начала XVI ст. до 1780 г. и отъ 1780 до 1793 года. — Г. Каченовскій предпочелъ другое дѣленіе и за раздѣльный пунктъ втораго и третьяго періодовъ каперства принялъ *Утрехтскій* трактатъ 1713 г. По его мнѣнію, на Утрехтскомъ конгрессѣ западныя державы согласились между собою относительно основныхъ началъ нейтралитета (стр. 46 и 47), *но*, прибавляетъ авторъ, впадая самъ съ собою въ противорѣчіе, *«онѣ не позаботились о томъ, чтобы придать*

«имъ всеобщую обязательную силу». Въ Утрехтскомъ трактатѣ принимали участіе только Англія, Франція, Голландія и Испанія. Началъ нейтралитета онѣ не опредѣлили, а если приняли начало: *bord libre rend marchandise libre*, то это было постановленіе произвольное, имѣвшее обязательную силу *для однихъ только договаривающихся*, ни сколько не касавшееся другихъ державъ и вытекавшее не изъ идеи нейтралитета, но изъ добровольнаго соглашенія. — Трактатъ Утрехтскій, въ отношеніи къ свободѣ нейтральнаго флага, вполнѣ подходитъ подъ одинъ разрядъ съ трактатами Франціи и Голландіи съ Портою 1604 и 1612 г., Франціи съ Голландіею 1646 г., Испаніи съ Голландіею 1654 г. и множествомъ другихъ, въ которыхъ принято начало: *le pavillon couvre la cargaison et la confisque*. За чѣмъ же брать Утрехтскій миръ за начало новаго періода, предпочтительно передъ которымъ нибудь изъ этихъ старшихъ по времени трактатовъ?

Во второмъ періодѣ (отъ XVI вѣка до 1713 г.) авторъ слѣдитъ за содержаніемъ трактатовъ и развитіемъ внутренняго законодательства Европейскихъ державъ. Впрочемъ здѣсь его изложеніе не содержитъ ничего новаго, чего бы не было у *Wheaton'a*, *Hautefeuille*, *Massé* и другихъ. — Въ третьемъ періодѣ (1713—1793) онъ излагаетъ подробно дѣло о Силезскомъ займѣ, руководствуясь *Causes celèbres* Мартенса, и Вооруженный Нейтралитетъ, по источникамъ болѣе или менѣе уже извѣстнымъ.

Четвертый періодъ (1793—1815) представляетъ мрачную картину потрясенія всѣхъ уже выработавшихся въ сознаніи народовъ въ прежнее время началъ о нейтралитетѣ. Сама идея нейтралитета исчезаетъ въ регламентахъ государствъ, ведущихъ ожесточенную борьбу, а призовые суды дѣлаются орудіемъ, такъ сказать, торговой инквизиціи. — Недовольствуясь изложеніемъ трактатовъ, авторъ обратился къ внутреннему законодательству государствъ воюющихъ, въ особенности Великобританіи и Франціи, гдѣ практика призовыхъ судовъ пріобрѣла стройность и послѣдовательность подъ вліяніемъ Уилліама

Скотта и Порталиса. По протоколамъ судовъ, по малоизвѣстнымъ у насъ источникамъ англійскимъ, американскимъ, нѣмецкимъ, г. Каченовскій мастерски очерталъ направленіе призовой судебной современной практики. — *Этотъ очеркъ* (стр. 84 до 110) *такъ округленъ, такъ полонъ, что составляетъ самъ по себѣ особый трактатъ и есть самая лучшая, такъ сказать, капитальная часть всего сочиненія.*

Пятый періодъ (отъ 1815 до нынѣ) представляетъ безостановочное развитіе морскаго международнаго права на началахъ Вооруженнаго Нейтралитета, — *паденіе каперства.* Въ дѣйствіяхъ государствъ замѣтно видимое стремленіе къ смягченію бѣдствій морской войны. Значительное большинство писателей склоняется въ пользу свободы нейтральной торговли и къ освобожденію ея отъ всѣхъ тѣхъ стѣсненій, которыя не вытекаютъ изъ разумной идеи войны. Авторъ довелъ разборъ трактатовъ до послѣднихъ времёнъ, включилъ даже дипломатическіе акты, изданные по поводу настоящей войны. — Потомъ онъ дѣлаетъ подробный разборъ мнѣній писателей относительно подсудности дѣлъ о морскихъ призахъ и относительно каперства. — Будучи рѣшительнымъ противникомъ каперства, авторъ питаетъ надежду, что оно исчезло уже безвозвратно, что его можно будетъ вскорѣ отнести къ *antiquitates juris*, наконецъ изъявляетъ желаніе, чтобы частная непріятельская собственность была изъята отъ конфискаціи воюющими на морѣ, какъ она изъята на сушѣ, — словомъ, чтобы въ практикѣ морской войны были приняты тѣ же начала, которыя соблюдаются въ войнѣ континентальной.

Г. Каченовскій обнаружилъ въ своемъ сочиненіи многостороннюю начитанность, и хотя многія части его труда не содержатъ ничего новаго, за то другія отличаются полнотою содержанія и самостоятельностью взгляда.—Однако собственныя его сужденія не вездѣ логичны и правильны, грѣшатъ иногда неопредѣлительностью и содержатъ довольно разительныя противорѣчія.

Такъ на-пр. г. Каченовскій очень не кстати задаетъ себѣ вопросъ: *«въ какихъ предѣлахъ воюющіе могутъ осуществлять надъ нейтральными призовую юрисдикцію?»* (стр. 142).— По мнѣнію его, призовые суды суть учрежденія международныя (146). Считать ихъ учрежденіями внутренними, не имѣющими международнаго характера, значитъ усвоить одному народу надъ другимъ законодательную власть (147). Если приговоръ призоваго суда сообразенъ съ трактатами и обычаями народовъ, то онъ имѣетъ обязательную силу и для нейтральнаго купца; въ противномъ случаѣ онъ не обязателенъ для нейтральныхъ. Авторъ предлагаетъ государствамъ учреждать смѣшанные призовые суды изъ подданныхъ воюющихъ и нейтральныхъ державъ, и жалѣетъ, что международная практика не согласна съ его теоріею (145).

Всѣ эти мнѣнія автора не могутъ выдержать критики. Практика международная логичнѣе г. Каченовскаго въ этомъ отношеніи. Ея правила сообразнѣе съ идеею нейтралитета. Никогда, ни въ какомъ случаѣ воюющій не имѣетъ юрисдикціи надъ нейтральнымъ. Допускать подсудность нейтральныхъ государствъ судамъ воюющихъ, въ какомъ бы то ни было случаѣ, значитъ подчинять одно государство другому. Въ глазахъ нейтральнаго, призовый судъ воюющаго есть только *государственное установленіе* той державы, которой принадлежитъ каперъ. Приговоры суда воюющей державы нисколько для нейтральнаго не обязательны и ничѣмъ не отличаются отъ мѣръ *чисто административныхъ* воюющаго государства. Нейтральные купцы, коихъ права нарушены были каперомъ, могутъ по правилу: *actor sequitur forum rei*, искать правосудіе у властей, коимъ подчиненъ каперъ, вчинать противу него искъ (Reclame-process); въ случаѣ же отказа въ правосудіи, они обращаются къ своему собственному государству, которое вступается за нихъ путемъ дипломатическихъ сношеній, реторсій, репрессалій и даже войны. — Смѣшанныя коммисіи, въ которыхъ г. Каченовскій видитъ осуществленіе своей идеи (150), ни-

сколько не походятъ на призовые суды. Онѣ учреждались и учреждаются *не на время войны, но по ея окончаніи;* онѣ наряжаются *ad hoc*, для рѣшенія нѣкоторыхъ неоконченныхъ споровъ международныхъ. Заключенія ихъ не имѣютъ никакой обязательной силы до тѣхъ поръ, пока не утверждены правительствами, ихъ нарядившими. *Онѣ суть ни что иное, какъ особенный видъ дипломатическихъ сношеній.*

Выходя изъ ложной точки зрѣнія, что въ извѣстныхъ случаяхъ воюющій имѣетъ юрисдикцію надъ нейтральнымъ, авторъ считаетъ въ призовомъ судѣ капера *истцомъ*, а нейтральнаго *отвѣтчикомъ*, видитъ осуществленіе власти воюющаго надъ нейтральнымъ въ осмотрѣ кораблей и придаетъ слишкомъ большую важность автономіи призовыхъ судовъ. Приговоры Скотта или Порталиса имѣютъ отношеніе весьма косвенное къ международному праву; у автора они являются судьями, рѣшающими международные споры, между тѣмъ какъ они были ничто иное, какъ *судіи, примѣняющіе регламенты и внутреннія узаконенія своихъ державъ, придерживающіеся буквы этихъ регламентовъ и посвящающіе имъ безусловно и обычаи международные и часто даже трактаты.* — Вообще авторъ слишкомъ снисходителенъ для призовой практики *англійской* и смотритъ на рѣшенія Уилліама Скотта, какъ на примѣненіе началъ международнаго права, хотя анализъ этихъ рѣшеній обнаруживаетъ, какъ нельзя яснѣе, что знаменитый судья никогда серіозно не придерживался ни *Consolato del mare*, ни другихъ источниковъ положительнаго международнаго права, ни требованій справедливости, и что вся его теорія призоваго судопроизводства основана на жалкихъ софизмахъ и направлена къ совершенному разрушенію нейтральной торговли.

Неправильный взглядъ автора на существо и значеніе призовыхъ судовъ отражается во всемъ его сочиненіи.—Укажемъ на нѣкоторыя другія его погрѣшности.

Reports англійскихъ судовъ авторъ переводитъ словомъ *рапорты* (XIII, XIV, 26) между тѣмъ какъ это слово выражаетъ

только: судебные протоколы. Правительство Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ онъ называетъ Вашингтонскимъ кабинетомъ (78).

Стр. 12 «Верховная власть (въ XIV столѣтіи) подчиняетъ «каперовъ или консуламъ или обыкновеннымъ городскимъ властямъ». — А кто же были консулы въ XIV столѣтіи, если не обыкновенныя городскія власти? Консуловъ, въ смыслѣ ихъ нынѣшнемъ, еще въ то время не существовало.

Стр. 100 «Еще строже адмиралтейскіе суды къ тѣмъ нейтральнымъ подданнымъ, которые нанимаются перевозить непріятельскихъ офицеровъ и солдатъ. Въ подобныхъ случаяхъ «ничто не можетъ спасти корабль отъ конфискаціи».... Нѣсколькими же строками ниже: «Только тогда, когда офицеры «переѣзжаютъ на свой собственный счетъ въ качествѣ обык«новенныхъ пассажировъ, нейтральное судно можетъ считать«ся свободнымъ.

Стр. 131. Къ числу успѣховъ международнаго права въ XIX столѣтіи, со временъ Вѣнскаго мира, авторъ относитъ отмѣну устарѣлаго *droit d'aubaine*. — Этотъ обычай исчезъ ранѣе изъ практики международной. Во Франціи онъ былъ отмѣненъ въ 1790 г. постановленіемъ Законодательнаго Собранія.

Стр. IX. Г. Каченовскій имѣетъ довольно странное понятіе о философской школѣ права народовъ.— «Такъ называе«мая философская школа общенароднаго права», говоритъ онъ, «теперь уже не имѣетъ ни одного сколько нибудь замѣчатель«наго представителя. Почти всѣ публицисты отказались отъ «построенія произвольныхъ теорій, согласились, что диспуты о «примѣненіи права естественнаго къ міровой жизни націй не «приносятъ пользы и начали искать юридическихъ основаній «международнаго союза въ самомъ существѣ государства, въ «сознаніи и въ вѣковыхъ убѣжденіяхъ человѣчества.... Геф«феръ, Оппенгеймъ, Пюттеръ, Уитонъ, Миллеръ-Іохмусъ, Ло«ранъ, Вурмъ Готфёль, Редди и др. далеко оставили за собою «учениковъ Мартенса, какъ по обширности взглядовъ, такъ и

«по важности добытыхъ результатовъ».—Была когда то школа, отвергавшая положительное право народовъ и обращавшая эту науку въ сухія схоластическія умствованія, заимствованныя изъ такъ называемаго естественнаго права, — школа Пуффендорфа и его послѣдователей — но она давно уже забыта. Въ Мартенсѣ и его послѣдователяхъ, которые, между прочимъ говоря, ни когда не были величаемы именемъ философской школы, преобладаетъ направленіе чисто положительное, догматическое. — Искать юридическихъ основаній международнаго союза въ самомъ существѣ государства, въ сознаніи и вѣковыхъ убѣжденіяхъ человѣчества, не есть ли это отличительный признакъ, составляющій достоинство и славу новѣйшей философіи? — Въ этомъ отношеніи почти всѣ новѣйшіе писатели науки международнаго права вполнѣ заслуживаютъ названія школы философской, и ея то методъ преобладаетъ нынѣ.

Соображая достоинства сочиненіе г. Каченовскаго съ его недостатками, я нахожу, что послѣдніе далеко уступаютъ первымъ. Принимая во вниманіе чрезвычайную бѣдность нашей отечественной литературы по международному праву, не смотря на сжатость объема сказаннаго сочиненія, я признаю его достойнымъ, на основаніи 1 п. X § Положенія о Демидовскихъ наградахъ, *половинной* преміи.

РАЗБОРЪ

ПОЛНАГО НѢМЕЦКО-РУССКАГО СЛОВАРЯ

Г. ПАВЛОВСКАГО,

составленный

Академикомъ **А. Х. Востоковымъ.**

Словарь этотъ назначенъ для Нѣмцевъ, желающихъ выучиться по русски, и потому въ немъ главнѣйшимъ образомъ обращено вниманіе на Русскій языкъ. Для сего въ началѣ словаря особо показаны правила сочиненія существительныхъ съ числительными, употребленіе въ Русскомъ языкѣ дѣепричастій и спряженіе неправильныхъ глаголовъ. Въ самомъ словарѣ при существительныхъ на *ь* (муж. и женск. р.) показаны окончанія родительнаго единственнаго, именительнаго и родительнаго множественнаго числа, а также родительный единственнаго тѣхъ существительныхъ, которыя выпускаютъ въ косвенныхъ падежахъ *о* или *е* своихъ окончаній, или превращаютъ *е* въ *ь* или *й*. При глаголахъ означены виды ихъ, предлоги и падежи, коихъ они требуютъ. Въ примѣрахъ приведены разныя выраженія или фразы, свойственныя Нѣмецкому и Русскому языку, также пословицы и поговорки обоихъ языковъ, соотвѣтствующія однѣ другимъ. Всѣ русскія слова снабжены удареніями.

Нѣмецкая часть словаря также тщательно обработана и не уступаетъ полнотою ни одному изъ прежнихъ нѣмецко-русскихъ словарей, напротивъ того превосходитъ оные, особенно точностью изъясненія словъ. Надъ составленіемъ этого словаря трудился авторъ 11 лѣтъ.

Признавая такимъ образомъ словарь г. Павловскаго заслуживающимъ въ полной мѣрѣ похвалы и одобренія, я не могу умолчать и о нѣкоторыхъ замѣченныхъ въ немъ недостаткахъ,

которые трудолюбивый составитель вѣроятно самъ усмотритъ и поправитъ при новомъ изданіи. Недостатки сіи состоятъ по большей части въ опечаткахъ; на-пр. подъ словомъ Abbalzen, *теревá*, вмѣсто тетеревá, подъ словомъ Abgleichen, *юстрировать*, вмѣсто юстировать, подъ словомъ Abtakeln, *разснáтка*, вмѣсто разснастка. Несмотря на такія ошибки, я полагаю, что Нѣмецко-Русскій словарь г. Павловскаго принесетъ несомнѣнную пользу въ Прибалтійскихъ Губерніяхъ тѣмъ, которые будутъ почерпать изъ него потребное имъ знаніе Русскаго языка, и по справедливости можетъ удостоенъ быть отъ Императорской Академіи Наукъ поощрительной Демидовской преміи.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ

УЧРЕЖДЕННЫХЪ

П. Н. ДЕМИДОВЫМЪ

НАГРАДЪ.

17 Іюня 1857 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1858.

Издано по опредѣленію Императорской Академіи Наукъ.

10 Марта 1858 года.

Исправляющій должность Непремѣннаго Секретаря Академикъ *Веселовскій*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОБЩІЙ ОТЧЕТЪ

о

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ

ДЕМИДОВСКИХЪ НАГРАДЪ,

читанный

ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

академикомъ **К. С. Веселовскимъ,**

17 Іюня 1857 года.

На нынѣшнее XXVI соисканіе Демидовскихъ премій представлено было самими авторами 30 сочиненій, въ томъ числѣ три, отложенныхъ отъ предшествовавшаго конкурса; къ нимъ присоединилось еще одно, внесенное членами Академіи во уваженіи къ особенному ученому его достоинству. По разсмотрѣніи сочиненій рецензентами и по подробномъ обсужденіи Академіею, тринадцать изъ нихъ признаны заслуживающими вниманія и награды; но, за неимѣніемъ достаточной суммы, увѣнчаны преміями только восемь, а именно два полными и шесть половинными преміями; прочія же пять удостоены почетнаго отзыва.

Изъ числа увѣнчанныхъ преміями сочиненій 4 относятся къ области естественныхъ наукъ, 1 къ правовѣдѣнію, 2 къ исторіи, 1 къ философіи; а изъ удостоенныхъ почетнаго отзыва 1 къ богословію, 1 къ политической исторіи, 1 къ исторіи художествъ, 1 къ естественной исторіи и 1 къ исторіи финансовъ.

I.

Первенство между награждаемыми преміею трудами признано за сочиненіемъ:

Flora Baicalensi-Dahurica, seu descriptio plantarum in regionibus cis et transbaicalensibus atque in Dahuria sponte nascentium. Auctore Nicolao Turczaninow.

Если науки естественныя вообще, со времени ихъ водворенія въ Россіи, находятъ для себя у насъ многихъ любителей, то изъ всѣхъ ихъ, можетъ быть, наибольшее число послѣдователей нашла себѣ ботаника. Большая часть отечественныхъ путешествій совершена была въ ея пользахъ. Не говоря уже о флорахъ окрестностей обѣихъ столицъ, изъ коихъ одна обогащается весьма важнымъ трудомъ однаго изъ нашихъ сочленовъ, а другая составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ изслѣдованія особаго общества, флора приволжскихъ странъ и балтійскаго края, богатая флора Крыма и Кавказа, Урала и Алтая и разныхъ другихъ частей Россіи были описаны подробно и основательно, и имена нѣкоторыхъ изъ изслѣдователей у насъ растительнаго царства, какъ-то Палласа, Гмелина, Маршала-фонъ-Биберштейна, Стевена, Ледебура, Мейера, Рупрехта пріобрѣли себѣ европейскую извѣстность. Нынѣ доходитъ очередь до отдаленнѣйшихъ краевъ имперіи. Флора одного изъ нихъ, объемлющаго собою любопытныя окрестности Байкальскаго озера и Даурію, составляетъ предметъ вышеприведеннаго сочиненія одного изъ неутомимѣйшихъ отечественныхъ ботаниковъ, который уже много лѣтъ обогащалъ и наши академическіе гербаріи плодами своихъ изысканій.

Разбиравшіе это сочиненіе, Ф. И. Рупрехтъ и Н. И. Желѣзновъ, такъ изъясняются о немъ:

«Немногимъ изъ ботаниковъ, посвятившимъ себя изученію растительности отдѣльныхъ, по положенію и свойствамъ, странъ въ Россіи, удалось собирать и обработывать матеріалы съ такимъ

постоянствомъ и успѣхомъ, какъ сдѣлалъ г. Турчаниновъ. Онъ избралъ для своего изслѣдованія обширную и чрезвычайно замѣчательную во многихъ отношеніяхъ мѣстность: Нерчинскій округъ, составляющій собственно Даурію, и округи Верхнеудинскій и Иркутскій.» — Упомянувъ затѣмъ объ услугахъ предшественниковъ г. Турчанинова по изслѣдованію флоры той же самой мѣстности, рецензенты ближе опредѣляютъ относительную долю каждаго, показывая, что Гмелинъ и его предшественники открыли въ той странѣ болѣе 500 видовъ, Палласъ и другіе, собиравшіе послѣ него, до пріѣзда г. Турчанинова въ Иркутскъ, около 300 видовъ; г. Турчанинову съ его спутниками удалось открыть также болѣе 500 видовъ, въ томъ числѣ 170 породъ и 15 родовъ, прежде неописанныхъ.

Г. Турчаниновъ уже давно началъ свои изысканія въ тѣхъ краяхъ. Еще въ 1828 году онъ собиралъ растенія въ окрестностяхъ Иркутска, у береговъ Байкала и въ верховьяхъ Ангары. Съ 1829 по 1836 годъ онъ посѣщалъ, иногда по нѣскольку разъ, всѣ замѣчательныя мѣстности этого края, обошелъ островъ Ольховъ, проходилъ степи, особенно Косую, дважды былъ на озерѣ Коссоголѣ, въ Китайской Монголіи, и въ другихъ мѣстахъ по Китайской границѣ; всходилъ на вершины разныхъ горъ, трижды былъ на гольцѣ Чокондо, спускался по рѣкамъ для изученія прибрежной растительности. Особенно достойно замѣчанія его путешествіе по верховью Амура до бывшей русской крѣпости Албазина, какъ тѣхъ самыхъ мѣстъ, которыя еще въ прошедшемъ году были предметомъ изслѣдованія естествоиспытателя Академіи, г. Шренка. Такимъ образомъ ревностный русскій ботаникъ подробно обозрѣлъ страну не только въ предѣлахъ границъ политическихъ, но и далѣе ихъ, для разрѣшенія задачи, въ какихъ именно естественныхъ границахъ растительность сохраняетъ одинъ и тотъ же характеръ, что придаетъ его труду особое достоинство.

Съ 1836 года собственныя занятія г. Турчанинова по изслѣдованію при-байкальской флоры были прерваны поступленіемъ его въ государственную службу. Однако ревность его къ любимой наукѣ не охладѣла. Будучи лишенъ возможности самъ продолжать разысканія, по крайней мѣрѣ въ продолженіе лѣта, онъ предоставилъ собираніе растеній своимъ сотрудникамъ, молодому казаку, столько же усердному, какъ и онъ самъ, но къ сожалѣнію скоро погибшему — ботанику Кузнецову, путешествовавшему въ Китаѣ съ миссіею, также Кирилову, Баснину и Щукину. Авторъ не преминулъ съ похвальнымъ безпристрастіемъ упомянуть, въ своемъ трудѣ, о заслугахъ этихъ ревностныхъ своихъ сподвижниковъ. Въ послѣдствіи времени г. Турчаниновъ снова самъ принялся за разысканія и въ продолженіе многихъ лѣтъ путешествовалъ на счетъ Кабинета, по ходатайству бывшаго директора Ботаническаго Сада, Ѳ. Б. Фишера, который, вмѣстѣ съ академиками Мейеромъ и Триніусомъ, оказывалъ ему содѣйствіе совѣтами и присылкою сочиненій, потребныхъ для сличенія съ Байкало-Даурскою флорою. Между тѣмъ г. Турчаниновъ, по мѣрѣ собиранія, разсылалъ многимъ ботаникамъ находимыя имъ растенія, которыя и были ими описаны. Хотя это и уменьшило нѣсколько собственный его трудъ; однако и онъ самъ успѣлъ, какъ выше было замѣчено, описать до 155 видовъ и 15 разностей и установить 15 новыхъ родовъ.

Обработка богатаго матеріала, собраннаго во всѣ эти путешествія, продолжалась много лѣтъ. Въ теченіе этого времени г. Турчаниновъ помѣщалъ описанія отдѣльныхъ семействъ растеній въ Запискахъ Московскаго Общества Испытателей Природы, а съ 1842 по 1845 годъ составилъ 1-й томъ Байкало-Даурской флоры, заключающій въ себѣ 40 семействъ съ 176 родами и 565 видами. Въ послѣднія 10 лѣтъ авторъ не переставалъ трудиться надъ продолженіемъ своей флоры и сверхъ доставленнаго имъ, для 1 тома Записокъ Московскаго Общества за 1856 годъ, описанія четырехъ семействъ растеній, успѣлъ

изготовить 2-й томъ, вмѣщающій въ себѣ 57 семействъ явнобрачныхъ и 3 семейства тайнобрачныхъ, которыми и завершается Байкало-Даурская флора, имѣющая всего 448 родовъ и 1365 видовъ явнобрачныхъ растеній.

Появленіе въ свѣтъ такого сочиненія не могло не обратить на себя вниманіе ученаго міра и доставило автору ея славное имя. Основою этой извѣстности была большая его опытность или, точнѣе сказать, тактъ въ опредѣленіи растеній, руководившій его съ такою вѣрностью, что большая часть установленныхъ имъ родовъ и видовъ отличается хорошими признаками и принята другими ботаниками. Всѣ описанія растеній вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ систематической ботаники. Часто однимъ или двумя словами онъ умѣетъ обрисовать отличительные признаки растеній; подобныя описанія лучше всего свидѣтельствуютъ о дарованіи и наблюдательности автора. При описаніи новыхъ видовъ онъ не ограничивается однимъ только указаніемъ ихъ признаковъ, а старается, посредствомъ тщательнаго сличенія, опредѣлить ихъ мѣсто между видами уже извѣстными. Но заслуга г. Турчанинова состоитъ не въ одной только вѣрности взгляда на признаки растеній, не въ одной тщательности обработки его труда и въ необыкновенномъ постоянствѣ при собираніи матеріаловъ. Самостоятельность его труда заключается также въ тѣхъ остроумныхъ сближеніяхъ наблюдаемыхъ имъ явленій, которыми онъ не мало обогатилъ ботаническую географію. Не вдаваясь здѣсь въ подробности по этой части, которыя можно прочесть въ самой рецензіи гг. Рупрехта и Желѣзнова, мы укажемъ только на одно, сдѣланное авторомъ наблюденіе, а именно, что есть растенія общія Европѣ и Дауріи и не встрѣчающіяся въ Забайкальскомъ краѣ, а многія изъ нихъ не находятся даже во всей Сибири.

Все это показываетъ, что Байкало-Даурская флора есть трудъ вполнѣ самостоятельный, имѣющій достоинство не только по исчисленію въ немъ растеній, нигдѣ до селѣ неописанныхъ; но еще заключающій въ себѣ общій обзоръ особенно-

стей растительности, способный объяснить отличительный характеръ тамошняго края.

Основою для расположенія растеній послужила автору система Декандоля; во многихъ же случаяхъ онъ слѣдовалъ также Коху и другимъ ботаникамъ, у которыхъ находилъ вѣрныя описанія. Не вмѣняя себѣ въ заслугу составлять новыя діагнозы, онъ выписывалъ ихъ и изъ другихъ сочиненій, всегда впрочемъ добросовѣстно указывая на источникъ, изъ котораго онѣ взяты. Но въ случаяхъ, когда замѣчалъ неточность въ описаніяхъ, онъ дѣлалъ дополненія и примѣчанія, которыя составляютъ собою значительную часть книги. Многія изъ его описаній перешли, безъ всякаго измѣненія, въ другія сочиненія.

Нельзя умолчать здѣсь о томъ, что особенно первая часть флоры г. Турчанинова, по давности появленія въ свѣтъ, необходимо должна была нѣсколько устарѣть, потому что съ тѣхъ поръ многіе путешественники были въ той же самой странѣ. Но справедливость заставляетъ сказать, что сочиненіе отъ этого ни сколько не утратило своего достоинства, тѣмъ болѣе, что авторъ, по изданіи своей книги, обработалъ особыя прибавленія къ байкало-даурской флорѣ, посланныя имъ въ Московское Общество и нынѣ вышедшія въ печати. Сверхъ того онъ составилъ для своей флоры общій указатель названій растеній и поименованныхъ въ сочиненіи авторовъ, который однако, къ сожалѣнію, еще не напечатанъ.

Но и въ настоящемъ своемъ видѣ Байкало-Даурская флора имѣетъ столько достоинствъ, какъ плодъ настойчивыхъ, долголѣтнихъ и добросовѣстныхъ трудовъ, что ее нельзя не признать заслуживающею полной преміи. Такихъ сочиненій въ Россіи появилось не много, и во всякомъ случаѣ чистая любовь къ наукѣ, руководившая сочинителемъ во все продолженіе его ученой дѣятельности, плодомъ которой былъ предлежащій трудъ, заслуживаетъ особенной награды.

Академія, по выслушаніи отзыва рецензентовъ, не могла

не скрѣпить окончательнаго ихъ приговора единодушнымъ своимъ согласіемъ, опредѣливъ давнишнему своему члену-корреспонденту полную премію.

II.

Вторая главная награда нынѣшняго конкурса переноситъ насъ изъ вѣчно-юнаго царства Флоры въ другое, уже давно отжившее и погребенное, которое однако, своими остатками и развалинами, также свидѣтельствуетъ о нѣкогда оживленномъ состояніи поверхности земли и объ извѣстномъ періодѣ развитія земнаго шара. Относящееся сюда сочиненіе:

Monographie der fossilen Fische des silurischen Systems der Russisch-Baltischen Gouvernements von Dr. Christian Heinrich Pander. St. Petersburg 1856

было плодомъ остроумной догадки, которая привела автора, уже извѣстнаго ученому міру другими основательными трудами по части палеонтологіи, къ нѣкоторымъ важнымъ и вовсе неожиданнымъ открытіямъ. Это есть то самое сочиненіе, которое, по скромности автора, не было имъ самимъ представлено на конкурсъ, но включено въ него самою Академіей.

Г. академикъ Брандтъ представилъ о немъ подробный разборъ, въ которомъ между прочимъ говоритъ слѣдующее:

Доселѣ никто не подозрѣвалъ существованія остатковъ рыбъ въ силурійскихъ наслоеніяхъ окрестностей Петербурга и Эстляндской губерніи. Остроумному автору предлежащей монографіи, г. доктору Пандеру, предоставлено было сдѣлать это, столь любопытное для науки открытіе. Занимаясь изслѣдованіемъ сказанныхъ слоевъ, онъ нашелъ въ глинистомъ песчаникѣ нашихъ нижнихъ силурійскихъ напластованій, кромѣ разныхъ безпозвоночныхъ животныхъ, также множество различныхъ небольшихъ зубковъ. Это навело его на догадку, не суть ли эти крошечные зубки—зубы рыбъ. Онъ принялся за точнѣйшее ихъ изслѣдованіе и дѣйствительно, послѣ

многолѣтнихъ микроскопическихъ изысканій, едва не лишившихъ его зрѣнія, ему удалось вполнѣ удостовѣриться въ справедливости своей догадки. Но прежде достиженія этого блестящаго результата, который отодвигаетъ существованіе разряда рыбъ въ столь ранній періодъ мірозданія, авторъ долженъ былъ произвесть множество микроскопическихъ изслѣдованій съ цѣлью отыскать у живыхъ рыбъ такія сходства въ строеніи челюсти, которыя были бы достаточны для признанія открытыхъ зубковъ за настоящіе рыбьи зубы.

Рыбы, которымъ принадлежали эти зубы, стояли, по-видимому, на низшей степени развитія, нежели нынѣшнія; онѣ не имѣли ни костянаго остова, ни костяныхъ образованій кожи, потому что подлѣ нихъ не было найдено никакихъ другихъ твердыхъ частицъ, а это обстоятельство, какъ само собою разумѣется, должно было еще болѣе затруднить разысканія.

Однакоже авторъ, уже опытный въ наблюденіяхъ, счастливо преодолѣлъ всѣ эти трудности и успѣлъ, на основаніи открытыхъ имъ зубовъ, установить новый отдѣлъ рыбъ, подъ названіемъ Conodontes, о чемъ онъ входитъ въ подробнѣйшее разсужденіе, приводя въ поясненіе четыре превосходно выполненные чертежа микроскопическихъ предметовъ, усмотрѣнныхъ имъ при помощи особо для этого отшлифованныхъ пластинокъ. Этотъ отдѣлъ рыбъ — Conodontes — авторъ подраздѣляетъ на двѣ главныя группы, смотря по тому, просты ли у нихъ зубы или сложны. Первыхъ, по различію ихъ строенія, онъ подраздѣляетъ на 7 родовъ съ 38 породами, а вторыхъ — на 7 родовъ съ 17 видами.

Вторая глава сочиненія г. Пандера посвящена верхне-силурійскимъ остаткамъ рыбъ, а именно щитообразнымъ или чешуйчатымъ, и описанію открытыхъ, въ этихъ слояхъ, зубовъ рыбъ разныхъ родовъ. Всѣ щитики и чешуйки послѣдне-поименованныхъ родовъ не только превосходно изображены на четырехъ чертежахъ, но еще, помощью тщательно отшлифованныхъ самимъ авторомъ пластинокъ, разсмотрѣны относительно ихъ

микроскопическаго строенія, которое также представлено въ особыхъ изображеніяхъ.

Эта вторая глава сочиненія г. Пандера позволяетъ бросить нѣсколько новыхъ и любопытныхъ взглядовъ въ рыбій міръ верхне-силурійскихъ слоевъ земли.

Но авторъ, не ограничиваясь этими важными ихтіологическими выводами, дѣлаетъ также разныя драгоцѣнныя замѣтки и по части общей палеонтологіи и геогнозіи, служащія отчасти повѣркою прежнихъ нашихъ познаній по этому предмету.

Академикъ Брандтъ заключилъ свой разборъ слѣдующими словами: «Уже изъ этого краткаго очерка монографіи г. Пандера можно судить, что это есть такой трудъ, который основанъ на кропотливыхъ, отчасти давнишнихъ микроскопическихъ наблюденіяхъ, и равно важенъ не только для зоологіи, но и для палеонтологіи, по множеству вовсе неожиданныхъ и весьма интересныхъ результатовъ».

Академія, признавая, что трудъ г. Пандера обогатилъ науку дѣйствительными и важными открытіями, увѣнчала его, согласно заключенію рецензента, полною Демидовскою преміею.

III.

Третье сочиненіе нынѣшняго конкурса, произведеніе кандидата Московскаго Университета, написанное имъ на степень магистра, посвящено исторіи законодательства Россіи до-Петровскаго времени.

Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ. Сочиненіе Б. Чичерина. Москва 1856.

Рецензентъ, которому Академія поручала разсмотрѣніе этого труда, бывшій профессоръ Московскаго Университета, членъ Археографической Коммисіи Г. Калачовъ, отдавая ему справедливость, какъ сочиненію, замѣчательному по даровитости автора и потому, что оно есть результатъ долговремен-

наго прилежнаго изученія древнихъ памятниковъ Русскаго законодательства, упрекаетъ его однако за то, что онъ слишкомъ односторонне указываетъ на однѣ темныя стороны нашего общественнаго быта до Петра Великаго. Авторъ, по видимому, самъ предугадывая впечатлѣніе, какое его книга произведетъ на читателя, старался въ предисловіи къ ней оправдать себя тѣмъ, что для полноты взгляда онъ обязанъ былъ указать на недостатки, обнаруживающіеся въ учрежденіяхъ и бытѣ древней Россіи. Однако, по мнѣнію рецензента, авторъ, при раскрытіи указываемыхъ имъ недостатковъ, слишкомъ далеко увлекся теоріею и въ настоящее время еще нельзя, даже въ полной исторіи Русскаго законодательства, отчетливо уяснить недостатки существовавшихъ учрежденій, если для того принимать въ основаніе только источники, коими они отмѣнялись. Замѣчая, что подъ вліяніемъ теоретическаго воззрѣнія законодательство древней Россіи освѣщается свѣтомъ новаго времени, рецензентъ полагаетъ, что изученію историка-юриста предлежали всѣ уцѣлѣвшіе до насъ матеріалы, съ помощью которыхъ онъ могъ бы вникнуть въ основанія, вызвавшія эти учрежденія къ жизни и давшія имъ извѣстную форму, а тѣмъ самымъ оправдать не только существованіе ихъ въ исторіи, но и отчасти самые недостатки, съ какими они представляются намъ съ нынѣшней точки зрѣнія. Такой оцѣнки учрежденій подъ вліяніемъ древнихъ памятниковъ, которую можно назвать археологическою, наука такъ же въ правѣ требовать отъ писателя, какъ она требуетъ для тѣхъ учрежденій критической оцѣнки теоретика-юриста.

Указавъ основную идею и направленіе труда Г. Чичерина, разсмотрѣвъ затѣмъ введеніе къ нему, въ которомъ изложенъ историческій обзоръ развитія областныхъ учрежденій до XVII вѣка, рецензентъ переходитъ къ разбору существеннаго содержанія книги. Она заключаетъ въ себѣ четыре главы: 1) Областное дѣленіе; 2) Воеводы и приказные люди; 3) Должностныя лица, подчиненныя воеводамъ, и 4) Дол-

жности выборныя. Относительно всѣхъ этихъ отдѣловъ Г. Чичеринъ, по отзыву рецензента, оказалъ своими изслѣдованіями важную услугу всѣмъ занимающимся исторіею Русскаго законодательства. Источники, принятые имъ во вниманіе, разсмотрѣны съ большимъ тщаніемъ, такъ что одни даже фактическія и хронологическія указанія, разсѣянныя въ его книгѣ, представляютъ собою хорошій матеріалъ для всякаго изслѣдователя, который захотѣлъ бы заняться тѣмъ же самымъ предметомъ. Но, къ сожалѣнію, авторъ руководствовался не всѣми источниками, какія имѣются на лицо по части областныхъ учрежденій, и нѣкоторыя указанія его въ этомъ сочиненіи могли бы быть дополнены на основаніи другихъ матеріаловъ. Притомъ, онъ не обратилъ вниманія на предшествовавшія его труду сочиненія о томъ же предметѣ, хотя ихъ вообще не много и въ нихъ онъ нашелъ бы нѣкоторыя мысли и указанія, не совсѣмъ безполезныя для бо́льшей полноты изслѣдованія. Но самый важный упрекъ, который рецензентъ дѣлаетъ автору, состоитъ въ томъ, что онъ упустилъ изъ виду, во второй половинѣ своей книги, посвященной исключительно областнымъ учрежденіямъ, тѣ приказы, которые отнюдь не могутъ быть признаны центральными учрежденіями, каковы напр. Устюжскій, Костромской, Галичскій, Дмитровскій и вообще приказы, завѣдывавшіе лишь одною или нѣсколькими областями, состоявшими часто изъ прежнихъ особыхъ княженій. Притомъ, хотя въ источникахъ и встрѣчаются указанія на перемѣщеніе нѣкоторыхъ городовъ изъ вѣдомства однихъ приказовъ въ другіе, однако можно было бы съ бо́льшею или ме́ньшею точностью исчислить, какіе города съ ихъ уѣздами завѣдывались тѣмъ или другимъ приказомъ; это способствовало бы къ указанію раздѣленія Россіи на бо́льшія области, называвшіяся *землями*, а сіе также упущено изъ вида авторомъ, хотя имѣетъ свою важность. Кромѣ приказовъ, не замѣчены еще нѣкоторые другіе органы областнаго управленія, которые впрочемъ имѣли гораздо менѣе значенія, но однакожъ, какъ встрѣчающіеся

въ источникахъ, не должны быть исключаемы изъ сочиненія, посвященнаго специальному обозрѣнію областныхъ учрежденій вообще; таковы на-пр. пятенщики, уѣздные приставы и стряпчіе; вотчинные приказщики и старосты, посельскіе и другіе.

Переходя послѣ пространнаго разбора къ вопросу, достойно ли сочиненіе Г. Чичерина награды и какой именно, рецензентъ выражаетъ свое мнѣніе слѣдующимъ образомъ: «Полная премія ему не можетъ быть назначена по слѣдующимъ причинамъ: 1) Историческая часть, служащая введеніемъ, представляетъ лишь поверхностную разработку фактовъ, что имѣло вліяніе на нѣкоторые недостатки, встрѣчающіеся въ догматической части изслѣдованія; 2) богатые матеріалы, предлагаемые въ главной части сочиненія, связаны между собою слишкомъ общими началами, посему областныя учрежденія древней Россіи представились автору въ слишкомъ неопредѣленномъ видѣ; 3) есть пропуски, которые вредятъ полнотѣ сочиненія. — Премія же второстепенной, или поощрительной, авторъ заслуживаетъ: 1) по ученымъ критическимъ пріемамъ, которыми отличается дѣлаемый имъ разборъ древнихъ учрежденій Россіи, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что остроумные взгляды, сближенія нашихъ учрежденій съ современными западными и наконецъ живое изложеніе придаютъ книгѣ интересъ, какой представляютъ немногія юридическія сочиненія; 2) по замѣчательному трудолюбію и щтательности, съ которою разсмотрѣны источники, принятые авторомъ въ основаніе его изслѣдованій, и 3) по немалой пользѣ, принесенной имъ наукѣ возбужденіемъ многихъ вопросовъ и мыслей, относящихся къ исторіи Русскаго законодательства, которые имѣютъ важность не только сами по себѣ, но и въ отношеніи практическаго значенія; поэтому трудъ Г. Чичерина, заслуживъ вниманіе ученыхъ, далъ поводъ къ замѣчательнымъ на нее рецензіямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ будетъ еще поводомъ къ отдѣльнымъ изслѣдованіямъ о предметахъ, которые затронуты въ сочиненіи Г. Чичерина.

Основываясь на подробной, во многихъ отношеніяхъ замѣчательной рецензіи, представленной Г. Калачовымъ, особенно въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ изучавшимъ исторію древняго права и учрежденій Россіи, а съ симъ вмѣстѣ принимая въ уваженіе обширность и важность предмета сочиненія Г. Чичерина, Академія положила, въ поощреніе сего, отличающагося дарованіями и трудолюбіемъ молодаго писателя къ дальнѣйшимъ на ученомъ поприщѣ, болѣе зрѣлымъ, безпристрастною критикою очищеннымъ трудамъ, присудить ему второстепенную премію.

IV.

Нашъ вѣкъ, столь обильный успѣхами по всѣмъ отраслямъ наукъ, былъ ознаменованъ также многими важными географическими открытіями; почитавшіеся до селѣ недоступными льды сѣвернаго и южнаго полюсовъ и знойныя степи Африки и Австраліи разверзлись предъ настойчивою предпріимчивостью европейца и кругъ остающихся еще неизвѣстными странъ земнаго шара съ каждымъ годомъ стѣсняется все болѣе и болѣе. Съ чувствомъ гордости мы можемъ сказать, что и наше отечество также имѣло свою долю въ этихъ достославныхъ мирныхъ завоеваніяхъ науки. То были русскіе моряки, которые на утлыхъ судахъ, едва способныхъ для плаванія по морямъ, далѣе проникли къ южному полюсу, чѣмъ кто либо изъ ихъ предшественниковъ; то былъ русскій морякъ, который по льду океана первый достигъ открытаго моря, окружающаго сѣверный полюсъ; то были туземные моряки и ученые, которые впервые ближе изслѣдовали безлюдные берега Новой Земли. Но обширное отечество наше заключаетъ въ своихъ предѣлахъ не мало странъ, которыя еще ждутъ обслѣдованія. Къ таковымъ принадлежала сѣверная часть Урала, изслѣдованіе которой составляетъ предметъ одного изъ сочиненій нынѣшняго конкурса.

Сѣверный Уралъ и Береговой Хребетъ Пай-Хой. Томъ II, составленный начальникомъ Уральской Экспедиціи Dr. Э. Гофманомъ. 1856.

Der nördliche Ural und das Küstengebirge Pai-Choi, untersucht und beschrieben von einer in den Jahren 1847, 1848 und 1850 durch die Kaiserliche Russische Geographische Gesellschaft ausgeführte Expedition. Band II. Verfasst von dem Leiter der Ural-Expedition Dr. Ernst Hoffmann.

Это, какъ видно, второй томъ описанія Уральской экспедиціи, первый томъ котораго, содержащій въ себѣ географическія опредѣленія мѣстъ и наблюденія земнаго магнетизма, изданъ въ 1853 году астрономомъ экспедиціи, г. профессоромъ Ковальскимъ, и удостоился поощрительной Демидовской преміи. Нынѣ изданный второй томъ былъ разсмотрѣнъ ординарными академиками Гельмерсеномъ и Абихомъ.

»Точное познаніе Уральскаго хребта издавна ограничивалось среднею его полосою, потому что рудокопство почти исключительно производится въ этой части. Лежащія къ сѣверу и югу отъ горныхъ округовъ отрасли Урала, хотя и были отъ времени до времени случайно посѣщаемы, однако никогда не дѣлались предметомъ обширнаго изслѣдованія. По этой-то причинѣ Южный Уралъ, начиная отъ рѣки того-же имени до южнаго отрога хребта, находящагося верстахъ во ста отъ Аральскаго моря, еще по нынѣ остается весьма мало извѣстнымъ; о Сѣверномъ же Уралѣ, а именно о части хребта отъ горной области Петропавловска до Ледовитаго моря, мы знали бы еще менѣе того, если бы онъ не былъ изслѣдованъ г. Гофманомъ и его спутниками. Три лѣта были употреблены на обозрѣніе этой, столь мало доступной страны глубокаго сѣвера. Это были многотрудныя, весьма опасныя странствованія, которыя г. Гофманъ и его сподвижники мужественно и настойчиво совершили среди разнаго рода лишеній и которыя принесли наукѣ обильную и разнообразную добычу, потому что это были въ полномъ смыслѣ путешествія для открытій«.

Извѣстно, что экспедиція для изслѣдованія Сѣвернаго Урала была рѣшена въ 1846 году Совѣтомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, по вызову коего полковникъ (нынѣ генералъ-маіоръ) Гофманъ принялъ на себя управленіе ею, равно какъ производство геологическихъ и минералогическихъ наблюденій. Ничего не было упущено для достойнаго снаряженія экспедиціи и, подъ руководствомъ столь опытнаго и мужественнаго руководителя и ученаго, какъ г. Гофманъ, можно было, по всей справедливости, ожидать отъ нея значительныхъ результатовъ. Ожиданіе это и сбылось въ полной мѣрѣ; экспедиція блистательнымъ образомъ разрѣшила предложенную ей задачу; не смотря на многія трудности и опасности, съ которыми она должна была бороться, проникла въ самыя отдаленныя къ сѣверу части Урала и изслѣдовала тамъ его отроги, начертала вѣрную, основанную на астрономическомъ опредѣленіи мѣстъ и на тщательныхъ топографическихъ съемкахъ, карту сѣверныхъ частей хребта отъ 61° сѣверной широты до Ледовитаго моря, а вмѣстѣ съ тѣмъ и теченія Печоры, отъ ея истоковъ до самаго устья, и собрала, сверхъ обильной коллекціи предметовъ по всѣмъ тремъ царствамъ природы, множество наблюденій по разнымъ частямъ землевѣдѣнія. Однимъ изъ главныхъ ея результатовъ было открытіе, что Уралъ не достигаетъ Карской губы, а напротивъ того верстахъ въ 50-ти къ югу отъ нея внезапно, вмѣстѣ съ горою Константиновымъ-Камнемъ, уклоняется къ тундрѣ и что простирающійся къ южному берегу низкій хребетъ Пай-хой совершенно отдѣленъ отъ Урала широкою низью и рѣзко отличается отъ него какъ своимъ направленіемъ, такъ и самымъ видомъ.

Можно представить себѣ удовольствіе и радость, какую ощутили путешественники по достиженіи этого результата. То было 6 августа 1848 года, во второе путешествіе, когда открыта была поименованная гора. Съ ея вершины г. Гофманъ и его спутники увидѣли Ледовитое море. Цѣль труднаго странствія была достигнута. Всѣ недостатки, всѣ лишенія, съ которыми

долженъ былъ бороться смѣлый путешественникъ, были забыты, и въ семъ возвышенномъ настроеніи духа онъ наименовалъ эту самую сѣверную порубежную твердыню двухъ частей свѣта, въ честь Августѣйшаго Предсѣдателя Географическаго Общества, Константиновымъ-Камнемъ. Оттуда г. Гофманъ проникъ до Ледовитаго моря, потомъ обратился къ рѣкѣ Карѣ съ тѣмъ, чтобы достигнуть Вайгачскаго пролива, а, по достиженіи его, отправился вдоль хребта Пай-хоя къ юговосточному его концу, горѣ Іоденею, и оттуда 2 сентября предпринялъ обратный путь свой въ южномъ направленіи. Третье лѣто, 1850 г., г. Гофманъ употребилъ на выполненіе пробѣла, оставленнаго въ 1848 году въ изслѣдованія Урала, вслѣдствіе неудачи, претерпѣнной однимъ изъ отрядовъ экспедиціи.

Предлежащая книга заключаетъ въ себѣ полный отчетъ о ходѣ и результатахъ всего путешествія. Обработанный въ ней матеріалъ такъ разнообразенъ и поучителенъ и содержитъ въ себѣ столько новаго и любопытнаго, что и самое сжатое изъ него извлеченіе далеко превышало бы предѣлы нашего отчета. Сначала авторъ разсказываетъ о всемъ, съ нимъ случившимся, столь живо и привлекательно, что всякій конечно съ истиннымъ удовольствіемъ прочтетъ это донесеніе. Сверхъ того въ самомъ разсказѣ находимъ обиліе географическихъ и естественно-историческихъ замѣтокъ и наблюденій, и вѣрныхъ, живыхъ описаній страны и ея обитателей.

Послѣ повѣствовательной части о ходѣ экспедиціи слѣдуетъ разработка собранныхъ ею ученыхъ матеріаловъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ сперва геогностическій отдѣлъ. Въ составъ его входятъ, во 1-хъ, опредѣленіе собранныхъ уральскою экспедиціею окаменѣлостей и выражаемыхъ ими формацій, обработанное Графомъ Кейзерлингомъ; во 2-хъ, геогностическое описаніе Сѣвернаго Урала, составленное г. Гофманомъ. Это самая существенная часть ея и во всѣхъ отношеніяхъ весьма важный трудъ, потому что сѣверная отрасль Урала едва была прежде затронута геологами и слѣдовательно все здѣсь ново

и въ высокой степени любопытно. Опредѣленіе горнокаменныхъ породъ сдѣлано съ особеннымъ тщаніемъ. Къ геогностическому описанію приложены чертежи съ изображеніемъ горныхъ профилей.

Далѣе находится отдѣлъ, въ которомъ изложены произведенныя на Уралѣ опредѣленія высотъ и наблюденія надъ температурою ключей.

Собранные экспедиціею зоологическіе и ботаническіе матеріалы обработаны академиками Брандтомъ и Рупрехтомъ, и написанныя ими по этому предмету статьи приложены въ концѣ книги.

Ко всему этому слѣдуетъ присовокупить многочисленныя поясненія текста чертежами и политипажами и отлично выгравированную карту Сѣвернаго Урала.

Такимъ образомъ Сѣверный Уралъ, доселѣ бывшій по большей части страною неизвѣстною, благодаря ревностнымъ усиліямъ генералъ-маіора Гофмана, нынѣ уже введенъ въ кругъ хорошо изслѣдованныхъ странъ Русскаго сѣвера. Опредѣлено точное географическое его положеніе, его исходъ къ Ледовитому морю, его внѣшній видъ, геологическое свойство и гидрографическія отношенія, ближе изучены его климатъ, флора и фауна. Такіе результаты, добытые многотрудными и опасными странствованіями въ одной изъ самыхъ безлюдныхъ частей глубокаго сѣвера, налагаютъ на насъ пріятную обязанность благодарности къ тѣмъ, которые посвятили себя совершенію этого труда изъ чистой любви къ наукѣ.

V.

Если путешествіе по твердой землѣ сопряжено бываетъ съ различными опасностями, то тѣмъ болѣе имъ подвержено плаваніе по морю. Оно есть, особенно въ иныхъ водахъ, почти безпрерывная борьба съ трудностями и бѣдствіями разнаго рода. Впрочемъ, по словамъ одного изъ наиболѣе смѣлыхъ

нашихъ мореходовъ, который самъ неоднократно безъ страха смотрѣлъ въ глаза смерти (*), «бороться со стихіями, одолѣвать препятствія, сдружаться съ опасностями, все это такъ свойственно моряку, что ему иногда даже скучно безъ нихъ. Продолжительность однообразнаго, спокойнаго плаванія пассатами возбуждаетъ въ морякѣ желаніе перемѣны; онъ встрѣчаетъ налетъ шквала съ радостью, привѣтствуетъ бурю въ затропическихъ моряхъ не безъ нѣкотораго удовольствія, и увѣренный въ своемъ искусствѣ, въ ловкости неутомимыхъ и опытныхъ матросовъ своихъ, въ крѣпости корабля и благонадежности всего вооруженія, онъ не страшится грозныхъ силъ, такъ часто испытывающихъ его терпѣніе и хладнокровіе». Однако иногда опасность бываетъ такъ велика, что всѣ усилія противъ нея самаго опытнаго и неустрашимаго моряка остаются тщетными и судно погибаетъ, а нерѣдко съ нимъ вмѣстѣ и самый экипажъ. Исторія всѣхъ мореходныхъ націй наполнена плачевными примѣрами такого рода и это самое навело иныхъ писателей на мысль собирать описанія подобныхъ случаевъ для назиданія и предостереженія своихъ ближнихъ. Эту же самую мысль имѣлъ и у насъ одинъ изъ состязателей нынѣшняго конкурса, А. П. Соколовъ, написавъ:

Лѣтопись крушеній и пожаровъ судовъ Русскаго флота, отъ начала его по 1854 годъ.

Разсмотрѣніе этой книги было поручаемо Академіею помощнику попечителя Казанскаго Учебнаго Округа Ѳ. Ѳ. Веселаго.

Составленная Г. Соколовымъ Лѣтопись заключаетъ въ себѣ описаніе, въ хронологическомъ порядкѣ, 289 случаевъ крушеній и пожаровъ военныхъ и транспортныхъ судовъ Русскаго флота съ 1713 по 1853 годъ включительно. Авторъ внесъ въ

(*) См. статью Контръ-Адмирала, нынѣ Адмирала Ф. П. Врангеля: о средствахъ достиженія полюса въ »Запискахъ Русскаго Географическаго Общества« книжка II. 1847 стр. 21.

нее описаніе бѣдствій только такихъ судовъ, которыя были оставляемы ихъ командами, хотя бы самыя суда въ послѣдствіи и были спасены; исключены крушенія судовъ Россійско-Американской компаніи, разнаго рода вольно-наемныхъ и всѣхъ судовъ гребнаго флота, ниже фрегатскаго ранга.

Очертивъ такимъ образомъ предѣлы своего труда, Г. Соколовъ составилъ возможно-полное описаніе *всѣхъ* случаевъ гибели и пожаровъ судовъ Русскаго флота, со времени перваго выхода его въ море по 1853 годъ. Къ лѣтописи приложены полныя выписки всѣхъ статей законовъ, по которымъ производились приговоры надъ лицами, участвовавшими въ крушеніи; списки такихъ судовъ и ихъ командировъ; именной списокъ офицеровъ и число нижнихъ чиновъ, погибшихъ во время бѣдствія, и наконецъ, для соображенія при чтеніи, отчетливо составленныя карты окружающихъ Россію морей, числомъ 9.

Общая форма, принятая авторомъ при описаніи крушеній, слѣдующая: годъ гибели судна, рангъ его и число орудій, названіе судна, имя командира, море, на которомъ случилось несчастіе, и, наконецъ, описаніе самаго событія. Бóльшая или мéньшая подробность описанія зависѣла какъ отъ количества и рода матеріаловъ, такъ и отъ важности и назидательности для моряковъ частностей самаго крушенія. Поэтому о иныхъ случаяхъ помѣщены двѣ, три строки, а описанія другихъ доходятъ почти до 20 страницъ. При достаточныхъ матеріалахъ, кромѣ разсказа техническаго морскаго, сообщенъ также болѣе или менѣе подробный отчетъ о замѣчательнѣйшихъ эпизодахъ событія.

Весьма любопытенъ выводъ, дѣлаемый авторомъ изъ общаго обзора крушеній на разныхъ моряхъ и въ разное время. Изъ него видно, что крушеній судовъ наиболѣе происходило на Балтійскомъ морѣ отъ неизвѣстныхъ теченій, которыя имѣютъ пагубное вліяніе въ этихъ тѣсныхъ и усѣянныхъ мелями и камнями водахъ; на Черномъ — отъ жестокости бурь;

на Охотскомъ—отъ непрочности постройки и недостаточности снабженія и управленія судовъ. Большая часть старинныхъ крушеній происходили отъ недостатковъ, какъ въ постройкѣ, вооруженіи и снабженіи судна, такъ и въ способахъ кораблевожденія. Но вообще число судовъ, потерпѣвшихъ бѣдствія, весьма не велико, если принять въ разсчетъ продолжительность обнимаемаго Лѣтописью времени, дѣятельность плаваній и общее число всѣхъ выходившихъ въ море судовъ.

Относительно обработки труда рецензентъ отдаетъ автору справедливость, что онъ съ строгою точностью исчерпалъ всѣ имѣвшіеся по части избраннаго имъ предмета источники и, не ограничиваясь одними только архивами, отыскивалъ потребныя ему свѣдѣнія, гдѣ только могъ, даже въ частныхъ запискахъ, а иногда и изъ устъ очевидцевъ; а гдѣ имѣлись оффиціальныя данныя, какъ-то слѣдственныя и военносудныя дѣла, критически взвѣшивалъ степень достовѣрности показаній каждаго изъ участниковъ крушенія.

Далѣе рецензентъ указываетъ на важность исполненнаго Г. Соколовымъ труда. Лѣтопись крушеній имѣетъ въ морской литературѣ двоякое, весьма важное значеніе: во 1-хъ какъ историческое сочиненіе, написанное добросовѣстнымъ образомъ, а во 2-хъ какъ необходимая и назидательная для моряка практическая книга. До сихъ поръ у насъ не только не достаетъ полной исторіи Русскаго флота, но едва еще начинается обработка необходимыхъ для нея матеріаловъ. Поэтому такіе труды, какъ Лѣтопись крушеній, составляющая хорошій матеріалъ для исторіи флота, имѣютъ высокую цѣну. Но значеніе его еще болѣе увеличивается, если смотрѣть на него не только какъ на отдѣльное произведеніе, но какъ на часть огромнаго предпріятія того же самаго автора — исторіи Русскаго флота. Прилагая длинный перечень относящихся сюда трудовъ Г. Соколова, рецензентъ замѣчаетъ, что не было, кажется, предмета, имѣющаго связь съ морскимъ дѣломъ, на который бы авторъ Лѣтописи не обратилъ своего вниманія.

Всѣ эти труды, не смотря на кажущееся ихъ разнообразіе, составляютъ части одного цѣлаго — будущей Исторіи Русскаго флота.

По окончательному приговору рецензента, обширность и польза трудовъ Г. Соколова по всѣмъ отраслямъ Исторіи Русскаго флота и несомнѣнныя достоинства и важное значеніе въ ученой морской литературѣ составленной имъ Лѣтописи крушеній вполнѣ достойны обратить на себя вниманіе Академіи и заслуживаютъ Демидовской преміи.

VI.

Величіе Творца проявляется намъ не въ однихъ только исполинахъ созданія, въ досягающихъ до облаковъ горахъ, въ гигантскихъ деревьяхъ и животныхъ; оно открывается намъ всюду, куда бы ни простирали мы свои взоры, и даже въ самыхъ малѣйшихъ произведеніяхъ природы, вовсе незамѣтныхъ простому глазу. Этотъ міръ самомалѣйшихъ существъ цѣлыя тысячелѣтія оставался вовсе неизвѣстнымъ и не прежде, какъ по изобрѣтеніи особаго орудія, значительно усиливающаго зрѣніе человѣка, сдѣлался доступнымъ его наблюденію. И каково было тогда его удивленіе, когда онъ въ каплѣ мутной воды открылъ такое же множество живыхъ существъ, какъ и въ самомъ морѣ,—существъ, правда безконечно малыхъ, но все же и въ этомъ капельномъ мірѣ своемъ находившихъ себѣ обильную пищу, возраставшихъ въ немъ, расплождавшихся и послѣ нѣсколькихъ мгновеній оканчивавшихъ свое бытіе, чтобы уступать мѣсто новымъ поколѣніямъ. Сначала эти безчисленныя микроскопическія животныя считались совершенно одинаковыми; но по ближайшемъ разсмотрѣніи нашлось и между ними, какъ и во всемъ органическомъ мірѣ, чрезвычайное разнообразіе и нѣкотораго рода подчиненность, и оказалось, что они раздѣляются на множество породъ, которыя отличаются

другъ отъ друга опредѣленными характеристическими признаками, и состоя въ извѣстной постепенности отъ низшихъ къ высшимъ, отъ почти вовсе лишенныхъ всякаго члена, до вполнѣ члено-развитыхъ, составляютъ какъ бы звенья одной общей цѣпи. Не ограничившись этимъ открытіемъ, пытливость человѣка простерлась еще далѣе и стала изслѣдывать также внутреннее строеніе этихъ животныхъ, условія ихъ жизни и развитія, ихъ назначеніе въ общемъ хозяйствѣ природы, отношеніе къ человѣку, животнымъ и растеніямъ, ихъ пользу и вредъ, ихъ превращенія и т. д. Вскорѣ явились цѣлыя теоріи по этой части; но вмѣстѣ съ тѣмъ возникли и разные спорные вопросы. Одинъ изъ таковыхъ касался сходства въ первоначальномъ развитіи этихъ низшихъ животныхъ съ тѣмъ же самымъ процессомъ у разныхъ живущихъ въ прѣсной водѣ растеній, а другой, весьма тѣсно связанный съ первымъ, относился къ границамъ растительнаго и животнаго царствъ. Оба они вызвали множество новыхъ наблюденій и гипотезъ, отчасти самаго смѣлаго рода. Такъ, еще недавно были наблюдатели, вѣрившіе въ такъ называемое перерожденіе водорослей. Они полагали, что одноклѣтчатыя водоросли иногда превращаются въ наливочныхъ животныхъ, а при другихъ обстоятельствахъ даже въ лишаи и мхи. Но ближайшее изслѣдованіе положительно доказало, что это ученіе произошло отъ неточности наблюденій и выводовъ, что такого превращенія не происходитъ не только въ предѣлахъ семействъ, но даже родовъ и видовъ, и что организмы, стоящіе на границахъ обоихъ царствъ, имѣютъ свои особенныя морфологическія измѣненія, рѣзко отдѣленныя однѣ отъ другихъ, изслѣдованіе которыхъ такъ трудно, что безъ помощи точныхъ наблюденій легко можно впасть въ заблужденіе и принять за тожественное то, что въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ различнымъ организмамъ.

У насъ подобнаго рода наблюденіями занимался одинъ изъ нашихъ естествоиспытателей, Г. Профессоръ Ценковскій; онъ посвятилъ имъ цѣлые годы самаго неутомимаго

труда и изложилъ результаты своихъ изслѣдованій въ представленномъ на нынѣшній конкурсъ сочиненіи:

О низшихъ водоросляхъ и инфузоріяхъ. С. Пб. 1856.

Сочиненіе это было разсмотрѣно относительно къ водорослямъ нашими ботаниками, Академиками Рупрехтомъ и Желѣзновымъ, а относительно къ наливочнымъ животнымъ г. докторомъ Вейссе, извѣстнымъ своими наблюденіями по этой части. Всѣ они съ большою похвалою отзываются объ этомъ замѣчательномъ трудѣ, хотя и не вполнѣ соглашаются съ его выводами.

Первый изъ нихъ говоритъ въ своемъ разборѣ между прочимъ слѣдующее:

«Изъ всего сочиненія Г. Ценковскаго видно его стремленіе разъяснить загадочный вопросъ о границахъ растительнаго и животнаго царствъ. Для этого онъ избралъ два средства: во 1-хъ, изученіе исторіи развитія простѣйшихъ организмовъ, имѣющихъ болѣе или менѣе явные слѣды растительнаго или животнаго происхожденія, и во 2-хъ, критическій разборъ тѣхъ признаковъ, которыми доселѣ старались опредѣлить относительныя границы обоихъ царствъ.

«Главная часть посвящена изученію исторіи развитія, во 1-хъ, конфервъ и одноклѣтчатыхъ водорослей, и, во 2-хъ, рѣсничныхъ инфузорій. Ограничиваясь разборомъ первыхъ, мы скажемъ, что имѣли случай видѣть нѣкоторыя изъ наблюденій г. Ценковскаго и убѣдиться въ ихъ точности. Авторъ пользуется славою опытнаго наблюдателя низшихъ органическихъ формъ и сдѣлался извѣстнымъ по своему открытію развитія органическихъ существъ внутри крахмальныхъ зеренъ. Нельзя однако не замѣтить, что нѣкоторыя изъ этихъ наблюденій не полны и что на основаніи ихъ сдѣланы выводы слишкомъ рѣшительные въ пользу того общаго воззрѣнія, которому слѣдуетъ авторъ.

«Подвергнувъ критикѣ разные признаки, доселѣ служившіе къ разграниченію растительнаго и животнаго царствъ,

авторъ находитъ ихъ недостаточными для этой цѣли и полагаетъ, что нельзя провести между обоими царствами ясной и прямой межи. Но этотъ выводъ основанъ болѣе на умозаключеніи и не оправдывается явственнымъ разграниченіемъ наблюденныхъ Г. Ценковскимъ организмовъ. Напротивъ того, его наблюденія еще болѣе способствовали къ разъясненію этой границы и въ томъ-то самомъ и состоитъ одна изъ заслугъ его».

Въ заключеніе, рецензентъ говоритъ, что сочиненіе Г. Ценковскаго, не смотря на неполноту, составляетъ весьма замѣчательное явленіе въ русской литературѣ, какъ первый опытъ точныхъ наблюденій надъ нисшими организмами и потому заслуживаетъ второстепенную премію.

Г. Докторъ Вейссе изъясняется въ своемъ отзывѣ между прочимъ слѣдующими словами:

«Усиліе Г. Ценковскаго клонится къ тому, дабы доказать совершенное равенство самыхъ раннихъ фазисовъ развитія въ двухъ органическихъ царствахъ природы. Съ этою цѣлью онъ подвергалъ значительное число нисшихъ растеній и инфузорій продолжительному и настойчивому наблюденію. Избранные имъ для того организмы онъ приводитъ въ слѣдующихъ группахъ; 1) конфервы и одноклѣтчатыя водоросли, къ каковымъ онъ, слѣдуя новѣйшимъ писателямъ, относитъ также монады и волвоцины; 2) инфузоріи съ рѣсницами, и 3) такъ называемыя рицоподы Дюжардена.»

«Изъ этихъ трехъ отдѣловъ сужденію моему подлежатъ только два послѣдніе. Но прежде чѣмъ я приступлю къ исполненію этого почетнаго для меня вызова, я не могу не сказать нѣсколько словъ объ одной выходкѣ, которую авторъ дозволилъ себѣ сдѣлать въ своемъ предисловіи противъ профессора Эренберга въ Берлинѣ. Къ сожалѣнію, между естествоиспытателями новѣйшаго времени вошло какъ бы въ обычай огорчать этого столь заслуженнаго ученаго слишкомъ рѣзкими сужденіями по поводу нѣкоторыхъ изъ его

физіологическихъ объясненій микроскопическихъ предметовъ. И г. Ценковскій также увлекся къ такой выходкѣ. По истинѣ, прискорбно видѣть въ печати подобные приговоры о такомъ наблюдателѣ, какъ Эренбергъ. Онъ, который своими несравненными наблюденіями выполнилъ пробѣлъ, образовавшійся въ наукѣ объ инфузоріяхъ со временъ Оттона Фридриха Мюллера, т. е. въ теченіе 50 лѣтъ, и возбудилъ ученыхъ къ дальнѣйшему развитію этой, столь пренебреженной отрасли естествознанія, по словамъ г. Ценковскаго чрезвычайно пагубно дѣйствовалъ на успѣхи науки, потому что иныя объясненія видѣнныхъ имъ самимъ явленій, — хотя бы и не безъ основанія, — не понравились другимъ естествоиспытателямъ. Еслибы Эренбергъ не выступилъ на поприще съ своимъ большимъ твореніемъ объ инфузоріяхъ, то какъ далеко отставали бы мы еще до сихъ поръ въ нашихъ познаніяхъ о невидимомъ мірѣ самомалѣйшихъ организмовъ!

Г. Ценковскій поставилъ себѣ особенною задачею прослѣдить у инфузорій образованіе пузыря (Cystis) и на этотъ конецъ придумалъ слѣдующій простой и весьма одобрительный способъ наблюденія. Въ плоскомъ и постоянно наполненномъ водою сосудѣ онъ устроилъ низкія помѣщенія, на которыхъ покоятся наполненныя инфузоріями и прикрытыя стаканами стеклянныя дощечки; весь же этотъ приборъ еще покрывается опрокинутымъ стекляннымъ чехломъ, чтобы испаряющаяся вода непрерывно поддерживала подъ нимъ влажность воздуха и такимъ образомъ устранялось высыханіе препаратовъ. Этимъ способомъ возможно одинъ и тотъ же предметъ наблюдать, въ бóльшіе или меньшіе промежутки, цѣлыя недѣли и мѣсяцы сряду, вслѣдствіе чего между прочимъ самому автору удалось подмѣтить образованіе пузыря у большаго числа инфузорій. Правда, уже и прежде другіе естествоиспытатели наблюдали пузыри у нѣкоторыхъ изъ тѣхъ же породъ инфузорій; однако имъ лишь рѣдко удавалось прослѣдить ходъ этого образованія съ такою постепенностью и какъ бы шагъ за шагомъ, какъ то

возможно было нашему автору при помощи вышеупомянутаго способа». Сверхъ того ему принадлежитъ первенство наблюденія пузыря у нѣкоторыхъ инфузорій. Но если онъ вообще ставитъ эти пузыри наравнѣ съ такъ называемыми покоящимися спорами нисшихъ водяныхъ растеній, то это мнѣніе есть просто одна только игра фантазіи, потому что сходныя между собою внѣшнія явленія въ совершенно различныхъ одинъ отъ другаго органическихъ процессахъ еще отнюдь не даютъ права считать ихъ однозначущими.

Приданные отдѣльнымъ наблюденіямъ рисунки служатъ очень наглядным пояснeніемъ текста, въ которомъ мы вездѣ видимъ спокойнаго наблюдателя, ревностно стремящагося къ познанію истины. Но только жаль, что авторъ употребилъ столь различныя между собою увеличенія и что въ показанія его по этой части вкрались, по видимому, разныя погрѣшности.

Сводя всѣ частности своего разбора подъ одинъ общій итогъ, г. докторъ Вейссе говоритъ: «Не смотря на всѣ сдѣланныя мною здѣсь замѣтки, я того мнѣнія, что трудъ г. Ценковскаго заслуживаетъ вниманіе Академіи. Онъ весьма выгодно отличается отъ многихъ другихъ диссертацій по этой части тѣмъ, что авторъ въ немъ совершенно самостоятеленъ, т. е. что все имъ излагаемое возникло изъ собственныхъ его многотрудныхъ наблюденій. Только тотъ, кто самъ занимался подобнаго рода микроскопическими изысканіями, можетъ судить о томъ, какой траты времени, какаго труда и терпѣнія стоятъ подобныя работы. Но здѣсь къ этому еще присовокупляется то обстоятельство, что авторъ не могъ почерпнуть для своего предмета ни малѣйшаго пособія изъ Русской литературы, а долженъ былъ отыскивать потребные выводы изъ нѣмецкихъ или французскихъ сочиненій. И такъ, онъ своею диссертаціею относительно къ нисшимъ водорослямъ и инфузоріямъ сдѣлалъ большой шагъ впередъ въ отечественной литературѣ.

Взвѣсивъ оба эти отзыва, Академія не усомнилась прису-

дить сочиненію г. профессора Ценковскаго поощрительную Демидовскую премію.

VII.

Русская литература не богата сочиненіями, относящимися къ исторіи отечественнаго образованія. Многія ли изъ нашихъ учебныхъ заведеній удостоились хотя нѣсколько удовлетворительной исторіи? а между тѣмъ безъ такихъ отдѣльныхъ монографій едва ли можно помышлять о начертаніи полной картины общественнаго образованіи въ Россіи. Съ нѣкоторыхъ поръ впрочемъ и этотъ недостатокъ начинаетъ возполняться. Недавно здѣсь было увѣнчано описаніе одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній здѣшней столицы, а нынѣ мы съ радостью исполняемъ тотъ же самый долгъ справедливости относительно къ одному изъ высшихъ заведеній первопрестольнаго города имперіи. Это сочиненіе есть:

Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, Баккалавра Московской Духовной Академіи Сергѣя Смирнова. Москва 1855.

Оно было просматриваемо, по просьбѣ Академіи, преосвященнымъ Филаретомъ, епископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, и этотъ достойный и ученый пастырь представилъ намъ свой отзывъ, изъ котораго усматриваемъ слѣдующее:

Авторъ составилъ весьма любопытный и довольно полный очеркъ исторіи заведенія, занимающаго столь важное мѣсто въ ходѣ образованія нашего отечества. Онъ дѣлитъ исторію Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи на три періода: первый «греческій» отъ Лихудовъ до Роговскаго (1685—1700), второй—«латинскій» до митрополита Платона (1700—1775) и третій — «славяно-греко-латинскій», начиная отъ Платона до новой Академіи (1775—1814).

Затѣмъ разсматриваются замѣчательнѣйшія событія каждаго изъ этихъ періодовъ. Въ первомъ періодѣ разсказаны вызовъ Лихудовъ, ихъ исторія до прибытія въ Москву, дѣятель-

ность ихъ въ школѣ, борьба съ учеными Польскими, обвиненія противъ Лихудовъ и удаленіе изъ Академіи.

Къ этой исторической части первоначальнаго времени Академіи присоединены разныя статистическія и литературныя подробности: о средствахъ Академіи, зданіяхъ, содержаніи и библіотекѣ, о трудахъ наставниковъ и занятіяхъ учениковъ; разсмотрѣны сочиненія Лихудовъ какъ дидактическія, такъ и полемическія и ораторскія. Учебники разобраны и оцѣнены довольно подробно.

Исторія удаленія Лихудовъ изъ Москвы, дотолѣ остававшаяся темною, изложена по новымъ источникамъ и вполнѣ удовлетворительно.

Второй періодъ Академіи—латинскій—начался Палладіемъ Роговскимъ и вызовомъ ученыхъ изъ Кіева. Авторъ пишетъ: «Говоря о Латинскомъ образованіи, мы разумѣемъ только внѣшнюю форму образованія: сущность ученія, православные догматы, строгій взглядъ на западное суемудріе, оставались тѣже, какъ при Лихудахъ, и въ новомъ періодѣ Московская Академія отъ изгнанія греческаго языка изъ круга преподаванія не потерпѣла ущерба ни въ наукахъ, ни въ православіи, и это зависѣло отъ крѣпости ученія православнаго, внѣдрившагося въ русское сердце».

Вслѣдъ затѣмъ, какъ и въ 1-мъ періодѣ, говорится о средствахъ Академіи, о ея помѣщеніи, содержанія и библіотекѣ и, послѣ необходимыхъ свѣдѣній о составѣ начальствующихъ и учащихъ, сообщаются любопытныя показанія о катехизическомъ способѣ преподаванія и о проповѣданіи; выписками изъ проповѣдей показанъ духъ, составъ и языкъ проповѣдей. Разборъ учебныхъ руководствъ въ высшей степени любопытенъ по своему предмету и отличается какъ подробностью и основательностью, такъ и скромностью критики. Послѣ разбора, столько же дѣльнаго учебныхъ книгъ по философіи и риторикѣ, авторъ не умалчиваетъ и о другихъ сочиненіяхъ и переводахъ наставниковъ Академіи. Между занятіями же учениковъ

упоминается о пѣснопѣніяхъ и комедіяхъ. Свѣдѣнія о ректорахъ и префектахъ во многихъ случаяхъ новы и исправляютъ ошибки прежнихъ сочинителей. О проповѣдникахъ же и учителяхъ доселѣ нигдѣ не было сказано ни слова, тогда какъ весьма многіе изъ нихъ въ послѣдствіи занимали важныя мѣста въ церковномъ управленіи, а частію извѣстны и въ ученомъ мірѣ. Кончившіе курсъ ученія отправлялись въ разныя миссіи, въ путешествія съ ученою цѣлью, поступали въ Академію Наукъ, въ Московскій гошпиталь и въ другія вѣдомства. Нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣли себѣ извѣстность въ государствѣ или въ области наукъ. Здѣсь упомянемъ только о Ломоносовѣ, также вышедшемъ изъ этого разсадника образованія.

Въ третьемъ періодѣ сначала говорится о митрополитѣ Платонѣ, ученикѣ, наставникѣ, директорѣ Академіи, о его заслугахъ для заведенія и правахъ, данныхъ ему надъ Академіею. — Далѣе слѣдуютъ разныя статистическія данныя, внутреннее управленіе, преподаваніе наукъ, проповѣданіе, цензура книгъ, ученыя сочиненія и переводы. Здѣсь встрѣчается много любопытнаго: видно стремленіе къ расширенію круга преподаванія и ко введенію разныхъ сообразныхъ времени усовершенствованій. Въ богословскомъ классѣ введены: каноническое правотолкованіе писанія съ герменевтикою, церковная исторія, пастырское богословіе; въ философскомъ — исторія философіи, естественная исторія и физика; въ риторическомъ — всеобщая исторія въ соединеніи съ географіею. Въ піитическомъ классѣ данъ перевѣсъ изученію русскаго стихотворства, введены классы языковъ греческаго, нѣмецкаго и французскаго и т. д. — Говоря о проповѣданіи, авторъ разбираетъ духъ проповѣдей Платона и другихъ проповѣдниковъ; затѣмъ разсматриваетъ занятія учениковъ, судьбы наставниковъ и питомцевъ, и т. д. Самое число учащихся въ Академіи значительно возрасло въ этомъ періодѣ; изъ нихъ иные составили себѣ извѣстное имя.

Уже изъ этого обзора содержанія, по мнѣнію рецензента, видно, что новое сочиненіе — дорогое пріобрѣтеніе для рус-

скаго ученаго міра. Оно оригинально съ первой страницы до послѣдней. Изложеніе — зрѣло обдуманное и отчетливое. Событія представлены въ духѣ спокойномъ, безъ напряженныхъ похвалъ и восторговъ; они представлены такъ, что сами говорятъ о себѣ. — Исторія всякаго высшаго учебнаго заведенія прежде всего должна показать значеніе сего заведенія для наукъ, которыя преподаются въ немъ, а затѣмъ значеніе его для общеста. Исторія Московской Академіи написана точно въ такомъ видѣ. Самыя лучшія части ея — исторія Лихудовъ, критическій разборъ древнихъ проповѣдей, учебныхъ руководствъ по богословію и философіи и статья о наставникахъ. Сочиненіе г. Смирнова, по важности своей для исторіи образованія, литературы, богословія, философіи и состоянія Русской церкви, по оригинальности содержанія и изложенія, вполнѣ заслуживаетъ Демидовской преміи.

VIII.

Систематическое изложеніе Логики. Карпова. С. Петербургъ 1856.

Разбиравшій ее, по просьбѣ Академіи, рецензентъ, г. профессоръ Богословія священникъ магистръ Іоаннъ Янышевъ въ своемъ отзывѣ говоритъ между прочимъ, что Систематическое Изложеніе Логики Г. Карпова принадлежитъ къ числу рѣдкихъ явленій въ отечественной ученой литературѣ. Лучшія изъ существующихъ у насъ руководствъ по этой части или переведены съ нѣмецкаго или составлены по нѣмецкимъ же учебникамъ; но какъ тѣ, такъ и другія представляютъ собою не столько собственно систему логики, какъ науки въ строгомъ смыслѣ этого слова, сколько болѣе или менѣе полное, въ извѣстномъ порядкѣ расположенное собраніе правилъ мышленія, безъ той внутренней связи, которая составляетъ душу науки и сообщаетъ единство и жизнь сухимъ и раздробленнымъ замѣткамъ о мышленіи. Изучающій логику по этимъ руководствамъ напрасно старался бы дать себѣ ясный

отчетъ въ томъ, что такое мышленіе вообще, правила котораго такъ подробно излагаетъ наука, почему оно управляется этими именно законами, которые стоятъ во главѣ ея; сколько должно быть такихъ законовъ и почему не болѣе и не менѣе; какъ относятся къ нимъ формы мышленія и почему самыя формы, въ свою очередь, являются въ такихъ, а не другихъ видахъ и т. п. Иностранные писатели въ правѣ освобождать себя отъ рѣшенія такихъ вопросовъ въ самой логикѣ, ссылаясь на психологіи, на критики познавательной способности или на гносеологіи; — однакожъ и изъ нихъ нѣкоторые, для проясненія природы мышленія, считаютъ необходимымъ въ самой логикѣ прибѣгать къ психологическимъ изслѣдованіямъ. У насъ же это вдвойнѣ необходимо, какъ потому, что логика обыкновенно преподается прежде психологіи, такъ особенно потому, что ни одно изъ существующихъ, на отечественномъ языкѣ, руководствъ къ психологіи не беретъ на себя рѣшать помянутые логическіе вопросы.

При такомъ состояніи науки логики въ нашемъ отечествѣ, трудъ г. Карпова заслуживаетъ вниманія. Уже одна попытка— синтетически вывести понятіе о природѣ мышленія, съ его законами и формами, изъ психологическихъ началъ — дѣлаетъ его замѣчательнымъ; но онъ еще замѣчательнѣе, какъ трудъ оригинальный и исполненный съ успѣхомъ.

Впрочемъ рецензентъ не безусловно одобряетъ логику г. Карпова, а находитъ въ ней также нѣкоторые недостатки, какъ относительно самой теоріи, такъ и внѣшней формы. Не входя здѣсь въ дальнѣйшее изложеніе этихъ недостатковъ, мы приведемъ лишь заключительный его приговоръ.

«Трудъ г. Карпова, какъ первое оригинальное и во многихъ отношеніяхъ превосходное произведеніе отечественнаго мыслителя по части Логики, какъ плодъ многолѣтнихъ занятій автора философіею, о которыхъ онъ неоднократно свидѣтельствовалъ предъ ученымъ міромъ и переводами и мно-

гими оригинальными сочиненіями, какъ свидѣтельство его основательнаго знакомства съ современнымъ состояніемъ философіи и желанія своимъ трудомъ содѣйствовать русскому юношеству на поприщѣ самостоятельнаго мышленія, вполнѣ имѣетъ право на вниманіе и поощреніе со стороны ученыхъ соотечественниковъ.»

Основываясь на такомъ отзывѣ рецензента, Академія присудила поощрительную премію автору, который своими трудами по философіи, и особенно переводомъ твореній Платона, заслужилъ общее вниманіе.

За раздачею такимъ образомъ всѣхъ, бывшихъ въ распоряженіи Академіи на нынѣшній годъ, премій, — удостоены *почетнаго отзыва* слѣдующія пять сочиненій, оставшіяся не увѣнчанными лишь за неимѣніемъ достаточнаго количества премій.

1) Фонъ Гёцъ, Albert Suerbeer, Erzbischof von Preussen, Livland und Ehstland. St. Petersburg. 1854 — по рецензіи К. И. Буссе.

2) Осокинъ, О понятіи промысловаго налога и объ историческомъ его развитіи въ Россіи. 1856. Казань — по рецензіи Профессора Московскаго Университета Ив. Дм. Бѣляева.

3) Андреевъ, Живопись и живописцы главнѣйшихъ европейскихъ школъ. С. Петербургъ 1856 — по рецензіи Конференцъ-Секретаря Императорской Академіи Художествъ Вас. Ив. Григоровича.

4) Ловягинъ, Богослужебные каноны на греческомъ, славянскомъ и русскомъ языкахъ. Кн. 1 — 3 185$\frac{5}{6}$ — по рецензіи Преосвященнаго Макарія, Епископа Винницкаго.

5) Жолкевичъ, Краткая анатомія и физіологія человѣка и другихъ животныхъ. С. Петербургъ 1856 — по рецензіямъ Академиковъ Брандта и Бэра.

Съ изъявленіемъ своей признательности всѣмъ лицамъ, содѣйствовавшимъ Академіи въ трудѣ разбора доставленныхъ на нынѣшній конкурсъ сочиненій, Академія присудила медали слѣдующимъ изъ нихъ: большія золотыя: бывшему Профессору Московскаго Университета Члену Археографической Коммисіи Ник. Вас. Калачову и Профессору Московскаго Университета Ив. Дм. Бѣляеву; малыя золотыя: Профессору Харьковскаго Университета Ал. Вас. Куницыну и Помощнику Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа Ѳ. Ѳ. Веселаго.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Г. ТУРЧАНИНОВА

подъ заглавіемъ

FLORA BAICALENSI-DAHURICA

seu

DESCRIPTIO PLANTARUM IN REGIONIBUS CIS ET TRANSBAI-CALENSIBUS ATQUE IN DAHURIA SPONTE NASCENTIUM,

составленный

Академиками **Рупрехтомъ** и **Желѣзновымъ**.

Одно изъ главныхъ пособій къ составленію полнаго понятія о свойствахъ различныхъ частей земной поверхности есть познаніе ихъ растительности, потому что въ ней вѣрно отражаются всѣ особенности климата, очертанія и свойства почвы, которыхъ точное изслѣдованіе сопряжено съ большими трудностями. Поэтому вѣрное изображеніе распространенія растеній въ странахъ, ограниченныхъ болѣе или менѣе естественными предѣлами, или изданіе хорошихъ мѣстныхъ флоръ должно считать очень важнымъ пріобрѣтеніемъ нетолько для ботаники, но и для землевѣденія вообще.

Не многимъ изъ ботаниковъ, посвятившимъ себя такому изученію растительности отдѣльныхъ, по положенію и свойствамъ, странъ въ Россіи, удалось собрать и обработать матеріалы съ такимъ постоянствомъ и успѣхомъ, какъ это сдѣлалъ г. Турчаниновъ. Онъ избралъ для изслѣдованія обширную и чрезвычайно замѣчательную во многихъ отношеніяхъ мѣстность: Нерчинскій округъ, составляющій собственно Даурію, и округи Верхнеудинскій и Иркутскій.

Первыми изслѣдователями Байкало-Даурской флоры были Мессершмидъ и Амманъ, а потомъ авторъ Сибирской флоры — Гмелинъ. Около сорока лѣтъ спустя, знаменитый Палласъ собралъ, въ окрестностяхъ Иркутска и въ Забайкальскомъ краѣ, значительное число новыхъ и рѣдкихъ растеній. Сопутствовавшій ему студентъ Соколовъ посѣтилъ вы-

сочайшій изъ Даурскихъ гольцовъ Чокондо, но другіе гольцы, сколько извѣстно, посѣщаемы не были. Вскорѣ послѣ Палласа занимались этою мѣстностію Георги, Сиверсъ и Патренъ; но указанія перваго часто сомнительны, ибо г. Турчаниновъ на означенныхъ мѣстностяхъ тщетно искалъ многихъ исчисленныхъ имъ растеній. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Адамсъ посѣтилъ Иркутскъ и смежныя съ нимъ мѣста; но въ короткое время, проведенное имъ тамъ, онъ не могъ открыть много новаго. Гораздо болѣе находили разные собиратели, не-ботаники, и сообщали найденное покойному Ф. Б. Фишеру, который сдѣлалъ извѣстными многія растенія. Основываясь на указаніяхъ русской флоры Ледебура, должно принять, что І. Г. Гмелинъ и его предшественники открыли въ этой странѣ болѣе 500 видовъ, Палласъ и другіе, собиравшіе послѣ него, до пріѣзда г. Турчанинова въ Иркутскъ, около 300 видовъ; г. Турчанинову съ его спутниками удалось открыть также болѣе 500 видовъ, въ томъ числѣ 170 породъ и 15 родовъ прежде не описанныхъ.

Г. Турчаниновъ началъ свои изысканія въ 1828 году съ окрестностей Иркутска и съ береговъ Байкала при истокѣ Ангары. Въ продолженіе 1829 и до 1836 г. онъ посѣщалъ, иногда по нѣскольку разъ, всѣ замѣчательныя мѣстности того края, проходилъ степи, особенно Косую, два раза былъ на озерѣ Коссоголѣ, въ Китайской Монголіи, и въ другихъ мѣстахъ, обозрѣвалъ Китайскую границу, восходилъ на вершины многихъ горъ, трижды посѣщалъ голецъ Чокондо, спускался по рѣкамъ для изученія прибрежной растительности, обошелъ островъ Ольхонъ и пр. Особенно важно, какъ увидимъ послѣ, его путешествіе по верховью Амура до бывшей русской крѣпости Албазина. Такимъ образомъ г. Турчаниновъ основательно обозрѣлъ изучаемую имъ страну не только въ предѣлахъ политическихъ границъ, но переходилъ ихъ для опредѣленія границъ естественныхъ, въ которыхъ растительность сохраняетъ тотъ же характеръ; это придаетъ особенную цѣнность его сочиненію, какъ до-

казательство сознательности труда. Мы не будемъ слѣдить за сочинителемъ по всѣмъ пройденнымъ имъ путямъ, которые онъ описываетъ достаточно подробно для того, чтобъ дать возможность послѣдующимъ наблюдателямъ руководствоваться его указаніями и избирать для изслѣдованія особенно тѣ мѣстности, въ которыхъ нашъ знаменитый ботаникъ не имѣлъ случая быть.

По служебнымъ обстоятельствамъ, въ 1836 году, г. Турчаниновъ лишился возможности лично продолжать изысканія, по крайней мѣрѣ въ продолженіе лѣта, но на это время онъ предоставлялъ собираніе своимъ сотрудникамъ, молодому казаку, ревностному, но къ сожалѣнію скоро погибшему, ботанику Кузнецову, путешествовавшему въ Китаѣ съ русскою миссіею, также гг. Кирилову, Щукину и Баснину. При обработкѣ доставленныхъ ими растительныхъ богатствъ, сочинитель не упускаетъ случая говорить о ихъ заслугахъ. Г. Турчаниновъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ путешествовалъ на счетъ Кабинета, по ходатайству бывшаго Директора Ботаническаго Сада Ф. Б. Фишера, который, вмѣстѣ съ Академиками Мейеромъ и Триніусомъ, оказывалъ г. Турчанинову содѣйствіе совѣтами и присылкою сочиненій, въ которыхъ были описываемы открываемые въ Байкало-Даурской флорѣ новые виды. Должно замѣтить, что находимыя г. Турчаниновымъ новыя растенія, по мѣрѣ собиранія, были разсылаемы многимъ ботаникамъ и ими описаны, такъ что на долю г. Турчанинова, когда онъ приступилъ къ обработкѣ своей флоры, осталось относительно не много. Не смотря на это, какъ мы выше замѣтили, собственно имъ описаны до 155 видовъ и 15 разностей, и установлено 15 новыхъ родовъ, именно: Actinospora, Tetrapoma, Holargidium, Krascheninnikowia, Lithosciadium, Phlojodicarpus, Physolophium, Gomphopetalum, Czernaëvia, Hansenia, Stenosolenium, Diarthron, Plecostigma, Ptilagrostis *), Leuco-

*) Г. Турчаниновъ принялъ названіе, данное Гризебахомъ, но названіе Lepfantheie, установленное девятью годами раньше подъ тѣми же признаками, въ видѣ подрода, должно-бы имѣть первенство.

роа. Изъ нихъ два послѣдніе названы Гризебахомъ. Родъ Phlojodicarpus въ Даурской флорѣ, по совѣту Фишера и Мейера, соединенъ съ родомъ Libanotis, но въ послѣдствіи признанъ за самостоятельный Ледебуромъ и Эндлихеромъ, согласно съ первоначальнымъ и настоящимъ мнѣніемъ сочинителя. Родъ Tetrapoma извѣстенъ былъ Фишеру, но, вѣроятно по недостатку хорошихъ образцовъ, отнесенъ къ роду Camelina. Stenosolenium основанъ на Anchusa saxatilis Pall.

Самые замѣчательные изъ новыхъ родовъ — Tetrapoma и Holargidium изъ семейства крестоцвѣтныхъ, потому что у нихъ вмѣсто двухъ створокъ и одной продольной перегородки, какъ во всѣхъ прочихъ родахъ этого семейства, находятся по 4 створки и по 4 продольныхъ перегородки. Впрочемъ нѣчто подобное замѣчено было г. Турчаниновымъ въ одномъ изъ видовъ Nasturtium, именно N. globosum. Въ этомъ видѣ бóльшая часть стручковъ числомъ створокъ и перегородокъ сходна съ прочими крестоцвѣтными, но другая хотя и меньшая часть снабжена 3 створками и 3 перегородками, какъ это замѣтно въ не нормальномъ образованіи Lepidium sativum и Isatis. Излишне было бы перечислять всѣ новые виды, открытые г. Турчаниновымъ; достаточно сказать, что замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: Eranthis uncinata, потому что въ этомъ родѣ извѣстны были только два вида; Stellaria umbellata, отличающаяся отъ однородныхъ недостаткомъ лепестковъ; Potentilla asperrima, по очень жесткимъ волоскамъ, ее покрывающимъ; два вида Chrysosplenium: C. peltatum и C. Sedakowii, изъ которыхъ послѣдній составилъ особое отдѣленіе Nephrophylloides; три вида Conioselinum: C. univittatum, C. longifolium и C. cenolophoides; прежде въ этомъ родѣ извѣстенъ былъ только одинъ видъ, Echinospermum compressum, признанный безъ основанія Ледебуромъ за новый родъ Anoplocaryum; одинъ видъ злаковъ изъ рода Hydropyrum, котораго другой видъ находится въ сѣверной Америкѣ; Dracocephalum fragile, по его ломкости и бѣлымъ цвѣтамъ; другой видъ рода Butomus: B. junceus; Sparganium longi-

folium, бросающійся въ глаза чрезвычайно длинными плавающими листьями, и проч.

Кромѣ того г. Турчаниновъ раздѣлилъ родъ Dontostemon на два отдѣленія по устройству тычинокъ, родъ Phaca на два отдѣленія, родъ Braya на три отдѣленія; а описаніе признаковъ отдѣленія почти равносильно установленію новаго рода; онъ показалъ отличіе Polemonium pulchellum, заключающееся въ сѣменахъ; ввелъ новое отдѣленіе Endogonia въ родъ Myosotis, перенесенное потомъ Аль. Декандолемъ въ родъ Eritrichium, которое вѣроятно въ послѣдствіи будетъ признано за новый родъ; описалъ плоды Craniospermum, бывшіе не совершенно извѣстными; показалъ отличіе Hydropyrum latifolium отъ Американскаго вида, неясное Гризебаху по неимѣнію у него удовлетворительныхъ образцовъ; описалъ нѣкоторые виды рода Carex, мало извѣстные и смѣшиваемые съ близкими видами; также одинъ видъ Elyna filifolia, найденный уже позже Сѣдаковымъ. Семейства зонтичныхъ и крестоцвѣтныхъ особенно обогащены имъ многими новыми родовыми признаками.

Наибольшее семейство этой флоры, такъ какъ и другихъ флоръ холоднаго и умѣреннаго поясовъ,—сложно-цвѣтные (Compositae). Оно состоитъ изъ 157 видовъ или вѣрнѣе 0,115, т. е. нѣсколько менѣе $^1/_8$ доли всѣхъ явнобрачныхъ растеній. Потомъ слѣдуютъ мотыльковыя Papilionaceae 94, злаки Gramineae 87, лютиковыя Ranunculaceae 81, ситниковыя Cyperaceae 79, крестоцвѣтныя Cruciferae 78, розоцвѣтныя Rosaceae, включая сюда миндальныя Amygdaleae и яблочныя Pomaceae 66, зонтичныя Umbelliferae 48, личинкоцвѣтныя Scrophularineae 46, ивовыя Salicineae 39, Alsineae 37, губоцвѣтныя Labiatae 34. Замѣчательно, что число лютиковыхъ растеній превышаетъ число крестовидныхъ, чему противное видно въ другихъ флорахъ; напримѣръ въ Русской флорѣ Ледебура показано лютиковыхъ 228, крестоцвѣтныхъ 393; въ Германской флорѣ считается первыхъ 110, послѣднихъ 190 видовъ.

Роды, замѣчательные по числу видовъ: Carex 56, Salix 37,

Artemisia 28, Oxytropis и Pedicularis по 26, Potentilla 24, Astragalus 22, Saussurea 20, Ranunculus и Viola по 19, Polygonum 17, Gentiana 16, Draba, Stellaria и Saxifraga по 15, Allium 14, Thalictrum и Senecio по 13, Spiraea 12, Veronica и Juncus по 11, Cerastium 10 видовъ. Замѣчательно, что число Oxytropis превосходитъ число Astragalus, тогда какъ въ русской флорѣ число послѣднихъ втрое болѣе противу числа первыхъ, а въ Германской слишкомъ въ 5 разъ; тамъ только 5 видовъ Oxytropis.

Приведеніемъ въ порядокъ, опредѣленіемъ и изданіемъ такого значительнаго запаса растеній г. Турчаниновъ занимался до сихъ поръ. Онъ помѣщалъ описанія отдѣльныхъ семействъ въ запискахъ Московскаго Общества Испытателей Природы и съ 1842 по 1845 годъ составился первый томъ Байкало-Даурской флоры, заключающій 40 семействъ съ 176 родами и 565 видами. Въ продолженіе послѣднихъ 10 лѣтъ сочинитель не переставалъ трудиться надъ изданіемъ флоры: послѣднія четыре семейства: Gramineae, Equisetaceae, Lycopodiaceae и Filices появились въ 1 томѣ записокъ Московскаго Общества за 1856 годъ. Второй томъ Флоры содержитъ 51 семейство явнобрачныхъ и 3 тайнобрачныхъ, которыми и заключается Байкало-Даурская флора. Такимъ образомъ въ ней описаны 448 родовъ и 1365 видовъ явнобрачныхъ растеній, распредѣленныхъ въ 92 семействахъ. Хвощи, плауны и папоротники размѣщены въ 14 родахъ и 37 видахъ.

Появляясь въ свѣтъ мало по малу, Байкало-Даурская флора сдѣлалась извѣстною ученому міру и доставила сочинителю славное имя. Основаніемъ этой извѣстности послужили: большая опытность или тактъ въ опредѣленіи растеній, такъ что бо̀льшая часть установленныхъ г. Турчаниновымъ видовъ и родовъ отличаются хорошими признаками и приняты другими ботаниками. Всѣ описанія вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ систематической ботаники; синонимика обработана очень тщательно. Часто однимъ или двумя словами г. Турчаниновъ

умѣетъ обрисовывать отличительные признаки растеній; примѣромъ можетъ служить Spiraea flexuosa и др.; а такія описанія лучше всего свидѣтельствуютъ о дарованіи и наблюдательности сочинителя. При описаніи новыхъ видовъ онъ не ограничивается указаніемъ только на признаки, но посредствомъ тщательнаго сравненія опредѣляетъ ихъ мѣсто между видами уже извѣстными.

Впрочемъ главная заслуга г. Турчанинова состоитъ не только въ вѣрности взгляда на признаки растеній, въ тщательности обработки его труда, въ непоколебимомъ постоянствѣ въ собираніи, въ продолженіе котораго нѣсколько лѣтъ сряду онъ подвергался многимъ лишеніямъ. Оригинальность его труда заключается также въ остроумныхъ сближеніяхъ наблюдаемыхъ имъ явленій, посредствомъ которыхъ онъ обогатилъ Ботаническую Географію.

Окрестности Байкала и Даурію, какъ извѣстно, составляютъ рядъ высокихъ степей, разграниченныхъ западными отрогами Яблоноваго хребта, горами окружающими Байкалъ и дающими начало рѣкамъ Иркуту и Окѣ. Эти хребты не достигаютъ снѣжной линіи, но выставляются далеко за предѣлы лѣсной растительности. Альпійская флора, покрывающая эти возвышенности, подчиняется совершенно особеннымъ законамъ. По мѣрѣ приближенія къ востоку, она становится болѣе и болѣе однообразною, такъ что въ Даурскихъ Альпахъ г. Турчаниновъ нашелъ лишь 4 или 5 видовъ (Oxygraphis glacialis Bge, Saxifraga Dahurica Pall., Crepis polytricha Turcz. и Juncus biglumis L, также Swertia obtusa Led. въ болотистыхъ лѣсахъ), которые не встрѣчаются въ другихъ мѣстахъ.

Растительность горныхъ откосовъ, большею частью безлѣсныхъ, рѣзко отличается отъ степной растительности, но въ одинакихъ мѣстностяхъ она представляетъ большое однообразіе. Такимъ образомъ растенія, родящіяся въ окрестностяхъ Иркутска, попадаются и на лѣсистыхъ горахъ Забайкалья; то же самое замѣчается и въ степной флорѣ по ту и по сю сторону

озера. При всемъ томъ въ Байкало-Даурской флорѣ оказываются, при сравненіи ея съ растительностію другихъ странъ, весьма замѣчательныя особенности. Нѣкоторые виды: Arabis ambigua Dc., incarnata Pall., Astragalus uliginosus L., Convolvulus pellitus Led., Lycopus australis R. Br.), растутъ въ Дауріи и на берегахъ Ангары и вовсе не попадаются въ Забайкальскомъ краѣ между этими двумя мѣстностями. Еще замѣчательнѣе наблюденіе г. Турчанинова, что есть растенія общія Европѣ и Дауріи (Thalictrum aquilegifolium, Corydalis bulbosa, Spiraea Aruncus, Lythrum Salicaria, Pimpinella Saxifraga, Xanthium Strumarium и др.), не встрѣчающіяся въ Забайкальскомъ краѣ, а многія изъ нихъ даже во всей Сибири.

Авторъ насчитываетъ 89 видовъ растеній, непереходящихъ за Байкалъ, 162 вида Забайкальскихъ растеній, не встрѣчающихся по сю сторону озера, за исключеніемъ Альпійскихъ; наконецъ 138 видовъ исключительно свойственныхъ Дауріи.

Сравненіе Байкало-Даурской флоры съ растительностію другихъ сѣверныхъ странъ, именно съ окрестностями Петербурга и съ Швеціею, привело г. Турчанинова къ поразительному выводу; 352 вида, т. е. около половины всѣхъ Петербургскихъ растеній, не смотря на отсутствіе у насъ горъ и солончаковъ, растутъ въ Забайкальѣ и Дауріи, 452 вида изъ Шведской флоры Валенберга общи той части Сибири, которую изучилъ г. Турчаниновъ, 756 видовъ, или болѣе половины всей флоры, свойственны также Алтаю. На Алтаѣ встрѣчаются 3 семейства: Apocyneae, Frankeniaceae и Paronychieae, которыхъ представителей нѣтъ въ Дауріи; но за то семейство Menispermeae не имѣетъ представителя на Алтаѣ.

Большое сходство замѣчается также съ растительностію восточной Сибири, сѣвернаго Китая и даже Камчатки, а что всего замѣчательнѣе — съ сѣверною Америкою. Роды Menispermum, Zizania, Mitella, извѣстные теперь изъ Дауріи, сперва найдены были только въ с. Америкѣ. Это важное замѣчаніе г. Турчанинова вполнѣ оправдалось еще недавно при изученіи Амур-

скихъ растеній, для которыхъ его флора составляетъ теперь самый драгоцѣнный источникъ. Многія характеристическія для Амура растенія: Quercus Mongolica, Corylus heterophylla, Lespedeza bicolor, Spiraea sericea и другія уже встрѣчаются въ сочиненіи г. Турчанинова.

Все это показываетъ, что Байкало Даурская флора есть трудъ вполнѣ самостоятельный, имѣющій достоинство не только по исчисленнымъ въ немъ растеніямъ, до сихъ поръ нигдѣ неописаннымъ, но заключающій общее обозрѣніе особенностей растительности, которое указываетъ на отличительный характеръ той страны.

Основаніемъ для расположенія растеній послужила система Декандоля. Поэтому признаки большихъ отдѣловъ заимствованы изъ сочиненія Prodromus. Во многихъ случаяхъ сочинитель слѣдовалъ Коху и другимъ ботаникамъ, у которыхъ находилъ вѣрныя описанія. Онъ не вмѣнялъ себѣ въ заслугу составлять новыя опредѣлительныя формулы или діагнозы и потому выписывалъ ихъ изъ другихъ сочиненій, указывая всегда на источникъ. Но въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ замѣчалъ неточность въ описаніяхъ, всегда дѣлалъ дополненія и примѣчанія, которыя составляютъ значительную часть сочиненія. Многія изъ его описаній перешли безъ измѣненія въ другія сочиненія.

Можно конечно замѣтить, что когда признаки растенія сходны съ описаніемъ его у другаго ботаника, то употребительнѣе дѣлать ссылку на сочиненіе, въ которомъ оно находится, и потому, если выпустить изъ Байкало-даурской флоры всѣ заимствованные діагнозы, то объемъ сочиненія значительно уменьшится. Однако присутствіе ихъ нисколько не вредитъ его достоинству. Напротивъ, это можетъ быть полезно тѣмъ послѣдующимъ изслѣдователямъ Байкало-даурской флоры, которые не будутъ имѣть возможности возить съ собою, для сравненій, другія необходимыя сочиненія. Флора Ледебура, при всей полнотѣ своей, не можетъ замѣнить флоры г. Тур-

чанинова, во-первыхъ потому, что многія семейства послѣдней обработаны послѣ появленія Русской флоры и обработаны лучше, таковы на-примѣръ семейства Grossularieae, Lonicereae. Во-вторыхъ, у Ледебура не обозначены мѣстонахожденія и обитанія растеній, также общіе выводы и сравненія, что составляетъ важный недостатокъ, какъ въ ботанико-географическомъ отношеніи, такъ въ особенности для путешествующихъ ботаниковъ.

Должно поставить на видъ, что особенно первая часть флоры г. Турчанинова, по давности появленія въ свѣтъ, по необходимости должна была нѣсколько устарѣть, потому что съ тѣхъ поръ многіе путешественники собирали растенія въ той же странѣ и вышли новыя сочиненія. Но г. Турчаниновъ обработалъ, послѣ изданія своего труда, прибавленія къ Байкало-Даурской флорѣ, посланныя имъ давно уже въ Московское Общество для напечатанія и содержащія вѣроятно многія исправленія.

Впрочемъ и въ настоящемъ видѣ Байкало-Даурская флора имѣетъ столько достоинствъ, какъ плодъ постоянныхъ, 14-лѣтнихъ и добросовѣстныхъ усилій, что его нельзя не признать заслуживающимъ полной преміи. Такихъ сочиненій въ Россіи появилось не много и во всякомъ случаѣ чистая любовь къ наукѣ, руководившая сочинителемъ во все продолженіе его ученой дѣятельности, плодомъ которой былъ предстоящій трудъ, заслуживаетъ блистательной награды, тѣмъ болѣе, что Академія, которая уже въ 1830 г. признала неотъемлемыя достоинства автора, избравъ его въ свои члены-корреспонденты, еще не имѣла до сихъ поръ случая наградить знаменитаго автора Демидовскою преміею.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Г. ПАНДЕРА

подъ заглавіемъ:

MONOGRAPHIE DER FOSSILEN FISCHE

DES

SILURISCHEN SYSTEMS DER RUSSISCH-BALTISCHEN GOUVERNEMENTS,

составленный

Академикомъ **Брандтомъ**.

Около конца прошедшаго года явился, подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, трудъ, который не былъ представленъ къ состязанію на Демидовскія преміи, хотя онъ былъ уже оконченъ до истеченія назначеннаго для присылки состязательныхъ сочиненій срока. Но важное его содержаніе поставляетъ намъ въ обязанность присоединить его къ числу конкурсныхъ сочиненій, потому что онъ не уступаетъ въ достоинствѣ наилучшимъ изъ присланныхъ на состязаніе работъ. И такъ да будетъ намъ дозволено ближе объяснить это наше объ немъ мнѣніе.

До изданія въ свѣтъ предлежащихъ розысканій г. Пандера никѣмъ не было подозрѣваемо существованіе остатковъ рыбъ въ силурійскихъ пластахъ окрестностей С. Петербурга и Эстляндской губерніи. Остроумный авторъ предлежащей монографіи былъ первымъ, который въ этихъ пластахъ, а именно въ залегающемъ между известнякомъ и зеленымъ глинистымъ песчаникомъ нашией нижне-силурійской системы открылъ, кромѣ многихъ безпозвоночныхъ животныхъ, также въ большомъ множествѣ разные небольшіе зубчики. Послѣ многолѣтнихъ микроскопическихъ изслѣдованій, которыя едва не лишили автора зрѣнія, ему наконецъ удалось распознать, что это зубки рыбъ. Но прежде достиженія этого блестящаго результата, который переноситъ существованіе рыбъ въ столь раннiй періодъ, авторъ долженъ былъ произвести много тщательныхъ микроскопическихъ изслѣдованій для того, чтобы у жи-

выхъ рыбъ отыскать такія формы, которыя были бы способны подтвердить, что открытыя косточки дѣйствительно настоящіе рыбьи зубы.

Рыбы, которымъ принадлежали эти зубы, по видимому, не имѣли ни костянаго остова, ни костяныхъ щитиковъ на кожѣ, потому что подлѣ нихъ не было найдено никакихъ другихъ твердыхъ частицъ, — обстоятельство, которое еще болѣе должно было затруднить розысканія, потому что именно остатки скелетовъ служатъ, какъ извѣстно, надежнѣйшею опорою при подобныхъ разысканіяхъ.

Однакоже авторъ, при помощи давно испытаннаго своего дара наблюденія, счастливо побѣдилъ всѣ эти трудности и на основаніи открытыхъ имъ зубковъ установилъ новый отдѣлъ рыбъ подъ наименованіемъ Conodontes, о чемъ онъ сообщаетъ подробное разсужденіе, поясненное четырьмя превосходно выполненными чертежами, которые по большей части заключаютъ въ себѣ микроскопическіе предметы, приведенные въ ясность посредствомъ многотрудныхъ шлифовокъ. Этотъ отдѣлъ Conodontes авторъ, смотря по тому просты ли зубы или сложны, раздѣляетъ на двѣ главныя группы. Conodontes съ простыми зубами онъ по ихъ строенію дѣлитъ на 7 родовъ съ 38 видами, а группу Conodontes съ сложными зубами — на 7 родовъ съ 17-ю видами.

Вторую главу своего отличнаго труда авторъ посвящаетъ верхне-силурійскимъ остаткамъ рыбъ, а именно щитообразнымъ или чешуйчатымъ остаткамъ Цефаласпидовъ съ родомъ Cephalaspis, Ганоидовъ съ многочисленными новыми родами Rhytidolespis, Schidiosteus, Coccopeltus, Cyphomalepis, Stigmolepis и пр., далѣе Целолепидовъ съ новыми родами Coelolepis, Pachylepis и Nostolepis, и наконецъ Ихтіодорулитовъ съ родами Rhadacanthus, Prionocanthus и Onchus (Agassiz). Въ заключеніе слѣдуетъ описаніе открытыхъ въ верхне-силурійскихъ слояхъ зубовъ рыбъ родовъ Aulacodus, Strosipherus, Odontotodus, Coscinodus и Monopleurodus. Всѣ щитики и чешуйки по-

слѣднихъ сихъ родовъ не только превосходно изображены на четырехъ чертежахъ, но еще помощью весьма тщательно отшлифованныхъ авторомъ пластиночекъ изслѣдованы относительно ихъ микроскопическаго строенія, которое также пояснено въ особыхъ изображеніяхъ. И такъ руководствуясь этою второю главою сочиненія Пандера, мы можемъ бросить новый взглядъ на рыбную форму верхне-силурійскихъ слоевъ земли и убѣждаемся въ томъ, что рыбы имѣли себѣ представителей въ несравненно отдаленнѣйшемъ періодѣ, чѣмъ принималось доселѣ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ важныхъ палеонтологическихъ открытій, авторъ еще сообщаетъ въ своемъ сочиненіи, при встрѣчающихся къ тому случаяхъ, также многія, весьма цѣнныя замѣтки по части общей палеонтологіи и геогнозіи, не мало служащія къ повѣркѣ прежнихъ нашихъ по этимъ отраслямъ науки познаній, особенно въ отношеніи окрестностей С. Петербурга, которыя г. Пандеръ, какъ извѣстно, уже болѣе 30-и лѣтъ тщательнѣйше изслѣдовалъ въ геогностическомъ и палеонтологическомъ отношеніяхъ.

Изъ всего вышеобъясненнаго видно, что г. Пандеръ подарилъ насъ въ этой монографіи трудомъ, основаннымъ на тщательнѣйшихъ десятилѣтнихъ микроскопическихъ изслѣдованіяхъ, трудомъ занимательнымъ для зоологіи, какъ и для палеонтологіи по важности неожиданныхъ своихъ результатовъ. Тотъ, кто занимался подобными разысканіями и знаетъ изъ собственнаго опыта, сколько потребно многотрудныхъ, тщательныхъ и продолжительныхъ изслѣдованій для достиженія основательнаго результата, способенъ вполнѣ оцѣнить достоинство такой работы, какова предлежащая, и легко убѣдится въ томъ, что подобный трудъ, служа образцемъ, достойнымъ подражанія, пролагаетъ собою стезю будущимъ точнѣйшимъ разысканіямъ. Но подобный образецъ еще въ особенности важенъ на трудномъ поприщѣ палеонтологіи, потому что даже болѣе поверхностные воздѣлыватели по этой части будутъ отнынѣ

имѣть его передъ глазами и постараются, если не сравниться съ нимъ, то по крайней мѣрѣ не отстать отъ него слишкомъ далеко. Онъ конечно не успѣетъ вовсе устранить суетное стремленіе иныхъ изслѣдователей обогащать науку во чтобы то ни стало новыми данными; однако во всякомъ случаѣ послужитъ къ вознагражденію слабостей подобныхъ произведеній и подастъ поводъ къ болѣе точнымъ и осмотрительнымъ разысканіямъ.

Можетъ быть возразятъ противъ такого присужденія, что предлежащій трудъ незначителенъ по объему. Но объемъ работы не можетъ служить масштабомъ ея цѣнности. Нѣсколько страницъ въ сжатой формѣ могутъ заключать въ себѣ болѣе истинно важнаго для науки, чѣмъ обширныя многотомныя сочиненія. На этомъ основаніи и другія Академіи не затруднялись награждать полными преміями подобнаго рода менѣе объемистыя сочиненія, слѣдуя поговоркѣ non multa, sed multum.

Изъ этого краткаго очерка монографіи г. Пандера можно судить, что это есть такой трудъ, который сооруженъ на основаніи кропотливыхъ, отчасти давнишнихъ микроскопическихъ наблюденій, и равно важенъ не только для зоологіи, но и для палеонтологіи, по множеству вовсе неожиданныхъ и весьма занимательныхъ своихъ результатовъ.

Если нельзя не радоваться, что такой отличный трудъ совершенъ у насъ въ Россіи, то Академія съ своей стороны не могла не присудить ему *полной* Демидовской преміи.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Б. ЧИЧЕРИНА

подъ заглавіемъ:

ОБЛАСТНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ РОССІИ ВЪ XVII ВѢКѢ,

составленный

Членомъ Археографической Коммиссіи Калачовымъ.

Приступая къ разбору этого сочиненія, замѣчательнаго не только по даровитости автора, но и потому что оно есть результатъ долговременнаго и добросовѣстнаго изученія древнихъ памятниковъ нашего законодательства, — мы не можемъ однако не сознаться прежде всего, что внимательное, нѣсколько разъ и въ разное время повторенное чтеніе книги г. Чичерина оставило въ насъ грустное впечатлѣніе, которое мы невольно раздѣляемъ съ нѣкоторыми слишкомъ строгими ея рецензентами. Если не взять во вниманіе указанныя нами ниже обстоятельства, оправдывающія, по нашему мнѣнію, автора, то сдѣланные имъ изложеніе и разборъ нашихъ областныхъ учрежденій въ XVII вѣкѣ можно столь же справедливо назвать сочиненіемъ, имѣющимъ своимъ предметомъ разсмотрѣніе недостатковъ не только этихъ учрежденій, но и самого быта древней Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, встрѣчая на каждой почти страницѣ длинныя, подробныя выписки изъ актовъ въ подтвержденіе указываемыхъ авторомъ неопредѣленности или неясности началъ, господствовавшихъ въ нашемъ древнемъ правѣ, слабости надзора верховной власти надъ разными органами областнаго управленія или неумѣнья подчинять ихъ выставляемымъ ею самою требованіямъ, и наконецъ недостатковъ того или другаго изъ разсматриваемыхъ учрежденій, мы не можемъ не сѣтовать на писателя, который, какъ бы забывая задачу и обязанность историка становиться современникомъ описываемаго

имъ общества и съ этой точки изучать и объяснять его учрежденія, — разоблачаетъ передъ нами преимущественно темныя стороны юридическаго быта нашего отечества до Петра Великаго. И какое оправданіе представляетъ онъ въ такомъ способѣ изслѣдованія учрежденій древней Россіи, который во всякомъ случаѣ нельзя не признать одностороннимъ? Отчасти конечно потребности того же или позднѣйшаго времени, сѣтованія и явныя жалобы отдѣльныхъ лицъ и даже цѣлыхъ сословій, терпѣвшихъ отъ злоупотребленій, порожденныхъ недостатками тѣхъ или другихъ учрежденій, хотя иногда и вообще неизбѣжныхъ. Безъ сомнѣнія, однако, въ болѣе значительной степени руководствовали авторомъ при начертаніи разнаго рода указываемыхъ имъ недостатковъ теорія, научныя начала, выработанныя не историческимъ развитіемъ древней Россіи, а вѣковыми усиліями ученыхъ разныхъ націй, указанными не практическою опытностію нашихъ дьяковъ-юристовъ, а исторіей различныхъ государствъ древняго и новаго времени. Очевидно, что такой пріемъ изслѣдователя можетъ по крайней мѣрѣ на первый взглядъ внушить читателю сомнѣніе касательно вѣрности его выводовъ.

Самъ г. Чичеринъ предугадалъ, кажется, впечатлѣніе, которое его книга должна сдѣлать на читателя. Вотъ почему, въ предисловіи къ ней, онъ старается оправдать себя въ лежавшей на немъ обязанности, для полноты труда, указать и на недостатки, обнаруживающіеся въ учрежденіяхъ и бытѣ древней Россіи. «Изложеніе, говоритъ онъ, этихъ недостатковъ погибшихъ учрежденій нашего народа да не будетъ принято за упрекъ его исторіи. Только взглядъ на первоначальную точку отправленія, на темныя стороны предшествующихъ періодовъ можетъ показать намъ всю ширину пройденнаго пути и заставить насъ принести дань благодарности тѣмъ дѣятелямъ, которые, сознавая недостатки своего времени, твердою рукою брались за исправленіе учрежденій и возводили исторію на высшую точку развитія. Такимъ образомъ, только изложе-

ніе системы кормленій, основанной на частномъ правѣ, откроетъ намъ значеніе великаго дѣла Московскихъ государей; только безпорядокъ, господствовавшій въ администраціи XVII вѣка, дастъ намъ смыслъ преобразованій Петра Великаго. Точно также и при изложеніи учрежденій Петровскаго періода нужно было бы показать ихъ недостатки, чтобы постигнуть значеніе учрежденій Екатерины II.... При такомъ только взглядѣ на исторію, при сознаніи темныхъ сторонъ предшествующихъ эпохъ мы увидимъ, что совершенныя преобразованія были не случайными распоряженіями, вызванными прихотью или временнымъ удобствомъ, но глубоко коренились въ жизни народа и основывались на ясномъ пониманіи нуждъ и потребностей времени.» Нельзя не согласиться вполнѣ съ этими словами, и потому именно было бы желательно, чтобъ въ сочиненіи, относящемся къ Исторіи Русскаго Законодательства, слабыя или темныя стороны учрежденій, имѣвшихъ мѣсто въ извѣстномъ ея періодѣ, не были отыскиваемы подъ вліяніемъ теоретическаго воззрѣнія на цѣль, значеніе, характеръ и составъ учрежденій вообще, и слѣдовательно какъ бы преднамѣренно. Весьма естественно и основательно думать, что какъ дѣйствительные, такъ еще менѣе мнимые недостатки, находимые съ этой точки вообще въ учрежденіяхъ древняго времени, никакъ не слѣдуетъ дѣлать предметомъ особой монографіи, хотя бы и связаннымъ съ изслѣдованіями другаго рода. Понятно вмѣстѣ съ тѣмъ, что недостатки тѣхъ или другихъ древнихъ учрежденій должны напротивъ того обнаруживаться исторіей законодательства, выставляющей въ своемъ мѣстѣ причины, послужившія къ замѣненію ихъ новыми или къ ихъ исправленію, точно также какъ историческія изслѣдованія раскрываютъ лучше всего и тѣ основанія, которыя произвели ихъ въ свое время. Въ слѣдствіе такого историко-юридическаго анализа древнія учрежденія получаютъ съ одной стороны свое оправданіе, между тѣмъ какъ съ другой появленіе въ замѣнъ ихъ новыхъ или даже исправленіе и улучшеніе прежнихъ служатъ яснымъ до-

казательствомъ, что если законодательная и правительственная власть способствовала ихъ усовершенствованію, то и бытъ народный нисколько не представлялъ среду, недоступную для юридическаго развитія. Такимъ образомъ, слѣдуетъ заключить, самое изложеніе учрежденій въ ихъ исторической послѣдовательности раскрываетъ и недостатки ихъ или темныя стороны, и заслуги лицъ, содѣйствовавшихъ къ ихъ устраненію, и наконецъ значеніе и свойства народа, стремившагося стать на высшую точку въ исторіи. Ясно, однако, что такого рода изслѣдованія какихъ бы то ни было учрежденій не могутъ имѣть самостоятельнаго значенія: они входятъ лишь частями въ болѣе или менѣе полное сочиненіе, посвященное не одному, а нѣсколькимъ вмѣстѣ періодамъ исторіи законодательства; примѣняя же это замѣчаніе къ отечественному праву должно сознаться, что даже въ цѣлостномъ сочиненіи, имѣющимъ предметомъ какъ законодательную и правительственную дѣятельность верховной власти, такъ и юридическій бытъ народа до самыхъ временъ Петра Великаго, едва ли нашлось бы мѣсто для полнаго разбора съ указанной точки зрѣнія различныхъ учрежденій не только XVII вѣка, но даже предшествующихъ столѣтій. Всякому изслѣдователю нашего древняго до-петровскаго права хорошо извѣстно, что господствовавшія въ немъ начала, хотя болѣе или менѣе различныя по времени, но сходныя между собою вообще по своему основному характеру, составляютъ существенное его отличіе отъ права, дѣйствующаго у насъ со времени Петра Великаго подъ вліяніемъ другихъ, такъ называемыхъ новыхъ началъ, и что если древняя Русь и стремилась къ этимъ послѣднимъ, какъ къ высшимъ началамъ въ историческомъ развитіи каждаго государства и народа, то такое стремленіе не столько проявлялось положительнымъ ихъ усвоеніемъ, сколько выражалось въ видѣ протеста противъ прежнихъ уже устарѣлыхъ вѣрованій и убѣжденій. Извѣстно также, что безсиліе правительственной власти поддержать взаимную связь и сохранить равновѣсіе меж-

ду разнородными элементами, которые враждебно сталкивались и въ законахъ и въ жизни, могло наконецъ привести къ разложенію самого государственнаго тѣла. Петръ Великій отвратилъ эту опасность объявивъ во всеуслышаніе въ изданныхъ имъ уставахъ и подтвердивъ собственною жизнію, что имъ и въ теоріи и на практикѣ признаются новыя начала вмѣсто отжившихъ прежнихъ. Эти новыя начала, выставленныя во имя общественной пользы, общественнаго блага, суть тѣ самыя, коимъ до сихъ поръ подчиняются юридическій бытъ и юридическое развитіе нашего отечества. Не смотря однако на то, что они уже призваны были къ жизни въ эпоху до-петровскихъ преобразованій, не только при немъ, но и при его преемникахъ они лишь постепенно утверждались и донынѣ еще не вполнѣ укоренились на нашей почвѣ; ясно выражаемые въ законодательствѣ, они еще не вполнѣ усвоены массою народа и борьба ихъ съ началами, давно осужденными въ исторіи, возникшая задолго до Петра Великаго, еще не окончена и въ наше время. Прибавимъ къ этому, останавливаясь на самихъ учрежденіяхъ, что въ исторіи не всегда довольно послѣдовательно старое замѣняется новымъ, что порою законодатели мѣняютъ свои мнѣнія и опять возвращаются къ прежнему порядку вещей и что наконецъ ими самими не всегда ясно выставляются руководствовавшія ихъ побужденія къ замѣненію однихъ учрежденій другими или же только къ исправленію прежнихъ. Имѣя все это въ виду, мы должны сознаться, что въ настоящее время еще не можемъ даже въ полной Исторіи Русскаго Законодательства отчетливо уяснить недостатки существовавшихъ у насъ учрежденій если для того захотимъ принимать въ основаніе самые источники, коими они отмѣнялись. Чтó же остается дѣлать писателю-юристу, котораго занимаютъ эти учрежденія не только потому, что онъ считаетъ поучительнымъ слѣдить за юридическимъ развитіемъ народовъ вообще, но еще болѣе потому, что знакомясь съ ними онъ въ тоже время узнаетъ короче и ближе самый бытъ древней Россіи, этотъ бытъ, уже во

многомъ для насъ незнакомый, но тѣмъ не менѣе еще живущій въ различныхъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ народной массы? Слѣдуетъ ли ему ограничиться голымъ перечисленіемъ фактовъ, свидѣтельствующихъ что такія-то учрежденія упоминаются въ первый разъ тогда-то, что они состояли въ томъ-то, что измѣнялись такъ или иначе, и что наконецъ уничтожены или потеряли свое значеніе тогда-то? Но такіе перечни составляютъ лишь матеріалъ, болѣе или менѣе пригодный для исторіи законодательства; въ трудѣ же,который называется изслѣдованіемъ, факты получаютъ надлежащую оцѣнку лишь въ слѣдствіе критической ихъ разработки. Вотъ почему для полнаго по возможности уясненія древнихъ учрежденій нашего отечества оказывается необходимымъ взять во вниманіе научныя положенія, относящіяся къ подобнымъ учрежденіямъ вообще. Замѣтимъ здѣсь кстати, что критическая оцѣнка въ настоящемъ случаѣ должна привести къ тѣмъ же результатамъ, какъ и самая исторія законодательства, ибо, какъ замѣчено было выше, принимаемыя у насъ нынѣ юридическія начала суть тѣ самыя, которыя признаются и разработываются наукой какъ основныя начала общественной жизни. И если правда, что подъ вліяніемъ теоретическаго воззрѣнія на древнія учрежденія они освѣщаются свѣтомъ новаго времени, тѣмъ не менѣе въ распоряженіи историка-юриста остаются всѣ уцѣлѣвшіе до насъ матеріалы, съ помощію коихъ представляется возможнымъ раскрыть основанія, вызвавшія эти учрежденія къ жизни и давшія имъ извѣстную форму, а тѣмъ самымъ оправдать не только существованіе ихъ въ исторіи, но и самые недостатки, съ какими они представляются съ научной точки зрѣнія. Такой оцѣнки учрежденій подъ вліяніемъ древнихъ памятниковъ, которую можно назвать археологическою, наука также въ правѣ требовать отъ писателя, какъ требуетъ она для тѣхъ же учрежденій критической оцѣнки теоретика-юриста.

Надо отдать справедливость г. Чичерину, что разбору недостатковъ древнихъ областныхъ учрежденій Россіи подъ влія-

ніемъ научнаго воззрѣнія онъ посвятилъ полное вниманіе, и потому задача эта исполнена имъ блистательнымъ образомъ, между тѣмъ какъ археологическое разъясненіе тѣхъ же учрежденій не представляетъ въ его изслѣдованіи такой полноты, отчетливости и мѣстами даже вѣрности. Это самое, по моему мнѣнію, даетъ его книгѣ полемическій характеръ, направленный противъ нашихъ древнихъ учрежденій, тѣмъ-болѣе, что дѣлаемый авторомъ разборъ недостатковъ читатель встрѣчаетъ относительно каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, чѣмъ самымъ безотрадное впечатлѣніе, производимое такой безпощадной оцѣнкой, въ значительной степени увеличивается. Но тотъ кто захочетъ произнести безпристрастный судъ и для этого внимательно пересмотрить все, что говорится авторомъ о началѣ и устройствѣ каждаго изслѣдуемаго имъ учрежденія, тотъ конечно убѣдится, что онъ старался не упустить изъ виду всѣхъ относящихся сюда указаній древнихъ памятниковъ и если, къ сожалѣнію, не успѣлъ достаточно для полной и вѣрной картины усвоить себѣ древній бытъ нашего отечества, по крайней мѣрѣ искренно желалъ выставить въ истинномъ свѣтѣ правительственную дѣятельность верховной власти въ Россіи до Петра Великаго. Для лучшаго же достиженія этой цѣли г. Чичеринъ предлагаетъ въ своей книгѣ сравненіе нашихъ древнихъ учрежденій съ современными имъ учрежденіями западныхъ государствъ. «Это сравненіе, говоритъ онъ, покажетъ намъ какъ общую связь Русской Исторіи съ исторіей человѣчества, такъ и особенность Россіи, въ которой многое учреждалось правительственными мѣрами, что̀ на западѣ совершалось само-собою подъ вліяніемъ господствовавшаго въ немъ союзнаго духа». Намъ кажется, однако, опять, что какъ ни прекрасна мысль автора опредѣлить значеніе Русской исторіи въ исторіи человѣчества и ихъ взаимное отношеніе, но эта мысль въ своемъ осуществленіи, при недостаточной еще разработкѣ многихъ сторонъ общественнаго быта нашихъ предковъ, можетъ пока привести только къ нѣкоторымъ любопытнымъ замѣчаніямъ, сближеніямъ и предположеніямъ, но

никоимъ образомъ къ какимъ-либо окончательнымъ выводамъ, отъ вѣрности коихъ зависитъ самая основательность требуемыхъ наукою заключеній. Что касается до другаго замѣчанія, что въ нашемъ отечествѣ многое учреждалось правительствомъ что̀ на западѣ совершалось самимъ народомъ подъ вліяніемъ господствовавшаго въ немъ союзнаго духа, то хотя это явленіе, одинаково принимаемое въ нашей исторіи въ сравненіи съ западной писателями разныхъ направленій, дѣйствительно слѣдуетъ признать несомнѣннымъ, но, по нашему убѣжденію, только вообще; для того же, чтобы въ частности уяснить основу или причину появленія извѣстнаго учрежденія въ древней Россіи, весьма опасно руководствоваться такимъ основаніемъ, принимая его за точку отправленія въ изслѣдованіи объ этихъ учрежденіяхъ. Мы нисколько не убѣждены въ томъ, чтобъ г. Чичеринъ такъ именно поступалъ въ своихъ разысканіяхъ, но не можемъ не пожалѣть, что у него встрѣчаются нѣкоторыя положенія, совпадающія съ мнѣніемъ его о приведенномъ выше значеніи у насъ правительственнаго начала, между тѣмъ какъ эти положенія не достаточно подтверждены внимательнымъ изученіемъ источниковъ. Таковы наприм. доводы его о происхожденіи общинъ въ древней Россіи, объ участіи въ судахъ цѣловальниковъ и старостъ, и т. п. Точно также не можемъ мы одобрить нѣкоторыхъ, какъ кажется намъ, слишкомъ поспѣшно выведенныхъ заключеній о сходствѣ и различіи, замѣчаемыхъ въ тѣхъ явленіяхъ общественной жизни древней Россіи, которыя авторъ ставитъ параллельно съ болѣе или менѣе подходящими къ нимъ явленіями въ средневѣковыхъ государствахъ западнаго міра. Но вообще анализъ г. Чичерина отличается такимъ остроуміемъ и мѣстами поражаетъ, какъ кажется, столь убѣдительными доводами, что критикъ никакъ не можетъ себѣ дозволить голословныхъ противъ него возраженій. Имѣя это въ виду, мы постараемся въ приличныхъ мѣстахъ нашей рецензіи указать въ особенности на тѣ данныя, которыя по нашему мнѣнію, противорѣчатъ выво-

дамъ разсматриваемой книги. Здѣсь же ограничимся однимъ общимъ замѣчаніемъ, что не во всемъ можно согласиться съ проведенною блестящимъ образомъ паралелью автора между древнимъ бытомъ Россіи и современными ей западными государствами.

За предисловіемъ въ книгѣ г. Чичерина слѣдуетъ введеніе, въ коемъ онъ дѣлаетъ историческое обозрѣніе развитія областныхъ учрежденій до XVII вѣка. Говоря вообще, обозрѣніе не есть изслѣдованіе, и потому было бы несправедливо требовать въ настоящемъ случаѣ обстоятельной разработки тѣхъ данныхъ, на которыхъ основывается авторъ. Но если въ обозрѣніи предлагаются выводы, несогласные съ положеніями, принятыми многими учеными, то мы въ правѣ предполагать здѣсь же критическаго разсмотрѣнія этихъ положеній. Къ сожалѣнію въ введеніи г. Чичерина факты встрѣчаются лишь на второмъ планѣ, именно въ подтвержденіе выводовъ, сдѣланныхъ подъ вліяніемъ общихъ воззрѣній или началъ, принимаемыхъ имъ на вѣру какъ начала, неподлежащія сомнѣнію. Такимъ образомъ, для того чтобы произнести наше мнѣніе объ этой важной части сочиненія, мы обязаны прежде всего остановиться на выводахъ предлагаемаго обозрѣнія и разсмотрѣть на сколько они согласны съ источниками. Впрочемъ задача наша значительно облегчается самимъ авторомъ, который во многихъ мѣстахъ не только перечисляетъ дѣлаемые имъ выводы, но нѣсколько разъ повторяетъ и общее начало, служившее имъ, по его мнѣнію, исходной точкой. Это начало, говоритъ онъ, имѣя въ виду удѣльный періодъ, состоитъ *въ господствѣ частнаго права въ общественной жизни* и результатъ его есть особенный бытъ, на немъ основанный, который составляетъ одно изъ существенныхъ явленій вообще въ исторіи человѣчества, такъ что Россія раздѣляетъ этотъ бытъ со всѣми историческими народами новаго міра, потому что только чрезъ него можно было достигнуть высшаго духовнаго союза государственнаго. Вѣрный этой идеѣ, г. Чичеринъ находитъ

всюду въ источникахъ слѣды, отражающіе преобладаніе частнаго права и выражаетъ ихъ въ слѣдующихъ общихъ чертахъ, останавливаясь на двухъ различныхъ формахъ общественной жизни, которыя встрѣчаются въ средневѣковой Россіи, именно на княжескихъ владѣніяхъ и на вольныхъ общинахъ. Управленіе въ удѣльныхъ княжествахъ, за исключеніемъ дани побѣдителямъ (Татарамъ), имѣло, говоритъ онъ, своими единственными предметами доходы и повинности, составлявшіе собственность князя-вотчинника, и потому всѣ распоряженія относительно управленія, дѣлаясь лишь съ этою цѣлью, носили частный характеръ. Такой характеръ имѣлъ между прочимъ и *судъ*, одна изъ самыхъ важныхъ отраслей управленія, который сверхъ того долженъ былъ составлять единственную общественную потребность того времени. Какъ правительственное учрежденіе въ этомъ смыслѣ судъ былъ дѣломъ второстепеннымъ; главнымъ былъ доходъ, который отъ него получался; слѣдоват. онъ составлялъ частную собственность и на этомъ основаніи, какъ доходная статья, дѣлился на участки, отдавался должностнымъ княжескимъ лицамъ въ кормленіе, отчуждался помимо ихъ жалованными грамотами частнымъ лицамъ и монастырямъ, отдавался даже на откупъ; самая подсудность разрѣшалась не видами общественнаго блага, а правомъ судьи на доходы съ суда надъ извѣстными лицами: отсюда судъ смѣстный или вопчій и отсюда же привиллегіи, освобождавшія нѣкоторыя лица отъ подсудности областнымъ судьямъ: самый докладъ по суднымъ дѣламъ былъ лишь частнымъ способомъ разрѣшать затрудненія: если судья не могъ самъ рѣшить дѣло, то докладывалъ объ немъ *кому хотѣлъ*, но и докладывать онъ *не былъ обязанъ;* слѣдоват. объ инстанціяхъ, установленныхъ законами, не было еще понятія; наконецъ самыя преступленія были предметомъ суда лишь какъ право кормленщиковъ на извѣстныя пени. О другихъ отрасляхъ княжескаго управленія въ удѣльный періодъ авторъ не упоминаетъ вовсе, вѣроятно на томъ основаніи, что если даже судъ имѣлъ указанное имъ зна-

ченіе, то тѣмъ менѣе можно говорить обо всѣхъ прочихъ распоряженіяхъ князя-вотчинника съ общественной или государственной точки зрѣнія; лишь о полиціи онъ замѣчаетъ, что она можетъ существовать только при развитой общественной формѣ, въ которой преобладаетъ начало государственное и потому въ удѣльный періодъ на полицейскія учрежденія едва есть слабые намеки. Что касается до другой формы общественнаго быта въ древней Россіи, то въ областяхъ Новгородскихъ, составлявшихъ вотчину Великаго Новгорода, замѣчается тоже: здѣсь судъ отдавался также въ кормленіе, на откупъ, въ наслѣдственное владѣніе. Но въ самой Новгородской общинѣ онъ имѣлъ значеніе общественной должности. Преступленія разсматривались и казнились какъ нарушенія общественнаго мира; въ судахъ гражданскихъ встрѣчаются докладчики: на судѣ посадника (съ княжескимъ намѣстникомъ) и тысяцкаго судили по два боярина да по два житьихъ мужа, избираемыхъ каждымъ тяжущимся; на судѣ княжескаго тіуна судили приставы, по одному отъ каждой тяжущейся стороны, да кромѣ того у доклада были выборные отъ всѣхъ пяти концевъ, по боярину и по житьему отъ каждаго конца (стр. 25). Къ сожалѣнію этимъ единственнымъ указаніемъ на характеръ суда въ вольныхъ общинахъ древней Россіи и ограничивается авторъ, забывая о Псковѣ, гдѣ также была вольная община, равно какъ о находящихся въ источникахъ указаніяхъ на судныя права вѣчей въ тѣхъ областяхъ, гдѣ уже не было вольныхъ общинъ, но гдѣ эти права и самыя вѣчи являются остатками общинныхъ началъ, издревле жившихъ въ народѣ.

Въ выписанныхъ нами буквально выводахъ есть значительная доля истины, почему понятно, что авторъ могъ подкрѣпить ихъ выписками изъ современныхъ памятниковъ; но намъ кажется, что онъ не разсмотрѣлъ довольно внимательно правительственную дѣятельность князей, какъ вотчинниковъ, въ ихъ отдѣльныхъ областяхъ, и самихъ вольныхъ общинъ. Мы здѣсь не станемъ распространяться о той роли, какую имѣютъ у

насъ князья древней Россіи какъ лица, связывавшія подвластное имъ народонаселеніе водвореніемъ въ немъ христіанской вѣры, этимъ духовнымъ, нравственнымъ началомъ единенія: не будемъ говорить объ установленіи ими стольныхъ городовъ, какъ центровъ областнаго управленія и о раздѣленіи этого управленія на станы и волости; не будемъ наконецъ указывать на дѣлавшіяся ими распоряженія исключительно ради общей пользы цѣлыхъ княженій, ибо обо всемъ этомъ не упоминаетъ авторъ; но считаемъ долгомъ разсмотрѣть его мнѣніе о судахъ въ Удѣльной Россіи. Мы думаемъ, что, опредѣляя ихъ значеніе, онъ упустилъ одну сторону, которая въ нихъ столь же очевидна, какъ и значеніе суда въ смыслѣ статьи доходной. Дѣло судьи состояло не только въ томъ, чтобы съ какого либо спора или преступленія взять извѣстную пошлину или пеню, но и въ томъ, чтобы выслушиватъ тяжущихся, отбирать отъ нихъ показанія и документы, вообще приводить въ ясность ихъ спорныя отношенія и дѣлать приговоръ, или *кому слѣдовало*, а отнюдь не произвольно, докладъ о произведенномъ разборѣ тяжбы; а въ дѣлахъ уголовныхъ отъ него требовалось изслѣдованія самого преступленія, взятія поличнаго, отысканія вора, и проч., почему право суда было вмѣстѣ и обязанностію того лица, кому оно жаловалось [1]). Сверхъ того издревле основаніемъ суда и подсудности служило правило, приводимое и г. Чичеринымъ, что жители «*тянутъ судомъ по землѣ и по водѣ*», т. е. что судъ принадлежитъ тому кто владѣетъ землей и водой, а подсудны всѣ жители, живущіе на этой землѣ. На этомъ основаніи съ жалованіемъ вотчинъ монастырямъ и духовенству вообще, а свѣтскимъ лицамъ вотчинъ и помѣстьевъ имъ давалось и право гражданскаго суда надъ поселенными на жалованной землѣ не какъ исключеніе, а какъ правило, хотя въ жалованныхъ грамотахъ о правѣ суда часто упоминалось особо, для того чтобъ уяснить какіе именно предметы суда вообще принадлежатъ привиллегированнымъ лицамъ и какіе остаются за намѣстниками и волостелями [2]). За

тѣмъ верховное право суда въ городахъ и селеніяхъ, не отданныхъ во владѣніе духовенству или частнымъ лицамъ, принадлежало самимъ князьямъ, которые передавали его или общимъ органамъ мѣстнаго управленія — намѣстникамъ, волостелямъ и ихъ тіунамъ, или отдѣльнымъ чиновникамъ и даже частнымъ лицамъ, но не только какъ доходную статью, но и какъ обязанность. Какъ доходная статья *судъ* или *правда* предоставлялась въ видѣ жалованья кормленщикамъ въ дополненіе къ ихъ денежнымъ и помѣстнымъ окладамъ для того, чтобы они могли въ военное время явиться исправными на службу; но они были обязаны выставлять въ заведенныя для того книги сколько они отъ правды получили дохода или пошлинъ. Сообразно съ этими доходами судъ отдавался на откупъ, какъ и другія статьи, притомъ не только частнымъ лицамъ, но и самимъ жителямъ извѣстнаго мѣста, и въ этомъ случаѣ князья въ видѣ откупной суммы или оброка получали непосредственно въ свою казну вознагражденіе за уступленныя ими пошлины, которыя слѣдовали ихъ чиновнику, сверхъ пошлинъ за верховный судъ, который во всякомъ случаѣ оставался за ними [3]). Что касается до обязанности кормленщиковъ относительно суда, то изъ дошедшихъ до насъ судныхъ дѣлъ изъ Удѣльнаго періода ясно видно, что они были обязаны по тяжебнымъ дѣламъ, а тѣмъ болѣе о преступленіяхъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію ихъ, дѣлать *докладъ князю* или *человѣку старѣйшему* (и именно такому, кто былъ для этого назначенъ самимъ княземъ) даже безъ представленія своего мнѣнія о томъ какъ слѣдуетъ рѣшить тяжбу или какое наказаніе и пеню положить за преступленіе. Докладъ состоялъ въ изложеніи обстоятельствъ дѣла, означеніи показаній и документовъ, которые были представлены тяжущимися, а въ концѣ изчислялись *судные мужи*, находившіеся при такомъ разборѣ. Князь или человѣкъ старѣйшій послѣ сдѣланнаго ему доклада спрашивалъ тяжущихся: «былъ ли вамъ такой судъ», и если ему отвѣчали, « что судъ былъ, да не таковъ», то требовалъ отъ судныхъ му-

жей остававшихся у нихъ списковъ тому какъ производилось дѣло [4]). Понятно послѣ этого, что судъ и въ древней Россіи не былъ такимъ легкимъ и произвольнымъ предметомъ и далеко не столь доходною статьею, какъ полагаетъ г. Чичеринъ; почему мы находимъ въ такъ называемыхъ Боярскихъ книгахъ XVI вѣка указанія, что кормленщики часто отказывались отъ *правды*, тѣмъ болѣе что получавшіеся отъ нея доходы лишали ихъ другихъ пособій отъ Правительства [5]). И такъ значеніе суда какъ доходной статьи никакъ не должно скрывать отъ насъ значеніе его какъ общественной должности, лежавшей вмѣстѣ съ тѣмъ на кормленщикѣ, которая могла даже, въ случаѣ злоупотребленій, подвергать его наказанію со стороны князя, какъ говоритъ о томъ и г. Чичеринъ. Особенно же такое значеніе суда въ древней Россіи раскрывается въ отношеніи къ преступленіямъ. Князья обыкновенно не отдавали ихъ въ вѣдомство ни духовнымъ властямъ, ни частнымъ лицамъ, ни на откупъ, а поручали своимъ намѣстникамъ вмѣстѣ съ другими предметами управленія; отсюда ясно, что они отличали ихъ не какъ статьи особенно доходныя, а какъ дѣла особенной важности, которыя должны разсматриваться лицами, заслуживающими особаго довѣрія; этимъ довѣріемъ опредѣлялись и самыя исключенія, допускавшіяся иногда изъ общаго правила объ изъятіи дѣлъ уголовныхъ изъ вѣдомства лицъ, получавшихъ вмѣстѣ съ жалованными грамотами на землю и право суда въ отношеніи къ ея жителямъ.

Г. Чичеринъ не различаетъ право гражданскаго суда, принадлежавшее духовнымъ и свѣтскимъ владѣльцамъ, отъ того же права, принадлежавшаго съ одной стороны княжескимъ кормленщикамъ, а съ другой—городовымъ и сельскимъ общинамъ; но намъ кажется, что въ томъ и другомъ правѣ есть различіе, на которомъ изслѣдователь долженъ непремѣнно остановиться. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ духовенство въ своихъ вотчинахъ, такъ и свѣтскія лица въ своихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ имѣли право не только произносить судныя рѣшенія, но и дѣлать

окончательные приговоры въ гражданскихъ тяжебныхъ дѣлахъ, возникавшихъ между жителями, поселенными на принадлежавшей имъ или на владѣемой ими землѣ; только въ случаѣ жалобъ на самого владѣльца, и конечно со стороны лицъ, отъ него независѣвшихъ, назначалось кому судить его — намѣстнику, князю или духовной власти. Слѣдуетъ также замѣтить, что владѣльцы какъ судьи въ своихъ судахъ могли такъ называемыхъ судныхъ мужей имѣть и не имѣть. Напротивъ того многіе кормленщики не только не пользовались правомъ дѣлать окончательный приговоръ по тяжебному дѣлу, но даже не были судьями въ собственномъ смыслѣ, ибо были обязаны дѣлать докладъ старѣйшему лицу и только по произнесеніи этимъ послѣднимъ приговора приводили его въ исполненіе. Самый разборъ дѣла производился ими въ присутствіи судныхъ мужей [6]). Что касается наконецъ до общинъ, откупавшихъ себѣ у князей право суда, то онѣ судились такъ называемыми *излюбленными людьми* — судейками или старостами и цѣловальниками, изъ числа коихъ одинъ былъ собственно судьей, а прочіе судными или сидячими мужами, такъ что они могли не только произносить по судному дѣлу приговоръ, но и рѣшить дѣло окончательно, если не было повода къ жалобѣ на это рѣшеніе князю или человѣку старѣйшему; но въ такомъ случаѣ судейки представляли высшему судьѣ не докладъ, а рѣшенное ими дѣло [7]).

Сдѣланныя нами указанія на значеніе суда въ Удѣльной Россіи даетъ намъ право вывести заключеніе, что если г. Чичеринъ и имѣетъ основаніе видѣть здѣсь слѣды господства частнаго права, коихъ дѣйствительно нельзя отрицать, ибо они слишкомъ очевидны, то тѣмъ не менѣе имъ оставлена безъ вниманія та сторона въ древнихъ судахъ, которая заставляетъ смотрѣть на нихъ и какъ на общественное учрежденіе, соединенное съ пользою самихъ лицъ, подчиненныхъ тѣмъ или другимъ судебнымъ органамъ. Мы думаемъ также, что отчасти этотъ взглядъ на нихъ (а не одни злоупотребленія кормленщиковъ, какъ полагаетъ, кажется, г. Чичеринъ) послужилъ поводомъ

къ признанію Іоанномъ Грознымъ судныхъ правъ за тѣми общинами, которыя прежде подчинены были волостелямъ и намѣстникамъ. Съ этой точки зрѣнія мы опять въ нѣкоторыхъ пунктахъ расходимся съ выводами автора относительно развитія общественнаго быта Россіи со временъ Іоанна III. Разсмотримъ эти выводы, дополняя ихъ нашими замѣчаніями.

Созданіе государственнаго единства, говоритъ г. Чичеринъ, превратило частное княжеское хозяйство въ государственное. Поэтому Московскіе государи прежде всего старались опредѣлить и ограничить власть намѣстниковъ и волостелей, передавали права ихъ другимъ органамъ управленія, и наконецъ совершенно уничтожили систему кормленій (стр. 37). Все это должно было избавить подсудныхъ жителей отъ произвольныхъ поборовъ и притѣсненій. Самая судебная власть кормленщиковъ была ограничена. Но важнѣйшимъ ограниченіемъ власти намѣстниковъ и волостелей было введеніе въ суды старостъ и цѣловальниковъ. Въ первый разъ въ Бѣлозерской грамотѣ 1488 года запрещено намѣстникамъ и ихъ тіунамъ судить безъ сотскихъ и безъ добрыхъ людей; въ Судебникѣ Іоанна III это подтверждается, а въ Судебникѣ Іоанна IV возводится въ общее правило, чтобы тамъ гдѣ до тѣхъ поръ не было старостъ и цѣловальниковъ они были вновь избраны. Такимъ образомъ, замѣчаетъ авторъ, хотя понятые (свидѣтели) при судѣ были и прежде, но лишь при Грозномъ, съ учрежденіемъ вмѣсто сотскихъ и добрыхъ людей старостъ и цѣловальниковъ, они превратились въ постоянную, выборную, присяжную должность; кромѣ принадлежавшаго имъ права сидѣть въ судѣ, какъ свидѣтелямъ, имъ поручены и другія обязанности: если люди намѣстниковъ и волостелей отдавали кого нибудь на поруки и поручителей не было, то они не могли ихъ уводить къ себѣ и ковать въ желѣза, не явивъ въ городѣ городовому прикащику, дворскому, старостѣ и цѣловальникамъ, а въ волости старостѣ и цѣловальникамъ; иначе послѣдніе могли, по просьбѣ родственниковъ, освободить обвиненнаго и взять безчестіе на томъ, кто

его сковалъ (стр. 40). Къ этому преимуществу, данному общинамъ, присоединилась еще уголовная власть, полученная ими относительно воровъ и разбойниковъ. Такъ окончательно судебно-полицейская отрасль суда была отнята у намѣстниковъ и волостелей и поручена управленію выборныхъ. Наконецъ около 1555 г. отставлены были вовсе намѣстники, волостели и праветчики, а для суда и сбора доходовъ учреждены излюбленные старосты. Это было важнымъ шагомъ впередъ: судъ изъ частнаго владѣнія превратился въ общественную должность. Для огражденія тяжущихся и подсудимыхъ отъ обидъ и притѣсненій у излюбленныхъ старостъ также какъ и у кормленщиковъ должны были сидѣть на судѣ выборные лучшіе люди и цѣловальники. Съ другой стороны увеличена и отвѣтственность судей, а за безпорочное отправленіе должности обѣщаны льготы и награды (стр. 45). Кромѣ судебнаго и полицейскаго управленія выборнымъ людямъ дано обширное участіе въ финансовыхъ дѣлахъ. Ко всякимъ сборамъ выбирались головы и цѣловальники изъ посадскихъ и уѣздныхъ людей; какъ скоро являлась новая потребность, требовались новые цѣловальники. Это была служба тѣмъ болѣе тягостная, что съ нею соединялась вся отвѣтственность за сборы. Отсюда видно, что такая система не была управленіемъ общины собственными дѣлами, а выборомъ людей «къ государеву дѣлу» на царскую службу. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ авторъ выводитъ заключеніе, что общинное начало было *созданіемъ Московскихъ Государей*, хотя дѣятельность общинъ была вызвана не какъ право самостоятельнаго управленія внутренними дѣлами общины, а какъ обязательная повинность для удовлетворенія государственнымъ потребностямъ. Но для распоряженій со стороны государства излюбленные старосты и цѣловальники признаны недостаточными. Для этой цѣли назначены были правительствомъ дьяки и городовые прикащики. Такимъ образомъ въ эпоху Грознаго относительно управленія вообще и суда въ особенности въ одно и тоже время дѣйствовали различные элементы областнаго

управленія — кормленщики, общины и приказные люди, которые существовали рядомъ и находились другъ къ другу въ разныхъ отношеніяхъ. Но съ большимъ развитіемъ государственнаго начала эти правительственные органы оказались недостаточными: явилась потребность такой власти, которая, вооруженная достаточными силами, сосредоточивая въ себѣ все высшее управленіе земскими дѣлами, была бы представительницею Правительства въ областяхъ. Такая власть была установлена въ воеводахъ. Начало ихъ относится ко времени Грознаго; въ Смутный Періодъ они являются почти во всѣхъ городахъ, а со времени Михаила Θедоровича составляютъ общее учрежденіе для всей Россіи. Установленіе воеводъ было усиленіемъ правительственнаго начала въ областномъ управленіи: съ этимъ вмѣстѣ другіе органы управленія должны были измѣниться. Въ самомъ дѣлѣ приказные люди превратились въ ихъ товарищей или подчиненныхъ, намѣстники изчезли; общинное начало стѣснено и судъ отъ выборныхъ общинъ перешелъ къ воеводамъ, такъ что послѣ 1613 г. цѣловальники были отмѣнены и воеводы стали судить одни; но выборное начало продолжало существовать для тѣхъ дѣлъ, которыя возлагались на общины какъ повинность (стр. 46 — 55).

Во главѣ всѣхъ выписанныхъ нами данныхъ и выводовъ г. Чичеринъ ставитъ, какъ мы видѣли, общее начало, что со времени утвержденія въ Россіи государственнаго единства самое управленіе начинаетъ принимать государственный характеръ. Мы совершенно согласны въ томъ, что соединеніе въ однихъ рукахъ различныхъ областей древней Руси послужило исходною точкою для установленія единообразнаго ими управленія; но не думаемъ, чтобы по этой причинѣ правительственная дѣятельность каждаго изъ удѣльныхъ князей въ его области и относительно другихъ княженій могла быть названа частною какъ князя-вотчинника, тѣмъ-болѣе, что въ мѣстныхъ распоряженіяхъ нѣкоторыхъ князей рѣшительно замѣчаются тѣ самыя формы управленія, которыя г. Чичеринъ со времени

Іоанна III самъ называетъ государственными. Такъ именно относительно общиннаго начала, которое онъ считаетъ созданіемъ Московскихъ Государей, есть несомнѣнныя свидѣтельства въ памятникахъ не только рукописныхъ, но и печатныхъ, что общины съ тѣмъ же характеромъ, какой открываетъ въ нихъ авторъ при Іоаннѣ Грозномъ, и съ тѣми самыми выборными лицами, коихъ учрежденіе приписываетcя этому послѣднему, существовали еще и въ такъ-называемый Удѣльный періодъ [8]). Безспорно, что изъ эпохи Грознаго до насъ дошло болѣе уставныхъ грамотъ, данныхъ общинамъ, чѣмъ изъ предыдущаго времени; но самая выдача такихъ грамотъ свидѣтельствуетъ, по нашему мнѣнію, что онѣ жаловались общинамъ какъ исключеніе и что если Царь и имѣлъ намѣреніе отмѣнить всюду намѣстниковъ и волостелей, тѣмъ не менѣе это не было приведено въ исполненіе и на фактѣ учрежденіе излюбленныхъ старостъ, какъ органовъ судопроизводства, и при немъ не было вовсе общимъ для всей Россіи, съ чѣмъ согласенъ и самъ г. Чичеринъ. Но вопреки автору мы можемъ сказать еще болѣе: съ 1613 года право судной власти не только не перешло окончательно, какъ онъ полагаетъ, отъ земскихъ судеекъ къ воеводамъ, а напротивъ того множество черносошныхъ волостей и даже цѣлыхъ округовъ съ такими волостями, притомъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, но преимущественно въ такъ-называемыхъ поморскихъ городахъ и ихъ уѣздахъ, не только получили подтвержденіе на прежде выданныя имъ грамоты съ такимъ правомъ, но даже вновь изъяты изъ вѣдомства намѣстниковъ и воеводъ и пооброчены въ замѣнъ предоставленной имъ судной власти, въ слѣдствіе чего до насъ дошло множество актовъ начиная отъ двадцатыхъ годовъ XVII вѣка до самаго начала XVIII столѣтія, гдѣ выборное и судное начала общинъ являются во всемъ ихъ развитіи, такъ что изслѣдователямъ представляется полная возможность на основаніи ихъ изучить значеніе общинъ древней Россіи во всѣхъ подробностяхъ ихъ внутренняго быта. Въ этихъ актахъ, къ со-

жалѣнію еще ненапечатанныхъ, особенно важны для настоящей цѣли выборы земскихъ судеекъ не только къ гражданскимъ, но и къ уголовнымъ дѣламъ, далѣе ихъ судебные приговоры и наконецъ указанія на отношеніе ихъ къ высшимъ органамъ судопроизводства [9]). Отсюда мы заключаемъ, что во первыхъ общинное начало съ характеромъ, какой приписываетъ ему авторъ, какъ созданному Іоанномъ Грознымъ, существовало и притомъ проявлялось въ положительной дѣятельности самихъ общинъ еще въ Періодъ удѣловъ; что, во вторыхъ, Грозный могъ дѣйствительно дать ему болѣе обширный кругъ дѣйствія и болѣе сознательное значеніе; но что во второй половинѣ XVII вѣка общины получили на фактѣ еще бо́льшее развитіе. Но съ такой точки зрѣнія въ общинномъ началѣ нельзя видѣть особенно яркаго указанія на развитіе государственнаго быта въ противоположность вотчинному. Дѣло въ томъ, что со времени утвержденія въ Россіи единовластія мы замѣчаемъ не увеличеніе въ ней числа общинъ, а постоянное ихъ уменьшеніе вслѣдствіе причинъ весьма естественныхъ и всѣмъ извѣстныхъ. Именно въ городахъ и уѣздахъ средней Россіи мы видимъ въ XVI и XVII вѣкѣ постоянно изъ году въ годъ продолжающееся сокращеніе такъ-называемыхъ *черныхъ волостей*, подъ коими и слѣдуетъ въ особенности разумѣть общины. Нѣкоторыя изъ нихъ отданы были духовенству, другія Іоанномъ III и его преемниками розданы служилымъ людямъ въ вотчины и помѣстья, нѣкоторыя запустѣли, а нѣкоторыя наконецъ обращены въ дворцовыя селенія, такъ что подъ конецъ XVIII вѣка по самому названію черносошныя волости смѣшиваются съ дворцовыми, что указываетъ на отождествленіе и самаго ихъ управленія. Въ степныхъ областяхъ, присоединенныхъ вновь къ государству, казенныя селенія получили новое устройство, отличное отъ устройства черныхъ волостей. За тѣмъ значительное количество этихъ послѣднихъ осталось лишь въ такъ-называемыхъ Поморскихъ уѣздахъ и здѣсь то мы видимъ преобладаніе общиннаго начала въ томъ видѣ, въ какомъ авторъ

желалъ бы признать его общимъ для всей Россіи при Іоаннѣ Грозномъ. Гораздо важнѣе для указанія на развитіе государственнаго начала со времени Іоанна III было бы, по нашему мнѣнію, выяснить служебную и другія повинности не однихъ сельскихъ черносошныхъ общинъ, но вообще жителей всѣхъ сословій, къ коимъ эти общины относятся лишь какъ часть весьма незначительная, и тѣ общія мѣры, какія стало вновь принимать правительство для управленія цѣлымъ государствомъ сообразно съ развивавшимися вновь потребностями. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ централизація, установленная учрежденіемъ сначала Четвертей, потомъ Приказовъ въ Москвѣ для завѣдыванія различными княжествами и царствами, слившимися въ одно цѣлое. Въ этомъ отношеніи авторъ справедливо указываетъ на значеніе воеводъ и ихъ власти; но намъ кажется излишнимъ выставленное имъ въ особенности значеніе дьяковъ и городовыхъ начальниковъ, какъ приказныхъ людей, въ противоположность кормленщикамъ и общинамъ. Такіе приказные люди существовали независимо отъ намѣстниковъ и до Іоанна III, а независимо отъ воеводъ встрѣчаются и въ XVII вѣкѣ.

Сдѣланныя нами возраженія противъ выводовъ г. Чичерина даютъ намъ возможность представить нѣсколько замѣчаній касательно сравненія его общественной жизни въ древней Россіи съ бытомъ средневѣковыхъ Европейскихъ государствъ на западѣ. Во первыхъ онъ сопоставляетъ Русскую вотчинную систему системѣ феодальной, но въ судебномъ устройствѣ удѣльныхъ княжествъ и феодальныхъ владѣній находитъ два важныхъ различія: 1) кормленіе, говоритъ онъ, было почти всегда временнымъ, ленное владѣніе напротивъ того потомственнымъ. Но право леннаго суда слѣдуетъ сравнивать не съ правомъ кормленщика, какъ временнаго лишь представителя верховной власти, а съ правомъ вотчинника или помѣщика, которымъ право суда принадлежало также потомственно вмѣстѣ съ правомъ на землю. 2) Преобладаніе союзнаго начала на западѣ произвело, по мнѣнію г. Чичерина, такое явленіе, котораго не было въ

вотчинной Россіи—участіе въ судѣ цѣловальниковъ. Изъ сказаннаго выше напротивъ того слѣдуетъ заключить, что и у насъ общинное начало, какъ оно существовало издревле до позднѣйшаго времени, предполагало всегда въ судахъ общинныхъ присутствіе *судныхъ* или *сидячихъ* мужей, подъ названіемъ старостъ, сотскихъ, цѣловальниковъ, и проч. Несправедливо далѣе положеніе автора, будто право вотчиннаго суда давалось у насъ вотчинникамъ какъ особенная милость, иначе же крестьяне подлежали суду княжескихъ кормленщиковъ, ибо это можетъ быть признано болѣе или менѣе справедливымъ только въ отношеніи къ дѣламъ между крестьянами двухъ разныхъ вотчинниковъ, но и въ отношеніи къ нимъ мы знаемъ, что они обыкновенно рѣшались смѣстнымъ или общимъ судомъ владѣльцевъ, коимъ принадлежали крестьяне. Дѣла же спорныя между крестьянами одного и того же вотчинника или помѣщика не только въ древней Россіи подлежали, какъ мы видѣли выше, суду этихъ послѣднихъ, но и въ настоящее время рѣшаются еще самими владѣльцами или ихъ прикащиками. Что касается наконецъ до выводовъ автора о Русской общинѣ сравнительно съ западными, то едвали слѣдуетъ, какъ онъ это дѣлаетъ, общины Удѣльнаго періода, называемыя имъ остатками патріархальнаго быта племенъ, противопоставлять, относительно основнаго ихъ начала, общинамъ Новгородской и Псковской, а съ другой стороны, имѣя въ виду одни акты, относящіяся къ Новгородскимъ и Поморскимъ областямъ, принимать за правило, что въ черносошныхъ волостяхъ каждый членъ общины владѣлъ участкомъ общественной земли какъ своею частною собственностію, независимо отъ другихъ, и во всякомъ случаѣ несправедливо мнѣніе, что въ Швейцарскихъ кантонахъ общины, въ противоположность Русскимъ, имѣли свои земли, принадлежавшія имъ въ собственность, свои дѣла, своихъ правителей, свой судъ: все это было принадлежностью и нашихъ общинъ съ тою только разницею, что онѣ подчинялись въ отношеніи ко всѣмъ этимъ правамъ власти высшаго правительства [10]). Но вообще Русскія общины и сословія въ

періодъ до Петра Великаго не должно, думаемъ мы, расматривать съ той же точки зрѣнія, какъ разсматриваются общины и сословія средневѣковыхъ западныхъ государствъ: здѣсь общины и сословія сливаются въ одно, между тѣмъ какъ у насъ они лишь случайно совпадаютъ въ общинахъ городскихъ и сельскихъ. Мы не можемъ также не замѣтить автору за тѣмъ онъ, сознавая ясно, что правительственная дѣятельность учредила у насъ то, что на западѣ образовалось въ слѣдствіе господства союзнаго духа, и что начало произвола, которое онъ называетъ началомъ личности, изчезло въ общественной жизни подъ вліяніемъ этого духа, тѣмъ не менѣе у насъ до самыхъ временъ Іоанна III оставляетъ безъ вниманія правительственную дѣятельность князей Удѣльнаго періода, между тѣмъ какъ, на основаніи означеннаго сознанія, за развитіемъ государственнаго начала съ древнѣйшихъ временъ Русскій историкъ обязанъ столько же слѣдить, сколько западные изслѣдователи занимались и продолжаютъ заниматься средневѣковыми городовыми союзами.

За введеніемъ въ разбираемой нами книгѣ слѣдуетъ разсмотрѣніе самихъ областныхъ учрежденій въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Областное дѣленіе. 2) Воеводы и приказные люди: ихъ значеніе, предметы вѣдомства, степень власти и дѣлопроизводство. 3) Должностныя лица, подчиненныя воеводамъ: головы: письменные, осадные, засѣчные, стрѣлецкіе, казачьи, пушкарскіе, объѣзжіе, житничные. и прикащики: городовые, засѣчные, ямскіе, становые, слободскіе, острожные, соляныхъ дѣлъ, городничіе и слободчики. 4) Должности выборныя: таможенные и кабацкіе головы и цѣловальники, губные старосты и цѣловальники, земскіе старосты и цѣловальники; ихъ выборы, взаимныя отношенія, предметы вѣдомства, дѣлопроизводство, отвѣтственность. Относительно всѣхъ этихъ отдѣловъ. мы обязаны предварительно замѣтить вообще, что изслѣдованіями, сюда принадлежащими, г. Чичеринъ оказалъ чрезвычайно важную услугу всѣмъ занимающимся Исторіей Русскаго законодательства. Источники, принятые имъ во вниманіе, раз-

смотрѣны не только съ величайшимъ трудолюбіемъ, но и съ примѣрною добросовѣстностью, такъ что одни даже фактическія и хронологическія указанія, разсѣянныя въ настоящемъ сочиненіи, представляютъ самый богатый и притомъ самый надежный матеріалъ для всякаго изслѣдователя, который захотѣлъ бы заняться тѣмъ же предметомъ. До какой степени книга обильна фактическими свѣдѣніями и какъ подробно въ ней изчерпаны предметы, подлежавшіе изслѣдованіямъ автора, можно судить даже по ея объему, ибо, за исключеніемъ введенія, напечатаннаго на 57 страницахъ, она заключаетъ въ себѣ до 600 страницъ. Самыя ссылки на источники сдѣланы вездѣ такъ исправно, что при свѣркѣ большей части цитатовъ съ самими матеріалами мы встрѣтили только одинъ, приведенный невѣрно. Къ сожалѣнію изъ источниковъ, которые слѣдовало принять въ руководство, авторъ ограничился: Полнымъ собраніемъ законовъ, Актами, изданными Археографической Коммиссіей, Собраніемъ государственныхъ грамотъ и договоровъ, Актами города Шуи и Актами Воронежскими; почему кое-что сказанное въ настоящемъ сочиненіи можно бы дополнить на основаніи другихъ матеріаловъ. Также можно замѣтить, что напрасно авторъ не обратилъ никакого вниманія на прежнія сочиненія, относящіяся къ тѣмъ же предметамъ, которымъ онъ посвятилъ свои занятія, тѣмъ болѣе что ихъ немного и что здѣсь онъ нашелъ бы нѣкоторыя мысли и указанія, не совсѣмъ безполезныя для большей полноты изслѣдованія. Но самый важный недостатокъ второй половины книги, посвященной исключительно областнымъ учрежденіямъ, заключается въ упущеніи г. Чичеринымъ изъ виду тѣхъ Приказовъ, которые отнюдь не могутъ быть признаны центральными учрежденіями, каковы напримѣръ: Приказы Устюжскій, Костромскій, Галичскій, Дмитровскій и вообще всѣ Приказы, завѣдывавшіе лишь одною или нѣсколькими областями, состоявшими часто изъ прежнихъ особыхъ княженій. Даже, по нашему мнѣнію, автору слѣдовало бы указать и на центральные приказы, въ коихъ завѣдывались

въ особенности нѣкоторые города съ ихъ уѣздами, какъ то: Приказъ Посольскій, Приказъ Новой Четверти, и пр. Притомъ хотя въ источникахъ и встрѣчаются указанія на перемѣщеніе нѣкоторыхъ городовъ изъ вѣдомства однихъ Приказовъ въ другіе, все же можно было бы съ бо̀льшею или меньшею точностію изчислить какіе города съ ихъ уѣздами завѣдывались тѣмъ или другимъ Приказомъ, а это самое способствовало бы къ указанію раздѣленія Россіи на большія области, называвшіяся *землями*, которое также упущено г. Чичеринымъ, но которое имѣетъ свою важность, какъ увидимъ ниже. Кромѣ Приказовъ не замѣчены еще нѣкоторые другіе органы областнаго управленія, которые хотя имѣли гораздо меньшее значеніе, но все же, какъ встрѣчающіеся въ источникахъ, не должны быть исключаемы изъ сочиненія, посвященнаго специальному обозрѣнію областныхъ учрежденій вообще, каковы, на примѣръ, пятенщики, уѣздные приставы и стряпчіе, вотчинные прикащики и старосты, посельскіе, и другіе. Наконецъ намъ сдается, что чрезвычайно тяжелый упрекъ въ неопредѣленности, запутанности и неясности, который дѣлаетъ авторъ нашимъ древнимъ учрежденіямъ относительно ихъ значенія, предметовъ вѣдомства и дѣлопроизводства, могъ бы быть отчасти смягченъ отысканіемъ нѣкоторыхъ менѣе общихъ основаній, чѣмъ тѣ, какія принимаетъ г. Чичеринъ для отдѣленія другъ отъ друга различныхъ органовъ управленія; тогда съ одной стороны множество исключеній, приводимыхъ имъ какъ слѣдствіе неясности правительственныхъ началъ, быть можетъ оказались бы не исключеніями, а съ другой стороны самое изложеніе его выиграло бы въ ясности и стройности. Такъ, на примѣръ, мы думаемъ, что еслибъ авторъ, остановившись на предметахъ вѣдомства воеводъ, постарался бы на основаніи воеводскихъ наказовъ опредѣлить тѣ изъ нихъ, какіе были постоянно въ ихъ рукахъ въ отличіе отъ тѣхъ занятій, которыя лишь временно поручались имъ особыми грамотами, то чрезъ это самое уяснились бы не только настоящія обязанности самихъ воеводъ, но

и отношенія ихъ къ другимъ органамъ, имѣвшимъ менѣе обширный кругъ дѣйствія. Такое же замѣчаніе можетъ быть сдѣлано въ примѣненіи къ губнымъ цѣловальникамъ, которымъ, какъ увидимъ ниже, авторъ даетъ слишкомъ обширное значеніе какъ цѣловальникамъ губныхъ старостъ цѣлыхъ уѣздовъ.

Разсмотримъ теперь въ отдѣльности приведенные выше предметы и названія, относящіяся до областныхъ учрежденій; но при этомъ примемъ за правило указывать только на недостатки, замѣчаемые нами въ изслѣдованіяхъ автора.

Первая статья представляетъ областное дѣленіе древней Россіи, начало котораго самъ г. Чичеринъ отыскиваетъ въ Удѣльномъ періодѣ и даже отчасти въ патріархальномъ бытѣ самихъ общинъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ руководствуясь для своей цѣли преимущественно источниками XVII вѣка. Прежде всего говорится о раздѣленіи Государства на уѣзды, причемъ мы встрѣчаемъ мнѣніе будто въ Вятскомъ уѣздѣ было пять городовъ, которые всѣ находились въ управленіи одного воеводы. Не знаемъ на какихъ источникахъ основывается въ настоящемъ случаѣ авторъ, но въ извѣстныхъ намъ актахъ XVII вѣка мы находимъ названіе Вятскаго уѣзда въ значеніи Вятской земли, которая въ нихъ же упоминается, при чемъ говорится и объ отдѣльныхъ уѣздахъ городовъ Вятскихъ, такъ что они всѣ вмѣстѣ и составляли Вятскую землю, раздѣленную на города, имѣвшіе каждый свое управленіе [11]). Настоящее замѣчаніе даетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ поводъ указать на опущенное г. Чичеринымъ древнѣйшее дѣленіе территоріи, вошедшей въ составъ древней Россіи, на такъ называемыя *земли*. На это дѣленіе весьма основательно было обращено вниманіе ученыхъ г. Тюринымъ въ его прекрасномъ изслѣдованіи подъ названіемъ: «Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси», и мы очень жалѣемъ, что указаніе г. Тюрина до сихъ поръ не получило еще ближайшаго примѣненія въ нашихъ изслѣдованіяхъ. Съ своей стороны мы замѣтимъ здѣсь, что встрѣчающіяся въ лѣтописяхъ названія: земля Кіевская, земля Новго-

родская, земля Псковская, Сѣверская, Полоцкая, и другія, и повторяющіяся въ Удѣльный періодъ вмѣстѣ съ названіями: Княжество Кіевское, Черниговское, и другія, связываются тѣснѣйшимъ образомъ съ названіями *земель*, упоминаемыхъ въ оффиціяльныхъ источникахъ XVII вѣка. Кромѣ Вятской земли, въ нихъ встрѣчаются названія: 1) *Двинская земля*, состоявшая изъ пяти городовъ, къ коимъ сверхъ того присоединялись Кевроль и Мезень. Объ этихъ послѣднихъ говорится, что они съ Двиною *земля одна изстари* и что при Грозномъ жители ихъ вмѣстѣ съ жителями другихъ пяти городовъ строили Архангельскъ. 2) *Важская земля*, которую составляли станы: Шенкурскій, Подвинскій, Ровдинскій, Вельскій, Верховажскій, Ледцкій, Паденга, Кокшенга, Слобода Великая [12]). 3) *Псковская земля*, къ коей принадлежали пригороды: Выборскій, Дубковскій, Вышегородскій, Опочецкій, Велейскій, Воронецкій, Вревскій, Володимерскій, Гдовскій, Кобыльскій, Изборскій, Островскій. Всѣ эти пригороды имѣли свои уѣзды, которые издревле раздѣлялись на *губы* — дѣленіе, уцѣлѣвшее и въ XVII вѣкѣ [13]). 4) *Рязанская*, въ которой къ *Переяславлю* были приписаны *Зарайскъ*, *Пронскъ* и *Михайловъ* [14]). 5) *Солькамская*, какъ одна земля съ *Чердынью* и *Кайгородомъ*, считалась съ ними на всеуѣздныхъ сходкахъ въ всеуѣздной земской избѣ посадскихъ и земскихъ старостъ относительно ихъ общихъ расходовъ по отправленію разныхъ повинностей [15]). Наконецъ 6) *Сольвычегодскъ* составлялъ такое же цѣлое съ *Вымью*, *Устьсысольскомъ*, *Еренскомъ* и *Ужгою* (Ужгинскою волостью) [16]). Вѣроятно по этимъ примѣрамъ въ половинѣ XVII вѣка, при строеніи новыхъ городовъ на пограничныхъ мѣстахъ, ихъ приписывали къ главнымъ пунктамъ или городамъ, отъ которыхъ они и получали общія названія. Такъ Бѣлгородъ имѣлъ свои пригороды, такъ точно какъ такіе же пригороды причислены были къ Козлову, Казани, Симбирску. Эти пригороды назывались: Бѣлгородскіе, Козловскіе, Казанскіе, Симбирскіе [17]). Самъ г. Чичеринъ помѣстилъ въ своей книгѣ любопытное извѣстіе, что въ 1692 г. къ Ярославлю были приписаны Переяславль и

Ростовъ. Съ указаніемъ остатковъ, уцѣлѣвшихъ въ XVII вѣкѣ отъ древняго дѣленія на земли и слѣдовъ его вліянія на соединеніе вновь въ одно цѣлое отдѣльныхъ городовъ, не безполезно вспомнить и о дѣленіи Россіи при Іоаннахъ на Части, перешедшемъ въ новое болѣе дробное дѣленіе на основаніи вѣдомства Приказовъ. Замѣтимъ еще, что въ актахъ, относящихся къ Казанскому уѣзду, встрѣчается дѣленіе его на *дороги* — названіе, напоминающее о Татарскихъ чиновникахъ, носившихъ имя *дорогъ*, о которыхъ говорится въ ярлыкахъ, данныхъ Ханами Золотой Орды Русскому духовенству; а въ писцовыхъ книгахъ Нижегородскихъ и другихъ актахъ встрѣчаются *ключи* также въ значеніи поземельныхъ округовъ [18]). Обо всѣхъ этихъ названіяхъ г. Чичеринъ не говоритъ ничего.

Въ отдѣлѣ подъ заглавіемъ «Воеводы главныхъ городовъ» слѣдующія неточности и невѣрности должны быть замѣчены. *Подписными* челобитными назывались вообще челобитныя, на оборотѣ коихъ записаны были рѣшенія, на нихъ сдѣланныя; въ отношеніи же къ лицамъ, просившимъ челобитными о мѣстѣ воеводы, очевидно, что подпись заключалась въ рѣшеніи Царя о томъ, чтобы дать челобитчику просимое мѣсто; слѣдовательно такая подпись не была свидѣтельствомъ, какъ думаетъ г. Чичеринъ, что проситель находился не у дѣлъ (стр. 83). Говоря о наказахъ, какіе давались воеводамъ при отправленіи ихъ къ должности, г. Чичеринъ замѣчаетъ, что не было общаго законодательства относительно управленія и что все ограничивалось частными правилами, которыя предписывались отдѣльнымъ лицамъ. Но стоитъ сличить между собою многочисленные наказы, дошедшіе до насъ отъ XVII вѣка, чтобы видѣть буквальное сходство нѣкоторыхъ статей, которыя встрѣчаются не только въ разныхъ наказахъ, данныхъ въ различное время воеводамъ одного и того же города, но также въ наказахъ, относящихся и къ различнымъ городамъ. Кромѣ того наказы, вручавшіеся воеводамъ, вновь отправляемымъ на должность, обыкновенно списывались съ прежнихъ, данныхъ прежнимъ

воеводамъ того же города, за исключеніемъ тѣхъ статей, которыя отмѣнялись въ слѣдствіе какихъ либо вновь возникшихъ причинъ, почему новый наказъ служилъ лучшимъ руководствомъ тому, что изъ прежнихъ наказовъ слѣдовало исполнять и что напротивъ не должно было имѣть силы; но г. Чичеринъ тѣмъ не менѣе говоритъ, что воевода могъ руководствоваться наказами и грамотами, данными его предшественникамъ, по своему усмотрѣнію. Невѣрно правà, дававшіяся иногда воеводамъ въ отношеніи къ лицамъ духовнаго званія и къ предметамъ, принадлежавшимъ монастырямъ и церквамъ, называть духовными дѣлами, какъ это дѣлаетъ авторъ на стр. 105 и др., ибо дѣла собственно духовныя никогда не отдавались въ завѣдываніе свѣтскимъ лицамъ. Несправедливо замѣчено, будто въ подтвердительныхъ грамотахъ выписывались учрежденія и правà, которыя уже потеряли свое значеніе, ибо въ такомъ случаѣ было бы безполезно переписывать грамоты на имя новыхъ Государей, чтò дѣлалось именно съ цѣлью новаго удостовѣренія въ принадлежности извѣстныхъ правъ лицамъ, получавшимъ переписанныя вновь грамоты; это мнѣніе наше подтверждается обычною формою приписокъ Царя Θеодора Алексѣевича на прежнихъ жалованныхъ грамотахъ, въ которой говорится, что онѣ утверждаются во всемъ за исключеніемъ тѣхъ правъ, которыя отмѣнены Уложеніемъ и новоуказными статьями[19]). Между прочимъ относительно виры за душегубство, о которой авторъ полагаетъ, что она можетъ быть не платилась болѣе общинами, а писалась только въ грамотахъ по древнему обычаю, на основаніи дошедшихъ до насъ актовъ достовѣрно извѣстно, что еще въ 1693 году она была въ силѣ, называясь вѣрой за голову, и платилась не только общинами въ случаѣ неизвѣстности убійцы, но и самими лицами, совершившими неумышленное убійство[20]). На стр. 176 авторъ замѣчаетъ, что новыхъ жалованныхъ грамотъ, освобождавшихъ отъ суда воеводъ и приказныхъ людей, отдѣльнымъ общинамъ болѣе не давалось; но выше мы уже видѣли, что со времени Царя Михаила Θеодоровича многія

поморскія волости получили вновь право собственнаго суда. На стр. 272 встрѣчается ошибка будто на грамотѣ, присылаемой воеводѣ изъ Приказа, годъ, мѣсяцъ и число полученія, также имя подателя означались внизу, между тѣмъ какъ слѣдовало бы сказать: на оборотѣ столбца, сложеннаго въ пакетъ. На стр. 279 извѣтъ невѣрно названъ объявленіемъ о происшествіи, вовсе не касавшемся до лица извѣщающаго, ибо мы имѣемъ извѣты, поданные должностными и частными лицами въ огражденіе себя отъ какой либо отвѣтственности[21]). Въ примѣненіи къ дѣлопроизводству замѣчено, что письменныя резолюціи на поступавшихъ бумагахъ (къ воеводѣ) встрѣчаются рѣдко; но слѣдуетъ, судя по дошедшимъ до насъ челобитнымъ, поданнымъ въ разныя присутственныя мѣста, сказать, что такія резолюціи давались нерѣдко и, вопреки автору, не были словесныя, ибо обыкновенно актъ, по коему резолюція приводилась въ исполненіе, составлялся на основаніи челобитной, въ которой прописано было сдѣланное по ней рѣшеніе. Относительно самихъ воеводъ авторъ говоритъ, что введеніе ихъ совершенно измѣнило систему, установленную Грознымъ: правительственный элементъ получилъ въ областномъ управленіи такую силу, предъ которою земское начало и земскія власти должны были изчезнуть. Но и при Іоаннѣ Грозномъ земское начало не имѣло такого общаго значенія, чтобы оно совпадало съ правительственнымъ, а въ XVII вѣкѣ, не смотря на усиленіе правительственнаго элемента, не только продолжало существовать на фактѣ, но признавалось правительствомъ въ оффиціальныхъ его источникахъ. Вотъ почему мы полагаемъ, что авторъ не совсѣмъ основательно противополагаетъ земское начало правительственному, такъ какъ первое, въ томъ видѣ какъ оно признавалось въ древней Россіи, не исключало послѣдняго и наоборотъ. Самой характеристикѣ воеводскаго управленія, будто бы основаннаго на правительственномъ началѣ, съ исключеніемъ земскаго, приданъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ рѣзкой оттѣнокъ, ибо вмѣстѣ съ тѣмъ предполагается, что на-

мѣстниковъ въ древней Россіи не слѣдуетъ вовсе признавать органами общественнаго управленія.

Въ отдѣлѣ о губныхъ старостахъ и цѣловальникахъ, не смотря на то, что авторъ ясно сознаетъ различіе, существовавшее между тѣми изъ нихъ, которые выбирались отдѣльными городовыми и волостными общинами и тѣми, которые выбирались цѣлымъ уѣздомъ, онъ тѣмъ не менѣе не пользуется этимъ различіемъ для уясненія значенія, правъ и предметовъ вѣдомства тѣхъ и другихъ въ отдѣльности; даже напротивъ того, смѣшивая ихъ между собою, говоритъ объ нихъ безразлично на основаніи относящихся къ нимъ вообще источниковъ. Такъ именно о губныхъ цѣловальникахъ онъ полагаетъ, что, судя по губнымъ грамотамъ эпохи Грознаго, слѣдуетъ заключить, что они судили и дѣлали всѣ дѣла вмѣстѣ съ губными старостами; впослѣдствіи же, съ уничтоженіемъ судебной власти земскихъ старость, была уничтожена и ихъ судебная власть. Но какъ мы знаемъ, что судная власть гражданская и уголовная, дававшаяся отдѣльнымъ общинамъ какъ привиллегія, продолжалась и въ XVII вѣкѣ, то можно думать, что въ привиллегированныхъ общинахъ, пользовавшихся правомъ уголовнаго суда и при воеводахъ, губные цѣловальники остались съ прежнимъ значеніемъ, и это дѣйствительно подтверждается источниками [22]). Между тѣмъ справедливо также, что вообще губные цѣловальники въ XVII вѣкѣ должны были имѣть другое значеніе, именно значеніе тюремныхъ цѣловальниковъ и даже сторожей, а мѣстами можетъ быть даже вовсе не существовали, но это потому что учрежденіе губныхъ старость для цѣлыхъ уѣздовъ было учрежденіемъ совершенно особымъ отъ привиллегій на судъ уголовныхъ дѣлъ, данныхъ общинамъ, ибо самые губные старосты избирались въ первомъ случаѣ не изъ среды посадскихъ и крестьянъ, а изъ дворянъ и кромѣ уголовныхъ дѣлъ имъ поручалось также много другихъ, которыя изчисляетъ самъ авторъ. Имѣя это въ виду было бы не излишнимъ въ отдѣлѣ, посвященномъ разсмотрѣнію губныхъ старостъ,

указать на древнѣйшіе слѣды ихъ еще въ XV вѣкѣ. Тогда, можетъ быть, открылось бы, что губное управленіе въ древней Россіи возникло не при Іоаннѣ Грозномъ, и что основаніе его лежало не въ исключительной потребности отыскивать и искоренять разбойниковъ, какъ говоритъ это авторъ на стр. 479.

Отъ губныхъ старостъ г. Чичеринъ переходитъ къ земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ; но въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ едва-ли не больше, чѣмъ во всемъ остальномъ сочиненіи встрѣчаются такія положенія, которыя должно принимать на вѣру, чтобы съ ними согласиться. Во-первыхъ надо замѣтить, что здѣсь говорится не о старостахъ и цѣловальникахъ сельскихъ вообще, а о тѣхъ, которые были въ городскихъ посадахъ и черносошныхъ волостяхъ. Но какъ черносошныя волости въ XVII вѣкѣ уцѣлѣли въ значительномъ количествѣ лишь въ поморскихъ уѣздахъ, то очевидно, что большая часть сказаннаго въ настоящемъ отдѣлѣ о земскихъ старостахъ и цѣловальникахъ вообще должна быть отнесена къ старостамъ и цѣловальникамъ привиллегированныхъ общинъ, имѣвшихъ свой судъ. Къ сожалѣнію автору не были извѣстны дошедшіе до насъ богатые матеріалы, поясняющіе бытъ поморскихъ черносошныхъ волостей, а потому, пользуясь скудными данными, найденными имъ въ печатныхъ источникахъ, и предположеніемъ, что общины уже не имѣли никакой самостоятельности въ XVII вѣкѣ, за исключеніемъ лежавшихъ на нихъ финансовыхъ обязанностей, онъ далеко недостаточно опредѣляетъ значеніе, права, предметы вѣдомства и дѣлопроизводство какъ самихъ общинъ, такъ и земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, какъ органовъ этихъ общинъ. Такъ, напримѣръ, онъ самъ сознается, что для него неясно значеніе всеуѣздныхъ старостъ, такъ точно какъ неизвѣстно ему достаточно о земскихъ избахъ, о земскихъ дьякахъ, о мірскихъ лѣсахъ, и проч.; о всеуѣздныхъ избахъ даже вовсе имъ не упоминается. Но мы должны сверхъ того прибавить, что многое изъ того, что г. Чичеринъ предполагаетъ для себя яснымъ, требуетъ еще новыхъ и значитель-

ныхъ изслѣдованій. Въ подтвержденіе нашего мнѣнія сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній относительно различныхъ его положеній. На стр. 516 и 520 онъ говоритъ, что изъ членовъ общины каждый владѣлъ своимъ участкомъ какъ потомственною собственностью. Это несомнѣнно относительно отдѣльныхъ отъ общинной земли участковъ, коими владѣли крестьяне черносошныхъ волостей въ поморскихъ уѣздахъ и въ древнихъ Новгородскихъ земляхъ; но относительно посадовъ и волостей средней Россіи я полагаю, сколько мнѣ извѣстны источники, что не только нельзя этого утверждать, но даже слѣдуетъ прежде рѣшить вопросъ: имѣли ли члены такихъ общинъ при маломъ количествѣ земли, которою могли пользоваться по причинѣ довольно значительнаго уже народонаселенія въ этихъ мѣстахъ въ XVII вѣкѣ, и при дѣлавшейся постоянно раздачѣ земли помѣщикамъ, имѣли ли они, говорю я, еще отдѣльные участки сверхъ общественныхъ земель, состоявшихъ въ пашняхъ, лугахъ и выгонахъ, о коихъ мы знаемъ достовѣрно, какъ о существовавшихъ въ общемъ владѣніи, хотя г. Чичеринъ на стр. 522 голословно это отрицаетъ. Точно также не рѣшимся мы вмѣстѣ съ авторомъ утверждать будто бы несправедливо принятое у насъ многими изслѣдователями положеніе, что общинное владѣніе земель и ихъ передѣлъ суть древнія учрежденія, вытекающія изъ духа Славянскаго племени. Г. Чичеринъ считаетъ передѣлъ земель прямымъ послѣдствіемъ вотчиннаго права и подушной подати, и въ извѣстной степени это вѣрно; но между тѣмъ какъ быть съ источниками, которые представляютъ примѣры существовавшаго у насъ дѣлежа общественныхъ земель между всѣми членами городской и сельской общины, а съ другой стороны весьма обыкновеннаго раздѣла даже каждаго отдѣльнаго участка, который принадлежалъ нѣсколькимъ лицамъ вмѣстѣ?[23]) — На стр. 524 авторъ говоритъ, что въ древней Россіи не дѣлалось строгаго различія между землями общинными, черными и казенными. Скажемъ откровенно, что мы не совсѣмъ понимаемъ мысль автора въ этихъ

словахъ, ибо тяглая земля, принадлежавшая посадамъ и черносошнымъ волостямъ, была въ одно и тоже время и черная и казенная и общинная. Исключеніе составляли только тѣ земли, которыя, приписываясь къ волостямъ, не состояли однако въ общинномъ владѣніи ея членовъ, и потому самому онѣ носили особенное названіе *оброчныхъ* и не считались ни черными, ни общественными. На стр. 528 г. Чичеринъ утверждаетъ, что въ числѣ общинныхъ дѣлъ въ древней Россіи не было ни мірскихъ приговоровъ объ отдачѣ земель, ни рѣшеній общинъ о принятіи новыхъ членовъ, ни даже различія между казенными и общинными землями. Что касается до мірскихъ приговоровъ, то именно приговоры объ отдачѣ земель и о принятіи въ общины новыхъ членовъ встрѣчаются въ числѣ другихъ источниковъ, относящихся къ поморскимъ уѣздамъ [24]); о томъ же что казенная земля въ значеніи оброчной отличалась отъ общинной, уже сказано выше. На стр. 557 авторъ замѣчаетъ о земскихъ судейкахъ, что они вѣроятно составляли родъ добровольнаго третейскаго суда для распрей черныхъ крестьянъ между собою, но что всякій могъ всегда жаловаться на противника воеводѣ, который въ такомъ случаѣ судилъ тяжущихся въ первой инстанціи. Мы можемъ противъ этого возразить, имѣя въ виду нѣсколько судныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ земскими судейками, изъ коихъ видно, что даже жалобы, подававшіяся въ Приказы лицами, подчиненными судейкамъ, изъ Приказовъ были обращаемы къ нимъ для обсужденія ими, какъ первой инстанціей [25]). На стр. 564 насъ поражаетъ слѣдующее вѣрное замѣчаніе, приведенное послѣ указанія на то, что въ средней Россіи въ XVII вѣкѣ черныя волости смѣшивались съ дворцовыми. «Уѣзды поморскихъ городовъ, говоритъ г. Чичеринъ, составляли особенное явленіе въ Московскомъ государствѣ, и общины ихъ, какъ свободныя, уравнивались въ учрежденіяхъ не съ прочими селами, а съ городами». Но если это такъ, то не слѣдовало особенности, замѣчаемыя въ этихъ общинахъ относительно владѣнія членовъ участками въ потомственную собственность распростра-

нять на всѣ общины посадскія и волостныя въ древней Россіи вообще, а также судныя права, принадлежавшія по преимуществу поморскимъ жителямъ, возводить въ общее учрежденіе и приписывать его Іоанну Грозному, послѣ котораго оно будто бы потеряло свое государственное значеніе. Наконецъ мы замѣтимъ только вообще, что авторъ, какъ намъ кажется, приписываетъ слишкомъ важное значеніе указу 1681 года о введеніи новой стрѣлецкой подати, говоря сверхъ того, что въ замѣнъ ея владѣльческіе крестьяне были обложены ямскими и полоняничными деньгами: для того, чтобы сдѣлать такое рѣшительное заключеніе необходимо предварительно разсмотрѣть отношеніе сбора стрѣлецкаго хлѣба, который продолжался и послѣ означеннаго указа, къ сбору стрѣлецкихъ денегъ.

За изслѣдованіемъ объ областныхъ учрежденіяхъ г. Чичеринъ предлагаетъ въ своей книгѣ заключеніе, гдѣ въ общемъ живомъ очеркѣ выставляетъ различные выводы, сдѣланные имъ въ предыдущихъ разысканіяхъ. Но среди вѣрныхъ и остроумныхъ замѣчаній проглядываетъ всюду мрачный оттѣнокъ, приданный древнему быту Россіи совершеннымъ отрицаніемъ въ немъ юридическихъ понятій, которыми бы опредѣлялись и разграничивались права и обязанности лицъ, и рѣшительнымъ приговоромъ о полной неопредѣленности, представляемой нашей древней администраціей. Какъ ни утѣшительно знать и вѣрить вмѣстѣ съ авторомъ, что Петръ Великій, прививъ такъ сказать нашимъ предкамъ юридическія начала Европейскихъ государствъ, призвалъ ихъ къ новой общественной жизни, съ которою мы уже сроднились и которая предвѣщаетъ въ будущемъ еще болѣе обильныя послѣдствія; но тѣмъ не менѣе и по прочтеніи книги г. Чичерина мы остаемся въ искреннемъ убѣжденіи, что изъ огромной массы разсмотрѣнныхъ имъ фактовъ могли бы быть выведены по крайней мѣрѣ нѣкоторые положительные результаты, которые принесли бы у насъ свою пользу не только наукѣ, но и самой практикѣ.

Изъ предложеннаго нами разбора сочиненія г. Чичерина, представленнаго на Демидовскую премію, мы считаемъ себя въ правѣ сдѣлать слѣдующее заключеніе: Полной преміи не можетъ быть назначено по слѣдующимъ причинамъ: 1) Историческая часть, служащая введеніемъ, представляетъ лишь поверхностную разработку фактовъ, что, по моему мнѣнію, имѣло вліяніе на нѣкоторые недостатки, встрѣчающіеся въ догматической части изслѣдованія; 2) Богатые матеріалы, предлагаемые въ этой главной части сочиненія, связаны между собою слишкомъ общими началами, почему какъ областнымъ учрежденіямъ древней Россіи, такъ и вообще ея быту приписана слишкомъ значительная неопредѣленность; 3) Есть пропуски, которые бы слѣдовало включить въ сочиненіе для совершенной его полноты. *Преміи же второстепенной или поощрительной авторъ заслуживаетъ вполнѣ* 1) по ученымъ критическимъ пріемамъ, которыми отличается дѣлаемый имъ разборъ древнихъ учрежденій Россіи, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что остроумные взгляды, сближенія нашихъ учрежденій съ современными западными и наконецъ живое изложеніе придаютъ книгѣ интересъ, какой представляютъ лишь весьма немногія юридическія сочиненія; 2) по замѣчательному трудолюбію и добросовѣстности, съ какими разсмотрѣны источники, принятые авторомъ въ основаніе его изслѣдованій, и наконецъ 3) по огромной пользѣ, принесенной имъ наукѣ возбужденіемъ какъ этимъ изслѣдованіемъ, такъ и другими, уже изданными, многихъ вопросовъ и мыслей, относящихся къ Исторіи Русскаго законодательства, которые не только имѣютъ важность сами по себѣ, но и практическое значеніе. Въ этомъ отношеніи сочиненіе г. Чичерина заслужило всеобщее сочувствіе ученыхъ и публики и подало поводъ къ замѣчательнымъ на него рецензіямъ Кавелина, Соловьева, Бѣляева, Крылова и другихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что оно послужитъ еще поводомъ къ цѣлымъ отдѣльнымъ изслѣдованіямъ о предметахъ, на которые было *впервые* обращено вниманіе г. Чичеринымъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

---

1. — До насъ дошло весьма немного правыхъ грамотъ и судныхъ дѣлъ, которыя могутъ свидѣтельствовать о порядкѣ производства суда, существовавшаго въ Удѣльный періодъ; но ими доста точно подтверждается сказанное нами касательно кормленщиковъ, какъ органовъ судебныхъ. Изъ принадлежащихъ сюда актовъ одни знакомятъ насъ съ формами суда, произведеннаго непосредственно отъ начала до конца самими князьями или верховнымъ правительствомъ: таковы три грамоты Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича (княжившаго здѣсь съ 1432 по 1485 г.), напечатанныя въ Архивѣ истор.-юрид. свѣдѣній о Россіи (кн. 2, полов. 1, отд. VI, стр. 130 и 131) и въ Актахъ юридич. подъ № 1; одна грамота, 1483 г., Псковскаго намѣстника, князя Ярослава Васильевича, съ Псковскими посадниками и сотскими (Акт. юрид. № 2) и одна самого В. Князя Іоанна Вас. III, относящаяся къ первому или второму году вступленія его на престолъ (Акты юрид. быта древн. Россіи т. I, № 52, I). Другіе суды произведены были непосредственно отъ начала до конца лицами, которымъ это особенно было поручено «по слову» или «по грамотѣ» В. Князя: образчикъ такого суда представляетъ судъ Ивана Харламова по тяжбѣ о пахотныхъ земляхъ и пустошахъ Симонова монастыря (Акт. юрид. быта древн. Россіи т. I, № 52, II). Наконецъ бо́льшая часть судныхъ дѣлъ, сюда принадлежащихъ, состоятъ собственно изъ двухъ производствъ — предварительнаго или собранія данныхъ для суда, и самого суда или рѣшенія, изъ коихъ послѣднее произведено на основаніи перваго, представленнаго высшему судьѣ низшимъ въ видѣ доклада: таковы на прим. двѣ правыя грамоты, относящіяся къ княженію въ Костромѣ Іоанна Іоанновича, сына Іоанна III, и

судное дѣло по тяжбѣ о пустоши Бортеневской (Акт. юрид. № 4 и Акты юрид. быта древн. Росс. № 52, III и 103). Послѣднее дѣло представляетъ любопытный примѣръ избранія, сдѣланнаго судьями тяжущихся сторонъ — дворецкимъ митрополичьимъ и судьею Князя Андрея Васильевича—третейскимъ судьею В. Князя Іоанна Васильевича; за тѣмъ они довольствуются однимъ разбирательствомъ дѣла, а судъ и приговоръ дѣлаетъ В. Князь. До насъ дошли также докладные или судные списки частію въ правыхъ грамотахъ, частію отдѣльно, какъ акты самостоятельные: таковъ наприм. одинъ XV вѣка, напечатаный въ Архивѣ истор.-юрид. (кн. 2, полов. 1, отд. VI, стр. 129). — Сравнивая порядокъ и основанія какъ разбирательства тяжебныхъ дѣлъ, такъ доклада и приговора, какіе находимъ въ этихъ актахъ, съ тѣмъ, что представляютъ намъ правыя грамоты и судныя дѣла позднѣйшаго времени, мы приходимъ къ заключенію, что юридическія начала и формы судопроизводства въ тѣхъ и другихъ одни и тѣже. Но какъ они согласны съ постановленіями о томъ же обоихъ Судебниковъ, то отсюда слѣдуетъ, что сказанное еще въ первомъ Судебникѣ (1497 года) о докладахъ по суднымъ дѣламъ не есть нововведеніе, а только подтвержденіе того, что прежде имѣло силу на практикѣ. А въ этомъ памятникѣ, въ отношеніи къ суду, кормленщики — бояре и дѣти боярскіе — раздѣляются на два разряда: одни изъ нихъ суть намѣстники и волостели *съ судомъ боярскимъ;* другіе же намѣстники и волостели «которые держатъ кормленіе безъ боярскаго суда.» Первымъ принадлежитъ судъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. съ правомъ приговора какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ; отъ нихъ же исключительно зависитъ выдача грамотъ правыхъ, бѣглыхъ и отпускныхъ, и наказаніе преступниковъ. Вторые напротивъ того, равно какъ и тіуны тѣхъ намѣстниковъ и волостелей, которые пользовались правомъ боярскаго суда, не могли *безъ доклада* высшему судьѣ или безъ его приказанія ни выдавать кому либо грамотъ правыхъ, бѣглыхъ и отпускныхъ, ни освобождать или наказывать подсудимыхъ по дѣламъ уголовнымъ. Слѣдоват. за ними оставалось право первоначальнаго производства или разбора дѣла. На представленномъ ими судномъ спискѣ или докладѣ (какъ сказано въ Судебникѣ 1497 г.) дьякъ боярина или другаго лица, который произносилъ приговоръ, подписывалъ этотъ послѣдній, а самъ бояринъ прикладывалъ къ нему свою печать и приказывалъ написать правую грамоту. Хотя въ Су-

дебникѣ и не упоминается о томъ, чтобы кормленщикамъ съ боярскимъ судомъ извѣстнаго города или волости были подчинены кормленщики безъ боярскаго суда того же присуда или округа, такъ точно какъ имъ были подчинены ихъ тіуны; но это можно предполагать, основываясь на томъ, что истцы и отвѣтчики одного города или волости, по Судебнику же, должны были судиться намѣстникомъ того же города или волостелемъ той же волости. Кромѣ того, имѣя въ виду съ одной стороны начало мѣстничества, которымъ были проникнуты всѣ отношенія въ древней Руси, а съ другой поземельную связь, соединявшую у насъ издревле города и селенія извѣстной мѣстности въ одно цѣлое, должно съ достовѣрностью заключить, что намѣстникамъ и волостелямъ съ боярскимъ судомъ были подчинены именно тѣ кормленщики (безъ боярскаго суда), которые завѣдывали городами и селеніями въ предѣлахъ округа, гдѣ городъ или волость, порученные намѣстнику или волостелю съ означеннымъ судомъ, были главнымъ центромъ мѣстнаго управленія. Подтвержденіемъ такому заключенію служатъ также, по нашему мнѣнію, грамоты, напечатанныя подъ годами 1425, 1426, 1499, 1511—33, 1555 и 1584 г. въ Акт. Истор. т. I № 110, въ Доп. къ акт. истор. т. I № 215, и въ Акт. юрид. № 161. Въ нихъ говорится о намѣстникахъ и волостеляхъ, имѣвшихъ кормленіе, одни *съ правдою*, другіе *безъ правды*, изъ коихъ притомъ одни состояли *подъ* другими такими же намѣстниками и волостелями; въ нихъ же встрѣчаемъ указаніе тому, что и намѣстникъ или волостель «съ правдой» могъ находиться *подъ* другимъ. Чтò означаетъ здѣсь правда? Очевидно не судъ вообще, ибо изъ приведенныхъ грамотъ видно, что онъ предоставлялся и тому, кто получалъ кормленіе безъ правды. Слѣдоват. она значитъ судебный приговоръ или же только право кормленщика брать въ свою пользу судебные пошлины — указаніе во всякомъ случаѣ важное. Съ своей стороны кормленщики съ боярскимъ судомъ, завися отъ Князя, поручившаго имъ судъ, могли дѣлать ему докладъ какъ въ томъ случаѣ, если почему либо не рѣшались сами произнести приговоръ, или если имъ было поручено Княземъ (словесно или грамотой) сдѣлать по извѣстной тяжбѣ докладъ ему самому, такъ и въ томъ, когда подавалась ему на нихъ жалоба по дѣлу, ими разсмотрѣнному. Касательно докладнаго списка, представлявшагося В. Князю и его дѣтямъ, есть особая статья въ обоихъ Судебникахъ; примѣровъ же перехода судныхъ дѣлъ чрезъ

вторую инстанцію на рѣшеніе верховной власти мы имѣемъ довольно: древнѣйшіе изъ извѣстныхъ намъ суть правая грамота 1485 — 1505, напечатанная въ Акт. юрид. подъ № 3, и два судныхъ списка 1501 года, помѣщенные въ Историч. Сборникѣ Московск. Общ. Ист. и древн. т. V стр. 11 — 18. Два послѣдніе акта представляютъ ту особенность, что тяжбы, разсмотрѣнныя въ первой инстанціи тіунами Галичскихъ намѣстниковъ, были представлены къ докладу доводчиками этихъ тіуновъ не самимъ намѣстникамъ, отъ коихъ послѣдніе зависѣли, а человѣку старѣйшему—боярину Дмитрію Васильевичу, который самъ сдѣлалъ опять докладъ В. Князю. Основаніемъ рѣшенія этихъ дѣлъ помимо Галичскихъ намѣстниковъ, служили, какъ кажется, жалованныя грамоты, предъявленныя тяжущимися, въ которыхъ сказано, что владѣльцы спорной земли подлежатъ лишь суду В. Князя или боярина введеннаго. Все это доказываетъ, что докладъ не только не дѣлался произвольно, а напротивъ того въ бо̀льшей части случаевъ былъ обязанностію судей низшей инстанціи, которые притомъ очень хорошо знали кому имъ слѣдовало дѣлать такой докладъ.

2. — Предоставленіе съ древнѣйшаго времени права гражданскаго суда монастырскимъ властямъ и вообще духовенству надъ лицами, поселенными на его землѣ, доказывается такимъ множествомъ актовъ, что нельзя не признать этого права за правило и напротивъ того за исключеніе тѣ немногія указанія, какія встрѣчаются въ памятникахъ Удѣльнаго періода о запрещеніи духовенству судить въ своихъ вотчинахъ гражданскія дѣла. Изъ актовъ послѣдняго рода можно даже заключить, что такое запрещеніе основывалось на какихъ либо особенныхъ обстоятельствахъ. Такъ наприм. въ грамотахъ Василія Вас. (1455—1462), напечатанныхъ въ Акт. Ист. т. I № 58 и въ Акт. юрид. быта древн. Рос. т. I № 31, XIII, сказано, что В. Князь «*велѣлъ было* намѣстникамъ и волостелямъ Галичскимъ и волостелю Радонежскому судить въ селахъ и деревняхъ Троицкаго монастыря, но опять возвращаетъ духовенству право суда, и приказываетъ игумну *судить своихъ людей по старымъ своимъ грамотамъ.*» Но и въ отношеніи къ лицамъ свѣтскаго званія слѣдуетъ признать тоже самое правило, ибо во всѣхъ дошедшихъ до насъ грамотахъ XV и XVI вѣка, жалованныхъ свѣтскимъ владѣльцамъ на вотчинныя, помѣстныя и даже оброчныя земли, имъ предоставляется право гражданскаго, а иногда и уголовнаго суда надъ поселенными на ихъ землѣ. Таковы

именно грамоты, напечатанныя въ разныхъ изданіяхъ подъ годами: 1362 — 1389, 1446, 1449, 1450, 1455, 1462 — 72, 1481, 1486, 1487, 1488, 1505, 1509, 1516, 1517, 1524, 1544, 1546, 1547, 1556 (см. Акт. Экспед. т. I №№ 44, 46, 120, 141, 149, 163, 215, 245, 371, 374, 379, 385, Акт. Истор. т. I, №№ 115, 180, Доп. къ акт. истор. т. I №№ 9, 36, Акт. юрид. быта Рос. т. I №№ 30, III, 31, XX, 44, I, Истор. Сборн. Моск. Общ. Ист. и др. т. V стр. 10—11 и 15—16). Даже духовенство раздавало своимъ подчиненнымъ и другимъ лицамъ помѣстья и иныя земли съ правомъ въ нихъ гражданскаго суда, какъ видно изъ документовъ, помѣщенныхъ въ Акт. Ист. т. I №№ 183, 186, 190, 196, и въ Акт. юрид. быта Рос. т. I № 44, II и III. Что наконецъ вообще это право разумѣлось само собою и въ отношеніи къ духовенству и въ отношеніи къ свѣтскимъ владѣльцамъ, несомнѣнно изъ того, что въ дошедшихъ до насъ послушныхъ или ввозныхъ грамотахъ крестьянамъ обыкновенно не упоминается о томъ, что они должны подлежать суду своихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ; между тѣмъ, на основаніи актовъ же, мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, извѣстныхъ намъ изъ такихъ ввозныхъ грамотъ, владѣльцы, духовные и свѣтскіе, именно пользовались надъ жителями правомъ гражданскаго суда. См. Акты Эксп. т. I № 45 и Акт. Ист. т. I №№ 180, I и II, и 182.

3. — Въ подтвержденіе того, что доходы кормленщиковъ съ разныхъ статей, которыя отдавались въ ихъ завѣдываніе, въ томъ числѣ и доходы съ суда, служили имъ замѣною или пополненіемъ жалованья, помѣстнаго и денежнаго, и что притомъ эти доходы не были вовсе неограниченны, а напротивъ записывались въ заведенныя для того книги, я прежде всего обращу вниманіе читателей на такъ называемую: «Боярскую книгу, 1556 года», хранящуюся въ Моск. Главн. Архивѣ Минист. Ин. Д. подъ № 1. Не смотря на то, что находящіяся здѣсь данныя относятся къ XVI вѣку, я думаю, что они могутъ свидѣтельствовать о такомъ же значеніи кормленій, извѣстныхъ изъ памятниковъ XIII — XV вѣка, тѣмъ болѣе, что соединенные съ нѣкоторыми изъ нихъ доходы служидыхъ людей изчислены довольно опредѣлительно и въ этихъ послѣднихъ. На основаніи Боярской книги всѣ бояре и боярскіе дѣти дѣлились на статьи, изъ коихъ впрочемъ извѣстій о первыхъ десяти въ рукописи недостаетъ, а послѣдняя есть 25-я. Соразмѣрно статьѣ, въ которой былъ кто либо записанъ, денежный

окладъ жалованья былъ различный, начиная отъ 50 рублей (по 11-й статьѣ) до 6 рублей (по 25 статьѣ). За доспѣхи, въ которыхъ бояре представляли своихъ людей, назначавшихся съ каждаго по количеству его земли, помѣстной и вотчинной, имъ выдавалось также жалованье; за недоставленіе же какихъ либо изъ доспѣховъ, изъ жалованья вычиталось по расчету. Но самое важное для нашей цѣли въ разсматриваемой рукописи — это исчисленіе различныхъ кормленій, упоминаемыхъ какъ дополненіе къ денежнымъ и поземельнымъ окладамъ и указаніе на денежныя пособія, какія, сверхъ жалованья, получали тѣ, которые почему либо въ теченіи извѣстнаго времени не пользовались кормленіями. Встрѣчающіеся въ рукописи виды кормленій суть: *намѣстничество и волостельство*, *тіунство*, *мытъ* (Тверской, Костромской, Коломенскій, Дмитровскій, Калужскій), *писчая* (пошлина), *иолаочное*, *поворотное*, *мытъ*, *мостовое*, *правда*, *чашничь путь*, *стольничь путь*, *пятно*, *ясельничее*, *бражное*, *бобровое*. При многихъ изъ этихъ кормленій упомянуто сколько они кормленщикамъ принесли дохода. Напримѣръ: «Курдюкъ Өедоровъ сынъ Сумина ималъ съ Балахны по 25 рублевъ на годъ»; «Недюбъ Тимофѣевъ сынъ Зачесломского наѣхалъ былъ на Кусь и на Немду на ... 63 (годъ), и Кусь и Немда того же году съ Благовѣщ. дни отдана въ откупъ, а откупу съ тоѣ волости того году Петровского сроку дано ему 72 рубл. съ полтиною, а впередъ ему откупу давати не велѣно»; «Постникъ Семен. сынъ Солонцовъ ималъ съ чашнича пути по 18 руб.»; «Чюдинъ Лобановъ сынъ Пелепелицынъ — *по списку къ кормленному верстанью данъ былъ ему* Кодогорской станъ... »; «Григорей Ивановъ сынъ Заболотцкого Дровнинъ ималъ съ села съ Высокого по 18 руб. и по 30 алт. на годъ»; «Русинъ Доронинъ сынъ Кочюровъ наѣхалъ былъ на половину Нерехты на Николинъ день вешней 63 (году), и съ Семена дни 64 Нерехта дана въ откупъ, *а пошлины съ Нерехты и кормовые денги съ бѣлыхъ сохъ взялъ на весь годъ,*» и проч. Укажемъ и на примѣры неимѣвшихъ кормленья и получившихъ за то *подмогу для* службы. О Никитѣ Семеновѣ Вельяминовѣ сказано, что *кормленье за нимъ не сыскано*, но что въ 64 году ему дано *на подмогу для Казанской службы* 16 рубл. 22 алт. съ денгою; другому — Ивану Назарьеву Хлопову «по докладу бояръ Ивана Вас. Шереметева съ товарыщи по памяти съ приписью дьяка Богдана Логинова» *велѣно давати за кормленье* по 15 рубл.; Борисъ Ивановъ Ша-

стинскаго — дано было ему на Костромѣ полавочное, *и онъ не бралъ*, а 64-го году *данѣ ему на подмогу для Казанской службы* 11 руб. 22 алт. съ денгою. Наконецъ любопытно, что многія статьи кормленья отдаваемы были *на откупъ*, почему онѣ поручались въ завѣдываніе кормленщику когда не были въ откупномъ содержаніи; иногда же и откупная сумма отдавалась самимъ кормленщикамъ. Все это показываетъ, что доходъ по каждой статьѣ кормленья былъ хорошо извѣстенъ и Правительству и мѣстнымъ жителямъ. Подтвержденіемъ тому, что эта опредѣлительность имѣла мѣсто и въ древнѣйшее время могутъ служить, кромѣ Русской Правды и уставныхъ грамотъ, гдѣ изчисляются судныя пошлины, слѣдующія мѣста въ разныхъ актахъ. Въ посланіи къ Можайскому Князю Андрею Дмитріевичу, 1408 — 1409 (Акт. истор. I, № 16) Бѣлозерскій игуменъ Кириллъ совѣтуетъ ему смотрѣть, чтобы *судьи посуловъ не имали, довольны бы были уроки своими*. Въ послушныхъ грамотахъ жителямъ волости Лузы и городовъ Елатмы и Кадомы, отданныхъ въ кормленіе, 1425 — 26 г., Ивану Протасьеву и сыну его (Акт. юрид. № 161, I) говорится: «И вы всѣ люди.... чтите ихъ и слушайте, а они васъ вѣдаютъ и *судити* и ходити велятъ у васъ тіуномъ своимъ, *а доходъ имать по наказному списку*.» Въ откупной грамотѣ на Обонѣжскій судъ, первой половины XV вѣка (Акт. Эксп. I, № 27) откупщики обязываются «*судъ судити и пошлины имати по старинѣ*». Въ жалован. грамотѣ на Владиміръ пану Судимонту, данной около 1499 г., ему вмѣняется въ обязанность *судить по старой пошлинѣ, какъ было прежъ сего*. Въ Судебникѣ Іоанна Грознаго уже ясно говорится *о книгахъ*, заведенныхъ *для записки доходовъ съ кормленья* (ст. 26). Въ грамотѣ 1555 авг. 4, по случаю назначенія Өедору Крюкову въ кормленіе *ясельничаю* въ Новгородѣ, ему предписывается дать *доходной списокъ съ книгъ, почему ему кормъ и всякіе пошлины сбирати*, также какъ получали прежніе ясельничіе. Тоже самое сказано въ грамотѣ 1556 г. о ямской пошлинѣ въ Новгородѣ, данной въ кормленіе Матвѣю Хлуденеву (Доп. къ акт. ист. т. I №№ 53 и 105). Для образца такихъ грамотъ я приведу здѣсь въ подлинникѣ одну, сообщенную мнѣ Курмышскимъ помѣщикомъ В. В. Бобоѣдовымъ, 1550 г. дек. 26: «Се язъ Царь и В. Князь Иванъ Вас. всеа Русіи пожаловалъ есми Якуша Онтонова сына Бобоѣдова да Гаврилка Яковлева сына Бобоѣдова *полавочнымъ* въ Дмитровѣ. А брати имъ то полавочное лѣто 7000 пятде-

сятъ седмой годъ да пятдесятъ осмой годъ потомужъ, *какъ то полавочное брали прежніе пошлинники.* Писанъ на Москвѣ, лѣта 7050 девятого декабря 26 день.» — На счетъ отдачи суда въ *откупъ* или *оброчное содержаніе* какъ постороннимъ лицамъ, такъ и самимъ жителямъ извѣстнаго мѣста мы имѣемъ много указаній въ источникахъ, изъ коихъ приведемъ здѣсь наиболѣе ясныя и опредѣленныя. Въ грамотѣ 1434—1447 г. Кн. Дмитрій Юрьевичь приказываетъ жителямъ Угличскихъ селъ и деревень Троицкаго Сергіева монастыря, въ замѣнъ разныхъ доходовъ княжескихъ, платить ему *оброкъ* «на всяко годъ на Рожество Христово по три рубли (Акт. юрид. быта древн. Рос. I, № 31, IV).» Въ грамотахъ В. К. Василія Вас., 1455 — 62 г., приведенныхъ выше въ примѣч. 2, въ замѣнъ суда, предоставленнаго Троицкому игумену, въ пользу намѣстниковъ и волостелей, лишенныхъ этого суда, назначены опредѣленные *кормы* отъ жителей. Въ жалован. грамотѣ, 1468 февр. 5, Бѣлозерскаго Князя Михаила Андреев. мы находимъ любопытное указаніе на значеніе *слободъ*, какъ мѣстъ, освобожденныхъ за *оброкъ*, платившійся Князю, отъ дани и другихъ княжескихъ доходовъ въ пользу лицъ, коими слободы были созваны, устроены и управлялись. На этомъ основаніи извѣстны были не только слободы монастырскія и вообще принадлежавшія духовенству, и помѣщичьи или вотчинныхъ владѣльцевъ, но и *княжескія*, въ которыхъ *слободчикъ*, обыкновенно выбираемый самими жителями изъ своей среды, въ отношеніи суда заступалъ мѣсто намѣстника или волостеля, съ участіемъ однако на судѣ выборныхъ людей изъ среды же слободскихъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія о слободахъ съ ихъ слободчиками можно найти въ уставныхъ грамотахъ 1530, 1540, 1546, и пр. (см. Акт. Ист. I, № 295, Доп. къ акт. ист. I, 26, 201 и 210, Акт. Эксп. I № 196 (II), 210, 324, 350). Въ 1552 г. марта 21 отставленъ былъ Важскій намѣстникъ съ его тіуномъ и пошлинными людьми, а жителямъ, освобожденнымъ отъ ихъ суда, «за намѣстничь и за тіуновъ кормъ и за *присудъ*, и за корчмы, и за пятно, и за праветчиковъ и за доводчиковъ поборъ...» велѣно давать въ казну «полторы тысячи рублевъ на годъ.» Въ 1555 г. авг. 15 Переславскіе рыболовы получили привиллегію платить въ казну *оброкъ* «за волостелины доходы столнича пути, и *за присудъ*, и за всѣхъ волостелиныхъ пошлинныхъ людей пошлины, опричь мыта сухаго, денгами по 27 руб. и по 20 алт. и по 5 денегъ да пошлинъ съ того оброку

съ рубля по два алтына.» Въ 1556 г. въ сент. Двинскимъ намѣстникамъ и ихъ тіунамъ запрещено было Двинянъ судить и брать съ нихъ кормы и другіе доходы; въ замѣнъ того послѣдніе были пооброчены: имъ велѣно давать «съ сохи по 20 руб. въ Московское число да пошлинъ по два алт. съ рубля, опричь ямскихъ денегъ,» и проч. (Акт. Эксп. т. I. №№ 234, 242, 250). Въ смѣтномъ отчетѣ Новгородскимъ доходамъ (ркпсь въ Моск. Гл. Архивѣ М. И. Д. Новгородскихъ книгъ № 13) 1621 года означено, что съ рядковъ Мшаги и Ужина въ числѣ оброчныхъ денегъ взяты были деньги и *за присудъ*. Въ грамотѣ 1624 г. апр. 30, впослѣдствіи подтвержденной Царемъ Θедоромъ Алекс., данной Муромскимъ ѣзовщикамъ Дубровскаго стана въ деревняхъ Трофимовѣ, Ефановѣ и Велетмѣ, по примѣру прежнихъ грамотъ, имъ предоставлено право собственнаго суда, а «за дань и за ямскіе денги и за посошную службу....» они должны были *сидѣть* на Царскихъ ѣзахъ на рѣкахъ Окѣ и Ушнѣ и участвовать въ рыбной ловлѣ на Царскій обиходъ. Въ выписи, 1678 г. мая, съ писцовыхъ и межевыхъ книгъ 1675 и 76 годовъ «Переславскаго уѣзда старой Александровой дворцовой слободы», выданной старостѣ съ крестьянами этой слободы, съ нихъ положено денежныхъ доходовъ «за посошной кормъ 7 алт. съ полуденгою, за мелкой доходъ 3 руб. 5 алт. полчетверты денги.... за постелничь доходъ рубль 30 алт. да пошлинъ дворецкого и дьячьихъ 10 алт. 4 де., за прикащиковъ доходъ 2 руб. 3 алт. полпяты ден.,» и проч. (см. ркпси Архива Московской Дворцовой Конторы подъ №№ 113 и 118). Въ принадлежащей мнѣ выписи изъ писцовой книги Устюжскаго уѣзда, 1686 г. генв. 12, говорится, что въ Митрополичьемъ Устюжскомъ стану получается «Государева *оброку* съ вытей и за *намѣсничь* доходъ 55 руб. 4 алт. 5 денегъ... да пошлинъ съ того оброку съ рубля по 2 алт.» Но ни въ одномъ изъ извѣстныхъ актовъ не упоминается, чтобы кто либо взносомъ оброка освобождался отъ пошлинъ за судъ самого В. Князя или Царя, опредѣленныхъ съ точностію въ обоихъ Судебникахъ и взимавшихся въ XVII вѣкѣ въ Приказахъ.

4.—На доклады судныхъ дѣлъ Князьямъ и высшимъ сановникамъ въ Удѣльный Періодъ указано выше въ примѣч. 1. Въ актахъ, приведенныхъ въ этомъ примѣчаніи, можно также видѣть какъ формы, которыя соблюдались при такихъ докладахъ, такъ и вообще порядокъ производства судныхъ дѣлъ въ высшихъ ин-

станціяхъ. Здѣсь же мы постараемся подтвердить тѣсную связь, существующую, по нашему мнѣнію, между докладами и участіемъ въ судахъ такъ называемыхъ *судныхъ мужей*. Обычный вопросъ, дѣлаемый при докладахъ тяжущимся со стороны Князя или высшаго судьи, который мы находимъ во всѣхъ правыхъ грамотахъ и судныхъ дѣлахъ, начиная съ древнѣйшихъ: «былъ ли вамъ таковъ судъ, какъ писано въ семъ спискѣ», предполагаетъ, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, возможность повѣрки. Такая повѣрка производилась чрезъ допросъ судныхъ мужей и разсмотрѣніе списковъ, которые оставались въ ихъ рукахъ. Вотъ почему судные мужи записывались всегда поименно въ судныхъ спискахъ. Указанія на нихъ какъ *на правду* встрѣчаются не только въ Судебникахъ, но и въ дѣлахъ судныхъ. Такъ въ одномъ изъ дѣлъ 1501 г., напечатанныхъ въ Сборникѣ Моск. Общ. исторіи и древн. 1842 г., кн. V, мы читаемъ, что отвѣтчикъ сказалъ: «судъ былъ не таковъ,» и *послался съ судьями по списку на судные мужи*, и впослѣдствіи это обстоятельство послужило къ его обвиненію, такъ какъ онъ списокъ *оболжилъ*. Замѣтимъ еще двѣ уставныя грамоты, одну 1530 г. (Доп. къ акт. ист. I № 26), другую 1544 (Акт. Эксп. I № 201), въ которыхъ говорится, что судные списки къ докладу слѣдуетъ посылать по нѣскольку вмѣстѣ, на судѣ же должны быть старосты и лутчіе люди. Точно такъ и въ Судебникѣ 1550 г. (ст. 69) эти послѣдніе называются *судными мужами* и имѣютъ тоже значеніе, какъ и въ предыдущихъ актахъ.

5. — Выпишемъ, для примѣра, нѣсколько мѣстъ изъ боярской книги, упомянутой въ примѣч. 3: «Князь Петръ княжъ Борисовъ сынъ Пожарсково — дана была ему Соль большая, *и онъ не наѣзживалъ*»; «Князь Данило княжъ Ѳедоровъ сынъ Засѣкинъ Сандыревского — дана была ему половина Нерехты, *и онъ не наѣзживалъ*;» «Тулупъ Левонтьевъ сынъ Лаптевъ — дана была ему Виладь *ждати, и онъ не наѣзживалъ;*» «Ондрѣю Губину данъ былъ Орловъ на Вяткѣ, а наѣхати было ему 62-го (года), и *онъ о наѣздѣ не билъ челомъ.*» Тоже самое случалось съ другими статьями кормленій: кормленщики отказывались отъ *мыта, полавочнаго, бражнаго*, и проч.

6. — На присутствіе судныхъ мужей въ судахъ кормленщиковъ, обязанныхъ докладывать разсмотрѣнное и подготовленное ими къ рѣшенію дѣло, мы имѣемъ ясныя указанія не только въ правыхъ грамотахъ и судныхъ дѣлахъ XV и XVI вѣка, но и въ

уставныхъ грамотахъ начала XVI вѣка, изданныхъ Великими и Удѣльными Князьями (см. для примѣра жалов. грам. въ Акт. Эксп. I № 201. Ср. тамъ же №№ 142, 143 и 150). Соображая эти данныя съ сказаннымъ нами о судныхъ мужахъ въ примѣч. 4, мы полагаемъ, что постановленное о нихъ въ Бѣлозерской грамотѣ и Судебникахъ есть только утвержденіе того, что по существовавшему прежде порядку должно было вездѣ соблюдаться, но часто не соблюдалось въ слѣдствіе злоупотребленій намѣстниковъ, волостелей и другихъ кормленщиковъ. Ср. Акт. Эксп. I № 196, II.

7. — Мнѣ неизвѣстны акты ранѣе XVI вѣка, которыми я могъ бы подтвердить это положеніе; но думаю, что если оно несомнѣнно для общинъ, имѣвшихъ право собственнаго суда какъ въ XVI, такъ и въ XVII вѣкѣ, то должно быть принято и для древнѣйшаго времени, особенно въ примѣненіи къ такъ называемымъ Княжескимъ слободамъ. См. выше примѣч. 3. Изъ актовъ XVI вѣка сюда относятся на прим. уставныя грамоты В. Князей Василія Іоаннов., Іоанна IV и Удѣльнаго Князя Владиміра Андр. (напечатанн. въ Дополн. къ акт. ист. I № 26 и въ Акт. Эксп. I №№ 234, 242, 243, 250, 257). Что касается до матеріаловъ XVII вѣка, то изъ нихъ я приведу здѣсь одно судное дѣло 1635 г., окончательно рѣшенное земскимъ судейкою Ужгинской волости, и одинъ приговоръ 1671 г., сдѣланный земскимъ судейкою Лоемской волости, на основаніи котораго хотя и опредѣлено было послать судное дѣло къ докладу въ высшій судъ, но съ означеніемъ причины, *почему оно не могло быть рѣшено* самимъ судейкою съ его товарищами. Первое состоитъ въ слѣдующемъ: Ужгинецъ Семіонъ Родіоновъ жаловался на Корнила Семенова, что онъ выкосилъ и потравилъ скотомъ часть его пожни, не смотря на то, что обязался мировою записью потравы не дѣлать. При допросѣ на очной ставкѣ судейкою Поспѣломъ Васильевымъ, Корнилъ отвѣчалъ, что онъ косилъ то, что ему принадлежитъ. Тогда истецъ предъявилъ купчую на покошенное мѣсто, соглашался дать присягу, ссылался на то, что онъ о потравѣ заявилъ цѣловальнику и что у нихъ уже прежде было судное дѣло о потравѣ, которое покончено мировой. Противъ купчей отвѣтчикъ возразилъ, что она писана не на Ужгѣ. Судейка и цѣловальникъ положили сдѣлать судъ на мѣстѣ; но какъ время было уже зимнее (Юрьевъ день осенній), то съ общаго согласія рѣшили вершить судъ «когда

снѣгъ съ поль ростаетъ»—въ Николинъ день весенній. Къ этому дню судейка *прибралъ себѣ въ мужи людей добрыхъ:* Демида Тихонова, Луку Иванова, Бѣляя Иванова, и спросилъ отвѣтчика *любы ли ему тѣ люди въ заслѣдчики въ приговоры.* Корнилъ *ихъ полюбилъ.* За тѣмъ 9 мая «у Өеонасья великого *въ трапезѣ»* судейка сталъ звать Корнила на судъ; но Корнилъ при новомъ цѣловальникѣ отказался идти и не далъ по себѣ поруки. Тѣмъ не менѣе дѣло было рѣшено противъ него, такъ какъ и прежде онъ былъ признанъ виновнымъ *по жеребью* и на томъ основаніи, что онъ отказался *идти съ образомъ по межамъ.* Судное дѣло записано церковнымъ дьячкомъ и въ спискѣ, кромѣ судьи, означены земскіе цѣловальники (прежній и новый) и *мужи приговорные,* которые *сидѣли* и *дакали* у суднаго дѣла. Этотъ замѣчательный актъ хранится въ Археографич. Коммиссіи. Приговоръ же, сдѣланный по судному дѣлу судейкою Лоемской волости, слѣдующій: «Декабря въ 14 день выборные земской судейка прошлого 179 году Григорей Симеоновъ Василевыхъ съ товарыщи сего суднаго дѣла слушали, а выслушавъ приговорили сіе судное дѣло и за дѣломъ обоихъ, исца Логинка Васильева да отвѣтчика Өедку Никифорова, за поруками, послати въ докладъ къ великому государю къ Москвѣ на указной срокъ на Срѣтеніе Господня нынѣшняго 180 году, и на Москвѣ то судное дѣло подать и исцу и отвѣтчику велѣли явится въ Приказѣ Устюжьской Четверти думному дворянину Ивану болшему Савастьяновичю Хитрово да дьяку Аврамью Кощѣеву для совершенія сего суднаго дѣла; *а здѣсь того дѣла земляного болшаго приговорить и совершить не мочно и не возможно.* У приговору съ судейкою выборные же прошлые цѣловалники Прокопей Трофимовъ Заполскихъ да Микита Остафьевъ Чертковыхъ да мужи посаженые Баженъ Ивановъ сынъ Кормановыхъ да Василей Макѣевыхъ Жебовыхъ. Приговоръ писалъ, по судейкину Григорья Самсонова съ товарыщи по ихъ велѣнью, Луской Пермцы Лоемской волости прошлой же земской и судецкой дьячекъ Ортюшка.... Деревенской.» На оборотѣ, по склейкѣ, листковъ: «Къ сему приговору вмѣсто земского судьи и цѣловалниковъ съ товарыщы, кои въ семъ приговорѣ на лицѣ имена ихъ писаны, по ихъ велѣнью, Успенской Лоемской попъ Игнатей Дмитріевъ руку приложилъ.» (См. судное дѣло, хранящееся въ Москов. Главн. Архивѣ Мин. Ин. Д. въ числѣ приказныхъ дѣлъ старыхъ лѣтъ, связка 455).

8. — Мы особенно настаиваемъ на этомъ положеніи не только имѣя въ виду акты, относящіеся до древняго судопроизводства въ Новгородѣ и Псковѣ и Бѣлозерскую грамоту 1488 г., но основываясь также на свидѣтельствѣ другихъ памятниковъ XIV, XV и начала XVI вѣка, гдѣ упоминаются слободы и волости княжескія съ особенными привиллегіями на судъ, а съ другой стороны рядомъ съ названіями слобожанъ и земскихъ людей встрѣчаются *дворскіе, старосты, сотскіе, цѣловальники*, также *судные мужи* и *добрые* или *лучшіе люди* въ качествѣ *сидячихъ мужей* на судахъ у волостелей, посельскихъ, ловчихъ, слободчиковъ и другихъ судей, какъ кормленщиковъ, такъ и избираемыхъ самими жителями. См. Акты юрид. №№ 3 — 9, 11, 14, 19, 20, Акт. юрид. быта древн. Россіи I №№ 53, I, 52, III, 103, I, II, Акт. Эксп. I №№ 94, 143, 144, 147, 150, 201, Доп. къ акт. ист. I № 26. Въ этомъ отношеніи можно сказать рѣшительно, что Судебникъ Іоанна IV и его уставныя грамоты, предоставляющія самимъ жителямъ съ одной стороны участіе въ судѣ кормленщиковъ, а съ другой право собственнаго суда въ дѣлахъ гражданскихъ не заключаютъ въ себѣ ничего новаго.

9. — Изъ числа извѣстныхъ мнѣ выборовъ XVII вѣка въ земскіе судейки и цѣловальники къ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ я приведу здѣсь въ извлеченіи одинъ наиболѣе замѣчательный актъ этого рода, 1666 года, хранящійся въ Моск. Гл. Архивѣ Мин. Ин. Д., въ числѣ приказн. дѣлъ старыхъ лѣтъ, св. 367, подъ заглавіемъ: «Выборъ Дмитріевской волости въ земскіе судьи Ивана Ефремова (и) къ мірскимъ сборнымъ деньгамъ.» «Се азъ староста церковной Дмитревскіе волости Деонисъ Климентіевъ Ипатова, да прошлой земской судья Титъ Евтефіевъ Казаковъ.... да прошлой земской цѣловалникъ Данило Нефедовъ Паршина.... (всего 20 человѣкъ) и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Дмитревскіе волости, опроче Васка Романова Тверитинова миропродавца, *выбрали есми и полюбили* въ Дмитревской волости ко государеву цареву и в. князя Алексѣя Михаиловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, дѣлу въ Дмитревской волости въ *выборные земскіе судьи* Ивана Ефремова Кошелева, да Дмитр. же волости выбрали и полюбили *въ выборные земскіе цѣловалники* Ивана Нифантіева Аврамова къ нему судьѣ, да въ земскіе соцкіе выбрали и полюбили къ нему судьѣ Родіона Харитонова Рокотого съ нынѣшнего 174 году Стрѣтеньева дни Господня зимняго февраля

со 2-го числа до 175 году до Стрѣтеньева жъ дни февраля до 2-го же числа. *А судити ему судьѣ на стану въ Дмитревской волости насъ крестьянъ по челобитнямъ и по кабаламъ и по духовнымъ, по всякимъ писмянныимъ крѣпостямъ, управа межъ насъ крестьянъ чинить*, по государеву цареву и в. князя Алексѣя Михаиловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержьца, крестному цѣлованью, въ государевыхъ дѣлехъ и въ земскихъ по государеву указу по соборному Уложенью и по государевымъ уставнымъ жаловалнымъ грамотамъ, *каковы государевы уставные жаловалные грамоты даны въ Устьянскіе волости всѣмъ крестьянамъ*, и по сему нашему мірскому выбору, и по государевымъ грамотамъ, каковы отъ государя съ Москвы наказы пріидутъ.... а въ татинныхъ и розбойныхъ и душегубныхъ дѣлехъ ему судьѣ Ивану съ товарыщи по государеву указу и по соб. Уложенью.... про татинные и розбойные и про душегубные дѣла сыскивать, судить во всемъ у Дмитрея святаго на стану по государеву указу и по соборному Уложенью.... А цѣловалнику и соцкому у земскихъ у всякихъ дѣлъ и у поимки воровъ, татей и разбойниковъ и душегубцовъ съ выборнымъ судьею съ Иваномъ у роспросу и у поимки быть за одинъ человѣкъ. А намъ крестьяномъ съ нимъ судьею за ворами, за разбойниками и за всякими воровскими людми ходить въ погоню и воровъ и разбойниковъ.... съ нимъ судьею имать вмѣстѣ, и приводить на станъ къ Дмитрею св. А случитца въ Дмитр. волости душегубство, и государевы *поголовные денги править ему судьѣ* Ивану съ товарыщи *по 4 рубля по 4 алт. по полуторѣ денгѣ на душегубцѣ* и отсылать тѣ.. . денги ко государю къ Москвѣ, *да 1000 руб. въ прикащиковъ доходъ* съ Московскими посыльщики, кого изъ міру выберутъ.... Судить во всемъ у Дмитрея св. на стану крестьянъ и указъ имъ чинить безволокитно, и отъ того ему судьѣ Ивану съ товарыщи во всякихъ земскихъ дѣлехъ посуловъ и поминковъ не имать.... судить въ правду по государеву крестному цѣлованью, другу въ судѣ не дружить, а недругу не мстить.... А какъ онѣ выборной... съ товарыщи государеву службу отслужатъ до Стрѣт. дни впредь до 175 году и которые дѣла не вершатъ.... въ государевыхъ и земскихъ дѣлехъ и въ татиныхъ и въ разбойныхъ и душегубныхъ дѣлехъ и сыскахъ коихъ дѣлъ будетъ въ ихъ году сѣдѣлцы, тати и разбойники и душегубцы, и коихъ выборныхъ людей выберутъ въ службу... ко 176 году, и тому выборному судьѣ съ нимъ судьею

съ Иваномъ съ товарыщи въ государ. и земскихъ дѣлехъ росписатца и сѣдѣлцовъ у него... взять и указъ чинить по... Уложенью. И дати намъ крестьяномъ земскому судьѣ... съ товарыщи для ради сѣдѣлцовъ тюрма и тюремные крѣпости и цѣловалника къ тюрмѣ и сторожевъ съ опащики колко человѣкъ пригоже. А кои тати и разбойники... доведутся до пытки, и ихъ пытать; а намъ крестьяномъ міромъ дать мастера кому... пытать. А будетъ гдѣ объявятца тати и разб... и всякіе лихіе люди, и сотникомъ и полусотникомъ и десятникомъ и всѣмъ крестьяномъ земского судью Ивана съ товарыщи во всемъ слушать и на бой противъ воровскихъ людей итти со всякимъ ратнымъ боемъ, съ копьи и съ луками и съ пищалмы, и выборнаго земского судью Ивана съ товарыщи разбойникомъ не подать и въ погоню за ворами, за разб. ходить. А будетъ въ Димитр. волости у сотника или у пятидесятника. или у десятниковъ, у крестьянъ объявятца тати или разбойники и душегубцы и всякіе воровскіе люди, и сотнику и полусотнику и десятникомъ и крестьяномъ тѣхъ воровъ, татей и разбойниковъ и душегубцовъ имать и приводить предъ выборного земского судью Ивана съ товарыщи къ спросу. *А пристава ему судьѣ выбрали* въ Димитр. же волости Тимофѣя Борисова Драчева, *кому у него судьи насъ крестьянъ на поруки давати и на судъ ставить.* Въ томъ мы крестьяне Димитр. волости и выборъ дали. А выборъ писалъ у Димитрея св. на стану Димитревской церковной діячекъ, по ихъ крестьянъ велѣнью, Петрушка Матѳѣевъ, лѣта 7174 году февр. въ ... день.» — О судныхъ приговорахъ земскихъ судеекъ и отношеніи ихъ къ высшимъ органамъ судопроизводства см. примѣчанія 7 и 25 къ этой статьѣ.

10. — Сдѣланный нами въ настоящемъ случаѣ выводъ есть результатъ соображеній, основанныхъ на извѣстныхъ намъ рукописныхъ матеріалахъ, изъ коихъ нѣкоторые, подтверждающіе ту же мысль, мы привели въ примѣчаніяхъ 7, 9, 23, 24, 25.

11. — См. въ Моск. Главн. Архивѣ Мин. Ин. Д. приказн. дѣлъ стар. лѣтъ, связки 367, дѣло 1666—67 по 16 мая «Росписи Слободскихъ земскихъ цѣловальниковъ о мірскихъ денежныхъ надержкахъ.» Тамъ же связки 458 дѣло «О высылкѣ въ Новгородской Приказъ кирпичнаго дѣла мастеровъ.» Здѣсь начисляются слѣдующіе города *Вятской земли:* Хлыновъ, Слободской, Орловъ, Котельничь, Шестаковъ. Сверхъ того о намѣстникѣ Слободскомъ

см. Акт. Эксп. I № 210, а о воеводѣ Хлыновскомъ въ Архивѣ св. 456; о намѣстникѣ Орловскомъ упомянуто выше, въ примѣч. 5.

12. — О Двинской землѣ см. Московск. Гл. Архива М. И. Д. приказн. дѣлъ стар. лѣтъ связк. 72 № 4, грам. Двинскимъ воеводамъ 1614 ноября 24: «Били намъ челомъ *Двинскіе земли* заказной цѣловалникъ Якимко Лентіевъ да посадцкой сотцкой Дружинка Барсинъ и во всѣхъ Двинскихъ людей мѣсто *Двинскіе жъ земли Кевролского и Мезенского стану* на старостъ и на цѣловалниковъ и на всѣхъ крестіянъ, а сказали: въ прошломъ де во 121 году, по нашему указу и по грамотѣ, велѣно на Двинѣ воеводѣ Никитѣ Пушкину да дьяку Путилу Григорьеву у Архангелского города выгорѣлую стѣну сдѣлати *всею Двинскою землею*, и воевода и діякъ, для поспѣшенья къ карабелной пристани, къ тому Архангелскому городу къ горѣлому мѣсту доправили плотниковъ и посошныхъ людей и на городовое дѣло лѣсъ на нихъ на однихъ опрочь Кевролцовъ и Мезенцовъ; а въ Кевролу де и на Мезень воевода и діякъ посылали для того городового дѣла сотника стрѣлетцкого Дениса Золотарева съ стрѣлцами, и Кевролцы де и Мезенцы учинились силни и отъ сотника стрѣлетцкого отбилися и городовое дѣло своею четвертою долею не дѣлали; *а прежде де сего тотъ Архангелской городъ ставленъ блаженные памяти при В. Государѣ Царѣ и В. Князѣ Иванѣ Вас. всеа Руси пятью городы, и Кевролью и Мезенью, потому что та Кеврола и Мезень одна съ нами*, и какъ Архангелской городъ сталъ и послѣ того городовое дѣло дѣлали и обрубъ обрубали и землею обсыпали и городъ глиною мазали тѣ Кевролцы и Мезенцы съ нимижъ вмѣстѣ безъ выдачи четвертою жъ долью.... и впредь бы есте Кевролцамъ и Мезенцамъ городовые и острожные подѣлки и рвы дѣлати и въ Колу подъ стрѣлетцкой хлѣбъ въ лодейные и въ казачьи наймы Кевролцамъ и Мезенцамъ помогати Двиняномъ велѣли по прежнему по сошному розводу.» Въ другой Царской грамотѣ, 1636 г. февр. 7 (см. тамъ же) говорится, что Кевролыцы и Мезенцы считались съ Двинянами *по сохамъ изстари, потому что Кеврола и Мезень съ Двиною одна земля*. — Касательно Важской земли и ея становъ см. Акты Эксп. т. I № 233 и 234.

13.—Свѣдѣніе о пригородахъ Псковскихъ, ихъ уѣздахъ и раздѣленіи этихъ послѣднихъ на *губы* взято мною изъ рукописнаго юридическаго сборника XVII вѣка, который былъ сообщенъ мнѣ М. П. Погодинымъ изъ его древлехранилища. См. помѣщенный

здѣсь наказъ 1683 г. іюня 27 Петру Протопопову о сыскѣ въ уѣздахъ Псковскихъ пригородовъ бѣглыхъ людей разныхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ.

14. — Въ сборникѣ Рязанскихъ актовъ, хранящемся въ I-мъ Отдѣленіи библіотеки С. Петерб. Академіи Наукъ, подъ 1650 и 1651 годами встрѣчается извѣстіе, что въ Переяславлѣ Рязанскомъ «городъ и острогъ и башни со всякими городовыми и острожными крѣпостми» строенъ «*Рязанского уѣзду* сошными людми розныхъ становъ, которые приписаны къ Переславлю и къ Зарайску и къ Пронску и къ Михайлову по платежнымъ книгамъ съ живущихъ четьи, а денегъ на то городовое дѣло съ уѣздныхъ людей собрано было 9710 рубл. 18 алт. 2 денги.»

15. — См. дѣло Моск. Гл. Архива М. И. Д., приведенное выше въ примѣч. 12. Въ грамотѣ 1636 февр. 7 Царь приводитъ между прочимъ слова Двинянъ, что «въ иныхъ городехъ въ отпускахъ (царскихъ) городъ городу помогаютъ: *Соли Камской посадцкимъ и уѣзднымъ людемъ помогаютъ Чердынцы да Кайгородцы,* да къ Соли же Камской даютъ на ямъ въ подмогу Вятчане по 500 рублевъ на годъ; *а Соли Вычегоцкой посадцкимъ же и уѣзднымъ людемъ помогаютъ Вымичи и Сысолцы* и во всемъ межъ себя считаютца.» Подробности о счетѣ въ расходахъ Соли Камской съ Чердынью и Кайгородомъ заимствованы мною также изъ указаній рукописныхъ источниковъ.

16. — См. предыдущее примѣч. Въ писцовыхъ книгахъ, хранящихся въ Архивѣ Никольскаго (Вологодск. губ.) Уѣзднаго Суда, читаемъ: «А по Государевѣ Царевѣ и В. Князя Василья Ивановича всеа Русіи жаловалной грамотѣ 116 году велѣно *Вычеготскіе и Вымскіе земли* со крестьянъ оброку имати за соболи и за бѣлку.... и за всякіе угодья со двора по полуполтинѣ.» Такъ же о жителяхъ Плесовской волости сказано: «А въ службѣ и въ подводахъ и во всякихъ розметахъ *считатися имъ съ Вымичи и съ Ссоличи и съ Ужгою.*» На основаніи одной поручной записи, хранящейся въ Археографической Коммиссіи, 1698 г. сент. 9, по ямскомъ охотникѣ Степанѣ Тюрнинѣ, читаемъ, что онъ «нанялся *считаться болшимъ повалнымъ счетомъ съ Усолцы и съ Еренчаны и съ Ссысолцами вмѣстѣ.*»

17. — Въ наказѣ, упомянутомъ выше въ примѣчаніи 13, читаемъ, что помѣщики жаловались Царю на то, что во время ихъ службы «въ Чигиринскихъ походѣхъ и въ Кіевѣ съ крестьянъ

ихъ иманы полтинные денги, да тѣ же де ихъ крестьяне подымаючи ихъ на тѣ далніе службы и платя великихъ государей всякіе подати отъ нихъ многіе розбѣжались до переписныхъ книгъ и послѣ переписныхъ книгъ, видя себѣ великіе нужды, въ Севескъ и въ Камарецкіе волости, на Орелъ, и въ Кромы, и въ Рылескъ, и въ Суржу, и въ Бѣлгородъ, и въ Курескъ, и на Коротоякъ, и въ Землянескъ, и въ Острогожской *и во всѣ Бѣлогороцкіе пригородки* по той чертѣ и за черту, и въ Нотаповъ, и на Елецъ, и на Воронежъ, и въ Донковъ, и на Лебедень, и въ Рвской, и въ Тамбовъ, и въ Козловъ *и во всѣ Козловскіе пригородки*, и въ понизовые городы, и въ Казань, и въ Нижней, и въ Синбирскъ, и въ Саратовъ, и въ Саранескъ, и въ Орзамасъ, и на Олатырь, и на Пензу, и въ Ламовъ, и въ Керенескъ *и во всѣ Казанскіе пригородки* въ государевы села и въ деревни и за помѣщиковъ и за вотчинниковъ тамошнихъ украинныхъ городовъ.» Въ Московск. Главн. Архивѣ Минист. Ин. Дѣлъ въ приказн. дѣлахъ старыхъ лѣтъ встрѣчаются «Росписи, кто въ понизовыхъ городѣхъ бояръ и воеводъ и всякихъ приказныхъ людей, которые городы вѣдомы въ Приказѣ Казанскаго Дворца.» Въ этихъ росписяхъ упоминаются слѣдующіе *пригороды Казанскіе*: Тетюши, Лаишевъ, Оса, Арскъ, Олати, Малмыжъ, Старый Шошминскъ, Мензелинскъ, Шошминскъ, Кичюскъ, Ерыклинскъ, Тіунскъ, Бѣлой-Яръ, Буларское городище, Старой Ахтачинскъ, Заинскъ. Тамъ же «*Синбирской черты пригороды*»: Уренскъ, Юшалскъ, Тагаевъ, Саранскъ.

18. — Въ одной выводной 1674 генв. 7, хранящейся въ С. Петерб. Публичной библіотекѣ, читаемъ: «Се азъ Василей Ивановъ сынъ Протопоповъ... отпустилъ изъ помѣстья своего Казанского уѣзду *Зюрейской дороги* изъ села Болшой Шахозды крестьянскую дочь дѣвку Манку Григорьеву дочь Казанца Андрѣя Θедоров. Люткина въ помѣстье его Казанскогожъ уѣзду *Ногайской дороги* въ деревню Погашеву....» Въ другой выводной, того же 1674 генв. 18, хранящейся тамъ же: «Се азъ Θедоръ Семеновичь Черниковъ Онучинъ Казанецъ далъ есми сію выводную отпись въ Казани Казанца жъ Андрѣя Θедор. Люткина крестьянину его *Нагайской дороги* села Кулаева Савѣ Сидорову въ томъ.... сговорилъ онъ Савка женитца помѣстной моей деревни *Зюрейской дороги* Шигалеевского починка на крестьянской дочери на дѣвкѣ Палашкѣ Трофимовѣ.» Въ одной наемной записи 1699 авг. 11, на-

ходящейся въ записныхъ книгахъ 1700 и 1702 г. Архива Корсунскаго Уѣзднаго Суда подъ № 1 и 2, упоминается также *дорога Нагайская*. О значеніи же *дорогъ*, какъ чиновниковъ у Татаръ, см. въ статьѣ И. Д. Бѣляева «О Монгольскихъ чиновникахъ на Руси, упоминаемыхъ въ Ханскихъ ярлыкахъ,» помѣщенной въ Архивѣ истор. юрид. свѣдѣній, кн. I, отд. I, ст. IV, стр. 102. — О *ключахъ*, какъ округахъ, приведемъ для примѣра указанія Боярской книги, упомянутой выше въ примѣч. 3 и сборника XVI вѣка, хранящагося въ Московской Синодальной библіотекѣ подъ № 173. Въ первой встрѣчаются слѣдующія данныя: «Петръ Ондрѣевъ сынъ Окинфова съѣхалъ съ *Вяземского ключа* на середохрестье 63 (года);» передъ нимъ былъ Иванъ Ондр. Окинфовъ, который съѣхалъ *съ Вяземского же ключа* на середокрестье 62 года; «Степанъ Степан. сынъ Извояского съѣхалъ съ *ключа съ Рязанского* на Рожество Христово 61-го»; «Иванъ Наумовъ емлетъ откупъ *съ ключа съ трети Рязанские* на болшемъ Дворцѣ.» Во второй рукописи на л. 278 находится извлеченіе изъ писцовыхъ книгъ подъ заглавіемъ: «Списокъ съ книгъ лѣта 900 книги *ключя Новагорода Нижняго* писма Өедора Киселева.» Сюда же можетъ быть отнесено слѣдующее мѣсто въ уставной грамотѣ, напечатанной въ Акт. Эксп. I, № 357: «А доводчикомъ, *въ ихъ ключьяхъ*, въѣзжего и осевного давати потомужъ (какъ и прикащикамъ).» Читающему эти выписки конечно придутъ на умъ *ключи* Олегова договора. Впрочемъ объ этихъ послѣднихъ уже было говорено прежде.

19. — См. въ Акт. Эксп. I № 242 уставную грамоту Переславскимъ рыболовамъ, данную имъ 1555 авг. 15, которая была подтверждена Борисомъ Өедоров., Михаиломъ Өедоровичемъ и Өедоромъ Алексѣевичемъ, послѣднимъ въ слѣдующихъ словахъ: «... велѣли имъ сю жалованую грамоту подписати на наше.... имя *и о всемъ чинить какъ въ сей жаловалной грамотѣ написано, опричь тѣхъ статей, которые по указу отца нашего... и по соборному Уложенью и по уставнымъ грамотамъ и по боярскимъ приговорамъ отмѣнилисъ.*» Ср. напечатанную тамъ же, подъ № 324, уставную грам. крестьянамъ Борисоглѣбской слободы. Хотя эта грамота не была подтверждена послѣ Михаила Өеодоровича, но замѣчательна тѣмъ, что находящіяся въ ней постановленія касательно волостелей, «*коли та Борисоглѣбская слобода будетъ за кормленщики въ кормленьѣ*», встрѣчаются въ нѣсколькихъ жалованныхъ грамотахъ, выданныхъ вновь рыболовнымъ слободамъ, крестьянамъ ловецкихъ селъ и

между прочимъ селу Дѣдинову Царями Михаиломъ Ѳедоровичемъ и Алексѣемъ Михайловичемъ, съ тою только разницею, что вмѣсто волостеля въ нихъ упоминается прикащикъ или стряпчій Сытнаго Дворца. См. наприм. рукописи, хранящіяся въ Архивѣ Московск. Дворцовой Конторы подъ № 108 и 113. Въ этихъ грамотахъ встрѣчается и подтвержденіе царя Ѳедора Алексѣевича съ обычной его оговоркой.

20. — См. въ примѣч. 9 указаніе *на поголовныя деньги*, взыскиваемыя съ *душегубцевъ*. Еще яснѣе о платѣ поголовныхъ денегъ жителями мѣста, гдѣ найдено мертвое тѣло, постановлено въ дѣлѣ о убійствѣ, напечатанномъ въ Акт. юрид. быта древн. Россіи I № 102, 1693 г. «А въ указѣ великихъ государей въ новыхъ статьяхъ, въ 124 ст., написано по убивственнымъ дѣламъ: «На чьей земли убитыхъ людей тѣла подняты будутъ, *поголовныхъ денегъ имать съ убивства по 4 рубли по 4 алт. по полуторъ денгъ*.» На этомъ основаніи велѣно было за убійство крестьянина Ивана Потапова помѣщика Сатина поголовныя деньги доправить съ крестьянъ тѣхъ помѣщиковъ, на земли коихъ «мертвое тѣло объявилось.» Очевидно, что это таже «вѣра за голову», о которой, на основаніи древнѣйшихъ источниковъ, говорится и въ жалованныхъ грамотахъ XVII вѣка.

21. — См. въ Акт. юрид. быта древн. Россіи I № 124 и въ Отечеств. Записк. 1855 г. (Августъ) челобитныя XVII-го вѣка, сообщенныя г. Купріяновымъ.

22. — О правахъ, которыми пользовались и въ XVII вѣкѣ по дѣламъ уголовнымъ излюбленные (выборные) *судьи и цѣловальники* привиллегированныхъ общинъ можно заключить изъ акта, приведеннаго выше въ примѣч. 9. Это тѣже права, которыя предоставлены были нѣкоторымъ сельскимъ общинамъ Іоанномъ Грознымъ, какъ наприм. въ грамотахъ, напечатанныхъ въ Акт. Эксп. I № 242 и 243.

23. — Чтобы не ссылаться на Шуйскіе акты, приведенные уже г. Соловьевымъ, въ подтвержденіе того, что общины городскія имѣли обычай дѣлить общественную землю на участки по тягламъ (см. Русск. Вѣстника 1856 г. № 22 въ статьѣ «Споръ о Сельской Общинѣ»), мы выпишемъ здѣсь, изъ рукописныхъ источниковъ, одно мѣсто, указывающее и на пользованіе землею въ раздѣлъ между крестьянами въ селеніяхъ. Въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича путному ключнику Ѳедору Ракову, управлявшему

дворцовыми селами въ Шацкомъ уѣздѣ, читаемъ: «Билъ намъ челомъ Шацкого уѣзду нашего дворцового села Шаморги Богоявленской попъ Иванъ Васильевъ, а въ челобитной его написано: въ прошлыхъ де годѣхъ блаженные памяти при государѣ царѣ и велик. князѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ всеа Русіи дано къ церкви Богоявленія Господня дѣду его попу Григорью десять десятинъ въ полѣ, а въ дву потомужъ, села Шаморги со крестьяны *черезъ межу*, а сѣнные де покосы отцу его и дѣду отдѣлены подъ Медвѣжьимъ кремъ и у рѣчки Азы, *и села Шаморги крестьяне промежъ себя пашню дѣлятъ почасту*, а ему де попу Ивану даютъ пашню худую на толокахъ, которая имъ не годна и въ мѣрѣ менши; а сѣнные де покосы у Азы рѣчки лужокъ затолочили стадами, лѣтъ съ 30 и болши не ставитца ни единые копны, *и (в)предь церковной пашнѣ съ крестьяны черезъ межу* и на рѣчкѣ Азѣ сѣнному покосу *быть не мочно; и намъ бы его пожаловати велѣти церковную пашню села Шаморги отъ крестьянъ отдѣлить во всѣхъ трехъ поляхъ*....» (см. Сборникъ Рязанск. акт. въ 1-мъ Отдѣл. библіотеки С. Петерб. Академіи Наукъ). О владѣніи помѣщиками общею землею, до раздѣла ея на постоянные участки, *черезъ межу и черезъ загонъ* см. между прочимъ въ договорной записи 1632 марта 18 въ Акт. юрид. быта древн. Россіи, № 112, IV.

24. — Вотъ одинъ изъ числа нѣсколькихъ извѣстныхъ мнѣ актовъ этого рода: «Се азъ земской судья... да судецкой староста... да земской цѣловалникъ... да Никита Лаврентьевъ (всего болѣе 10 именъ) да и всѣ крестьяне Килченскіе волости дали есмя данную грамоту Петру Гаврилову сыну Контіеву *на пустой жеребей* на четверть деревни Архиповскіе на Тимофѣевъ жеребей Никитина, на землю и на сѣнныя покосы и на хоромы и на всѣ угодья, что къ тому жеребью истари потягло кругомъ по старымъ межамъ, чѣмъ Тимофѣй владѣлъ. А дали есми тотъ жеребей деревни на лготу отъ лѣта 7134 году марта съ 30 числа да до лѣта 7135 году до Ильина дни. И Петру тѣмъ жеребьемъ деревнею Архиповсков. *владѣти*, пашни пахать, изгорода поставить и хоромы приставливати, а въ пустѣ не покинуть. А подати государевы Петру до сроку до Ильина дни 135 году съ того жеребью деревни никакихъ не платить во всякіе въ мірскіе росходы; а впредь съ Ильина дни 135 году Петру съ того жеребья *потянути всякіе государевы подати съ міромъ вмѣстѣ, въ чемъ міръ обложатъ въ колодѣ въ бѣлошной*. А дали есмя безъ старыхъ всякихъ потуговъ

тотъ жеребей деревни до вотчица; а вотчицъ буде вымщется, ино Петру взяти у вотчица на роспашку и на взгороды четыре рубля денегъ опричь хоромъ, а что хоромъ приставитъ, ино за хоромы дати денгами, чѣм люди оцѣнятъ, Петру же. *А дали есмя всѣмъ міромъ тотъ жеребей деревни Петру.* А на то послуси: Василей Θедотовъ сынъ Максимова да Юрья Ивановъ Килченскіе волости. А данную писалъ у Троици на стану земской дьячекъ Гурейко Еустафьевъ Поповъ, лѣта 7134 г. марта въ 1 день» (см. Московск. Главн. Архива Мин. Ин. Дѣлъ приказн. дѣлъ старыхъ лѣтъ связк. 264).

25. — Для подтвержденія этого положенія я считаю здѣсь достаточнымъ привести одну грамоту, 1654 февраля 28, сообщенную мнѣ С. А. Раевскимъ. Она адрессована на имя Вяжскаго земскаго судейки изъ Приказа Большаго Прихода, какъ это подтверждается приложенною къ ней печатью: «Отъ царя и В. К. Алексѣя Михаиловича всеа Русіи на Вагу земскому судейкѣ Алешкѣ Третьякову, или кто на его мѣсто иной судейка выбранъ будедъ. Билъ намъ челомъ Важенинъ Подвинскіе чети Устьваенскіе волости Ивашко Мих. Поповъ тоежъ Уств. волости на Кирюшку Данилова да на Ивашку Макарова съ складники Меншіе Игнатовскіе деревни да на Пятунку Терентьева да на Гришку Евтифѣева съ складники Болшіе Игнатовскіе деревни; а въ челобитной его написано: въ прошломъ де во 144 году дано наше жалованье отцу его Ивашкову, попу Михайлу, на роспашь, Голцовъ островъ, чернолѣсье, да Онфимковъ, и новая нарейка обжа безъ трети, въ тягло, и съ тѣхъ де острововъ отецъ его Ивашковъ, попъ Михайло, въ нашу казну данные и оброчные денги и стрѣлецкіе кормы и всякіе мірскіе росходы платилъ по 158 годъ, а послѣ отца своего попа Михайла онъ Ивашко въ нашу казну съ тѣхъ острововъ данные и оброчные денги и стрѣлецкіе кормы и всякіе мірскіе росходы платитъ противъ прежнего нашего указу по нынѣшней 162 годъ; и та де его Ивашкова пашня, Голцовъ островъ чернолѣсье да Анфимковъ и новая нарейка смежна Устьваенскіе волости съ крестьянскими ихъ съораными, съ луговыми землями и съ сѣнными покосы; и тѣ де крестьяне Кирюшка да Ивашко да Пятунка да Гришка съ складниками послѣ отца его Ивашкова попа Михайла той своей земли не городятъ, и ему Ивашку чинятъ изгоню болшую, земли пахать не дадутъ и скотины ему выгонять негдѣ; и онъ де Ивашко отъ ихъ изгони въ конецъ погибъ и

пашню запустошилъ, и въ той ихъ изгонѣ ему Ивашку учинилось всякихъ убытковъ 35 рублевъ съ полтиною.—И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ Устьваенскіе волости промежъ крестьяны Ивашкомъ Поповымъ да Кирюшкою Даниловымъ да Ивашкомъ Макаровымъ да Пятункою Терентьевымъ да Гришкою Евтифѣевымъ съ складники спорную подѣлилъ огородную землю, съ попы и съ старосты и съ крестьяны розвелъ въ правду по нашему указу, никому не норовя, и огородъ велѣлъ городить по крѣпостямъ и по тяглу, а *въ убыткахъ далъ имъ судъ и сыскъ*, *а по суду и по сыску межъ ими росправу учинилъ безволокитно въ правду по нашему указу*, *чего довгдетца*. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7162 февраля въ 28 день.» Въ рукахъ у меня находится и судебное рѣшеніе, сдѣланное на основаніи этой грамоты земскимъ четвертнымъ судьею — Алексѣемъ Самойловымъ.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Г. ГОФМАНА

подъ заглавіемъ:

СѢВЕРНЫЙ УРАЛЪ И БЕРЕГОВОЙ ХРЕБЕТЪ ПАЙ-ХОЙ,

составленный

Г. П. Гельмерсеномъ.

Предлежащее сочиненіе нашего столь достохвально извѣстнаго геолога-путешественника, изданное также въ Русскомъ переводѣ, по своему значенію и содержанію принадлежитъ къ важнѣйшимъ явленіямъ, вышедшимъ какъ въ прежнее, такъ и въ новѣйшее время о геологіи и географіи Россійской Имперіи и весьма естественнымъ образомъ примыкаетъ къ двумъ другимъ сочиненіямъ, которыя разсуждаютъ о томъ же самомъ краѣ Россіи и оба удостоены нашею Академіею Демидовскихъ премій, а именно: Alexander Schrenk's Reise 1834 durch die Tundren der Samojeden zum arktischen Uralgabirge и: Des Grafen Keiserling und Paul Krusenstern's Wissenschaftliche Beobachtungen auf einer Reise in das Petschoraland im Jahre 1843.

Точное наше познаніе Уральскаго хребта издавна ограничивалось среднею его частью, потому что рудокопство почти исключительно производится только въ этой части. Лежащія къ сѣверу и югу отъ горныхъ округовъ части Урала, хотя и были отъ времени до времени случайно посѣщаемы, но никогда не дѣлались предметомъ обширнаго изслѣдованія. По этой то причинѣ южный Уралъ начиная отъ рѣки того же имени до южнаго отрога хребта, находящагося верстахъ во сто отъ Аральскаго моря, еще понынѣ остается весьма мало извѣстнымъ; о сѣверномъ же Уралѣ, а именно отъ Петропавловскаго завода до Ледовитаго моря мы знали бы еще менѣе того, если бы онъ не былъ изслѣдованъ Гофманномъ и его

сопутниками. Три лѣта были употреблены на обозрѣніе этой столь мало доступной страны глубокаго сѣвера. Это были многотрудныя, весьма опасныя странствованія, которыя сподвижники мужественно и настойчиво совершили среди всякаго рода лишеній и которыя принесли наукѣ обильную и разнообразную добычу, потому что это были въ полномъ смыслѣ путешествія для открытій.

Все, что до времени Гофманнова путешествія было извѣстно о сѣверномъ Уралѣ, ограничивается слѣдующими странами:

Зуевъ, сопутникъ Палласа правда дошелъ до Обдорска, а оттуда до береговъ Карской Губы, но онъ доноситъ только весьма скудно о самомъ сѣверномъ концѣ хребта, о которомъ только говорится, что онъ еще въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря сворачиваетъ къ западу.

Эрманъ зимою 1828 года посѣтилъ изъ Обдорска нѣкоторыя изъ видимыхъ оттуда горъ, но, какъ изъ этого самого явствуетъ, не могъ донести ничего точнаго о связи ихъ съ главнымъ краямъ хребта и о продолженіи его къ сѣверу.

Высланныя въ разныя времена изъ Богословска поисковыя экспедиціи въ 1834 и 1835 годахъ достигли подъ начальствомъ капитана Стражевскаго 64° сѣв. широты и мы обязаны имъ иными важными свѣдѣніями объ этой части хребта.

Въ 1837 году д-ръ Александръ Шренкъ посѣтилъ хребетъ между проливомъ Вайгачскимъ*) и рѣкою Карою и впервые сообщилъ намъ болѣе точное объ немъ свѣдѣніе. Онъ проникъ и къ самому Уралу; но описаніе его путешествія вышло въ свѣтъ не прежде какъ уже по возвращеніи изъ той страны самого Гофманна, который былъ снабженъ гораздо большими пособіями для производства геодезическихъ измѣреній.

Въ 1843 году графъ Кейзерлингъ коснулся сѣвернаго Урала въ двухъ пунктахъ, а именно у истоковъ Печоры подъ

*) Т. е. хребетъ Пай-Хой.

62° сѣв. широты и въ горѣ Сабля подъ 65° сѣв. широты, но посвятилъ обоимъ пунктамъ только не много времени, потому что поле превосходныхъ его наблюденій лежало собственно къ западу отъ хребта въ Печорской землѣ.

Экспедиція для изслѣдованія сѣвернаго Урала результаты которой нынѣ предлежатъ намъ, была рѣшена осенью 1846 года совѣтомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, коего Вицепредсѣдателемъ былъ въ то время Адмиралъ Литке и по вызову Совѣта Полковникъ (нынѣ Генералъ-Маіоръ) Гофманнъ принялъ на себя управленіе ею, а сверхъ того также производство геологическихъ и минералогическихъ наблюденій. Ему въ помощники приданъ былъ маіоръ Горныхъ Инженеровъ Стражевскій. Астрономическія, геодезическія и магнитныя наблюденія были поручены Магистру Ковальскому, а составленіе ботаническихъ и зоологическихъ коллекцій принялъ на себя Королевско-Датской службы лейтенантъ Брантъ, спутникъ Г. Миддендорфа въ Сибирскомъ его путешествіи. Въ распоряженіе экспедиціи предоставлены были двое военныхъ топографовъ для изготовленія карты, одинъ штейгеръ и четверо мастеровыхъ для могущихъ встрѣтиться горныхъ развѣдокъ. Наконецъ личный составъ экспедиціи былъ еще дополненъ искуснымъ рисовальщикомъ, г-мъ Бермелѣевымъ.

При такомъ снаряженіи и подъ руководствомъ столь опытнаго и мужественнаго вождя и ученаго, каковъ Генералъ Гофманъ можно было по всей справедливости ожидать отъ этой экспедиціи значительныхъ результатовъ и это ожиданіе сбылось въ полной мѣрѣ.

Предлежащее сочиненіе составляетъ собою томъ въ 476 страницъ большаго ин-кварто, весьма обильно снабженный литографированными чертежами и очень хорошими вставленными въ самый текстъ политипажами. Первые изъ нихъ изображаютъ виды сѣвернаго Урала и портреты Самоѣдовъ, Остяковъ и Зырянъ, п ослѣднія объясняютъ разные приборы, упо

требительные у этихъ племенъ при рыбной ловлѣ, охотѣ на птицъ и пушныхъ звѣрей или знакомятъ читателя съ жизнью обитателей Урала, а иные изъ политипажей очерчиваютъ геологическое строеніе хребта и особенные, необыкновенные виды горъ. Весьма важную придачу къ книгѣ составляетъ основанная на астрономическомъ опредѣленіи мѣстъ и на съемкахъ военныхъ топографовъ карта сѣвернаго Урала отъ 61° с. ш. до береговъ Ледовитаго моря: она вмѣстѣ съ тѣмъ обнимаетъ также теченіе Печоры отъ ея истоковъ до самаго устья и между прочимъ ясно показываетъ одно изъ важнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ открытій Гофманновой экспедиціи, а именно, что Уралъ не достигаетъ Карской губы, а напротивъ верстахъ въ 50 къ югу отъ нея внезапно вмѣстѣ съ горою Константиновымъ камнемъ уклоняется къ тундрѣ и что простирающійся къ одному берегу Карской губы низкій хребетъ Пай-Хой совершенно отдѣленъ отъ Урала широкою низью и вовсе отличается отъ него какъ своимъ направленіемъ, такъ и самымъ видомъ.

То было 6 Августа 1848 года, и такъ во-второе путешествіе, когда открыта была эта гора. Съ ея вершины возвышающейся на 1491 футъ Гофманнъ и его спутники узрѣли Ледовитое море. Цѣль труднаго странствованія была достигнута. Всѣ недостатки, всѣ опасности, съ которыми долженъ былъ бороться смѣлый путешественникъ, были забыты, и въ этомъ то возвышенномъ настроеніи духа они наименовали эту самую сѣверную порубежную твердыню двухъ частей свѣта, коихъ большая часть подвластна Россіи, въ честь августѣйшаго предсѣдателя нашего Географическаго Общества Константиновымъ камнемъ. Оттуда Гофманнъ проникъ еще до самаго моря и потомъ обратился къ рѣкѣ Карѣ съ тѣмъ, чтобы достигнуть Вайгачскаго пролива, что и удалось ему: посѣщеніе же самаго Вайгача было оставлено имъ и онъ отправился вдоль хребта Пай-Хоя до юговосточнаго его конца, горы Іоденей, а оттуда 2 Сентября предпринялъ обратный путь свой въ юж-

номъ направленіи. Когда Гофманнъ достигъ 14 Сентября рѣки Усы, то получилъ здѣсь первое извѣстіе о неудачѣ тѣхъ розысканій, которыя долженъ былъ въ этомъ же году выполнить капитанъ Стражевскій. А именно имѣлось въ виду на этотъ разъ изслѣдовать хребетъ съ востока, а не съ запада, какъ въ предъидущемъ 1847 году, когда исходною точкою избранъ былъ городъ Чердынь и удалось проникнуть въ горы до параллели Оранца. Начиная отъ Березова шествіе въ 1848 году простиралось до рѣки Вайкара, и тутъ раздѣлилось на двѣ отрасли. Стражевскій долженъ былъ оттуда идти вдоль хребта къ югу и возвратиться чрезъ Богословскъ; а Гофманнъ намѣревался слѣдовать къ сѣверу до Ледовитаго моря. Вскорѣ по разлученіи ихъ, въ Уральскомъ краю обнаружилась зараза, лишившая Стражевскаго всѣхъ оленей, на которыхъ онъ перевозилъ свою поклажу. Послѣ наитруднѣйшаго похода, онъ, измученный голодомъ и вовсе изнуренный, прибылъ въ Березовъ, утративъ смертью изъ своихъ сопутниковъ одного мастероваго и одного Остяка. И полковникъ Гофманнъ подвергся той же самой опасности, но, получивъ еще заблаговременно помощь, избѣгнулъ вѣроятной погибели. Происшедшій отъ неудачи экспедиціи Стражевскаго пробѣлъ Гофманнъ выполнилъ третьею своею экспедиціею въ 1850 году, которая такимъ образомъ довершила все предпріятіе. Что касается до хода путешествія и сдѣланныхъ въ продолженіе его наблюденій мы должны сослаться на самое его описаніе или на извлеченія изъ него, уже сообщенныя журналами. Матеріялъ такъ разнообразенъ, и притомъ обработанъ столь привлекательно и поучительно, и столько содержитъ въ себѣ новаго и любопытнаго, что и сравнительно очень сжатое извлеченіе уже далеко превышало бы границы нашего отчета, а по этому мы должны ограничиться только однимъ главнымъ содержаніемъ книги, чтобы уяснить такимъ образомъ результаты экспедиціи.

Первая половина книги послѣ краткаго предисловія и вве-

денія заключаетъ въ себѣ отчетъ о самомъ путешествіи. Авторъ сперва изображаетъ случившіяся съ нимъ событія свойственнымъ ему, уже хорошо извѣстнымъ намъ образомъ, столь привлекательно и живо, что всякій конечно съ истиннымъ удовольствіемъ прочтетъ это донесеніе. Но сверхъ того въ немъ содержится много географическихъ и естественно-историческихъ замѣтокъ и наблюденій, столько вѣрныхъ и живыхъ описаній страны и ея обитателей, что читатель дѣйствительно совершенно какъ бы переносится въ эти края и,такъ сказать, сродняется съ ними. Но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ узнаетъ также, что путешествіе по тамошнимъ пустынямъ сопряжено со многими трудностями и опасностями и мѣстами онъ призадумается, читая напримѣръ на стр. 185 изображеніе очевидной смертной опасности, которой были подвержены полковникъ Гофманнъ и его спутники, когда плотъ, на которомъ они спускались по рѣкѣ Харутѣ въ одной стремнинѣ набѣжалъ на утесъ и до того повредился, что путешественники въ первое мгновеніе считали себя погибшими. Какъ бы нѣкіимъ чудомъ они избѣгли явной гибели. Слѣдующій за тѣмъ отдѣлъ отъ стр. 207 до 281 посвященъ геогностическимъ наблюденіямъ и состоитъ изъ нѣсколькихъ частей. Сначало опредѣленіе собранныхъ Уральскою экспедиціею окаменѣлостей, и выражаемыхъ ими формацій, графа Кейзерлинга. Изъ этого краткаго, но весьма поучительнаго разсужденія явствуетъ, что окаменѣлости содержащія горныя породы сѣвернаго Урала принадлежатъ горному известняку, девонской почвѣ, верхне- и нижнесилурійскимъ системамъ. Существованіе нижнесилурійской системы чрезвычайно любопытно, потому что напластованія этого возраста только еще попадается въ Оренбургскомъ Уралѣ и вообще доселѣ на Уралѣ дознаны были лишь въ двухъ мѣстахъ.

За тѣмъ съ стр. 216 по 277 слѣдуетъ отдѣлъ, излагающій составленное полковникомъ Гофманномъ геогностическое описаніе сѣвернаго Урала, это важный во всѣхъ отношеніяхъ

трудъ потому что эта часть Урала едва была затронута геологами и слѣдовательно все здѣсь ново и въ высокой степени любопытно. Опредѣленія горнокаменныхъ породъ исполнено съ особеннымъ тщаніемъ. Нѣкоторое число мелкозернистыхъ кристаллическихъ породъ, которыя особенно было трудно опредѣлить, или которыя представляли собою особенную занимательность, Гофманнъ переслалъ къ Густаву Розе въ Берлинъ съ просьбою изслѣдовать ихъ. Весьма поучительныя результаты этого изслѣдованія сообщены въ видѣ особаго приложенія стр. 278. Геогностическому описанію приданы два чертежа съ изображеніемъ горныхъ профилей.

Далѣе съ стр. 285 слѣдуетъ отдѣлъ, въ которомъ собраны вмѣстѣ произведенныя на сѣверномъ Уралѣ опредѣленія высотъ и наблюденія относительно температуры ключей. Къ опредѣленію высотъ служили хорошо сличенные между собою барометры, которые во время путешествія были наблюдаемы какъ самимъ главою экспедиціи, такъ и Г-ми Стражевскимъ, Ковальскимъ и Брантомъ. Эти опредѣленія были сравнены съ одновременными наблюденіями высоты барометровъ въ Чердыни, Богословскѣ и Березовѣ, коихъ абсолютная высота извѣстна изъ болѣе долговременныхъ наблюденій. Послѣдняя работа выполнена Г. Академикомъ Ленцомъ. Всего опредѣлена была абсолютная высота свыше 300 пунктовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ относительная высота многихъ пунктовъ поверхъ Березова, Богословска и Чердыни. Высота многихъ горъ опредѣлена была астрономомъ Ковальскимъ посредствомъ геодезическихъ операцій. Изъ числа этихъ опредѣленій полковникъ Гофманнъ включилъ главнѣйшіе въ свой списокъ опредѣленій высотъ и уже съ помощью одного этого весьма цѣннаго матеріяла можно составить себѣ довольно полное понятіе о рельефѣ сѣвернаго Урала.

Въ слѣдъ за спискомъ вычисленныхъ высотъ помѣщено указаніе служившихъ этимъ выводамъ основаніемъ барометрическихъ наблюденій, производившихся какъ на открытомъ полѣ,

такъ и на постоянныхъ барометрахъ безъ присовокупленія надлежащихъ поправокъ. Этимъ самымъ дана возможность повѣрки и упрочивается довѣріе къ точности добытыхъ результатовъ.

Окончаніе сочиненія составляютъ два обширныхъ разсужденія, одно Г. Академика Брандта подъ заглавіемъ: Замѣтки о позвоночныхъ животныхъ сѣверо-Европейской Россіи, а въ особенности сѣвернаго Урала, другое Г. Академика Рупрехта подъ титуломъ Flora Boreale-Uralensis.

Въ введеніи къ своей статьѣ Г. Брандтъ говоритъ, что собранная Уральскою экспедиціею и переданная Г-мъ Гофманномъ въ академическій Музеумъ коллекція по части зоологіи очевидно значительнѣе всѣхъ когда либо полученныхъ изъ сѣверо-Уральскаго края.

Въ числѣ приведенныхъ экспедиціею и поступившихъ въ Академическій Музей растеній собранныхъ въ путешествіе Гофманна и описанныхъ Г. Академикомъ Рупрехтомъ оказалось нѣсколько новыхъ видовъ, изображеніе которыхъ Г. Рупрехтъ сообщаетъ на трехъ таблицахъ.

Считаемъ нужнымъ напомнить здѣсь, что труды астронома экспедиціи, Г-на Ковальскаго, уже за нѣсколько времени передъ симъ отпечатаны въ особомъ томѣ, составляющимъ первую часть всего сочиненія.

Такимъ образомъ сѣверный Уралъ, доселѣ бывшій по большей части неизвѣстною страною, благодаря усерднымъ и настойчивымъ усиліямъ Генералъ-Маіора Гофманна нынѣ уже введенъ въ кругъ хорошо изслѣдованныхъ странъ Русскаго сѣвера. Опредѣлено точное географическое его положеніе, его исходъ къ Ледовитому морю, его внѣшній видъ, геологическое свойство и гидрографическія отношенія, ближе изучены его климатъ, его флора и фауна и мы получили объ немъ ясное и полное понятіе. Такіе результаты, добытые многотрудными и опасными странствованіями въ одной изъ самыхъ нелюдимыхъ частей глубокаго сѣвера обязываютъ насъ благо-

дарною признательностью къ тѣмъ мужамъ, которые посвятили себя на совершеніе этого подвига изъ чистѣйшей любви къ отечеству и наукѣ. Это признаніе уже нынѣ въ полной мѣрѣ выражается какъ въ самой Россіи, такъ и въ чужихъ краяхъ. Труды Генералъ-Маіора Гофманна по искреннему нашему убѣжденію заслуживаютъ полной Демидовской преміи, потому что во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствуютъ тѣмъ условіямъ, которыя опредѣлены для достиженія полной преміи. Мы питаемъ твердую надежду, что Академія не откажетъ въ своемъ согласіи нашему предложенію.

ОТЗЫВЪ

Академика АБИХА

О ТОМЪ ЖЕ САМОМЪ СОЧИНЕНІИ.

Я вполнѣ соглашаюсь съ тѣмъ мнѣніемъ, которое сочленъ мой Г. Гельмерсенъ высказалъ относительно сочиненія Генерала Гофманна о сѣверномъ Уралѣ и считаю также съ своей стороны этотъ трудъ во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяющимъ тѣмъ условіямъ, которыя даютъ состязателю право на полученіе полной Демидовской преміи.

РАЗБОРЪ

сочиненія А. СОКОЛОВА

подъ заглавіемъ:

ЛѢТОПИСЬ

КРУШЕНІЙ И ПОЖАРОВЪ СУДОВЪ РУССКАГО ФЛОТА,

отъ начала его по 1854 годъ,

составленный

О. Веселаго.

Лѣтопись, составленная г. Соколовымъ, заключаетъ въ себѣ описаніе, въ хронологическомъ порядкѣ, 289-ти случаевъ крушеній и пожаровъ военныхъ и транспортныхъ судовъ Русскаго флота, съ 1713 по 1853 годъ включительно. Для строгаго ограниченія предѣловъ сочиненія, авторъ внесъ въ него только описаніе бѣдствій тѣхъ судовъ, которыя были оставлены ихъ командами, хотя бы самыя суда, въ послѣдствіи, и были спасены. Изъ этого правила допущено только одно исключеніе, а именно — относительно стоявшаго на мели парохода Геркулесъ — этотъ случай авторъ почелъ полезнымъ помѣстить по рѣдкости у насъ пароходныхъ крушеній. Въ Лѣтопись не включены крушенія судовъ Россійской Американской Компаніи, разнаго рода вольнонаемныхъ и всѣхъ судовъ гребнаго флота, ниже фрегатскаго ранга.

Очертивъ такимъ образомъ съ точностію предѣлы своего труда, г. Соколовъ составилъ возможно полное описаніе всѣхъ случаевъ гибели и пожара судовъ Русскаго флота, со времени перваго выхода его въ открытое море въ 1713 году, по 1853 годъ включительно.

Приложенія къ Лѣтописи заключаютъ въ себѣ: полныя выписки статей законовъ, по которымъ производились приговоры надъ лицами, участвовавшими въ крушеніи; списки судовъ и командировъ, претерпѣвшихъ бѣдствія; именной списокъ погибшихъ офицеровъ и число нижнихъ чиновъ, и наконецъ, къ

*

книгѣ приложены, для соображенія при чтеніи, отчетливо сдѣланныя карты: I. Балтійскаго моря съ Ботническимъ заливомъ; II. Финскаго залива; III. Чернаго моря; IV. Азовскаго; V. Бѣлаго; VI. Каспійскаго; VII. Нѣмецкаго моря и Скагеррака, VIII, Категата и IX. Охотскаго и Берингова морей. Однимъ словомъ, въ книгѣ находятся карты всѣхъ морей, на которыхъ происходили описанныя крушенія, то есть, карты всѣхъ морей, окружающихъ Россію.

Общая форма описаній крушеній есть слѣдующая: годъ гибели судна, рангъ его и число орудій, названіе судна, имя командира, море, на которомъ случилось несчастіе, и наконецъ описаніе самаго событія.

Объемъ и степень подробностей, сохраненныхъ въ каждомъ описаніи, зависѣли какъ отъ количества и рода матеріаловъ, такъ и отъ важности и назидательности, для моряка, подробностей самого крушенія.

Относительно иныхъ старинныхъ крушеній сохранились въ дѣлахъ только свѣдѣнія о названіи судна, да о годѣ и мѣстѣ его гибели, безъ всякихъ подробностей; а для новѣйшихъ, служили пособіемъ не только всѣ оффиціальные документы, но и словесные разсказы очевидцевъ. Поэтому о нѣкоторыхъ крушеніяхъ въ Лѣтописи помѣщены двѣ, три строки; а описанія другихъ доходятъ до 19 страницъ.

При достаточныхъ матеріалахъ для описанія крушенія, въ Лѣтописи, кромѣ разсказа техническаго морскаго, находится болѣе или менѣе подробный историческій разсказъ о всѣхъ замѣчательныхъ эпизодахъ событія.

Не входя въ разборъ каждаго изъ крушеній, укажемъ на болѣе подробныя ихъ описанія и, въ тоже время, на замѣчательные случаи. Къ числу ихъ принадлежатъ: 1) крушеніе корабля *Ингерманландъ*, погибшаго осенью 1842 года у береговъ Норвегіи, на пути изъ Архангельска въ Кронштадтъ. Здѣсь утонуло, убито и погибло отъ холода и изнуренія 389 человѣкъ. Оставшіеся въ живыхъ спасены послѣ страшныхъ страданій. Въ

числѣ пассажировъ корабля было нѣсколько женщинъ и дѣтей, увеличивавшихъ еще болѣе ужасъ сценъ, и безъ того ужасныхъ.

2) Крушеніе транспорта *Нѣманъ*, погибшаго въ Категатѣ, у береговъ Норвегіи, осенью 1853 года, замѣчательно по отличной распорядительности командира, капитанъ-лейтенанта Шкота, который, при весьма трудныхъ обстоятельствахъ, спасъ всю команду и самъ сошелъ на берегъ послѣднимъ, буквально за *нѣсколько секундъ* до погруженія транспорта на дно моря.

3) Крушеніе цѣлаго отряда военныхъ судовъ, погибшихъ въ январѣ 1848 года, въ Черномъ морѣ, у Новороссійска, событіе замѣчательное по страшной жестокости бури, при морозѣ, доходившемъ до —16°. Чтобы показать каково было положеніе моряковъ при этой битвѣ человѣка со стихіями, приведемъ нѣсколько строкъ изъ Лѣтописи. «Буря усиливалась, «брызги отъ волненія, замерзая кругомъ и внутри судна, обра«зовывали вездѣ слой толстаго льда; снасти, паруса, шхивы «въ блокахъ, словомъ все оледенѣло; люди, раздѣленные на че«тыре смѣны, безпрестанно обрубали ледъ, гдѣ и какъ было «только можно. Они перемѣнялись черезъ каждыя *пять ми«нутъ;* но и въ этотъ краткій промежутокъ, отъ жестокаго мо«роза, лопаты и топоры падали у нихъ изъ рукъ; ихъ смѣняли «другими, которые успѣвали отогрѣваться и, выходя снова на «ужасную борьбу, изнурялись этою превозмогающею силы че«ловѣческія работою» (Лѣтоп. стр. 218). Изъ семи судовъ, потерпѣвшихъ при этомъ крушеніе, одно — тендеръ *Струя* — погрузилось на дно со всѣмъ экипажемъ.

4) Крушеніе корабля *Фершампенуазъ*, сгорѣвшаго на Кронштадтскомъ рейдѣ, въ 1831 году. Событіе замѣчательное неосторожностію, которая была причиною пожара, и также самоотверженіемъ и энергическими дѣйствіями лейтенанта (нынѣ вице-адмирала) И. И. фонъ-Шанца.

5) Крушеніе транспорта *Змѣя*, потонувшаго въ 1828 году въ Черномъ морѣ, у непріятельскаго, Турецкаго, берега; экипажъ

транспорта былъ спасенъ катеромъ Ласточка, случайно попавшимъ на мѣсто гибели. Въ продолженіе пятидневнаго пребыванія экипажа транспорта на маленькомъ катерѣ, длиною въ 50 футовъ, тѣснота была такъ велика, что на пространствѣ не болѣе 250 квадратныхъ аршинъ, помѣщалось 25 офицеровъ и до 300 нижнихъ чиновъ, получая весьма скудную порцію провизіи, а воды по полустакана въ сутки на человѣка.

6) Крушеніе брига *Фалкъ*, ставшаго на мель, осенью 1818 года, вблизи Кронштадта, у Толбухина маяка. Весь экипажъ этого брига, исключая двухъ человѣкъ, замерзъ въ продолженіе ночи.

7) Крушеніе брига *Фениксъ*, разбившагося осенью 1831 года, на сѣверномъ берегу Финскаго залива, у острова Юсари, замѣчательно по строгому сохраненію дисциплины и нѣкоторымъ интереснымъ подробностямъ.

8 и 9) Бѣдствія пароходовъ: *Архимедъ* и *Геркулесъ*, изъ которыхъ первый потерпѣлъ крушеніе осенью 1850 года, у острова Борнгольма, а второй сталъ на мель у острова Вульфа, близъ Ревеля.

Изъ старинныхъ крушеній подробнѣе другихъ описаны: 1) гибель фрегата *Наталья*, разбившагося осенью 1779 года въ Нѣмецкомъ морѣ, у острова Шкеленга. Командиромъ фрегата былъ извѣстный въ послѣдствіи несчастнымъ сраженіемъ у Балтійскаго порта, Адмиралъ Ханыковъ, дѣйствовавшій при крушеніи фрегата, какъ отличный во всѣхъ отношеніяхъ морской офицеръ.

2) Крушеніе фрегата *Минерва*, погибшаго осенью 1774 года, у сѣвернаго берега Финскаго залива.

Изъ общаго обзора крушеній на разныхъ моряхъ и въ разное время, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ о качествѣ морей, окружающихъ наше отечество, и о состояніи флота. На Балтійскомъ морѣ (особенно въ предѣлахъ Финскаго залива), въ Нѣмецкомъ морѣ, Категатѣ, Скагерракѣ и Зундѣ крушенія судовъ происходили наиболѣе отъ неизвѣстныхъ теченій, которыя имѣютъ пагубное вліяніе въ этихъ тѣсныхъ и

усѣянныхъ мелями и камнями водахъ. На Черномъ морѣ болѣе обыкновенною причиною крушенiй была жестокость бурь; на Охотскомъ — недостаточность прочной постройки и хорошаго снабженiя и управленiя судовъ. Большая часть старинныхъ крушенiй происходила главнѣйше отъ недостатковъ, какъ въ постройкѣ, вооруженiи и снабженiи корабля, такъ и въ способахъ кораблевожденiя. Но вообще число судовъ, потерпѣвшихъ бѣдствiя, весьма не велико, если принять въ расчетъ продолжительность времени, обнимаемаго Лѣтописью, дѣятельность плаванiй и общее число всѣхъ судовъ, выходившихъ въ море.

Г. Соколовъ, съ самой строгой акуратностiю, исчерпалъ всѣ источники избраннаго имъ предмета. Во время многолѣтней своей работы, онъ внимательно и съ полной опытностiю къ подобному занятiю пересмотрѣлъ дѣла Главнаго Морскаго Архива въ С. Петербургѣ, портовыхъ архивовъ въ Ревелѣ, Кронштадтѣ, Севастополѣ и Николаевѣ; а свѣдѣнiя о крушенiяхъ судовъ въ Охотскомъ и Беринговомъ моряхъ получилъ отъ разработывавшаго тамошнiе мѣстные архивы доктора Полонскаго.

Работа по первымъ источникамъ составляетъ вообще трудъ не легкiй; въ настоящемъ же случаѣ она представляла особенную трудность еще потому, что автору необходимо было самому посѣтить упомянутые архивы и заниматься разборкою дѣлъ, хранящихся не всегда въ удобномъ для работъ помѣщенiи и въ такомъ порядкѣ, чтобы можно было при выборѣ дѣлъ вполнѣ положиться на архивныя описи.

Рѣдкое дѣло о крушенiи не заключаетъ въ себѣ огромной массы исписанной бумаги; но авторъ Лѣтописи, пересмотрѣвъ все дѣло, какъ-бы ни было оно огромно, нерѣдко могъ заимствовать изъ него только нѣсколько строкъ. Для примѣра укажемъ на дѣло (Главнаго Морскаго Архива) о крушенiи корабля *Варахаилъ*, опрокинувшагося въ Архангельскѣ на Двинскомъ барѣ. Оно составляетъ книгу, листоваго формата, фута въ два толщиною; а разсказъ о немъ у г. Соколова занимаетъ одну страницу. Слѣдственное дѣло о пожарѣ парохода *Араксъ* напи-

сано на 1600 листахъ; а въ Лѣтописи помѣщается на двухъ страницахъ, заключающихъ сущность дѣла и самыя характеристическія его подробности. Подобные примѣры представляютъ многія другія крушенія, вошедшія въ книгу г. Соколова.

Большей части нашихъ моряковъ хорошо извѣстны трудолюбіе и неукоризненная добросовѣстность г. Соколова, который, неограничиваясь архивами, отыскивалъ, гдѣ только могъ, малѣйшіе признаки свѣдѣній, имѣющихъ отношеніе къ избранному имъ предмету, отыскивалъ частныя записки и умѣлъ заставлять разсказывать участниковъ крушенія, иногда весьма неохотно вспоминающихъ о такомъ событіи, какъ гибель судна, на которомъ они служили. Онъ не довольствовался внимательнымъ прочтеніемъ слѣдственныхъ и военносудныхъ дѣлъ о каждомъ крушеніи, для историческаго изложенія событія; но если были какія нибудь постороннія свидѣтельства, то критически взвѣшивалъ степень достовѣрности показаній каждаго изъ участниковъ крушенія, смотря по его личности и извѣстнымъ частнымъ обстоятельствамъ. Если сохранился шканечный журналъ разбившагося судна, то всѣ его курсы, предшествовавшіе крушенію, были проложены авторомъ Лѣтописи на современной, а потомъ и на новѣйшей вѣрной картѣ, взяты въ соображеніе употреблявшіяся тогда средства кораблевожденія, свѣдѣнія о теченіяхъ морскихъ и т. п. и обращено вниманіе на тѣже предметы, уясненные при нынѣшнемъ состояніи науки мореплаванія. Изъ этихъ соображеній выводилъ онъ разсказъ о событіи, совершенно безпристрастно и возможно правдиво.

Смѣло можно сказать, что о крушеніяхъ и пожарахъ судовъ за промежутокъ времени, обнимаемый Лѣтописью, едвали можетъ найтись какое нибудь новое свѣдѣніе, не вошедшее въ книгу г. Соколова.

Лѣтопись крушеній имѣетъ въ морской литературѣ двоякое, весьма важное значеніе; во-первыхъ, какъ историческое сочиненіе, исполненное самымъ добросовѣстнымъ образомъ; во-вто-

рыхъ, какъ необходимая для моряка практическая и, могу сказать, назидательная книга.

До сихъ поръ мы не имѣемъ еще не только полной исторіи Русскаго флота, но едва начинаемъ готовить необходимые для нея матеріалы. Въ настоящее время писатель, желающій обработать какой нибудь отдѣльный эпизодъ морской исторіи, если не хочетъ ограничиться слабою компиляціею изъ печатныхъ источниковъ, долженъ самъ для себя изъ архивовъ извлекать всѣ матеріалы. Подготовительныя работы, которыми морская литература обязана Шишкову, Берху, Висковатову, Бестужеву, Крашенинникову, А. Зеленому, Скаловскому и нѣкоторымъ другимъ, весьма малочисленны, по обширности такого предмета, какъ исторія флота. Поэтому такіе труды, какъ Лѣтопись крушеній, составляя фундаментальный матеріалъ для исторіи флота, имѣютъ высокую цѣну. Здѣсь каждая цыфра, каждое событіе, служебный порядокъ, современное строеніе, вооруженіе и снабженіе корабля всѣмъ необходимымъ для плаванія, представляютъ для писателя драгоцѣнные готовые матеріалы, а для всякаго любознательнаго моряка любопытныя свѣдѣнія. — Нигдѣ такъ не выказываются достоинства и недостатки всѣхъ отраслей морскаго дѣла и самаго моряка, какъ при гибели судна, когда употребляется вся энергія, всѣ свѣдѣнія, какія только даетъ наука, и испытываются всѣ средства, какія внушаетъ находчивость.

Каждое изъ описаній крушеній и пожаровъ, если позволяли матеріалы, составлено такъ, что морской офицеръ можетъ получить изъ него полное понятіе о событіи и иногда критически оцѣнить какъ образъ дѣйствій лицъ, въ немъ участвовавшихъ, такъ и степень вѣрности взгляда особъ, разбиравшихъ и судившихъ дѣло.

Большая часть разсказовъ Лѣтописи представляетъ читателю особые практическіе пріемы или особенное, исключительно свойственное подобному случаю, положеніе моряка и объясняетъ употребленныя при этомъ средства спасенія. Рядъ по-

добныхъ разсказовъ для молодаго офицера безспорно представляетъ лучшій учебный курсъ высшей морской практики и одну изъ необходимыхъ справочныхъ книгъ.

Кромѣ научнаго значенія, Лѣтопись не можетъ не имѣть на моряка читателя и служебно-нравственнаго вліянія.

Послѣ описанія гибели судна, является слѣдствіе и судъ: новая, чрезвычайно важная сторона предмета, изученіе которой необходимо для моряка. Читая описанія крушеній, онъ видитъ, что кипучія дѣйствія командира и его подчиненныхъ въ минуту гибели, спокойно и хладнокровно разбираются въ слѣдственной коммисіи, гдѣ члены, съ циркулемъ въ рукахъ, размѣряютъ на картѣ путь корабля и съ буквою закона соображаютъ, что командиръ долженъ былъ дѣлать и чего не дѣлать. Приговоръ, строго слѣдуя закону, оправдываетъ или безпощадно обвиняетъ участниковъ крушенія. По переходѣ дѣла въ высшую инстанцію, почти всегда начинается смягченіе, въ уваженіе разныхъ облегчительныхъ обстоятельствъ, и наконецъ нерѣдко, если командиръ дѣйствительно былъ больше несчастливъ, чѣмъ виновенъ, Высочайшая власть его милуетъ. Какъ на разительно-трогательный примѣръ, можно указать на гибель брига Ардебиль, перевернувшагося (1829 года) на Волгѣ, отъ неосторожности. На немъ погибло семейство командира. На докладѣ объ этомъ событіи Государь Императоръ изволилъ написать: узнать подробно, что такое? несчастнаго командира не наказывать.

Процесъ слѣдствія и суда, повторенный въ нѣсколькихъ десяткахъ разнообразныхъ случаевъ, невольно способствуетъ образованію у молодаго моряка, съ одной стороны строгой обдуманности дѣйствій, не смотря ни на какіе внѣшніе ужасы; а съ другой, не лишаетъ его, въ необходимомъ случаѣ, смѣлости дѣйствовать рѣшительно, хотя бы и рискливо, въ томъ предположеніи, что его побужденія будутъ оцѣняемы не только по буквѣ закона, но и по сердцу человѣческому.

Въ разсказахъ отъ лица автора, сохранена вездѣ точность и

краткость, иногда впадающая даже въ сухость; но это обстоятельство не только не уменьшаетъ заслугу, но напротивъ заставляетъ смотрѣть на трудъ съ особенно выгодной точки. Предназначая свою книгу для употребленія морскихъ офицеровъ, г. Соколовъ, не имѣя притязаній на тѣнь учителя, предоставляетъ самому читателю изъ хода событія извлекать для себя полезныя наставленія; и отъ своего лица, почти во всей книгѣ, ограничивается только строгимъ изложеніемъ дѣла, допуская иногда, для картинности разсказа, слова очевидца, заимствуемыя изъ печатныхъ источниковъ. Вслѣдствіе подобнаго изложенія, на каждое слово и на каждую цыфру, принадлежащую собственно автору Лѣтописи, можно смѣло положиться, какъ на свидѣтельство вѣрнаго документа.

Если при этомъ сочиненіе и потеряло нѣсколько занимательности, то отнесемъ это къ добровольной жертвѣ автора въ пользу науки, а не къ отсутствію таланта. Изъ множества другихъ сочиненій г. Соколова мы знаемъ, что онъ можетъ писать тепло и увлекательно-краснорѣчиво; а при такой канвѣ, каковы крушеніе и пожары судовъ, это было бы особенно легко. Здѣсь талантливое перо безпрестанно можетъ увлекать вниманіе читателя и переводитъ его отъ трагическихъ сценъ къ самымъ забавнымъ и обратно. При страшномъ событіи крушенія или пожара корабля, съ человѣка спадаетъ всякая искуственная маска и каждый является тѣмъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Въ моментъ бѣдствія высокія и мелкія личности очерчиваются самымъ рельефнымъ образомъ. Здѣсь служитель церкви, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, выходитъ на палубу корабля, погружающагося въ море, чтобы благословить въ послѣдній разъ нѣсколько сотъ человѣкъ, готовящихся къ смерти и черезъ нѣсколько минутъ самъ смывается волнами; на другой страницѣ, личность другаго рода думаетъ, при общей гибели, только о спасеніи своихъ благопріобрѣтенныхъ пожитковъ. Тамъ въ морозную ночь, обливаемые волнами подчиненные, обрекая себя на вѣрную гибель, своими тѣлами покрываютъ и

согрѣваютъ начальника; или на утопающей палубѣ, команда становится во фронтъ по одному слову командира и благодаря строгому порядку, успѣваетъ спастись; а въ другомъ случаѣ ослабленіе дисциплины подаетъ поводъ къ грустнымъ и смѣшнымъ сценамъ.

Исполненіе труда, предпринятаго г. Соколовымъ, по моему мнѣнію, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. За все время отъ перваго выхода Русскаго флота въ море, по 1854 годъ, мы имѣемъ описаніе *всѣхъ* крушеній и пожаровъ. Приложеніе къ книгѣ именныхъ списковъ, выписокъ изъ законовъ и картъ всѣхъ морей, бывшихъ театромъ крушеній, удовлетворяетъ самыя прихотливыя требованія.

При оцѣнкѣ труда г. Соколова не лишнимъ считаемъ сравнить его съ другими сочиненіями о томъ же предметѣ. На Русскомъ языкѣ мы должны указать на единственное и превосходное *Описаніе замѣчательныхъ кораблекрушеній*, извѣстнаго нашего моряка В. М. Головнина. Первыя три части этого труда состоятъ изъ переводовъ съ англійскаго соч. Дункена, а четвертая, составленная самимъ Головнинымъ, заключаетъ въ себѣ описаніе собственно Русскихъ крушеній.

О важности значенія этой книги въ морской литературѣ довольно сказать, что со времени своего появленія въ свѣтъ, въ 1822 году, и до сихъ поръ она составляетъ любимое чтеніе моряковъ и перечитывается ими съ новымъ удовольствіемъ безчисленное множество разъ. Тайна заключается въ удачномъ выборѣ самыхъ интересныхъ крушеній и увлекательномъ разсказѣ, въ которомъ при всякомъ удобномъ случаѣ находятся дѣльные практическіе и служебные совѣты автора. Но труды Гг. Головнина и Соколова, сходные по предмету, совершенно различны по плану и цѣли. Первый избралъ только *замѣчательнѣйшія* крушенія, и желая въ занимательной книгѣ поучить своихъ сослуживцевъ, блистательно успѣлъ въ своемъ намѣреніи; г. Соколовъ напротивъ занимательность отодвинулъ на второй планъ и написалъ строгое историческое сочиненіе, впол-

нѣ обнимающее избранный предметъ, сочиненіе, въ которомъ, какъ выше замѣчено, каждое слово, каждую цифру онъ можетъ подтвердить подлиннымъ документомъ.

Изъ сочиненій подобнаго рода, на иностранныхъ языкахъ, мы къ сожалѣнію имѣемъ возможность указать только на немногія, находящіяся въ библіотекѣ Гидрографическаго Департамента:

Naufragia or historical memoirs of shipwrecks: by *James Stanier Clarke*. London 1805 г. 2 тома.

Histoire des naufrages, par *Deperthes*. Paris 1815 г. 3 тома.

A history of shipwrecks and desasters at sea, from the most authentic sources. London, 1835 г. Описаны въ четырехъ томахъ, 74 крушенія.

Histoire des naufrages celèbres depuis le XV siècle jusqu'à nos jours. Par *Dantreygas*. Paris 1840 года, 2 тома.

Во всѣхъ четырехъ сочиненіяхъ описаны крушенія судовъ всѣхъ народовъ и слѣдовательно отъ нихъ нельзя и ожидать полноты сколько нибудь близкой къ Лѣтописи г. Соколова, съ которою имѣетъ нѣкоторое сходство только сочиненіе: Narrative of shipwrecks of the Royal Navy: between 1793 and 1849. Compiled principally from official documents in the admiralty, by *William O. S. Gilly*. Въ этой книгѣ описаны, на 336 страницахъ, 40 крушеній; къ ней приложенъ алфавитный списокъ судовъ, разбившихся, потонувшихъ и проч., съ 1793 по 1850 годъ, съ показаніемъ имени судна, года гибели, числа орудій, имени командира, числа команды, числа погибшихъ и мѣста несчастія.

Значеніе Лѣтописи крушеній еще увеличится, если мы посмотримъ на нее не только какъ на отдѣльное твореніе, но какъ и на часть огромнаго труда г. Соколова — исторіи Русскаго флота. По этому поводу позволяю себѣ, въ самыхъ короткихъ словахъ, представить вниманію Академіи одинъ лишь перечень трудовъ г. Соколова, направленныхъ къ одной общей цѣли. Не было кажется предмета, имѣющаго связь съ морскимъ

дѣломъ, на который авторъ Лѣтописи не обратилъ бы своего вниманія.

По исторіи гидрографіи г. Соколовымъ обработаны, большею частью по подлиннымъ журналамъ и другимъ оффиціальнымъ источникамъ, почти всѣ наши Русскія съемки, старинныя и новѣйшія, оставшіяся по разнымъ причинамъ не изданными. Дѣятельность его особенно обратилась на любопытныя и большею частію мало извѣстныя или совсѣмъ неизвѣстныя гидрографическія работы на Каспійскомъ морѣ и у береговъ Сибири. Собственно Каспійскому морю посвященъ рядъ статей, заключающихъ въ себѣ свѣдѣнія о замѣчательныхъ плаваніяхъ, бывшихъ до начала съемки, и потомъ исторической обзоръ всѣхъ съемокъ. Къ этимъ статьямъ относятся: очеркъ исторіи путешествій по Каспійскому морю до начала на немъ гидрографическихъ работъ; плаваніе по Каспійскому морю Генве, Ельтона и Вудруфа 1732—1744 года; первая опись Каспійскаго моря и описи его съ начала осьмнадцатаго вѣка по настоящее время. Все это по большей части капитальныя статьи, обнимающія собою вполнѣ избранный предметъ. Замѣчательнѣйшимъ въ свое время результатомъ описи была карта Каспійскаго моря, посланная въ 1721 году Государемъ Петромъ Великимъ Парижской Академіи. Изъ частныхъ описаній Каспія можно указать на обзоръ Карабогазскаго залива съ картою; Апшеронскій полуостровъ; восточный берегъ Каспійскаго моря, съ двумя картами; Аграханскій заливъ, и рѣка Кура.

При обработкѣ съемокъ на сѣверномъ и восточномъ берегахъ Сибири, г. Соколовъ принесъ большую пользу географіи. Труды его по этому предмету суть: Берегъ Ледовитаго моря между рѣками Обью и Оленекомъ, по съемкѣ 1734—1742 г., съ 2 картами. — Опись береговъ Сѣвернаго Океана отъ Канина до Обдорска, штурмановъ Иванова и Бережныхъ, съ 2 картами. — Опись береговъ Ледовитаго моря, Анжу. — Карта Чукотской земли, составленная Пленисперомъ, въ 1763 г. — Западный берегъ Камчатки по описямъ Ильина и Скрипова 1830 —

1835 г, съ картою. — Сѣверный берегъ Охотскаго моря, по картѣ Шаховскаго 1817 — 1819 года. — Рѣка Анадыръ по описямъ Лаптева и Плениснера 1742—1773 года. — Рѣка Мѣдная, по описи Серебрянникова, 1847 — 48 г. — Гавань Константиновская; два новооткрытыхъ острова въ Охотскомъ морѣ, и все это покрывается замѣчательнѣйшимъ большимъ сочиненіемъ: Сѣверная Экспедиція 1733—43 г.

По одному только краткому перечню этихъ трудовъ можно судить, какъ велика была бы заслуга писателя, исполнившаго ихъ даже и весьма посредственно; но г. Соколовъ, при своемъ трудолюбіи и талантѣ, совершенно возсоздалъ эти работы. По матеріаламъ далеко не совершеннымъ, не рѣдко отрывочнымъ; по запискамъ, веденнымъ иногда болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до настоящаго времени, людьми необразованными; по наблюденіямъ, дѣланнымъ несовершенными старинными инструментами, г. Соколову надобно было составлять карты съемокъ, критически разбирать достовѣрность каждаго показанія, рыться въ учебныхъ курсахъ современныхъ съемкамъ, чтобы добраться до какого нибудь темнаго выраженія или изучить способы и инструменты, употреблявшіеся съемщикомъ. Непонятное описаніе камня или растенія, сдѣланное человѣкомъ, не имѣвшимъ понятія о минералогіи и ботаникѣ, заставляло его обращаться къ людямъ спеціальнымъ и наконецъ добиваться до истины. Работы г. Соколова измѣнили на географическихъ картахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очеркъ берега, и, какъ на болѣе замѣтный примѣръ можно указать на Таймурскій полуостровъ.

Обращаясь къ описаніямъ мѣстностей, мы должны упомянуть о нѣсколькихъ большихъ статьяхъ, заключающихъ въ себѣ подробнѣйшее во всѣхъ отношеніяхъ описаніе Астраханскаго порта, начиная съ основанія его и до послѣдняго времени; о двухъ статьяхъ, посвященныхъ описанію Охотскаго порта и о небольшомъ описаніи срединныхъ островов Финскаго залива.

Главная заслуга г. Соколова принадлежитъ собственно

морской исторіи. Какъ, для составленія карты какой нибудь мѣстности, первоначально избираютъ и опредѣляютъ нѣсколько важнѣйшихъ точекъ, такъ и г. Соколовъ, до составленія полной исторіи Русскаго флота, написалъ рядъ сочиненій, изъ которыхъ каждое представляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ своего времени и обрисовываетъ тогдашнее состояніе флота и его дѣятелей. Назовемъ сначала однѣ капитальныя статьи: Морскія компаніи 1715—21 годовъ; Русскій флотъ при кончинѣ Петра Великаго 1725 года; Морскіе походы противъ Шведовъ 1742—43 годовъ; Архипелагскія кампаніи 1769—1774 годовъ; Морскія компаніи 1789—1799 годовъ; Описаніе двукратной экспедиціи Чичагова, для открытія Сѣверовосточнаго пути въ Америку, предпринятой на основаніи проекта Ломоносова.— Каждое изъ этихъ сочиненій обработано въ возможной полнотѣ и даже, можно выразиться, съ роскошью свѣдѣній; такъ напримѣръ, при описаніи кампаніи, авторъ, гдѣ была возможность, приводитъ въ какую сумму она обошлась государству — обстоятельство весьма важное, которое даетъ вѣрную точку зрѣнія для оцѣнки важности результатовъ кампаній. Къ этимъ капитальнымъ статьямъ надо прибавить другія меньшія, наполняющія пробѣлы между ними. Сюда относятся: Первый походъ на Азовское море 1699 г.; неизданныя письма Петра Великаго къ Графу Ѳ. М. Апраксину; морскіе журналы Наума Синявина 1705—12 годовъ; судъ надъ вице-адмираломъ Крюйсомъ; экспедиція Графа Войновича къ восточному берегу Каспійскаго моря; первый яхтъ-клубъ въ Россіи; Гангеудская битва 1714 года; церемоніалъ о вывозѣ ботика Дѣдушки Русскаго флота; первый походъ Русскихъ въ Америку 1732 года; о началѣ морскаго корпуса; документы о Чесменской битвѣ; донесенія и письма адмирала Мордвинова Князю Потемкину 1787—8 гг.; распоряженія и предположенія Князя Потемкина объ устройствѣ Черноморскаго флота и города Николаева; Гохландская морская битва 1788 годъ; исторія морскихъ сигналовъ. — Однимъ словомъ, г. Соколовъ, уже столько сдѣ-

лалъ для исторіи Русскаго флота, что одна компиляція изъ его трудовъ можетъ составить довольно полную исторію. По части морской библіографіи заслуга г. Соколова не оцѣнима, для всѣхъ настоящихъ и будущихъ дѣятелей нашей морской литературы и даже для всякаго любознательнаго моряка. Г. Соколовъ одинъ, безъ всякой помощи, составилъ *возможно-полную библіографію* всѣхъ Русскихъ морскихъ книгъ, въ которой, кромѣ заглавія книги, описано въ короткихъ словахъ ея содержаніе и указано на разныя изданія и на другія библіографическія подробности. Г. Соколовъ описалъ такимъ образомъ всѣ печатныя морскія книги и хранящіяся въ извѣстныхъ библіотекахъ рукописи, съ самаго начала ихъ появленія, до послѣдняго времени. Кромѣ этого г. Соколовъ составилъ изъ Русскихъ періодическихъ изданій за нѣсколько лѣтъ указатель статей, касающихся мореплаванія, и издалъ шесть томовъ Записокъ Гидрографическаго Департамента.

По справедливости можно сказать, что все, относящееся до мореплаванія, обращало на себя вниманіе г. Соколова и служило предметомъ его занятій. Онъ пишетъ ученыя замѣчанія объ измѣненіяхъ уровня Каспійскаго моря, отыскиваетъ въ Архивѣ забытый проэктъ Ломоносова о сѣверо-восточномъ пути въ Америку. Найдя рукопись въ изскаженной дурной копіи, онъ изучаетъ грамматику Ломоносова и возстановляетъ орфографію подлинника. Къ сожалѣнію, необходимо прибавить, что эта замѣчательная находка прошла въ нашей литературѣ незамѣченною. Тотъ же Соколовъ пишетъ о Русскихъ морякахъ и поэтахъ, собираетъ морскія пѣсни, предлагаетъ и начинаетъ собирать мѣстныя старинныя, малоизвѣстныя Русскія морскія слова, говоритъ объ изданіи морскаго словаря, собираетъ коллекцію портретовъ Русскихъ и иностранныхъ моряковъ и т. п. Все это одинъ человѣкъ, безъ особенныхъ средствъ и только въ послѣднее время поддержанный и согрѣтый тѣмъ свѣтлымъ лучемъ, которой живитъ и грѣетъ все трудящееся, для пользы Русскаго флота.

Всѣ труды г. Соколова, несмотря на ихъ кажущееся разнообразіе, суть части одного стройнаго цѣлаго будущей исторіи Русскаго флота; поэтому, разбирая заслугу, оказанную однимъ отдѣльнымъ сочиненіемъ, мы не могли не указать на полное цѣлое.

Не забывая въ авторѣ человѣка, грустно сказать, что такіе громадные труды были куплены дорогою цѣною здоровья, совершенно разстроеннаго чрезмѣрнымъ трудолюбіемъ.

Обширность и польза трудовъ г. Соколова по всѣмъ отраслямъ исторіи Русскаго флота и несомнѣнныя достоинства и важное, въ ученой морской литературѣ, значеніе составленной имъ *Лѣтописи крушеній и пожаровъ*, безъ сомнѣнія удостоятся обратить на себя благосклонное вниманіе Императорской Академіи Наукъ и, по мнѣнію моему, заслуживаютъ полной Демидовской преміи.

ПЕРЕЧЕНЬ СОЧИНЕНІЙ А. П. СОКОЛОВА.

Каспійское море:

Замѣтки о Каспійскомъ морѣ. Записки Гидрографическаго Департамента, Ч. III. стр. 169—208; Ч. IV. стр. 102—128; Ч. V стр. 111—189. Съ 2 карт.

Измѣненіе уровня Каспійскаго моря. Зап. Гидр. Д-та, Ч. VI. стр. 1—54. Съ картою.

Обзоръ Каробогазскаго залива. Зап. Гидр. Д-та, Ч. VI. стр. 81—91. Съ картою.

Апшеронскій полуостровъ Каспійскаго моря. Зап. Гидр. Д-та. Ч. VII. стр. 213—224.

Восточный берегъ Каспійскаго моря. Зап. Гидр. Д-та, Ч. VIII. стр. 239—260. Съ 2 картами.

Аграханской заливъ Каспійскаго моря. По запискамъ Басаргина и Фонъ-Флотова, 1825 и 1845 годовъ. Зап. Гидр. Д-та, Ч. IX. стра. 162—169.

Рѣка Кура. По описямъ Коробки и Зеленаго, 1814—1846 годовъ. Зап. Гидр. Д-та, Ч IX. стр. 169—180.

Описи Каспійскаго моря, съ начала осьмнадцатаго вѣка по настоящее время. Зап. Гидр. Д-та, Ч. X. стр. 1—69. Съ картою.

Дворецъ Петра Великаго въ Астрахани. Морской Сборникъ. Т. III. стр. 108—113.

Начало Астраханскаго порта. М. Сб. Т. II. стр. 108—113.

Астраханскій портъ съ 1725 по 1781. М. Сб. Т. II. стр. 466—474.

Астраханскій портъ съ 1783 по 1827. М. Сб. Т. V. стр. 1—18.

Первая опись Каспійскаго моря. М. Сб. Т. IV. стр. 69—71.

Экспедиція Графа Войновича къ восточному берегу Каспійскаго моря. М. Сб. Т. IV. стр. 227—236.

Очеркъ исторіи путешествій по Каспійскому морю, до начала на немъ гидрографическихъ работъ. М. Сб. Т. XI. стр. 44.

Плаваніе по Каспійскому морю Генве, Ельтона и Вудруфа. 1732—1744 годъ. М. Сб. Т. XIX. стр. 28.

Астрахань въ ея прошломъ и настоящемъ — отдѣльный оттискъ 111 стран.

Азовское море:

Первый походъ на Азовское море, 1699. Зап. Гидр. Д-та, Ч. VIII. стр. 367—394.

Финскій заливъ:

Срединные острова Финскаго залива. Зап. Гидр. Д-та, Ч. X. стр. 201—209.

Сѣверный океанъ и Ледовитое море:

Опись береговъ Сѣвернаго океана, отъ Канина Носа до Обдорска, Штурмановъ Иванова и Бережныхъ. Зап. Гидр. Д-та, Ч. V. стр. 110. Съ 2 картами.

Проэктъ Ломоносова и Экспедиція Чичагова. Зап. Гидр. Д-та, Ч. V. стр. 240—251.

Гавань Константиновская и два новооткрытые острова въ Охотскомъ морѣ. Зап. Гидр. Д-та, Ч. VI. стр. 92—99. Съ 2 карт.

Разныя свѣдѣнія относящіяся до экспедиціи Чичагова. Зап. Гидр. Д-та, Ч. VI стр. 100—141, Ч. IX. стр. 108—147.

Опись береговъ Ледовитаго моря, произведенная подъ начальствомъ г. Анжу, въ 1821—23 годахъ. Зап. Гидр. Д-та, Ч. VII. стр. 117 - 213. Съ 2 рисунками.

Берегъ Ледовитаго моря, между рѣкъ Оби и Оленека. По съемкѣ 1734—1742 годовъ. Записки Лейтенанта Лаптева и другихъ писателей. Зап. Гидр. Д-та, Ч. IX. стр. 1—77. Съ 2 карт.

Первый походъ Русскихъ въ Америку, 1732 года. Зап. Гидр. Д-та, Ч. IX. стр. 78—107.

Охотскъ по запискамъ Савина, 1846 года. Зап. Гидр. Д-та, Ч. IX. стр. 148—161. Съ 2 картами.

Сѣверная экспедиція 1733—43 годовъ. Зап. Гидр. Д-та, Ч. IX. стр. 190—469. Съ 5 картами.

Экспедиція къ Алеутскимъ островамъ, Капитановъ Креницына и Левашева, 1764—69 г. Зап. Гидр. Д-та, Ч. X. стр. 70—103.

Карта Чукотской земли, составленная Плениснеромъ, въ 1763 г. Зап. Гидр. Д-та, Ч. X. стр. 118—123.

Западный берегъ Камчатки, по описямъ Ильина и Скрыпова, 1830 и 1835 годовъ. Зап. Гидр. Д-та, Ч. X. стр. 124—155. Съ картою.

Сѣверный берегъ Охотскаго моря, по картѣ Лейтенанта Шаховскаго. 1817—1819 г. Зап. Гидр. Д-та, Ч. X. стр. 156 — 162.

Рѣка Анадырь, по описямъ Лаптева и Плениснера, 1742 и 1773 г. Зап. Гидр. Д-та, Ч. X. стр. 163 — 166.

Рѣка Мѣдная, по описи Серебренникова, 1847 — 8 г. Зап. Гидр. Д-та, Ч. X. стр. 167—177.

Свѣдѣнія о Чукчахъ, Капитана Шишмарева, 1821 года. Зап. Гидр. Д-та, Ч. X. стр. 201—209.

Начало Охотска. М. Сб. Т. III. стр. 568—570.

Ломоносова «Краткое описаніе разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ и показаніе возможнаго прохода Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію. С.-П.-б. 1847. стр. 150. — Въ 1854 году, г. Соколовъ издалъ дополнительную сюда статью подъ заглавіемъ: Проэктъ Ломоносова и экспедиція Чичагова. Стр. 6.

Исторія:

О началѣ Морскаго Корпуса. Зап. Гидр. Д-та, Ч. IV. стр. 312—319.

Морскіе походы противъ Шведовъ 1742 и 1743 годовъ. Зап. Гидр. Д-та, Ч. V. стр. 252—330. Съ 2 картами.

Русскій флотъ при кончинѣ Петра Великаго, 1725 года. Зап. Гидр. Д-та, Ч. VI. стр. 254—329.

Архипелагскія кампаніи 1769—1774 годовъ. Зап. Гидр. Д-та, Ч. VII. стр. 230—406. Съ 4 картами.

Морскія кампаніи 1789 и 1799 годовъ. Зап. Гидр. Д-та, Ч. VIII. стр. 275—366.

Морскіе журналы Наума Акимовича Сенявина, 1705 — 12. Зап. Гидр. Д-та, Ч. X. стр. 326—359.

Донесенія и письма Адмирала И. С. Мордвинова Князю Потемкину и секретарю его, 1787 — 8 г. Зап. Гидр. Д-та, Ч. X. стр. 360 — 390.

Судъ надъ Вице-Адмираломъ Крюйсомъ. М. Сб. Т. II. стр. 57—74.

Гогландская морская битва 1788 года. М. Сб. Т. II. стр. 327—346.

Первый яхтъ-клубъ въ Россіи. М. Сб. Т. II. стр. 377—389.

Гангэуддская битва 1714 г. М. Сб. Т. IV. стр. 485—498.

Морскія кампаніи 1715—21 годовъ М. Сб. Т. V. стр. 273—314.

Документы о Чесменской битвѣ. М. Сб. Т. IX. стр. 474—483.

Церемоніалъ вывоза Ботика Дѣдушки изъ крѣпости къ Невскому монастырю. М. Сб. Т. X. стр. 1—7.

Археологическія морскія изысканія: 1, О каравеллахъ Колумба; 2, Металлическая обшивка. М. Сб. Т. X. стр. 115—122.

Исторія Русскаго флота. Краткій взглядъ. М. Сб. Т. XI. стр. 44.

Неизданныя письма Петра Великаго, графу Ѳ. М. Апраксину. М. Сб. Т. XIX. стр. 31.

Распоряженія и предположенія Князя Потемкина Таврическаго, объ устройствѣ Черноморскаго флота и города Николаева. М. Сб. Т. XIX. стр. 16.

Морскіе сигналы. Зап. Гидр. Д-та, Ч. X. стр. 434—484.

Дополненіе къ исторіи морскихъ сигналовъ, напечатанной въ X части Зап. Гидр. Д-та. М. Сб. Т. XX. стр. 17.

Біографія:

Адмиралъ Ноульсъ. М. Сб. Т. II. стр. 509—527.

Смерть Нельсона. М. Сб. Т. IV. стр. 129—140.

Хвостовъ и Давыдовъ. Зап. Гидр. Д-та, Ч. X. стр. 390—433.

Хвостовъ и Давыдовъ. Прибавленіе къ предъидущей статьѣ. М. Сб. Т. IX. стр. 4.

Муловскій М. Сб. Т. IX. стр. 358—362.

Бригадиръ Михаилъ Леонтьевичъ Фалѣевъ. М. Сб. Т. XVII. стр. 14.

Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ. М. Сб. Т. XVII. стр. 9.

Смѣсь:

О сохраненіи лѣсныхъ матеріаловъ въ Россіи. М. Сб. Т. I. стр. 321 — 322.

Русскіе моряки и поэты. М. Сб. Т. I. стр. 197—216.

О морскомъ словарѣ. М. Сб. Т. I. стр. 357—367.

Самовозгараніе сажи. Старинное дѣло. М. Сб. Т. I. стр. 450—452.

Французскіе морскіе словари. М. Сб. Т. II. стр. 261—271.

Русская библіотека въ Америкѣ. М. Сб. Т. IV. стр. 34—39.

Glossaire Nautique Жаля. М. Сб. Т. IV. стр. 155—164.

Французскій военный флотъ въ 1852 году. Мор. Сб. Т. IX. стр. 136 — 143.

Отчетъ о занятіяхъ въ Черноморскихъ архивахъ. М. Сб, Т. X. стр. 330—348; 612—659.

Русскія морскія пѣсни. М. Сб. Т. XII. стр. 43.

Собраніе мѣстныхъ, старинныхъ и малоизвѣстныхъ Русскихъ морскихъ словъ. М. Сб. Т. XI. стр. 4.

Библіографія:

Русская морская библіотека: — Періодъ I: Царствованіе Петра Великаго. Зап. Гидр. Д-та, Ч. V. стр. 421 — 446; Періодъ II:

От кончины Петра I до вступленія на престолъ Екатерины II. Зап. Гидр. Д-та, Ч. VI. стр. 413 — 448; Періодъ III: Царствованіе Екатерины II и Павла I. Зап. Гидр. Д-та, Ч. VII. стр. 402—483; Періодъ IV: Царствованіе Императора Александра I. Зап. Гидр. Д-та, Ч. VIII. стр. 395 — 514; Періодъ V: Царствованіе Николая I. Зап. Гидр. Д-та, Ч. IX. стр. 470 — 621; Заключеніе. Зап. Гидр. Д-та, Ч. X. стр. 485 — 656.

Книги, вышедшія въ 1846, 7, 8, 9, 50, 51 годахъ: Зап. Гидр. Д-та, Ч. V. стр. 447 — 453; Ч. VI. стр. 449 — 455; Ч. VII. стр. 484—487; Ч. VIII. стр. 515—519; Ч. IX. стр. 622—628; Ч. X. стр. 657—663.

Указатель статей, касающихся мореходства, въ Русскихъ періодическихъ изданіяхъ: 1846, 7, 8, 9, 50, 51 годовъ. Зап. Гидр. Ч. V. стр. 454—474; Ч. VI. стр. 456—473; Ч. VII. стр. 488—500; Ч. VIII. стр. 520—536; Ч. IX. стр. 629 — 637; Ч. X. стр. 664—692.

Въ рукописи:

Матеріалы для исторіи Петра Великаго.

Матеріалы для исторіи Штурманскаго училища, отъ переименованія изъ бывшаго Морскаго Корпуса въ Херсонѣ, основаннаго и существовавшаго при Князѣ Потемкинѣ-Таврическомъ, въ 1798 году, по 1827 годъ.

Матеріалы для исторіи вооруженнаго нейтралитета.

Матеріалы для исторіи Шведской и Турецкой войнъ (1787—1791).

Исторія построенія Ревельскаго порта.

Матеріалы для исторіи Николаева.

Матеріалы для исторіи построенія Севастополя.

Подробнѣйшее жизнеописаніе Капитана Казарскаго.

Продолженіе и дополненіе библіографическихъ изслѣдованій морской ученой литературы.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Г. ЦЕНКОВСКАГО

подъ заглавіемъ:

О НИЗШИХЪ ВОДОРОСЛЯХЪ И ИНФУЗОРІЯХЪ,

составленный

Акад. **Рупрехтомъ.**

Первоначальное развитіе различныхъ, живущихъ въ прѣсной водѣ, низшихъ растеній, имѣетъ часто такъ много сходства съ таковымъ же процессомъ у низшихъ животныхъ, что недавно еще были наблюдатели, вѣрившіе въ такъ-называемое перерожденіе водорослей. Они думали, что одноклѣтчатые водоросли могутъ превращаться иногда въ наливочныхъ животныхъ, а при другихъ обстоятельствахъ въ лишаи и даже мхи. Но теперь положительно извѣстно, что это ученіе, основанное въ 1820 г., произошло отъ неточности наблюденій и заключеній, и что такого превращенія не происходитъ, не только въ границахъ семействъ, но даже родовъ и видовъ, что организмы, стоящіе на границахъ обоихъ царствъ, имѣютъ свои особенныя, опредѣленныя морфологическія измѣненія. Преслѣдованіе этихъ измѣненій бываетъ впрочемъ такъ трудно, что безъ точныхъ наблюденій легко впасть въ погрѣшность и принять за тождественное то, что въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ различнымъ организмамъ.

Низшіе, прѣсноводные водоросли представляютъ въ продолженіе ихъ жизни замѣчательное явленіе. Внутри ячеекъ, изъ которыхъ они состоятъ, развиваются тѣла, очень похожія на инфузорій, движущихся по самымъ разнообразнымъ направленіямъ въ продолженіе цѣлыхъ часовъ и даже дней, и снабженныхъ рѣсничками и красными, похожими на глаза, точками. Но вскорѣ рѣснички пропадаютъ, движеніе прекращается, тѣла падаютъ на дно сосудовъ, одѣваются клѣтчатою оболочкою, которой прежде не имѣли, и проростая превращаются въ настоящія растенія

опредѣленнаго вида. Затѣмъ слѣдуетъ повтореніе описанныхъ явленій.

Первыя наблюденія сдѣланы были съ 1805 г. Мертенсомъ и Трентеполемъ, въ послѣдствіи Тревиранусомъ, Агардомъ и др.; но прошло много времени, пока всѣ эти явленія подтвердились новыми наблюденіями и были вполнѣ приняты. Но вмѣстѣ съ этимъ возникъ вопросъ о границахъ растительнаго и животнаго царства, вызвавшій множество новыхъ наблюденій, между которыми наблюденія профессора Ценковскаго занимаютъ почетное мѣсто, потому-что освѣщаютъ этотъ вопросъ съ многихъ сторонъ. Дѣйствительно во всемъ сочиненіи ясно выражается мысль автора разъяснить этотъ загадочный вопросъ, для чего избрано два надежныя средства: во 1) изученіе исторіи развитія простѣйшихъ организмовъ, имѣющихъ болѣе или менѣе ясные слѣды растительнаго или животнаго происхожденія, и 2) критическій разборъ тѣхъ признаковъ, которыми до-сихъ-поръ стараются разграничивать оба царства.

Главная часть сочиненія посвящена изученію исторіи развитія нитчатокъ и одноклѣтчатыхъ водорослей: 1) Sphaeroplea annulina, 2) Zygnema, движущіяся клѣточки въ Spirogyra'хъ, 3) Protococcus botryoides, 4) Achlya prolifera, 5, 6) Vaucheria sessilis и dichotoma, 7) Hydrogastrum granulatum, 8) Chlamydococcus pluvialis и Chlamydomonas pulvisculus, 9) Chlorogonium euchlorum, 10) Volvox globator.

Во второмъ отдѣленіи разсматриваются рѣсничныя инфузоріи: Nassula ambigua, Stylonychia, Kolpoda и прочее. Наконецъ нѣкоторыя Rhizopoda, какъ напр. Podophrya, Acineta, Amoeba и другія.

Ограничиваясь разборомъ одноклѣтчатыхъ водорослей и нитчатокъ, мы скажемъ, что имѣли случай видѣть нѣкоторыя изъ наблюденій г. Ценковскаго и убѣдиться въ ихъ точности. Сочинитель, какъ опытный наблюдатель низшихъ органическихъ формъ, сдѣлался извѣстенъ открытіемъ замѣчатель-

наго процесса развитія органическихъ существъ внутри крахмальныхъ зеренъ.

Должно однако замѣтить, что нѣкоторыя изъ этихъ наблюденій не полны и что на основаніи ихъ сдѣланы заключенія слишкомъ рѣшительныя, въ пользу того образа воззрѣнія, котораго держится сочинитель.

Во вступленіи авторъ подвергаетъ критикѣ признаки, служившіе для разграниченія животнаго и растительнаго царствъ. Движеніе не можетъ быть отличительною чертою между двумя царствами, потому что понятія о произвольномъ движеніи, приписываемомъ исключительно животнымъ, въ отличіе отъ непроизвольнаго, замѣчаемаго у растеній, еще весьма сбивчивы. Мерцательныя движенія слизистыхъ оболочекъ, открытыя г. Пуркинье въ 1835, и подобное движеніе рѣсничекъ на поверхности большихъ зооспоръ въ Вошеріяхъ служатъ неоспоримымъ доказательствомъ т. н. механическаго движенія. Далѣе рѣснички инфузорій, которымъ подобныя открыты теперь во всѣхъ зеленыхъ и оливковыхъ водоросляхъ (Chlorophyceae, Melanophyceae), должны быть причислены къ этой же категоріи. Движенія зооспоръ у водорослей и сперматозоидовъ у высшихъ тайнобрачныхъ, такъ живы и разнообразны, что не могутъ быть отличены отъ произвольнаго.

Мнѣніе, что въ животныхъ происходитъ окисляющіе процессы, въ растеніяхъ раскисляющіе, также не можетъ быть принято, потому что растенія, содержащія хлорофилъ, въ отсутствіи свѣта поглощаютъ кислородъ, подобно грибамъ и чужеяднымъ растеніямъ, у которыхъ процессъ этотъ отъ свѣта не зависитъ. Съ другой стороны зеленыя инфузоріи: Loxodes Bursaria, Euglena viridis и др. выдыхаютъ кислородъ. Но можетъ быть, что Astoma anentera будутъ признаны со временемъ за растенія, и что характеръ животныхъ, основанный Эренбергомъ на присутствіи рта, будетъ снова возобновленъ.

Хотя отсутствіе хлорофила и крахмала у животныхъ также отвергается, какъ признакъ для различія ихъ отъ растеній,

однако этотъ признакъ еще можетъ быть удержанъ въ нѣкоторыхъ границахъ. Ткань грибовъ, состоящая изъ бассорина и не обнаруживающая признаковъ клѣтчатки при дѣйствіи обыкновенныхъ, для сего употребляемыхъ реактивовъ, и присутствіе клѣтчатки въ епанчѣ Туникатовъ, какъ это замѣтили Шмидтъ и Келликеръ, не препятствуетъ пользоваться этимъ признакомъ въ другихъ отдѣлахъ. Такимъ образомъ всѣ группы прѣсноводныхъ водорослей заключаютъ хлорофилъ и часто крахмалъ, а присутствіе клѣтчатки въ Volvocineae и Monadineae, открытое Кономъ и Шахтомъ, было именно причиною, по которой сочинитель, слѣдуя примѣру Зибольда, причисляетъ эти существа къ одноклѣтчатымъ водорослямъ. Только весьма не многіе роды, принятые теперь за инфузоріи, окрашены зеленымъ цвѣтомъ.

Большая часть инфузорій одарены сокращаемостію; въ растеніяхъ это свойство существуетъ, но въ гораздо меньшей степени. Это же придаетъ особенное значеніе этому признаку и помѣщаетъ Euglena viridis въ число растеній, въ особую группу, куда относятся Pandorina, Volvox, Chlamydomonas, Gonium. Въ послѣднихъ двухъ Конъ рѣшительно замѣтилъ сокращеніе маленькихъ пустотъ (vacuolae). Г. Ценковскій (стр. 6) замѣтилъ, что pseudogonidia въ Spirogyra'хъ имѣютъ способность сокращаться и расширяться. Spirogyrae рѣшительно принадлежатъ къ растеніямъ и потому этотъ признакъ не можетъ быть препятствіемъ къ признанію за ними растительнаго характера.

Изъ всего этого сочинитель выводитъ заключеніе, что всѣ разсмотрѣнные признаки не могутъ служить для рѣзкаго разграниченія обоихъ царствъ и что водоросли и инфузоріи представляютъ непрерывный рядъ переходовъ. Но это заключеніе основано болѣе на умозаключеніи и не оправдывается рѣзкимъ разграниченіемъ наблюденныхъ г. Ценковскимъ организмовъ. Напротивъ, его наблюденія способствовали къ разъясненію этой границы, въ чемъ и состоитъ одна изъ заслугъ его.

Нельзя оставить безъ вниманія строгое и несправедливое суж-

деніе автора объ Эренбергѣ, когда онъ говоритъ, что Эренбергъ *дѣйствовалъ чрезвычайно пагубно на успѣхи науки*. Надобно вспомнить то время, въ которое Эренбергъ началъ свои изысканія (когда почти не было точныхъ наблюденій и рисунковъ низшихъ организмовъ), чтобъ судить о его заслугахъ на этомъ поприщѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ во многомъ ошибался, какъ показали послѣдующія наблюденія, и что многіе организмы, причисленные имъ къ животнымъ, теперь рѣшительно принимаются за растенія. Но никто не сомнѣвается, что онъ ошибался не съ намѣреніемъ, а въ такомъ случаѣ не заслуживаетъ сдѣланнаго ему упрека, тѣмъ болѣе, что точныя наблюденія и изображенія Эренберга позволяютъ съ ясностію опредѣлить тѣ организмы, которые онъ относилъ къ животному царству.

Въ заключеніе должно сказать, что наблюденія профессора Ценковскаго, не смотря на неполноту, составляютъ весьма отрадное явленіе въ русской литературѣ, какъ первый опытъ точнаго описанія низшихъ организмовъ, и потому заслуживаютъ по крайней-мѣрѣ почетнаго отзыва, если коммиссія не признаетъ возможнымъ присудить ему второстепенную премію.

РАЗБОРЪ

2-го и 3-го отдѣловъ

сочиненія

Г. ЦЕНКОВСКАГО:

О НИЗШИХЪ ВОДОРОСЛЯХЪ И ИНФУЗОРІЯХЪ,

составленный

Д-ромъ Ф. И. Вейссе.

Лишь въ новѣйшее время положено начало изслѣдованіямъ, съ помощью микроскопа, тѣхъ многоразличныхъ явленій развитія, которыя, незамѣтно для безоружнаго глаза, совершаются въ низшихъ сферахъ обоихъ органическихъ царствъ, животнаго и растительнаго, и уже на этомъ полѣ наблюденія сдѣлано столько неожиданныхъ открытій, что даже послѣднія грани, доселѣ по общему мнѣнію отдѣлявшія оба царства одно отъ другаго, здѣсь въ первыхъ начаткахъ органической жизни какъ бы видимо распадаются передъ нашими глазами. Слѣдуя этому направленію микроскопическихъ изслѣдованій, г. Ценковскій посвятилъ цѣлый рядъ годовъ таковымъ копотливымъ наблюденіямъ и сообщаетъ результаты ихъ въ вышепоименованномъ сочиненіи. Усиліе его клонится къ тому, чтобы доказать совершенное равенство самыхъ раннихъ фазисовъ развитія въ обоихъ царствахъ природы. На этотъ конецъ онъ подвергалъ значительное число низшихъ растеній и инфузорій продолжительнымъ и выполненнымъ съ большою настойчивостью наблюденіямъ. Избранные имъ для того организмы онъ приводитъ въ слѣдующихъ группахъ: 1) нитчатки и одноклѣтчатыя водоросли, къ каковымъ онъ, слѣдуя новѣйшимъ писателямъ, причисляетъ также монады и вольвоцины; 2) инфузоріи съ рѣсницами и 3) такъ называемые рицоподы Дюжардена.

Изъ этихъ трехъ отдѣловъ сужденію моему, вызванному Академіею, подлежатъ только два послѣдніе. Но прежде чѣмъ я приступлю къ исполненію этого почетнаго для меня вызова, я не могу не сказать нѣсколько словъ объ одной выходкѣ, которую г. авторъ сдѣлалъ въ своемъ предисловіи (стр. II,) противъ профессора Эренберга въ Берлинѣ. Къ сожалѣнію, между естество-испытателями новѣйшаго времени вошло какъ бы въ обычай огорчать этого, столь заслуженнаго ученаго слишкомъ рѣзкими сужденіями по-поводу нѣкоторыхъ изъ его физіологическихъ толкованій микроскопическихъ предметовъ. И г. Ценковскій также, въ приведенномъ нами мѣстѣ своего предисловія, увлекся къ такой выходкѣ. По истинѣ прискорбно видѣть въ печати подобные приговоры о такомъ наблюдателѣ, каковъ Эренбергъ. Онъ, который выполнилъ своими несравненными наблюденіями пробѣлъ, образовавшійся въ наукѣ объ инфузоріяхъ со временъ Оттона Фридриха-Мюллера т. е. въ теченіе 50 лѣтъ, и возбудилъ ученыхъ къ дальнѣйшему развитію этой, дотолѣ столь пренебреженной отрасли естествознанія, по словамъ г. Ценковскаго, чрезвычайно пагубно дѣйствовалъ на успѣхи науки, потому-что иныя объясненія видѣнныхъ имъ самымъ явленій,— хотя бы и не безъ основанія — не понравились другимъ естествоиспытателямъ. Еслибы Эренбергъ не выступилъ на поприще съ своимъ большимъ твореніемъ объ инфузоріяхъ, то какъ далеко отставали бы мы еще до-сихъ-поръ въ нашихъ познаніяхъ о незримомъ мірѣ наималѣйшихъ существъ.

Г. Ценковскій поставилъ себѣ особенною задачею: прослѣдить у инфузорій образованіе *цистъ* и на этотъ конецъ придумалъ слѣдующій простой и весьма одобрительный способъ наблюденія. Въ плоскомъ и постоянно наполненномъ водою сосудѣ (тарелкѣ) онъ устроилъ низкія помѣщенія, на которыхъ покоятся наполненныя инфузоріями стекляныя дощечки; весь же этотъ приборъ еще покрывается опрокинутымъ стаканомъ съ тѣмъ, чтобы испаряющаяся вода непрерывно поддерживала

подъ нимъ влажность воздуха и такимъ образомъ устранялось бы высыханіе препаратовъ. Этимъ способомъ возможно одинъ и тотъ же самый предметъ наблюдать, въ большихъ или меньшихъ промежуткахъ, цѣлыя недѣли и мѣсяцы; такъ между прочимъ самому автору удалось подмѣтить образованіе *цистъ* у слѣдующихъ инфузорій: Nassula ambigua, Stylonychia pustulata и Mytilus, Oxytricha gibba, Urostyla grandis, Kolpoda Ren, Panophrys sordida и fracta, Bursaria truncatella и Amphileptus margaritifer. Правда, уже и прежде другіе естествоиспытатели наблюдали *цисты* у нѣкоторыхъ изъ этихъ породъ инфузорій; однако имъ лишь рѣдко удавалось прослѣдить ходъ этого образованія такъ постепенно и какъ бы шагъ за шагомъ, какъ то возможно было нашему автору помощью вышеупомянутаго способа. Сверхъ того ему принадлежитъ первенство наблюденія *цистъ* у нѣкоторыхъ изъ вышеназванныхъ инфузорій. Но если онъ вообще ставитъ эти *цисты* наравнѣ съ такъ-называемыми покоющимися крупинками низшихъ водяныхъ растеній, то это мнѣніе есть только игра фантазіи; потому-что сходныя между собою внѣшнія явленія въ совершенно разнородныхъ органическихъ процессахъ еще не даютъ намъ права считать ихъ однознаменательными.

Приданные отдѣльнымъ наблюденіямъ рисунки служатъ очень нагляднымъ поясненіемъ текста, въ которомъ мы вездѣ узнаемъ спокойнаго наблюдателя, ревностно стремящагося за истиною; но только жаль, что авторъ употребилъ столь различныя между собою увеличенія и что въ показаніи ихъ, по видимому, вкрались нѣкоторыя погрѣшности. Какъ весь второй отдѣлъ брошюры занимается почти исключительно только описаніемъ *цистъ* инфузорій, то критикъ не находитъ никакого повода къ разбору, развѣ въ томъ случаѣ, если онъ пріиметъ на себя трудъ самъ повторить каждое отдѣльное наблюденіе, что однако потребовало бы слишкомъ много времени. По этому я обращаюсь къ 3-му отдѣлу, въ которомъ предметъ разысканія составляютъ нѣсколько рицоподовъ (какъ Дюжарденъ наи-

меновалъ особый отдѣлъ инфузорій, вопреки мнѣнію Эренберга). Въ первой главѣ, подъ заглавіемъ Podophrya fixa и Acineta, авторъ излагаетъ уже въ 19 № XIII тома Bulletin de la classe physico-mathématique нашей Академіи имъ оспариваемую теорію Штейна объ Acineta и свое собственное объ нихъ мнѣніе. Судя по изложеннымъ здѣсь фактамъ, добытымъ съ большою настойчивостью г. Ценковскимъ, оказывается, что Штейнъ съ своею новою теоріею, сколько она ни надѣлала шума, все же вращался только въ сферѣ предположеній и что положеніе дѣла совсѣмъ другое, чѣмъ онъ изобразилъ его. — Вторая глава 3-го отдѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ заключеніе всей брошюры разсуждаетъ объ Amoeba и Actinophrys, двухъ породахъ инфузорій, которыя далеко отдѣлены одна отъ другой въ системѣ Эренберга и образованіе которыхъ въ самомъ дѣлѣ разнится существенно. Но г. Ценковскій, руководствуясь своими наблюденіями, полагаетъ себя въ правѣ принять, что послѣдняя изъ нихъ образуется изъ первой. Это, по моему мнѣнію, основано на одномъ только оптическомъ обманѣ, потому-что авторъ, по видимому, принялъ *амёбовидныя тѣла*, какъ онъ самъ выражается въ одномъ мѣстѣ, за настоящіе амёбы. — Наконецъ послѣднія шесть страницъ диссертаціи посвящены достопримѣчательной Actinophrys Eichhornii Ehr., на счетъ которой впервые Келликеръ (Kölliker), затѣмъ Зибольдъ и Штейнъ, а въ новѣйшее время Клапаредъ (Claparède) въ Женевѣ, сообщили весьма любопытныя наблюденія. Нашъ авторъ имѣлъ особенно въ виду изучить замѣчательное совокупленіе этого страннаго существа и присоединилъ къ разительнымъ показаніямъ прежнихъ наблюдателей нѣсколько новыхъ данныхъ.

Не смотря на всѣ сдѣланныя мною здѣсь замѣтки, я того мнѣнія, что трудъ г. Ценковскаго заслуживаетъ вниманіе Академіи. Онъ весьма выгодно отличается отъ многихъ другихъ диссертацій тѣмъ, что авторъ въ немъ совершенно самостоятеленъ, т. е. что все имъ излагаемое возникло изъ собственныхъ его многотрудныхъ наблюденій. Только тотъ, кто самъ

занимался такого рода микроскопическими розысканіями, можетъ судить о томъ, какой траты времени, какого труда и терпѣнія стоятъ подобныя работы. Къ этому присовокупляется еще то обстоятельство, что авторъ не могъ почерпнуть для своего предмета ни малѣйшаго пособія изъ русской литературы, а долженъ былъ отыскивать потребные ему доводы изъ нѣмецкихъ или французскихъ сочиненій. И такъ онъ своею диссертаціею относительно къ низшимъ водорослямъ и инфузоріямъ сдѣлалъ большой шагъ впередъ въ отечественной литературѣ.

РАЗБОРЪ

сочиненія Г. СМИРНОВА:

ИСТОРІЯ

МОСКОВСКОЙ СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ АКАДЕМІИ,

составленный

Филаретомъ,

епископомъ харьковскимъ и ахтырскимъ.

История Московской академии, послѣ введенія, объясняющаго приготовленіе и открытіе академіи, излагаетъ три періода академіи: первый — греческій, отъ Лихудовъ до Роговскаго (1685—1700); второй—латинскій, до М. Платона (1700—1775), третій—славяно-греко-латинскій, отъ Платона до новой академіи (1775 — 1814).

Въ первомъ періодѣ первая глава излагаетъ вызовъ Лихудовъ, ихъ исторію до прибытія въ Москву, дѣятельность ихъ въ школѣ, борьбу съ учеными польскими, обвиненія противъ Лихудовъ и ихъ удаленіе изъ академіи.

Далѣе показаны: средства академіи, зданія, содержаніе и библіотека (стр. 39 — 42), труды наставниковъ и занятія учениковъ. Здѣсь осмотрѣны сочиненія Лихудовъ *а)* для школы: грамматика, піитика, реторика, логика, психологія, физика; *б)* полемическія сочиненія и ораторскія. Учебники разобраны и оцѣнены довольно подробно (стр. 43 — 67). Исторія удаленія Лихудовъ изъ Москвы, дотолѣ темная, изложена сочинителемъ по новымъ источникамъ и вполнѣ удовлетворительно (стр. 68 — 77).

Второй періодъ, латинскій, начался Палладіемъ Роговскимъ и вызовомъ ученыхъ изъ Кіева. Сочинитель пишетъ: «Говоря о Латинскомъ образованіи, мы разумѣемъ только внѣшнюю форму образованія: сущность ученія, православные догматы, строгій взглядъ на западное суемудріе, оставались тѣже, какъ

при Лихудахъ, и въ новомъ періодѣ академіи.... Московская академія, отъ временнаго изгнанія греческаго языка изъ круга преподаванія, не потерпѣла ущерба ни въ наукѣ, ни въ православіи, и это зависѣло отъ крѣпости ученія православнаго, внѣдрившагося въ русское сердце.»

Вторая глава говоритъ о средствахъ академіи, помѣщеніи, содержаніи и библіотекѣ.

Жалованье учителямъ и ученикамъ было очень ограниченное, хотя оно по временамъ возвышалось: въ 1701 г. отпускали 606 руб., въ 1713 г. — 3483 р., въ 1765 г. — 4850 р. Къ тому же отъ перемѣнъ высшаго хозяйственнаго управленія — оно выдавалось не своевременно, не полное, иногда даже не деньгами.

Въ 3 главѣ, послѣ свѣдѣній о составѣ начальствующихъ и учащихъ, любопытны свѣдѣнія о катихизическомъ ученіи и проповѣданіи; выписками изъ проповѣдей показанъ духъ, составъ и языкъ проповѣдей. Далѣе говорится о ученыхъ порученіяхъ Сѵнода начальникамъ академіи, объ исключительной обязанности ректора — преподавать увѣщанія иновѣрцамъ, раскольникамъ и отступникамъ. Разборъ учебныхъ руководствъ въ высшей степени любопытенъ по предмету и отличается подробностію, основательностію и скромностію критики (стр. (136 — 172).

Показавъ содержаніе и направленіе системъ богословскихъ разнаго времени, и усилія ихъ освободиться отъ схоластики, не всегда успѣшныя, сочинитель рѣшаетъ въ заключеніе важный вопросъ: «сдѣлала ли что нибудь полезное схоластика для богословской литературы?» Въ своемъ отвѣтѣ онъ соглашается съ строгимъ отзывомъ Прокоповича о схоластикѣ, но прибавляетъ: «нельзя отвергать и того, что схоластика имѣла и добрую сторону. Прежде всего можно указать на то, что развитіемъ строгаго логическаго мышленія, твердостію въ сужденіяхъ, богословы обязаны были схоластикѣ: логическія формы, сами по себѣ безсодержательныя, въ приложеніи къ наукѣ усиливали

твердость доводовъ и если вели иногда къ запутанности при рѣшеніи вопроса, за то способствовали къ тому, что въ системахъ, какъ говорили тогда, исчерпывалось посредствомъ ихъ полное опредѣленіе предмета. Кромѣ того схоластика много значила и въ томъ отношеніи, что изъ богослова приготовляла крѣпкаго борца въ спорахъ догматическихъ.... Наконецъ строгая, разумная оцѣнка истинъ богословскихъ вели къ тому, что эти истины принимали характеръ полной убѣдительности и не оставляли мѣста слѣпому предубѣжденію и довѣрію сужденіямъ, порожденнымъ необразованностію (стр. 157 — 158). Послѣ разбора, столько же дѣльнаго, учебныхъ книгъ по философіи и реторикѣ, сочинитель показываетъ другія сочиненія и переводы наставниковъ академіи.

Между занятіями учениковъ показаны пѣснопѣнія и комедіи (стр. 186 — 191).

Въ главѣ 4 свѣдѣнія о ректорахъ и префектахъ во многихъ случаяхъ новы и исправляютъ ошибки прежнихъ сочиненій. О проповѣдникахъ же и учителяхъ доселѣ нигдѣ не было сказано ни слова, тогда какъ весьма многіе изъ нихъ въ послѣдствіи занимали важныя мѣста въ церковномъ управленіи, а частію извѣстны и въ ученомъ мірѣ (стр. 192—223). Говоря о судьбѣ учениковъ (стр. 223—254), историкъ показываетъ отправленіе ихъ въ миссіи, путешествія съ ученою цѣлію, поступленіе въ академію наукъ, въ Московскій гошпиталь и въ ученики другихъ вѣдомствъ; затѣмъ представляетъ списокъ замѣчательныхъ лицъ, учившихся въ академіи, и пріобрѣвшихъ извѣстность въ государствѣ или въ области науки. Показывая ученическую жизнь Ломоносова приводитъ слѣдующій школьный опытъ стихотвореній его:

Услышали мухи
Медовые духи,
Прилетѣвши сѣли
Въ радости запѣли;
Едва стади ясти,
Попали въ напасти,

Увязли бо ноги.
Ахъ! плачутъ убоги.
Меду полизали
А сами пропали.

Въ періодѣ третьемъ прежде всего говорится о М. Платонѣ—ученикѣ, наставникѣ, директорѣ академіи; о его заслугахъ для академіи и о правахъ, данныхъ ему надъ академіею.

Вторая глава показываетъ средства академіи, содержаніе и вклады, зданія и библіотеку.

Императоръ Павелъ назначилъ на содержаніе академіи 12,000 р.; Императоръ Александръ въ 1807 г. удвоилъ эту сумму. Ректоръ Моѵсей написалъ: «выдать жалованье за весь 1807 г., дабы и учащіе и учащіеся немедленно могли воспользоваться щедротами Монаршими и пролить слезы благодарности предъ лицемъ Сердцевѣдца Бога.» Изъ описи наставническихъ комнатъ 1796 г. видно, какова была умѣренность въ образѣ жизни ученыхъ того времени. Напр. въ келліи проповѣдника 4 стула худыхъ, 2 стола худыхъ, шкафъ, кровать деревянная; у учителя поэзіи — два стола ветхихъ, два стула, карта, изображающая театръ войны противъ Турокъ.» Изъ вкладовъ самый замѣчательный вкладъ В. Гр. Богдановича 5000 р.; процентныя деньги 250 назначены «на содержаніе 5 учениковъ переводчиковъ.» Отъ ежегодныхъ сбереженій Академія въ 1812 г. имѣла въ сохранной казнѣ собственной суммы 23,000 р., а въ 1814 г. 30,000 руб. Эта сумма назначалась на возобновленіе зданій академіи.

Въ главѣ 3: внутреннее управленіе, преподаваніе наукъ, проповѣданіе, цензура книгъ, ученыя порученія, сочиненія и переводы.

Новые предметы ученія—въ богословскомъ классѣ: Каноническое право, толкованіе писанія съ герменевтикою, церковная исторія, пастырское богословіе; въ философскомъ классѣ вытѣснена схоластика, введены исторія философіи, натуральная исторія и новый видъ физики; въ реторическомъ классѣ вмѣсто Бургія —Лежай, введена всеобщая исторія съ географическими

свѣдѣніями. Кромѣ того въ богословскомъ и философскомъ классахъ преподавалось высшее краснорѣчіе. Въ піитическомъ классѣ данъ перевѣсъ изученію русскаго стихотворства. За тѣмъ введены классы языковъ греческаго, нѣмецкаго и французскаго; на изученіе перваго обращено особенное вниманіе (стр. 291 — 318. Говоря о проповѣданіи (стр. 318—322) сочинитель показываетъ духъ проповѣдей Платона, отношенія проповѣдниковъ къ натурализму, печатныя проповѣди проповѣдниковъ. Изъ порученій, выполненныхъ академіею, неизвѣстны доселѣ были сличеніе славянской Кормчей съ греческими рукописями Сѵнодальной Библіотеки и сличеніе печатной греческой Библіи съ греческими рукописями той же Библіотеки. Списокъ сочиненій и переводовъ показываетъ, что въ академіи много занимались толкованіемъ Св. Писанія, чего дотолѣ не было.

Изъ занятій учениковъ, которыхъ число увеличились до 1600, замѣчательны литературныя собранія и участіе въ дружескомъ ученомъ обществѣ 1782 года.

Глава 4 — судьбы наставниковъ и учениковъ (стр. 352 — 395) содержитъ множество новыхъ свѣдѣній. Свѣдѣнія о ректорахъ и префектахъ полны и точны. Проповѣдники и учители въ первый разъ являются у г. сочинителя. Исторія литературы пріобрѣтаетъ съ тѣмъ много новыхъ свѣдѣній. Остается указать, хотя бы по печатнымъ каталогамъ, сочиненія и переводы, принадлежащіе неизвѣстнымъ дотолѣ наставникамъ академіи. Судьбы учениковъ—поступленіе въ епархіальное вѣдомство, училищная служба, переходъ въ другія учебныя заведенія, опредѣленіе на службу гражданскую, служеніе за границею. Въ заключеніе представлены замѣчательныя лица, вышедшія изъ академіи на службу Отечеству (Высоцкій знаменитый врачь, Дмитревскій, Комовъ, Масловъ—секретарь общества сельскаго хозяйства, Побѣдоносцевъ, Розановъ, Цвѣтаевъ).

Въ приложеніи къ Исторіи напечатаны: 1) стихотвореніе Каріона Истомина въ похвалу Софіи за покровительство нау-

камъ; 2) Грамата Патріарховъ о Лихудахъ; 3) грамата П. Досиөея къ Лихудамъ; 4) установленія богословскія 1732 года; установленія богословскія Кирилла Флоринскаго; 5) учрежденіе М. Платона для его воспитанниковъ; 6) положенія богословскія для публичныхъ состязаній 1776 г. и разговоръ объ ариөметикѣ.

По сему обзору содержанія уже видно, что новое сочиненіе есть дорогое пріобрѣтеніе для русскаго ученаго міра. Предшествовавшимъ подобнымъ сочиненіямъ оно не одолжено ни чѣмъ, ни содержаніемъ, ни изложеніемъ. Оно оригинально съ первой страницы до послѣдней. Всѣ свѣдѣнія извлечены изъ архивныхъ бумагъ, рукописей и рѣдкихъ печатныхъ книгъ. Всѣ стороны предмета осмотрѣны съ полнымъ вниманіемъ. Изложеніе — зрѣло обдуманное и отчетливое. Дѣла описаны въ духѣ покойномъ, безъ напряженныхъ похвалъ и восторговъ; онѣ представлены такъ, что сами говорятъ о себѣ.

Исторія высшаго учебнаго заведенія прежде всего должна показать значеніе сего заведенія для наукъ, которыя должны преподаваться въ немъ; затѣмъ значеніе заведенія для общества. Исторія Московской академіи написана точно въ такомъ видѣ. Самыя лучшія части ея—исторія Лихудовъ, критическій разборъ древнихъ проповѣдей, критическій разборъ учебныхъ руководствъ по богословію и философіи и потомъ статья о наставникахъ, замѣчательная и потому, что она ловко поставлена въ ряду другихъ.

Сочиненіе г. Смирнова, по важности своей для исторіи образованія, литературы, богословія, философіи и состоянія русской церкви, по оригинальности содержанія и изложенія, вполнѣ заслуживаетъ полной Демидовской преміи.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ Г. КАРПОВА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ ЛОГИКИ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

СВЯЩЕННИКОМЪ

Іоанномъ Янышевымъ.

Систематическое изложеніе логики профессора Карпова принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ явленій въ отечественной ученой литтературѣ, которыя не могутъ не возбудить вниманія всякаго, кто сочувствуетъ успѣхамъ русскаго ума въ какой нибудь наукѣ. По части логики такихъ явленій доселѣ не было въ Россіи. Лучшія изъ существующихъ у насъ руководствъ къ логикѣ или буквально переведены съ нѣмецкихъ, или составлены по нѣмецкимъ же учебникамъ; но какъ тѣ такъ и другія представляютъ собою не столько собственно систему логики, какъ науки, въ строгомъ смыслѣ этого слова, сколько болѣе или менѣе полное, въ извѣстномъ порядкѣ расположенное собраніе правилъ мышленія, безъ той внутренней связи, которая составляетъ душу науки и сообщаетъ единство и жизнь сухимъ и раздробленнымъ замѣткамъ о мышленіи; изучающій логику по этимъ руководствамъ напрасно старался бы дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, чтó такое мышленіе вообще, правила котораго такъ подробно излагаетъ наука, — почему оно управляется этими именно законами, которые стоятъ во главѣ ея, — сколько должно быть такихъ законовъ и почему не болѣе и не менѣе, — какъ относятся къ нимъ формы мышленія, и почему самыя формы въ свою очередь являются въ такихъ, а не другихъ видахъ и т. п.? Иностранные мыслители въ правѣ освобождать себя отъ рѣшенія такихъ вопросовъ въ самой логикѣ, ссылаясь на психологіи, на критики познавательной способности, или же

на гносеологіи;— однакожъ и изъ нихъ нѣкоторые, для проясненія природы мышленія, считаютъ необходимымъ въ самой логикѣ прибѣгать къ психологическимъ изслѣдованіямъ. У насъ же это вдвойнѣ необходимо, какъ потому, что логика обыкновенно преподается прежде психологіи, такъ особенно потому, что ни одно изъ существующихъ на отечественномъ языкѣ руководствъ къ психологіи не беретъ на себя рѣшать помянутые логическіе вопросы.

При такомъ состояніи логики въ нашемъ отечествѣ, трудъ г. Карпова составляетъ весьма важное пріобрѣтеніе въ русской, небогатой философской литтературѣ. Уже одна попытка — синтетически вывесть понятіе о природѣ мышленія съ его законами и формами изъ психологическихъ началъ — дѣлаетъ трудъ г. Карпова замѣчательнымъ; но онъ еще болѣе замѣчателенъ, какъ трудъ оригинальный, независимый отъ какой либо теоріи иностранныхъ психологовъ, и, говоря вообще, исполненный съ такимъ успѣхомъ, который не только свидѣтельствуетъ о талантѣ и глубокихъ философскихъ познаніяхъ автора, но и обѣщаетъ истинную пользу русскому юношеству, вступающему на поприще самостоятельнаго мышленія.

Отношеніе между собою главныхъ познавательныхъ способностей: ума, разсудка и чувства, основанное на собственной идеѣ г. Карпова о душѣ человѣческой и выраженное въ первыхъ параграфахъ первой части его труда, служитъ ключемъ ко всей его системѣ логики. Мышленію, какъ дѣятельности разсудка, по ученію г. Карпова, предшествуютъ: съ одной стороны воспріятія чувства, съ другой созерцанія ума, изъ коихъ то и другой усматриваютъ вещи съ взаимно-противоположныхъ сторонъ. Опредѣливъ предметъ умственнаго созерцанія и чувственнаго усмотрѣнія чертами ясными и твердыми, авторъ полагаетъ, что разсудокъ, какъ сила логическая, пробуждается къ своей дѣятельности не иначе, какъ въ слѣдствіе взаимно-противоположныхъ впечатлѣній ума и чувства; отъ нихъ заимствуетъ матеріалъ своей дѣятельности; ихъ же взаи-

модѣйствію обязанъ не только большею или меньшею степенью своей энергіи, тѣмъ или другимъ направленіемъ, формами пространства и времени, короче: не только условіями мышленія, но и его законами, изъ которыхъ—законъ тожества отражаетъ въ себѣ законъ умственной дѣятельности, законъ противорѣчія—чувственной; закономъ же достаточнаго основанія разсудокъ обязанъ естественному стремленію человѣческаго духа—раздвоенное умомъ и чувствомъ соединить чѣмъ либо третьимъ или на какомъ нибудь основаніи. Только по выведеніи такимъ образомъ всѣхъ условій и законовъ дѣятельности разсудка, авторъ находится въ состояніи съ одной стороны—охарактеризовать природу мышленія, его виды, отношеніе къ знанію и послѣднюю цѣль, съ другой — показать происхожденіе и значеніе всѣхъ формъ мышленія. Вторая часть систематическаго изложенія логики занимается изложеніемъ каждой изъ этихъ формъ въ отдѣльности; третья и послѣдняя—соединеніемъ ихъ въ одно цѣлое или систематикою. Но и въ этихъ частяхъ, составляющихъ собственно логику, — въ этой исключительной области разсудка, психологическое начало науки проявляется во всѣхъ важнѣйшихъ ея моментахъ; только изъ этаго начала понятно напр. въ чемъ должно состоять высшее совершенство понятій? Чего и почему ищетъ разсудокъ чрезъ дѣйствіе отвлеченія и ограниченія? Что заставляетъ его въ сужденіяхъ отъ проблемматическихъ восходить къ аподиктическимъ? На чемъ основывается и чѣмъ оправдывается смѣлость разсудка въ образованіи общихъ сужденій, какъ основаніи умозаключеній? Почему и развитіе системы условливается съ одной стороны идеею, съ другой — данными опыта? Въ чемъ скрывается основаніе двоякости метода, аналитическаго и синтетическаго, и почему для построенія системы необходимо соединеніе того и другаго, и проч.? Короче: отношеніе разсудка къ уму и чувству, служащее началомъ логики г. Карпова, бросаетъ свѣтъ на всю область этой науки, живою внутреннею связію скрѣпляетъ зданіе

ея правилъ, и всей системѣ сообщаетъ интересъ, возрастающій по мѣрѣ того, какъ расширяется кругъ ея выводовъ.

Это начало и составляетъ важнѣйшее достоинство разсматриваемаго труда г. Карпова̀, достоинство, исключительно ему принадлежащее и сообщающее его логикѣ неотъемлемый характеръ оригинальности. Руководясь же самостоятельнымъ взглядомъ на содержа́ніе цѣлой науки, авторъ не могъ не быть самостоятельнымъ въ формальномъ выводѣ и расположеніи отдѣльныхъ правилъ мышленія. «Когда мы размышляемъ», такъ начинаетъ г. Карповъ систему логики: «то размышляемъ о чемъ нибудь и какъ нибудь». Эти моменты: «что» и «какъ», матерія и форма мышленія съ ихъ отношеніемъ къ сознанію, соотвѣтствующія идеѣ ума и усмотрѣнію чувства съ ихъ встрѣчею въ разсудкѣ, — какъ можно замѣтить, предносились уму автора постоянно при его трудѣ; съ этихъ точекъ зрѣнія расположилъ онъ свое изслѣдованіе объ ограниченіяхъ разсудка къ мышленію для опредѣленія природы самаго мышленія; съ этихъ же точекъ зрѣнія категоріями бытія и отношенія замѣнилъ Кантову таблицу категорій, обыкновенно служащую основаніемъ для дѣленій въ логикѣ, часто сбивчивыхъ и натянутыхъ; съ этихъ же преимущественно точекъ зрѣнія разсматривалъ развитіе и виды каждой изъ родовыхъ формъ мышленія въ отдѣльности. При такомъ единствѣ плана не только въ отношеніи къ цѣлой системѣ, но и почти ко всѣмъ частнымъ ея выводамъ, при столь удачномъ соединеніи логической послѣдовательности и симметріи съ сущностію дѣла, наиболѣе важныя положенія логики сами собою становятся на первый планъ и подвергаются наиболѣе подробному и отчетливому разбору; и на оборотъ, что̀ не имѣетъ существеннаго значенія въ дѣлѣ мышленія, или само собою объясняется изъ предъидущихъ положеній, то передается лишь въ краткомъ обзорѣ и большею частію служитъ естественнымъ переходомъ отъ одного отдѣла логики къ другому; отъ чего система логики г. Карпова, при всей полнотѣ содержанія ея, свободна отъ тѣхъ схоластическихъ

тонкостей и замѣтокъ, которыми такъ часто изобилуютъ руководства къ логикѣ, и точно представляетъ собою строго-систематическое цѣлое.

Овладѣвъ же самостоятельно содержаніемъ и методомъ науки и ожививъ ее собственною идеею, авторъ и въ изложеніи частныхъ понятій и правилъ является также самостоятельнымъ, безъ сомнѣнія не въ томъ смыслѣ, чтобы онъ дѣлалъ преобразованія во всей области логики, но въ томъ, что всѣ наиболѣе важныя положенія и правила ея, вытекая изъ основаній, имъ самимъ установленныхъ, освѣщаются его личнымъ взглядомъ, проникнуты его собственнымъ убѣжденіемъ, выражены большею частію съ образцовою точностію; такъ что и русскій языкъ, за исключеніемъ общеупотребительныхъ въ философіи иностранныхъ терминовъ, въ логикѣ г. Карпова является гибкимъ и способнымъ, можно сказать, къ изящной опредѣлительности въ выраженіи самыхъ отвлеченныхъ мыслей. Впрочемъ и здѣсь, въ отношеніи къ частнымъ положеніямъ и правиламъ логики, взглядъ на многія и притомъ важнѣйшія изъ нихъ болѣе или менѣе принадлежитъ исключительно автору; сюда относятся: анализъ опредѣленія, образованія и измѣняемости понятій; подведеніе ихъ подъ категоріи бытія и отношенія; анализъ понятія о сужденіяхъ, образованія и измѣняемости ихъ; цѣлый отдѣлъ объ основаніи умозаключеній; ученіе о цѣломъ, какъ построеніи логическомъ; все ученіе объ условіяхъ развитія системы, въ которомъ съ особенною живостію отражается какъ взглядъ автора на всю область человѣческихъ знаній, такъ и его горячее сочувствіе истиннымъ успѣхамъ наукъ; наконецъ ученіе о методѣ, за исключеніемъ общеизвѣстнаго чертежа методическаго расчлененія системы, которымъ и заключается трудъ г. Карпова.

Достоинство этого труда значительно увеличивается, наконецъ, умѣньемъ автора, не вдаваясь въ полемику, обогащать свои выводы основательными и полезными замѣчаніями о причинахъ уклоненія разсудка въ ту или другую край-

ность, или нарушенія имъ тѣхъ или другихъ правилъ мышленія; такого рода замѣчанія, не нарушая строгой послѣдовательности въ изложеніи науки, сообщаютъ ей характеръ истинно-практическаго руководства, существенно полезнаго не для школы только. Въ такомъ духѣ изложено преимущественно все ученіе объ опытныхъ познаніяхъ.

При столь счастливомъ сочетаніи совершенствъ въ логикѣ г. Карпова, она не свободна однакоже и отъ недостатковъ, изъ которыхъ главный относится къ ея психологическому началу. Поставивъ разсудокъ во всестороннюю зависимость отъ ума и чувства и уже въ каждомъ конкретномъ представленіи предполагая взаимодѣйствіе того и другаго (§§ 20, 21, 22), авторъ, при раскрытіи природы мышленія, мышленіе a priori неразрывно соединяетъ съ мышленіемъ a posteriori (§ 38) и тѣмъ самымъ, по его собственному сознанію, пролагаетъ дѣятельности разсудка путь, средній между кантовымъ идеализмомъ и локковымъ эмпиризмомъ. Задача первой важности для логики и психологіи вмѣстѣ, — и всестороннее рѣшеніе ея имѣло бы великое значеніе для всей философіи! Къ сожалѣнію, путь къ рѣшенію этой задачи, обозначенный въ психологическомъ началѣ логики г. Карпова, скудно освѣщенъ имъ. Если формы пространства и времени, составляющія необходимую атмосферу мыслимаго, и самые законы мышленія, отъ чего бы они не зависѣли, принадлежатъ духу человѣческому субъективно: то трудно рѣшить, что изъ этого естественнѣе слѣдуетъ—возможность или невозможность мышленія a priori? Если кантовы формы пространства и времени и изъ нихъ производимыя имъ категоріи заградили этому мыслителю путь къ познанію вещи самой въ себѣ, то почему же невозможно тоже самое по теоріи г. Карпова, которая весь сознаваемый мыслимый міръ непроходимыми границами отдѣляетъ и отъ міра сущностей, созерцаемыхъ умомъ, и отъ міра явленій, усматриваемыхъ чувствомъ (§§ 39, 13 и 15)? Съ другой стороны—если всякое даже конкретное представленіе разсудка должно обусловливаться созер-

цаніемъ ума и усмотрѣніемъ чувства: то какъ объяснить возможность представленія при совершенномъ отсутствіи идеи ума, наприм. въ неразумныхъ животныхъ (§ 20)? Психологическое начало логики значительно прояснилось бы для читателя, если бы авторъ, говоря о чувствѣ, поколику оно воспринимаетъ впечатлѣніе отъ внѣшнихъ предметовъ (§ 9), не упустилъ изъ виду внутренняго чувства; тогда и предметъ чувственнаго усмотрѣнія вообще онъ, можетъ быть, не назвалъ бы міромъ внѣшнимъ и бытіемъ матеріальнымъ (§ 13), тогда и самое представленіе, по отношенію къ внутреннимъ явленіямъ души, не могло бы проходить по тѣмъ инстанціямъ воспроизведенія, по которымъ авторъ такъ отчетливо проводитъ представленія предметовъ міра внѣшняго (§ 22); тогда авторъ, и говоря о познаніяхъ опытныхъ, не выразилъ бы той мысли, что наблюденія внутренняго міра совершаются безъ посредства законовъ и формъ мышленія (§ 105).

Другой, заслуживающій вниманія, недостатокъ разсматриваемаго сочиненія составляетъ по мѣстамъ излишняя сжатость въ выраженіяхъ и отъ того зависящая темнота въ мысляхъ. Болѣе всего замѣтенъ этотъ недостатокъ въ изложеніи процесса законовъ мышленія (§ 35) и въ раскрытіи категорій бытія и отношенія (§ 53 и 54); между тѣмъ, если гдѣ, то преимущественно въ этихъ параграфахъ автору слѣдовало позаботиться о ясности своихъ выводовъ: объясняя процессъ законовъ мышленія, онъ тѣмъ самымъ полагаетъ основаніе для вывода формъ его; а устанавливая категоріи бытія и отношенія, онъ дѣлаетъ попытку воздвигнуть совершенно новое зданіе на развалинахъ кантовой таблицы категорій; и въ обоихъ обстоятельствахъ имѣетъ наилучшій случай какъ обезпечить твердость своего психологическаго начала для всей сферы мыслимаго, такъ и показать значеніе формъ мышленія вообще и въ частности категорій въ этой сферѣ. Но г. Карповъ воспользовался этимъ случаемъ не вполнѣ.

Наконецъ, касательно плана логики, обращаетъ на себя

вниманіе ни чѣмъ не оправданное авторомъ отнесеніе непосредственныхъ умозаключеній къ отдѣлу о сужденіяхъ.

При всемъ томъ разсмотрѣнный трудъ г. Карпова, какъ первое оригинальное и во многихъ отношеніяхъ превосходное произведеніе отечественнаго мыслителя по части логики, какъ плодъ многолѣтнихъ занятій автора философіею, о которыхъ онъ неоднократно свидѣтельствовалъ предъ ученымъ міромъ и переводами и многими оригинальными сочиненіями, какъ свидѣтельство его основательнаго знакомства съ современнымъ состояніемъ западной философіи и желанія своимъ трудомъ содѣйствовать русскому юношеству на поприщѣ самостоятельнаго мышленія, вполнѣ имѣетъ право на вниманіе и поощреніе со стороны ученыхъ соотечественниковъ.

РАЗБОРЪ

сочиненія:

ALBERT SUERBEER,

ERZBISCHOF VON PREUSSEN, LIVLAND UND EHSTLAND.

GESCHICHTLICHE DARSTELLUNG

VON

P. v. GOETZE,

составленный

К. И. Буссе.

Лифляндія имѣла передъ другими странами то рѣдкое преимущество, что она уже въ первомъ столѣтіи политическаго своего существованія добыла себѣ двухъ отличныхъ бытописателей. Гейнрихъ Латышъ изобразилъ на монашескомъ латинскомъ языкѣ, но подробно и привлекательно, судьбы и дѣянія трехъ первыхъ Епископовъ страны, а въ особенности энергическаго Алберта фонъ Буксгёвдена, который изъ званія каноника архіепископства Бременскаго возвысился до степени основателя новаго государства и до сана Германскаго имперскаго князя. Второй историкъ Лифляндіи былъ авторъ риѳмованной лѣтописи, рыцарь Дитлебъ фонъ Альнпекъ, или же какъ догадывается одинъ остроумный изыскатель, цистерціанскій инокъ Видбольдъ Дозель. Этотъ-то инокъ или вышепоименованный рыцарь описалъ, большею частью какъ очевидецъ, по обычаю тогдашняго времени въ стихахъ, на нѣмецкомъ языкѣ, первыя судьбы Лифляндіи и исполненную превратностей борьбу нѣмецкаго рыцарскаго ордена почти до 14-го столѣтія. Повѣствовательное донесеніе историковъ было подкрѣплено многочисленными грамотами, вѣрными доводами частныхъ и общественныхъ событій и важнѣйшими источниками бытописанія, которые, не говоря о прежнихъ достохвальныхъ попыткахъ этого рода, въ наше время были собраны въ надлежащей полнотѣ, а отчасти и понынѣ продолжаютъ собираться, однимъ ученымъ, пріобрѣвшимъ себѣ большія заслуги по части юридической и исторической литературы прибалтійскаго края.

Обильный историческій матеріалъ, накопленный какъ въ означенныхъ двухъ древнѣйшихъ памятникахъ лифляндской исторіи, такъ и въ послѣдующихъ богатыхъ собраніяхъ грамотъ, въ особенности по части исторіи Лифляндіи, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ не малымъ обогащеніемъ также и для исторіи Россійскаго государства, потому что близкое положеніе и зависимость Остзейскихъ странъ отъ властелиновъ Россіи приводили этотъ край, какъ въ древнѣйшія, такъ и въ послѣдующія времена, въ непрерывное соприкосновеніе съ Россіею.

А посему нельзя не назвать счастливою мысль автора предлежащаго намъ сочиненія, избрать предметомъ монографіи пятаго лифляндскаго Епископа Альберта Суербера и его вѣкъ, ибо поясняя цѣлую эпоху лифляндской исторіи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ проливаетъ свѣтъ и на нѣкоторыя связанныя съ нею важныя событія того времени въ Русскихъ земляхъ.

Подобно своему предшественнику Альберту I, Альбертъ Суерберъ былъ канонникомъ архіепископства Бременскаго, и состоя въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ главами Римской церкви, съ раннихъ лѣтъ посвящался въ важнѣйшія дѣла своего времени.

Для того, чтобы по возможности ясно и подробно изобразить это время въ отношеніи къ избранному имъ дѣйствующему лицу, авторъ съ большою осмотрительностью и тактомъ пользовался немногими и довольно скудными имѣющимися на лице историческими источниками по этой части и тщательно собралъ во едино разбросанныя тамъ и сямъ свѣдѣнія, такъ что нынѣ личность Альберта довольно явственно выступаетъ изъ мрака временъ. Не будучи знатнаго происхожденія, онъ отличался обширными познаніями и снискалъ себѣ ученую степень въ такое время, когда подобныя отличія были еще очень рѣдки. Сначала объ немъ упоминается какъ о схоластитѣ архіепископства Бременскаго по поводу одной тяжбы съ городомъ Любекомъ, при чемъ онъ пріобрѣлъ себѣ благосклонность епископа Бременскаго Гергарда II. По воспослѣдовав-

шей потомъ въ 1229 году кончинѣ лифляндскаго епископа Альберта I, Гергардъ назначилъ его преемникомъ въ томъ санѣ. Но Рижскій капитулъ, оспаривая избирательное право архіепископа Бременскаго, избралъ магдебургскаго каноника (Dom-herr) Николая и достигъ утвержденія этого выбора. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе девяти лѣтъ, исторія безмолствуетъ объ Альбертѣ Суерберѣ, однако онъ не былъ забытъ: въ 1240 году самъ Папа назначилъ его въ архіепископы Армагскіе (въ Ирландіи) и онъ былъ посвященъ въ тотъ санъ въ Вестминстерскомъ соборѣ въ Лондонѣ. Его іерархическая дѣятельность въ Англіи была впрочемъ довольно самовластна и слишкомъ открыто направлялась къ исполненію намѣреній и требованій римской куріи, чтобы могла понравиться королю Генриху III. Возникшія отъ того несогласія имѣли послѣдствіемъ то, что Альбертъ при первомъ удобномъ случаѣ счелъ за лучшее отправиться во Францію.

Утвердясь въ благосклонности Папы Иннокентія IV, онъ стяжалъ себѣ здѣсь отъ главы церкви, въ 1246 году, новоучрежденное для него архіепископство Прусское, которому подчинены были епископы Лифляндскіе и Эстляндскіе; въ то-же время ему предоставлено было избрать себѣ мѣстопребываніе въ одномъ изъ упраздненныхъ епископствъ своей области, а пока таковое не упразднилось, временно пребывать въ Любекѣ, откуда онъ легко могъ поддерживать сношенія съ Пруссіею и Лифляндіей. Но въ томъ-же году еще скончался епископъ Любекскій, и Альбертъ былъ назначенъ правителемъ этого богатаго епископства и такимъ образомъ добылъ внѣшнія средства для содѣйствія одному изъ главныхъ усилій Римскаго престола. Усиліе это состояло въ безпрестанно возобновлявшихся покушеніяхъ соединить Греческую церковь съ Римскою и тѣмъ самымъ подчинить первую изъ нихъ Папѣ. Клонящіяся къ этой цѣли предложенія были сдѣланы нѣкоторымъ изъ Русскихъ князей съ обѣщаніемъ при томъ разныхъ политическихъ выгодъ. Это было именно въ періодъ ига Монгольскаго,

которое удручительно тяготѣло надъ Русскими землями, и взоры западно-русскихъ князей обращались на западъ, въ надеждѣ найти тамъ дѣятельную помощь. Архіепископъ Альбертъ, какъ ловкій, ученый и знатный прелатъ, избранъ былъ Папою, для посредничества въ этомъ дѣлѣ. Онъ дважды являлся въ Галичъ, стараясь привести въ исполненіе замыслы папскаго Двора. Продолжая съ дипломатическою изворотливостью уже прежде начатые другими католическими духовными сановниками переговоры, онъ совѣщался съ княземъ Даніиломъ Романовичемъ Галицкимъ и братомъ его Василькомъ, пользуясь по возможности обстоятельствами времени. Эти-то переговоры, веденные ловкимъ прелатомъ съ большою хитростью, и за всѣмъ тѣмъ неудачный ихъ исходъ авторъ изложилъ съ большимъ историческимъ тактомъ и тѣмъ самымъ успѣлъ изобразить въ вѣрныхъ очеркахъ политическую жизнь западной Руси въ тогдашнее смутное время.

Вышеупомянутый Рижскій епископъ Николай, благопріятствуемый своимъ положеніемъ соперникъ архіепископа Альберта, скончался въ 1253 г. Вслѣдствіе этого упразднилось одно изъ подчиненныхъ лифляндскихъ епископствъ и столь долгое время исключенный отъ него прелатъ не преминулъ занять его. Этимъ-то онъ пріобрѣлъ кромѣ высокаго іерархическаго сана, который уже издавна придавалъ ему значеніе, еще владѣльческое право надъ епископствомъ Рижскимъ и вступилъ въ совершенно иное и болѣе важное отношеніе къ нѣмецкому рыцарскому ордену. Если онъ прежде заступалъ противъ ордена только права духовной власти, то онъ отнынѣ долженъ былъ защищать противъ него также права верховной власти, коль скоро они были нарушаемы со стороны рыцарей. Прежде, въ 1248 и послѣдующихъ годахъ, архіепископъ Альбертъ долженъ былъ вести съ орденомъ продолжительную распрю изъ за выкупа, который обязаны были платить тѣ изъ рыцарей, которые отступались отъ торжественнаго своего обѣта, предпринимать крестовый походъ противъ невѣрныхъ. Орденъ

присвоивалъ себѣ право собирать эти выкупныя деньги и расходывать для своихъ цѣлей, коль скоро данный обѣтъ касался Пруссіи или Лифляндіи, ссылаясь на то, что ему предлежала обязанность вести эту войну; духовенство же, напротивъ того, настаивало на томъ, что право собиранія и употребленія этихъ выкуповъ принадлежитъ ему. Папа рѣшилъ спорное дѣло въ пользу ордена, не желая ограничивать его относительно къ средствамъ для веденія войны, предпринимаемой въ угодность главѣ церкви.

Совсѣмъ другаго рода споры возникли изъ требованій и правъ верховной власти, принадлежавшихъ лифляндскимъ епископамъ въ ихъ духовныхъ владѣніяхъ, на равнѣ съ другими духовными властителями въ Германской имперіи. Верховная власть, которую орденъ пріобрѣлъ и утверждалъ за собою въ своихъ удѣлахъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ прекословила власти епископовъ и такимъ образомъ происходили частыя столкновенія. Ошибочно впрочемъ иные лифляндскіе историки говорятъ о многолѣтней борьбѣ духовной власти въ Лифляндіи, разумѣя подъ нею орденъ. Властелины съ обѣихъ сторонъ, съ одной архіепископъ и епископы, а съ другой магистръ ордена нѣмецкихъ рыцарей, были духовными князьями, но всѣ они въ качествѣ поземельныхъ властителей облечены были также и правами свѣтской власти, за исключеніемъ одного только епископа Ревельскаго, который былъ лишь духовнымъ главою своего епископства. Великій магистръ Нѣмецкаго ордена былъ духовный имперскій князь и въ совѣтѣ имперскихъ князей занималъ на духовной скамьѣ высокое мѣсто, слѣдуя непосредственно за архіепископами и первенствуя передъ всѣми епископами Германской имперіи. Итакъ, возникавшіе въ Лифляндіи между епископами и орденомъ споры не могли быть называемы борьбою духовной и свѣтской властей. Они, правда, нерѣдко касались церковнаго суда, но еще гораздо чаще такихъ правъ верховной власти, которыя сдѣлались спорными. Въ предлежащемъ намъ очеркѣ жизни и правленія архіепископа Альберта очень хорошо

различены между собою двѣ разнородныя принадлежности той власти, которою онъ былъ облеченъ, занимая не только высокое церковное званіе, но и стяжавъ по кончинѣ епископа Николая въ Рижскомъ епископствѣ, которое съ тѣхъ поръ называлось архіепископствомъ, также права верховной власти.

Чтобы вѣрнѣе обезпечить эту верховную власть противъ возможныхъ притязаній ордена, Альбертъ вѣроятно помышлялъ о назначеніи по тогдашнему обычаю свѣтскаго охранителя (Schirmvogt) своего архіепископства. Онъ выбралъ въ это званіе храбраго и благочестиваго графа Шверина, сына знаменитаго витязя графа Генриха Чернаго фонъ Шверина, который побѣдилъ Датскаго короля Вольдемара II и на всегда поколебалъ его могущество. Всѣ эти многоразличныя отношенія, обстоятельства ими порожденныя и обнаружившіяся намѣренія дѣйствующихъ лицъ, авторъ описываетъ въ вѣрныхъ и подробныхъ изображеніяхъ, съ немалымъ трудомъ и осмотрительностію почерпая свои матеріалы изъ разныхъ грамотъ и изъ разбросанныхъ историческихъ свѣдѣній.

Равное тщаніе авторъ употребилъ и на изображеніе сношеній, господствовавшихъ между управляемою архіепископомъ Албертомъ Рижскою церковью и сыномъ и наслѣдникомъ Псковскаго Князя Владиміра Мстиславича. Этотъ старшій князь, бывшій сперва побѣдоноснымъ вождемъ Русскихъ воинствъ въ Лифляндіи въ борьбѣ съ Нѣмцами, а потомъ изгнанный изъ собственныхъ своихъ владѣній недовольными имъ Псковичами, сдѣлался намѣстникомъ и фохтомъ нѣмецкихъ переселенцевъ въ покоренныхъ ими лифляндскихъ владѣніяхъ, но въ послѣдствіи былъ отрѣшенъ отъ этой должности. Сынъ его Ярославъ Владиміровичъ по смерти отца не только долженъ былъ вести жизнь изгнанника вдали отъ своей родины, но даже былъ причиною отдѣленія отъ нея старинныхъ владѣній. Авторъ, излагая эти событія, остроумно и съ большою точностью разбираетъ ошибки своихъ предшественниковъ на этомъ полѣ.

Не ограничиваясь однимъ повѣствованіемъ главныхъ относящихся къ его предмету событій, авторъ этой тщательно обработанной книги подробно распространяется и о нѣкоторыхъ постороннихъ происшествіяхъ. Между прочимъ превосходно изложена имъ первая попытка къ основанію города Нарвы, которая подала поводъ къ первому заложенію крѣпостцы на берегахъ Наровы.

Приложенныя къ сочиненію грамоты, числомъ 28, заключаютъ въ себѣ важныя свидѣтельства, по большей части изъ начала описываемой авторомъ эпохи; всѣ онѣ изданы тщательно и по сличенію съ наилучшими доступными списками.

Изображенія относящихся къ древнѣйшимъ временамъ Лифляндіи печатей отличаются вѣрностью и отчетливостью рисунковъ и безъ сомнѣнія съ признательностію будутъ встрѣчены любителями сфрагистики.

Если собрать воедино всѣ вышеизложенныя достоинства книги и принять въ соображеніе большой трудъ и чрезвычайное стараніе, приложенныя авторомъ на обработку его предмета, то сочиненіе его должно назвать истиннымъ пріобрѣтеніемъ для науки; и по этому я ни мало не останавливаюсь признать его достойнымъ полнаго одобренія.

РАЗБОРЪ

сочиненія Г. ОСОКИНА

подъ заглавіемъ:

О ПОНЯТІИ ПРОМЫСЛОВАГО НАЛОГА

и

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ ЕГО ВЪ РОССІИ.

составленный

И. Бѣляевымъ.

Предметъ избранный г. Осокинымъ весьма важенъ въ нашей исторіи, изслѣдованіе о семъ предметѣ, правильно поставленное, можетъ принести большую пользу для науки; авторъ въ избраніи предмета нисколько не ошибся, и какъ бы онъ не рѣшилъ заданный себѣ вопросъ, но одно уже поднятіе этого вопроса заслуживаетъ вниманіе ученыхъ занимающихся Русскою исторіею.

Трудъ г. Осокина раздѣляется на двѣ части: въ первой авторъ говоритъ о понятіи промысловаго налога въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ принимается учеными занимающимися политическою экономіею, — а во второй о его историческомъ развитіи въ Россіи.

Первую часть своего труда авторъ начинаетъ опредѣленіемъ понятія о промыслѣ и промысловомъ налогѣ, и говоритъ: «Подъ промысломъ въ обширномъ смыслѣ обыкновенно понимаютъ всякое занятіе, котораго цѣль пріобрѣтеніе имуществъ. Такимъ образомъ занятія, имѣющія высшее благороднѣйшее назначеніе и при которыхъ вознагражденіе не составляетъ главной побудительной причины, прямо противополагаются промысловымъ работамъ. Въ тѣснѣйшемъ же значеніи, въ которомъ это слово почти всегда и употребляется въ политической экономіи, промыслами называются тѣ способы пріобрѣтенія, для которыхъ необходимо содѣйствіе капиталовъ, такъ что простыя наемныя работы не могутъ быть обозначены

этимъ понятіемъ. При каждомъ промыслѣ предполагается предприниматель, глава промышленнаго предпріятія, который завѣдываетъ всею операціею, располагаетъ капиталомъ для нея необходимымъ и имѣетъ у себя въ распоряженіи наемныхъ работниковъ. Промысловый налогъ есть подать, взимаемая съ промышленника, какъ предпринимателя.»

Далѣе авторъ разсматриваетъ, какое свойство имѣетъ доходъ промышленника, какъ предпринимателя; и говоритъ: «въ промысловомъ доходѣ открывается такая же самостоятельность и своеобразность, какими отличаются поземельная рента, капитальный доходъ и заработная плата. Предприниматель, уплативъ изъ вырученной за продажу издѣлій суммы всѣ промысловыя издержки, получаетъ еще въ остаткѣ доходъ, который долженъ вознаградить его за труды и опасности, соединяющіяся въ большей или меньшей степени съ каждымъ промышленнымъ занятіемъ.» Здѣсь же авторъ опровергаетъ мнѣніе писателей, которые отказываютъ промысловому доходу въ характерѣ самостоятельоости, относя его или къ заработной платѣ, или къ капитальной рентѣ, или соединяя понятія промысловаго дохода вмѣстѣ съ процентнымъ въ одномъ общемъ понятіи капитальнаго дохода. И отсюда выводитъ слѣдствіе, что и промысловый налогъ долженъ быть разсматриваемъ въ ряду прямыхъ налоговъ, какъ особый самостоятельный ихъ видъ.

Потомъ авторъ разбираетъ мнѣнія ученыхъ относительно вопроса, какіе способы пріобрѣтенія доходовъ должны подлежать промысловому налогу, и склоняется къ тому мнѣнію, что промысловый налогъ справедливо долженъ падать на тѣ промышленныя предпріятія, которыя доставляютъ доходъ составляющій вознагражденіе промышленнику за собственную его дѣятельность и страховую премію за опасность потери капитала, которую предприниматель, въ случаѣ неудачи, долженъ взять на себя. Авторъ говоритъ: «переработка грубыхъ матеріаловъ въ предметы способные къ удовлетворенію самыхъ разнообразныхъ потребностей, техническая промышленность

точно такъ же, какъ и торговля, переносящая товары на мѣста удобныя для ихъ сбыта, и другіе однородные промыслы составляютъ не менѣе важный источникъ дохода, какъ и первобытное производство, доставляющее для нихъ сырые продукты. Налогъ установляемый на означенныя отрасли производительной дѣятельности, падаетъ на имущество приносящее дѣйствительную ренту, изъ которой онъ и можетъ быть уплаченъ, безъ существеннаго нарушенія какихъ либо вещественныхъ интересовъ, если только при томъ не упущены изъ вида условія, отъ которыхъ зависитъ возможность дальнѣйшихъ успѣховъ процвѣтанія всякаго рода промышленности »

Наконецъ авторъ говоритъ о способахъ установленія промысловаго налога, и собственно разсматриваетъ два главные способа: первый составляющій систему кадастрированія промысловъ, когда налогъ установляется на основаніи дѣйствительнаго вычисленія или оцѣнки предполагаемаго дохода; и второй способъ, когда подать взимается за предоставленіе самаго права, за дозволеніе заниматься извѣстною вѣтвію промышленности, какъ на примѣръ патентный налогъ во Франціи и подать со свидѣтельствъ на право торговли и промысловъ существующая въ нашемъ отечествѣ.

Авторъ при составленіи первой части своего труда пользовался сочиненіями ученыхъ политико-экономистовъ, и показалъ знаніе какъ при разборѣ чужихъ мнѣній, такъ и въ группировкѣ, такъ что его коротенькій обзоръ о промысловомъ налогѣ представляетъ довольно стройное цѣлое. Впрочемъ здѣсь еще не высказано послѣднее слово науки, и остаются не рѣшенными многіе вопросы: рѣшить которые конечно авторъ и не имѣлъ въ виду, ибо для этого слишкомъ недостаточно тѣхъ 28-хъ страничекъ, которыя онъ удѣлилъ на первую часть своего сочиненія. Но здѣсь вопросъ не въ томъ рѣшилъ ли авторъ свой вопросъ, или не рѣшилъ; а въ томъ, что вопросъ чисто теоретическій, и притомъ основанный на научныхъ началахъ позднѣйшаго времени, нисколько не клеится

съ исторіею развитія промысловаго налога въ Россіи. Самъ же авторъ говоритъ, что промысловая подать, падающая въ надлежащей постепенности на всѣ виды промышленности, появилась въ финансовой системѣ Европейскихъ государствъ не ранѣе XIX столѣтія; слѣдовательно искать ея развитія въ Русской древней исторіи нѣтъ никакой возможности, что лучшимъ образомъ доказалъ самъ авторъ во второй исторической части своего труда, ни разу не обративъ вниманія на теоретическую сторону вопроса. Такимъ образомъ первая и вторая часть труда, представленнаго г. Осокинымъ, не имѣютъ никакой связи между собою, и составляютъ два сочиненія совершенно отдѣльныя и нисколько независимыя другъ отъ друга.

Но перейдемъ ко второй части. Вторую часть своего труда авторъ раздѣляетъ на четыре главы, и въ первой говоритъ *о обложеніи ремеслъ и торговли съ древнѣйшихъ временъ до Іоанна III-го.*

Здѣсь прежде всего онъ утверждаетъ, что въ Россіи, какъ и въ другихъ Европейскихъ государствахъ, сборы падавшіе на ремесла и торговлю, еще не имѣли характера особаго самостоятельнаго вида налоговъ, и что разные прямые непосредственные платежи гражданъ правительству были взимаемы не только съ земледѣльцевъ, но также съ обитателей городовъ и торжковъ. Потомъ собираетъ извѣстія лѣтописей о даняхъ, оброкахъ, урокахъ, окупѣ, дарахъ и поклонахъ, и старается объяснить каждый изъ сихъ поборовъ; объясненія его вездѣ удовлетворительны и основаны на прямыхъ свидѣтельствахъ лѣтописей и другихъ памятниковъ.

Далѣе авторъ переходитъ къ опредѣленію лицъ и предметовъ, на которыхъ лежали дани и другіе прямые сборы; и здѣсь съ полною ясностію и достовѣрностію, свидѣтельствами памятниковъ опровергаетъ ложное мнѣніе тѣхъ писателей, которые думали найдти какую-то небывалую постепенность въ сборѣ даней, по которой будто бы дани собирались сперва по числу дворовъ или дымовъ, потомъ поголовно по числу жите-

лей, и наконецъ съ извѣстной мѣры земли, и признаетъ, что въ древнѣйшія времена существовали на Руси только два рода прямыхъ сборовъ: личный, т. е. подворный или подымный или посемейный, и имущественный или поземельный. Первому по всей вѣроятности, какъ онъ говоритъ, подлежали городскіе промышленники занимавшіеся ремеслами и торговлею; а вторую, т. е. поземельную подать платили сельскіе жители, земледѣльцы. Авторъ свое мнѣніе основываетъ на удачномъ сопоставленіи лѣтописныхъ свидѣтельствъ.

Но не такъ удачна борьба автора съ Эверсомъ и Гагемейстеромъ. Эверсъ и Гагемейстеръ (очень справедливо) находятъ, что разные прямые сборы, падавшіе на городскихъ и сельскихъ жителей, уже въ самыя древнѣйшія времена имѣли природу налоговъ, — настоящихъ податей, распредѣляемыхъ на твердомъ основаніи, и ссылаются на свидѣтельства лѣтописи, въ которой сказано, сперва объ Олегѣ: «нача городы ставити и устави дани Словеномъ, Кривичемъ и Мери; и устави Варягомъ дань давати отъ Новгорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославля даяше Варягомъ.» И потомъ объ Ольгѣ: «Идѣ Вольга по Деревстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляющи уставы и уроки.» И въ другомъ мѣстѣ: «Въ лѣто 6455, иде Вольга Новугороду, и устави по Мьстѣ погосты и дани, и по Лузѣ оброки и дани.» На опредѣленность налоговъ Эверсъ и Гагемейстеръ видятъ указаніе въ выраженіи: *«устави дань даяти»*, которое какъ относящееся къ опредѣленной дани, подати, падающей на совершенно подвластные народы, противополагается лѣтописцемъ выраженію: *«возложи дань,»* когда говорится о дани временно собираемой съ народовъ побѣжденныхъ, но несовершенно покоренныхъ. Авторъ, опровергая это справедливое мнѣніе, сперва ссылается на голословное выраженіе одного писателя, который говоритъ: «Изъ приведенныхъ выше словъ лѣтописца, которыхъ отличіе совершенно неопредѣленно, нельзя съ значительною вѣроятностію выводить столь важныя заключенія, для которыхъ требуются гораздо

болѣе твердыя основанія.» Потомъ приводитъ свидѣтельство лѣтописи, что Игорь по просьбѣ дружины ходилъ за данью на Древлянъ, и взялъ съ нихъ дань болѣе той, которую они платили Олегу; слѣдовательно по этому князья и послѣ Олега смотрѣли на дань, какъ на средство обогащенія, которымъ они могли произвольно располагать. Но во 1-хъ голословное опроверженіе, что будто бы выраженія *устави дань даяти* и *вложи дань* не имѣютъ опредѣленнаго отличія другъ отъ друга, ничего не доказываетъ ни опровергаетъ; лѣтописецъ о даняхъ постоянныхъ вездѣ говоритъ *устави дань*, а о даняхъ временныхъ *вложи дань;* слѣдовательно ясно и опредѣленно сознаетъ отличіе одного выраженія отъ другаго. Вотъ иное дѣло, еслибы онъ употреблялъ сіи выраженія безразлично, тогда еще можно бы было признать силу возраженія; но авторъ нигдѣ не представилъ образчика таковаго безразличнаго употребленія сихъ двухъ выраженій, и въ лѣтописи этого нигдѣ нѣтъ. Во 2-хъ свидѣтельство лѣтописи, что Игорь послѣ Олега ходилъ за данью къ Древлянамъ, также не опровергаетъ мнѣнія высказаннаго Эверсомъ и Гагемейстеромъ; ибо Олегъ, по свидѣтельству лѣтописи, не уставлялъ дани на Древлянъ, онъ уставилъ только дани Словеномъ, Кривичемъ и Мери и отъ Новгорода гривенъ 300 на лѣто; о Древлянахъ же въ лѣтописи сказано: «и поча Олегъ воевати Деревляны, и примучивъ и, имаше на нихъ дань по чернѣ кунѣ.» (Лавр. 10.) А по сему послѣ временной непостоянной Олеговой дани съ Древлянъ, и Игорь также могъ ходить къ нимъ за временною данью, и дѣйствительно ходилъ два раза въ 914 и 945 годахъ. Но ни Игорь и никто изъ послѣдующихъ князей послѣ Олега не ходили за данью ни къ Словеномъ, ни къ Кривичамъ, ни къ Мери; слѣдовательно установленная Олегомъ на сихъ трехъ племенахъ дань была уже постоянно опредѣленною данью, которая опредѣленно въ извѣстные сроки вносилась самими жителями, и за которою уже не нужно было ходить князьямъ съ дружиною. Автора очевидно сбиваетъ нынѣшнее научное понятіе о нало-

гахъ и податяхъ, какъ онъ и самъ говоритъ: «о существованіи при Олегѣ правильныхъ, постоянныхъ и опредѣленныхъ налоговъ, податей въ томъ смыслѣ слова, въ какомъ мы нынѣ принимаемъ это слово, во всякомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи.» Ни никто и не заводитъ рѣчи о нынѣшнихъ податяхъ при Олегѣ; Эверсъ и Гагемейстеръ говорятъ только: «разные прямые сборы, падавшіе на городскихъ и сельскихъ жителей, уже въ древнѣйшія времена имѣли природу налоговъ, настоящихъ податей, разпредѣляемыхъ на твердомъ основаніи,» т. е. тогдашнія дани установленныя Олегомъ имѣли только природу нынѣшнихъ податей, какъ личинка имѣетъ природу бабочки, и природа ихъ даней, одинаковая съ нынѣшними податьми, состояла въ томъ, что они были постоянны, опредѣленны, и сбирались въ извѣстные сроки, какъ прямо говоритъ лѣтописецъ: «устави Варягомъ дань даяти отъ Новгорода гривенъ 300 на лѣто, еже до смерти Ярослава даяше Варягомъ.» Здѣсь ясно дань была опредѣленная — 300 гривенъ, платилась постоянно отъ Олега до смерти Ярослава, въ продолженіи слишкомъ 170 лѣтъ, собиралось въ сроки, каждогодно — на лѣто, отъ года до года.

Разбирая приведенное выше свидѣтельство лѣтописи о даняхъ, оброкахъ и урокахъ установленныхъ Ольгою въ землѣ Древлянской и Новгородскомъ краю, авторъ говоритъ, что здѣсь еще нельзя видѣть начала податей въ истинномъ значеніи этого слова. Изъ словъ лѣтописца можно вывести неболѣе какъ только то, что Ольга въ Древлянской землѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ сама производила раскладку разныхъ сборовъ (даней, оброковъ, уроковъ), опредѣляя при этомъ, по всей вѣроятности, количество и время платежа для каждой волости. О раскладкѣ даней въ другихъ областяхъ, именно покоренныхъ Олегомъ на югѣ, лѣтопись не упоминаетъ, слѣдовательно мѣра безъ сомнѣнія была частная. И притомъ она не указываетъ еще на постоянство налоговъ и разпредѣленіе ихъ по какому либо твердому основанію. Назначеніе и раскладка

даней и оброковъ могли быть сдѣланы только на время, вызваны особенною чрезвычайною потребностію въ матеріальныхъ средствахъ. Можно также допустить, что Ольга принуждена была сама установлять количество и время платежа даней съ Древлянъ единственно потому, что они иногда вовсе отказывались платить ихъ. Во всякомъ случаѣ полученіе государственныхъ доходовъ было тогда еще исключительно результатомъ силы, а не сознательнаго выполненія закона.... Сознаніе необходимости платить подати не можетъ быть уяснено въ жителяхъ, пока государство находится еще въ неразвитомъ положеніи, въ какомъ положеніи тогда находилась Русь. Ни князья ни народъ у насъ не имѣли еще ясныхъ понятій о цѣли гражданской жизни.... Князья искали въ подвластныхъ имъ земляхъ только дани и дружинъ, не заботясь о внутреннемъ устройствѣ земель.» Ясно опять, что автора сбиваютъ нынѣшнія научныя понятія о налогахъ и государствѣ, взятыя поверхностно, это въ настоящее время общій недостатокъ нѣкоторыхъ изслѣдователей Русской исторіи, особенно молодыхъ; они, не желая или не умѣя стать на такую точку, съ которой бы древняя жизнь была видима ясно и въ надлежащемъ своемъ видѣ, смотрятъ на нее съ нынѣшней научной точки зрѣнія, и не находя въ древней жизни того, что есть въ нынѣшней жизни и чего требуетъ современная наука поверхностно понятая, упускаютъ изъ виду своеобразныя формы жизни, и разглашаютъ что по ея неразвитости въ ней ничего небыло и не могло быть. Но обратимся къ разсмотрѣнію возраженій автора: во 1-хъ ежели авторъ самъ говоритъ, что изъ свидѣтельства лѣтописи можно вывесть, что Ольга въ Древлянской землѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ сама производила раскладку разныхъ сборовъ, и опредѣляла количество и время платежа для каждой волости; слѣдовательно сборы сіи имѣли характеръ, природу налоговъ, настоящихъ податей; ибо они дѣлались по раскладкѣ, были опредѣлены по количеству сбора и по сроку или времени платежа для каждой области, и сверхъ

того носили разныя названія, — дани, оброки, уроки, и наконецъ были постоянны, Ольга по словамъ лѣтописи ихъ *уставила*, а не наложила. Это явно уже не были сборы временные неопредѣленные, производимые силою, каковы были дани, которыя имали съ Древлянъ въ прежнее время Олегъ и Игорь; когда Древляне не были еще совершенно покорены Русскими князьями, не вошли въ составъ Русскаго государства и управлялись собственными князьями. Ни объ Олегѣ ни объ Игорѣ лѣтопись нигдѣ не говоритъ, чтобы они установляли дани и уроки въ Древлянской землѣ, хотя и упоминаетъ о трехъ походахъ сихъ князей за данью къ Древлянамъ. Ольга же установила уставы и уроки только тогда, когда совершенно покорила Древлянъ, присоединила ихъ къ Русской державѣ и уничтожила ихъ самостоятельное управленіе, когда по словамъ лѣтописи: «взя градъ и пожьже и, старѣйшины же града изъимма, и прочая люди овыхъ изби, а другія работѣ предасть мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити дань.» (Лавр. 25.) Вотъ этому то проку, остатку, лишенному старѣйшинъ и преданному въ управленіе Русскимъ мужамъ, Ольга и уставила уставы, уроки и дани, за которыми съ того времени не нужно было ходить съ дружиною; и дѣйствительно лѣтопись послѣ Ольги не упоминаетъ ни объ одномъ князѣ, который бы ходилъ за данью къ Древлянамъ, подобно Олегу и Игорю. Ясно что Ольгою въ Древлянской землѣ были уставлены постоянныя, правильныя по тогдашнему подати, подъ названіемъ уроковъ, и даней; ясно что установленныя Ольгою дани и уроки уже не были временными непостоянными сборами въ Древлянской земли, за которыми князьямъ должно было ходить самимъ и сбирать ихъ силою: въ противномъ случаѣ князья и послѣ Ольги ходили бы въ Древлянскую землю за данью.

Во 2-хъ авторъ говоритъ, что лѣтопись не упоминаетъ о раскладкѣ даней въ другихъ областяхъ, именно покоренныхъ Олегомъ на югѣ; слѣдовательно установленіе Ольгою даней и оброковъ въ Древянской землѣ было частною мѣрою.» Здѣсь

авторъ до нѣкоторой степени правъ; дѣйствительно упоминаемые Ольгины распоряженія были частною мѣрою, т. е. касались только Древлянской земли и нѣкоторыхъ мѣстностей Новгородскаго края; но эта то частность и доказываетъ, что выраженіе лѣтописи *устави дань* означаетъ учрежденіе податей постоянное опредѣленное, а не временный случайный сборъ дани собираемый силою съ народа побѣжденнаго, но еще не совершенно покореннаго. Ольга не установляла постоянныхъ даней у Славянъ, Кривичей и Мери, гдѣ они уже были установлены, по свидѣтельству лѣтописи Олегомъ въ 882 году, она уставила постоянныя опредѣленныя дани, оброки и уроки только въ Древлянской землѣ вновь ею покоренной и присоединенной къ Русской державѣ, да еще въ Новгородскомъ краю въ уступленныхъ областяхъ по Мстѣ и Лугѣ; по свидѣтельству лѣтописи Олегъ на Новгородцовъ не уставлялъ дани, а только уставилъ урокъ мира дѣля по 300 гривенъ на лѣто, — урокъ же по объясненію самого г. Осокина имѣлъ отличіе отъ дани; слѣдовательно установленія Ольгою оброковъ и даней по Мстѣ и Лугѣ небыло повтореніемъ того, что уже было сдѣлано Олегомъ, а представляло новое самостоятельное учрежденіе, которое, какъ свидѣтельствуютъ Новгородскія договорныя грамоты съ князьями, существовало въ тамошнемъ краю съ нѣкоторыми измѣненіями и въ XIII столѣтіи. Что же касается до южныхъ племенъ, — Уличей, Тиверцовъ, Бужанъ и Хорватовъ, то лѣтопись не упоминаетъ о раскладкѣ даней на сіи племена Ольгою, потому, что дань Русскихъ князей въ Ольгино время еще не раскладывалась на сіи племена, они тогда еще не принадлежали къ Русской державѣ, они небыли покорены ни Олегомъ, ни Игоремъ, ни Ольгою, съ ними еще воевалъ внукъ Ольгинъ Владимиръ и частію даже его преемники; слѣдовательно на сіи племена Ольга не только не могла установлять постоянныхъ даней, но и не имѣла случая дѣлать временныхъ поборовъ.

Въ 3-хъ предположеніе автора (что сознаніе необходимости

платить подати не можетъ быть уяснено въ жителяхъ, пока государство находится еще въ неразвитомъ положеніи. А въ такомъ положеніи находилась тогда Русь») остается не болѣе какъ предположеніемъ, которое не можетъ уничтожить фактовъ засвидѣтельствованныхъ лѣтописью. Лѣтопись говоритъ ясно, что Олегомъ и Ольгою были уставлены постоянныя дани, оброки и уроки; слѣдовательно современники Олега и Ольги на Руси уже сознавали необходимость платить подати, т. е. постоянныя дани, оброки и уроки. Предположеніе автора доказываетъ только, что онъ смотритъ на древнюю Русь съ точки зрѣнія нынѣшнихъ научныхъ понятій о государствѣ и, не находя въ древней Руси явленій условливаемыхъ нынѣшними научными понятіями, безъусловно отвергаетъ всѣ своеобразныя формы тогдашняго государственнаго быта на Руси, и даже не находитъ возможности уяснить сознаніе необходимости платить подати.

Въ 4-хъ справедливо полагаетъ авторъ, что дань, за которою ходилъ самъ князь съ дружиною, была первоначально видомъ подчиненности племени одной общей власти, но эта подчиненность была оказываема только въ слѣдствіе крайности.» Но за данями, т. е. за временными случайными поборами, собираемыми силою, Русскіе князья ходили только къ племенамъ еще непокореннымъ, уступавшимъ одной силѣ, въ племенахъ же составлявшихъ Русское государство, т. е. добровольно въ него вошедшихъ или совершенно покоренныхъ Русскими князьями, какъ Древляне при Ольгѣ, собирались не временные случайные поборы, а установлялись постоянныя опредѣленныя оброки, уроки и дани, въ земли сихъ племенъ недля чего уже было ходить за данью самимъ Русскимъ князьямъ съ дружиною, тамъ уже управляли Русскіе княжіе мужи, посадники, какъ прямо сказано въ лѣтописи о Смоленскѣ и Любечѣ: «Олегъ приде къ Смоленску съ Кривичи, и прія градъ, и посади мужь свой, оттуда поиде внизъ, и взя Любецъ, и посади мужь свой.» (Лавр. 10.) И дѣйствительно лѣтопись не пред-

ставляетъ ни одного извѣстія, чтобы князья ходили съ дружиною силою собирать дань въ тѣхъ племенахъ, которые были уже совершенно покорены и вошли въ составъ Русскаго государства; всѣ извѣстія о походахъ князей за данью относятся къ племенамъ непокореннымъ и даже еще состоявшимъ въ войнѣ, такъ напримѣръ походы Олега на Уличей, Тиверцовъ и Хорватовъ и подобн.

Въ 5-хъ наконецъ напрасно авторъ утверждаетъ, что князья искали въ подвластныхъ имъ земляхъ только дани и дружинъ, не заботясь о внутреннемъ устройствѣ земель. Лѣтопись свидѣтельствуетъ совершенно противное сему; она говоритъ объ Ольгѣ; «идѣ Вольга по Деревстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною уставляющи уставы и уроки.» И потомъ: «Идѣ Вольга Новугороду и устави по Мьстѣ погости и дани, и по Лузѣ оброки и дани; ловища ея суть по всей земли, знамянья и мѣста и погосты.... и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ.... и изрядивши, въ зратися къ сыну своему Кіеву.» (Лавр. 25.) Ольга по словамъ лѣтописи возвратилась въ Кіевъ не прежде, какъ все урядивши и устроивши; слѣдовательно по прямому свидѣтельству лѣтописи покрайней мѣрѣ Ольга заботилась о внутреннемъ устройствѣ земель, составлявшихъ Русскую державу. Что же касается до мнимаго исканія Русскими князьями дружинъ въ подвластныхъ земляхъ, то я рѣшительно не знаю откуда взялъ его авторъ; всѣ лѣтописи, всѣ другіе историческіе памятники свидѣтельствуютъ одно, что княжескія дружины на Руси составлялись изъ вольныхъ людей, пришельцевъ со всѣхъ краевъ свѣта; отъ Рюрика до Владиміра княжія дружины преимущественно состояли изъ Варяговъ, а послѣ Владимира они стали пополняться всѣми возможными пришельцами, и Ляхами, и Нѣмцами, и Уграми, и Торками, и Ясами, и Касогами, и Печенѣгами, и Половцами, а равно и свободными туземными Славянами. Чтобы убѣдиться въ этомъ стоитъ только припомнить имена княжескихъ дружинниковъ встрѣчающіяся въ лѣтописяхъ. О насильственныхъ же наборахъ

изъ покоренныхъ племенъ въ княжую дружину нѣтъ нигдѣ и намеку; даже приборы (а не наборы) въ княжую службу начали появляться въ нашей исторіи не раньше временъ Іоанна III-го Московскаго. Иное дѣло посоха, собираемая преимущественно для защиты родной земли, а не для княжескихъ походовъ, она дѣйствительно составлялась изъ туземцевъ той или другой; но она не составляла княжеской дружины, а была особымъ земскимъ войскомъ.

Переходя ко временамъ Владимира и Ярослава авторъ говоритъ: «По всей вѣроятности о введеніи бо́льшаго постоянства при установленіи даней и вообще прямыхъ сборовъ на народы совершенно подвластныя заботилось правительство при Св. Владимирѣ и Ярославѣ I-мъ. Владимиръ, который, какъ мы видимъ, совѣтуется съ Греческимъ духовенствомъ объ устройствѣ земскомъ и установляетъ нѣкоторые косвенные сборы (виры), могъ обратить вниманіе и на прямые. О Ярославѣ извѣстно, что будучи обязанъ велико-княжескимъ престоломъ Новгородцамъ, онъ далъ имъ въ первые годы своего княженія, финансовую льготную грамоту.» Дѣйствительно лѣтопись свидѣтельствуетъ, что Владимиръ заботился о строѣ и уставѣ земскомъ; но въ той же лѣтописи мы находимъ, что и до Владимира Русскіе князья заботились о земскомъ устроеніи, и самъ Владимиръ жилъ по ихъ устроенью; лѣтопись прямо говоритъ: «и живяше Володимиръ по устроенью отню и дѣдню.» (Лавр. стр. 54.) Слѣдовательно и Святославъ и Игорь заботились о внутреннемъ устройствѣ своихъ владѣній. Но больше ли своихъ предковъ Владимиръ заботился о введеніи постоянства при установленіи даней, мы рѣшительно объ этомъ не имѣемъ никакихъ свидѣтельствъ ни даже намековъ; и только утвердительно можемъ сказать, что онъ объ этомъ предметѣ не совѣтовался съ Греческимъ духовенствомъ, въ противномъ случаѣ со времени Владимира въ наложеніи даней и другихъ поборовъ у насъ были бы замѣтны слѣды Византійскаго порядка, единственно знакомаго Греческому духовенству, но сихъ слѣ-

довъ мы нигдѣ не замѣчаемъ, у насъ и послѣ Владимира вездѣ попадаются тѣ же поборы дани, оброки, уроки и подобн., которые мы видѣли и до Владимира. Притомъ же лѣтопись свидѣтельствуетъ, что Владиміръ о внутреннемъ устройствѣ своихъ владѣній совѣтовался съ дружиною, а не съ Греческимъ духовенствомъ, она прямо говоритъ: «Бѣ Володимеръ любя дружину, и съ ними думая о строи землепѣмъ и о ратѣхъ, и уставѣ земленѣмъ.» (Лавр. 54.) Что же касается до Ярослава I-го, то льготная финансовая грамота, которую онъ далъ Новгородцамъ, указываетъ не на то, чтобы онъ больше своихъ предшественниковъ заботился объ установленіи постоянныхъ даней, а на то, что въ Новгородѣ уже до Ярослава были постоянныя дани, оброки и уроки, ибо льготныя грамоты даются для освобожденія отъ податей уже существующихъ. При томъ ежели помощь, оказанная Новгородцами Ярославу при занятіи велико-княжескаго престола, обязывала его, какъ бы въ благодарность, заботиться о внутреннемъ усройствѣ, хотя бы Новгородскихъ владѣній; то та же обязанность лежала и на Рюрикѣ, первомъ Русскомъ князѣ, ибо и онъ Новгородцамъ же былъ обязанъ полученіемъ княжеской власти, Новгородцы вмѣстѣ съ Чудью и Кривичами пригласили его княжить и володѣть въ Русской землѣ; слѣдовательно и Рюрикъ также какъ и Ярославъ долженъ былъ заботиться объ устройствѣ Русскихъ владѣній.

Переходя къ удѣльному періоду, авторъ пишетъ: «во весь періодъ такъ называемой удѣльной системы, мы напрасно будемъ искать правильности въ установленіи и распредѣленіи даней. Удѣльные князья занятые своими распрями, не могли заботиться о внутреннемъ устройствѣ государства вообще и финансовомъ въ особенности. Все заставляетъ думать, что раскладка даней въ это время была весьма произвольною, зависѣла отъ воли мѣстныхъ правителей, и очень сомнительно, чтобы до XIII столѣтія даже велись этой раскладкѣ особые списки, раскладочные реэстры.... ни лѣтописи ни другіе акты не сообщаютъ намъ извѣстія о томъ, былъ ли въ началѣ такъ

называемаго періода удѣловъ введенъ одинъ какой либо способъ разпредѣленія даней, общій для всей Россіи, и какой именно, или въ различныхъ княжествахъ существовали различные способы ихъ установленія и разкладки.... Лучшимъ доказательствомъ тому, что при Ярославѣ и во время удѣльной системы средства для удовлетворенія общественнымъ потребностямъ были довольно случайны, служитъ то обстоятельство, что значительный доходъ князьямъ доставляли добровольныя приношенія жителей, называемые дарами поклонами.» Я незнаю какой правильности думаетъ искать, и не надѣется отыскать авторъ въ распредѣленіи и установленіи даней во время удѣльнаго періода; но до насъ дошли прямыя свидѣтельства, что во время удѣльнаго періода на Руси въ разныхъ княжествахъ платились народомъ постоянныя и опредѣленныя дани и другихъ наименованій поборы, и количество сихъ поборовъ въ каждомъ городѣ и волости напередъ было извѣстно князю; такъ напримѣръ Смоленскій князь Ростиславъ Мстиславичь въ уставной грамотѣ 1150 года прямо говоритъ, что съ девяти Вержавскихъ погостовъ сходится дани 800 гривенъ, предмѣра 100 гривенъ, а на истужницѣхъ 100 гривенъ; въ Вороничѣхъ 200 гривенъ, съ Торопца дани 400 гривенъ, въ Жижци дани 130 гривенъ и такъ далѣе въ тридцати Смоленскихъ волостяхъ и городахъ. (Дополн. къ Ак. истор. Т. I. № 4.) Кромѣ того изъ этой же грамоты мы видимъ, что иные поборы отдавались на откупъ, а другіе сбирались княжими сборщиками или выборными людьми; такъ напримѣръ о гостиной дани въ Пацини, грамота говоритъ; «а въ гостинѣи дани невѣдомо», или о корчьмити и мытѣ: «въ Лучинѣ мыта и корчмити невѣдомо, на Прупой корчмити невѣдомо.» Ясно что изчисленные здѣсь поборы съ торговцевъ собирались приставами князя или выборными людьми, а не были отданы на откупъ, въ грамотѣ говорится невѣдомо что ся сойдетъ, и дѣйствительно нельзя знать напередъ сколько будетъ пріѣзжихъ торговцовъ въ продолженіи года, и по этому сколько съ нихъ сберется дани. Напротивъ

того перевозъ и торговое на Копысѣ очевидно были отданы на откупъ, или пооброчены; ибо въ грамотѣ сказано: «на Копысѣ перевоза четыре гривны, а торговаго четыре гривны.» Въ этой же грамотѣ мы встрѣчаемъ важное указаніе, что раскладка даней соразмѣрялась съ состояніемъ плательщиковъ, грамота говоритъ; «а въ тѣхъ погостѣхъ платитъ кто жъ свою дань и предмѣръ истужницы, по силѣ, кто что мога.» Далѣе въ этой же грамотѣ есть указаніе, что князья получали свѣденія, когда была необходимость уменьшить дани съ той или другой области по какимъ либо несчастіямъ; въ грамотѣ сказано: «Се же нынѣ, въ си дни полны дани, а посемъ что Богъ устроитъ; по Божію строю, чи которая дань оскудѣетъ, или ратью или коимъ образомъ, по силѣ что почнетъ давати тыи дани, а изъ того десятина святѣй Богородицы.» Все это прямо свидѣтельствуетъ, что въ установленіи и распредѣленіи даней и во время удѣльнаго періода соблюдались до нѣкоторой степени правильность и опредѣленность, что тогдашнія дани и другіе поборы имѣли природу налоговъ, настоящихъ податей, которыхъ авторъ не находитъ да самаго Іоанна III-го Московскаго. Напрасно также думаетъ авторъ, что удѣльные князья занятые своими распрями, немогли заботиться о внутреннемъ устройствѣ государства вообще и о финансовомъ въ особенности. Удѣльныя распри только представляли временныя затрудненія, но отнюдь не были такими неодолимыми препятствіями, чтобы князья вовсе не могли заботиться о внутреннемъ устройствѣ государства; по прямому свидѣтельству Русской правды сыновья Ярослава собирались же въ Кіевъ, чтобы измѣнить нѣкоторыя положенія въ законахъ своего отца, какъ прямо говоритъ Правда: «Правда уставлена Русской землѣ, егда ся съвкупилъ Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Коснячько, Перенѣгъ, Микифоръ Кіянинъ, Чудинъ Микула.» Собралъ же Владимиръ Мономахъ тысяцкихъ и Ольгова мужа для пополненія закона о ростахъ или процентахъ, какъ написано въ той же правдѣ: «А се уставилъ Владимиръ Всеволодичь по Святополцѣ съзвавъ дружину

свою на Берестовомъ: Ратибора тысячьскаго Кіевскаго, и Прокопія Бѣлгородскаго тысячьскаго, Станислава Переяславскаго тысячьскаго, Нажира, Мирослава, Иванка Чудиновича Ольгова мужа, и устави люди до третьяго рѣза.» Слѣдовательно по прямому свидѣтельству памятниковъ и во время удѣловъ князья находили возможность и время заботиться объ общемъ внутреннемъ устроіствѣ Русской земли, и даже нѣкоторые памятники ихъ заботы объ устройствѣ дошли до насъ несмотря на отдаленность времени. Нельзя также согласиться съ авторомъ, чтобы раскладка даней въ это время была весьма произвольною и зависѣла отъ воли мѣстныхъ правителей; ибо особенно въ началѣ удѣльнаго періода, покрайней мѣрѣ въ продолженіи первыхъ 50 лѣтъ князья не успѣли еще утвердиться на своихъ удѣлахъ, они въ непродолжительные сроки переходили изъ удѣла въ удѣлъ; слѣдовательно не имѣли ни времени ни средствъ произвольно разполагать наложеніемъ и разкладкою даней и другихъ поборовъ, они должны были волей неволей въ этомъ дѣлѣ слѣдовать общему порядку, въ противномъ случаѣ народонаселеніе, какъ непобѣжденное, подавало бы голосъ въ пользу или противъ того или другаго князя, и не былобы такъ равнодушно къ частымъ перемѣнамъ князей, какъ оно оказывалось въ то время равнодушнымъ по свидѣтельству лѣтописей. Иное дѣло въ послѣдствіи, когда князья утвердились на своихъ удѣлахъ, когда удѣлы сдѣлались наслѣдственными и стали переходить отъ отца къ сыну или ближайшему родственнику, когда изъ удѣловъ образовались самостоятельныя княжества для извѣстныхъ княжескихъ родовъ, напримѣръ въ Галичѣ, Рязани, Владимирѣ и другихъ мѣстахъ; въ то время конечно князья уже болѣе имѣли времени и средствъ располагать введеніемъ разныхъ даней и поборовъ, и въ этомъ дѣлѣ отступать отъ стараго общаго порядка. И мы дѣйствительно встрѣчаемъ въ иныхъ княженіяхъ такіе поборы, какихъ не встрѣчается въ другихъ княженіяхъ; напримѣръ въ Рязанскомъ княжествѣ, по свидѣтельству Олеговой грамоты, были поборы подъ назва-

ніемъ виná, поличное, рѣзанка, шестьдесятъ, которыхъ поборовъ мы не встрѣчаемъ въ памятникахъ другихъ княжествъ. Но и здѣсь является только разнообразіе несходство въ даняхъ одного княжества передъ другимъ; а отнюдь не произволъ въ наложеніи даней и поборовъ, дани и при разнообразіи были правильны постоянны и опредѣленны, это свидѣтельствуетъ таже Олегова грамота, въ ней Олегъ (1356 — 1387 г.) даетъ Ольгову монастырю село Арестовское съ винами и поличнымъ и съ рѣзанкою и съ шестьюдесять, точно также, какъ и предки его Ингварь, Олегъ и Юрьи, которые за полтораста лѣтъ до него ставили этотъ монастырь и въ то время уступили ему тѣ же дани (Ак. истор. Т. I. № 2); слѣдовательно дани оставались неизмѣнными въ продолженіи полутораста лѣтъ по свидѣтельству одной только грамоты, а на дѣлѣ можетъ быть дани сіи существовали съ половины XII столѣтія, или даже съ образованія отдѣльнаго Рязанскаго княжества при Ярославѣ Святославичѣ. Наконецъ нельзя согласиться съ авторомъ въ томъ, что будто бы во время удѣловъ средства для удовлетворенія общественнымъ потребностямъ были довольно случайны, чему доказательство онъ видитъ въ томъ, что значительный доходъ князьямъ доставляли добровольныя приношенія жителей называемые дарами и поклонами. Сему во 1-хъ противорѣчитъ свидѣтельство лѣтописи относящееся къ 1195 году, гдѣ по случаю вражды Всеволода Юрьевича Владимирскаго противъ Рюрика Кіевскаго за уступку симъ послѣднимъ нѣкоторыхъ областей зятю своему Роману Волынскому, Романъ говоритъ: «Отце! то ци про мене тобѣ не жити съ сватомъ своимъ и въ любовь не внити? а мнѣ любо иную волость въ тое мѣсто даси, любо кунами даси за нее, во что будетъ была.» (Ипат. 145.) Изъ сихъ словъ Романа очевидно для всякаго, что волости, удѣлы, города доставляли своимъ князьямъ неслучайные, а постоянные напередъ извѣстные доходы, въ противномъ случаѣ Романъ не могъ бы сказать: дай мнѣ или иную волость вмѣсто прежней, или заплати за нее, чего стоитъ, деньгами. Во 2-хъ са-

мые дары, поклоны и почестья большею частію были неслучайными временными приношеніями, а постоянными опредѣленными поборами, наровнѣ съ данями, уроками и подобн., какъ бы ихъ дополненія; такъ въ уставѣ Новгородскаго князя Святослава Ольговича 1137 года читаемъ: «А здѣ въ Новгородѣ, что есть десятина отъ даній, обрѣтохъ уряжено преже мене бывшими князи.... Ать емлетъ пискупъ десятину.... Въ Онегѣ на Волдутовѣ погостѣ два сорочка, на Ивани погостѣ съ даромъ три сорочки, у Лигуя съ даромъ два, у Вавдита съ даромъ два.» (Русск. Достоп. Т. I. стр. 83.) Или въ Смоленской Ростиславовой грамотѣ сказано: «Отъ Мстиславля 6 гривенъ урока, а почестья гривна и три лисицы, отъ Копосы 6 гривенъ урока и двѣ лисицы, а почестья 35 кунъ; отъ Ростиславля 3 гривны, а почестья гривна и четыре лисицы.» Слѣдовательно здѣсь ясно поборъ даръ, почестье является не случайнымъ и временнымъ, а постояннымъ и опредѣленнымъ, съ характеромъ прямаго налога, подати; Святославъ прямо говоритъ; «обрѣтохъ уряжено преже мене бывшими князи.» Дары какъ постоянныя подати, а не случайные поборы, даже засвидѣтельствованы договорными грамотами; такъ въ договорной грамотѣ Новгорода съ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ, 1265 года, сказано: «Новгородъ ти держати въ старинѣ, по пошлинѣ. Что волостій всѣхъ Новгородскихъ, того ти, княже не держати своими мужи, но держати мужи Новгородскыми, а даръ имати тобѣ отъ тѣхъ волостей. (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I. № 1.) Конечно были и временные случайные дары и окупы, на которые и ссылается авторъ, но при временныхъ случайныхъ дарахъ были и постоянные опредѣленные; слѣдовательно изъ существованія нѣкоторыхъ немногихъ случайныхъ даровъ нельзя вообще заключать о томъ, чтобы во время удѣловъ средства для удовлетворенія общественнымъ потребностямъ были довольно случайны; отъ части къ цѣлому заключаютъ.

Приступая ко времени Татарскаго владычества на Руси, авторъ говоритъ: «Монголы ввели въ нашемъ отечествѣ деся-

тину и поголовные сборы. Городскіе промышленники, купцы и ремесленники подлежали имъ наравнѣ съ другими жителями. Особенной дани самостоятельной, которая бы падала собственно на ремесла и торговлю не было также и теперь, какъ и въ предшествовавшіе вѣка.» Это показаніе автора, особенно въ томъ видѣ, какъ онъ его развиваетъ въ послѣдствіи, большею частію справедливо и согласно съ дошедшими до насъ источниками, и за небольшими исключеніями съ объясненіями автора вездѣ можно согласиться.

Такъ напримѣръ мнѣніе автора, что десятина имѣла характеръ только временной военной добычи взимаемой при самомъ покореніи княжествъ, вполнѣ согласно съ памятниками; ибо ни въ ханскихъ ярлыкахъ ни въ другихъ грамотахъ Монгольскаго періода нигдѣ не упоминается о десятинахъ платимыхъ Татарскимъ ханамъ, объ нихъ говорятъ только Плано-Карпини и Троицкая лѣтопись подъ 1237 годомъ, свидѣтельство которыхъ относится именно только ко времени первоначальнаго покоренія Русской земли Монголами. Но едва ли можно согласиться съ авторомъ въ томъ, что Монголы у насъ ввели поголовную дань; ибо всѣ свидѣтельства о Татарскомъ числѣ имъ приведенныя, нигдѣ ясно не говорятъ о поголовномъ изчисленіи, за исключеніемъ извѣстія Плано-Карпини, а нѣкоторыя даже напротивъ прямо указываютъ на посемейное изчисленіе; такъ въ Новгородской лѣтописи подъ 1259 годомъ сказано: «и почаша ѣздити окаяніи по улицамъ, пишуче домы христіанскіе.» Притомъ же не должно упускать изъ вида, что въ Китайскихъ лѣтописяхъ, именно въ книгѣ Ганъ-му, сказано: что еще въ 1236 году Монголы производили перепись въ Китаѣ посемейно, а не поголовно; слѣдовательно ежели таковый порядокъ былъ у Монголовъ въ Китаѣ въ 1236 году; то нѣтъ причины предполагать, чтобы этотъ порядокъ былъ измѣненъ при переписи произведенной Монголами въ Россіи; тѣмъ болѣе что и въ Русскихъ оффиціальныхъ памятникахъ, конца XIII и начала XIV вѣка, упоминаются особо численные и особо нечисленные

люди, и на первыхъ именно лежала Татарская дань, здѣсь кажется именно численными людьми назывались представители семействъ попавшіе въ татарское число, а нечисленными члены тѣхъ же семействъ, но непредставители; у насъ и въ послѣдствіи по уничтоженіи Татарскаго ига оставался еще этотъ Татарскій порядокъ, во всѣхъ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ изчислялись только домы, семейства, а не всѣ члены семействъ, которые тогда назывались захребетниками и не шли въ изчисленіе. Все это довольно ясно говоритъ, что Татары на Руси брали посемейную а не поголовную дань.

Далѣе вполнѣ справедливо и согласно съ памятниками авторъ пишетъ, что Монгольскія переписи скоро прекратились, и ханы стали только опредѣлять сумму, слѣдующую ко взысканію съ княжествъ и областей, предоставляя самимъ князьямъ вносить сборы въ казну Ханскую. Но я незнаю на какомъ основаніи авторъ говоритъ, что Татарская дань съ тѣхъ поръ начинаетъ разкладываться, на томъ же основаніи, какъ и дани шедшія въ пользу Князей, т. е. какъ выражаются источники *по сохамъ и по людемъ*, и что въ одной мѣстности преобладало посошное разпредѣленіе, а въ другой посемейное. Тогда какъ самъ же онъ приводитъ свидѣтельство Татищева, что еще во время Татарскихъ переписей Князь Василій Ярославичь Костромской привезъ дань къ Хану по-полугривнѣ съ сохи или съ двухъ работниковъ, и что недовольный Ханъ велѣлъ сдѣлать новую перепись. А по Китайскимъ источникамъ извѣстно, что и въ Китаѣ Монголы еще въ 1236 году разложили дань по землѣ, именно съ одной *му* (1200 квадр. футовъ) лучшей земли три гарнца съ половиною, съ одной му средней земли три гарнца, съ одной му худой земли два гарнца съ половиною. (Ист. 4-хъ хановъ изъ дома Чингисова стр. 265). Слѣдовательно не безъ основанія можно допустить, что Монголы у насъ стали собирать дань съ земли по сохамъ или плугамъ, точно также какъ въ Китаѣ они собирали по тамошней мѣрѣ *му*, при самомъ обложеніи данью Русскихъ княжествъ, именно

во время Татарскихъ переписей, а не по прекращеніи ихъ, какъ утверждаетъ авторъ.

Въ заключеніи первой главы авторъ говоритъ о черномъ борѣ у Новгородцевъ. Онъ весьма основательно и совершенно согласно съ источниками утверждаетъ, что черный боръ, называвшійся также черною куною, не былъ ни данью собираемою съ черни, ни податью съ лѣсовъ, ни данью вносимою Новгородцами Великому Князю, единственно для уплаты Ордынскаго выхода, какъ полагаютъ иные писатели; но что это была собственно общая (непоголовная) дань шедшая съ Новгородцевъ въ пользу Князя, и что она была гораздо ранѣе 1340 года, когда въ первый разъ упоминается въ лѣтописяхъ. Я съ своей стороны къ этому показанію автора думаю прибавить только то, что черный боръ въ Новгородѣ представлялъ ту самую общую дань, которая въ другихъ Княжескихъ владѣніяхъ постоянно и безпрекословно платилась Князьямъ подъ именемъ собственно дани; Новгородцы же, какъ состоявшіе на особыхъ правахъ, утверждаясь на Ярославскихъ грамотахъ, всегда уклонялись отъ платежа этой дани, и уступали ее Князьямъ только въ крайности, и то не на долго. Первая Новгородская лѣтопись кажется объ этой самой дани говоритъ еще подъ 1209 г., когда разсказываетъ, что Новгородцы отпущенные Всеволодомъ изъ несостоявшагося Черниговскаго похода, возвратившись въ Новгородъ: «створиша вѣче на посадника Дмитра и на братію его: яко ти повелѣша на Новгородцихъ сребро имати, и поволости куны брати, по купцемъ виру дикую и повозы возити и все зло.» (1 Новг. стр. 30).

Вторая глава *Объ обложеніи податями технической промышленности и торговли отъ Іоанна III-го до введенія Петромъ великимъ подушной подати.*

Здѣсь авторъ говоритъ: «что единство политическое, результатъ уничтоженія удѣловъ и прекращенія независимости Новгорода, отразилось и въ финансовой системѣ. Посошная подать въ теченіи короткаго времени разпространилась мало по

малу почти на всѣ области тогдашней Руси. Подати сдѣлались постоянными. Соха по прежнему была единицею мѣры для распредѣленія налога не только въ земледѣльческой промышленности, но и въ ремеслахъ и въ торговлѣ.» Конечно можно согласиться съ авторомъ, что съ уничтоженіемъ удѣловъ и съ прекращеніемъ независимости Новгорода финансовая система на Руси потерпѣла нѣкоторыя измѣненія, подати мало по малу должны были сдѣлаться болѣе единообразными; но все это сдѣлалось не въ самое короткое время, какъ утверждаетъ авторъ. Московское правительство всегда поступало осторожно, и лишь на столько вводило свои порядки въ прежнія самостоятельныя владѣнія присоединяемыя къ Москвѣ, на сколько это было необходимо для общаго благоустройства; оно неотмѣняло частныхъ порядковъ, развившихся въ той или другой присоединенной области, въ прежнее время, ежели порядки сіи непрепятствовали общему благоустройству. Такъ мы по оффиціяльнымъ памятникамъ знаемъ, что въ Новгородскихъ владѣніяхъ еще въ концѣ XVI вѣка разкладка податей производилась по Новгородскимъ сохамъ, а не по Московскимъ, и Новгородскія сохи дѣлились на обжи а не навыти, какъ въ Московскихъ владѣніяхъ. (Писцовая книга Новгор. 7091 года напечатан. во Временникѣ въ 6 книгѣ стр. 58 и друг.). Нельзя также согласиться съ авторомъ, относительно того, что подати сдѣлались постоянными только съ Іоанна III; ибо уже выше доказано, что подати на Руси были постоянны и въ X и въ XI и въ XII, XIII и въ XIV вѣкахъ. Но авторъ вполнѣ правъ, утверждая, что при Іоаннѣ III не было отдѣльной промысловой подати; ее дѣйствительно не было въ томъ смыслѣ, какой онъ составилъ для нее въ первой части своего труда; таковая отдѣльная подать даже немогла существовать при тогдашнемъ финансовомъ устройствѣ, ибо тогда по свидѣтельству оффиціяльныхъ источниковъ, всѣ подати разкладывались по животамъ и промысламъ.

Далѣе авторъ изчисляетъ нѣкоторыя области гдѣ была произведена сошная перепись при Іоаннѣ III и потомъ при его

преемникахъ до Петра Великаго, и между прочимъ говоритъ: «хотя неизвѣстно была-ли перепись общею для государства, однакожъ очень вѣроятно мнѣніе Карамзина, что въ теченіе государствованія Іоанна всѣ земледѣльцы были расписаны въ сохи». Я незнаю на что автору понадобилось это исчисленіе далеко неполное; ежели онъ уже признаетъ, что соха была единственною мѣрою для распредѣленія налога, не только въ земледѣльческой промышленности, но и въ ремеслахъ и въ торговлѣ; то конечно всѣ области подлежащія платежу сошнаго налога должны были подвергнуться сошному письму, а иначе соха не была бы единственною мѣрою для распредѣленія налога. И дѣйствительно Московскіе Государи какъ скоро присоединяли какую область къ своимъ владѣніямъ, то неотлагали посылать туда писцовъ для переписи области; такъ Іоанномъ III были посланы писцы въ Тверь, въ Новгородъ, въ Вятку. Мнѣніе Карамзина не только очень вѣроятно, но вполнѣ справедливо и достовѣрно; при Іоаннѣ III всѣ области составлявшіе Московское государство были непремѣнно описаны. По Московскому устройству безъ описанія областей, безъ писцовыхъ и переписныхъ книгъ нельзя было ни собирать податей, ни нести государственной службы; и это не новость введенная Іоанномъ III, а старый порядокъ. Еще при Великомъ Князѣ Васильѣ Васильевичѣ посылать писцовъ и описывать области по сохамъ было дѣломъ старымъ обычнымъ, необходимымъ для разкладки податей. Василій Васильевичъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи пишетъ: «А какъ почнутъ дѣти мои жити по удѣломъ, и моя Княина, и сынъ мой Иванъ, и мой сынъ Юрьи, и мои дѣти пошлютъ писцовъ, а удѣлы свои писцы ихъ опишутъ по крестному цѣлованью, да по тому письму и обложатъ по сохамъ и по людемъ, да по тому окладу моя княгини и мои дѣти и въ выходъ учнутъ давати сыну моему Ивану съ своихъ удѣловъ». Здѣсь Великій Князь Василій Васильевичъ указываетъ на писцовъ и на описаніе удѣловъ по сохамъ не какъ на новость, а какъ на порядокъ заведенный издавна, обычный. И

по другимъ грамотамъ мы дѣйствительно видимъ, что этотъ порядокъ былъ давнишній не только у Московскихъ Князей, но и въ другихъ владѣніяхъ Руси. Самъ Г. Осокинъ признаетъ и указываетъ свидѣтельство грамоты, что дань раскладывалась по сохамъ еще при Великомъ Князѣ Димитріѣ Ивановичѣ Донскомъ; а сверхъ того есть свидѣтельства и о самомъ описаніи земель для разкладки податей, и свидѣтельства восходящія до XIV столѣтія. Такъ напримѣръ въ жалованной грамотѣ данной Отрочу Монастырю Тверскими Князьями (1361—1365 г.) написано: «И данницы наши и ямщицы, и *писцы*, атъ не въѣздать ни всылаютъ къ Монастырскимъ людемъ ни почто». (Ак. Ар. Эк. Т. I. № 5). Или съ самаго начала XV вѣка, почти во всѣхъ жалованныхъ грамотахъ Московскихъ и не Московскихъ въ числѣ пошлинъ упоминается *писчая бѣлка*, т. е. пошлина платимая писцамъ при описаніи земель и разкладкѣ даней. Или въ жалованной грамотѣ Бѣлозерскаго Князя Кирилову монастырю (1435 — 1446 г.) прямо говорится объ описаніи земель, вотъ слова грамоты: «пріѣдетъ мой даньщикъ или опищикъ на Бѣлоозеро въ мою вотчину; и игуменъ моему даньщику дани не даетъ, ни описыватися не дастъ» (ibid. № 30). Или въ жалованной грамотѣ Великой Княгини Софіи Витофтовны Ферапонтову монастырю (1448 г.) сказано: «ненадобѣ моя дань Княгини Великіе, ни ямъ, ни подвода, ни писчая бѣлка, ни иныи никоторыи пошлины, и даньщики мои тѣхъ земель не пишутъ» (ibid. № 41). Слѣдовательно нѣтъ никакой надобности изчислять тѣхъ отрывочныхъ указаній о переписи земель при Іоаннѣ III и его преемникахъ, которыя намъ извѣстны печатно; указанія сіи не составляютъ и сотой доли свидѣтельствъ о переписи земель Московскаго государства; въ архивахъ вотчинномъ и коллегіи иностранныхъ дѣлъ до сего времени сохраняются тысячи писцовыхъ и переписныхъ книгъ XVI и XVII столѣтій по всѣмъ уѣздамъ тогдашней Россіи. Владѣнія Московскія при Іоаннѣ III не только непремѣнно были всѣ описаны, но и описывались нѣсколько разъ и въ непродол-

жительные промежутки. Такъ мы имѣемъ сохранившимися переписныя книги по Новугороду, одни за 1496 годъ и другія за 1500 годъ, и одна изъ книгъ 1500 года, даже напечатана во Временникѣ историческаго общества; потомъ до насъ дошли, и также уже напечатаны писцовыя Новгородскія книги за 1582 годъ, въ которыхъ есть ссылка на писцовыя книги Новгородскія 1580 года. Напрасно также авторъ упоминаетъ о писцовомъ наказѣ 1555 года, какъ о какой-нибудь новости, и говоритъ: «въ 1555 году изданъ былъ уже писцовый наказъ». Но этотъ наказъ на дѣлѣ нисколько не былъ новостію, онъ отнюдь не первый наказъ; ибо ежели по сознанію самаго автора существовали писцовыя книги въ XV столѣтіи; то непремѣнно должны были существовать и писцовые наказы, потому что безъ наказа нельзя и составить писцовой книги, въ наказѣ именно излагались правила, которымъ должно слѣдовать при составленіи писцовыхъ книгъ, и мы дѣйствительно имѣемъ писцовый наказъ по Новгороду относящійся или къ 1437 или къ 1456 годамъ, онъ напечатанъ въ I томѣ актовъ Археографической экспедиціи подъ № 32; но конечно и этотъ наказъ не былъ первымъ писцовымъ наказомъ.

Несправедливо также говоритъ авторъ о приправочныхъ книгахъ, по его словамъ: «приправочныя книги были дополнительныя книги къ писцовымъ книгамъ, или тѣ, которыя по случаю истребленія писцовыхъ книгъ должны были замѣнять ихъ». Но на дѣлѣ приправочныя книги имѣли совершенной свой самостоятельный характеръ, и служили матеріаломъ или указаніемъ при составленіи писцовыхъ книгъ, а не дополняли или незамѣняли ихъ. Въ приправочныхъ книгахъ на первомъ планѣ были крѣпости, по которымъ кто владѣетъ какимъ-либо недвижимымъ имѣніемъ, въ нихъ именно подробно излагалось: кому принадлежатъ какія имѣнія и по какимъ документамъ, по старымъ ли книгамъ, или по купчимъ, по изустнымъ ли памятямъ, по закладнымъ ли кабаламъ, или по другимъ какимъ крѣпостямъ. Такъ напримѣръ въ приправочной книгѣ 7094 г.

описаніе представляетъ слѣдующую форму: «Богданъ Ивановъ сынъ Полевъ, вотчина за нимъ отца его 61 года, по докладу преосвященнаго Макарія всея Русіи, по духовной грамотѣ Ографены Григорьевы жены Иванова сына Нагова, Ондреевы дочери Иванова сына Товаркова, что выкупили у Архимандрита Ѳеогноста, селцо Кочаборово, да деревня Корноухова съ пустошми, пашни паханые и перелогу 136 чети. Ѳедоръ Васильевъ сынъ Пушкинъ, вотчины за нимъ по купчей 88 году, что купилъ у Гаврилы у Иванова сына Пушкина деревню Головину, да деревню Малинки, да пустошь Ефанкову, пашни и перелогу 143 чети съ осминою». Ясно что приправочныя книги при такомъ своемъ характерѣ немогли ни замѣнять писцовыхъ книгъ ни дополнять ихъ. Писцовыя книги составлялись для разкладки податей, слѣдовательно съ цѣлію финансовою; приправочныя же книги писались только для того, чтобы знать по какимъ правамъ кто владѣетъ какимъ имѣніемъ, слѣдовательно съ цѣлію чисто юридическою.

Отъ писцовыхъ книгъ авторъ переходитъ къ посошной подати, и говоритъ. «что посошная подать или также подворная называлась иногда просто данью, въ послѣдствіи особенно съ половины XVI вѣка, весьма нерѣдко податью, также очень часто тягломъ». Что посошная подать иногда называлась просто данью, а иногда податью, это справедливо; но чтобы посошная подать называлась тягломъ, на это согласиться нельзя. По свидѣтельству всѣхъ памятниковъ тягломъ называлась не какая-либо подать, а обязанность платить подати, тянуть въ платежѣ податей, участвовать въ платежѣ податей; такъ напримѣръ въ уставной Важской грамотѣ 1552 года, приводимой авторомъ, прямо сказано: «и всякія тягла тянути и подати давати по старинѣ». Здѣсь подать не называется тягломъ; или въ уставной грамотѣ Переславскимъ рыболовамъ 1555 года сказано: «платити имъ нашъ оброкъ за бѣлку, и за горностаи, и ямскія и полоняничныя деньги, и иные наши оброки по писцовымъ книгамъ и по сохамъ давати, и городовое дѣло дѣлати, и всякія

тягла тянути и подати давати по старинѣ». Здѣсь тягло нисколько не тождественно подати, грамота говоритъ *тягло тянуть, подати давать*, ясно тягломъ назывались всѣ обязанности лежащія на тягломъ человѣкѣ; т. е. платежъ разныхъ податей оброковъ и пошлинъ, и отправленіе общественныхъ работъ и другихъ повинностей по мірской разкладкѣ.

Такъ какъ сошная подать разкладывалась по сохамъ, то автору необходимо было, хотя сколько-нибудь, объяснить значеніе сохи; и онъ довольно правильно говоритъ: «Разсматривая значеніе сохи, относительно обложенія ремеслъ и торговли прежде всего должно замѣтить, что сохою въ разсматриваемый нами періодъ времени называлось примѣнительно къ означеннымъ промысламъ извѣстное число дворовъ, между тѣмъ какъ въ земледѣліи въ соху полагалось отъ части опредѣленное пространство земли извѣстнаго качества, отъ части также извѣстное число дворовъ. Ремесленный и торговый классы подлежали постоянному налогу съ сохи ежегодно собираемому. Въ писцовыхъ книгахъ означалось только число дворовъ, заключающихся въ сохѣ, имена ихъ владѣльцовъ и ихъ состояніе, равнымъ образомъ и число всѣхъ жителей описываемаго мѣста. Соха даже въ одно и то же время въ разныхъ мѣстахъ вмѣщала въ себѣ различное число дворовъ ремесленныхъ и торговыхъ людей». Далѣе авторъ приводитъ свидѣтельства грамотъ, на какомъ основаніи въ одно и тоже время количество дворовъ на соху было не одинаково, и находитъ это основаніе, согласно съ грамотами, въ большей или меньшей зажиточности ремесленныхъ и торговыхъ людей, и на тоже основаніе разкладки податей указываетъ и въ земледѣльческой промышленности, ссылаясь на Важскую уставную грамоту 1552 года, въ которой сказано: «а крестьяномъ, которые живутъ въ станѣхъ и волостяхъ, лучшимъ людемъ и середнимъ и молодшимъ, разводить потому-жъ по пашнямъ, по животомъ и по сохамъ». Отъ сохи авторъ переходитъ къ городскимъ дворамъ, на которые разкладывалась посошная подать, и говоритъ: «мѣста и дворы, принадлежав-

шіе городскимъ промышленникамъ обязаннымъ платить налогъ, носили названіе тяглыхъ, или черныхъ дворовъ, въ противоположность дворамъ бѣлымъ или бѣломѣстцовымъ». И далѣе приводитъ свидѣтельства уложенія и другихъ узаконеній Царя Алексѣя Михайловича, кого изъ не тяглыхъ людей живущихъ въ городахъ и слободахъ облагать податьми и повинностями наравнѣ съ тяглыми людьми. Все это достаточно опредѣляетъ значеніе сохи, но не вполнѣ объясняетъ отношенія ея къ сбору податей, и непредставляетъ надлежащей стройности для полнаго и живаго представленія объ этомъ предметѣ.

Отъ посошной подати авторъ переходитъ къ налогу на выкупъ плѣнныхъ, онъ объ немъ говоритъ слѣдующее: «Особый прямой налогъ съ посадскихъ людей которому подвергались и сельскіе жители и даже служилые люди) былъ взимаемъ ежегодно при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ на выкупъ плѣнныхъ. Онъ также распредѣлялся по дворамъ; «съ посадскихъ дворовъ и съ ямщиковъ и со всякихъ жилецкихъ людей, которые живутъ въ городѣхъ на посадѣхъ.... съ двора по осми денегъ. Собранная на основаніи новыхъ переписныхъ книгъ, а не по старому сошному письму, податная сумма должна была погодно поступать въ Посольскій приказъ». Дѣйствительно при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ существовалъ налогъ на выкупъ плѣнныхъ; но этотъ налогъ начало свое ведетъ не съ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, а съ Стоглава 1551 года. Алексѣй Михайловичъ только измѣнилъ старый порядокъ сбора этой подати; на основаніи 72 главы Стоглава подать на выкупъ плѣнныхъ разлагалась по сохамъ; по Уложенію же Царя Алексѣя Михайловича узаконено было раскладывать ее по дворамъ на основаніи новыхъ переписныхъ книгъ. И авторъ здѣсь опустилъ изъ вида весьма важное отличіе сбора по новымъ переписнымъ книгамъ отъ сбора по сошному письму; основаніемъ раскладки по сошному письму были животы и промыслы плательщиковъ, основаніемъ же раскладки по новымъ переписнымъ книгамъ были не животы и промыслы, а званіе платель-

щиковъ, ихъ общественное значеніе. Авторъ говоритъ, что на выкупъ плѣнныхъ ежегодно собиралось по осми денегъ съ двора; слѣдовательно каждый дворъ безъ различія по мнѣнію автора долженъ былъ давать на выкупъ плѣнныхъ по осми денегъ. Уложеніе же напротивъ дворы по платежу налога на выкупъ плѣнныхъ раздѣляетъ на три разряда, и основаніемъ таковаго раздѣленія полагаетъ не богатство плательщиковъ, а ихъ общественное значеніе; именно въ 1 разрядъ по осми денегъ съ двора зачисляетъ городскіе дворы посадскихъ людей, ямщиковъ и всякихъ жилецкихъ людей, которые живутъ въ городѣхъ на посадѣхъ, а въ уѣздахъ крестьянскіе и бобыльскіе дворы патріаршихъ, митрополичихъ, архіепископлихъ, епископлихъ и монастырскихъ вотчинъ; во 2 разрядъ по четыре деньги съ двора помѣщаетъ дворы государевыхъ дворцовыхъ селъ, черныхъ волостей, помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ крестьянъ; и наконецъ въ 3 разрядъ по двѣ деньги съ двора, дворы служилыхъ людей, стрѣльцовъ, пушкарей, затинщиковъ, воротниковъ, казенныхъ плотниковъ, кузнецовъ и всякихъ служилыхъ людей. Я незнаю вообще на какомъ основаніи и съ какою цѣлію авторъ упомянулъ о налогѣ на выкупъ плѣнныхъ; тогда какъ этотъ налогъ нисколько не относится къ исторіи промысловаго налога.

Отъ налога на выкупъ плѣнныхъ авторъ переходитъ къ особымъ чрезвычайнымъ налогамъ, и пишетъ объ нихъ: «Кромѣ постоянныхъ податей ежегодно падавшихъ на ремесла и торговлю, городскіе промышленники подвергались еще особымъ чрезвычайнымъ налогамъ, называвшимся иногда запросными деньгами.... хотя эти сборы встрѣчаются еще во 2-й половинѣ XVI столѣтія; но чаще они стали появляться въ началѣ XVII столѣтія; въ исходѣ же этого вѣка и въ началѣ XVIII-го они сдѣлались такъ обыкновенны, что приняли почти характеръ постоянныхъ налоговъ. Онѣ распредѣлялись на посадскихъ (и уѣздныхъ) людей иногда по сохамъ или подворно, но чаще имѣли видъ общаго процентнаго сбора съ имущества

и дохода промышленниковъ. Такъ взимаема была, сверхъ окладныхъ доходовъ, съ живота и промысловъ иногда 5-я деньга, иногда 10-я, иногда 15-я или двадцатая. Иногда предоставлялось усмотрѣнію Государя назначать величину сбора, или она опредѣлялась размѣромъ самой потребности.» Далѣе авторъ приводитъ свидѣтельства памятниковъ указывающія, что запросныя деньги иногда собирались съ сохъ, иногда съ дворовъ, иногда въ видѣ общаго процентнаго сбора съ имуществъ и дохода. И какъ кажется при Петрѣ великомъ десятая деньга обратилась въ постоянный налогъ; потому что въ 1705 году было предписано въ переписныхъ книгахъ купцовъ, посадскихъ и слободскихъ людей означать: «кто въ какомъ окладѣ въ одинъ поборъ десятою деньгою и иными всякими податьми и всякими сборы въ слободскіе разходы порознь въ годъ бываетъ.» Здѣсь же авторъ говоритъ, что правительство заботилось въ это время по возможности о равномѣрномъ распредѣленіи имущественныхъ податей, и ссылается на указъ 1706 года, которымъ Государь повелѣлъ уровнять раскладку податей съ торговыхъ людей по промысламъ и по достатку каждаго. Спору нѣтъ, что правительство въ это время заботилось о равномѣрной раскладкѣ податей; но не должно забывать, что это вовсе не былъ новый порядокъ Петровскаго времени, какъ это хочетъ выставить авторъ; правительство въ Россіи и прежде заботилось о равномѣрной раскладкѣ податей, подати всегда собирались по животамъ и промысламъ, всегда плательщики раздѣлялись на кости, т. е. зажиточные верстались только между собою, а бѣдные въ особой кости отдѣльно между собою, и раскладку податей всегда производили сами плательщики чрезъ своихъ выборныхъ людей, старостъ. Мы даже имѣемъ раскладочныя росписи податей начала XVII вѣка; тамъ въ 24 нумерѣ Временника издаваемаго историческимъ обществомъ въ Москвѣ напечатана одна изъ подобныхъ росписей города Дмитрова за 1624 годъ, гдѣ прямо оцѣнены капиталы плательщиковъ и ихъ промыслы, и согласно съ оцѣнкою назна-

ченъ платежъ податей. Вотъ нѣсколько образчиковъ такой оцѣнки и раскладки: «улица Березовецъ, а въ ней живущихъ дворовъ: Дворъ вдовы Марьицы Васильевскіе жены Девешева, да дѣтей ея Николка да Богданка, вдоль 12 саженъ, поперегъ 21 сажень, огороду 54 поперегъ 21 сажень; по сказкѣ старосты и выборныхъ людей: люди лучшіе, живота ихъ будетъ съ двадцать рублевъ, а въ государевы подати и въ мірскіе расходы давали безъ чети съ полушки, а нынѣ имъ платить безъ чети жъ съ полушки. Домъ Ѳомки Григорьева вдоль 12 саженъ, поперегъ девять, огороду 54 поперегъ девять; по складкѣ старосты и выборныхъ людей: человѣкъ середней, живота его 10 рублевъ, торгуетъ солью, а государевы подати и мірскіе розходы даетъ съ чети полушки, а нынѣ ему государевы подати и мірскіе розходы давать съ чети жъ полушки. Дворъ Данилка Дмитріева сына Коркина; вдоль 14 саженъ, поперегъ 9 саженъ, огороду вдоль 54 поперегъ 9 саженъ; по сказкѣ старосты и выборныхъ людей: человѣкъ молочшей, торгу нѣтъ кормится рукодѣльемъ дѣлаетъ овчины, государевыхъ податей и въ мірскіе расходы недавалъ, а нынѣ ему государевы подати и мірскіе расходы платить съ полу-полу-чети полушки.» Кажется ясно, что достатокъ и промыслы каждаго плательщика оцѣнивались при разкладкѣ податей, и самыя подати разкладывались согласно съ оцѣнкою. Самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что такой порядокъ распредѣленія податей существовалъ съ половины XVI столѣтія или даже ранѣе, и даже довольно подробно описываетъ, какъ выбирались окладчики для разкладки податей, и что въ выборѣ ихъ участвовали всѣ посадскіе люди лучшіе середніе и молодшіе, и ссылается въ этомъ на грамоты 1632 и 1662 годовъ; слѣдовательно явно опровергаетъ свое же мнѣніе, что будто бы правительство только съ Петра великаго начало заботиться о равномѣрномъ разпредѣленіи имущественныхъ податей.

Далѣе авторъ пишетъ: предоставленіе права разкладки налоговъ выборнымъ отъ сословія промышленниковъ было нѣ-

рою весьма полезною какъ для самихъ податныхъ лицъ, такъ и для государственной казны. Если только выборъ окладчиковъ былъ сдѣланъ удачно... то они будучи хорошо знакомы съ образомъ жизни и имущественными отношеніями своихъ согражданъ, могли распредѣлять на нихъ подати, по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ довольно близко къ относительной величинѣ ихъ доходовъ.... Но съ другой стороны должно замѣтить, что такихъ результатовъ нельзя было ожидать не только вездѣ и всегда, но даже въ большей части случаевъ уже потому, что при распредѣленіи податей весьма много было предоставлено произволу окладчиковъ и мѣстныхъ начальствъ, на добросовѣстность и честность которыхъ не всегда можно было положиться. Въ самомъ народѣ въ это время еще не развилось ясное сознаніе неизбѣжной обязанности платить налоги. Во всякомъ случаѣ общинная разкладка податей не могла замѣнить дѣйствительнаго вычисленія чистаго дохода, доставляемаго тою или другою промышленностію. Петръ великій желая, достигнуть болѣе соразмѣрнаго разпредѣленія податей, падавшихъ на разные промыслы, и устранить произволъ окладчиковъ и мѣстныхъ начальствъ, предполагалъ ввести промысловый кадастръ, т. е. такое вычисленіе чистаго дохода, которое бы основывалось на признакахъ и данныхъ, взятыхъ изъ свойства и состоянія промышленности каждаго отдѣльнаго лица.» Основную мысль при назначеніи выборныхъ людей въ окладчики авторъ находитъ удовлетворительною, и говоритъ, что выборные люди, хорошо знакомые съ образомъ жизни и достатками своихъ согражданъ, могли разпредѣлить подати во многихъ случаяхъ довольно близко къ относительной величинѣ доходовъ. Достоинство таковаго порядка такъ очевидно, что авторъ не могъ его опровергнуть прямо; но въ тоже время поспѣшилъ подкопаться подъ него со стороны.

И во первыхъ обвиняетъ таковый порядокъ въ томъ, что будто бы здѣсь при разпредѣленіи податей весьма много было предоставлено произволу окладчиковъ и мѣстныхъ начальствъ,

на добросовѣстность и честность которыхъ будто бы не всегда можно положиться; но голословное обвиненіе ничего не доказываетъ. Ежели окладчики выбирались самими промышленными людьми изъ своей же среды, то всего вѣрнѣе заключить что выборъ падалъ на людей болѣе добросовѣстныхъ и способныхъ; ибо избиратели изъ своихъ собственныхъ интересовъ должны были обращаться къ людямъ добросовѣстнымъ и способнымъ, а отыскать ихъ въ своей средѣ гораздо легче было имъ самимъ, нежели кому другому со стороны. Что же касается до мнимаго произвола будто бы предоставленнаго окладчикамъ и мѣстнымъ властямъ; то въ отношеніи излишняго отягощенія плательщиковъ этотъ произволъ ограничивался самими плательщиками, которые всегда имѣли голосъ при разкладкѣ; а въ отношеніи излишнихъ льготъ въ ущербъ казны произволъ удерживался мѣстными властями поставляемыми правительствомъ. Здѣсь очевидно двѣ власти контролировали другъ друга,—правительственная и выборная. Нѣтъ сомнѣнія, что бывали и здѣсь злоупотребленія; но злоупотребленій не можетъ избѣжать ни одно человѣческое учрежденіе, и дѣло не въ томъ были ли злоупотребленія, а въ томъ возможенъ ли былъ контроль, можно ли было съ успѣхомъ жаловаться на злоупотребленія, вотъ эта то самая важная сторона каждаго учрежденія; и порядокъ разкладки податей чрезъ выборныхъ окладчиковъ при участіи мѣстныхъ властей имѣлъ эту выгодную сторону, здѣсь двѣ власти контролировали другъ друга, и жалобы на злоупотребленія были возможны и не безъуспѣшны, что доказывается многими жалобами того времени сохранившимися до сихъ поръ.

Во 2-хъ авторъ утверждаетъ, что будто бы въ самомъ народѣ въ это время не развилось ясное сознаніе неизбѣжной обязанности платить налоги. На какомъ основаніи авторъ утверждаетъ это, я незнаю, онъ бросилъ свое показаніе голословно не представивши ни одного свидѣтельства, между тѣмъ всѣ памятники говорятъ о противномъ. Напримѣръ въ приго-

ворной грамотѣ 1566 года выборные гости и купцы говорятъ «мы люди неслужилые, службы не знаемъ, вѣдаетъ Богъ да Государь, не стоимъ не токмо за свои животы, и мы и головы свои кладемъ за Государя вездѣ, чтобы Государева рука вездѣ была высока.» (Собр. Гос. Грам. и Дог. Т. I. стр. 554.) Или на соборѣ 1621 года гости и торговые люди били челомъ Государю и Патріарху, что они имъ Государямъ, въ помочь ихъ Государевѣ казнѣ, ради съ себя давати деньги, какъ кому мочно, смотря по ихъ прожиткомъ.» (Тамъ же Т. II. стр. 231.) Да и мудрено утверждать, чтобы народъ 800 лѣтъ жившій въ государственномъ устройствѣ и платившій подати своимъ Государямъ не развилъ въ себѣ яснаго сознанія неизбѣжной обязанности платить налоги. Самое распоряженіе правительства, предоставляющее самимъ плательщикамъ разкладывать и собирать подати, ясно свидѣтельствуетъ, что въ XVI и XVII столѣтіяхъ сознаніе необходимости платить подати на столько уже было развито въ Русскомъ народѣ, что и само правительство сознавало это развитіе и довѣряло ему.

Въ 3-хъ наконецъ авторъ въ подтвержденіе своей мысли о недостаточности общинной разкладки податей ссылается на указъ 1705 года Октября 20 дня, которымъ будто бы Петръ великій желая достигнуть болѣе равномѣрнаго разпредѣленія податей и устранить произволъ окладчиковъ и мѣстныхъ начальствъ, предполагалъ ввести промысловый кадастръ. Но этотъ указъ ни сколько не доказываетъ мыслей автора; а напротивъ прямо свидѣтельствуетъ, что Петръ Великій желая достигнуть болѣе равномѣрнаго разпредѣленія податей именно слѣдовалъ старому порядку въ этомъ дѣлѣ, — общинной разкладкѣ, съ нѣкоторыми подробностями, впрочемъ также не новыми. Во 1-хъ по этому указу Государь предписываетъ Московскихъ всѣхъ слободъ и сотенъ у старостъ и у сотскихъ взять въ ратушу съ подлинныкъ извѣстіемъ порознь по слободамъ переписныя книги, за приписаніемъ рукъ старостъ и тѣхъ слободъ жителей, каждаго подъ своимъ именемъ. Здѣсь Госу-

дарь прямо слѣдуетъ старому порядку, т. е. обращается къ выборнымъ людямъ старостамъ и сотскимъ, и ко всей городской общинѣ. Еще по судебнику Царя Ивана Васильевича велѣно было: «розметныя книги старостамъ и сотскимъ и десятскимъ и всѣмъ людемъ тѣхъ городовъ, своихъ розметовъ, земскаго дьяка руку за своими руками, ежегодь присылати на Москву, къ тѣмъ бояромъ.... у кого будутъ которые городы въ приказѣ; другія книги своихъ разметовъ.... гдѣ кто живетъ отдавати тѣхъ городовъ старостамъ и цѣловальникамъ.» Что дѣйствительно и исполнялось покрайней мѣрѣ въ началѣ XVII вѣка, какъ видно изъ сотной Дмитровской выписи 1624 года. Во 2-хъ по указу въ переписныхъ книгахъ должно написать въ каждой слободѣ число жителей, имѣвшихъ дворы и бездворныхъ, съ точнымъ показаніемъ (поимянно) ихъ семейства и родственниковъ, пріемышей и сидѣльцевъ, и какихъ кто лѣтъ; но и въ переписной книгѣ города Корелы 1500 года также каждый дворъ описанъ отдѣльно съ показаніемъ хозяина и его родственниковъ живущихъ съ нимъ. Вотъ выписка изъ этой книги: «Рыболовлей лучшихъ людей на Спаскомъ острову; Дворъ Якушъ Рудинъ; дворъ Васко да Яшко Самсоновъ; дворъ Исакъ Гостилинъ да Игнашка Степановъ, да тогожъ двора треть братаничны ихъ Оринки Кировы; дворъ Андрюкъ да Пахомко Молоховы, да Якушь Оверкѣевъ, да въ томъ же дворѣ Максимка Малаго Костина сына жеребей.» (Времен. кн. XII.) Или въ сотной города Дмитрова 1624 года обозначены и лѣта малолѣтныхъ сыновей при хозяинѣ двора: «дворъ Аѳонасья Калинина сына Солодовника.... по сказкѣ старосты и выборныхъ людей, сынъ у него Сенька 4 лѣтъ; человѣкъ лучшей, живота его 20 рублевъ, а въ государевы подати и въ мірскіе расходы давалъ съ полуполушки, а нынѣ ему давать съ полужъ полушки.» Бездворные жители также обозначались въ старыхъ городскихъ переписяхъ подъ именемъ подсусѣдниковъ, захребетниковъ, батраковъ, казаковъ и сидѣльцевъ. Въ 3-хъ по указу должно было показать, относительно каждаго лица, кто

какихъ ремеслъ имѣетъ искуство, и какими кто въ которыхъ рядахъ торгуетъ товары, и въ своихъ ли лавкахъ или въ наемныхъ, сколько у кого своихъ и наемныхъ лавокъ, и какая цѣна найму.» Но тоже самое находится и въ сотной города Дмитрова 1624 года: «дворъ Өомки Елизарьева, вдоль 12 саженъ... по сказкѣ старосты и выборныхъ людей: человѣкъ середней, живота его 10 рублевъ, торгуетъ солью, а въ государевы подати и въ мірскіе расходы даетъ съ чети полушки.... Дворъ вдовы Матрены Дмитріевской жены Павлинова да сына ея Федьки, вдоль 13 саженъ... по сказкѣ старосты и выборныхъ людей; люди середніе, живота ихъ 10 рублевъ, торгу нѣтъ, дѣлаетъ серебреное дѣло, а въ Государевы подати и въ мірскіе расходы давалъ съ трети полушки, а нынѣ ему давать съ трети жъ полушки.» Въ той же сотной о лавкахъ и харчевняхъ: «Лавка посадскаго человѣка Ганьки Тиханова, поставлена на купленомъ мѣстѣ, старого оброку платитъ по 8 денегъ, а нынѣ платить съ тое лавки по 3 алтына на годъ; харчевня съ полкомъ посадскаго человѣка Митьки Алексѣева сына Гробова, поставлена на старомъ мѣстѣ въ прошломъ 131 году, а оброку ему съ тое харчевни платить по два алтына на годъ.» Въ 4-хъ въ переписныхъ книгахъ по указу 1705 года надлежало обозначать для каждаго промышленника ежегодный податной окладъ десятой деньги и другихъ государственныхъ податей, и ежегодные сборы съ каждаго на слободскіе расходы. Но въ приведенныхъ выше образчикахъ изъ Дмитровской сотной выписи 1624 года мы уже видѣли, что и тамъ постоянно обозначались не только податные оклады и мирскіе расходы, но и самая оцѣнка капитала; напримѣръ: «дворъ Гришки Андреева сына Толченова.... человѣкъ лучшей, живота его будетъ 20 рублевъ; а въ государевы подати и въ мірскіе расходы давалъ съ полуполушки, а нынѣ ему давать съ полуполушки жъ. Въ 5-хъ наконецъ промышленниковъ, вышедшихъ для освобожденія отъ податей и повинностей въ другія сословія слободы и села, по указу велѣно записывать въ переписныя книги подъ име-

вами отцовъ ихъ и проч. Это распоряженіе указа 1705 года было совершенно согласно съ 13 статьею 19 главы уложенія царя Алексѣя Михайловича, по которой всѣхъ выходцевъ изъ городовъ и слободъ велѣно было возвратить на прежнія мѣста; слѣдовательно и по уложенію выходцы изъ городскаго тягла не пропадали безвѣстно, и записывались въ переписныхъ книгахъ выходцами, или убылыя мѣста обозначались именами своихъ послѣднихъ владѣльцовъ какъ мы и видимъ въ извѣстной уже сотной выписи города Дмитрова, гдѣ сказано; «Въ Юрьевской улицѣ мѣста пустыя дворовыя и огородныя; (м.) Гришки Серебреника, (м.) Фидьки Курышкина, (м.) Герасимка Солоденика, (м.) Юрки Петина; вдоль 30 саженъ, поперегъ 22 сажени, а люди тѣхъ дворовыхъ мѣстъ и огородныхъ побиты въ Литовское разоренье.» Такимъ образомъ указъ 1705 года 20 Октября ясно свидѣтельствуетъ, что Петръ Великій въ уравненіи податей здѣсь вполнѣ слѣдовалъ старому порядку и признавалъ общинную разкладку дѣломъ самымъ удобнымъ и справедливымъ. Мало этого сей Государь въ указѣ отъ 18 Декабря 1706 года прямо одобряетъ старую разкладку: «чтобъ оные поборы и всякіе подати были сбираны по древнему, съ расположеніемъ каждаго въ пожиткахъ имущества, обычаю.» Какъ того просили жители. (П. С. З. Т. IV. стр. 559.) А въ табели отъ 14 Октября 1710 года онъ даже обратился нѣкоторымъ образомъ какъ бы къ сохамъ стараго порядка, только въ измѣненномъ видѣ, и назвавши старыя сохи долями; въ этой табели тогдашнія 8 губерній, каждая раздѣлена на доли по 5536 дворовъ въ долѣ; и именно въ Московской губерніи по этому раздѣленію было 44 доли съ полудолею; въ Петербургской 32 доли съ пятою частію доли; въ Кіевской пять долей, въ Смоленской 9 долей, въ Архангелогородской 18 долей съ полудолею; въ Казанской 21 доля, въ Азовской 7 долей съ полудолею, и въ Сибирской 9 долей. (П. С. З. Т. IV. стр. 580.)

Глава III-я *объ обложеніи промысловаго класса подушною податью до 1775 года.* Въ этой главѣ авторъ во 1-хъ говоритъ,

что уже въ исходѣ XVII вѣка мы находимъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ былъ взимаемъ съ промысловаго сословія (въ тѣсномъ смыслѣ) поголовный налогъ. И приводитъ въ доказательство наказы въ Сибирь 1697 и 1698 годовъ, въ которыхъ велѣно съ пріѣзжихъ въ Сибирь съ торговыхъ и промышленныхъ людей взыскивать ежегодно по полтинѣ, а съ гуляющихъ людей по 25 коп. серебромъ. Но указы приведенные авторомъ говорятъ не о поголовномъ налогѣ съ промышленнаго сословія въ тѣсномъ смыслѣ; а о поголовномъ оброкѣ со всѣхъ пріѣзжихъ въ Сибирь не по Государевой службѣ, именно съ торговыхъ и промышленныхъ и гулящихъ людей; и оброкъ этотъ установленъ не указомъ 1697 года, а наказомъ таможеннымъ головамъ даннымъ 30 Августа 1693 года, въ которомъ сказано: «съ гостиныхъ прикащиковъ и гостиной сотни и съ торговыхъ и съ промышленныхъ и съ гулящихъ людей, которые придутъ изъ Русскихъ городовъ въ Сибирь имать оброку на годъ: съ приказщиковъ и съ торговыхъ и съ промышленныхъ по полтинѣ, съ гулящихъ по полуполтинѣ съ человѣка.» (П. С. З. Т. III. стр. 161.) Оброкъ этотъ налагался только на пріѣзжихъ изъ Русскихъ городовъ, а отнюдь не на жителей Сибири, Здѣсь основаніемъ наложенія оброка былъ не промыселъ а пріѣздъ въ Сибирь, и сдѣлано это было конечно для того, чтобы пріѣзжіе въ отдаленную Сибирь люди, не имѣющіе тамъ осѣдлости и прожившіе тамъ по нѣскольку лѣтъ, не отбывали государственныхъ податей.

Обращаясь къ указу 1705 года, авторъ говоритъ; «въ началѣ XVIII столѣтія, несмотря на то, что промышленники по прежнему продолжали платить дворовое тягло, какъ бы въ дополненіе къ этому налогу установлена была въ 1705 году еще особая личная, или лучше сказать поголовная подать, которой подвергались и по всей вѣроятности, во всѣхъ частяхъ государства, нѣкоторые классы промысловаго сословія.... по всей вѣроятности эта подать послужила переходомъ къ подушному окладу, который ввести предположено было въ началѣ 1722

года.» Но согласиться съ симъ предположеніемъ автора недозволяетъ самый указъ 1705 года, на который онъ ссылается. Въ этомъ указѣ прямо сказано, что подать сія собиралась только съ тѣхъ промышленниковъ, съ которыхъ въ государеву казну неимано; притомъ же эта подать по указу была неодинакова, а раздѣлялась на шесть классовъ: и именно съ бѣломѣстцовъ торгующихъ всякими промыслами по рублю съ человѣка; съ торговыхъ людей, которые сидятъ въ лавкахъ и податей не платятъ 16 алтынъ 4 деньги, тоже и съ лавочныхъ сидѣльцовъ; съ хлѣбниковъ и калачниковъ съ хозяевъ по 10 алтынъ; съ работныхъ людей у всякихъ торговцевъ по 5 алтынъ, съ чернорабочихъ по 3 алтына по 2 деньги; слѣдовательно эта подать не имѣла характера подушной падати, а скорѣе походила на класный налогъ, съ чѣмъ соглашается и самъ авторъ. А посему считать ее переходомъ къ подушному налогу мы не имѣемъ права. Это была не больше какъ дополнительная подать, не отличавшаяся отъ другихъ старыхъ податей, и падавшая на тѣхъ только промышленниковъ, съ которыхъ въ государеву казну неимано; она существовала нѣсколько времени и по введеніи подушнаго налога, и уничтожена уже въ 1724 г.; а конечно ежели бы она служила только переходомъ къ подушному налогу, то ее слѣдовало бы уничтожить при самомъ учрежденіи сего налога. Самая незначительность общаго итога сей подати 5,329 руб. 78½ коп. какъ значится въ табели 1724 года, показываетъ, что она падала на весьма незначительное число промышленниковъ; и слѣдовательно такимъ образомъ не могла служить переходомъ къ общему поголовному налогу.

Переходя собственно къ подушной подати положенной указомъ отъ 27 Апрѣля 1722 года на посадскихъ людей, по 40 алтынъ съ души, авторъ приводитъ свидѣтельства разныхъ указовъ, что эта сорокаалтынная подушная подать распространялась и на купцовъ, хотя они въ тоже время продолжали платить и другіе поборы. Свидѣтельства приводимыя авторомъ вполнѣ удовлетворительны, къ нимъ можно прибавить только

то, что во многихъ бумагахъ Петра и его первыхъ преемниковъ, купцы нерѣдко назывались сорокоалтынниками; слѣдовательно ясно, что сорокаалтынная подать распространялась и на купцовъ.

Далѣе авторъ переходитъ къ окладнымъ сборамъ, существовавшимъ въ одно время съ подушною податью, и говоритъ: «Ежели общій промысловый налогъ на купечество и ремесленниковъ и не былъ установленъ при Петрѣ Великомъ, и означенныя лица подлежали платежу подушной подати, то съ нѣкоторыхъ изъ нихъ кромѣ того взимались еще особые окладные и слѣдовательно постоянные сборы. Способъ разпредѣленія ихъ не извѣстенъ, но по всей вѣроятности они были платимы за самое право заниматься извѣстною вѣтвію промышленности.» Свидѣтельства памятниковъ вполнѣ подтверждаютъ мнѣніе автора, что кромѣ подушной подати промышленные люди платили и другіе окладные сборы, и платили именно за самое право заниматься извѣстною вѣтвію промышленности; только авторъ напрасно говоритъ, что способъ разпредѣленія сихъ поборовъ намъ не извѣстенъ; напротивъ многія узаконенія, какъ самаго Петра Великаго, такъ и его предшественниковъ, ясно указываютъ и на самый способъ разпредѣленія нѣкоторыхъ поборовъ; такъ напримѣръ въ приговорѣ ратуши отъ 1-го Января 1703 года, о сборѣ хомутныхъ денегъ прямо сказано: «велѣно со всякихъ чиновъ людей, которые извозничаютъ, имать хомутныя деньги, какъ на Москвѣ, такъ и во всѣхъ городахъ, съ тяжелыхъ по рублю, съ легкихъ по полтинѣ въ годъ съ хомута. (П. С. З. Т. IV, стр. 205.) А въ указѣ отъ 11-го Іюля 1681 года сказано, что по уставной грамотѣ 1654 года 30 Апрѣля, воскобойный, банный и ледокольный промыслы отдавались на откупъ. (П. С. З. Т. II, № 876.)

Наконецъ въ заключеніи настоящей главы авторъ указываетъ на распоряженія преемниковъ Петра великаго относительно подушной подати, и приводитъ указъ Петра II отъ 30 Іюня 1728 года, которымъ подтверждается, чтобы гостямъ и

и гостиной сотнѣ быть въ подушномъ окладѣ во всѣхъ городахъ наряду съ прочими посадскими и верстаться по богатству вообще, а не особо; и указъ Императрицы Елисаветы Петровны 1745 года, по которому обложены подушною податью наравнѣ съ прочими цѣховыми и купцами, и церковнослужители, записавшіеся добровольно въ купечество и цехи.

Глава IV. *О подати со свидѣтельствъ на торговлю и промыслы съ 1775 года до новѣйшаго времени.*

Въ этой главѣ авторъ излагаетъ разныя распоряженія правительства о сборѣ промысловаго налога при Императрицѣ Екатеринѣ II-й и ея преемникахъ до новѣйшаго времени, и постепенное сосредоточеніе этого сбора въ одной формѣ общей гильдейской подати съ капиталовъ. При Императрицѣ Екатеринѣ II-й сперва существовали нѣкоторыя частныя промысловыя подати, отчасти ею введенныя, отчасти сохранившіяся отъ прежняго времени и падавшія на ту или на другую вѣтвь техническаго производства, или даже на цѣлые его классы такимъ образомъ, что иногда налогъ былъ взимаемъ по величинѣ капитала иногда по количеству доставляемыхъ имъ доходовъ. Такъ Екатериною въ началѣ ея царствованія, именно въ 1763 году, была введена подать съ фабричныхъ становъ и съ употребляемаго на фабрикахъ и заводахъ капитала, именно постановлено съ 1764 года сбирать съ каждаго стана по одному рублю, а на фабрикахъ, гдѣ становъ нѣтъ, наложить по одному проценту на употреблаемый при ихъ производствѣ капиталъ. Или въ манифестѣ 1775 года упоминаются подати съ желѣзныхъ заводовъ по 100 рублей съ домны, и съ выставляемаго чугуна съ пуда по 4 копѣйки; съ мѣдныхъ заводовъ съ печи по 5 руб. въ годъ и десятый пудъ изъ выплавляемой мѣди; съ минеральныхъ заводовъ, двѣ десятины съ количества добычи, или съ воскобойнаго промысла, съ кожевенныхъ промысловъ, съ салотопенъ и многихъ другихъ. Наконецъ манифестомъ 1775 г. отъ 17 Марта, всѣ сіи частныя подати съ промысловъ отмѣнены, и въ замѣнъ ихъ введенъ единообразный процентный

сборъ съ купцовъ и другихъ промышленниковъ съ объявляемаго ими капитала. Купечество было раздѣлено на три гильдіи, и будучи свободно отъ подушнаго оклада вмѣстѣ съ другими промысловыми сборами, по указу отъ 25 Марта 1775 года обязано было платить по проценту по 3-й гильдіи съ капитала отъ 500 до 1000 рублей, по 2-й гильдіи отъ 1000 до 10,000 руб. по 1-й гильдіи съ капитала выше 10,000 рублей. Правила по разложенію сей новой подати постепенно пополнялись и объяснялись указами отъ 10 марта и 21 декабря 1776 года, отъ 16 ноября 1781 года, отъ 28 сентября 1782 года и отъ 3 мая и 11 ноября 1783 года.

Потомъ грамотою на права и выгоды городамъ Россійской имперіи отъ 21 Апрѣля 1785 года, подтверждены вновь всѣ правила о процентномъ сборѣ съ капиталовъ объявляемыхъ купечествомъ, но за то размѣръ объявляемыхъ капиталовъ значительно измѣненъ, именно наименьшій капиталъ, чтобы быть купцомъ, опредѣленъ въ 1000 руб. вмѣсто прежнихъ 500 рублей, всѣ же не могущіе объявить капитала въ 1000 рублей отчислены въ мѣщане, и по прежнему должны были платить подушную подать. Постановленія изданныя послѣ обнародованія означенной грамоты до новѣйшаго времени имѣли въ виду отчасти; 1) подтвержденіе ея постановленій и прежнихъ указовъ, отчасти 2) ихъ поясненіе, и 3) дополненіе и наконецъ 4) установленіе болѣе значительныхъ капиталовъ, для объявленія по гильдіямъ, и возвышеніе самаго гильдейскаго налога. Такъ въ 1794 году повелѣно было считать въ купечествѣ 3-й гильдіи объявившихъ капиталъ отъ 2000 до 8000 руб. во 2-й гильдіи отъ 8000 до 16,000 и въ 1-й гильдіи отъ 16,000 до 50,000 руб. Въ 1797 году къ проценту съ капитала временно было предписано прибавить еще четверть процента. Въ 1807 году постановлено, что купечество 1-й гильдіи объявляетъ капиталъ въ 50,000 руб. 2-й гильдіи 20,000 руб. и 3-й гильдіи отъ 8000 руб. и болѣе; въ 1810 году положено взимать съ мѣщанъ, состоящихъ въ окладѣ, съ каждой ревизской души по

5 рублевъ, съ крестьянъ производящихъ торгъ въ обѣихъ столицахъ и платящихъ подать, въ городской доходъ, собирать съ лавочекъ № 1 и 4 по 100 руб. № 2 и 5 по 50 руб. № 3 по 25 рублей. Въ 1816 году установленъ былъ дополнительный сборъ съ купцовъ на содержаніе большихъ государственныхъ дорогъ, по 5% съ подати платимой въ казну. Въ дополнительныхъ правилахъ о гильдейскихъ податяхъ съ купцовъ и прочихъ торговыхъ сословій, изданныхъ 14 Ноября 1824 года гильдейская подать значительно увеличена: купцы первыхъ двухъ гильдій должны были платить 4 процента гильдейской подати, 10 процентовъ съ податнаго рубля на сухопутныя и водяныя сообщенія, на земскія повинности ¼ процента съ капитала, на городскія повинности также ¼ процента; купцы 3-й гильдіи обязаны вносить 2½ процента съ капитала въ видѣ гильдейской подати, 10 процентовъ съ податнаго рубля на водяныя и сухопутныя сообщенія, ¼ процента съ капитала на земскія повинности, и столько же на городскія повинности. Такимъ образомъ цѣна свидѣтельства достигла для 1-й гильдіи 2,200 руб. ас. для 2-й гильдіи 880 руб. ас. и для 3-й гильдіи 220 руб. ас.; торгующіе мѣщане должны были платить за свидѣтельства въ столицахъ 60 руб., въ губернскихъ и портовыхъ пограничныхъ городахъ 40 р., въ уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ 30 руб. За крестьянскія свидѣтельства 5 рода въ 1825 году взималось 100 руб. за лавки за особый билетъ 40 руб.

Размѣры капиталовъ объявляемыхъ по гильдіямъ равно какъ и подать съ нихъ взимаемая въ настоящее время опредѣлены узаконеніемъ 9 Ноября 1839 года. Величина ихъ мало уклоняется отъ той, которая назначена уже въ 1824 году; но нѣкоторое возвышеніе ея оказалось необходимымъ для округленія суммъ, при перемѣнѣ курса ассигнацій на серебро. Такимъ образомъ по нынѣ дѣйствующему законодательству, купецъ 1-й гильдіи долженъ объявить капиталъ въ 15,000 р. с., 2-й гильдіи въ 6000 руб. сер. и 3-й гильдіи въ 2400 р. сер.; такъ что вся годичная подать по первой гильдіи составляетъ

660 руб. сер. по 2-й гильдіи 264 р. с. и по 3-й гильдіи 66 руб. сер. съ нѣкоторыми уменьшеніями иногда довольно значительными по льготнымъ губерніямъ и нѣкоторымъ уѣзднымъ городамъ. Купеческіе прикащики 1-го класса, ежели не записаны сами въ гильдію, или иностранные гости и не имѣютъ свидѣтельствъ на торговлю, должны брать особое свидѣтельсво въ 15 рубл. сер. За крестьянскія свидѣтельства первыхъ трехъ родовъ опредѣляется та же подать, какая установлена для гильдій, которыхъ права вмѣстѣ съ ними предоставляются крестьянамъ. За свидѣтельства 4 рода въ столицахъ, губернскихъ и портовыхъ городахъ взимается по 23 р. сер. въ уѣздныхъ и заштатныхъ нельготныхъ губерній по 18 руб сер.; въ льготныхъ по 12 руб. сер. Мѣщане и цѣховые платятъ подушную подать.

Глава о подати со свидѣтельствъ на торговлю и промыслы въ общихъ чертахъ удовлетворительна, и представляетъ стройное и живое изложеніе; но въ частности она могла бы быть пополнена разными данными о платежахъ съ фабричной и заводской промышленности, отъ которыхъ промышленники не освободились и со введеніемъ общей подати со свидѣтельствъ на торговлю и промыслы, таковы напримѣръ подати платимыя горными заводчиками съ выплавляемыхъ на каждомъ заводѣ металловъ, и подобн.

Вообще настоящій трудъ г. Осокина, какъ относящійся къ предмету у насъ почти необработанному и требующему многихъ затруднительныхъ справокъ и соображеній, особенно въ историческомъ отношеніи, и имѣющій многія неотъемлемыя достоинства, заслуживаетъ вниманіе и поощреніе. И Академія Наукъ исполнитъ свой высокій долгъ, ежели назначитъ автору хотя бы половинную премію.

РАЗБОРЪ

сочиненія А. Н. АНДРЕЕВА

подъ заглавіемъ:

ЖИВОПИСЬ и ЖИВОПИСЦЫ

ГЛАВНѢЙШИХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ШКОЛЪ,

составленный

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ КОНФЕРЕНЦЪ-СЕКРЕТАРЕМЪ

В. И. Григоровичемъ.

На русскомъ языкѣ такъ мало сочиненій о художествахъ и художникахъ, что появленіе книги Г. Андреева: *Живопись и живописцы главнѣйшихъ Европейскихъ школъ* и проч., можетъ быть полезно для соотечественниковъ, въ особенности же для художниковъ, которые, не зная иностранныхъ языковъ, не знакомы по сей причинѣ и съ исторіею живописи.

Г. Андреевъ заимствовалъ матеріалы, какъ онъ объясняетъ въ предисловіи, изъ поименованныхъ имъ источниковъ, вообще уважаемыхъ. Къ тому Г. Андреевъ присовокупилъ указанія на сокровища искусствъ, находящіяся въ нашемъ отечествѣ, и дополнилъ тѣми свѣдѣніями, которыя могъ собрать о Русской живописи и Русскихъ живописцахъ.

Цѣль книги Г. Андреева похвальна, трудъ немаловаженъ, изложеніе ясно; но какъ во всякомъ сочиненіи недостатки и несовершенства неизбѣжны, то конечно найдутся они и въ книгѣ Г. Андреева. Не стану останавливаться на тѣхъ, которые отнести можно къ простымъ опечаткамъ; но укажу на нѣкоторыя ошибки, подлежащія исправленію при слѣдующемъ по крайней мѣрѣ изданіи.

Въ статьѣ Микель-Анджело Буонаротти (стр. 41) Г. Андреевъ говоритъ, что онъ былъ помѣщенъ родителями въ школу Краначчи. Изъ исторіи живописи въ Италіи Ланци видно, что Микель-Анджело учился съ Граначчи (Granacci) у Гирландаіо, что первый былъ друженъ съ Микель-Анджело, пользо-

вался его совѣтами и изучалъ картоны послѣдняго. Въ Dictionnaire des peintres de toutes les écoles Альфонса Сире сказано, что Микель-Анджело первыя начала въ рисованіи получилъ отъ Граначчи, но Микель-Анджело родился въ 1474 г. и 14-ти лѣтъ поступилъ къ Гирландаіо; Граначчи же родился въ 1477 г., слѣдовательно былъ только 11-ти лѣтъ, когда Микель-Анджело началъ учиться у Гирландаіо. Въ статьѣ о Граначчи и самъ Г. Андреевъ упоминаетъ, что онъ былъ соученикомъ Микель-Анджело у Гирландаіо.

Въ статьѣ: Андреа Ванукки дель Сарто (стр. 45.) Г. Андреевъ говоритъ, будто бы въ Римѣ находится Madonna del Sacco — тогда какъ это знаменитое изображеніе находится *во Флоренціи*, въ обители Благовѣщенія.

Въ статьѣ Синибальдо Скорца, стр. 68, сказано, что онъ учился у Пагги въ Женевѣ, вмѣсто того, что онъ учился въ Генуѣ у Паджи и родился въ 1589 г., а не въ 1569 г., какъ напечатано у Г. Андреева.

Въ статьѣ Рафаэль Санціо, на стр. 77 и 78, сказано, что знаменитая картина его Madonna di Foligno находится въ Дрезденской галлереѣ подъ именемъ Сикстинской Мадонны. Это двѣ разныя картины и каждая подъ своимъ именемъ находится: первая Madonna di Foligno въ Римѣ, въ Ватиканѣ, а послѣдняя Madonna di S. Sisto въ Дрезденской галлереѣ. Копіи обѣихъ сихъ картинъ можно видѣть у насъ, въ Академіи Художествъ. Г. Андреевъ самъ на стр. 82 говоритъ, что Мадонна, называемая Vierge di Foligno,— въ Ватиканскомъ Музеѣ. Упомянувъ о находящейся въ Болонской Академіи Художествъ картинѣ Св. Цициліи Рафаэля, онъ прибавляетъ, что Корреджіо, увидѣвъ эту картину, въ отчаяніи воскликнулъ *не ужели и я живописецъ?* (см. стр. 82), а далѣе, что Корреджіо сказалъ (конечно не въ отчаяніи, но въ сознаніи собственнаго достоинства) «и я живописецъ.» Anch'io sono pittore (см. стр. 104) Для чего упоминать объ этомъ, если не доказана справедливость самаго факта и словъ Корреджіо?

На стр. 149, Г. Андреевъ выражается такъ: «Въ карти-

«нахъ Гвидо мы скорѣе видимъ чистоту кисти, чѣмъ правиль-«ность рисунка, скорѣе изысканность, нежели грацію и теплоту.»

Можно ли подобнымъ образомъ говорить о великомъ художникѣ, какимъ былъ Гвидо и котораго творенія, находящіяся въ Императорскомъ Эрмитажѣ, обличаютъ неправильность подобнаго приговора. Если Гвидо и не былъ ровенъ въ своихъ произведеніяхъ, что не рѣдко случается съ художниками и вообще со всѣми, то изъ этого не слѣдуетъ, что бы онъ отличался чистотою кисти на счетъ правильности рисунка, или изысканностію на счетъ граціи и теплоты. Этотъ приговоръ слишкомъ смѣлъ и совершенно невѣренъ.

На стр. 161 авторъ говоритъ, что Джіовани Ланфранко исказилъ совершенно въ Неаполѣ работы Доминикино Цампьери. Хотя нѣкоторые и утверждаютъ будто работы Доминикино были уничтожены и Ланфранко предоставлено было ихъ замѣнить новыми, но это едва ли справедливо. Ланфранко интриговалъ противъ Доминикино и получилъ порученіе написать плафонъ, который долженъ былъ исполнить Доминикино. Впрочемъ и теперь существующія въ церкви Св. Януарія въ Неаполѣ картины на стѣнахъ и запрестольныя, исполненныя Доминикиномъ въ придѣлѣ этой церкви, будучи сравнены съ плафономъ Ланфранко, тамъ же находящимся, доказываютъ все превосходство предъ нимъ Доминикино, а равно и то, что произведенія послѣдняго *не уничтожены.*

На стр. 324, Г. Андреевъ пишетъ, что картины: «Рафаэля «Менгса холодны, лишены выраженія, хотя конечно стоятъ много выше посредственности.» Мнѣніе это слишкомъ смѣло и опрометчиво. Если даже авторъ и заимствовалъ его у другихъ писателей, то это нисколько не можетъ служить ему оправданіемъ. На тойже страницѣ встрѣчается выраженіе: «суровый стиль.» Что хочетъ сказать этимъ авторъ? и какимъ образомъ можетъ быть стиль суровымъ?

На стр. 325 авторъ, исчисляя произведенія Рафаэля Менгса, ни слова не упоминаетъ о камерѣ Папирусовъ въ Ватиканѣ, гдѣ

находятся лучшія творенія Рафаэля Менгса. Нѣкоторые картоны его произведеній, въ этой камерѣ, написанныхъ al fresco, можно видѣть въ Академіи Художествъ. Далѣе Г. Андреевъ говоритъ, что въ картинѣ: «Персей, освобождающій Андромеду,» Персей есть копія съ Аполлона Бельведерскаго. Это несправедливо. Можетъ быть постановка нѣсколько напоминаетъ Аполлона; но ни въ фигурѣ, ни въ формахъ, ни въ характерѣ Персея ни чего нѣтъ общаго съ Аполлономъ.

На стр. 326 сказано: «Въ живописи Ангелика Кауфманъ «соблюдала красоту Греческихъ формъ, подражая Пуссену.» Пуссенъ искалъ изящества формъ, но нельзя сказать, что заимствовалъ у Грековъ, слѣдовательно Ангелика Кауфманъ, если соблюдала красоту Греческихъ формъ, не могла подражать Пуссену. Между стилями искуства древне-греческаго, Пуссеновымъ и Ангелики Кауфманъ большая разница та, что произведенія Кауфманъ не напоминаютъ ни Грековъ, ни Пуссена.

На стр. 345 фраза: «Въ стилѣ Эспаньолетто было три ма«неры: первая смѣлая, гордая и страшная, ищущая скорѣе мо«гущества, чѣмъ правды» не вполнѣ высказываетъ мысль Г. Андреева. Въ освѣщеніи Рибейра искалъ силы, эффекта, избиралъ сюжеты поразительные, но былъ вѣренъ природѣ.

На стр. 355, Г. Андреевъ говоритъ, что Францискъ Зурбаранъ походилъ на Караваджіо по употребленію голубоватыхъ, свойственныхъ послѣднему, тоновъ. Голубоватыхъ тоновъ у Караваджіо мнѣ не случалось видѣть.

На стр. 358 авторъ пишетъ, что Веласкезъ «то сочиняетъ «картину совершенно темную, безъ малѣйшаго признака свѣта, «то ослѣпляетъ однимъ освѣщеніемъ.» Не понятно, какъ можно написать картину безъ малѣйшаго свѣта, или ослѣплять однимъ освѣщеніемъ. Далѣе, говоря о Веласкезѣ на стр. 362, авторъ пишетъ: «Портретъ Иннокентія X-го вѣроятно первый «опытъ знаменитаго портрета, находящагося во Дворцѣ Доріа, «въ Римѣ.» Потомъ: «но лучшее произведеніе Веласкеза въ «Эрмитажѣ есть, безъ сомнѣнія, портретъ капуцина.» — Голо-

ва (портретъ) Папы въ Эрмитажѣ есть чудный этюдъ съ натуры, по которому художникъ написалъ находящійся у Доріа.

На стр. 414. «Гаспаръ Дюше (Duchet).» Онъ не Дюше, а Дюге (Dughet). Въ концѣ статьи на стр. 415 Г. Андреевъ говоритъ: «Въ Императорской Академіи Художествъ находятся три «пейзажа, отличающіеся свѣжестью и глубиной колорита, посте«пенностію и силой тоновъ, хотя нѣсколько сухою кистью.» «Глубина колорита» — выраженіе новое, которое едва ли будетъ принято художниками и знатоками.

На стр. 435 авторъ пишетъ: «манера Жозефа Вьена средняя «между Доминикино и Лессюеромъ.» Это опредѣленіе не точно и не ясно.

На стр. 437 сказано: «Можно себѣ вообразить Грёза въ «Сикстинской часовнѣ предъ Мадонною Рафаэля!» Нельзя и не для чего, потому что тамъ вовсе нѣтъ Мадонны Рафаэла, да и что хотѣлъ сказать этимъ авторъ?

На стр. 443, говоря о Луи Давидѣ, авторъ замѣчаетъ, что «самъ онъ лично былъ вѣрный типъ древняго Грека, со всѣми «его понятіями. Скоро онъ достигъ чистаго воспроизведенія «формъ Греческаго ваянія, во всей первообразной истинѣ и «классическомъ совершенствѣ. Принявъ простоту за основаніе «своей композиціи, онъ сохранилъ всегда вкусъ чистый и возвы«шенный, стиль мужественный, выраженіе лицъ и фигуръ рѣзко «обозначенное; ему недоставало только колорита, въ коемъ онъ «первоначально подражалъ Валентину, въ лучшее время Доми«никину.» Что Давидъ былъ великій художникъ, въ томъ никто не усомнится; но что Давидъ достигъ «возпроизведенія формъ «Греческаго ваянія во всей первообразной истинѣ и класси«ческомъ совершенствѣ,» съ этимъ едва ли согласиться можно.

На стр. 444, исчисляя картины Давида, авторъ упоминаетъ объ одной изъ нихъ, представляющей «Любовь Париса и Елены.» Это произведеніе сочинено и нарисовано въ Греческомъ стилѣ и дѣйствительно прекрасно, но далеко не совершенно.

На стр. 452, авторъ говоритъ, что Горасъ Верне основалъ

въ Парижѣ блестящую школу, изъ коей между прочими учениками вышелъ В. Ѳ. Тиммъ. Тиммъ вышелъ изъ Петербургской Императорской Академіи Художествъ, а потомъ нѣкоторое время учился у Гораса Вернета.

На стр. 487 сказано: «Учителями Лосенко въ Академіи «были Лорренъ и Лагрене; учителями за границею: Баттони, «Буше, Грёзъ, Рейнольдп (?) и др. Они далеко не имѣли тѣхъ «достоинствъ, которыми такъ славно ознаменовалъ себя талантъ «Антона Павловича.» Неужели изъ патріотизма такъ высоко поставленъ авторомъ нашъ знаменитый Лосенко? Напрасно! Лосенко былъ отличный рисовальщикъ, положившій твердое основаніе нашей школѣ; Баттони же, Буше, Грезъ и Рейнольдсъ были живописцы отличные.

На стр. 491 утверждаетъ Г. Андреевъ, что Угрюмовъ ослабилъ односторонность и сухость перваго принятаго нашею школою стиля. Кѣмъ же введены были односторонность и сухость стиля въ нашей школѣ, Лосенкомъ, Соколовымъ, Акимовымъ?

На стр. 495 сказано, что Лапченко — современникъ Боровиковскаго и что въ Академіи Художествъ находится его картина: «Сусанна.» Лапченко, писавшій Сусанну, былъ ученикъ Профессора Иванова, тотъ самый, о которомъ упоминаетъ Г. Андреевъ на стр. 568.

На той же страницѣ: «Александръ Кириловичъ Гловачевскій, «сынъ Кириллы Гловаческаго, товарища Лосенки, и ученикъ «ихъ обоихъ, слѣдуя направленію своего времени, занимался «преимущественно миніатюрами.» Александръ Гловачевскій родился много позже, чѣмъ умеръ Лосенко, и занимался миніатюрною живописью не по направленію своего времени, а по расположенію и собственному вкусу.

На стр. 564 Г. Андреевъ пишетъ, что Михайловъ снялъ въ Неаполѣ копію «съ *Мученія Святаго*» Рибейры. — Это копія находящейся тамъ въ церкви Св. Мартина, запрестольной картины, изображающей Спасителя, снятаго со Креста, Божію Ма-

терь, Св. Іосифа и Ангеловъ, одно изъ лучшихъ произведеній Рибейры.

Сверхъ сего должно замѣтить, что въ книгѣ Г. Андреева вкрались ошибки въ именахъ художниковъ и другія, требующія исправленія по крайней мѣрѣ при второмъ изданіи оной, а именно:

	Напечатано:	Слѣдовало бы напечатать:
На стран.	41, Краначчи.	Граначчи.
» »	68, Пагги	Паджи.
» »	91, Перденоне.	Порденоне.
» »	96, Бароккіо	Бароччіо.
» »	107, Перденоне.	Порденоне.
» »	111, Джіордано.	Джіоджоне.
» »	138, Гверчини.	Гверчино.
» »	139, Баньяковалло	Баньякавалло.
» »	140, тоже	тоже.
» »	146, Боргезскомъ дворцѣ.	Фарнезскомъ дворцѣ.
» »	161, Боневентуры.	Бонавентуры.
» »	171, Барромей	Борромей.
» »	182, Конча	Конка.
» »	187, Доміанъ	Даміанъ.
» »	201, Дикенбергъ	Дипенбергъ.
» »	205, Covallo	Cavallo.
» »	— Герартъ	Герартсъ.
» »	— Geerats	Geerarts.
» »	216, Барромео	Борромео.
» »	233, Донувен.	Дувенъ.
» »	236, Барромео	Борромео.
» »	246, Поклоненіе Волховъ.	Поклоненіе Волхвовъ.
» »	260, Гармемѣ	Гарлемѣ.
» »	312, Бургмейеръ	Бургмайеръ.
» »	346, Крещеніе Св. Іоанна Крестителя.	Усѣкновеніе главы Св. Іоанна Крестителя.
» »	361, Респиліозы	Роспиліозы.
» »	362, Васино.	Ваччино.
» »	401, Пусенъ.	Пуссенъ.
» »	402, Душетъ.	Дюге.
» »	— Андель	Андели.
» »	404, Pinecio	Pincio.
» »	406, Евдомидоса	Эвдамидаса.

	Напечатано:	Слѣдовало бы напечатать:
На стран.	407, Iélée	Gélée.
» »	409, Васино	Ваччино.
» »	414, Дюше (Duchet)	Дюге (Dughet)
» »	423, Detrua	De Troy
» »	457, Месена	Мецената.
» »	498, Алексѣеву	Матвѣеву.
» »	513, Князя Лобанова	Поэта Лобанова.
» »	515, Θедора Щедрина	Θедоса Щедрина.
» »	516, Θедоръ Яненко.	Θедосъ Яненко.
» »	523, ученикъ Щукина	ученикъ Акимова.
» »	524, Приморскій городъ.	Петербургская сторона.
» »	525, Виды Св. Ангела.	Виды крѣпости Св. Ангела.
» »	526, Tempia	Tempio.
» »	537, Князя А. И. Голицына.	Князя А. Н. Голицына.
» »	538, Θ. П. Бруни.	Θ. А. Бруни.
» »	549, списали	срисовали.
» »	556, Вознесеніе	Воскресеніе.
» »	— Борисполецъ находится въ Болоніи.	Онъ здѣсь давно.
» »	571, Лапина	Липина.

Григоровичь, Бродовскій и Даладвезъ умерли до выхода въ свѣтъ книги Г. Андреева, первый въ Римѣ, второй (кажется) въ Парижѣ, а послѣдній въ С. Петербургѣ.

Изложивъ мои замѣчанія на книгу Г. Андреева, я полагаю, что сколько въ ободреніе автора, столько и для возбужденія въ другихъ писателяхъ соревнованія разработывать у насъ мало еще тронутое поле литературы художествъ, если не можетъ быть присуждена Г. Андрееву полная Демидовская премія, кажется было бы справедливымъ не отказать ему въ прилично-соразмѣрномъ вознагражденіи хотя части издержекъ, употребленныхъ имъ на печатаніе, что почтительнѣйше и передается на благоусмотрѣніе Императорской Академіи Наукъ и на безпристрастное ея рѣшеніе.

МНѢНІЯ

Академиковъ К. М. Бэра и Ѳ. Ѳ. Брандта

о

сочиненіи Г. ЖОЛКЕВИЧА

подъ заглавіемъ:

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ФИЗІОЛОГІИ ЧЕЛОВѢКА

и

ДРУГИХЪ ЖИВОТНЫХЪ.

МНѢНІЕ

Академика Ѳ. Ѳ. Брандта.

Подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ г. Жолкевичъ прислалъ на нынѣшній конкурсъ сочиненіе, которое имѣетъ предметомъ своимъ разсмотрѣніе строенія и разныхъ отправленій тѣла человѣческаго и животныхъ вообще.

Объяснивъ сначала, въ особомъ введеніи, отличительный характеръ трехъ царствъ природы, а потомъ въ весьма краткомъ обзорѣ разные органы и составныя гистологическія части тѣла человѣческаго, съ изображеніемъ послѣднихъ на нѣкоторыхъ вставленныхъ въ самый текстъ чертежахъ, авторъ разсматриваетъ, въ I части своего сочиненія, органы первыхъ путей и питаніе. Въ этой главѣ именно разбираются дѣйствія пищеваренія и питанія, образованія и обращенія крови, дыханія, отдѣленія и испражненія, а также разныя явленія животной теплоты. Второй главный отдѣлъ книги имѣетъ своимъ предметомъ нервную систему, орудія чувствъ, мышцы и голосъ. И такъ въ сочиненіи опущены рожденіе и развитіе животныхъ, а равно психическія ихъ явленія. Если авторъ умолчалъ о рожденіи и развитіи, то это вѣроятно потому, что онъ назначалъ свой трудъ для употребленія юношества; но это не должно бы было удержать его отъ изложенія, хотя бы въ краткихъ словахъ, разныхъ явленій духовной жизни. Во всякомъ случаѣ эти пропуски существенно вредятъ полнотѣ сочиненія. Если мы далѣе вникнемъ въ самый способъ разработки избраннаго авторомъ предмета, то найдемъ, что онъ по большей части слишкомъ ко-

ротко говоритъ объ анатомической его части, каковой недостатокъ отнюдь не восполняется хорошими, вставленными въ текстъ, фигурами. Вообще анатомическія данныя, которыя должны бы были всегда предшествовать физіологическимъ, не рѣдко обработаны слишкомъ постороннимъ образомъ или даже и вовсе устранены. О мерцательной слизистой плевѣ вовсе ничего не сказано. Строеніе печенки и мозга, нервная система животныхъ, устройство кожи и перепонки, а равно и нѣкоторыхъ другихъ частей изложены слишкомъ коротко. Другой недостатокъ книги состоитъ въ томъ, что авторъ не всегда съ надлежащею строгостью раздѣляетъ встрѣчающіяся въ человѣческомъ и въ животномъ тѣлѣ отношенія, отъ чего онъ нерѣдко впадаетъ въ слишкомъ большое обобщеніе частностей.

Вообще въ разбираемомъ нами сочиненіи значительно преобладаютъ физіологическія указанія. Они болѣе основаны на французскихъ источникахъ, нежели на нѣмецкихъ. Но за всѣмъ тѣмъ трудъ г. Жолкевича, не смотря на нѣкоторые его недостатки и не всегда удовлетворительные взгляды, попадающіеся не только въ анатомической, но и въ физіологической его части, можетъ быть признанъ полезнымъ, какъ сочиненіе, написанное общепонятнымъ языкомъ и по большей части съ соображеніемъ новѣйшихъ успѣховъ науки, тѣмъ болѣе, что Русская литература еще не богата подобнаго рода сочиненіями.

По этой-то причинѣ я считаю сочиненіе г. Жолкевича заслуживающимъ, если не Демидовской преміи, то по крайней мѣрѣ почетнаго отзыва.

МНѢНІЕ

Академика К. М. Фонъ Бэра.

Въ сущности соглашаясь съ отзывомъ моего сочлена, г. Брандта, о сочиненіи г. Жолкевича: «Краткій очеркъ анатоміи и физіологіи человѣка и другихъ животныхъ», я однако полагаю, что его можно представить къ награжденію второстепенною Демидовскою преміею во уваженіе того, что поле анатоміи и физіологіи въ Русской литературѣ еще довольно мало обработано. Старѣйшіе изъ членовъ Академіи вѣроятно вспомнятъ, что еще лѣтъ за 10 прислано было изъ Москвы на двоякій конкурсъ не только въ нашу Академію, но и въ Медико-Хирургическую, сочиненіе объ общей Анатоміи, въ которомъ недоставало всѣхъ открытій, начиная съ 1815 года, за исключеніемъ только одного наблюденія Эренберга, о которомъ было говорено въ *Библіотекѣ для чтенія.* Вся наука только что развилась съ 1815 года, о чемъ авторъ въ сладостномъ своемъ покоѣ, по видимому, вовсе не имѣлъ свѣдѣнія. Другимъ вѣроятно извѣстно, сколько мѣръ было принимаемо Медико-Хирургическою Академіею, на тотъ конецъ, чтобы вызвать появленіе у насъ въ свѣтъ хорошаго для нашего времени руководства Анатоміи, потому что еще по нынѣ у насъ употребительное руководство Загорскаго служитъ представителемъ вѣка Галлера и Мекеля перваго. Если по какой-либо наукѣ еще употребляются или пишутся сочиненія такого допотопнаго вида, то, по моему

мнѣнію, надлежитъ прилагать совсѣмъ другой масштабъ при сужденіи о вновь выходящихъ у насъ по этой наукѣ сочиненіяхъ.

Анатомія и Физіологія г. Жолкевича, правда, не заключаетъ въ себѣ собственныхъ изслѣдованій. Это есть только популярное изложеніе науки; но оно написано умно и ясно, на основаніи хорошихъ руководителей и, за исключеніемъ только весьма немногихъ мѣстъ, съ полнымъ ихъ уразумѣніемъ. Авторъ, очевидно, съ умысломъ уклонился отъ такихъ предметовъ, о которыхъ еще не могъ составить себѣ совершенно яснаго понятія, или касался ихъ только вскользь, чтобы не возбудить какого-либо недоразумѣнія.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ

УЧРЕЖДЕННЫХЪ

П. Н. ДЕМИДОВЫМЪ

НАГРАДЪ.

20 Мая 1858 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1859.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1859 года.

Исправляющій должн. Непремѣннаго Секретаря *К. Веселовскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОБЩІЙ ОТЧЕТЪ

О

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ

ДЕМИДОВСКИХЪ НАГРАДЪ,

ЧИТАННЫЙ

ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,

ИСПРАВЛЯЮЩИМЪ ДОЛЖНОСТЬ НЕПРЕМѢННАГО СЕКРЕТАРЯ

АКАДЕМИКОМЪ **К. С. Веселовскимъ,**

20 Мая 1858 года.

Къ сроку закрытія XXVII конкурса, 1-го ноября 1857 г. поступило отъ авторовъ 21 сочиненіе; къ нимъ присоединено два сочиненія, отложенныхъ отъ предшествовавшаго конкурса, и два, внесенныхъ Членами Академіи. Такимъ образомъ общее число состязавшихся сочиненій было 25; въ томъ числѣ:

По Механикѣ и Строительному искусству	4.
— Естественнымъ наукамъ	2.
— Медицинѣ	2.
— Военнымъ наукамъ	1.
— Исторіи, Археологіи и Хронологіи	7.
— Статистикѣ и Политической экономіи	3.
— Филологіи	6.
	25.

Изъ этихъ сочиненій, 17 разсмотрѣно Академиками, а 7 посторонними учеными, по выбору и приглашенію Академіи. Сдѣланные рецензентами разборы служили основаніемъ и исходными точками для оцѣнки истиннаго значенія и сравнительнаго достоинства каждаго изъ состязавшихся сочиненій и для присужденія вслѣдствіе того премій.

---

*

I.

Японско-Русскій Словарь, составленный І. Гошкевичемъ при пособіи Японца Тацибана но Коосай. С. Петербургъ. 1857 г. Напечатанъ, съ Высочайшаго соизволенія, Азіятскимъ Департаментомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

При современномъ состояніи еще весьма недостаточнаго познанія Японскаго языка въ Европѣ, книга г. Гошкевича была бы во всякомъ случаѣ замѣчательнымъ явленіемъ; но значеніе и важность ея увеличиваются въ особенности по отношенію къ настоящему времени, когда Японія, бывшая столько вѣковъ почти герметически закрытою для Европы, начинаетъ мало по малу, какъ бы уступая общему закону вліянія Европейской образованности на остальныя части свѣта, отворять свои порты для нашей торговли.

Извѣстно, что вслѣдствіе своего географическаго положенія и хода историческихъ событій, Японія весьма поздно становится извѣстною Европейцамъ. Не упоминая о первыхъ, баснословныхъ сказаніяхъ Марко Поло о Японіи, которую онъ описалъ подъ названіемъ «Сипангу», можно сказать, что честь перваго открытія Японіи для Европейцевъ принадлежитъ отважнымъ Португальскимъ морякамъ, которые въ 1542 году были отброшены бурею къ Японскимъ берегамъ и, приставъ къ нимъ, нашли здѣсь самый радушный пріемъ. Вслѣдъ за этими смѣльчаками, которыхъ даже имена не очень достовѣрно извѣстны, стали проникать сюда Португальскіе торговцы, но въ особенности Португальскіе миссіонеры — Іезуиты, которыхъ успѣхи были столь быстры, что вся страна едва не была обращена въ Христіанство. Примѣръ Португальцевъ скоро привлекъ сюда Испанцевъ, Англичанъ и Голландцевъ; но этотъ, можно сказать, блестящій періодъ знакомства Европы съ Японіею былъ весьма непродолжителенъ, и уже въ 1637 году эта страна на-

крѣпко запираетъ свои гавани для всякаго христіанскаго народа. Всѣ попытки, которыя съ тѣхъ поръ дѣлались разными государствами къ сближенію съ недоступною имперіею, оставались безъ успѣха, такъ что Японіи удалось болѣе, чѣмъ самому даже Китаю, оградить себя отъ вліянія Европейскаго.

Поэтому неудивительно, что всѣ наши свѣдѣнія о Японіи, о ея исторіи, религіи, нравахъ, обычаяхъ и даже о физическихъ свойствахъ страны, весьма недостаточны, ограничиваясь большею частью извѣстіями немногихъ путешественниковъ, которымъ какой либо счастливый случай доставлялъ возможность посѣтить край. Тоже самое должно сказать о языкѣ Японскомъ, изученіе котораго въ Европѣ до сихъ поръ мало подвинулось впередъ, не смотря на то, что онъ сталъ извѣстенъ еще съ половины XVI столѣтія, трудами Португальскихъ миссіонеровъ. Отъ эпохи процвѣтанія здѣсь пропаганды, дошли до насъ двѣ грамматики Японскаго языка, которыя, не смотря на ихъ несовершенства, остаются и до сихъ поръ необходимымъ пособіемъ для того, кто захотѣлъ бы добраться до познанія этого языка. Изъ этихъ двухъ грамматикъ, одна, составленная Родригезомъ, сперва появилась въ Нангасаки въ 1604 г., а въ послѣдствіи, именно въ 1825 году, издана Парижскимъ Азіятскимъ Обществомъ, во Французскомъ переводѣ Ландреса, съ добавленіями Абель-Ремюза. Въ 1826 г. издано къ ней дополненіе, написанное Барономъ Вильгельмомъ Гумбольдтомъ. Другая грамматика, изданная въ 1632 г. въ Римѣ, сочиненія Колладо, хотя уступаетъ грамматикѣ Родригеза, но съ своей стороны содержитъ въ себѣ много дѣльныхъ замѣчаній, могущихъ служить ей дополненіемъ и объясненіемъ *). Въ новѣйшее время къ этимъ грамматикамъ, которыхъ главный недостатокъ состоитъ въ томъ, что въ основаніе ихъ полагалась грамматика Латинская, присоединилось руководство къ изученію Японскаго

*) Есть еще и третья грамматика, происходящая отъ Португальскаго періода, составленная Альварезомъ и напечатанная въ Амакусѣ, въ 1593 году; но кажется, что эта библіографическая рѣдкость есть только Латинская грамматика, написанная для существовавшаго въ Амакусѣ училища для Японцевъ.

языка, изданное въ прошломъ году въ Парижѣ Викontомъ Леономъ де Рони. Сочиненіе Донкера Курціуса «Proeve ener Japansche Spraakkunst» изданное въ 1857 году въ Лейденѣ профессоромъ Гофманномъ обратило на себя вниманіе ученыхъ только по причинѣ весьма дѣльныхъ прибавленій издателя, отъ котораго мы въ правѣ ожидать Японской грамматики, удовлетворяющей строгимъ требованіямъ лингвистики.

Что касается словарей, то и о ихъ составленіи позаботились Португальскіе миссіонеры; два изъ нихъ напечатаны въ Японіи (одинъ въ Амакусѣ въ 1595 году, другой въ Нангасаки въ 1603, оба съ Португальскимъ объясненіемъ Японскихъ словъ), а третій въ Римѣ въ 1632 г., сочиненіе Колладо. Важнѣйшій недостатокъ всѣхъ этихъ словарей тотъ, что Японскія слова писаны Латинскими буквами. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе почти двухъ сотъ лѣтъ, не явилось ничего замѣчательнаго по части изученія Японскаго языка, и только въ нынѣшнемъ столѣтіи начинаются снова усилія Европейскихъ ученыхъ достигнуть познанія этого языка. Не упоминая о книжкѣ Медгорста (An English and Iapanese, and Iapanese and English vocabulary. Batavia 1830), авторъ которой, отличный синологъ, не знаетъ по Японски, и потому не могъ избѣжать самыхъ грубыхъ ошибокъ, должно сказать, что замѣчательное собраніе матеріаловъ для Японскаго словаря сдѣлано докторомъ Зибольдомъ. Въ нынѣшнее время двое ученыхъ, независимо одинъ отъ другаго, трудятся надъ составленіемъ Японскаго словаря: Августъ Фицмайеръ въ Вѣнѣ, и Викontъ Леонъ де Рони, въ Парижѣ; но словарей того и другаго вышло понынѣ лишь по одному выпуску.

Такимъ образомъ изданіемъ своей книги г. Гошкевичъ передилъ Европейскихъ оріенталистовъ, занимающихся тѣмъ же предметомъ, и доставилъ ученому міру такой словарь, въ какомъ издавна чувствовался недостатокъ. Мы бы охотно назвали этотъ трудъ первымъ и въ хронологическомъ порядкѣ Японско-Русскимъ Словаремъ, если бы долгъ справедливости не заставлялъ насъ упомянуть здѣсь съ признательностью объ

одномъ Русскомъ, который болѣе чѣмъ за 50-ть лѣтъ предъ симъ, когда въ Европѣ никто изъ ученыхъ не помышлялъ о Японскомъ языкѣ, составилъ руководство къ изученію этого языка; но его трудъ остался неизданнымъ и потому мало кому извѣстнымъ. Почетный Членъ Академіи Наукъ Каммергеръ Николай Резановъ, бывшій въ 1803 году въ Японіи въ качествѣ посланника, воспользовался представившимся ему благопріятнымъ случаемъ для изученія Японскаго языка, и съ немалымъ трудомъ составилъ азбуку, первоначальныя грамматическія правила, разговоры, и словарь Японскій, расположенный по Русскому алфавиту. Эти, во всякомъ случаѣ замѣчательные, труды сохраняются въ видѣ рукописей въ Азіятскомъ Музеѣ Императорской Академіи Наукъ *).

---

*) Труды Резанова, кажется, были неизвѣстны г. Гошкевичу, при составленіи имъ Словаря; по крайней мѣрѣ онъ вовсе не упоминаетъ объ нихъ въ своемъ предисловіи, гдѣ исчислены другіе источники, которыми онъ пользовался.—О трудахъ Резанова упоминаетъ между прочимъ Аделунгъ, въ книгѣ Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachkunde. S. Peters. 1815. 4° стр. 199 и 200.

Не могу при этомъ случаѣ не упомянуть, что уже Петръ Великій прозрѣвалъ великую пользу отъ изученія Русскими Японскаго языка, и принималъ къ тому мѣры, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго указа, еще нигдѣ не напечатаннаго и выписаннаго изъ Сибирскаго Приказа изъ книги за № 9900, стр. 264, въ Архивѣ старыхъ Дѣлъ при Московскихъ Департаментахъ Сената. «Лѣта 1705-го Октябри въ 16 день по Указу Великаго Государя и Великаго Князя Петра Алексѣевичи всея Великія и малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца Генералу Фельдцейхмейстеру Царевичу Александру Арчиловичу да Генералъ Маіору и Губернатору Якову Вилимовичу Брюссу съ товарищами. Въ прошломъ 702 году Апрѣля въ 16-й день, по Его Великаго Государя Указу отосланъ изъ Сибирскаго Приказу въ приказъ артиллеріи, Японскаго Государства иноземецъ Денбей для ученія Русскаго языка и грамоты, а какъ онъ Денбей Русскому языку и грамоты изучится, и ему Денбею учить своему Японскому языку и грамотѣ робятъ человѣкъ четырехъ или пяти. И Великій Государь, Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ всея Великія и малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ указалъ изъ Приказу Артиллеріи въ Сибирскій Приказъ отписать: Японскаго Государства иноземецъ Денбей Русскому языку и грамотѣ въ Приказѣ Артиллеріи выучился ль? и своему языку и грамотѣ робятъ сколько человѣкъ выучилъ, и нынѣ учитъ ли? И по Указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича всея Великія и малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца Генералу Фельдцейхмейстеру Царевичу Александру Арчиловичу да Генералу-Маіору Якову Вилимовичу Брюсу съ товарищи учинить по Указу Великаго Государя». Продолженія не отыскано. Припись Дьяка Ивана Чепелева.

Академіи, хотя и не имѣетъ въ числѣ своихъ членовъ никого, кто бы занимался Японскимъ языкомъ, сочла однако своимъ долгомъ принять всевозможныя мѣры для того, чтобы столь важный трудъ г. Гошкевича былъ оцѣненъ по достоинству. — Ординарный Академикъ М. И. Броссе взялъ на себя войти въ сношеніе съ учеными, которые въ этомъ случаѣ могли быть полезны своими познаніями. Черезъ его посредство Академія получила письменныя мнѣнія съ одной стороны — знатока Японскаго языка, Члена Совѣта Парижскаго Азіятскаго Общества Виконта Леона де Рони, а съ другой — извѣстнаго нашаго синолога, переводчика Китайскаго и Маньчжурскаго языковъ при Азіятскомъ Департаментѣ Коллежскаго Совѣтника Леонтьевскаго.

Отзывъ г. Леона до Рони, послужившій Академіи основаніемъ для обсужденія достоинства Словаря г. Гошкевича, былъ слѣдующій: «Что составить себѣ, конечно, лишь приблизительное понятіе объ этой книгѣ, я просилъ ученаго моего друга Александра Ходзько перевести мнѣ изустно нѣсколько мѣстъ, въ особенности объясненія Японскихъ словъ, представляющихъ трудности для перевода на Европейскій языкъ. Сколько я могу судить, трудъ г. Гошкевича исполненъ съ большимъ тщаніемъ и знаніемъ дѣла; Русскія объясненія вообще совершенно вѣрны и хорошо составлены. Тѣ, которые будутъ пользоваться этимъ Словаремъ для изученія Японскаго языка, конечно пожалѣютъ о томъ, что подлѣ начертанія Японскихъ словъ знаками азбуки Ката-кана, не присоединено произношеніе словъ буквами какого либо Европейскаго языка, что могло бы не мало облегчить употребленіе Словаря. Буддійскія выраженія, которыя я искалъ въ книгѣ, въ ней не находятся. Что касается объясненія словъ изъ естественной исторіи, то должно сожалѣть, по моему мнѣнію, что авторъ въ подкрѣпленіе представляемой имъ синонимики, не привелъ достаточно авторитетовъ для доказательства точности указаній, которая кажется мнѣ часто сомнительною. Приложенная къ Словарю таблица упо-

требительнѣйшихъ Китайскихъ знаковъ увеличиваетъ пользу книги, но недостатокъ транскрипцій (т. е. выраженія выговора словъ Европейскими буквами) здѣсь еще ощутительнѣе, чѣмъ въ самомъ Словарѣ, потому что Японскія слова въ этой таблицѣ начертаны буквами азбуки Фира-кана, которая, какъ извѣстно, представляетъ для чтенія столько трудностей для непривычныхъ. Кромѣ того я думаю, что указатель, расположенный въ порядкѣ Китайской системы, былъ бы болѣе полезенъ, и въ особенности болѣе удобенъ, чѣмъ расположенный по алфавиту. Вообще же Японско-Русскій словарь г. Гошкевича есть превосходный трудъ, за который нельзя не воздать должной похвалы трудолюбію и обширнымъ познаніямъ, требовавшимся для его исполненія. Быстрое появленіе сей книги въ печати, чѣмъ г. Гошкевичъ упредилъ подобныя же изданія, начатыя прежде его, тѣмъ болѣе увеличиваетъ ея значеніе, что она въ настоящее время оказываетъ важную услугу Европѣ и въ особенности Россіи, которая, конечно, поняла, что Японія есть страна, опередившая собою другія страны Восточной Азіи и къ которой должны болѣе и болѣе устремляться взоры морскихъ державъ Запада.»

Академія Наукъ, принявъ во вниманіе важность труда г. Гошкевича и опираясь на отзывъ Виконта Леона де Рони о достоинствѣ выполненія его, присудила автору полную Демидовскую премію.

II.

Изъ сочиненій, удостоенныхъ половинныхъ премій, книга Полковника Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія Барона Дельвига:

Руководство къ устройству водопроводовъ,

была разсмотрѣна, по просьбѣ Академіи, корреспондентомъ оной Инженеръ Генералъ-Маіоромъ Стан. Валер. Кербедзомъ, который, не смотря на множество лежавшихъ на немъ служеб-

ныхъ занятій, не отказался оказать своими обширными учеными познаніями содѣйствіе Академіи при оцѣнкѣ этого замѣчательнаго сочиненія.

Важность предмета книги Барона Дельвига не можетъ укрыться отъ вниманія всякаго, кто подумаетъ о необходимости снабженія городовъ здоровою водою, и вспомнитъ, что искуство устройства водопроводовъ имѣетъ литературу, еще не соотвѣтствующую обширности задачи, въ современномъ положеніи науки.

Археологъ и историкъ могутъ приходить въ восторгъ и удивленіе при видѣ монументальныхъ сооруженій, уцѣлѣвшихъ отчасти и понынѣ, которыми Римляне, въ древней столицѣ міра и въ покоренныхъ ими странахъ, засвидѣтельствовали о своей заботливости къ снабженію городовъ предметовъ первой необходимости—хорошею водою; но эти великолѣпные памятники древняго искусства могутъ въ наше время срывать лишь улыбку на устахъ человѣка, непричастнаго археологическому энтузіазму, и смотрящаго на нихъ съ точки зрѣнія современной инженерной науки. При ограниченныхъ, по нашимъ понятіямъ, свѣдѣніяхъ Римлянъ въ физикѣ и механикѣ, ихъ акведуки суть сооруженія такія дорогія, что послѣ Рима ни одна страна не была въ состояніи не только производить подобныя, излишне стоющія работы, но даже поддерживать старыя. Въ новѣйшее время быстрые успѣхи наукъ, вспомогательныхъ для искусства устройства водопроводовъ, дали возможность возводить этого рода сооруженія съ меньшими издержками, и если они потеряли часть своего значенія, какъ монументы, то выиграли въ отношеніи ихъ доступности для средствъ ограниченныхъ и слѣдовательно въ отношеніи общаго распространенія.

Наука объ устройствѣ водопроводовъ собственно принадлежитъ XIX вѣку; ибо всѣ многоразличные вопросы, относящіеся до этого устройства, сдѣлались предметомъ отдѣльнаго изученія не далѣе какъ лѣтъ 25-ть предъ симъ. Потому сочиненія по этой части еще рѣдки и въ иностранныхъ литературахъ. Лучшими изъ нихъ Баронъ Дельвигъ,

въ предисловіи къ своей книгѣ, признаетъ труды Французскихъ инженеровъ Женьеса и Дюпюи. Женьесъ первый занялся этимъ предметомъ исключительно; но теоретитеская часть въ его сочиненіи недостаточно развита для разрѣшенія многочисленныхъ вопросовъ, представляющихся при устройствѣ водопроводовъ; практическіе же пріемы значительно усовершенствованы въ 25 лѣтъ, протекшихъ со времени напечатанія его сочиненія. — Руководство къ устройству водопроводовъ Дюпюи полнѣе всѣхъ прочихъ; но теоретическая часть изложена не всегда съ надлежащею ясностью, практическая же не вполнѣ удовлетворительна для Русскихъ инженеровъ, которымъ необходимо бороться съ суровостью климата. Эти причины побудили Барона Дельвига составить представленное нынѣ на конкурсъ руководство, въ теоретической части коего онъ слѣдовалъ сочиненію Дюпюи, но старался съ должною ясностью вывести всѣ формулы, необходимыя при составленіи проектовъ; практическая же часть обработана имъ совершенно вновь, при чемъ онъ пользовался разными сочиненіями и собственными опытами при устройствѣ водопроводовъ въ Москвѣ и Нижнемъ-Новгородѣ.

По отзыву Генералъ-Маіора Кербедза, сочиненіе Барона Дельвига заслуживаетъ особеннаго вниманія уже потому, что оно есть первый на Русскомъ языкѣ самостоятельный трактатъ объ устройствѣ водопроводовъ; независимо отъ этого оно представляетъ много несомнѣнныхъ достоинствъ, какъ систематическій сводъ всѣхъ новѣйшихъ заграничныхъ изслѣдованій по этому предмету, и какъ сводъ собственныхъ опытовъ автора, на работахъ его по снабженію водою Нижняго-Новгорода и Москвы, которымъ была посвящена большая половина его жизни и почти вся служебная дѣятельность. При настоящихъ обстоятельствахъ и при усиливающемся болѣе и болѣе убѣжденіи въ необходимости озаботиться снабженіемъ городовъ чистою водою, книга Барона Дельвига, по мнѣнію рецензента, можетъ принести огромную пользу строителямъ водопроводовъ, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ множество

данныхъ, извлеченныхъ изъ наблюденій надъ нашими мѣстными и въ особенности надъ климатическими условіями подобнаго рода работъ. Всѣ отдѣлы этой книги обработаны съ большою отчетливостью и съ тѣмъ совершеннымъ знаніемъ дѣла, которое можно встрѣтить только у спеціалистовъ, долго, добросовѣстно и многосторонно изучавшихъ свой предметъ. Въ заключеніе рецензентъ прибавляетъ, что частные недостатки книги Барона Дельвига неизбѣжны болѣе или менѣе не только въ каждомъ первомъ опытѣ труда подобнаго рода, но и вообще во всѣхъ трактатахъ, гдѣ дѣло идетъ о предметѣ постоянно развивающемся, совершенствующемся и далеко еще не исчерпанномъ современными строителями. Тѣмъ не менѣе важность и отчетливое исполненіе этого труда ставятъ его въ разрядъ замѣчательныхъ явленій. Прибавимъ наконецъ, что потребность въ «Руководствѣ для устройства водопроводовъ» была такъ велика, что все изданіе книги разошлось менѣе чѣмъ въ годъ, не удовлетворивъ всѣхъ многочисленныхъ и продолжающихся и по сіе время требованій на нее.

III.

Сочиненіе г. Шмидта, изданное на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ:

Изслѣдованія о силурійскомъ почвѣ Эстляндіи, Сѣверной части Лифляндіи и острова Эзеля (Fried. Schmidt, Untersuchungen über die silurische Formation von Ehstland, Nord-Livland und Oesel)

поступило на состязаніе въ видѣ рукописи, но ко времени присужденія премій уже окончено печатаніемъ. — Оно было разсмотрѣно ординарнымъ Академикомъ Г. П. Гельмерсеномъ и докторомъ Пандеромъ, которые оба признаютъ, что оно существенно подвинуло впередъ наши познанія о геологіи Остзейскихъ губерній и составляетъ необходимое пособіе для каж-

даго, желающаго ближе изучить древнѣйшія осадочныя почвы Россіи.

Сочиненіе г. Шмидта раздѣляется на четыре отдѣла: 1) *историческій*, въ которомъ авторъ разбираетъ труды своихъ предшественниковъ и говоритъ о собственныхъ своихъ изслѣдованіяхъ и путешествіяхъ, совершенныхъ съ 1851 по 1856 годъ большею частью на иждивеніе Дерпскаго Общества Естествоиспытателей; 2) *геогностическій*, въ которомъ описывается рядъ отдѣльныхъ слоевъ, образующихъ собою силюрійскую систему; 3) *обзоръ изслѣдованныхъ каменоломенъ и обнаженій горныхъ породъ*, съ указаніемъ окаменѣлостей, найденныхъ въ каждомъ изъ нихъ, и 4) *палеонтологическій*, заключающій въ себѣ опредѣленіе родовъ и видовъ органическихъ остатковъ, и составляющій главное основаніе всего этого труда, ибо органическіе остатки представляютъ единственный способъ для опредѣленія относительной древности пластовъ силюрійской системы.

Академикъ Гельмерсенъ, въ своемъ разборѣ, замѣчаетъ, что г. Шмидтъ, согласно со всѣми своими предшественниками на томъ же поприщѣ изслѣдованій, принимаетъ въ силюрійской почвѣ двѣ формаціи — верхнюю и нижнюю, раздѣляя послѣднюю на два главныхъ отдѣла, а первую на три; каждый изъ этихъ главныхъ отдѣловъ состоитъ изъ нѣсколькихъ подраздѣленій, которыя сгруппированы у автора въ 8 разныхъ членовъ формаціи, съ обозначеніемъ каждой изъ нихъ особою краскою и нумеромъ на приложенной къ сочиненію геологической картѣ. Это разчлененіе основывается не столько на замѣченныхъ отношеніяхъ наслоенія, потому что послѣднія обнаруживаются лишь изрѣдка и въ видѣ исключеній, сколько на палеонтологическомъ содержаніи слоёвъ. Удержится ли и въ послѣдствіи самостоятельность каждаго изъ принятыхъ авторомъ членовъ формаціи, это остается пока вопросомъ неразрѣшимымъ; во всякомъ однакоже случаѣ, по мнѣнію рецензента, точныя и тщательныя ихъ описанія поучительны и отчасти со-

вершенно новы, потому что авторъ осмотрѣлъ такія мѣстности, которыя были доселѣ неизвѣстны геологамъ. Кромѣ того, г. Шмидтъ представилъ нѣсколько хорошо подмѣченныхъ и поучительно описанныхъ данныхъ объ эрратическихъ явленіяхъ и о нынѣшнихъ образованіяхъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ также замѣтки его о вторичномъ мѣстонахожденіи силюрійскихъ известняковъ и о приращеніи суши посредствомъ аллювіальныхъ наносовъ.

Г. Гельмерсенъ признаетъ особенно полезнымъ третій отдѣлъ книги, содержащій въ себѣ обозрѣніе изслѣдованныхъ г. Шмидтомъ каменоломенъ и обнаженій горныхъ породъ, вмѣстѣ съ исчисленіемъ окаменѣлостей по ихъ мѣстонахожденіямъ. Это обозрѣніе доставитъ послѣдующимъ изслѣдователямъ возможность провѣрить и прослѣдить, такъ сказать, шагъ за шагомъ, наблюденія автора. Безъ такого указанія собственно не должно бы обходиться ни одно описательное геологическое сочиненіе, а между тѣмъ авторы подобныхъ сочиненій нерѣдко упускаютъ изъ вида такое требованіе науки.

Что касается опредѣленія найденныхъ окаменѣлостей, то отдѣлъ книги, посвященный этому предмету, г. Гельмерсенъ признаетъ полнѣйшимъ изложеніемъ всего доселѣ извѣстнаго о нашей силюрійской фаунѣ, а для указанія ея ученнаго достоинства достаточно упомянуть, что автору при изслѣдованіи окаменѣлостей помогали докторъ Пандеръ и графъ Кейзерлингъ. Какого выгоднаго мнѣнія сей послѣдній о трудѣ г. Шмидта видно изъ того, что онъ, немедленно по выходѣ въ свѣтъ этой книги, отправилъ экземпляръ оной къ знаменитому геологу нашего времени, ординарному Академику нашей Академіи Мурчисону, который нашелъ ее столь важнымъ въ наукѣ явленіемъ, что сдѣлалъ ее предметомъ особой статьи, помѣщенной въ февральской книжкѣ Записокъ Лондонскаго Геологическаго Общества.

Докторъ Пандеръ, въ своемъ разборѣ книги г. Шмидта, написанномъ имъ по просьбѣ г. Академика Гельмерсена, того

мнѣнія, что нѣкоторые изъ видовъ окаменѣлостей, принятые г. Шмидтомъ, требуютъ еще точнѣйшаго изслѣдованія, и что нельзя согласиться съ показанною авторомъ послѣдовательностью расположенія слоевъ отъ Клейнъ-Маріена до Оберъ-Палена; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ, что лучшую часть труда г. Шмидта составляетъ третья глава, которая, свидѣтельствуя о рачительности и настойчивости автора въ изслѣдованіяхъ, дѣлаетъ его сочиненіе навсегда полезнымъ и необходимымъ. Въ геогностическомъ отдѣлѣ, впервые точно описаны обнаженія на сѣверномъ и западномъ берегахъ Эстляндіи и Лифляндіи, отъ Нарвы до Вердера; а въ этой третьей главѣ особенно приведены въ ясность геологическія отношенія внутренностей страны. Преимущественно же указываетъ г. Пандеръ на тѣ слои, который г. Шмидтъ обозначилъ цыфрами 2 и 3; открытіемъ и описаніемъ этихъ слоевъ, равно и органическихъ въ нихъ остатковъ мы обязаны по большой части одному г. Шмидту, точно также и означенныхъ подъ № 8, на островѣ Эзелѣ, гдѣ авторъ открылъ значительное число новыхъ окаменѣлостей, которыя, какъ именно остатки рыбъ верхней силюрійской системы, безъ него были бы досихъ поръ неизвѣстны.

Столь положительныя указанія достоинствъ этого труда доставили Академіи пріятный случай признать ученое значеніе его для науки, присужденіемъ ему половинной преміи.

IV.

Удостоенное такой же преміи сочиненіе Академика и Ординарнаго Профессора Медикохирургической Академіи, доктора медицины, Статскаго Совѣтника Заблоцкаго приводитъ насъ въ область медицины, и именно той части терапіи и хирургіи, которая имѣетъ задачею избавленіе рода человѣческаго, на сколько это возможно, отъ одного изъ лютѣйшихъ враговъ его — отъ болѣзней, весьма разнообразныхъ и довольно многочислен-

ныхъ, носящихъ общее названіе сифилитическихъ. Имя автора уже не въ первый разъ встрѣчается въ отчетахъ Демидовскаго учрежденія; на конкурсѣ 1848 года онъ былъ удостоенъ половинной преміи за весьма замѣчательную медицинскую монографію; кромѣ того Академія неоднократно поручала ему разборы представлявшихся на состязаніе медицинскихъ сочиненій, и въ изъявленіе своей признательности за такого рода содѣйствіе, въ 1847 году выдала ему установленную для рецензентовъ золотую медаль. Сочиненіе, представленное имъ на нынѣшній конкурсъ, Руководство къ изученію и лѣченію сифилитическихъ болѣзней, было, по просьбѣ Академіи, разсмотрѣно Вице-Призедентомъ Медикохирургической Академіи, докторомъ, Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Ив. Тим. Глѣбовымъ, который, будучи самъ опытнымъ врачемъ, въ пространномъ, доставленномъ Академіи разборѣ, подвергъ это сочиненіе подробной, весьма тщательной оцѣнкѣ.

Выставляя въ началѣ важность предмета книги г. Заблоцкаго, рецензентъ говоритъ, что, изъ всѣхъ болѣзней, сифилитическія суть самыя страшныя и самыя опустошительныя, отъ которыхъ страдаетъ и гибнетъ человѣкъ. Нѣтъ страны въ свѣтѣ, гдѣ бы не встрѣчалось это зло: Азія, Африка и Америка были попеременно обвиняемы въ первоначальномъ происхожденіи этой язвы; но Европа, эта страна образованности, едва ли не болѣе всѣхъ и сама терпитъ отъ нея и другимъ разноситъ ее въ даръ въ настоящее время. Нѣтъ государства, большаго или малаго, сильнаго или слабаго, которое бы не платило ей равно тяжкой дани. Нѣтъ сословія въ государствѣ, которое бы не приносило и заслуженныхъ и невинныхъ жертвъ этой страшной заразѣ, которая пожираетъ ихъ безъ различія пола и возраста, темперамента и тѣлосложенія, званія и состоянія. Нѣтъ части тѣла человѣка, которую бы щадила она. Опустошительное дѣйствіе этихъ болѣзней таково, что нельзя не признать услугою человѣчеству усилія врачей противодѣйствовать злу, изученіемъ свойства многоразличныхъ формъ, въ которыхъ эти болѣзни

проявляются, и указаніемъ, путемъ опыта, надежнѣйшихъ средствъ изцѣленія или по крайней мѣрѣ уменьшенія вредныхъ ихъ послѣдствій. Указавъ важность избраннаго г. Заблоцкимъ предмета, рецензентъ переходитъ къ обстоятельному разбору каждой изъ отдѣльныхъ главъ, изъ коихъ состоитъ сочиненіе. По самому существу дѣла, мы не можемъ послѣдовать за рецензентомъ въ тѣ частности оцѣнки, въ которыя ученый врачъ вдался съ очевиднымъ увлеченіемъ къ дѣлу, какъ спеціалистъ, для котораго эти болѣзни были въ теченіе его медицинской практики предметомъ постояннаго вниманія и изученія. Здѣсь достаточно будетъ сказать, что г. рецензентъ, послѣ пространнаго разбора частностей, приходитъ къ такому общему заключенію, «что руководство къ изученію и лѣченію сифилитическихъ болѣзней» г. Заблоцкаго есть сочиненіе полное и цѣлое; способъ изложенія предмета вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ современной науки. Понятіе о болѣзни авторъ составляетъ не по сочетанію только симптомовъ, образующихъ форму того или другаго вида или видоизмѣненія ея; напротивъ, онъ выводитъ его изъ изученія патологическаго процесса данной формы болѣзни, изъ анатомическаго перерожденія ткани, поражаемой опредѣленною формою недуга, изъ морфологическаго, отчасти даже химическаго измѣненія самой крови въ сифилитической болѣзни. Лѣченіе болѣзни авторъ основываетъ на соотношеніи патологическаго состоянія тѣла и физіологическаго дѣйствія лѣкарствъ на организмъ, дознаннаго опытами другихъ врачей и собственными наблюденіями автора. Если, при леченіи данной формы болѣзни, употребляется принятый уже способъ врачеванія или хирургической операціи, то авторъ дѣлаетъ строгій разборъ какъ способа леченія, такъ и пріемовъ операціи, и послѣ точной оцѣнки назначаетъ тотъ или другой способъ леченія, ту или другую методу операціи. Для болѣе яснаго и удобопонятнаго изложенія операцій, авторъ представилъ рисунки, въ которыхъ изобразилъ наружный видъ болѣзни, лучшій инструментъ для данной операціи и удобнѣй-

шіе пріемы для ея исполненія. При этомъ рецензентъ счелъ нужнымъ упомянуть въ особенности о томъ, что авторъ часто обращаетъ вниманіе на обстоятельства лѣченія, которыя могутъ показаться мелочными; но эти, кажущіяся неважными, обстоятельства такого рода, что они имѣютъ большое вліяніе на успѣхъ или неуспѣхъ всего лѣченія, и притомъ такихъ болѣзней, которыя часто на всю жизнь потрясаютъ здоровье человѣка. Поэтому такія обстоятельства имѣютъ несомнѣнно важное значеніе въ ученіи о сифилитическихъ болѣзняхъ и въ лѣченіи ихъ. И эта черта сочиненія г. Заблоцкаго, далеко не всѣмъ сифилографіямъ принадлежащая и не замѣтная для простаго читателя, заслуживаетъ особеннаго вниманія.

При изложеніи какъ понятія о болѣзни, такъ и способовъ лѣченія, авторъ не только не избѣгаетъ спорныхъ пунктовъ, но напротивъ выдвигаетъ ихъ самымъ рельефнымъ образомъ впередъ, въ видѣ вопросовъ, и потомъ изслѣдуетъ ихъ съ самою ясною и положительною критикою, и если рѣшаетъ ихъ. положительно или отрицательно, то основываетъ свои рѣшенія не на многолѣтней своей практической опытности. какъ это часто встрѣчается между врачами, но на началахъ науки; опытность же автора, пріобрѣтенная имъ пятнадцати-лѣтнимъ не эмпирическимъ наблюденіемъ, но раціональнымъ изученіемъ сифилитическихъ болѣзней, служитъ только подкрѣпленіемъ положеній науки.

Впрочемъ критическій способъ изложенія авторъ не ограничилъ только нѣкоторыми частными вопросами, касающимися этихъ болѣзней; напротивъ онъ все сочиненіе свое изложилъ въ томъ же духѣ раціональной критики. Поэтому онъ включилъ въ него все, что собственно относится къ сифилису; но въ то же время, исключилъ то, что существенно къ нему не принадлежитъ, хотя другими писателями и вносится въ сферу его. Такое изложеніе предмета даетъ сочиненію характеръ совершенно самостоятельнаго труда. Но оно еще болѣе принимаетъ видъ труда оригинальнаго отъ того, что авторъ, какъ бы

въ замѣнъ исключеннаго имъ, присоединилъ много новыхъ, собственными его наблюденіями и опытами добытыхъ, весьма важныхъ и полезныхъ понятій, служащихъ какъ къ точнѣйшему опредѣленію болѣзни, такъ собственно и къ вѣрнѣйшему употребленію средствъ лѣченія, причемъ онъ ввелъ различныя улучшенія въ способахъ хирургическихъ операцій. Наконецъ особое значеніе самостоятельности имѣетъ это сочиненіе еще и потому, что въ немъ авторъ разобралъ между прочимъ осложненія и видоизмѣненія болѣзни, въ особенности свойственныя нашему холодному и сырому климату, и именно осложненія и видоизмѣненія скорбутныя и золотушныя, условливающія собою упорность или разрушительность болѣзни. Такимъ образомъ понятно, какую пользу представляетъ Руководство Профессора Заблоцкаго о сифилитическихъ болѣзняхъ, для науки, для учащихся и для практическихъ врачей.

V.

Русская исторія почти постоянно, въ большемъ или меньшемъ числѣ представителей, являлась на Демидовскія состязанія, и почти каждый годъ представлялся Академіи случай присуждать преміи болѣе или менѣе обширнымъ трудамъ этого рода. И нынѣшній конкурсъ не составилъ въ этомъ случаѣ исключенія. Изъ представленныхъ сочиненій, относящихся прямо или посредственно къ области отечественной исторіи въ обширномъ смыслѣ слова, Академія увѣнчала нынѣ преміями три сочиненія, изъ которыхъ одно относится собственно къ политической исторіи Россіи, другое къ исторіи образованности, а третье къ исторіи литературы.

Сочиненіе А. Н. Попова: Исторія возмущенія Стеньки Разина (М. 1857 г.)

было внесено на соисканіе, на основаніи предоставленнаго Академикамъ по § VI и VII Положенія права, ординарнымъ Акаде-

микомъ Н. Г. **Устряловымъ**, который представилъ Академіи и краткую онаго оцѣнку. Въ своемъ разборѣ, онъ, между прочимъ, упоминаетъ, что недостатокъ печатныхъ источниковъ особенно ощутителенъ въ Русской Исторіи XVII вѣка. О нѣкоторыхъ событіяхъ, иногда весьма важныхъ, историкъ, если желаетъ основать свой разсказъ на достовѣрныхъ данныхъ, не въ состояніи составить себѣ отчетливое представленіе и объяснить его значеніе. Къ числу такихъ недостаточно объясненныхъ событій принадлежало понынѣ возмущеніе Стеньки Разина. Поэтому г. **Поповъ**, изданіемъ исторіи этого событія, составленной имъ на основаніи новыхъ источниковъ, собранныхъ въ рукописяхъ и столбцахъ государственныхъ архивовъ и частныхъ хранилищъ, доставилъ нашей исторической литературѣ такое сочиненіе, въ которомъ ощущался недостатокъ и которое можетъ служить для разъясненія весьма любопытной эпохи.

Въ первой главѣ своего сочиненія г. Поповъ разсматриваетъ критически источники, которыми онъ пользовался, какъ отечественные (оффиціальные и частные), такъ и иностранные. О тѣхъ и другихъ, онъ представляетъ отчетливое изслѣдованіе, которое отчасти можетъ быть всякимъ провѣрено, на основаніи документовъ, напечатанныхъ въ особомъ приложеніи къ книгѣ.

Въ слѣдующихъ за тѣмъ пяти главахъ помѣщенъ обстоятельный и вѣрный разсказъ о мятежѣ Разина, основанный исключительно на актахъ и другихъ несомнѣнныхъ документахъ.

Наконецъ въ особомъ томѣ, носящемъ заглавіе: **Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина**, напечатаны въ первый разъ, бывшіе въ рукахъ г. **Попова** неизданные документы, заимствованные изъ разныхъ архивовъ и частныхъ собраній, въ особенности изъ собранія извѣстнаго любителя Русскихъ древностей г. Карабанова.

VI.

Второе историческое сочиненіе, а именно **Исторія С. Петербургской Духовной Академіи** экстраординарнаго про-

фессора И. А. Чистовича, было равномѣрно разсмотрѣно Академикомъ Н. Г. Устряловымъ, который, въ своемъ разборѣ, изложивъ содержаніе книги г. Чистовича, замѣчаетъ, что свѣдѣнія о С. Петербургской Духовной Академіи авторъ заимствовалъ, кромѣ источниковъ печатныхъ, изъ архива Святѣйшаго Сѵнода, изъ архива Александро-Невской Лавры, изъ библіотеки Духовной Академіи, изъ дѣлъ С. Петербургской Семинаріи, изъ архива С. Петербургской Духовной Консисторіи, изъ дѣлъ Коммиссіи духовныхъ училищъ и изъ отчетовъ Оберъ-Прокурора Св. Сѵнода. Нѣкоторые, найденные авторомъ документы, напечатаны имъ вполнѣ; другіе въ извлеченіяхъ, съ указаніемъ, гдѣ находятся подлинники. Всѣ сообщаемыя имъ извѣстія подкрѣплены ссылками на дѣла архивовъ и на печатныя книги. Въ заключеніе рецензентъ выражаетъ свое мнѣніе, что г. Чистовичъ заслуживаетъ Демидовской преміи по основательности, съ какою онъ изложилъ исторію С. Петербургской Духовной Академіи по источникамъ разныхъ архивовъ.

VII.

Сочиненіе г. Пыпина: Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ Русскихъ, было внесено на конкурсъ не самимъ авторомъ, а Академикомъ И. И. Срезневскимъ, въ уваженіе особыхъ достоинствъ и важности этого труда для исторіи Русской Словесности. Въ рецензіи, при которой г. Срезневскій представилъ его Академіи, онъ въ подробности указалъ и тѣ обстоятельства, которыя, по его мнѣнію, даютъ изслѣдованіямъ г. Пыпина право на вниманіе ученаго міра.

Три рода нашихъ древнихъ литературныхъ памятниковъ разсмотрѣны въ «Очеркѣ»: во 1-хъ повѣсти и сказки, переведенныя на старославянское нарѣчіе — съ греческаго; во 2-хъ повѣсти и сказки, переведенныя на славяно-русское и на русское нарѣчіе съ польскаго и съ нѣмецкаго, и въ 3-хъ повѣсти

и сказки, чисто русскія, написанныя или записанныя въ до-Петровское время. Памятники всѣхъ трехъ родовъ разсмотрѣны почти исключительно по рукописямъ, при чемъ было обращено постоянное вниманіе на различія списковъ. Разсматривая памятники двухъ первыхъ отдѣловъ, авторъ имѣетъ въ виду опредѣленіе какъ подлинника, съ котораго сдѣланъ переводъ, такъ и степени участія переводчика въ измѣненіи подлинника. Памятники третьяго отдѣла обращали на себя вниманіе со стороны достоинства изложенія и языка. Всего подробнѣе разобраны памятники перваго рода. Къ частнымъ изслѣдованіямъ прибавлены, во вступленіи и въ другихъ мѣстахъ сочиненія, общія замѣчанія, или какъ мнѣнія, которыми авторъ былъ руководимъ въ своихъ взглядахъ на частности, или какъ выводы, къ которымъ былъ приведенъ своими изслѣдованіями.

Оцѣняя достоинства труда г. Пыпина, рецензентъ замѣчаетъ, что здѣсь нѣтъ ни одной страницы нелюбопытной, а многія изъ нихъ не только любопытны, но и весьма важны, каковы напримѣръ изслѣдованія повѣстей о Царѣ Соломонѣ. Какъ мало желалъ авторъ сберечь трудъ и время, видно въ особенности изъ тѣхъ частей «Очерка», гдѣ представлены историко-литературныя подробности объ иноземныхъ передѣлкахъ повѣстей, переведенныхъ съ греческаго. Столь же мало заботился авторъ и о томъ, чтобы выставить на видъ свой трудъ: въ обозначеніи подлинниковъ, особенно польскихъ и нѣмецкихъ, съ которыхъ переведены повѣсти въ нашихъ сборникахъ, сообщены одни результаты. Всюду указаны рукописи, въ которыхъ находятся разобранныя повѣсти и сказки, и если указанія печатныхъ пособій не такъ тщательны, то тѣмъ не менѣе почти все главное есть: труды Карамзина, Востокова, Снегирева, Полеваго, Сахарова, Буслаева и другихъ нашихъ писателей пересмотрѣны и большею частью указаны довольно опредѣлительно вездѣ, гдѣ было необходимо.

Указавъ на достоинства труда г. Пыпина, рецензентъ, не увлекаясь безусловными похвалами, показалъ также и его не-

достатки, и въ числѣ ихъ выставляетъ въ особенности тотъ, что въ «Очеркѣ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ Русскихъ» о повѣстяхъ и сказкахъ чисто русскихъ говорится всего менѣе; о нѣкоторыхъ едва упомянуто. Но, по сознанію рецензента, полная разработка старинной литературы собственно русскихъ повѣстей и сказокъ есть трудъ, за который и рано было бы браться при помощи только тѣхъ источниковъ, которые были у автора. До матеріаловъ, необходимыхъ для подобныхъ изслѣдованій, любители старины, можно сказать, едва лишь дотронулись, и г. Срезневскій не сомнѣвается, что еще не мало открытій въ этой области прибавится къ тѣмъ, которыя были сдѣланы въ послѣднія сорокъ лѣтъ.

Другой упрекъ, дѣлаемый рецензентомъ автору «Очерка», состоитъ въ томъ, что пользуясь для своего изслѣдованія тѣмъ, что было доступно, г. Пыпинъ при общихъ выводахъ не всегда удерживался въ границахъ исторической умѣренности. Такъ онъ самъ весьма справедливо говоритъ о неизвѣстности еще всѣхъ памятниковъ, относящихся къ старинной русской повѣсти; признаетъ, что въ такомъ положеніи дѣла, опредѣленіе фактовъ составляетъ первую необходимость; вѣритъ, что откроется еще не одно замѣчательное произведеніе старинной поэзіи русской, и что идти къ общимъ выводамъ еще рано; а между тѣмъ, не смотря на эти оговорки, самъ же утверждаетъ, что большая часть фактовъ уже разработана, и что характеръ старинной русской повѣсти уже ясно открывается изъ разбора знакомыхъ намъ произведеній, и даже опредѣляетъ ея существенныя черты — подражаніе, недостатокъ самобытности, ограниченность литературнаго значенія. Рецензентъ соглашается, что таковы существенныя черты извѣстныхъ намъ повѣстей, между которыми слову о купцѣ Басаргѣ, сказанію о Дракулѣ, или о Саввѣ Грудцинѣ и повѣсти о Фролѣ Скобѣевѣ приходится дать самыя почетныя мѣста; но вмѣстѣ съ тѣмъ г. Срезневскій думаетъ, что рано еще разрѣшать вопросъ о томъ, таковы ли окажутся характеристическія черты тѣхъ старинныхъ по-

вѣстей, которыя еще намъ неизвѣстны, но могутъ быть со-временемъ открыты.

Заявивъ наконецъ свое разномыслiе съ авторомъ «Очерка» относительно общаго взгляда на ходъ постепеннаго развитiя литературы каждаго народа вообще и на характеръ средне-вѣковой словесности въ западной Европѣ, и выразивъ сожалѣнiе, что въ «Очеркѣ» не довольно ясно опредѣленъ кругъ повѣсти и сказки, рецензентъ заключаетъ свой разборъ удостовѣренiемъ, что выражая свое мнѣнiе о недостаточности нѣкоторыхъ частей этой книги, онъ не думаетъ и не желаетъ умалять ни передъ собою, ни передъ другими значенiе труда г. Пыпина. Это есть драгоцѣнный вкладъ въ сокровищницу историческихъ изслѣдованiй о Русской литературѣ. Книга г. Пыпина, и въ томъ видѣ, какъ она вышла въ первый разъ, есть необходимая настольная книга для всякаго, занимающагося изученiемъ Русской исторiи, а вмѣстѣ и Старо-славянской литературы.

VIII.

Наконецъ половинная премiя присуждена Академiею сочиненiю г. Майкова,

ИСТОРIЯ СЕРБСКАГО ЯЗЫКА, ПО ПАМЯТНИКАМЪ, ПИСАННЫМЪ КИРИЛЛИЦЕЮ, ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРIЕЮ НАРОДА.

Основанiемъ такого присужденiя послужила оцѣнка этого труда, представленная Академикомъ И. И. Срезиевскимъ, и заключающаяся въ сущности въ слѣдующемъ.

Задача, рѣшенiю которой г. Майковъ посвятилъ свое обширное сочиненiе, была тронута уже лѣтъ за двадцать предъ симъ, П. И. Шафарикомъ, и на первый разъ съ весьма важной стороны — со стороны признаковъ отличiя сербскаго нарѣчiя отъ нарѣчiя церковно-славянскаго. Шафарикъ воспользовался множествомъ памятниковъ IX—XVI вѣковъ и доказалъ, что эти два нарѣчiя издавна отличались одно отъ другаго. Преслѣдо-

нать задачу далѣе можно было только однимъ путемъ, а именно при изслѣдованіи сербскихъ памятниковъ вникать въ черты повременнаго видоизмѣненія сербскаго нарѣчія подъ вліяніемъ внутреннихъ законовъ и внѣшнихъ обстоятельствъ и опредѣлять значеніе тѣхъ и другихъ. Такой именно путь и избранъ г. Майковымъ, и пройденъ имъ успѣшно въ тѣхъ границахъ, которыя онъ самъ себѣ назначилъ. Какія это границы, указано отчасти въ самомъ заглавіи сочиненія; г. Майковъ предположилъ себѣ разобрать одни кириловскіе памятники, миновавъ глаголическіе и латинскіе. Изучая по нимъ элементы народнаго языка, онъ имѣлъ въ виду опредѣлить не столько судьбы его, сколько движеніе языка книжнаго, какъ смѣшенія народнаго сербскаго съ церковно-славянскимъ. «Разсматриваемый книжный языкъ — говоритъ авторъ — представляется огромнымъ многовѣковымъ поприщемъ, на которомъ сходятся двѣ стихіи, хотя родственныя и близкія одна къ другой, но тѣмъ не менѣе на столько отличныя, что въ выборѣ между тою и другою древніе писцы дѣйствовали сознательно. Но не насильственное вторженіе въ чужую область, а добровольное принятіе знаменуетъ присутствіе церковно-славянской стихіи въ древне-сербской письменности. Двѣ стихіи сталкивались, и каждая предъявляла свои права на преобладаніе, смотря по смыслу рѣчи. Книжный языкъ совмѣстилъ ихъ обѣ». Таковъ общій взглядъ автора, постоянно выражающійся въ частностяхъ изслѣдованія. Что онъ справедливъ — оспаривать невозможно. Памятники, изъ которыхъ г. Майковъ почерпалъ данныя для своихъ заключеній, суть исключительно акты (XII—XV вѣковъ); въ концѣ книги приложенъ списокъ ихъ, а во введеніи и во вступленіи ко второй части изслѣдованія помѣщено ихъ обозрѣніе, превосходно составленное. Другіе имѣющіеся памятники, важные для исторіи сербскаго языка, авторъ оставилъ въ сторонѣ. Хотя онъ могъ это сдѣлать почти безъ вреда для полноты отвѣтовъ на вопросы, которые имѣлъ въ виду и которые суть исключительно вопросы грамматиче-

скіе; однако такое ограниченіе изслѣдованія лишь одного рода памятниками заставляетъ смотрѣть на трудъ г. **Майкова**, какъ на неоконченный. Только тогда, когда будутъ изучены не одни кириловскіе памятники, но вмѣстѣ глаголическіе и латинскіе, не одни акты, но и другіе памятники письменности, не одни данныя грамматическія, но и лексикальныя, только тогда получатъ свое полное значеніе и тѣ общія, вошедшія въ книгу г. **Майкова**, филологическія замѣтки о соотношеніи славянскаго языка съ другими индо-европейскими.

Лингвистическое изслѣдованіе занимаетъ только часть объемистой книги г. **Майкова**; къ нему примкнуто другое изслѣдованіе, совершенно особенное, по внутреннему содержанію еще болѣе обширное и болѣе важное — а именно историческое изслѣдованіе о судьбахъ сербскаго народа въ собственной Сербіи, Босніи и Дубровникахъ. Исторія сербскаго народа еще никѣмъ доселѣ не была представлена съ такою внимательностью къ современнымъ показаніямъ и съ такою подробностью. По мнѣнію г. Срезневскаго, уже за эту одну часть своего труда г. **Майковъ** былъ бы достоинъ полной признательности и уваженія; она даетъ ему право на одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ между учеными, занимавшимися исторіею славянскихъ народовъ.

Оканчивая симъ обозрѣніе сочиненій, которыя на нынѣшнемъ конкурсѣ признаны достойными премій, имѣю честь довести до вашего, Мм. Гг., свѣдѣнія, что Академія въ ознаменованіе своей признательности за труды стороннихъ рецензентовъ, содѣйствовавшихъ ей при разсмотрѣніи состязавшихся сочиненій, положила выдать установленныя на сей конецъ золотыя медали: въ 12 червонцевъ: 1) Вице Президенту Медико-Хирургической Академіи Дѣйств. Ст. Сов. Ив. Тим. **Глѣбову**, и 2) Корреспон-

денту Академіи исправляющему должность Ординарнаго Профессора въ Казанскомъ Университетѣ Викт. Ив. Григоровичу; таковыя же медали въ 8 червонцевъ 1) Корреспонденту Академіи Инженеръ Генералъ-Маіору Стан. Валер. Кербедзу и Члену Совѣта Парижскаго Азіятскаго Общества Виконту Леону де Рони.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Г. МАГИСТРА ШМИДТА

подъ заглавіемъ:

UNTERSUCHUNGEN

ÜBER DIE SILURISCHE FORMATION VON EHSTLAND, NORD-LIVLAND UND OESEL.

DORPAT 1858.

составленный

Академикомъ **Г. П. Гельмерсеномъ.**

Этотъ трудъ былъ присланъ осенью 1857 г. въ рукописи для состязанія на Демидовскія преміи. Въ слѣдъ за тѣмъ авторъ доставилъ его мнѣ также въ видѣ книги, снабдивъ ее особеннымъ послѣсловіемъ и присовокупивъ къ ней затѣмъ еще два чертежа, съ изображеніемъ нѣсколькихъ новыхъ видовъ окаменѣлыхъ раковинъ Теперь вся работа кончена и, безъ сомнѣнія, представляетъ собою самое обширное и полное изображеніе нашей Балтійско-силюрійской почвы, плодъ продолжительныхъ, тщательныхъ и ревностно исполненныхъ изысканій, которыя сдѣлали г-на Шмидта опытнымъ знатокомъ упомянутаго образованія.

Авторъ начинаетъ съ полнаго обзора прежнихъ работъ на томъ же самомъ поприщѣ изслѣдованій, оцѣняя каждую изъ нихъ надлежащимъ образомъ, а за тѣмъ, переходитъ къ собственнымъ своимъ изслѣдованіямъ и говоритъ о шести путешествіяхъ, предпринятыхъ имъ съ 1851 по 1856 годъ, для точнѣйшаго изученія описанной почвы и разныхъ хранящихся въ частныхъ коллекціяхъ силюрійскихъ окаменѣлостей. Сдѣлавъ потомъ нѣсколько общихъ замѣтокъ объ орографическихъ отношеніяхъ всей области и о толщинѣ силурійскихъ слоевъ Эстляндіи и Лифляндіи, онъ приступаетъ къ спеціальному описанію почвы, не упуская изъ виду также продолженія ея въ С. Петербургскую губернію до Ладожскаго озера и сличенія ея съ силюрійскою почвою другихъ странъ Европы.

Г. Шмидтъ, согласно со всѣми своими предшественниками

на томъ же поприщѣ, принимаетъ въ силюрійской почвѣ двѣ формаціи, верхнюю и нижнюю. Послѣдняя раздѣляется на два главные отдѣла, а первая на три. Каждый изъ этихъ главныхъ отдѣловъ состоитъ изъ нѣсколькихъ подраздѣленій, которыя сгруппированы у автора въ 8 разныхъ членовъ формаціи, съ обозначеніемъ каждой изъ нихъ особою краскою и цифрою на приложенной геологической картѣ. Это расчлененіе основывается не столько на замѣченныхъ отношеніяхъ наслоенія, потому что послѣднія обнаруживаются только изрѣдка и въ видѣ исключеній, сколько на палеонтологическомъ содержаніи слоевъ. Удержится ли и въ послѣдствіи самостоятельность каждаго изъ принятыхъ авторомъ членовъ формаціи, это остается пока вопросомъ неразрѣшимымъ; во всякомъ однакоже случаѣ точныя и тщательныя ихъ описанія поучительны и отчасти совершенно новы, потому что авторъ посѣтилъ такія мѣстности, которыя прежде были неизвѣстны геологамъ. Г. Шмидтъ посвятилъ нѣсколько страницъ, начиная съ 63 по 90, также эрратическимъ явленіямъ и нынѣшнимъ образованіямъ и этотъ отдѣлъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько хорошо подмѣченныхъ и поучительно описанныхъ данныхъ. Особеннаго вниманія, по моему мнѣнію, заслуживаютъ замѣтки объ эрратическихъ отторженіяхъ силюрійскихъ известняковъ и о приращеніи суши (земли) посредствомъ аллювіальныхъ наносовъ. Авторъ полагаетъ, что не трудно, при нѣкоторомъ познаніи нашихъ силюрійскихъ слоевъ, указать на коренное мѣсторожденіе каждаго отторженца оныхъ; онъ также убѣжденъ въ томъ, что валуны, происходящіе отъ извѣстныхъ слоевъ, расположены подобными же полосами или грядами, какъ и самые слои, простирающіеся отъ востока къ западу. Эти наносы доставили автору много окаменѣлостей и указаніе первоначальнаго ихъ мѣстонахожденія, что̀, какъ само собою разумѣется, весьма важно.

Особенно полезенъ третій отдѣлъ книги, содержащій въ себѣ обзоръ изслѣдованныхъ г-мъ Шмидтомъ каменоломенъ и обнаженій горныхъ породъ, вмѣстѣ съ исчисленіемъ окаме-

нѣлостей, по ихъ мѣстонахожденію. Этотъ обзоръ дастъ будущимъ испытателямъ возможность прослѣдить шагъ за шагомъ наблюденія автора и возобновить ихъ. Это такое указаніе, безъ котораго собственно не должно обойтись никакое описательное геологическое сочиненіе, но котораго недостаетъ очень часто, хотя оно, безъ сомнѣнія, гораздо важнѣе, нежели иные безполезные цитаты изъ сочиненій прежнихъ авторовъ по тому же предмету. Это указаніе г-на Шмидта впредь будетъ служить полезнымъ и даже необходимымъ руководствомъ путешествующимъ геологамъ.

Въ четвертомъ и послѣднемъ отдѣлѣ книги г-на Шмидта говорится объ органическихъ остаткахъ, и сообщенъ систематическій перечень найденныхъ имъ окаменѣлостей, вмѣстѣ съ краткими діагнозами новыхъ видовъ. Авторъ надѣется въ послѣдствіи, вмѣстѣ съ докторомъ Александромъ Шренкомъ, издать въ свѣтъ подробный трудъ объ этомъ предметѣ съ надлежащими изображеніями. Но и въ первомъ своемъ видѣ эта глава можетъ почесться полнѣйшимъ изложеніемъ всего до нынѣ извѣстнаго о нашей силюрійской фаунѣ, а для указанія ея ученаго достоинства достаточно упомянуть, что автору при изслѣдованіи окаменѣлостей помогали г. Пандеръ и графъ Кейзерлингъ. Первый изъ нихъ, по моей просьбѣ, сообщилъ мнѣ письменный отзывъ, при семъ прилагаемый, о трудѣ г. Шмидта; а что графъ Кейзерлингъ съ похвалою о немъ отзывается это не только извѣстно мнѣ изъ изустныхъ его сообщеній, но оказывается также и изъ того, что онъ, немедленно по выходѣ въ свѣтъ книги г. Шмидта отправилъ экземпляръ ея къ нашему извѣстному сочлену Мурчисону, который высказалъ о ней весьма выгодное мнѣніе, какъ видно изъ только-что доставленной сюда статьи, помѣщенной въ Февральской книжкѣ Quarterly Journal of the geological Society, подъ заглавіемъ: The Silurian Rocks and fossils of Norvay, as described by M. Theodor Kjerulf, those of the Baltic Provinces of Russia by Professor

Schmidt, and both compared with their British Equivalents by Sir R. J. Murchison.

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что книга г-на Шмидта существенно подвинула впередъ наше геологическое познаніе Остзейскихъ губерній, что она необходима для каждаго, желающаго ближе изучать древнѣйшія осадочныя почвы Россіи, и что она впередъ будетъ служить точкою исхода для спеціальнаго геологическаго изученія Остзейскаго края. И потому я считаю себя въ правѣ покорнѣйше просить Академію о присужденіи г-ну Шмидту половинной Демидовской преміи и дозволяю себѣ при этомъ случаѣ еще замѣтить, что магистръ Шмидтъ, ревнуя къ своему дѣлу, намѣренъ лѣтомъ нынѣшняго года предпринять путешествіе на островъ Готландъ и въ Швецію съ тою цѣлью, чтобы сличить тамошніе силюрійскіе пласты съ тѣми, которые онъ изслѣдовалъ прежде, — предпріятіе полезное, въ полной мѣрѣ заслуживающее всякаго содѣйствія.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Г. МАГИСТРА ШМИДТА:

UNTERSUCHUNGEN

UBER DIE SILURISCHE FORMATION VON EHSTLAND NORD-LIVLAND UND OESEL,

составленный

Докторомъ **Пандеромъ**.

Предлежащее сочиненіе: «Untersuchung über die silursche Formation von Ehstland, Nord-Livland und Oesel von Friedrich Schmidt» раздѣляется на четыре отдѣла: 1) историческій, въ которомъ авторъ разбираетъ труды своихъ предшественниковъ и говоритъ о собственныхъ своихъ розысканіяхъ и путешествіяхъ, по большей части предпринятыхъ на иждивеніи общества естествоиспытателей въ Дерптѣ; 2) геогностическій, въ которомъ описывается рядъ отдѣльныхъ слоевъ, образующихъ собою силюрійскую систему и расположенныхъ одинъ поверхъ другаго, 3) обзоръ изслѣдованныхъ каменоломенъ и обнаженій горныхъ породъ, съ указаніемъ окаменѣлостей въ каждой изъ нихъ порознь и 4) палеонтологическій. Послѣдній отдѣлъ, заключающій опредѣленія родовъ и видовъ органическихъ остатковъ, составляетъ главное основаніе всего этого труда, ибо органическіе остатки представляютъ единственный способъ для опредѣленія древности сихъ пластовъ и для сличенія и соглашенія ихъ съ пластами другихъ странъ. Опредѣленія эти вообще вѣрны; но если авторъ говоритъ на стр. 35: «Небольшія уклоненія въ наружномъ видѣ органическихъ остатковъ, которымъ я въ другихъ случаяхъ едва придалъ бы особенный вѣсъ, не рѣдко были для меня достаточными для того, чтобы убѣдиться въ разности видовъ двухъ тѣлъ; если оба были встрѣчены въ различномъ сообществѣ и въ разныхъ слояхъ, а притомъ во всемъ своемъ горизонтальномъ распространеніи неизмѣнно сохраняли относительные свои отличительные признаки

и т. д.», то по моему мнѣнію, распредѣленіе окаменѣлостей имѣло большое вліяніе на ихъ опредѣленіе и нѣкоторые изъ видовъ еще требуютъ точнѣйшаго изслѣдованія. Не осуждая этого образа дѣйствій такъ рѣзко, какъ иные естествоиспытатели, мы однако полагаемъ, что его можно извинить только тамъ, гдѣ пластованіе слоевъ приведено въ совершенную ясность, а этого, къ сожалѣнію, не вездѣ можно сказать объ Эстляндіи и Лифляндіи.

Результаты многолѣтнихъ, тщательныхъ геогностическихъ розысканій г. Шмидта собраны вмѣстѣ въ геогностической части этого труда. Изъ нихъ оказывается правильная послѣдовательность лежащихъ одинъ надъ другимъ пластовъ въ направленіи съ С. на Ю. и съ В. на З, такъ что въ направленіи отъ Карраль-Кунда или Малла на Финскомъ заливѣ до Оберъ-Палена самые древніе слои находятся на сѣверѣ, а самые верхніе на югѣ у послѣдняго изъ поименованныхъ здѣсь мѣстъ. Слѣдя за этими силюрійскими слоями въ указанномъ направленіи, мы достигнемъ наибольшаго ихъ возвышенія надъ моремъ въ окрестностяхъ Борнгольма и Клейнъ-Маріена, и можемъ прослѣдить наслоеніе верхнихъ пластовъ на древнѣйшихъ до высоты 400 футовъ надъ уровнемъ Балтійскаго моря. Въ этомъ согласны между собою всѣ доселѣ сдѣланныя наблюденія. Но далѣе говорится, что отъ Клейнъ-Маріена до Оберъ-Палена на протяженіи около 55 верстъ слои понижаются не только на 200 футовъ, т. е. до абсолютной высоты Оберъ-Палена, но и гораздо болѣе, — вѣроятно, на 300-400 футовъ, потому что уже верхніе, на нихъ расположенные, достигаютъ этой высоты. Если бы дѣйствительно существовало такое склоненіе, которое уже прежде принимали Шренкъ и другіе, то оно было бы, конечно, замѣчено кѣмъ-либо изъ многочисленныхъ наблюдателей въ какомъ-либо мѣстѣ на этомъ протяженіи, а этого доселѣ еще не воспослѣдовало. Г. Гукъ, о которомъ г. Шмидтъ говоритъ, что онъ въ короткихъ чертахъ столь превосходно набросалъ орографическо-геогностическую картину, что мы и

нынѣ, по прошествіи 12 лѣтъ, не можемъ составить ее лучше, принималъ паденіе слоевъ къ югу, составляющее около одного дюйма на сто футовъ; но и принимая за справедливое это, никакимъ наблюденіемъ не оправдываемое предположеніе, все таки не хватило бы еще футовъ около двухъ сотъ. А посему мы, основываясь на выше приведенныхъ причинахъ, а равно и на разныхъ палеонтологическихъ соображеніяхъ, не можемъ согласиться съ показанною г. Шмидтомъ послѣдовательностію и расположеніемъ слоевъ, начиная отъ Клейнъ-Маріена до Оберъ-Палена, и мы опасаемся, что здѣсь авторъ потому только предлагаетъ мнѣніе, не вполнѣ основанное на наблюденіяхъ, что не могъ отдѣлаться отъ однажды имъ принятаго предубѣжденія.

Но отличнѣйшая часть этого труда есть, беспорно, третья, представляющая обзоръ подвергнутыхъ наблюденіямъ каменоломенъ и обнаженій горныхъ породъ и исчисленіе окаменѣлостей по мѣсторожденіямъ ихъ. Эта глава, свидѣтельствуя о рачительности и настойчивости автора, который, кромѣ уже извѣстныхъ, приводитъ множество новооткрытыхъ имъ органическихъ остатковъ, дѣлаетъ его сочиненіе на всегда полезнымъ и необходимымъ. Если уже въ геогностическомъ отдѣлѣ обнаженіе на сѣверномъ и западномъ берегахъ Эстляндіи и Лифляндіи, начиная отъ Нарвы до Вердера, впервые точно были описаны, то познаніе отношеній внутри страны особенно приведено въ ясность этою третьею частью. Преимущественно же слѣдуетъ указать здѣсь на тѣ слои, которые г. Шмидтъ обозначилъ цифрами 2 и 3; открытіемъ и описаніемъ этихъ слоевъ, а равно органическихъ ихъ остатковъ, мы по большей части обязаны ему одному, такъ же какъ и означенныхъ подъ № 8, на островѣ Эзелѣ, гдѣ авторъ открылъ значительное число новыхъ окаменѣлостей, которыя, какъ именно остатки рыбъ верхней силюрійской системы, безъ него навѣрное были бы до сихъ поръ неизвѣстны.

РАЗБОРЪ

сочиненія

ПРОФЕССОРА ЗАБЛОЦКАГО,

подъ заглавіемъ:

РУКОВОДСТВО

къ

ИЗУЧЕНІЮ И ЛѢЧЕНІЮ СИФИЛИТИЧЕСКИХЪ БОЛѢЗНЕЙ.

1858 года марта 31 дня,

составленный

вице-президентомъ императорской медико-хирургической академіи, профессоромъ, докторомъ **Глѣбовымъ**.

Болѣзни сифилитическія суть самыя страшныя и самыя опустошительныя болѣзни, отъ которыхъ страдаетъ и гибнетъ человѣческій родъ. Нѣтъ страны въ свѣтѣ, гдѣ бы не свирѣпствовала эта язва. Азія, Африка и Америка попеременно были обвиняемы въ первоначальномъ происхожденіи столь губительнаго бича рода человѣческаго; но Европа, страна цивилизаціи, въ настоящее время едва ли не болѣе всѣхъ и сама терпитъ отъ нея и разноситъ ее въ даръ другимъ. Нѣтъ государства въ мірѣ, большаго и малаго, сильнаго и слабаго, которое не платило бы ей равно тяжкой дани. Нѣтъ сословія въ государствѣ, которое бы не приносило заслуженныхъ и невинныхъ жертвъ этому злому идолу, который пожираетъ ихъ безъ различія пола и возраста, темперамента и тѣлосложенія, званія и состоянія, и проч. Нѣтъ части въ тѣлѣ человѣка, которую бы щадила эта отвратительная болѣзнь: она поражаетъ всю кожу человѣческаго тѣла отъ ногъ до головы, то разрушая и изъязвляя ее, то испещряя многоразличнѣйшими формами накожныхъ сыпей, начиная съ малѣйшихъ поверхностныхъ пятнышекъ до огромнѣйшихъ струповъ проказенія, до безобразнѣйшихъ и разнообразнѣйшихъ наростовъ, бугровъ (tubercula) и отолстѣній, дающихъ нѣжной и тонкой кожѣ человѣка видъ кожи бегемота или слона (elephantisis) и нерѣдко обнажая ее отъ лучшаго ея естественнаго украшенія — волосъ (alopecia). Она поражаетъ мокротныя перепонки дѣтородныхъ органовъ, мочевыхъ, пищевыхъ, дыхательныхъ, и проч. Она поражаетъ клѣтчатую ткань,

составляющую основу каждаго органа въ частности и всего тѣла человѣческаго вообще. Она поражаетъ сухую жилу, мышицу, нервъ и самый мозгъ. Она поражаетъ надкостную плеву и оболочки мозга. Она изъѣдаетъ кость, истачиваетъ ее какъ червь, особенно кости носа и нёба, кости челюсти, глазницы и уха, кости черепа и конечностей и наконецъ всѣ безъ исключенія, и при этомъ обыкновенно терзаетъ человѣка жесточайшими болями въ глубокую полночь, — время, предназначенное ему для покоя и отдохновенія. Она отравляетъ кровь и портитъ всѣ соки тѣла человѣческаго. Она составляетъ одно изъ сильнѣйшихъ условій того искаженія и уродства красивѣйшихъ формъ человѣка, созданнаго по образу и подобію Божію, того разслабленія физическихъ способностей, того изнеможенія умственныхъ и нравственныхъ силъ, отличающихъ и возвышающихъ его предъ всѣмъ сотвореннымъ на землѣ, которыя замѣчаются у страждущихъ этими болѣзнями и которыя низводятъ его на степень низшихъ тварей и унижаютъ иногда до состоянія безсмысленнаго животнаго.

Онѣ тѣмъ ненавистнѣе для человѣка, что вносятъ зародышъ гибели въ существо его обыкновенно въ тотъ моментъ, когда онъ, повинуясь закону природы, удовлетворяетъ одну изъ сильнѣйшихъ потребностей своихъ, и отравляютъ то естественное наслаждение, которое сама натура связала съ выполненіемъ ея закона.

Онѣ становятся еще ненавистнѣе и опаснѣе, когда представимъ себѣ, что часто вкрадываются внутрь человѣка незамѣтно и непредвидѣнно для него, какъ ночной тать, — и прививаются непорочному младенцу отъ сосца больной кормилицы, честной кормилицѣ отъ устъ зараженнаго младенца, невинной акушеркѣ и акушеру отъ раждающей и страдающей этою болѣзнію женщины, и т. д.; а иногда онѣ достаются несчастнымъ въ удѣлъ по наслѣдству, и въ этомъ-то послѣднемъ случаѣ онѣ являются истиннымъ медицинскимъ протеемъ, который облекается во всевозможные роды формъ, принимаетъ на себя многоразличные виды разнообразнѣйшихъ болѣзней и метаморфо-

зируясь безконечно, часто обманываетъ самаго опытнаго и самаго проницательнаго врача, а чрезъ то ускользаетъ отъ настоящаго и прямаго противъ него дѣйствія, правильнаго и успѣшнаго лѣченія. Прибавимъ еще, что болѣзнь эта, входя въ тѣло и проникая въ организмъ явно или тайно, утверждается въ немъ такъ крѣпко, укореняется такъ глубоко, что изгнаніе ея изъ организма, радикальное лѣченіе встрѣчаетъ чрезвычайно упорное сопротивленіе; отъ того оно бываетъ всегда продолжительно, и все-таки невѣрно. И потому рецидивы въ этой болѣзни, послѣ того, какъ изцѣленіе отъ недуга казалось уже несомнѣнно полнымъ и совершеннымъ, составляютъ явленіе обыкновенное и, къ сожалѣнію, вовсе нерѣдкое. Силамъ же натуры предоставленная, эта болѣзнь совсѣмъ не излѣчивается. А между тѣмъ нѣтъ ни одной другой болѣзни, которой лѣченіе такъ сильно потрясало бы въ основахъ все существо организаціи человѣческой, такъ глубоко подкапывало бы благосостояніе здоровья его и такъ рѣзко сокращало бы долговѣчность жизни, какъ лѣченіе венерической болѣзни. Послѣ всего этого безъ преувеличенія можно сказать, что для человѣка нѣтъ другаго на свѣтѣ врага, который бы такъ губилъ родъ его, какъ болѣзнь сифилитическая. Медицинская статистика показываетъ, что число сифилитическихъ болѣзней ко всѣмъ прочимъ болѣзнямъ содержится какъ 1 : 6¾.

Одно это бѣглое и общее понятіе о значеніи сифилитическихъ болѣзней для человѣка достаточно показываетъ, какое благодѣяніе оказываетъ человѣку тотъ, кто дѣйствуетъ и трудится съ цѣлію противодѣйствовать этому ужасному злу. Такой трудъ, безъ сомнѣнія, составляетъ величайшую услугу человѣчеству и даетъ неоспоримое право на благодарность.

«Руководство къ изученію и лѣченію сифилитическихъ болѣзней», представленное г. профессоромъ Заблоцкимъ, составляетъ именно такого рода трудъ.

Но всякій ли подобный трудъ составляетъ заслугу для науки, и слѣдовательно всякій ли такой трудъ даетъ автору его

право на признательность со стороны сей послѣдней? Конечно, не всякій. Отсюда самымъ естественнымъ образомъ вытекаетъ вопросъ: разбираемый нами теперь трудъ профессора Заблоцкаго составляетъ ли заслугу для науки, и слѣдовательно заслуживаетъ ли со стороны ея признательность, а со стороны Академіи Наукъ вознагражденіе? Разсмотримъ.

Трудъ профессора Заблоцкаго составляетъ полную монографію сифилитическихъ болѣзней. Онъ слагается изъ короткаго предисловія и обширнаго трактата о болѣзни, состоящаго изъ 4 отдѣленій, подраздѣленныхъ на главы.

Въ предисловіи обозначается гибельность этихъ болѣзней для человѣчества вообще и указываются главнѣйшія мѣры противодѣйствія этому злу: именно «наука и самоотверженная дѣятельность врачей»; но въ то же время напоминается, какъ бѣдна литература наша сочиненіями о сифилитическихъ болѣзняхъ. Все это и заставило профессора предпринять настоящій его трудъ, имѣющій цѣлію «служить съ одной стороны указа«ніемъ научнаго лѣченія этого рода болѣзней и ихъ предотвра«щенія; а съ другой руководствомъ для учащихся медицинѣ» (стр. III); изъ этого ясно, что авторъ, трудясь, имѣлъ въ виду удовлетворить и нуждѣ человѣчества и требованіямъ науки (стр. IV). Но пройдемъ все его сочиненіе по отдѣленіямъ и главамъ и посмотримъ, на сколько онъ удовлетворилъ тому и другому.

Отдѣленіе первое. Глава I. *Историческія замѣчанія и общія понятія о сифилитическихъ болѣзняхъ.*

Въ этой главѣ авторъ разсматриваетъ слѣдующіе вопросы: 1) Что такое сифилитическія болѣзни? 2) Откуда онѣ взялись? 3) Въ чемъ заключается сифилитическій ядъ, его разности и способъ дѣйствія на тѣло? 4) Какъ раздѣляются сифилитическія болѣзни, и наконецъ 5) какъ онѣ распространяются въ тѣлѣ?

1) Что такое сифилитическія болѣзни (стр. 1)? Съ скромностію, свойственною безпритязательнымъ ученымъ, авторъ спокойно сознается, что точное опредѣленіе этихъ болѣзней дать трудно. Кому впрочемъ неизвѣстно, что опредѣленіе каждаго предмета всегда составляетъ труднѣйшую задачу. И потому, говоря строго, онъ представилъ не опредѣленіе, но короткое описаніе ихъ, дающее впрочемъ понятіе, рѣзко разграничивающее ихъ отъ другихъ болѣзней.

2) Относительно происхожденія сифилитическихъ болѣзней существуютъ три главныя мнѣнія:

a) «Одни полагаютъ, что сифилитическія болѣзни были «вовсе неизвѣстны до конца XV столѣтія, т. е. до того време«ни, когда появилась въ Европѣ ужасная эпидемія, причинив«шая столько ужаса и смерти въ южной и средней Европѣ въ «1494 году, и что эта эпидемія была началомъ сифилитиче«ской болѣзни, нынѣ извѣстной въ Европѣ».

b) «Другіе утверждаютъ, что болѣзнь эта въ Европѣ не «была извѣстна до конца XV столѣтія, когда она была пере«несена изъ Америки въ Европу, первоначально въ Испанію, а «потомъ въ Италію, возвратившимися изъ Америки въ 1493 «году спутниками Христофора Колумба».

c) «Иные наконецъ думаютъ, что сифилитическая болѣзнь «извѣстна была въ самой глубокой древности» (стр. 2).

Которое изъ этихъ мнѣній заслуживаетъ большаго вѣроятія, вопросъ этотъ разобранъ авторомъ (стр. 2—8) отчетливо и рѣшенъ вполнѣ удовлетворительно. Въ основаніе этого рѣшенія положены такія историческія данныя, которыми авторъ положительно доказываетъ, и въ читателѣ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно того, что сифилитическая болѣзнь не приплыла къ намъ изъ Америки съ Христофоромъ Колумбомъ, какъ большею частію думали, не пришла изъ Испаніи съ Маронитами, какъ многіе полагали, а напротивъ ее знали Римъ и Византія, Греція и Египетъ, что объ ней говорятъ Ювеналъ, Плиній и Цельсъ, что Моисей уже предписываетъ строгія пра-

вила противъ одержимыхъ этою болѣзнію, что она извѣстна съ незапамятныхъ временъ въ Индостанѣ и Китаѣ. Такимъ образомъ авторъ, вопреки обще распространенному мнѣнію, приводитъ читателя невольно къ убѣжденію, что болѣзнь эта существуетъ въ родѣ человѣческомъ не съ 1492 года, времени изгнанія несчастныхъ Маронитовъ или Евреевъ изъ Испаніи королемъ испанскимъ Фердинандомъ V-мъ Католикомъ, и не съ 1493 года, эпохи возвращенія Христофора Колумба изъ Америки, послѣ открытія ея, но что она вышла вмѣстѣ съ человѣкомъ изъ темнаго мѣстопребыванія, изъ мрака временъ доисторическихъ.

3) Въ чемъ заключается сифилитическій ядъ (стр. 9—11)? Съ незапамятныхъ временъ причиною сифилитическихъ принимали особенный ядъ (virus syphiliticum). Но физіологическая школа хотѣла отвергнуть заразительность венерической матеріи и полагала, что венерическія болѣзни происходятъ, подобно многимъ другимъ болѣзнямъ, только отъ раздраженія. Авторъ опровергаетъ это утвержденіе физіологической школы короткимъ, но самымъ рѣзкимъ и положительнымъ образомъ. Послѣ того онъ входитъ въ подробности изученія самаго яда сифилитическаго, опредѣляетъ моменты патологическаго сифилитическаго процесса, образующаго ядъ.

На основаніи этого опредѣленія онъ различаетъ *два рода яда:* шанкрозный и гонорейный, изъ коихъ первый собственно признаётъ за сифилитическій ядъ, возбуждающій весь рядъ симптомовъ общей венерической болѣзни, столь гибельной для человѣка. Далѣе описываетъ свойства этого яда, гнойной жидкости, которой малѣйшее количество достаточно для зараженія всего организма и изуродованія его самымъ страшнымъ и самымъ отвратительнымъ образомъ. Къ сожалѣнію, онъ не представляетъ ни химическаго состава, ни микроскопическаго образованія этого яда. Но этотъ недостатокъ не можетъ быть вмѣненъ автору: онъ принадлежитъ химіи вообще, равно какъ и микроскопіи.

Ядъ же гонорейный, хотя также заразителенъ, но не способенъ произвести общихъ сифилитическихъ явленій: гонорея есть болѣзнь мѣстная. Если же прививаніе гонорейной матеріи производитъ иногда шанкръ и развиваетъ припадки общей венеры, въ такомъ случаѣ при гонореѣ бываетъ и шанкръ, только скрытый, обыкновенно въ каналѣ. Чистая же гонорея не производитъ ни того, ни другаго. — И потому въ строгомъ смыслѣ сифилитическою болѣзнію, по мнѣнію автора, должно считать только шанкръ съ его послѣдствіями, но не гонорею.

Сифилитическій ядъ *входитъ въ тѣло* только въ формѣ шанкра, и по преимуществу шанкра затвердѣлаго. И если онъ не будетъ уничтоженъ въ началѣ, то влечетъ за собою общее зараженіе. Есть впрочемъ и другой способъ общаго зараженія: это наслѣдственность болѣзни. Первый моментъ зараженія есть мѣстный, который составляетъ первичную ея форму; послѣ того ядъ всасывается въ тѣло и, смотря по давности пребыванія его въ тѣлѣ (недѣли, мѣсяцы, годы и десятки лѣтъ), болѣзнь выражается вторичными или третичными припадками.

4) Основываясь на разномъ свойствѣ сифилитическаго яда, авторъ раздѣляетъ всѣ болѣзни сифилитическія на два главные класса (стр. 11 — 12):

А. Болѣзни мѣстныя, при коихъ никогда не вносится въ животную экономію общей заразы, и не образуется общей сифилитической болѣзни. Къ этому классу относятся гонорея и ея послѣдствія: воспаленіе яичка, arthritis blennorhoica, ophthalmia blennorhoica, и пр. Въ строгомъ смыслѣ, этихъ болѣзней авторъ и не признаетъ за сифилитическія.

В. «Другія болѣзни сифилитическія суть такого рода, что «онѣ вначалѣ бываютъ мѣстными, но потомъ чрезъ нѣкоторое «время, когда ядъ всосался, становятся общими болѣзнями; всѣ «эти болѣзни непремѣнно предполагаютъ специфичность яда.

«Этотъ послѣдній классъ подраздѣляется: *a*) на *первичныя* «сифилитическія болѣзни, куда относится шанкръ съ его ви- «дами; *b*) на *вторичныя:* сифилиды, слизистые бугорки, вторич-

«ныя сифилитическія язвы, и *c*) на *третичныя*: сифилитическое «воспаленіе надкостной плевы, экзостозы и проч.»

5) Наконецъ авторъ разбираетъ здѣсь способъ распространенія сифилитическихъ болѣзней, причемъ возбуждаетъ весьма интересный вопросъ: «можетъ ли сифилитическая болѣзнь раз«виться самопроизвольно у здороваго человѣка безъ предше«ствующей заразы?

На этотъ вопросъ (стр. 12 — 13) авторъ отвѣчаетъ утвердительно, именно: сифилитическая болѣзнь и именно гонорея можетъ развиться самопроизвольно въ томъ случаѣ, если женщина, или мужчина, а еще скорѣе, если оба при половыхъ сношеніяхъ держатъ органы нечисто, не обмываютъ ихъ.

Извѣстно, что слизистая оболочка половыхъ органовъ отдѣляетъ въ нормальномъ состояніи слизисто-жирную матерію; матерія эта у неопрятныхъ собирается между складками слизистой оболочки въ значительномъ количествѣ и долго оставаясь тамъ, дѣлается острою; а чрезъ то производитъ раздраженіе мокротной перепонки, къ которой прикасается, развиваетъ перелой или гонорею, иногда же образуетъ и экскоріаціи — поверхностныя язвинки на дѣтородныхъ частяхъ, но не болѣе, — а притомъ и это нечасто. Что же касается до шанкра, то доселѣ небыло еще положительныхъ наблюденій, которыя бы доказывали самопроизвольное образованіе его отъ таковой же причины. Напротивъ онъ образуется не иначе, какъ только отъ шанкра: 1) во время половаго сообщенія, 2) во время кормленья младенца больною кормилицею, 3) во время родовъ роженицею, больной сифилисомъ, шанкръ сообщается младенцу, акушеркѣ и акушеру, 4) общая сифилитическая болѣзнь можетъ сообщиться наслѣдственно; 5) отъ всосанія яда безъ всякаго мѣстнаго пораженія въ мѣстѣ всосанія.

При этомъ авторъ задаетъ опять чрезвычайно любопытный вопросъ: «можетъ ли у здороваго человѣка сифилитическая бо«лѣзнь развиться отъ поступленія венерическаго гноя въ же-

«лудокъ?» Въ этомъ отношеніи нѣтъ довольнаго для рѣшенія вопроса, числа наблюденій; но самому автору извѣстны два случая, «изъ которыхъ видно, что поступившій въ желудокъ «венерическій гной не произвелъ никакихъ болѣзненныхъ «припадковъ ни въ самыхъ внутренностяхъ, ни въ цѣломъ тѣлѣ» (стр. 13). Въ заключеніе этой главы авторъ предлагаетъ вопросъ: одинъ ли человѣческій родъ поражается этою болѣзнію (стр. 14)? Отвѣтъ на него даетъ отрицательный. Ветеринарами замѣчено, что нѣкоторые изъ припадковъ этой болѣзни развиваются у буйволовъ, лошадей, кроликовъ и собакъ; послѣ частаго совокупленія появляются иногда у нихъ слизетеченіе и язвы, которыя могутъ чрезъ актъ сообщенія половъ передаваться отъ больныхъ здоровымъ животнымъ. Гунтеръ, а за нимъ Турнъ-Буль, Брю, Кастельно, Кюллерье и Рикоръ пробовали, можетъ ли шанкръ человѣка привиться животнымъ: результатъ ихъ опытовъ былъ отрицательный. Но Озіасъ Тюрень, провѣривъ эти опыты, прививая гной, взятый изъ шанкра человѣка, собакамъ, кошкамъ, обезьянамъ, пришелъ въ противному убѣжденію, именно, что привитый шанкерный человѣческій гной не рѣдко у этихъ животныхъ образуетъ шанкръ, который даетъ гной, образующій новые шанкры, какъ у животныхъ, такъ и у человѣка; но замѣчательно, что эти послѣдніе шанкры не способны развить общую сифилитическую болѣзнь и что злокачественность и упорность этихъ шанкровъ, прививаемыхъ послѣдовательно животному съ каждымъ новымъ привитіемъ становятся слабѣе и слабѣе.

Вообще должно сказать, что главу эту въ сочиненіи автора не только врачъ прочтетъ съ особеннымъ интересомъ, но и каждый образованный человѣкъ съ любопытствомъ и даже съ пользой.

Глава II. *Перелой мужчинъ*, *гонорея* (Gonorrhoea, blenorrhagia, urethritis blenorrhoica) (стр. 15). Въ этой главѣ ав-

торъ прежде всего даетъ понятіе о томъ, что такое гонорея, т. е. опредѣляетъ болѣзнь. Потомъ раздѣляетъ ее на острую и хроническую, какъ это дѣлаютъ обыкновенно сифилографы. Но Профессоръ Заблоцкій, при этомъ дѣленіи, отступаетъ отъ обыкновеннаго взгляда на болѣзнь въ томъ отношеніи, что онъ острый перелой подраздѣляетъ на слабый и сильный. И это подраздѣленіе имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для болѣе точнаго опредѣленія числа симптомовъ того и другаго вида болѣзни, степени напряженія ихъ и обширности мѣста пораженія частей тѣла, такъ особенно относительно характера и силы назначаемаго лѣченія. Безъ этого подраздѣленія, какъ понятіе о свойствѣ болѣзни, такъ и о способѣ лѣченія ея не можетъ быть изложено отчетливо, напротивъ бываетъ сбивчиво, и особенно показанія къ практическому дѣйствію выходятъ слишкомъ общи, отвлеченны; а потому при выполненіи ихъ на дѣлѣ руководство не руководитъ врача, а оставляетъ собственному его благоусмотрѣнію. Такія руководства для опытныхъ не нужны, а для неопытныхъ безполезны. Руководство же Профессора Заблоцкаго этимъ способомъ изложенія избѣжало того и другаго недостатка. Потому что, принявъ это подраздѣленіе, онъ до того близко къ натурѣ обрисовываетъ всѣ оттѣнки болѣзни, что при помощи его руководства самый неопытный въ этой спеціальности врачъ не сдѣлаетъ ошибки, ибо онъ увидитъ въ этой книгѣ прямыя указанія на всѣ возможные случаи, гдѣ, какъ и чѣмъ ему дѣйствовать, и самый опытный врачь найдетъ въ его сочиненіи, чѣмъ воспользоваться.

Далѣе авторъ разсматриваетъ причины болѣзни: А. предрасполагающія и В. производящія. При этомъ онъ представляетъ такое статистическое показаніе, что изъ 100 случаевъ гонореи болѣзнь происходитъ отъ гонорейной заразы, въ 95. Откуда же гонорея происходитъ въ $^5/_{100}$ случаевъ? На это онъ отвѣчаетъ: 1) отъ сношенія съ женщиною, имѣющею *a*) бѣли (не всегда), *b*) мѣсячныя, *c*) родовыя очищенія, *d*) язвы рака я

другаго свойства, находящіяся на дѣтородныхъ губахъ, въ рукавѣ, даже маткѣ, *e*) шанкръ, если гной его попадетъ на слизистую оболочку, *f*) язвы вторичной сифилитической болѣзни; 2) отъ простуды (катарръ); 3) отъ любострастнаго злоупотребленія; 4) частаго введенія катетера, бужей и другихъ хирургическихъ инструментовъ въ мочевой каналъ; 5) отъ прохожденія по мочевому каналу мелкихъ камней, песку; 6) отъ введенія раздражающихъ жидкостей въ каналъ; 7) отъ употребленія внутрь шпанской мушки, Meloë majalis, и пр.; 8) по сочувствію многихъ болѣзней; 9) отъ переноса другихъ и пр. (стр. 20-22). Но не всегда, прибавляетъ авторъ, эти условія производятъ гонорею.

Послѣ этого авторъ спрашиваетъ: «можно ли отличать воспаленіе мочеваго канала, происшедшее отъ сношенія съ женщиною, страждущею гонореею, отъ того воспаленія, которое произошло отъ сношенія съ женщиною, имѣющею «бѣли или «только мѣсячныя очищенія, или наконецъ отъ такого, которое «произошло отъ какой либо другой изъ приведенныхъ причинъ»? «При настоящемъ состояніи врачебной науки вѣрныхъ признаковъ для отличія бленореи, полученной отъ больной женщины, отъ бленореи, зависящей отъ другой какой нибудь причины, нѣтъ. Но если въ признакахъ нѣтъ отличія, «то нѣтъ ли», спра«шиваетъ авторъ, «въ сущности этихъ болѣзней какого либо раз«личія?» Есть, отвѣчаетъ онъ: «истеченія изъ мочеваго канала, «произшедшее отъ сношенія съ женщиною во время ея регулъ «или съ такою, которая имѣетъ бѣли, или то истеченіе, кото«рое произошло отъ холода, или введенія какого-либо инструмен«та въ мочевой каналъ и пр., не заразительно. Съ другой сто«роны, истеченіе изъ мочеваго канала, полученное мужчиною «отъ женщины, одержимой настоящею бленореею, а не прос«тыми бѣлями, бываетъ упорно и всегда заразительно.»

Какъ же происходитъ гонорея отъ совокупленія съ женщиною, имѣющею бѣли или регулы? Въ нихъ есть иногда, отвѣчаетъ авторъ, острота, но, такъ сказать, невинная, которая

способна раздражить мокротную перепонку мочеваго канала мужчины до катарральнаго только состоянія, но такого, которое даетъ безвредное отдѣленіе для другихъ. Эта послѣдняя гонорея скорѣе и проходитъ, чѣмъ настоящая заразительная.

Зараза гонорейная замѣчательна тѣмъ, что она, сообщаясь здоровому естественнымъ или прививочнымъ способомъ, производитъ въ немъ перелой, но никогда шанкръ.

Бываютъ однако случаи, какъ авторъ говоритъ и другимъ извѣстно, что люди, не имѣвшіе въ свою жизнь другаго рода этой болѣзни, кромѣ гонореи, иногда представляютъ несомнѣнные признаки вкоренившейся всеобщей сифилитической болѣзни. По этому и раздѣляютъ гонорею на доброкачественную, простую (Gonorrhoea benigna s. simplex.) и злокачественную, сифилитическую (Gonorrhoea syphilitica). Какъ же отличить гонорею простую отъ гонореи силифитической, спрашиваетъ авторъ? Гонорею сифилитическую отъ простой можно отличить, по мнѣнію нѣкоторыхъ врачей, по слѣдующимъ признакамъ: 1) сифилитическая гонорея появляется послѣ сношенія съ зараженною женщиною; 2) такая гонорея обнаруживается спустя 5 или 6 дней послѣ послѣдняго совокупленія; 3) длится гораздо долѣе, чѣмъ простая. Но авторъ, по собственному опыту, признаетъ эти признаки нерѣшительными, недостаточными, неосновательными. Единственнымъ, напротивъ, средствомъ къ различію сифилитической гонореи отъ простой служитъ, по мнѣнію автора, согласно новѣйшимъ изслѣдованіямъ Рикора и Боме, присутствіе въ послѣдней шанкра, «если только мы въ состояніи», прибавляетъ осторожный въ критическихъ своихъ приговорахъ авторъ, «опредѣлить при гонореѣ «присутствіе въ мочевомъ каналѣ шанкра» (стр. 26.).

Но легко ли опредѣлить присутствіе шанкра при гонореѣ? Такъ какъ авторъ не оставляетъ ни одного сомнительнаго вопроса безъ критики, особенно такихъ вопросовъ, которые имѣютъ важное значеніе въ практическомъ отношеніи, то, предложивъ этотъ вопросъ, онъ разсматриваетъ и его со всевоз-

можныхъ сторонъ и отвѣчаетъ на него такъ: если шанкръ находится въ отверстіи мочеваго канала, то мы можемъ его видѣть и слѣдовательно узнать; но когда шанкръ находится глубже, тогда мы можемъ, говоритъ авторъ, «догадываться о его «присутствіи въ каналѣ по *боли*, сосредоточенной въ одномъ «какомъ нибудь мѣстѣ, и по *опухоли*, ощупываемой пальцами», только догадываться прибавляетъ, авторъ, но не болѣе. По этому онъ приводитъ способы и другихъ врачей къ открытію скрытаго шанкра и именно способъ *Ляню*, который предлагалъ брать отпечатки шанкра помощію мягкаго бужа (bougie emplastique), вводимаго въ мочевой каналъ; способъ Сегалля, который предложилъ употребленіе особеннаго маленькаго зеркальца (speculum urethrale); способъ Рикора, который совѣтуетъ для этого прививаніе перелойнаго гноя. Приведши эти способы, Профессоръ Заблоцкій разбираетъ ихъ критически и находитъ, что брать отпечатки помощію бужи, по причинѣ боли, причиняемой больному этою операціею, есть средство неудобоисполнимое и само по себѣ невѣрное; что же касается до зеркальца, то и его употреблять трудно, а употребивши, почти ничего нельзя имъ видѣть. Лучшимъ изъ этихъ трехъ способовъ авторъ признаетъ способъ Рикора,—прививаніе (inoculatio) гонорейнаго гноя, отъ котораго развивается шанкръ, если онъ при гонореѣ есть, и напротивъ не развивается, если его при ней нѣтъ. Казалось-бы, что вѣрнѣе этого способа? Такъ обыкновенно и думаютъ; но строгій и осмотрительный авторъ и этотъ способъ находитъ не вполнѣ надежнымъ. Прочитавъ его критику, нельзя не согласиться съ нимъ. Авторъ говоритъ, что «1) съ гноемъ шанкра отдѣляется «изъ мочеваго канала и матерія гонорейная, и на ланцетъ мо«жетъ попасть только эта послѣдняя: въ такомъ случаѣ приви«ваніе не покажетъ присутствія шанкра въ уретрѣ, хотя онъ и «есть тамъ; 2) шанкръ даетъ гной, прививающійся (заразитель«ный) не во всѣхъ своихъ періодахъ: по этому во время при«вивки гной можетъ попасть на ланцетъ дѣйствительно изъ «шанкра, но прививки не дастъ,» если т. е. гной этотъ будетъ

взять не изъ періода развитія его въ шанкрѣ. При этомъ не могу съ особеннымъ удовольствіемъ не остановиться надъ этою осмотрительностію автора, обладающаго особенною способностію всесторонне и глубоко анализировать каждую мысль, каждое положеніе, каждый вопросъ. Но замѣтить должно, что въ вопросахъ естественныхъ наукъ находчивость и острота сужденія безъ подробнаго и положительно-точнаго знанія невозможна. Это доступно только таланту и знанію, а слѣд. и труду вмѣстѣ, но не порознь.

Далѣе по порядку авторъ описываетъ исходы болѣзни, распознаваніе, патологическія измѣненія и мѣсто ея и предсказаніе, съ обычною ему отчетливостію.

Наконецъ излагаетъ лѣченіе перелоя. Это изложеніе особенно замѣчательно тѣмъ, что оно чрезвычайно подробно, а между тѣмъ, вездѣ строго раціонально, т. е. чрезвычайно практично, и въ тоже время научно, что составляетъ величайшую рѣдкость въ медицинскихъ практическихъ сочиненіяхъ.

У него каждый методъ лѣченія основанъ на показаніяхъ, взятыхъ изъ самаго состоянія какъ болѣзни, такъ и больнаго. Онъ не лѣчитъ форму болѣзни, или періодъ ея: онъ лѣчитъ напротивъ больнаго при данной формѣ болѣзни и въ данномъ періодѣ ея. Отъ того въ его изложеніи лѣченія все такъ естественно, что, пробѣгая какой бы то ни было методъ лѣченія перелоя, до того увлекаешься соотвѣтственностію свойствъ патологическаго процесса фармакологическаго дѣйствія этого метода, что и мысли не приходитъ въ голову о специфическихъ средствахъ, существующихъ для этихъ болѣзней и признанныхъ цѣлымъ свѣтомъ. У автора и специфическія лѣкарства также точно и вѣрно приложены къ своему мѣсту и времени, какъ и обыкновенныя лѣкарства, никогда не пользовавшіяся привилегіею специфичности. Каждому методу, имъ употребляемому при лѣченіи гонореи, и именно противувоспалительному, возбуждающему, раздражающему, вяжущему, укрѣпляющему, ука-

зано съ величайшею отчетностію свое мѣсто. Каждому лѣкарству въ частности, принадлежащему къ тому или другому методу, опредѣлено время и мѣсто употребленія съ такой подробностію и отчетностію, что самый неопытный врачъ при этомъ руководствѣ сдѣлать ошибки не можетъ и болѣзнь лѣчить будетъ правильно и вѣрно. Точно также ясно и раціонально назначено употребленіе каждаго лѣкарства, составляющаго возбуждающій методъ, гдѣ, кромѣ того, изъ однохарактерныхъ лѣкарствъ каждому дана оцѣнка относительно врачебнаго дѣйствія его, опредѣленная, по преимуществу собственнымъ опытомъ автора, пятнадцать лѣтъ завѣдывающаго сифилитическимъ отдѣленіемъ 2-го Военно-Сухопутнаго Госпиталя. Такимъ образомъ изъ всѣхъ возбуждающихъ противуперелойныхъ средствъ главную и первую роль играетъ у него копайскій бальзамъ, вторую — кубеба. Эти два средства, по его опытамъ, суть самыя дѣйствительныя. Другія же имѣютъ второстепенное значеніе, какъ скапидарное масло, перувіанскій бальзамъ, канадскій, толютанскій, и проч. Вяжущій способъ хотя и допускаетъ авторъ, но какъ гораздо менѣе полезный, чѣмъ возбуждающій. Раздражающій же методъ, или такъ называемый абортивный, авторомъ почти не допускается; а если и допускается, то съ величайшею и истинно-похвальною осторожностію по чрезвычайно уважительнымъ причинамъ, имъ изложеннымъ. Гораздо охотнѣе авторъ допускаетъ укрѣпляющій методъ, при своихъ показаніяхъ, хотя весьма ограниченный.

Вообще изложеніе лѣченія перелоя чрезвычайно наставительно для каждаго врача. Здѣсь онъ увидитъ, что самое осторожное, самое малое лѣченіе, но правильно разчитанное и вѣрно употребленное дѣйствуетъ вѣрнѣе, скорѣе и прочнѣе, чѣмъ самыя энергическія средства и притомъ общепринятыя, но не строго приспособленныя къ данному случаю. При всей воздержности отъ многаго лѣченія у автора вовсе нѣтъ односторонности въ лѣченіи, какъ это встрѣчается весьма не рѣдко. Такъ одни выхваляютъ для всѣхъ случаевъ бальзамическія средства,

и притомъ иногда въ сильныхъ пріемахъ; другіе рекомендуютъ почти исключительно однѣ впрыскиванія; третьи совѣтуютъ только однѣ прохлаждающія лѣкарства, и т. д. Онъ напротивъ приводитъ въ движеніе противъ гонореи, можно сказать, цѣлый арсеналъ лѣкарствъ, судя по числу употребляемыхъ имъ противъ этой болѣзни средствъ, и однако лѣчитъ мало, а дѣлаетъ много. Особенно важно указаніе автора какъ на причину упорности болѣзни при лѣченіи, на вліяніе здѣшняго климата сыраго и холоднаго. И потому лѣченіе перелоя онъ излагаетъ, и вообще и съ особенными указаніями, сообразно здѣшнему климату, что̀ составляетъ исключительную и чрезвычайно важную принадлежность его сочиненія.

Глава III. *Перелой у женщинъ* (*стр. 53*).

Перелой у женщинъ составляетъ болѣзнь часто гораздо сложнѣйшую, чѣмъ перелой у мужчинъ. Но, къ сожалѣнію, эта болѣзнь наукою гораздо меньше разъяснена, нежели перелой мужчинъ. Большая сложность этой болѣзни у женщины зависитъ отъ того, что она имѣетъ своимъ мѣстомъ, какъ наблюденія показали, не только мочевой каналъ, какъ у мужчинъ, но и другія женскія половыя части. Она можетъ быть въ одно и тоже время на всѣхъ этихъ частяхъ и отдѣльно въ каждомъ органѣ. Авторъ описываетъ: перелой наружныхъ половыхъ частей (blenorrhagia vulvae) (стр. 54), перелой маточнаго влагалища (blenorrhagia vaginalis) (стр. 55), перелой матки (blenorrhagia uteri) и перелой мочеваго канала (blenorrhagia urethralis) (стр. 57). Въ первыхъ трехъ видахъ, замѣчая различіе въ послойномъ пораженіи тканей, авторъ допускаетъ еще три вида: эритематозное, катарральное и флегмонозное; такъ при перелоѣ матки г. Заблоцкій наблюдалъ поверхностное воспаленіе (blenorrhoea erythematosa), воспаленіе всей толщи слизистой ткани матки (catarrhus) и воспаленіе самой паренхимы матки (blenorrhoea phlegmonosa). Такое дѣленіе въ практикѣ для

отличія всѣхъ оттѣнковъ болѣзни можно считать необходимымъ. Ибо болѣзненныя явленія въ нихъ различны, а на этомъ основывается и различіе самаго лѣченія.

Перелой у женщинъ также, какъ и мужчинъ, иногда, впрочемъ въ весьма рѣдкихъ только случаяхъ, развиваетъ впослѣдствіи общую сифилитическую болѣзнь. «Перелойная матерія «у женщинъ (стр. 59.), попадая на слизистую оболочку произ-«водитъ такую лишь болѣзнь, отъ которой сама происходитъ. «Если же матерія эта прививкою образуетъ шанкръ, то это «доказываетъ, что въ пораженномъ мѣстѣ, кромѣ перелоя, на-«ходится и шанкръ», точно такъ, какъ и у мужчинъ.

При опредѣленіи (стр. 60) болѣзни, авторъ совѣтуетъ не ограничиваться однимъ подробнымъ изслѣдованіемъ припадковъ и осмотромъ наружныхъ половыхъ частей; но совѣтуетъ еще, какъ необходимое средство, изслѣдованіе и внутреннихъ половыхъ органовъ при помощи влагалищнаго зеркала. Къ сожалѣнію, у насъ этотъ способъ изслѣдованія еще мало распространенъ. По этому авторъ въ настоящемъ сочиненіи обратилъ особенное вниманіе на это обстоятельство и описалъ съ особенною тщательностію и подробностію тѣ измѣненія, которыя врачъ можетъ встрѣтить въ этой болѣзни тогда, когда будетъ изслѣдовать женщину зеркаломъ, при чемъ изобразилъ самое зеркало и кресло, употребляемыя въ пособіе при изслѣдованіи этого рода (стр. 60 и 61). А что авторъ особенное свое вниманіе обратилъ на этотъ способъ изслѣдованія болѣзни при опредѣленіи ея, то это и потому еще важно, что при помощи его совершенно положительно опредѣляется не только мѣсто и степень болѣзни, но и, въ большей части случаевъ, присутствіе или отсутствіе шанкра при гонореѣ; а это имѣетъ существенное вліяніе на опредѣленіе правильнаго лѣченія, которое въ этомъ случаѣ особенно важно, потому, что болѣзнь венерическая, если будетъ лѣчима какъ простая, заразитъ и поразитъ все существо тѣла убійственнымъ образомъ, и наоборотъ, если простая болѣзнь будетъ лѣчима, какъ венерическая, то лѣченіе противу-

венерическое, напрасно употребленное, не многимъ чѣмъ будетъ менѣе вредно самой болѣзни для здоровья человѣка.

Лѣченіе у автора представлено соотвѣтственно описываемымъ имъ формамъ болѣзни и ихъ степенямъ. Здѣсь особенно хорошо изложено лѣченіе перелойнаго воспаленія матки (стр. 68) Авторъ, кажется, съ цѣлію обратилъ особенное вниманіе на такой важный предметъ, часто неправильно понимаемый врачами въ практикѣ. При лѣченіи этой болѣзни авторъ строго опредѣляетъ не только общій характеръ врачеванія сообразно характеру болѣзни, но и въ частности каждое средство, даже способъ употребленія его. Такъ острый перелой матки авторъ совѣтуетъ лѣчить кровопусканіями мѣстными и даже общими сообразно съ силами больной. Піявки женщинѣ совѣтуетъ ставить ad regionem sacro-bumbalem, но не къ пахамъ или ad anum, какъ прежде врачи дѣлали, по самой основательной, имъ указанной причинѣ. Далѣе онъ совѣтуетъ общія теплыя ванны, мягчительныя и мягчительно-наркотическія впрыскиванія въ маточный рукавъ и такія-же припарки къ нижней части живота. Съ этими средствами совѣтуетъ также и приличное гигіеническое противовоспалительное содержаніе.

Когда перелой матки будетъ хроническій, то здѣсь, по мнѣнію автора, рѣдко приноситъ пользу даже слабое противовоспалительное лѣченіе, но тутъ часто помогаетъ, по наблюденіямъ автора, прижиганіе, при помощи зеркала, шейки матки селитро-кислымъ серебромъ, или liquore Bellosti; изъ внутреннихъ средствъ полезны, въ умѣренныхъ пріемахъ, спорынья и aqua picea. Такъ какъ этою болѣзнію, большею частію бываютъ одержимы женщины слабыя и лимфатическія, то такимъ женщинамъ онъ совѣтуетъ употреблять возбуждающую и укрѣпляющую діету, деревенскій воздухъ, морскія купанья и желѣзныя средства. Кубебу и другія бальзамическія вещества, а равно и меркуріальное лѣченіе авторъ въ этой болѣзни находитъ совершенно безполезными.

Въ послѣднее время Рикоръ во Франціи и другіе совѣто-

вали, при перелойномъ состояніи матки, проникать въ полость этого органа не только крѣпкими впрыскиваніями, напр. растворомъ азотно-кислаго серебра, но даже и прижигать полость матки карандашемъ ляписа. Этотъ способъ лѣченія весьма основательно авторъ не одобряетъ и предостерегаетъ въ подобныхъ попыткахъ врачей, особенно молодыхъ; ибо отъ сильнаго раздраженія полости матки иногда дѣлается воспаленіе не только матки, но и брюшины, metro-peritonitis, болѣзнь чрезвычайно тяжелая и опасная.

Глава IV. *Болѣзни, могущія произойти отъ перелоя* (стр. 71). О болѣзняхъ, происходящихъ отъ перелоя, сифилографы въ своихъ сочиненіяхъ обыкновенно говорятъ поверхностно и какъ-бы уклоняются отъ подробнаго изслѣдованія этого предмета, быть можетъ, потому, что почти всѣ болѣзни, происходящія отъ перелоя, не суть настоящія сифилитическія. Такъ у лучшаго изъ современныхъ писателей и болѣе подробно писавшаго о сифилитическихъ болѣзняхъ Боме мы находимъ описаніе лишь четырехъ болѣзней. У Рикора этихъ болѣзней описано 8. Профессоръ Заблоцкій описываетъ 15 болѣзней, могущихъ произойти отъ перелоя и почти всѣ эти болѣзни описаны обстоятельно. Мы находимъ особенно подробно описанными въ этой главѣ, именно тѣ болѣзни, о которыхъ авторы, при описаніи, говорятъ или мало, или вовсе объ нихъ умалчиваютъ: таково *воспаленіе предстательной желѣзы* (стр. 73), *нарывы по направленію мочеваго канала и мочевые нарывы* (стр. 75) *невольное изверженіе сѣмени и безсиліе*, какъ послѣдствіе перелоя (стр. 77). Авторъ весьма хорошо описалъ происхожденіе и припадки этой болѣзни, и особенно подробно и ясно изложилъ хирургическій способъ лѣченія этой серьозной для мужчинъ болѣзни, большею частію чрезвычайно трудно лѣчимой терапевтическими лѣкарствами. Не смотря однако на это, нельзя не замѣтить автору того, что онъ твердыя нитеобразныя тѣла сѣмени называетъ по старому сѣменными животными, sper-

matozoa, инфузоріями, которыхъ теперь не признаютъ вовсе за животныхъ, а называютъ просто сѣменными нитями. *Неестественныя ощущенія въ мочевомъ каналѣ и потеря ощущенія* (стр. 84); *перелойное воспаленіе яичка* (стр. 85): эта болѣзнь разобрана авторомъ очень обширно и чрезвычайно обстоятельно и основательно, чего она и заслуживаетъ, въ 1-хъ потому, что она часто случается, во 2-хъ потому что бываетъ очень болѣзненна, а въ 3-хъ и потому, что если она не будетъ правильно излѣчена, то послѣдствія для мужчины бываютъ отъ того непріятныя, какъ показали изслѣдованія Госселена, а именно дѣлается зарощеніе (obliteratio) относящаго сосуда и за тѣмъ атрофія и вслѣдствіи этого мужеское безсиліе (impotentia virilis). *Перелойное воспаленіе сочлененій* (стр. 109).

Наконецъ въ этой же главѣ находится еще описаніе нарывовъ наружныхъ женскихъ дѣтородныхъ частей (abscessus vulvae), какъ слѣдствія перелоя у женщинъ (стр. 117). Г. Заблоцкій здѣсь описываетъ два рода нарывовъ: *флегмонозные* (abscessus phlegmonosus) *и фолликулозные* (abscessus folliculosus). Первые дѣйствительно случаются часто при перелоѣ, хотя они могутъ развиваться иногда и отъ другихъ причинъ (стр. 117), а послѣдніе образуются большею частію отъ неопрятности у жирныхъ и лимфатическихъ женщинъ (стр. 119). И потому эту послѣднюю болѣзнь авторъ описываетъ для поясненія предъидущей и для того, чтобы эта послѣдняя не была принята въ практикѣ за первую.

Отъ флегмонозныхъ нарывовъ на женскихъ половыхъ губахъ образуются нерѣдко свищи (фистулы), болѣзнь очень упорная. Эти свищи иногда проникаютъ въ полость маточнаго влагалища и въ прямую кишку. Г. Заблоцкій первый объяснилъ образованіе такихъ глубокихъ фистулъ или свищей анаточескимъ строеніемъ женскихъ половыхъ частей, и именно (стр. 118): 1) «рыхлостію клѣтчатой ткани пораженныхъ «частей; 2) тонкостію апоневротическихъ растяженій про«межности; 3) значительнымъ числомъ отверстій, находя-

«щихся въ этихъ перепонкахъ. Сравнивая поверхностное апо«невротическое растяженіе промежности мужчины и женщины, «легко убѣдиться въ удобности затековъ гноя изъ жен«скихъ половыхъ частей въ прямую кишку и въ трудности «этого обстоятельства у мужчинъ. Безъ этого анатомическаго «расположенія большая часть мочевыхъ фистулъ у мужчинъ «открывалась бы въ прямую кишку или около ея отверстія, «что въ практикѣ случается рѣдко».

Изложеніе, болѣе или менѣе подробное, этихъ неописанныхъ или мало описанныхъ болѣзней, какъ послѣдствій перелоя, дѣйствительно составляетъ заслугу для ученія о перелоѣ и достоинство разбираемаго сочиненія; но нельзя однако непожалѣть, что другія болѣзни, также какъ послѣдствія перелоя, авторъ описалъ очень коротко, такъ напр. съуженіе мочеваго канала (stricfura urethrae). Объ этой болѣзни, очень частой и важной, авторъ, къ сожалѣнію, ничего не говоритъ (стр. 85). Странно, что авторъ почти совсѣмъ выпустилъ ее изъ своего сочиненія на основаніи того, что описаніе ея вывело бы насъ, говоритъ онъ, далеко изъ предѣловъ настоящаго сочиненія. Правда, что она уже не принадлежитъ къ сифилитическимъ болѣзнямъ, однако происходитъ большею частію отъ перелоя; а эта глава и заключаетъ въ себѣ описаніе болѣзней, могущихъ произойти отъ перелоя. Впрочемъ о съуженіи мочеваго канала писано и много и подробно и дѣльно.

Не смотря однакожъ ни на что, глава глава эта составляетъ очень интересную часть сочиненія автора.

Глава V. *Перелой головки и крайней плоти (Balanitis)* (стр. 121). Эта, хотя легкая и не важная болѣзнь, описана авторомъ равно серьезно и научно, какъ и важныя.

Отдѣленіе второе. *Первичныя сифилитическія болѣзни.*
Глава 1. *Шанкръ или первичная сифилитическая язва.*

Шанкръ есть исходная точка, изъ которой развивается то ужасное зло, которое извѣстно подъ названіемъ сифилитической, венерической или любострастной болѣзни и которое страшнымъ образомъ искажаетъ натуру человѣка. По этому въ многочисленномъ рядѣ формъ сифилитической болѣзни шанкръ заслуживаетъ наиболѣе всѣхъ другихъ вниманія какъ врача, такъ и вообще врачебной науки. Въ слѣдствіи этого профессоръ Заблоцкій разобралъ эту болѣзнь съ большею подробностію и отчетливостію, достойными важности предмета.

Такъ, опредѣливъ коротко болѣзнь, онъ сперва указываетъ ясно двоякій образъ дѣйствія яда, производящаго ее: мѣстный и общій; потомъ показываетъ форму произведенія яда, т. е. форму язвъ; наконецъ раздѣляетъ эти послѣднія на первичныя, вторичныя и третичныя язвы (стр. 125).

Въ этой главѣ идетъ рѣчь только о первыхъ изъ нихъ, т. е. о первичныхъ язвахъ, называемыхъ шанкромъ. Говоря о шанкрѣ, онъ опредѣляетъ тѣ ткани тѣла, которыя поражаетъ шанкръ; сказавъ о причинѣ его коротко, ибо она всѣмъ извѣстна, какъ сифилитическій ядъ (virus syphiliticum), онъ разбираетъ форму яда, являющагося въ видѣ гноя и другихъ подобныхъ патологическихъ отдѣленій.

Такъ какъ сущности этого яда, говоритъ авторъ, не объясняютъ намъ ни химія, ни микроскопъ, то онъ старается сдѣлать его удобопонятнымъ изъ его дѣйствія, изъ свойствъ гноя, въ коемъ ядъ этотъ заключается. Для этого критически разбираетъ самыя свойства гноя, признаваемыя за несомнѣнные признаки присутствія въ немъ сифилитическаго яда. При этомъ разборѣ многіе изъ нихъ авторъ находитъ только случайными, а не существенными, какъ кислотное и щелочное свойство гноя, присутствіе большаго или меньшаго числа въ немъ шариковъ, присут-

ствіе микроскопическихъ животныхъ и проч. (стр. 126) и послѣ этого указываетъ уже вѣрные критеріи заразительнаго гноя (стр. 127).

За тѣмъ съ особеннымъ вниманіемъ, подробностію и опредѣлительностію излагаетъ условія, при которыхъ ядъ заражаетъ тѣло, (стр. 127 — 129), такъ что безъ этихъ условій зараженіе не происходитъ: опредѣляетъ мѣсто, гдѣ образуется въ тѣлѣ шанкръ (стр. 129 — 130); и говоритъ о числѣ шанкровъ у одного и того же больнаго за-разъ (стр. 130).

Далѣе изображаетъ шагъ за шагомъ всѣ фазы постепеннаго развитія шанкра, отъ перваго момента зачатія до совершеннаго образованія, равно какъ и разныя видоизмѣненія какъ зарожденія, такъ и дальнѣйшаго хода его до полной язвы; представляетъ общія черты самой язвы и различія ея, какъ по виду, такъ особенно по ходу дальнѣйшаго процесса самымъ осязательнымъ образомъ (стр. 130 — 133).

На основаніи всѣхъ этихъ разностей авторъ принимаетъ четыре вида шанкра: 1) шанкръ простой (ulcus syphiliticum simplex s. inflammatorium) (стр. 133), 2) шанкръ затвердѣлый, или Гунтеровскій, (u. syph. induratum s. Hunterianum), (стр. 133—134), 3) шанкръ фагаденическій (u. syph. phagadaenicum, разъѣдающій) (стр. 134 — 135), 4) шанкръ гангренозный (u. s. gangraenosum) съ омертвеніемъ пораженныхъ частей или съ антоновымъ огнемъ (стр. 136).

Каждаго вида шанкра представлено авторомъ особое описаніе; но во всѣхъ ихъ можно отличить, говоритъ авторъ, два періода, — періодъ увеличенія язвы и періодъ уменьшенія, заживленія или цикатризаціи. Эти два періода отличать въ высшей степени важно, потому что шанкръ въ первомъ періодѣ заразителенъ, а во второмъ теряетъ способность заражать и составляетъ шанкръ незаразительный (стр. 136). Продолжительность этихъ двухъ періодовъ не имѣетъ опредѣленныхъ границъ, особенно въ различныхъ видахъ шанкра, по причинѣ разныхъ условій, которыя вліяютъ на ходъ патологическаго

процесса язвы въ этихъ періодахъ, преимущественно въ послѣднемъ: отъ чего являются разности въ наружныхъ признакахъ самой язвы, что и дало поводъ къ образованію еще особыхъ видовъ шанкра, каковы ulcus syphiliticum serpiginosum ползучій шанкръ, ulcus syph fungosum s. vegetans грибовидный шанкръ, ulcus elevatum шанкръ высокій и т. д. (стр. 137). При этомъ авторъ упоминаетъ и объ осложненіяхъ шанкра и болѣе всего обращаетъ вниманіе на осложненіе съ бубономъ, которое въ самомъ дѣлѣ достойно вниманія какъ врача, такъ и всякаго человѣка (стр. 137).

Кромѣ того авторъ описываетъ виды шанкра по мѣсту нахожденія его въ тѣлѣ: скрытый шанкръ (ulcus larvatum), шанкръ въ мочевомъ каналѣ (ulcus syph. in urethra) (стр. 138), шанкръ у отверстія прямой кишки, шанкръ во рту (стр. 139), шанкръ на сосцахъ, на стѣнкахъ маточнаго рукава, на шейкѣ матки (стр. 140).

Излагая распознаваніе шанкра, авторъ входитъ во всевозможныя подробности, чтобы дать самый точный и вѣрный способъ отличить эту болѣзнь отъ другихъ для того, чтобъ не пропустить ни минуты времени понапрасну для скорѣйшаго противодѣйствія этому губительнѣйшему злу (стр. 140 — 143).

Предсказаніе и исходы болѣзни разобраны также очень обстоятельно, особенно первое (143 — 145). Не смотря на то, что авторъ каждую сторону этой болѣзни описываетъ, какъ изъ краткаго обзора этой главы видно, съ величайшею подробностію и строжайшею отчетливостію, однако лѣченіе, какъ важнѣйшую часть трактата о шанкрѣ, въ практическомъ отношеніи, авторъ разсматриваетъ подробнѣе другихъ моментовъ болѣзни. Онъ дѣлитъ лѣченіе на профилактическое, мѣстное и общее.

Въ предохранительномъ лѣченіи первое мѣсто авторъ предоставляетъ полицейско-медицинскому наблюденію за публичными женщинами, какъ относительно ихъ здоровья, такъ относительно ихъ опрятности вообще и чистоты содержанія половыхъ органовъ въ особенности. Въ частности предлагаетъ

каждому человѣку какъ спасительное средство отъ зараженія «обмываніе дѣтородныхъ органовъ прежде и послѣ акта «совокупленія слабымъ растворомъ азотно-кислаго серебра, «или растворомъ хлоровой извести, или известковою водою съ «небольшимъ количествомъ какой нибудь кислоты, которое въ «этомъ случаѣ можетъ быть весьма полезнымъ (стр. 145).» Сифилизацію т. е. послѣдовательную прививку шанкровъ одному и тому же человѣку, предложенную Озіасъ-Тюренемъ, который полагалъ, «что чѣмъ чаще будутъ прививаемы шан«кры, тѣмъ они дѣлаются слабѣе и наконецъ вовсе не при«виваются и что наконецъ минуетъ опасность общаго зара«женія (стр. 146)», какъ профилактическое средство, профессоръ Заблоцкій отвергаетъ и потому, что оно неудобоисполнимо, и потому, что даже вредно: особенно послѣднее совершенно справедливо.

Мѣстное лѣченіе авторъ излагаетъ столько-же различно, сколько онъ принимаетъ различныхъ видовъ и видоизмѣненій болѣзни.

Но въ самомъ началѣ шанкра, какого бы рода онъ ни былъ, авторъ предлагаетъ одинъ способъ лѣченія, абортивный, самый, можно положительно сказать, лучшій, потому что онъ есть самый короткій, а вмѣстѣ и самый вѣрный. Способъ этотъ состоитъ въ вырѣзываніи или прижиганіи шанкра. Первое не столь вѣрно, по наблюденію автора, какъ послѣднее, которое дѣлается различными ѣдкими средствами: kali caustico, butyro antimonii, различными кислотами, вѣнскимъ тѣстомъ и пр.; но всѣмъ имъ авторъ, по собственному опыту, предпочитаетъ азотно-кислое серебро, или ляписъ (стр. 146 и 148). При употребленіи этого способа авторъ излагаетъ правила, по видимому очень мелкія, но, въ практическомъ отношеніи, чрезвычайно полезныя, можно сказать, необходимыя для того, чтобъ средство имѣло вѣрный успѣхъ, отъ котораго зависятъ важныя послѣдствія: участь будущаго здоровья, даже самой жизни человѣка.

Къ сожалѣнію, «врачу рѣдко случается лѣчить шанкръ въ

«самомъ его началѣ, потому что больные большею частію тре-
«буютъ помощи врача уже тогда, когда прошло отъ начала
«болѣзни 8-10 дней и болѣе. Въ это время, говоритъ авторъ,
«абортивный способъ лѣченія не можетъ имѣть мѣста. Въ
«этомъ случаѣ мѣстное лѣченіе измѣняется: кромѣ заживленія
«язвы, здѣсь нужно еще стараться предотвратить компликаціи
«и общее зараженіе, а въ случаѣ ихъ появленія, нужно умѣть
«ихъ лѣчить» (стр. 147).

Послѣ этого онъ излагаетъ разныя лѣченія, соотвѣт-
ственно каждому виду и каждому видоизмѣненію шанкра
отдѣльно

Лѣченіе шанкра простаго есть самое простое, говоритъ
авторъ, почти исключительно противувоспалительное (стр. 147).

Лѣченіе шанкра затвердѣлаго по преимуществу специфи-
ческое, осложняемое тѣмъ или другимъ средствомъ по разно-
сти эминирующихъ симптомовъ, указанныхъ авторомъ съ боль-
шою подробностію (стр. 148). Кромѣ этого здѣсь авторъ при-
знаетъ непремѣнно нужнымъ и общее специфическое лѣченіе,
о которомъ говорено будетъ ниже.

Лѣченіе фагаденическаго шанкра авторъ признаетъ часто
самымъ труднымъ; оно измѣняется по разности какъ внут-
ренней компликаціи, напр. цынги, золотухи и пр., такъ и дру-
гихъ вліяній, какъ-то дурнаго состоянія пищеварительныхъ
органовъ, пребыванія въ тѣсныхъ, сырыхъ, малоосвѣжаемыхъ
жилищахъ, бѣдности, продолжительнаго дѣйствія угнетаю-
щихъ страстей, не надлежащаго употребленія меркуріальныхъ
средствъ и пр. и пр., условливающихъ фагаденическое свойство
шанкра (стр. 149). Указаніе этихъ условій фагаденическаго
свойства шанкра освѣтляетъ совершенно ясно врачу путь, ко-
торымъ онъ долженъ идти для уничтоженія болѣзни. Это ука-
заніе составляетъ чрезвычайную услугу, которую авторъ дѣ-
лаетъ больнымъ, врачамъ и даже ученію о лѣченіи сифилити-
ческой болѣзни.

Лѣченіе грангренознаго шанкра, по автору, производится на общихъ правилахъ лѣченія язвъ гангренозныхъ (148).

Лѣченіе каждаго видоизмѣненія шанкра изложено особо, смотря по натурѣ этихъ видоизмѣненій.

Общее лѣченіе составляетъ чрезвычайно важный вопросъ при лѣченіи первичныхъ сифилитическихъ язвъ (стр. 152), потому что правильное или неправильное лѣченіе сифилитической болѣзни въ этотъ моментъ рѣшаетъ, можно сказать, судьбу будущаго здоровья человѣка. Кто разъ испыталъ несчастіе общаго пораженія этою болѣзнію и полѣчится отъ нея, хотя бы и съ полнымъ успѣхомъ, того здоровье можно считать потрясеннымъ навсегда; удостовѣриться въ томъ легко отъ лѣченыхъ.

Вопросъ этотъ становится еще важнѣе отъ того, что относительно его врачи пришли въ настоящее время къ чрезвычайно рѣзкому разногласію между собою; это странно, потому что въ наукахъ разныя мнѣнія о вопросахъ съ теченіемъ времени обыкновенно сходятся, спорныя примиряются, а у насъ въ медицинѣ какъ-то вышло на-оборотъ. Такъ «большая часть врачей думаетъ теперь, что ртуть составляетъ здѣсь средство специфическое и необходимое при лѣченіи всякаго шанкра, безъ чего больной не можетъ быть избавленъ отъ общаго зараженія; другіе напротивъ, и этихъ меньшая часть, утверждаютъ, что всякій шанкръ можно вылѣчить, не подвергая больнаго опасности общаго зараженія, совершенно безъ ртутныхъ средствъ, одними простыми, антифлогистическими средствами; есть потомъ врачи, которые послѣдствія шанкра и развитіе большей части припадковъ общаго зараженія приписываютъ предварительному употребленію меркуріальныхъ препаратовъ» (стр. 152). Что жъ думаетъ профессоръ Заблоцкій объ этомъ важномъ и щекотливомъ вопросѣ? Какъ рѣшаетъ онъ его? И какъ дѣйствуетъ самъ? Онъ вполнѣ не принадлежитъ ни къ тому, ни къ другому мнѣнію, но и не эклектикъ. Онъ говоритъ: «истина однакожъ находится между

этими крайностями» (стр. 152). И потомъ опредѣлительно указываетъ, гдѣ должно быть меркуріальное лѣченіе и гдѣ не должно. Такъ «употребленіе ртути внутрь нельзя назвать всег-«да умѣстнымъ при лѣченіи *простыхъ шанкровъ*, ибо такіе «шанкры хорошо излѣчиваются и безъ этого средства и весьма «рѣдко влекутъ за собою послѣдовательную сифилитическую бо-«лѣзнь» (стр. 154). Но если они, хотя и весьма рѣдко, однако же иногда влекутъ за собою послѣдовательное сифилитическое зараженіе; то хорошо *ли*, слѣдовательно, не лѣчить ртутью простой шанкръ? У автора и на это есть положительный отвѣтъ: «при про-«стомъ шанкрѣ прибѣгаютъ къ меркуріальнымъ средствамъ лишь «тогда, когда станутъ обнаруживаться начала общаго заражe-«нія, наприм. когда начинаютъ отвердѣвать паховыя железы «и пр.» (стр. 154). Эта опухоль есть знакъ того, что ядъ начинаетъ поступать внутрь тѣла. Тогда и должно употреблять меркурій даже при простомъ шанкрѣ. Далѣе авторъ говоритъ: «внимательныя наблюденія показываютъ, что меркуріальныя «средства при *фагаденическомъ* шанкрѣ почти всегда ожесточа-«ютъ болѣзнь»; и подтверждаетъ это фактомъ — исторіею болѣзни, приведенной имъ, одной изъ многихъ, видѣнныхъ имъ самимъ (стр. 152 — 154).

«Наблюденія также показываютъ, что и при *гангренозномъ* «шанкрѣ нѣтъ никакой выгоды употреблять не только внутрь, «но даже и снаружи, мѣстно, меркуріальные препараты, ибо «въ большей части случаевъ болѣзнь отъ нихъ ожесточается».

«Напротивъ, если шанкръ сопровождается *затвердѣніемъ*, «употребленіе меркуріальныхъ средствъ становится необходи-«мостію. При лѣченіи этого рода скорѣе излѣчивается мѣстная «болѣзнь и гораздо вѣрнѣе человѣкъ избавляется отъ припад-«ковъ общаго зараженія, нежели при всякомъ другомъ лѣче-«ніи, и чѣмъ скорѣе такое лѣченіе будетъ назначено, тѣмъ «лучше. Меркуріальныя средства, если нѣтъ противопоказа-«ній, должно употреблять не только до тѣхъ поръ, пока

«затвердѣніе совершенно не изчезнетъ, но еще послѣ того нѣ-
«которое время».

Эти правила относительно лѣченія шанкра, изложенныя авторомъ, по моему убѣжденію, истинно достойны быть напечатанными золотыми буквами. Они не только указываютъ правильный способъ лѣченія шанкра, но и разрѣшаютъ тотъ споръ о леченіи шанкра ртутью или безъ ртути, который вели и ведутъ доселѣ съ такимъ ожесточеніемъ, съ такою несправедливою односторонностію и съ такимъ вредомъ для общаго дѣла двѣ противоположныя стороны.

Главу эту авторъ заключаетъ приведеніемъ особаго способа лѣченія первичныхъ сифилитическихъ язвъ гальванизмомъ, употребленнымъ въ С. Петербургѣ докторомъ Круселемъ мѣстно на язву. «По мнѣнію г. Круселя, гальванизмомъ, такимъ «образомъ направленнымъ, можно не только всегда скорѣе излѣ«чить шанкръ, но въ тоже время и навѣрное (?!!) избавить «человѣка отъ развитія припадковъ вкоренившейся (?!!) сифи«литической болѣзни, безъ употребленія другихъ средствъ» (стр. 155).

Но изъ опытовъ, дѣланныхъ, съ дозволенія начальства самимъ г. Круселемъ во 2 Военно-сухопутномъ Госпиталѣ, въ моихъ, говоритъ авторъ, палатахъ, вышли слѣдующіе результаты.

1) «Дѣйствительно, направляя гальванизмъ мѣстно на первич«ную сифилитическую язву, можно уничтожить шанкръ; но «нельзя сказать, чтобы всегда скорѣе, нежели другими, намъ «извѣстными средствами».

2) «Гальванизмъ нисколько не предотвращаетъ развитія у «человѣка припадковъ застарѣлой сифилитической болѣзни. У «нѣкоторыхъ больныхъ припадки эти развивались еще во вре«мя лѣченія ихъ г. Круселемъ, а у другихъ послѣ. Я пользо«валъ», говоритъ авторъ, «у себя въ госпиталѣ двухъ больныхъ, «которыхъ лѣчилъ г. Крусель и которые послѣ его лѣченія «прибыли съ застарѣлою сифилитическою болѣзнію».

3) «Вообще гальванизмъ при лѣченіи шанкровъ дѣйствуетъ «лишь мѣстно, какъ escharoticum».

Глава эта имѣетъ капитальное значеніе какъ относительно практическаго, такъ и научнаго значенія всего сочиненія г. профессора Заблоцкаго. Въ ней изображенъ духъ и направленіе, съ которымъ авторъ писалъ все это сочиненіе. Шанкръ есть основная болѣзнь для всѣхъ видовъ и видоизмѣненій сифилитическихъ болѣзней. Потому взглядъ на эту болѣзнь и выведенная изъ того метода лѣченія по необходимости отражаются на всемъ сочиненіи. Изъ краткаго обзора этой главы совершенно ясно, что авторъ при обсужденіи всѣхъ вопросовъ, относящихся къ этой болѣзни, слѣдовалъ критикѣ, основанной на началахъ науки, не отвлеченной, не философской, но науки опытной, наблюдательно-опытной, и лѣченіе его вытекло прямо, раціонально изъ законовъ физіологическихъ. По этому лѣченіе у него вышло вездѣ совершенно естественное, безъ всякихъ натяжекъ и затрудненій не только для него, неотступно, шагъ за шагомъ идущаго за патологическимъ процессомъ болѣзни, но оно облегчаетъ примиреніе спорящихъ о употребленіи и неупотребленіи ртути въ венерической болѣзни; оно даже уничтожаетъ поводъ къ спору не только защитниковъ и противниковъ меркуріальнаго лѣченія, но и всѣхъ другихъ послѣдователей абсолютно противорѣчивыхъ между собою методъ врачеванія.

Глава II. *О фимозѣ* (стр. 153) и Глава III. *О парафимозѣ* (стр. 171).

Болѣзни эти описаны у автора съ такою подробностію и отчетливостію, каковой у другихъ писателей не находимъ.

Фимозъ авторъ раздѣляетъ на врожденный и пріобрѣтенный, и послѣдній подраздѣляетъ на три вида: *a*) серозный (phymosis serosa), когда опухоль сопровождается отекомъ, *b*) воспалительный, когда опухоль сопровождается воспаленіемъ и

c) фимозъ органическій, когда крайняя плоть бываетъ измѣнена язвами и рубцами. Это дѣленіе совершенно новое и въ практическомъ отношеніи чрезвычайно полезное. Зная его, всякій практикъ тотчасъ найдется, какъ ему поступать въ данномъ случаѣ и не сдѣлаетъ ошибки въ лѣченіи. Лѣченіе фимоза, какъ терапевтическое, такъ и хирургическое, изложено полно и ясно. Всѣ операціи, дѣлаемыя въ этой болѣзни, изображены авторомъ на стр. 163, 164, 166, 167, 168 и 169 столь отчетливо и такъ наглядно, какъ никто изъ лучшихъ сифилографовъ доселѣ не сдѣлалъ. При этомъ авторъ изобразилъ и описалъ собственный, имъ самимъ изобрѣтенный способъ операціи отнятія крайней плоти (стр. 167 и 168).

Доселѣ лучшая операція отнятія крайней плоти производилась такъ, что сперва отрѣзывалась крайняя плоть, и потомъ для соединенія разрѣзанныхъ частей накладывались одинъ послѣ другаго четыре или пять швовъ иглами, или столько постепенно накладывалось серфиновъ. Черезъ это операція становилась довольно продолжительною и болѣзненною. Г. Заблоцкій, имѣя въ виду сокращеніе моментовъ операціи, изобрѣлъ инструментъ, изображенный на стр. 167, которымъ проводятся, помощію особеннаго механизма, разомъ всѣ швы; послѣ чего стоитъ только однимъ движеніемъ ножа (стр. 168) отнять крайнюю плоть, завязать швы и вся операція тѣмъ кончается. Чрезъ это операція и боль отъ нея значительно сокращаются. Такое упрощеніе операціи должно считать истинною услугою и для больныхъ и для оперативной хирургіи.

Въ статьѣ о лѣченіи парафимоза авторъ, кромѣ описанія, изобразилъ рисунками два употребительныхъ способа вправленія крайней плоти (стр. 173. 177).

Глава IV. *О бубонѣ* (Bubo, adenitis) (стр. 177). Сдѣлавъ опредѣленіе бубона, указавъ мѣсто образованія и ткань тѣла, поражаемую имъ, авторъ раздѣляетъ его на два рода, на бубонъ простой и специфическій, и послѣдній подраздѣляетъ на четыре

вида; а потому онъ описываетъ всѣхъ различныхъ видовъ бубона пять: 1) Простой бубонъ (adenitis simplex), состоящій въ простомъ воспаленіи лифматической паховой желѣзы, распространившемся на нее изъ мѣста сильно воспаленнаго шанкра или гонореи чрезъ посредство лифматическихъ сосудовъ; 2) специфическій бубонъ, или сифилитическій первичный (bubo specificus), развивающійся въ паху непремѣнно отъ шанкра и именно отъ первоначальнаго поступленія венерическаго яда въ сосѣднюю лифматическую желѣзу прежде, чѣмъ все тѣло заразится ядомъ; 3) неболящій бубонъ, или затвердѣлый (bubo induratus), развивающійся также въ паху подъ вліяніемъ уже общаго сифилитическаго зараженія и мѣстнаго раздраженія шанкра; 4) вторичный бубонъ, или бубонъ вкоренившейся сифилитической болѣзни, появляющійся при застарѣлой сифилитической болѣзни и обыкновенно не въ паху, а въ другихъ мѣстахъ тѣла, особенно на шеѣ (regio cervico-occipitalis); 5) бубонъ первоначальный (bubon d'emblée) (стр. 183), развивающійся безъ всякаго предварительнаго страданія дѣтородныхъ органовъ и безъ общаго сифилитическаго пораженія, а въ слѣдствіе предполагаемаго преходящаго мѣстнаго раздраженія дѣтородныхъ органовъ. Авторъ сомнѣвается въ существованіи такого бубона, а нѣкоторые писатели и вовсе не допускаютъ его.

Это дѣленіе бубоновъ автора есть новое, весьма естественное и чрезвычайно полезное для практики. Писатели западной Европы доселѣ дѣлили бубоны иначе. Ляньо напр. дѣлитъ ихъ на первоначальные и послѣдовательные. Вельпо на поверхностные и глубокіе, на сифилитическіе и простые, на бедренные и брюшные. Кюллерье на бубонъ флегмонозный, смѣшанный, затвердѣлый, открытый и закрытый. Видаль дѣлитъ на воспалительный и невоспалительный. Очевидно, что всѣ эти авторы принимаютъ за основаніе дѣленія то мѣсто болѣзни, то періоды развитія ея. Подобное же дѣленіе мы находимъ и у Валлера.

Г. Заблоцкій принялъ, какъ видно изъ подробнаго описа-

нія болѣзни, въ основаніе своего дѣленія сущность и свойство этой разнообразной болѣзни. Врачъ, встрѣчая тотъ или другой изъ упомянутыхъ четырехъ видовъ бубона, тотчасъ получаетъ ясную и опредѣленную мысль о средствахъ, нужныхъ къ излѣченію той или другой формы этой болѣзни. Дѣйствительно, прочитавши описаніе припадковъ каждаго изъ бубоновъ и припоминая то, что встрѣчаешь у постели больныхъ, убѣждаешься, что эти припадки рѣзко и существенно различны. Такъ бубонъ воспалительный ведетъ къ понятію, что тутъ одни противувоспалительныя фармацевтическія и гигіеническія средства могутъ помочь, и нечего опасаться у больнаго общаго зараженія. Бубонъ затвердѣлый показываетъ, что здѣсь дѣйствуетъ специфическій ядъ, что ядъ этотъ всосался и притомъ еще недавно, и что, слѣдовательно, такая болѣзнь требуетъ общаго специфическаго лѣченія настоящей сифилитической болѣзни. Бубонъ вторичный еще болѣе указываетъ на то, что тутъ дѣйствуетъ сифилитическій ядъ, и что онъ давно уже находится въ тѣлѣ и что слѣдовательно здѣсь еще необходимѣе общее лѣченіе противъ зараженія; г. Заблоцкій говоритъ (стр. 183), что онъ никогда не видалъ этихъ послѣднихъ бубоновъ переходящими въ нагноеніе, и что они лѣченію уступаютъ чрезвычайно упорно.

Въ распознаваніи бубоновъ (стр. 185) авторъ обращаетъ вниманіе на различіе ихъ между собою, и на отличіе ихъ отъ другихъ опухолей не-бубоновъ, встрѣчающихся въ паху. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ излагаетъ отличіе бубоновъ отъ паховой грыжи, отъ аневризмы подвздошной артеріи (arteria iliaco-femoralis), отъ конгестивнаго нарыва и отъ золотушныхъ опухолей.

Признаки этихъ болѣзней показаны ясно; видно, что авторъ очень хорошо знакомъ не только съ сифилитическими, но со всѣми хирургическими болѣзнями.

Лѣченіе бубоновъ раздѣлилъ авторъ на профилактическое, или предотвращающее, абортивное и радикальное. Касательно абортивнаго лѣченія авторъ говоритъ (стр. 187), что въ специ-

фическихъ бубонахъ нельзя предотвратить перехода въ нагноеніе, и что при воспалительномъ бубонѣ тоже не всегда предотвращается нагноеніе. Средства для абортивнаго лѣченія, въ нашемъ климатѣ, слѣдующія, по его опыту оказались полезными: покой, пьявки, слабительныя, прижатіе повязкою или теплымъ кирпичемъ и прикладываніе нарывнаго пластыря. При лѣченіи радикальномъ (стр. 190) авторъ отдаетъ преимущество прикладыванію нарывнаго пластыря на опухоль передъ другими способами,—способу, предложенному Вельпо. Это средство, говоритъ авторъ, у насъ полезнѣе способа Малоперта. «Мушка, «приложенная на бубонъ, говоритъ г. Заблоцкій, производитъ «одно изъ двухъ послѣдствій: или бубонъ скорѣе отъ нея разрѣшается, или онъ скорѣе переходитъ въ нагноеніе. Я этотъ «способъ, какъ въ госпиталѣ, такъ и въ городской практикѣ, «употребляю очень часто и не помню отъ него дурныхъ послѣдствій. Мушка ставится обыкновенно летучая; когда язва «послѣ нея поджила и опухоль не совсѣмъ разрѣшилась, тогда «ставится еще другая и даже третья. Въ промежуткахъ мушекъ можно прикладывать на опухоль мягчительную припарку или масло» (стр. 190).

Бубонъ, перешедшій въ нагноеніе (стр. 191), авторъ совѣтуетъ вскрывать или бистури или ѣдкимъ кали. Когда бубонъ превращается въ сифилитическую язву, тогда авторъ совѣтуетъ ее лѣчить точно такъ, какъ шанкръ (стр. 192).

Для скорѣйшаго заживленія вскрытаго бубона авторъ совѣтуетъ употреблять хлористые растворы, или еще лучше смазывать крѣпкимъ растворомъ азотно-кислаго свинца (nitras plumbi). О приложеніи этого послѣдняго средства къ лѣченію бубоновъ никто изъ западныхъ авторовъ не упоминаетъ, между тѣмъ какъ это одно изъ полезнѣйшихъ въ этомъ случаѣ средствъ, въ чемъ можно постоянно убѣдиться въ нашемъ Военно-Сухопутномъ Госпиталѣ.

Въ концѣ главы о бубонахъ (стр. 193) авторъ говоритъ о лѣченіи нѣкоторыхъ особенностей, развивающихся при

бубонахъ; мы должны преимущественно обратить вниманіе на осложненіе бубоновъ золотухою, скорбутомъ и госпитальнымъ антоновымъ огнемъ. О первыхъ изъ этихъ двухъ компликацій новѣйшіе сифилографы обыкновенно мало говорятъ, вѣроятно потому, что они у нихъ рѣдки или очень слабы.

Если вскрывшійся бубонъ будетъ осложненъ скорбутомъ, что случается часто въ госпиталяхъ въ Петербургѣ, то язву, содержа опрятно, нужно перевязывать возбуждающими средствами: vino aromatico, aqua haemostatica, infuso aromatico, и проч.

Если, при этомъ, язва еще и кровоточитъ, то употребляется для примочки: Vinum aromaticum cum aceto aromatico. При всемъ этомъ должно употреблять и общее противускорбутное лѣченіе.

У людей золотушныхъ бубонъ, не смотря на свое происхожденіе, иногда очень долго не разрѣшается и увеличивается значительно въ объемѣ. Въ такомъ случаѣ къ средствамъ, употребляемымъ обыкновенно противъ бубона, слѣдуетъ прибавить еще средства противузолотушныя: хину, генціану, квассію, хмѣль, препараты іода, oleum iecoris aselli и пр., морскія и щелочныя ванны, разрѣшающія мази изъ іодистаго свинца.

При осложненіи бубона госпитальнымъ антоновымъ огнемъ авторъ, описывая различныя средства, говоритъ, что больше всего онъ видѣлъ пользы отъ смазыванія язвы крѣпкимъ растворомъ азотно-кислаго свинца (nitras plumbi).

Замѣчанія автора практическія, разсѣянныя въ этой главѣ, какъ результатъ его собственныхъ наблюденій, въ примѣненіи къ климату и мѣстности Петербургской, драгоцѣнны и для болѣе точнаго пониманія натуры болѣзни, и особенно для правильнаго, а отъ того и успѣшнаго лѣченія.

Глава V. *Воспаленіе лифматическихъ сосудовъ* (lymphatitis) (стр. 195). Болѣзнь рѣдкая и очень близкая, по существу болѣзни и по ткани тѣла, къ бубону. Но здѣсь не всѣ тѣ сред-

ства полезны, какія при бубонѣ. По этому авторъ очень хорошо поступилъ, что хотя коротко, но описалъ ее отдѣльно отъ бубона.

Отдѣленіе третье. *Вторичныя сифилитическія болѣзни* (стр. 197). Въ третьемъ отдѣленіи авторъ описываетъ вторичныя сифилитическія болѣзни, которыя развиваются тогда, когда сифилитическій ядъ разнеся по всей животной экономіи человѣка.

Глава I. *Общія понятія о вторичныхъ сифилитическихъ явленіяхъ* (стр. 195).

Эта глава заключаетъ въ себѣ чрезвычайно интересныя, а нѣкоторыя и совершенно новыя понятія объ этихъ недугахъ.

Авторъ говоритъ, что сифилитическій ядъ, поражая организмъ, не только измѣняетъ его въ матеріальномъ отношеніи, но нерѣдко дѣйствуетъ и на нравственную сторону человѣка.

Наблюдая рядъ сифилитическихъ явленій, мы замѣчаемъ, продолжаетъ авторъ, что ядъ сифилитическій, всосавшись, поражаетъ ткани почти послойно, начиная съ поверхности тѣла и проникая въ глубь. — Всѣ эти припадки появляются не только въ извѣстной постепенности относительно мѣста, но даже и въ довольно опредѣленные періоды относительно времени, если только этотъ порядокъ не нарушается лѣченіемъ. Авторъ принимаетъ за законъ, «что никогда не проходитъ болѣе шести «мѣсяцевъ, чтобы не появились явные признаки общаго зара«женія, но въ большей части случаевъ признаки общаго зара«женія начинаютъ обнаруживаться на второй или на третій «мѣсяцъ послѣ мѣстнаго пораженія» (стр. 189).

Сифилографы обыкновенно описывали въ числѣ вторичныхъ явленій только сифилитическія сыпи, пораженія слизистыхъ оболочекъ и пораженія клѣтчатой ткани, т. е. тѣ явленія, которыя возникаютъ обыкновенно уже спустя довольно значительное время послѣ шанкра и которыя очень ясны для всякаго. Автору, при внимательномъ наблюденіи множества боль-

ныхъ, удалось открыть еще рядъ явленій, доселѣ сифилографами не описанныхъ, но существующихъ дѣйствительно въ больной натурѣ, которыя можно найти у всякаго человѣка, имѣвшаго шанкръ, но отъ него хорошо неизлѣченнаго, прежде нежели поразится кожа или слизистая оболочка. Явленія эти, по мнѣнію г. Заблоцкаго, суть вѣрные признаки того, что у человѣка, повидимому, совершенно здороваго скоро настанетъ рядъ сифилитическихъ явленій очевидныхъ; у него начнетъ страдать кожа, слизистая оболочка, кости и др.

Явленія эти или припадки г. Заблоцкій называетъ предвѣстниками, или продромами общей сифилитической болѣзни. (стр. 198). Авторъ описываетъ ихъ очень обстоятельно и ясно. Мы ихъ здѣсь только вычислимъ: *тяжесть головы и головныя ночныя боли* (стр. 199), *боли подлѣ сочлененій* или *въ заднихъ частяхъ шеи, похожія на ревматическія*; *опухоль заднихъ шейныхъ железъ; выпаденіе волосъ* (стр. 200); *шумъ въ шейныхъ сосудахъ* и *въ сердцѣ*. (стр. 201). Эти признаки, по наблюденіямъ автора, предвѣщаютъ вѣрное и скорое развитіе вторичныхъ явленій на кожѣ или на слизистой оболочкѣ.

Правда, Рикоръ говоритъ уже объ опухоли шейныхъ железъ у людей, одержимыхъ сифилитическимъ діатезомъ; Піорри о шумѣ въ шейныхъ сосудахъ у людей долго страдавшихъ сифилисомъ; нѣкоторые упоминали о выпаденіи волосъ при сильномъ пораженіи кожи: но никто изъ писателей не привелъ въ ясность этихъ припадковъ, не оцѣнилъ ихъ, не подмѣтилъ того, что они появляются очень рано въ слѣдъ за шанкромъ у сифилитиковъ и при томъ вмѣстѣ, и наконецъ, доселѣ никто не далъ имъ этого важнаго симптоматическаго значенія. Дѣйствительно, когда эти припадки уже оцѣнены, теперь ихъ мы легко найдемъ почти у всякаго сифилитическаго больнаго. Авторъ, однакожъ, «заключаетъ, что ни одинъ изъ этихъ припадковъ, «взятый отдѣльно, не составляетъ вѣрнаго признака общаго за«раженія, только въ совокупности всѣ, или почти всѣ, они слу«жатъ несомнѣннымъ признакомъ происшедшаго уже общаго

«зараженія, и того, что скоро появится сифилитическая сыпь «на кожѣ. У одного и того же больнаго они не всегда бываютъ со«единены всѣ вмѣстѣ; иногда нѣкоторыхъ изъ нихъ не бываетъ, «а иногда нѣкоторые изъ нихъ столь мало бываютъ развиты, «что остаются для наблюдателя незамѣтными. Вопросъ: чѣмъ «объяснить эту разницу, натурою ли припадковъ, темперамен«томъ, или идіосинкразіею больнаго, еще не рѣшенъ. Даже са«мый вѣрный изъ этихъ признаковъ, опухоль шейныхъ же«лѣзъ, не есть всегда признакъ патогномоническій; въ нѣкото«рыхъ, рѣдкихъ впрочемъ случаяхъ онъ не бываетъ, а потомъ «у людей послѣ 40-лѣтняго возраста я его не встрѣчалъ. Долѣе «всѣхъ изъ этихъ припадковъ остается опухоль шейныхъ же«лѣзъ: иногда она остается годъ, два и даже три года, и по«ка опухоль ихъ остается, никогда нельзя дѣлать счастливаго «предсказанія; но разъ изчезнувши она, кажется, никогда бо«лѣе не возвращается» (стр. 201, 202). Этотъ выводъ автора чисто-опытный и потому особенно важенъ для практика. Врачи, не зная этихъ скрытныхъ явленій сифилитическаго зараженія, часто ошибаются и объявляютъ больныхъ совершенно вылѣченными; а потому у такихъ мнимовылѣченныхъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ или только мѣсяцевъ, обнаруживается общая, глубоко вкоренившаяся сифилитическая болѣзнь. Изъ этого само собою ясно, какое важное значеніе имѣютъ въ практическомъ отношеніи эти, вновь подмѣченные авторомъ симптомы.

Послѣ этого авторъ переходитъ къ одному изъ интереснѣйшихъ, не только въ научномъ, но и въ обще-житейскомъ отношеніи, вопросу: прививаются ли вторичные припадки сифилитической болѣзни? (стр. 202) или иначе сказать: вторичныя венерическія болѣзни заразительны ли?

Вопросъ о заразительности или прилипчивости общей сифилитической болѣзни, доселѣ въ наукѣ есть спорный. Г. Заблоцкій, на основаніи собственныхъ наблюденій и опытовъ, говоритъ, что онъ убѣжденъ въ заразительности только нѣкоторыхъ видовъ общей сифилитической болѣзни, напр. слизи-

стыхъ бугорковъ, венерическихъ наростовъ или кондиломовъ, и разсказываетъ на стр. 202 и 203 любопытныя и поучительныя этого рода наблюденія.

Въ послѣдніе годы сифилографы много спорили о прививкѣ сифилитической эктимы (ecthyma syphiliticum). Видаль, Казенавъ, Валлеръ и другіе утверждали, что этотъ прыщъ прививается. Г. Заблоцкій, подобно Рикору, результатами своихъ наблюденій отвергаетъ возможность прививки этой сифилитической сыпи.

На стр. 203 авторомъ приведены результаты изслѣдованія крови у сифилитиковъ, полученные Грасси, изъ которыхъ видно, что въ крови у людей, одержимыхъ общею сифилитическою болѣзнію, шариковъ меньше, а бѣлка больше противъ нормальнаго.

Въ концѣ этой главы авторъ спрашиваетъ: «Можно ли имѣть «нѣсколько разъ въ жизни шанкръ и общую сифилитическую бо«лѣзнь»? Шанкръ затвердѣлый можно имѣть человѣку въ жизни только одинъ разъ; простой шанкръ напротивъ онъ можетъ имѣть нѣсколько разъ въ жизни; общая же сифилитическая болѣзнь у человѣка можетъ быть, говоритъ г. Заблоцкій «кажется, толь«ко одинъ разъ въ жизни.—Правда, у одного и того же чело«вѣка появляются по временамъ то тѣ, то другіе признаки об«щей сифилитической болѣзни; но всѣ эти проявленія суть лишь «проявленія заразы, однажды полученной и не уничтоженной «надлежащимъ лѣченіемъ. Я не видалъ ни разу такого случая, «гдѣ бы у одного и того же больнаго была на прим. эктима си«филитическая и прошла, а потомъ, чрезъ нѣсколько времени, «опять развилась таже самая форма сыпи; обыкновенно послѣ «эктимы, позже, развивается сыпь болѣе упорная и глубокая» (стр. 204).

Хотя пятнадцати-лѣтнія наблюденія автора, какъ чрезвычайно аккуратнаго и строгаго наблюдателя, безъ сомнѣнія, весьма уважительны и невольно внушаютъ къ нему довѣріе, не могу однакожъ не выразить моего сомнѣнія относительно того, что

общее сифилитическое зараженіе возможно только одинъ разъ въ жизни: по крайней мѣрѣ до рѣшенія этого вопроса дальнѣйшими наблюденіями я пребуду недовѣрчивъ къ этому положенію автора.

Глава II. *Сифилиды, или сифилитическія сыпи* (Syphilides s. eruptiones syphiliticae) (стр. 205). Сифилиды, или сифилитическія сыпи, часто составляютъ для врачей практиковъ камень преткновенія, и нерѣдко случается, что сифилитическая сыпь принимается за простую и наоборотъ. Этотъ предметъ давно требовалъ дѣльной и опредѣлительной разработки, особенно у насъ, гдѣ такъ часто къ разнымъ хроническимъ сыпямъ присоединяется осложненіе цынгою, золотухою и другими худосочіями. Въ порядкѣ описанія сифилитическихъ сыпей авторъ придерживается дѣленія Казенава; но самое описаніе сдѣлано г. Заблоцкимъ ближе къ натурѣ, по крайней мѣрѣ къ нашей Петербургской, и во многомъ отличается въ подробностяхъ, указанныхъ другими писателями.

Авторъ сдѣлалъ весьма интересное замѣчаніе относительно того, что сыпи сифилитическія являются на кожѣ не случайно, не безъ разбора и порядка, а напротивъ слѣдуютъ, въ развитіи своемъ, закону преемственности, начиная съ самыхъ поверхностныхъ и доходя до самыхъ глубокихъ пораженій кожи, отъ пятенъ переходя къ папуламъ, пузырькамъ, пузырямъ, отъ сихъ къ прыщамъ, чешуямъ и наконецъ къ бугоркамъ.

Г. Заблоцкій и въ этомъ отдѣлѣ обратилъ особенное вниманіе на цынготную сложность сифилитическихъ сыпей, столь частную у насъ на сѣверѣ, столь тяжелую и столь опасную, тогда какъ иностранные сифилографы, даже самые ученые, вовсе умалчиваютъ объ ней.

Въ новѣйшее время многіе изъ сифилографовъ стали отвергать самостоятельность чешуйчатыхъ сифилидовъ, считая ихъ за исходъ другихъ сыпныхъ формъ. Авторъ, по нашему мнѣнію, весьма основательно (стр. 221) возстаетъ противъ такого мнѣнія, и допускаетъ ихъ самостоятельность; а происхожденіе ихъ

объясняетъ, съ одной стороны, измѣненіемъ процесса отдѣленія красящаго вещества, съ другой же измѣненіемъ процесса образованія кожицы (epidermis). Въ числѣ чешуйчатыхъ сифилидовъ г. Заблоцкій помѣщаетъ три формы сыпи: сифилитическую лепру, сифилитическій псоріасъ (Psoriasis syphilitica) и чешуйчатый роговой сифилидъ, встрѣчающійся исключительно на подошвахъ и ладоняхъ людей взрослыхъ. Существованіе этой послѣдней формы нѣкоторые, даже изъ новѣйшихъ, отвергали, напр: Валлеръ. Но она дѣйствительно встрѣчается, по крайней мѣрѣ въ нашемъ климатѣ, и отличается сильною своею упорностію.

Одна изъ упорнѣйшихъ и разрушительныхъ сыпей, туберкулозный сифилидъ описанъ (стр. 224) также очень хорошо и отличенъ рѣзко отъ другихъ сыпныхъ формъ: съ такой ясностью доселѣ никто изъ сифилографовъ не сдѣлалъ этого; отъ того и въ сочиненіяхъ и въ практикѣ врачи смѣшивали эту сыпь съ другими туберкулозными сыпями не сифилитическаго свойства. Г. Заблоцкій раздѣлялъ этотъ сифилидъ на разсѣянный, въ группахъ, на прободающій и серпигинозный, и считаетъ его вообще за переходную форму отъ вторичныхъ къ третичнымъ явленіямъ болѣзни, на томъ основаніи, что эта сыпь у человѣка развивается позже всѣхъ другихъ формъ вторичныхъ. Это одинъ изъ непріязненнѣйшихъ видовъ сифилида, потому что онъ всего чаще помѣщается на лицѣ и глубже и сильнѣе всего обезображиваетъ ликъ и подобіе человѣка.

Главу о сифилидахъ авторъ оканчиваетъ статьею о выпаденіи волосъ на головѣ и другихъ мѣстахъ, зависящемъ отъ сифилитическаго зараженія (стр. 229). Въ этой статьѣ онъ объясняетъ, что когда выпаденіе волосъ дѣйствительно зависитъ отъ сифилитической причины, то для остановленія этого выпаденія ртуть не только не вредитъ, но, напротивъ, сильно помогаетъ. Это весьма замѣчательно, потому что выпаденіе волосъ бываетъ обыкновенно въ слѣдствіе сильныхъ ослабленій организма; ртуть же принадлежитъ къ средствамъ, сильно

ослабляющимъ его. Авторъ впрочемъ совѣтуетъ послѣ ртути употреблять еще укрѣпляющія средства и въ особенности желѣзо.

Глава III. (стр. 203). *Общее или специфическое лѣченіе сифилитическихъ болѣзней.*

Въ этой главѣ авторъ разбираетъ критически и оцѣниваетъ, по началамъ науки и на основаніи опыта, вопросы великой важности въ ученіи о сифилитическихъ болѣзняхъ: именно, онъ изслѣдуетъ способы, бывшіе и существующіе для лѣченія этихъ болѣзней. Если пересмотрѣть сочиненія объ этомъ предметѣ, то легко убѣдиться, что для радикальнаго излѣченія сифилитической болѣзни совѣтовали въ разное время чуть не всѣ, по крайней мѣрѣ, большую часть извѣстныхъ намъ врачебныхъ средствъ, и хотя многія изъ нихъ дѣйствительно помогаютъ, но многія и вовсе безполезны или даже вредны. Главнѣйшая задача современной науки касательно лѣченія венерической болѣзни состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить: какое изъ предложенныхъ противъ сифилитической болѣзни средствъ дѣйствительнѣе и въ какомъ именно случаѣ, или въ какой формѣ сифилитическаго недуга?

Нынѣ всѣ лучшіе сифилографы согласны въ томъ, что противъ сифилитическихъ вторичныхъ формъ ртуть есть лучшее и надежнѣйшее средство, а противъ третичныхъ болѣе вѣрное средство іодистый потассій (стр. 203).

Профессоръ Заблоцкій держится того же мнѣнія (стр. 230). Но какіе изъ меркуріальныхъ препаратовъ оказываются наиболѣе полезными,—тутъ между писателями большое разногласіе: одни хвалятъ каломель, другіе сулему, иные окиси ртути и т. д. Въ нашемъ климатѣ, по многочисленнымъ опытамъ, сдѣланнымъ авторомъ въ госпиталѣ и въ вольной практикѣ, оказываются наиболѣе дѣйствительными два изъ меркуріальныхъ препаратовъ: двухлористая ртуть или сулема (deutochloruretum hydrargyri) и одноіодистая ртуть (protoioduretum hydrar-

gyri) (стр. 234). Сулему у насъ можно давать внутрь въ сутки отъ $\frac{1}{12}$ грана до $\frac{1}{4}$ гр. (стр. 237): а одноіодистую ртуть въ сутки отъ $\frac{1}{4}$ грана до одного грана, и рѣдко до полутора (стр. 240). Во Франціи, Рикоръ, Казенавъ, а въ Англіи Броди, Валласъ и др. совѣтуютъ давать этотъ послѣдній препаратъ до 2-хъ и даже до 3-хъ гранъ въ сутки. Эта разница зависитъ отъ климата. У насъ, на сѣверѣ, ртуть въ такихъ больших пріемахъ больными почти никогда не переносится, какъ въ умѣренномъ климатѣ Европы.

Не менѣе важно знать: сколько нужно принять больному ртути для радикальнаго излѣченія сифилитической болѣзни? Сколько нужно времени принимать ртуть? Вотъ какъ рѣшаетъ авторъ этотъ вопросъ (стр. 232):

«Когда бываетъ затвердѣлый шанкръ и нѣтъ еще другихъ «сифилитическихъ явленій, то совѣтуютъ обыкновенно упо«треблять меркурій до тѣхъ поръ, пока затвердѣніе совершен«но изчезнетъ и пораженный органъ придетъ въ нормальное «состояніе; но это у различныхъ людей совершается въ различ«ное время, и срока времени вообще для этого опредѣлить нель«зя. Если будутъ вторичныя явленія, то опять ртуть употреб«ляется до тѣхъ поръ, пока всѣ припадки совершенно изчез«нутъ, а за тѣмъ она еще дается въ продолженіи почти такого «же времени, хотя въ этотъ второй періодъ пріемы дѣлаются «меньшими. Какъ всякое лѣкарство, такъ и меркурій дѣйству«ютъ, смотря по разнымъ внутреннимъ состояніямъ организма «и наружнымъ обстоятельствамъ его, не одинаково скоро; по«этому ни времени, ни количества металла, потребнаго для из«лѣченія, опредѣлить съ точностію a priori нельзя.

Въ этой главѣ авторъ, руководясь, при научномъ расчетѣ, опытомъ, очень хорошо, по моему мнѣнію, оцѣнилъ всѣ извѣстные способы лѣченія общей сифилитической болѣзни, т. е. всѣ способы наружнаго и всѣ методы внутренняго лѣченія, такъ что практикъ, желающій пользоваться тщательно испытанными способами, все можетъ найти въ этой главѣ.

Въ статьѣ объ веществахъ, замѣняющихъ ртутные препараты (стр. 247), описывается употребленіе противъ сифилитической болѣзни препаратовъ золота, платины, мышьяка, двухромо-кислаго кали (bichromas potassae), іодистаго потассія и іодистаго содія, іодистаго желѣза, потогонныхъ растительныхъ веществъ (сарсапарили, гваяка, сассафраса и пр.) и противувоспалительныхъ средствъ. — Профессоръ Заблоцкій сомнѣвается въ истинной пользѣ всѣхъ этихъ средствъ (за исключеніемъ іодистаго потассія и іодистаго содія) самихъ по себѣ, безъ меркуріальныхъ препаратовъ. Объ нихъ авторъ выражается такъ (стр. 230, 231):

«Потогонныя средства, препараты золота, серебра, платины, желѣза, кислоты и щелочи могутъ служить иногда какъ «средства помогающія ртути; но еще сомнительно, чтобы они «одни навсегда могли уничтожить сифилитическій діатезъ. Они, «выражаясь простонародно, бѣлятъ кожу, но едвали излѣчиваютъ болѣзнь радикально.»

Въ 1851 году, во Франціи предложено было Робеномъ замѣнить, при лѣченіи сифилиса, ртуть двухромокислымъ кали (bichromas potassae) (стр. 248): онъ увѣрялъ, какъ обыкновенно дѣлается въ такихъ случаяхъ, что это средство гораздо лучше всѣхъ доселѣ извѣстныхъ, и даже самаго меркурія. По этому авторъ обратилъ особенное вниманіе на это средство. Онъ испытывалъ его въ госпиталѣ надъ 50-тью больными, давая его внутрь отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ грана въ сутки въ различныхъ формахъ застарѣлой сифилитической болѣзни, и вотъ собственныя слова, описывающія результаты, которыхъ достигъ г. Заблоцкій:

а) «Двухромокислое кали немногими только изъ больныхъ «было переносимо въ количествѣ половины грана въ сутки; четверть грана большая часть больныхъ переносила легко и долго: по двѣ и по четыре недѣли. Тѣ больные, которымъ было «назначено двухромокислое кали по полуграну, скоро, а иногда и съ перваго дня начинали чувствовать: тоску и боль подъ

«ложечкою, усиливающіяся отъ давленія, сухость во рту, тош-«ноту, а нѣкоторыхъ и рвало. Эти болѣзненныя явленія, ука-«зывавшія на раздраженіе желудка, заставляли меня прекра-«щать употребленіе этого средства на недѣлю и болѣе. Если въ «другой разъ я назначалъ употреблять тѣ же самые пріемы и «тѣмъ же самымъ больнымъ, то развивались опять тѣ же са-«мые припадки».

b) «Сифилитическія сыпи обыкновенно не проходятъ отъ упо-«требленія двухромокислаго кали, даже когда это средство бы-«ло употреблено въ теченіи 4 или 6 недѣль; у нѣкоторыхъ «больныхъ сыпи даже усиливались; только въ четырехъ слу-«чаяхъ легкая сифилитическая сыпь (Roseola syphilitica) отъ «двухъ- или трехъ-недѣльнаго употребленія двухромокислаго «кали изчезла; но и въ этихъ случаяхъ въ пользѣ двухромоки-«слаго кали я несовершенно убѣжденъ, ибо этого рода сыпь «иногда проходитъ и безъ специфическаго лѣченія».

c) «Въ растворѣ двухромокислое кали (одинъ унцъ на 12 «унцовъ воды) дѣйствуетъ какъ сильное ѣдкое средство (escha-«roticum), будучи прикладываемо на сифилитическіе наросты «(condylomata)».

d) «Двухромокислое кали составляетъ, по моему убѣжде-«нію, болѣе сильное и болѣе раздражающее средство, чѣмъ су-«лема».

Доселѣ у насъ въ наукѣ существовала сбивчивость относи-тельно лѣченія беременныхъ женщинъ, дѣтей и кормилицъ отъ венерической болѣзни. Авторъ обратилъ въ своей практикѣ особенное вниманіе и на этотъ предметъ и представилъ въ сво-емъ сочиненіи ясныя практическія правила при лѣченіи жен-щинъ въ обыкновенномъ состояніи, въ состояніи беременности, при лѣченіи кормилицъ и дѣтей, какъ грудныхъ, такъ и отня-ныхъ отъ груди (стр. 261—264).

Въ этой же главѣ описано различіе специфическаго лѣченія по климату (стр. 265) и временамъ года (стр. 265), изложены прави-ла лѣченія общей сифилитической болѣзни при существованіи въ

тѣлѣ другихъ болѣзней (стр. 266) и наконецъ описано дѣйствіе различныхъ минеральныхъ водъ и минеральныхъ грязей (стр. 267), какъ нашихъ отечественныхъ, такъ и заграничныхъ. Объясняя дѣйствіе въ сифилисѣ сѣрныхъ минеральныхъ водъ, авторъ говоритъ, что эти воды иногда служатъ для распознаванія сифилитическихъ болѣзней; въ другихъ случаяхъ онѣ могутъ служить средствомъ для лѣченія сифилиса и наконецъ, въ третьихъ, онѣ служатъ вспомогательнымъ средствомъ при меркуріальномъ лѣченіи (стр. 268).

Глава эта вообще, и особенно въ практическомъ отношеніи, составляетъ великую драгоцѣнность въ ученіи о сифилисѣ.

Глава IV. *Пораженіе слизистыхъ оболочекъ при общей сифилитической болѣзни* (стр. 271). Здѣсь, опредѣливъ формы этихъ пораженій, авторъ отвергаетъ существованіе допускаемыхъ Рикоромъ сифилитическихъ сыпей на слизистой оболочкѣ, подобныхъ тѣмъ, какія встрѣчаются на кожѣ. Наблюденія не показали автору, по крайней мѣрѣ въ нашемъ климатѣ, такихъ формъ болѣзни. И съ этимъ, кажется, должны согласиться врачи, практикующіе у насъ на сѣверѣ.

Далѣе авторъ разсматриваетъ пораженіе слизистой оболочки: рта, зѣва, миндалевидныхъ желѣзъ, носа, гортани и половыхъ частей. Авторъ здѣсь обратилъ особенное вниманіе на лѣченіе этихъ болѣзней и на отличіе ихъ отъ другихъ страданій, встрѣчающихся на этихъ органахъ.

Глава V. *Слизистые пустулы или слизистые бугорки* (Pustulae mucosae. Tubercula mucosa.) (стр. 278). Эту болѣзнь сифилографы начали описывать отдѣльно только въ нынѣшнемъ столѣтіи. Ляньо въ 1811 году описалъ ее первый, но очень коротко. Прежніе же писатели считали эту форму сифилитическихъ болѣзней за видоизмѣненія сифилитическихъ наростовъ. Рикоръ въ своихъ сочиненіяхъ также говоритъ весьма кратко о слизистыхъ бугоркахъ. Г. Профессоръ Заблоцкій давно уже занимался этою

болѣзнію, можетъ быть, потому, что она состоитъ у насъ одно изъ частыхъ вторичныхъ сифилитическихъ явленій, особенно въ низшемъ классѣ. Мы уже знаемъ его записку о слизистыхъ бугоркахъ, напечатанную еще въ 1852 году въ Военно-медицинскомъ Журналѣ и потомъ въ Medicinische Zeitung Russlands. Въ настоящей книгѣ авторъ еще болѣе разъяснилъ свойства этой болѣзни. Онъ описалъ опредѣлительно ея симптомы и указалъ образъ развитія, условія и мѣсто (стр. 279).

Обыкновенно думаютъ, что слизистая пустула развивается только при общемъ зараженіи и въ отдаленномъ мѣстѣ отъ первоначальнаго зараженія; но г. Заблоцкій наблюдалъ, что эта болѣзнь образуется и прямо изъ шанкра. Далѣе авторъ описываетъ признаки и всѣ свойства этой болѣзни (стр. 280 и 281). Въ числѣ свойствъ слизистыхъ бугорковъ онъ считаетъ замѣчательное ихъ свойство изъязвляться, что нерѣдко встрѣчается, по наблюденію автора, между пальцами ногъ и вообще въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть складки. Такія язвы называются Phagades.— Прежде Phagades считали за особенную форму болѣзней. Вообще эти язвы представляютъ всѣ свойства вторичныхъ сифилитическихъ язвъ и иногда очень болятъ (стр. 282).

Изслѣдуя причины и способъ происхожденія этой болѣзни, авторъ (стр. 287 и 288) говоритъ, что она прививается не искусственнымъ, а естественнымъ образомъ. «Я много разъ «прививалъ ланцетомъ жидкость, отдѣляемую слизистыми пу«стулами и всегда безуспѣшно». Относительно происхожденія этой болѣзни авторъ допускаетъ слѣдующіе пять способовъ (стр. 289):

I. «Болѣзнь эта можетъ сообщаться здоровому человѣку отъ «больнаго, одержимаго этою же самою болѣзнью» (естественная прививка).

II. «Она можетъ развиваться на тѣлѣ произвольно послѣ «предшествовавшаго шанкра».

III. «Она можетъ развиться при сифилитической гонореѣ».

IV. «Она можетъ иногда развиваться изъ существующаго «еще на тѣлѣ шанкра и, наконецъ

V. «Она можетъ передаваться путемъ наслѣдственнымъ».

Сравнивая то, что другіе говорили объ этомъ предметѣ, нельзя не замѣтить, что г. Заблоцкій говоритъ объ немъ гораздо подробнѣе и глубже вникаетъ въ натуру болѣзни.

Дабы врачъ на практикѣ не смѣшивалъ этой болѣзни съ другими, похожими на нее, авторъ подробно указываетъ отличительные признаки всѣхъ болѣзней, съ нею схожихъ (стр. 290).

Лѣченіе болѣзни изложено то, какое самъ авторъ уже давно употребляетъ съ пользою. Главное вниманіе врача должно быть обращено на общее меркуріальное лѣченіе; мѣстное же есть лишь помогающее общему, и оно состоитъ преимущественно въ употребленіи прижиганія азотнокислымъ серебромъ, различныхъ меркуріальныхъ примочекъ, Tincturae Thujae occidentalis.

Глава VI. *Сифилитическіе наросты* (Condylomata) (стр. 295). Глава VII. *Сифилитическое воспаленіе радужной оболочки глаза* (стр. 301). Въ изложеніи этихъ двухъ болѣзней авторъ не представилъ ничего новаго, но онѣ описаны имъ подробно, ясно и удовлетворительно и съ критическою оцѣнкою нѣкоторыхъ существующихъ объ нихъ мнѣній.

Лѣченіе обѣихъ этихъ болѣзней представлено то, которое оказалось автору наиболѣе полезнымъ въ нашемъ климатѣ.

Въ сифилитическихъ наростахъ изъ мѣстныхъ ѣдкихъ средствъ авторъ, между прочимъ, похваляетъ прикладываніе Tincturae Thuyae occidentalis при мягкихъ наростахъ, а при плотныхъ, кромѣ вырѣзанія и прижиганія крѣпкими кислотами, еще прижиганіе крѣпкимъ растворомъ двухромокислаго поташа, bichromas potassae. На стр. 297 у автора представленъ весьма отчетливо рисунокъ микроскопическаго строенія сифилитическихъ наростовъ.

При лѣченіи сифилитическаго воспаленія радужной оболочки глаза авторъ совѣтуетъ, кромѣ мѣстнаго противу-воспали-

тельнаго и отвлекающаго лѣченія, для предотвращенія болѣзни и радикальнаго ея излѣченія употреблять еще внутрь юдистый меркурій или іодистый потассій до тѣхъ поръ, пока уничтожится сифилитическій діатезъ.

Отдѣленіе четвертое. *Третичныя сифилитическія болѣзни* (стр. 307). Глава I-я. *Общія понятія о третичныхъ сифилитическихъ явленіяхъ.* «По мѣрѣ того, какъ сифилитическій «діатезъ, оставаясь въ нашемъ тѣлѣ, старѣетъ, сифилитическія «явленія измѣняютъ свой характеръ. Онѣ становятся менѣе ча-«стыми, малочисленными и разсѣянными, но болѣе глубокими «и болѣе тяжелыми». Такъ начинаетъ авторъ этотъ отдѣлъ своего сочиненія. Здѣсь дѣйствительно поражается уже не кожа и слизистая оболочка, а ткани и органы болѣе глубокіе: клѣтчатая плева, сухожилья, мышицы, самыя внутренности, надкостная плева (periostium) и кости. Г. Заблоцкій выражается о постепенности и времени обнаруженія третичныхъ явленій слѣдующимъ образомъ:

«При естественномъ развитіи сифилитической болѣзни, рядъ «третичныхъ явленій всегда бываетъ предшествуемъ вторичны-«ми явленіями, и если этой постепенности не замѣчается, то бы-«ваетъ причина, нарушившая эту послѣдовательность. Эта при-«чина обыкновенно заключается въ меркуріальномъ лѣченіи, «употребленномъ въ началѣ зараженія. Дѣйствительно, если си-«филитическая язва радикально не была излѣчена, то меркурі-«альное лѣченіе имѣетъ, можно сказать, своимъ свойствомъ или «отдѣлять появленіе вторичныхъ припадковъ, или мѣшать со-«вершенному ихъ развитію; по этому въ семъ послѣднемъ случаѣ «третичныя явленія развиваются, такъ сказать, прямо за шан-«кромъ, безъ вторичныхъ явленій. Было ли употреблено мерку-«ріальное лѣченіе, или нѣтъ,—рѣдко случается, чтобы третичные «припадки послѣ первичныхъ появлялись раньше шести мѣся-«цовъ: почти всегда они являются гораздо позже. Въ настоящее «время трудно даже встрѣтить примѣръ такого ранняго появленія

«третичныхъ припадковъ т. е. чрезъ шесть мѣсяцовъ послѣ «шанкра, между тѣмъ, какъ случаи очень поздняго появленія «третичныхъ припадковъ не большая рѣдкость. Я знаю при«мѣры, гдѣ пораженіе костей и надкостной плевы развивалось «послѣ шанкра чрезъ 28 или 30 лѣтъ».

Изъ этого однако есть исключенія, см. Gazette des Hôpitaux. 1858. N. 128 p. 511. Syphilis galopante, гдѣ описывается, что douleurs articulaires, plaques muqueuses, onyxis; tubercules à la peau, ecthyma et syphilide tuberculeuse; testicule vénérien, périostose des tibias et douleurs nocturnes появились у больнаго, спустя шесть недѣль послѣ появленія шанкра.

Изъ дальнѣйшаго описанія видно, что авторъ (стр. 309 и 310) принадлежитъ къ числу тѣхъ сифилографовъ, которые гной третичныхъ явленій считаютъ непрививающимся, и что для лѣченія ихъ онъ считаетъ самымъ надежнымъ средствомъ іодистый потассій, а не меркурій, какъ нѣкоторые еще и теперь думаютъ. Изъ частнаго описанія третичныхъ сифилитическихъ формъ видно, что авторъ иногда съ іодистымъ потассіемъ даетъ внутрь и желѣзо: съ этимъ, кажется, всякій опытный врачь долженъ согласиться; ибо іодистый потассій хотя и уничтожаетъ діатезъ сифилитическій, исправляетъ кровь, но онъ вездѣ принадлежитъ къ средствамъ противупластическимъ, разрушительнымъ, тогда какъ желѣзо есть средство и поправляющее кровь и вмѣстѣ пластическое, что весьма важно въ такой болѣзни, которая и сама собою и своимъ лѣченіемъ разрушаетъ организмъ. Само собою разумѣется, что это средство должно употреблять только тогда, когда въ организмѣ, послѣ уничтоженія сифилитическаго діатеза, какъ выражаетъ авторъ, остается большая слабость, или и при продолжающемся діатезѣ, но тогда, когда больной слабъ и худъ.

Глава II. *Сифилитическое пораженіе яичка* (Testiculus venereus) (стр. 311). Эту упорную и въ практикѣ сбивчивую для врачей болѣзнь авторъ описалъ, очевидно, при постелѣ больнаго,

и очень ясно, что онъ наблюдалъ много страдавшихъ этимъ недугомъ.

Венерическое яичко хотя и описано А. Куперомъ и послѣ Рикоромъ, но сличая ихъ описанія съ настоящимъ описаніемъ этого недуга у г. профессора Заблоцкаго, находимъ, что оба первые не представляютъ той полноты, какая въ настоящее время требуется наукой отъ всякаго медицинскаго трактата.

Глава III. *Сифилитическое пораженіе клѣтчатой ткани и гуммозныя опухоли* (Nodi syphilitici) (стр. 317). Эта рѣдкая болѣзнь, но видѣнная авторомъ много разъ, описана имъ весьма внимательно и такъ же списана съ натуры, у постели больнаго, какъ предыдущая.

То, что авторомъ прибавлено въ этой главѣ новаго о гуммозныхъ опухоляхъ, незамѣченнаго другими писателями, заключается въ слѣдующемъ (стр. 317). «Гуммозныя опухоли, послѣ за«раженія шанкромъ, никогда, кажется, раньше 6-ти мѣсяцевъ не «появляются, но обыкновенно гораздо позже, не рѣдко чрезъ 10, «15 и болѣе лѣтъ. Я ихъ никогда не видалъ у людей крѣпка«го тѣлосложенія, а всегда у субъектовъ истощенныхъ и пред«расположенныхъ къ скорбутной или сифилитической кахексіи, «или страдающихъ уже этою послѣднею. Раньше двадцати пя«ти-лѣтняго возраста я также ихъ не встрѣчалъ; вообще эта «форма сифилитической болѣзни есть одна изъ рѣдкихъ.

Лѣчить эту болѣзнь профессоръ Заблоцкій совѣтуетъ іодистымъ кали и желѣзными препаратами, даваемыми внутрь. Въ помощь къ этимъ средствамъ, на основаніи того, что болѣзнь эта у насъ развивается у людей золотушныхъ и скорбутныхъ, слѣдуетъ употреблять противозолотушное и противоскорбутное содержаніе.

Глава IV. *Страданіе мышицъ и сухожилій* (Affectio musculorum et tendinum) (стр. 321). Глава V. *Пораженіе костей и надкостной плевы* (стр. 325). Въ этихъ главахъ авторъ представляетъ

ясное и вполнѣ современное описаніе поименованныхъ недуговъ, руководствуясь издѣсь преимущественно собственными наблюденіями. На стр. 328 представлена сравнительная таблица золотушнаго и сифилитическаго пораженія костей, составленная самимъ авторомъ. Такого рода таблицы чрезвычайно полезны для практиковъ, потому что онѣ упрощаютъ изученіе предметовъ и дѣлаютъ доступнымъ пониманіе самыхъ темныхъ и самыхъ сбивчивыхъ болѣзней.

Въ этихъ же главахъ описано, хотя и кратко, пораженіе сифилисомъ нѣкоторыхъ костей, въ частности: костей глазницы, уха, носа, костей неба, верхней и нижней челюсти.

Глава VI. *Пораженіе внутренностей* (стр. 234). Здѣсь представлены только результаты тѣхъ немногихъ фактовъ, которые объ этомъ предметѣ были сообщены нѣкоторыми врачами въ разныхъ новѣйшихъ современныхъ періодическихъ изданіяхъ. О пораженіи внутренностей сифилисомъ въ настоящее время болѣе почти ничего сказать нельзя, ибо объ этомъ предметѣ факты еще весьма малочисленны и сбивчивы. Впрочемъ о пораженіи печени сифилитическою болѣзнію въ послѣднее время довольно писано.

Глава VII. *О наслѣдственной сифилитической болѣзни* (стр. 335) (Syphilis haereditaria). Въ этой главѣ мы находимъ очень хорошее и отчетливое описаніе наслѣдственнаго сифилиса.

Извѣстно, что этотъ предметъ въ медицинѣ въ настоящее время еще весьма мало изслѣдованъ и опредѣленъ, и потому подлежитъ многимъ спорамъ. Посему Профессоръ Заблоцкій съ свойственной ему критикой, повѣрилъ у постели больныхъ все, что было писано объ этомъ предметѣ, и изложилъ въ настоящемъ сочиненіи все, относящееся къ сему предмету, съ строгой отчетливостію. Явленія наслѣдственнаго сифилиса раздѣлены у г. Заблоцкаго на явленія раннія, или вторичныя, и на явленія поздвія, или третичныя (стр. 338). Въ числѣ пер-

выхъ авторъ описываетъ: дряхлость и малый объемъ тѣла ребенка, насморкъ (coryza), измѣненіе цвѣта кожи, нарывы зубной желѣзы и особеннаго рода измѣненія легкихъ и печени.

Къ числу послѣднихъ или третичныхъ явленій г. Заблоцкій относитъ припадки, описываемые нѣкоторыми подъ именемъ *скрофулоидовъ*, какъ явленій схожихъ съ золотухою. По этому многіе авторы золотуху и наслѣдственный сифилисъ смѣшивали. Въ слѣдствіе сего авторъ сдѣлалъ чрезвычайно полезное рѣзкое разграниченіе между настоящею золотухою и этими поздними явленіями наслѣдственнаго сифилиса. И вотъ какъ онъ совѣтуетъ различать эти двѣ болѣзни (стр. 344):

«Вообще золотуха развивается позже, чѣмъ скрофулоиды. «Золотушныя дѣти имѣютъ особенную наружность: они тучны, «цвѣтъ лица ихъ свѣжій, розовый, кожа прозрачна, глаза ихъ «обыкновенно большіе, голубые, окруженные бурымъ кружкомъ, рѣсницы длинныя и поднятыя. Такія дѣти веселы, игривы, все въ нихъ дышетъ совершеннымъ здоровьемъ; по этому общему виду, по толстымъ ихъ губамъ, по ихъ четвероугольной челюсти, по ихъ головѣ, болѣе развитой въ вискахъ, «врачъ узнаетъ, если не золотуху, то по крайней мѣрѣ расположеніе къ ней. Между тѣмъ болѣзнь усиливается, желѣзы опухаютъ, нѣсколько болятъ, но дитя все еще кажется по наружности совершенно здоровымъ».

«Дѣти же, страждущія скрофулоидами, наслѣдственнымъ сифилисомъ, совсѣмъ не имѣютъ такой наружности; уже одинъ «видъ ихъ показываетъ, что они больны: цвѣтъ лица ихъ блѣдный, матовый, какъ-бы землистый; они худощавы, глаза ихъ «впалые и мутные, волосы рѣдкіе. Золотушныя вообще бѣлокуры, между тѣмъ какъ страждущія скрофулоидами бываютъ и «русыя; губы ихъ не толсты, нижняя челюсть не представляетъ «ничего особеннаго; они унылы, угрюмы, не игривы; желѣзы «развиты, но менѣе чѣмъ у золотушныхъ, и болѣе тверды».

Наконецъ авторъ замѣчаетъ, что въ скрофулоидахъ іоди-

стые препараты помогаютъ хорошо и скоро, между тѣмъ какъ въ золотухѣ успѣхъ отъ этихъ средствъ сомнителенъ.

Глава VIII. *Сифилитическая кахексія* (Cachexia syphilitica) (стр. 346). Врачи обратили свое вниманіе на эту болѣзнь только въ новѣйшее время. Рикоръ, въ Gazette des Hôpitaux. 1847, первый сказалъ объ ней нѣсколько словъ; другіе писатели повторяли почти только сказанное Рикоромъ.

Г. Заблоцкій подъ именемъ сифилитической кахексіи описываетъ то состояніе человѣка, въ которое онъ ввергается, когда уже былъ нѣсколько разъ одержимъ различными припадками первичной и вскоренившейся сифилитической болѣзни и когда ядъ долго, десятки даже лѣтъ, оставался въ тѣлѣ. Отъ такого долгаго пребыванія яда въ тѣлѣ человѣка организмъ его сильно и часто неисправимо измѣняется.

Авторъ подробно описываетъ картину всѣхъ явленій физическихъ, моральныхъ, а также патологическихъ измѣненій, которыя находятся у людей, страждущихъ этою болѣзнію. Изъ этого описанія становится очевиднымъ, почему такіе люди, исхудавшіе, истощенные, бываютъ часто бездѣтны; а ежели и родятся у нихъ дѣти, то они являются на свѣтъ иногда съ припадками врожденной сифилитической болѣзни и вообще бываютъ недолговѣчны. Сверхъ того у такихъ людей, по замѣчанію автора, развиваются иногда бугорки въ легкихъ.

По этому г. Заблоцкій и говоритъ, что предсказаніе въ этой болѣзни (стр. 348) вообще неблагопріятно: больному угрожаетъ смерть. Къ счастію, въ такой сильной степени болѣзнь встрѣчается очень рѣдко. Изъ 1200 сифилитическихъ больныхъ, пользующихся ежегодно въ сифилитическомъ отдѣленіи 2-го Военно-Сухопутнаго Госпиталя, съ сифилитическою кахексіею бываетъ не болѣе 4 или 6 человѣкъ.

Въ лѣченіи этой болѣзни, по мнѣнію автора, очень важную роль играютъ средства гигіеническія, укрѣпляющая и пита-

тельная діэта; а изъ фармацевтическихъ г. Заблоцкій отдаетъ преимущество не ртути и іоду (какъ нѣкоторые доселѣ дѣлали), а препаратамъ желѣза и, въ малыхъ пріемахъ, хлористому золоту, фовлеровой жидкости (по 2 или 3 кап. въ сутки) (стр. 349).

Хотя эта болѣзнь и г. Заблоцкимъ описана не обширно, но все-же внимательнѣе его и опредѣленнѣе никто еще доселѣ не описывалъ ея.

Глава IX. *Сифилофобія* (*syphilophobia*, *monomania syphilitica*) (стр. 349). Здѣсь авторъ излагаетъ свои наблюденія надъ тѣмъ страннымъ состояніемъ человѣка, когда у него нѣтъ вовсе никакихъ признаковъ сифилитической болѣзни, а между тѣмъ ему кажется, что у него находится та или другая форма, или, по крайней мѣрѣ, тотъ или другой изъ припадковъ ея. «Этого ро-«да мономаніаки (стр. 350) жалуются большею частію на боли «въ носу, въ горлѣ, гдѣ нибудь во рту, на лицѣ, или въ другомъ «мѣстѣ, и все это приписываютъ тому, что у нихъ сифилитиче-«ская болѣзнь не была хорошо излѣчена. Сколько ни увѣряйте «больнаго, что онъ ничего сифилитическаго не имѣетъ, вы его «положительно не убѣдите; ежели вы, наконецъ, откажете ему «въ прописаніи какого-нибудь лѣкарства, то онъ выйдетъ отъ «васъ недовольный, въ полномъ убѣжденіи въ вашемъ незнаніи «науки. Другіе больные воображаютъ, что у нихъ развивается «опухоль, особенно гдѣ-нибудь на костяхъ, во рту или носу, «которой въ сущности также нѣтъ.» По замѣчанію автора, «такого рода больные люди большею частію бываютъ недале-«каго ума». На послѣдній фактъ доселѣ никто еще не обращалъ вниманія.

Относительно лѣченія такихъ мономаніаковъ авторъ говоритъ, что лѣчить ихъ трудно; однако онъ совѣтуетъ, дѣйствуя на нравственную сторону человѣка, въ то-же время дѣйствовать на организмъ укрѣпляющими средствами. Гидропати-

ческое лѣченіе также иногда можетъ приносить пользу этого рода больнымъ.

Оканчивая эту главу, г. Заблоцкій замѣчаетъ: «я знаю одинъ «случай, гдѣ больной, жаловавшійся на постоянную боль въ «задней части рта и приписывавшій ее дурно излѣченному шан«кру, объѣздилъ для совѣта почти всю Европу, получилъ на«конецъ тифозную горячку, послѣ которой пополнѣлъ, и мни«мыя страданія его изчезли.

Глава X. *О сифилизаціи* (стр. 351). Авторъ не принадлежитъ къ защитникамъ сифилизаціи, т. е. къ людямъ, которые полагаютъ, что посредствомъ многократно повтореннаго прививанія сифилитическаго гноя здоровымъ можно ослабить въ ихъ тѣлѣ воспріимчивость къ сифилитической заразѣ. Это средство предложено было въ послѣдніе годы Озіасъ-Тюренемъ, Сперино и другими. Профессоръ Заблоцкій представляетъ здѣсь только заключеніе коммисіи, назначенной въ Парижской Медицинской Академіи для изслѣдованія сифилизаціи: она донесла, что доселѣ нѣтъ ни одного вѣрнаго наблюденія удачной сифилизаціи, что люди, представленные сифилизаторами за сифилизованныхъ, точно также подвергались сифилитическому зараженію, какъ и тѣ, кои не были подвергнуты сифилизаціи. По этому авторъ, кажется, основательно заключаетъ, что сифилизаціи, т. е. прививанія венерической болѣзни здоровымъ людямъ, въ практикѣ дѣлать не слѣдуетъ.

Заключеніе.

Академіи Наукъ уже не безъизвѣстно имя Профессора Заблоцкаго и какъ критика и какъ писателя, что̀ видно изъ отчетовъ Академіи о присужденіи учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. Нынѣ онъ снова является предъ лицемъ Академіи въ качествѣ писателя. Новый трудъ его, мнѣ кажется, и теперь также заслуживаетъ благосклоннаго

вниманія Академіи, какъ прежде. Руководство его къ изученію и лѣченію сифилитическихъ болѣзней, какъ видно изъ представленнаго здѣсь, довольно подробнаго изложенія содержанія его, есть сочиненіе полное и цѣлое.

Способъ изложенія предмета въэтомъ сочиненіи есть способъ научный. Понятія о болѣзни авторъ составляетъ не по сочетанію только симптомовъ, образующихъ форму того или другаго вида или видоизмѣненія ея; напротивъ, онъ образуетъ его посредствомъ изученія патологическаго процесса данной формы болѣзни, изъ анатомическаго перерожденія ткани, поражаемой опредѣленною формою недуга, изъ морфологическаго и отчасти даже химическаго измѣненія самой крови въ сифилитической болѣзни. Лѣченіе болѣзни авторъ основываетъ на соотношеніи патологическаго состоянія тѣла и физіологическаго дѣйствія лѣкарствъ на организмъ, дознаннаго опытомъ другихъ вообще и многократнымъ наблюденіемъ этого дѣйствія, произведеннымъ надъ больнымъ тѣломъ имъ самимъ. Если при лѣченіи данной формы болѣзни употребляется уже принятый способъ врачеванія или хирургическая операція, то авторъ подвергаетъ строгому разбору какъ способъ лѣченія, такъ и методу операціи, и послѣ точной оцѣнки назначаетъ тотъ или другой способъ лѣченія, ту или другую методу операціи. Для болѣе же яснаго и удобопонятнаго изложенія операцій, употребляемыхъ при лѣченіи сифилитическихъ болѣзней, авторъ представилъ въ своемъ сочиненіи рисунки, въ которыхъ изобразилъ наружный видъ болѣзни, которую должно лѣчить операціей, лучшій инструментъ для данной операціи и удобнѣйшіе пріемы самаго производства операціи. При этомъ долгомъ считаю отдѣльно упомянуть о томъ, что авторъ часто обращаетъ вниманіе, по видимому, на мелочныя обстоятельства лѣченія; но эти кажущіяся неважными обстоятельства имѣютъ вліяніе на успѣхъ всего лѣченія и притомъ такой болѣзни, которая на всю жизнь потрясаетъ здоровье человѣка. И эта черта сочиненія г. Заблоцкаго, далеко не всѣмъ сифилографіямъ принадлежащая, заслу-

*

живаетъ уваженія; ибо эти-то мелочи и ведутъ врача-практика прямо къ дѣлу и къ самому правильному его выполненію.

При изложеніи понятія какъ о болѣзни, такъ и о способѣ лѣченія авторъ не только не избѣгаетъ спорныхъ пунктовъ своего предмета, а, напротивъ, выдвигаетъ ихъ самымъ рельефнымъ образомъ впередъ въ видѣ вопросовъ и потомъ изслѣдуетъ ихъ съ ясной и положительной критикой; и если рѣшаетъ ихъ, положительно или отрицательно, то рѣшенія свои основываетъ не на своей только многолѣтней практической опытности, какъ это очень не рѣдко встрѣчается между врачами и въ ихъ сочиненіяхъ, а на началахъ науки; опытность же автора, пріобрѣтенная его пятнадцати-лѣтнимъ не эмпирическимъ наблюденіемъ, а раціональнымъ изученіемъ сифилитическихъ болѣзней, служитъ только подкрѣпленіемъ положеній науки.

Впрочемъ критическій способъ изложенія авторъ не ограничилъ только нѣкоторыми частными вопросами, касающимися сифилитическихъ болѣзней; напротивъ, все свое сочиненіе онъ изложилъ въ томъ-же духѣ научной критики. По этому въ сочиненіе свое онъ включилъ все, что собственно принадлежитъ сифилису, но въ то-же время исключилъ то, что ему существенно не принадлежитъ, хотя другими писателями и вносится въ сферу его. Такое критическое изложеніе предмета даетъ всему сочиненію характеръ совершенно самостоятельнаго труда. Но оно еще болѣе получаетъ значеніе труда оргинальнаго отъ того, что авторъ, какъ-бы въ замѣнъ исключеннаго имъ, присоединилъ много новыхъ, добытыхъ собственнымъ его наблюденіемъ, изученіемъ и опытомъ чрезвычайно важныхъ и полезныхъ понятій, служащихъ какъ къ точнѣйшему опредѣленію болѣзни, такъ особенно къ вѣрнѣйшему употребленію средствъ противъ нея и къ надежнѣйшему ея излѣченію, и, сверхъ того, для достиженія послѣдней цѣли онъ изобрѣлъ или улучшилъ какъ операціи, такъ и инструменты для производства операцій, дѣлаемыхъ при лѣченіи венерической болѣзни. И еще болѣе со-

чиненіе это носитъ на себѣ печать самостоятельности потому, что авторъ разобралъ въ немъ, кромѣ общеизвѣстыхъ формъ болѣзни, еще и тѣ комликаціи и видоизмѣненія, которыя свойственны нашему сырому, холодному, сѣверо-восточному климату, именно компликаціи и видоизмѣненія скорбутныя и золотушныя, условливающія или упорность, или разрушительность болѣзни; соотвѣтственно тому расположилъ и лѣченіе всѣхъ формъ сифилиса. Такого рода трудъ подражательнымъ и быть не можетъ, ибо нѣтъ такого другаго мѣста на землѣ, гдѣ бы такое огромное населеніе представляло для болѣзни столь обширное поле при такихъ благопріятныхъ для ея развитія и осложненія условій, зависящихъ отъ мѣстности и климата, какъ въ нашей странѣ; а между тѣмъ у насъ доселѣ не было ни одного оригинальнаго сочиненія не только въ приложеніи къ мѣстности, но и вообще объ этихъ болѣзняхъ.

Такимъ образомъ очень понятно, какую пользу представляетъ руководство Профессора Заблоцкаго о сифилитическихъ болѣзняхъ для науки, для учащихся и для врачей-практиковъ.

На основаніи всего этого я полагаю, что сочиненіе это по всей справедливости заслуживаетъ полной Демидовской преміи.

РАЗБОРЪ

сочиненія

А. ПОПОВА,

подъ заглавіемъ:

ИСТОРІЯ ВОЗМУЩЕНІЯ СТЕНЬКИ РАЗИНА.

МОСКВА 1857,

составленный

ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ

Н. Устряловымъ.

Занимающимся Русскою Исторіею извѣстно, какъ еще мало издано источниковъ, а тѣмъ менѣе обработано критически. Не смотря на ежегодно обнародываемые многіе томы, огромное количество документовъ разсѣяно по архивамъ и библіотекамъ, государственнымъ и частнымъ, не всѣмъ и не всегда доступнымъ. Недостатокъ печатныхъ источниковъ особенно ощутителенъ въ Русской Исторіи XVII вѣка. О нѣкоторыхъ происшествіяхъ, часто весьма важныхъ, историкъ, на основаніи достовѣрныхъ источниковъ, принужденъ сказать нѣсколько словъ, не имѣя возможности прослѣдить самое происшествіе, ни объяснить его значеніе. Къ числу такихъ неясныхъ событій принадлежитъ возмущеніе Стеньки Разина. Народныя преданія и пѣсни, вмѣстѣ съ сказаніями иноземцевъ, сохранили гораздо болѣе извѣстій, нежели источники офиціальные, въ достовѣрности которыхъ не можетъ быть сомнѣнія. Но одни преданія и пѣсни, безъ повѣрки источниками офиціальными, равно и сказанія иноземцевъ, безъ критическаго соображенія съ современными отечественными извѣстіями, конечно не могутъ быть достаточными источниками исторіи. Отъ того, не смотря на нѣсколько актовъ, обнародованныхъ Археографическою Коммиссіей, возмущеніе Разина оставалось до сей поры явленіемъ необъяснимымъ.

Въ прошедшемъ году г. Поповъ издалъ *Исторію возмущенія Стеньки Разина*, на основаніи новыхъ источниковъ, собранныхъ въ рукописяхъ и въ столбцахъ государственныхъ архи-

вовъ и частныхъ хранилищъ, а самые документы напечаталъ въ приложеніи къ своему сочиненію.

Трудъ собранія рукописныхъ источниковъ, чтеніе ихъ, критическое соображеніе со всѣми извѣстными доселѣ матеріалами, и точное, вѣрное обнародованіе — вотъ явленіе, на которое нельзя не обратить вниманіе Академіи. Но авторъ разсматриваемаго сочиненія не ограничился изданіемъ новыхъ и любопытныхъ документовъ: онъ представилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и полную исторію возмущенія Разина.

Въ первой главѣ сочиненія г. Поповъ критически разсматриваетъ всѣ источники, которыми онъ пользовался, какъ отечественные (офиціальные и частные), такъ и иностранные. О тѣхъ и другихъ представляетъ отчетливое изслѣдованіе, которое можетъ быть повѣрено; ибо вновь открытые имъ матеріалы изданы въ отдѣльномъ приложеніи къ сочиненію. Такимъ образомъ заимствованы матеріалы изъ государственнаго разряднаго архива, изъ Московскаго главнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, изъ собранія любителя русскихъ древностей Карабанова, и другихъ частныхъ библіотекъ, равно какъ изъ источниковъ иностранныхъ, сочиненій Стрейса, Штурцфлейша и другихъ.

Во 2-й главѣ разсмотрѣно подробно и вѣрно состояніе Россіи предъ возмущеніемъ Разина и обращено особенное вниманіе на Донскихъ козаковъ; потомъ разсказано о появленіи Разина на Волгѣ и о походѣ его въ Персію.

Въ 3-й главѣ описано новое возмущеніе Разина на Яикѣ, объявленіе ему милостивой грамоты и ложное раскаяніе.

Въ 4-й главѣ разсказано подробно и любопытно объ осадѣ и взятіи мятежниками Царицына и Астрахани.

Въ 5-й главѣ — освобожденіе Симбирска, поимка Разина и казнь его.

Въ 6-й главѣ — убіеніе Астраханскаго митрополита Іосифа и окончательное усмиреніе мятежа.

Приложенія къ Исторіи Разина выписаны авторомъ изъ

разныхъ архивовъ; наиболѣе значительны слѣдующія: 1) Дѣло по извѣту стрѣльца Поцылова на боярскаго голову Боева въ намѣреніи передаться Разину, изъ Московскаго Разряднаго Архива. 2) Отписка воеводы князя Рамодановскаго и царскія къ нему грамоты по случаю допроса стрѣльцовъ, находившихся въ сношеніяхъ съ Разинымъ. 3) Подробная выписка о Разинѣ, — болѣе тридцати отписокъ Астраханскихъ и Царицынскихъ воеводъ, сообщенная изъ Казанскаго приказа въ Посольскій. 4) Дѣло изъ библіотеки Карабанова о дѣйствіяхъ Московскихъ войскъ противъ Разина, заключающее въ себѣ болѣе восьмидесяти донесеній Государю воеводъ Хитрова, Урусова, Милославскаго, Борятинскаго, Долгорукаго и другихъ. 5) Приговоръ о казни Стеньки Разина изъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. 6) Сказаніе о градѣ Астрахани и о страданіи Іосифа, митрополита Астраханскаго и Терскаго.

Имѣя въ виду важность этихъ документовъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ и тщательно нынѣ изданныхъ, принимая, сверхъ того, въ соображеніе отчетливый и вѣрный разсказъ о мятежѣ Разина, основанный исключительно на актахъ и другихъ матеріалахъ несомнительныхъ, честь имѣю представить Императорской Академіи Наукъ Исторію возмущенія Стеньки Разина, А. Попова, къ награжденію преміею изъ Демидовскаго конкурса.

РАЗБОРЪ

сочиненія

экстраординарнаго профессора академіи

ИЛАРІОНА ЧИСТОВИЧА,

подъ заглавіемъ:

ИСТОРІЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ,

составленный

ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ

Н. Устряловымъ.

После краткаго обозрѣнія училищъ въ сѣверной Россіи до XVIII вѣка, г. Чистовичъ говоритъ о мѣрахъ правительства къ распространенію образованія въ духовенствѣ и объ учрежденіи и устройствѣ Александро-Невской Славянской Школы въ 1721 году, которая чрезъ пять лѣтъ переименована въ Александро-Невскую Славяно-Греко-Латинскую Семинарію и потомъ, въ 1788 году, въ Главную Семинарію. Въ числѣ первыхъ наставниковъ ея былъ извѣстный Адамъ Селлій. Показавъ порядокъ ученія и особые труды учителей, между прочимъ пересмотръ, для новаго изданія, Четіихъ-Миней Св. Димитрія Ростовскаго и Печерскаго Патерика, авторъ упоминаетъ о всѣхъ вообще ректорахъ, префектахъ и учителяхъ Семинаріи, и говоритъ подробно о пріемѣ воспитанниковъ, выпускѣ ихъ изъ Семинаріи и поступленіи какъ въ епархіальное вѣдомство, такъ въ Академію Наукъ, въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, въ Коммисію объ учрежденіи народныхъ училищъ и въ иностранные университеты. Въ томъ же порядкѣ разсказываетъ о Главной Семинаріи, послѣ переименованія ея, въ 1797 году, Александро-Невскою Академіею, и наконецъ излагаетъ подробно исторію С. Петербугской Духовной Академіи съ 1809 по 1856 годъ, раздѣливъ ее на три отдѣла: въ первомъ изложено преобразованіе духовныхъ училищъ по плану преосвященнаго Евгенія, епископа Старорусскаго, и начертаніе правилъ о образованіи Духовныхъ Академій; во второмъ подробно разсказано о первомъ учебномъ курсѣ С. Петербургской Духовной Акаде-

міи, о методѣ преподаванія наукъ и объ особыхъ ученыхъ трудахъ академическихъ наставниковъ; въ третьемъ отдѣленіи изложены измѣненія и дополненія въ учебной части Академіи, конспекты, учебники и руководства, особые труды академическихъ наставниковъ, управленіе Академіи и списки наставниковъ, пріемъ и выпускъ воспитанниковъ изъ Академіи, размѣщеніе и послѣдующая судьба ихъ.

Свѣдѣнія о С. Петербургской Духовной Академіи, кромѣ источниковъ печатныхъ, авторъ заимствовалъ преимущественно изъ архива Святѣйшаго Сvнода, изъ архива Александро-Невской Лавры, изъ библіотеки Духовной Академіи, изъ дѣлъ С. Петербургской Семинаріи, изъ архива С. Петербургской Духовной Консисторіи, изъ дѣлъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ и изъ отчетовъ Оберъ-Прокурора Св. Сvнода. Нѣкоторые найденные имъ документы напечатаны вполнѣ; таковы, напрмѣръ, просьба знаменитаго Сперанскаго объ увольненіи его изъ духовнаго званія (стр. 84), письмо Амвросія, архіепископа Екатеринославскаго о Мартыновѣ (91), предположенія академическаго правленія о воспитанникахъ Академіи, съ резолюціями митрополита (111), программа эстетики архимандрита Леонида (201), и многіе другіе; прочіе же приведены въ извлеченіи, съ опредѣлительнымъ указаніемъ, гдѣ именно находятся. Всѣ свои извѣстія авторъ подкрѣпляетъ ссылками на дѣла архивовъ и на книги печатныя.

Принимая во вниманіе основательность, съ которою г. Чистовичъ изложилъ Исторію С. Петербургской Духовной Академіи по источникамъ разныхъ архивовъ, имѣю честь представить Императорской Академіи Наукъ о присужденіи его полезному труду половинной преміи Демидовскаго конкурса.

РАЗБОРЪ

сочиненія

А. ПЫПИНА

подъ заглавіемъ:

ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРІИ

СТАРИННЫХЪ ПОВѢСТЕЙ И СКАЗОКЪ РУССКИХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1857,

составленный

ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ

И. И. Срезневскимъ.

Трудъ г. Пыпина — дорогой вкладъ въ запасъ историческихъ изслѣдованій о Русской литертаурѣ, какъ разработка матеріаловъ по той долѣ памятниковъ нашей древней и старинной письменности, которая доселѣ всего менѣе была разработана. Дорожить имъ мы можемъ тѣмъ болѣе, что онъ не могъ быть веденъ безъ особеннаго самоотверженія и былъ веденъ съ внимательностію, достойною подражанія.

. Три рода памятниковъ разсмотрѣны въ «Очеркѣ»: 1) повѣсти и сказки, переденныя съ Греческаго на Старо-Славянское нарѣчіе, 2) повѣсти и сказки, переведенныя на Славяно-Русское и на Русское нарѣчіе съ Польскаго и съ Нѣмецкаго, 3) повѣсти и сказки, чисто Русскія, написанныя или записанныя въ до-Петровское время. Памятники всѣхъ трехъ родовъ разсмотрѣны почти исключительно по рукописямъ, съ постояннымъ вниманіемъ къ различіямъ списковъ. Разсматривая памятники двухъ первыхъ отдѣловъ, авторъ имѣетъ въ виду опредѣлить подлинникъ, съ котораго сдѣлалъ переводъ, и степень участія переводчика въ измѣненіи подлинника. Памятники третьяго отдѣла обращали на себя вниманіе со стороны достоинства изложенія и языка. Всего подробнѣе разобраны памятники перваго рода. Къ частнымъ изслѣдованіямъ прибавлены во вступленіи и въ другихъ мѣстахъ общія замѣчанія, или какъ мнѣнія, которыми авторъ руководимъ былъ въ своихъ взглядахъ на частности, или какъ выводы, къ которымъ приведенъ былъ разборомъ частностей.

Глядя на «Очеркъ», какъ на подборъ частныхъ изслѣдованій, не найдемъ ни одной страницы не любопытной. Многія изъ нихъ не только любопытны, но и важны въ высшей степени, каковы напр. неслѣдованія повѣстей о царѣ Соломонѣ (стр. 102—223). Какъ мало желалъ авторъ сберечь трудъ и время, видно изъ тѣхъ частей «Очерка», гдѣ представляются историко-литературныя подробности объ иноземныхъ передѣлкахъ повѣстей, переведенныхъ съ Греческаго, на Славянскомъ переводѣ которыхъ не лежитъ никакое особенное вліяніе. Столь-же мало заботился авторъ и о томъ, чтобы выставить на видъ свой трудъ: въ обозначеніи подлинниковъ, особенно Польскихъ и Нѣмецкихъ, съ которыхъ переведены повѣсти въ нашихъ сборникахъ, сообщены одни результаты. Читатели, сами занимающіеся изслѣдованіями въ области древностей и старины Русской литературы, будутъ благодарны автору также за то, что всюду указаны рукописи, въ которыхъ находятся разобранныя имъ повѣсти и сказки. Указанія печатныхъ пособій для изученія предмета не такъ тщательны; тѣмъ не менѣе почти все главное есть: труды Карамзина, Востокова, Снегирева, Полеваго, Сахарова, Буслаева и нѣкоторыхъ другихъ нашихъ писателей, ихъ изслѣдованія, соображенія и мнѣнія о старинныхъ повѣстяхъ и сказкахъ нашихъ пересмотрѣны и указаны авторомъ большею частію довольно опредѣлительно тамъ, гдѣ было необходимо. Съ помощію однихъ этихъ указаній нельзя прослѣдить всего хода открытій и разысканій, сдѣланныхъ у насъ по той долѣ литературы, которой авторъ посвятилъ своей «Очеркъ»; тѣмъ не менѣе его указанія могутъ во многомъ облегчить трудъ того, кто захотѣлъ бы за это взяться.

Одно только можетъ произвести не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе на вниманіе читателя, пользующагося «Очеркомъ» какъ подручнымъ пособіемъ при изученіи старинной Русской литературы: это то, что о повѣстяхъ и сказкахъ чисто Русскихъ говорится всего менѣе. О нѣкоторыхъ едва упомянуто. Трудъ изслѣдованія вопроса о старинной Русской повѣсти и сказкѣ ос-

тается за авторомъ, и, вѣроятно, не будетъ имъ покинутъ, какъ наиболѣе важный въ кругу работъ, имъ избранномъ.

За этотъ трудъ, конечно, и рано еще было взяться съ мыслію довести его до сколько-нибудь положительнаго результата при помощи только тѣхъ источниковъ, которые были у автора. Рано, потому что до рудниковъ, гдѣ, находится то, что должно быть разработано, едва дотронулись любители старины, осмотрѣвъ только тѣ изъ рукописей, которыя случайно сдѣлались доступны. Нѣтъ сомнѣнія, что къ открытіямъ послѣднихъ сорока лѣтъ прибавится еще много новыхъ открытій. Будемъ надѣяться, что г. Пыпину самому удасться умножить бѣдный запасъ матеріаловъ, нужныхъ для разработки вопроса, если не въ его цѣлости, то хоть по частямъ. Удача открытій не зависитъ впрочемъ отъ частной воли ищущихъ: рудники памятниковъ литературы не то, что рудники золота или клады каменнаго угля; до нихъ не доберешься съ однимъ знаніемъ и охотой.

Отъ частной воли можетъ зависѣть только стараніе пользоваться доступнымъ, сдерживаться при общихъ выводахъ въ границахъ исторической умѣренности. И это стараніе не всегда неразлучно съ успѣхомъ. Кое-какія доказательства тому найти можно и въ «Очеркѣ». На стр. 302 наприм. совершенно справедливо говоритъ авторъ о «неизвѣстности памятниковъ, относящихся къ старинной повѣсти» Русской; признаетъ, что въ настоящемъ положеніи вопроса о старой литературѣ нашей «опредѣленіе фактовъ есть дѣло первой необходимости»; вѣритъ, «что откроется еще не одно замѣчательное произведеніе поэтической старины Русской, если только будутъ разбирать памятники съ любовію»; вѣритъ, что идти къ общимъ выводамъ еще рано: «результаты явятся за изслѣдованіемъ». Не смотря однако на всѣ эти оговорки, онъ смѣло говоритъ (на той-же страницѣ), «что большая часть фактовъ уже разобрана» и что «характеръ старинной Русской повѣсти (уже) ясно открывается изъ разбора ея произведеній»; даже опредѣляетъ «ея существен-

ныя черты—подражаніе, недостатокъ самобытнаго, ограниченность литературнаго значенія». Что таковы существенныя черты той извѣстной небольшой горсти повѣстей, гдѣ слову о купцѣ Басаргѣ, сказанію о Дракулѣ, сказанію о Саввѣ Грудцынѣ и повѣсти о Фролѣ Скабѣевѣ надо было дать самыя почетныя мѣста, объ этомъ и говорить не-чего; но таковы ли же окажутся черты того, что еще неизвѣстно, это вопросъ, который теперь разрѣшать еще рано: «результаты явятся сами за изслѣдованіемъ», какъ говоритъ самъ авторъ, «и каковы бы они ни были, они должны быть приняты наукой, не смотря на упорство частныхъ мнѣній». Итакъ надобно прежде изслѣдовать. Будемъ же ждать открытій и изслѣдованій.

Есть впрочемъ и другія стороны предмета, не столь темныя, не такъ тѣсно связанныя съ будущими изслѣдованіями и открытіями, и тѣмъ не менѣе ясно видныя только для того, кто слѣдитъ спокойно и осмотрительно. Мнѣ показалось, что спокойствіемъ духа и осмотрительностью вниманія авторъ «Очерка» пользовался не всегда одинаково-строго. Мнѣ показалось это, между прочимъ, въ его взглядѣ на разсматриваемый родъ литературы вообще и у народовъ новой Европы особенно. Читая «Очеркъ», можно придти къ мысли, что литература у каждаго народа только все болѣе и болѣе развивается, хотя медленнѣе или скорѣе, что по крайней мѣрѣ такъ было въ новой Европѣ. А было ли такъ? Правда, что напр. каждая эпическая тема появлялась въ объемѣ все болѣе широкомъ, въ обдѣлкахъ все болѣе разнообразныхъ; но въ этомъ внѣшнемъ развитіи не заключалось развитія внутренняго, художественнаго: передѣлки чѣмъ новѣе, тѣмъ хуже, съ немногими исключеніями. Любитель средне-вѣковой поэзіи не напрасно по этому ищетъ изводовъ подревнѣе и предпочтетъ Беовульфа, Эдду Семунда, пѣснь о Роландѣ, Маронады Ливарка и Аневрина, Мабиногіонъ, романамъ въ стихахъ и прозѣ XIII — XV вѣка, вовсе не какъ археологъ, а какъ литераторъ. Слово о Полку Игоревѣ предпочтетъ онъ по той же причинѣ сказанію о Мамаевомъ побоищѣ и тому подоб-

нымъ произведеніямъ. Причина, я думаю, кроется въ постепенномъ паденіи народности: чѣмъ больше книжность побѣждала народность, тѣмъ болѣе слабѣла словесность внутреннимъ достоинствомъ, до тѣхъ поръ пока сама книжность не добыла собственныхъ силъ и не научилась примиряться съ народностью. Читая «Очеркъ», можно еще подумать, что средневѣковая словесность была одна, общая для всей западной Европы; по крайней мѣрѣ авторъ постоянно говоритъ о ней, какъ о чемъ-то цѣльномъ. Такой взглядъ на средніе вѣка западной Европы едвали приводитъ къ ихъ ясному разумѣнію: отличеніе особенностей словесности у Кельтовъ, сѣверныхъ Французовъ, Провансаловъ, Германцевъ, Англосаксовъ, Исландцевъ и т. д. настолько-же болѣе даетъ наслажденія любопытному уму, на сколько оно правдивѣе: не смѣшивая различнаго, оно не обходится безъ сравненій и подмѣчаетъ достоинства, которыя безъ того были бы въ туманѣ. Отличеніе особенностей словесности каждаго народа отводитъ и отъ необходимости искать въ литературѣ каждаго народа однихъ и тѣхъ-же родовъ произведеній и подводить для этого подъ одинъ разрядъ различные роды. Оно не позволитъ разсматривать, какъ явленія того-же порядка, мали и квиды Семундовой Эдды съ повѣстями Скальдовъ и съ сагами, лиро-эпическія поэмы древнихъ бардовъ съ «повѣстями для дѣтей» (mabinogion), древнія эпопеи Германіи и Франціи съ романами въ стихахъ; не позволитъ недобраго слова объ Англосаксонской словесности только потому, что въ ней нѣтъ романовъ, о Французской только потому, что въ ней не было той восторженности въ изложеніи, которая поражаетъ въ припоминаніяхъ Кельтскихъ и древне-Исландскихъ, — о Кельтской только потому, что въ ней мѣсто лѣтописей занимаютъ тріады и т. д. Оно, вѣроятно, найдетъ стороны не-черныя и въ остаткахъ отъ нашей Русской словесности древней и старинной, хотя теперь и въ модѣ указывать такія стороны, какъ было во Франціи не дальше какъ за шестьдесятъ лѣтъ и даже ближе. — Воротясь къ словесности Русской, отмѣчу еще одно, что можетъ показаться страннымъ въ «Очеркѣ». Къ

тому-же роду повѣстей и сказокъ отнесъ авторъ Слово о Полку Игоря, стихъ о Голубиной книгѣ, стихъ о Горѣ-злосчастіи, притчи, былины, и повѣсть о Цареградѣ чисто историческаго содержанія, и не внесъ въ «Очеркъ» ни другихъ подобныхъ повѣстей историческихъ, ни другихъ стиховъ, ни притчь такого-же характера, но встрѣчающихся не въ позднѣйшихъ сборникахъ, а въ прологахъ, житіяхъ святыхъ и т. п. Желательно было бы, по крайней мѣрѣ, чтобы въ «Очеркѣ» былъ яснѣе опредѣленъ кругъ повѣсти и сказки.

Считая нѣкоторыя части или, правильнѣе сказать, страницы «Очерка» литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ Русскихъ не вполнѣ удостовѣрительными, и выражая о нихъ свое мнѣніе открыто, я не думаю и не желаю ни передъ собою, ни передъ другими умалить значеніе труда г. Пыпина. Съ истиннымъ желаніемъ быть правдивымъ, повторяю, что книга г. Пыпина — дорогой вкладъ въ запасъ историческихъ изслѣдованій, — тѣмъ болѣе дорогой, что весь запасъ подобныхъ изслѣдованій, на сколько они извѣстны въ печати, у насъ еще очень бѣденъ и что г. Пыпинъ принадлежитъ къ небольшому числу нашихъ литературныхъ изслѣдователей, понимающихъ необходимость дѣлать изслѣдованія по рукописямъ и пользоваться, насколько у насъ возможно, указаніями первокласныхъ историко-литературныхъ трудовъ иностранныхъ. Книга г. Пыпина и въ томъ видѣ, какъ она вышла въ первый разъ, есть необходимая настольная книга для всякаго, кто научно занимается Русской исторіей, а вмѣстѣ и Старо-Славянской литературой. Такой трудъ достоинъ уваженія всѣхъ, кому дороги успѣхи нашей ученой дѣятельности, достоинъ поощренія и Академіи Наукъ.

Представляя книгу г. Пыпина вниманію гг. членовъ Коммиссіи, позволяю себѣ думать, что она вполнѣ заслуживаетъ поощрительной Демидовской награды.

РАЗБОРЪ

сочиненія

А. МАЙКОВА,

подъ заглавіемъ:

ИСТОРІЯ СЕРБСКАГО ЯЗЫКА ПО ПАМЯТНИКАМЪ,

ПИСАННЫМЪ

КИРИЛЛИЦЕЮ, ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРІЕЮ НАРОДА.

МОСКВА 1857,

составленный

ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ

И. И. Срезневскимъ.

Народъ Сербскій занимаетъ значительную часть южной Европы на сѣверо-западъ отъ Мизіи и Албаніи къ Истріи и Кроаціи, смѣшиваясь не только тамъ, на сѣверо-западѣ, но даже и южнѣе. на побережьи и на островахъ Адріатическаго Моря, съ народомъ Хорватскимъ до такой степени, что трудно отдѣлить ихъ одинъ отъ другаго и по языку, и по религіи. По религіи имя Сербовъ сохранили только тѣ, которые исповѣдуютъ вѣру православную; а многіе изъ Римскихъ католиковъ, вовсе не считая себя Сербами, не признаютъ себя и за Хорватовъ. и носятъ разныя мѣстныя названія. Число католиковъ все болѣе умножается, и такимъ образомъ все меньше остается тѣхъ, которые называютъ себя Сербами. Это уменьшеніе Сербовъ явленіе не новое: слѣды перемѣны религіи или, лучше сказать, отпаденія отъ власти патріарха подъ власть папы находимъ въ самыхъ отдаленныхъ среднихъ вѣкахъ. Такъ, напримѣръ, глаголиты, отчасти уцѣлѣвшіе и теперь, сохраняя вмѣстѣ со Славянскимъ богослуженіемъ и особенную Славянскую грамотность, глаголическую, очевидно, были прежде, если и не совершенно чисто православные, то все-таки и не папистьі. По языку и доселѣ они отличаются отъ Сербовъ въ такой же степени, какъ, напримѣръ, Новгородцы отъ Москвитянъ. На столько-же отличаются по языку и жители южной Далмаціи римско-католическаго исповѣданія отъ своихъ сосѣдей православныхъ. Произведенія римско-католическихъ писателей Далмаціи считаются Сербами совершенно за родныя, если только написаны или напечатаны православными

Славянскими буквами. Очевидно изъ этого, что ни религія, ни грамотность не могутъ быть взяты указателями оттѣнка народности этой части Славянскаго населенія,—ни этнографомъ, ни филологомъ. Вѣрнѣе будетъ считать за одно цѣлое съ Сербами и тѣхъ не Сербовъ, которые говорятъ тѣмъ-же нарѣчіемъ и судьбы ихъ языка въ народѣ и въ письменности разсматривать нераздѣльно.

Это принялъ и г. Майковъ, оговоривши въ самомъ заглавіи своего сочиненія, что онъ ограничивается въ своемъ изслѣдованіи только памятниками, писанными кириллицею. Ясно, что онъ самъ считалъ возможнымъ заняться дѣломъ и по тѣмъ памятникамъ, которые писаны не кириллицею, т. е. латинскимъ письмомъ и глаголицею. Что онъ этого не сдѣлалъ, на то была его личная воля.

Задача, рѣшенію которой г. Майковъ посвятилъ свое обширное сочиненіе, была тронута уже слишкомъ за двадцать лѣтъ предъ тѣмъ П. П. Шафарикомъ въ изслѣдованіи, изданномъ подъ названіемъ Serbische Lesekörner, oder historisch-kritische Beleuchtung des Serbischen Mundart. Pesth, 1833,—и на первый разъ съ самой важной стороны — со стороны признаковъ отличія Сербскаго нарѣчія отъ нарѣчія Церковно-Славянскаго. Шафарикъ воспользовался множествомъ памятниковъ IX—XVI вѣковъ и доказалъ опредѣлительно, что два эти нарѣчія издавна отличались одно отъ другаго многими рѣзкими чертами. Повести дѣло дальше можно было только однимъ путемъ, именно: вникая въ черты повременнаго видоизмѣненія Сербскаго нарѣчія памятниковъ подъ зависимостью внутреннихъ законовъ и внѣшнихъ обстоятельствъ и опредѣляя удѣльное значеніе тѣхъ и другихъ. Путь этотъ избранъ г. Майковымъ, и не только счастливо избранъ, но и счастливо пройденъ въ тѣхъ границахъ, которыя счелъ онъ для себя годными. Какія это границы, указано отчасти въ самомъ заглавіи: г. Майковъ предположилъ разобрать только кирилловскіе памятники, миновавъ глаголическіе и Латинскіе; прослѣдя въ нихъ элемен-

ты чисто народнаго языка, онъ хотѣлъ опредѣлить не столько судьбы его, сколько движеніе языка книжнаго, какъ смѣшенія народнаго Сербскаго съ Церковно-Славянскимъ. «Разсматриваемый нами книжный языкъ — говоритъ авторъ — представляется огромнымъ многовѣковымъ поприщемъ, на которомъ сходятся двѣ стихіи, хотя родственныя и близкія одна къ другой, но тѣмъ не менѣе на столько отличныя, что въ выборѣ между тою и другою древніе писцы дѣйствовали сознательно. Но не насильственное вторженіе въ чужую область, а добровольное принятіе знаменуетъ присутствіе Церковно-Славянской стихіи въ древне-Сербской письменности.... Двѣ стихіи сталкивались, и каждая предъявляла свои права на преобладаніе, смотря по смыслу рѣчи.... Книжный языкъ совмѣстилъ оба» (стр. 816—817). Таковъ общій взглядъ автора, постепенно выражающійся въ частныхъ разъясненіяхъ дѣла. Что онъ справедливъ, оспаривать невозможно. Памятники, изъ которыхъ авторъ почерпалъ данныя изъ своихъ соображеній — акты XII—XV вѣковъ, исключительно акты: въ концѣ книги приложенъ списокъ ихъ, а во введеніи (стр. 1—58) и во вступленіи ко второй части изслѣдованія (стр. 307—320) находимъ ихъ обозрѣніе, превосходно составленное. Развѣ нѣтъ другихъ памятниковъ Сербскихъ, важныхъ для исторіи языка? спроситъ читатель. Есть; но авторъ, по особеннымъ причинамъ, миновалъ ихъ. И онъ могъ это сдѣлать почти безъ нарушенія полноты отвѣтовъ на вопросы, которые имѣлъ въ виду: его занимали исключительно вопросы грамматическіе — объ употребленіи звуковъ языка и объ образованіи словесныхъ формъ, преимущественно формъ склоненія и спряженія. Слова сами по себѣ, какъ выраженія принадлежностей быта и образованности народа, какъ явленія внутренняго развитія народнаго духа или вліянія внѣшняго, обратили на себя его вниманіе только немногія и то вскользь. Вотъ въ какихъ границахъ г. Майковъ шелъ избраннымъ путемъ. Эти границы позволяютъ смотрѣть на трудъ г. Майкова, какъ не

оконченный, и ожидать отъ него-же его окончанія. Только вполнѣ оконченный, онъ дастъ наукѣ цѣльные результаты; а тогда въ немъ будутъ сопоставлены данныя не изъ однихъ кирилловскихъ памятниковъ, но вмѣстѣ изъ глаголическихъ и Латинскихъ; не изъ однихъ актовъ, но вмѣстѣ и изъ книгъ, записей и т. п., и данныя не только грамматическія, но вмѣстѣ и лексикальныя. Тогда только получатъ полное свое значеніе и тѣ общія филологическія замѣтки о соотношеніи Славянскаго языка съ другими Индо-Европейскими, съ Санскритомъ, Зендомъ и т. д., которыя вошли въ книгу г. Майкова; тогда объяснятся, можетъ быть, и его взгляды на судьбы языка Славянъ вообще и Сербовъ особенно.

Какъ бы то ни было, лингвистическое изслѣдованіе занимаетъ только часть обширной книги г. Майкова (стр. 1—58 и 307—347). Къ нему примкнуто другое изслѣдованіе, совершенно особенное, по внутреннему содержанію еще болѣе обширное и болѣе важное, историческое изслѣдованіе о судьбахъ Сербскаго православнаго народа въ собственной Сербіи, Боснѣ и Дубровникѣ (стр. 59—306). Не останавливаясь на ней, замѣтимъ, что нигдѣ еще не была представлена исторія Сербскаго народа съ такою внимательностью къ показаніямъ современнымъ и съ такою подробностью. За одну эту часть труда своего, г. Майковъ былъ бы достоинъ полной признательности и уваженія; она даетъ ему право на одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ между учеными, занимавшимися исторіей Славянскихъ народовъ. Въ этой части своего труда авторъ не ограничивался показаніями однихъ актовъ, а старался, по мѣрѣ возможности, объяснить ихъ показанія другими источниками, и изъ общаго сличенія всѣхъ данныхъ вывести историко-критическимъ путемъ результаты касательно событій, важныхъ въ судьбахъ Сербскаго народа,

Значительно важныя учено-историческія изслѣдованія касательно судебъ Сербовъ были совершены въ прошломъ вѣкѣ и въ началѣ нынѣшняго; заслуги Аппендини, Лучича, Фарлатича,

Энгеля, Катанчича безсмертны. Но труды этихъ ученыхъ изслѣдователей не могли быть окончательными уже потому, что имъ не доставало многихъ подлинныхъ, современныхъ актовъ. Значительная часть ихъ появилась въ 1841 г. въ сборникѣ «Споменицы»; другіе еще позже. Трудъ переработки прежнихъ изслѣдованій могъ, слѣдовательно, быть начатъ только не очень давно. И честь г. Майкову, что ему прежде другихъ пришло на мысль взяться за это дѣло.

Что и труды г. Майкова не могли довести его изслѣдованія до окончательной обработки, — это не его вина. Многіе, столь-же важные акты, остаются неизданными, частію даже и никому изъ ученыхъ неизвѣстными. Таковы, между прочимъ, статуты нѣкоторыхъ древнихъ общинъ приморскихъ, и др. Понемногу они выходятъ въ свѣтъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ (Зарѣ Далматинской, Дубровникѣ, Архивѣ юго-славянской исторіи и др.); но многое, даже и кое-кому извѣстное, еще не напечатано. До важнаго статута общины Неретьянской, описанной Константиномъ Багрянороднымъ подъ именемъ Паганіи, еще никто не добрался. Все же нужно было начать дѣло, — и г. Майковъ счастливо его началъ. Будемъ надѣяться, что онъ счастливо его и продолжитъ со временемъ.

Основываясь на такихъ достоинствахъ книги г. Майкова, полагаю справедливымъ присудить ему половинную Демидовскую награду.

